

Штолль Г. В.

**ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕГО РИМА
В БИОГРАФИЯХ**

СМОЛЕНСК
«РУСИЧ»
2003

УДК 931/939
ББК 63.3(0)32
Ш 93

Серия основана в 2000 году

Перевод с немецкого Я. Г. Гуревича

Штоль Г. В.

Ш 93 История Древнего Рима в биографиях. \Пер. с нем. Я. Г. Гуревича. — Смоленск: Русич, 2003. — 576 с: ил. — (Популярная историческая библиотека).

ISBN 5-8138-0511-7

Написанная в XIX в. книга немецкого исследователя Г. В. Штоля «История Древнего Рима в биографиях» пользовалась особой популярностью среди русского читателя в начале XX в.

Автор подробно, с многочисленными интересными деталями рассказывает о политических и военных деятелях Древнего Рима — от Люция Юния Брута до Марка Тулия Цицерона.

Для широкого круга читателей.

УДК 931/939
ББК 63.3(0)32

ISBN 5-8138-0511-7

© Подготовка текста,
разработка и оформление
серии. «Русич», 2003

РИМ ВО ВРЕМЕНА ЦАРЕЙ

Возникновение Рима и его древнейшая история не достоверны и темны; но позднейшее время старалось дополнить этот пробел, оно прославило и разукрасило происхождение всемирного города сказанием и поэзией. Основателем Рима считается Ромул, сын богов, которого высшая сила спасла от преследования и опасности для исполнения его великого назначения. Нумитор, царь Альба-Лонги, из племени сильвиев, которых производят от троянца Энея, был низвергнут с престола своим братом Амулием, сын его был убит, а дочь Рея Сильвия сделана весталкой и таким образом осуждена на безбрачие. Но весталка родила от бога Марса близнецов Ромула и Рема, которых тиран велел бросить в Тибр. Волны реки благосклонно пригнали к берегу корзину с обреченными на смерть детьми, волчица вскормила их, а птицы небесные приносили им пищу с гор. Фаустул, царский пастух, нашел мальчиков и вместе со своей женой Аккою Ларенцией воспитал их. Таким образом, царские дети, сыновья богов, выросли как пастухи между пастухами, стали сильными, храбрыми юношами. Узнав историю своего детства, они убили врага своего рода, Амулия, и возвратили трон своему деду, а для себя решились основать город на том месте, где они были когда-то спасены чу-

Капитолийская волчица, кормящая Ромула и Рема

десным образом. Но между братьями возник спор о том, кто даст имя новому городу и на каком холме основать его; Рем предложил Авентинский холм, Ромул - Палатинский. Гадания авгуров по полету птиц возвестило волю богов. Двенадцать коршунов, с восхождением солнца пролетевших над Ромулом, решили спор в его пользу. Город был выстроен на Палатинском холме и получил от Ромула, которому боги вручили владычество над ним, название Рома (Рим). Рем был убит своим братом за то, что он, раздосадованный неудачей, насмешливо перескочил через вал и ров, окружавшие город. «Так да будет со всеми, - сказал озлобленный Ромул, — кто после тебя перейдет через мои стены».

Первыми жителями города Рима были окрестные пастухи, товарищи детства Ромула. Для увеличения населения Ромул открыл убежище (asylum) в лесистой долине Капитолийского холма, в том месте, которое впоследствии носило название «между двумя рощами». Туда устремились из соседних народов многие изгнанники, беглецы и бездомные всякого рода. Молодой город вскоре приобрел значительное население, но оно, по-видимому, должно было прекратиться с первым же поколением, потому что граждане не имели жен и соседние народы не желали вступать в брачные союзы (connubium) с собравшимся сбродом. Тогда Ромул пригласил соседних латинян и сабинян в свой город для празднования консуалий, праздника бога

Конса, и в то время когда многочисленные гости с их женами и детьми с увлечением смотрели на состязания, римляне, по данному знаку, вдруг похитили присутствовавших девиц и увели их в свои дома.

Отсюда возникла война с родственниками похищенных. Жители Ценины, Крустумериума и Антеин, одни за другими, были легко побеждены; но сабиняне, под предводительством царя своего Тита Тация, при посредстве измены Тарпеи, овладели римской крепостью на Капитолийском и Палатинском. В разгар боя сабинянки, вышедшие замуж за римлян, бросились между сражавшимися и примирили своих мужей и отцов. Сабиняне поселились на Квиринале и Капитолии и вместе с народом Ромула, жившим на Палатине, образовали одно общее государство. Соединенный народ получил название квиритов. В учрежденный Ромулом сенат (совет старейшин), состоявший из 100 римлян, принято было еще 100 сабинян, и оба царя, Ромул и Таций, управляли вместе. Когда же, спустя шесть лет, Таций был убит в Лавиниуме, правление вновь перешло к одному Ромулу.

Ромул был царь воинственный. Кроме упомянутых уже войн, он счастливо воевал с городом Фиденями, который, благодаря своему положению на левом берегу Тибра, выше Рима, служил для этрусских вейентов главным мостовым укреплением против Лациума. В одном победоносном сражении против вейентов их пало 14 тыс. человек, из которых половина, как говорит предание, была убита Ромулом собственноручно. Молодое государство, при его храбром предводительстве, привело соседей в такой страх, что еще 40 лет после его смерти, во все время правления Нумы, никто не смел нападать на него. По отношению к своему народу Ромул был добр и справедлив, как отец.

Царь Нума Помпилий

После того как он исполнил свое назначение, устроив за свое 37-летнее правление Рим внутри и обезопасив его извне, боги взяли его с земли. В то время когда он производил смотр войску у Козьего болота, отец его Марс спустился с облаков среди бури и ветра и увез его на огненной колеснице на небо, где он с тех пор и живет как бог между богами. Римляне чтили его как своего покровителя и отца под именем Квирина.

После исчезновения Ромула наступило годичное междуцарствие (*interregnum*), во время которого правление находилось в руках сената, пока народ, утомленный этим порядком вещей, не потребовал себе снова царя. Решили, что цари будут избираться попеременно из обоих племен, латинян (коренные римляне) и сабинян, и что одно племя будет выбирать государя из другого. Таким образом, латинское население избрало сабинянина Нуму Помпилия, зятя Тита Тация, который жил в сабинском городе Куры и был известен своей мудростью и знанием божеского и человеческого права. Нума Помпилий поставил себе задачей вновь обосновать посредством права и закона город, основанный силой оружия, и смягчить нравы народа, одичавшего в войне, религиозными установлениями и мирными искусствами. Он сохранял мир со всеми соседями, привел в порядок дело религии, учредив различные богослужения с праздниками и создав сословие жрецов и духовные коллегии, противодействовал бедности раздачей государственных земель и развил в массе охоту к мирному занятию земледелием. Он заботился также о поднятии торговли и промыслов, разделив городское население на цехи и сословия и устроив правильность обмена на рынке. Во всех этих распоряжениях он поступал с большой мудростью, будучи поддерживаем указаниями нимфы Эгерии, которая встречалась с ним по ночам и в это время открывала ему волю богов. После

43-летнего правления благочестивый царь отошел к своим предкам.

После короткого междуцарствия ему наследовал Тулл Гостилий, из племени латинских римлян, рамнов, царь в высшей степени воинственный, еще более войнолюбивый, чем Ромул. Он начал войну с Альба-Лонгой, которая, однако, по предложению альбанского диктатора Меттия Фуфеция, для избежания кровопролития между метрополией и ее колонией, решена была битвой трех Горациев и трех Куриациев, братьев-тройней, сыновей сестер-двойней. Три альбанца падают; на римской стороне остается один Гораций, и таким образом, согласно договору, укрепленному клятвой, Альба пришла в зависимость от Рима. Когда Меттий впоследствии попытался разорвать этот договор и в возбужденной им самим войне против Фиден и Вей, во время битвы, вместе с своим войском изменнически оставил римлян в опасности, то он был, по повелению римского царя, четвертован; Альба же уничтожена, а жители ее принуждены к переселению в Рим, на холм Целийский, который и присоединили к городу. От этого население Рима удвоилось, три центурии всадников, основанные Ромулом, с 300 человек увеличены до 600. С такой увеличенной силой Тулл вел постоянные войны против латинян, сабинян и этрусков и расширил свое государство; но от военных тревог учреждения Нумы пришли в упадок, богослужением стали пренебрегать, и народ одичал. Гнев богов стал проявляться в разных дурных предзнаменованиях, и царь впал в трудноизлечимую болезнь. Тогда он в малодушии

Жертвоприношение перед священным деревом (смоковницей, по преданию, посаженной Ромулом)

Анк Марций

попытался чародейством и заклинаниями склонить Юпитера снизить с неба в молнии и дать ему предсказание. Нума действительно умел делать это, но Тулл упустил какую-то формальность в своем чародействе, и разгневанный бог убил его молнией, после того как он процарствовал 33 года.

Четвертый царь был Анк Марций, сын дочери Нумы. Он был кроток и миролюбив, как его дед, и восстановил учреждения последнего, пришедшие в упадок. Он поручил одному верховному жрецу собрать все предписания Нумы о религии и выставить их публично. Соседние латиняне сочли его миролюбивое настроение за слабость и начали с ним войну, но вскоре испытали превосходство римского оружия. Города Подиториум, Телленэ, Фикана и Медуллия были завоеваны, и жители их переведены в Рим, где их поселили на Авентине. Они-то составили начало римского плебса. Этими завоеваниями римские владения были расширены по южному берегу Тибра до моря. При устье Тибра Анк заложил портовый город Остию; холм Яникулум, на правой стороне Тибра, против Рима, он укрепил и присоединил его к остальному городу посредством моста на сваях.

Вот главные черты сказаний о четырех первых римских царях. Приблизительно историческую верность относительно этого древнейшего времени имеет, на основании новых исследований, следующее. Древнейшее римское население было основано на Палатинском холме латинянами; но что эти латиняне пришли из Альба-Лонги — весьма сомнительно, потому что нигде не видно между этими городами такой связи, которая должна была существовать между метрополией и колонией. Ромул, по сказанию, основатель Рима, бог и сын бога, есть чисто мифическое лицо, имя которого выведено из названия Рима. Годом основа-

ния Рима обыкновенно принимают, вместе с римским ученым Вароном, 753 г. до Р. Х.; но в действительности время основания Рима определить с точностью невозможно. Сказания, называющие Ромула внуком Энея, естественно, отодвигают основание Рима в более далекую древность. Древнейшие жители Рима были пастухами и земледельцами, как это достаточно доказывает древнейшая религия римлян. Но древнейшее общество не образовалось, как говорит предание, из разбойников и всякого сброда, посредством основания убежища (asylum), потому что из такой беспутной массы никак не могла бы составить такую хорошо устроенную общину, какой представляется древнеримская. Похищение девиц есть миф, придуманный для объяснения древнего свадебного обычая похищать невест. Предание говорит о похищении сабинянок, потому что римляне вступали на Палатинском холме в брачные союзы с соседней сабинской общиной. Именно сабиняне, близкие родственники латинского племени, проникли из северо-восточных гор около Аматерна в долину Тибра и победоносно продвинулись до Анио; часть их поселилась даже на Квиринале, против Палатина. Обе общины на Квиринале и на Палатине, вероятно, находились между собой в отношениях враждебных; крепость на Капитолии, по-видимому, была отнята у палатинской общины победителями сабинянами. Но с течением времени обе общины вступили в мирные отношения и составили федеративное или союзное государство, в котором они сохранили свою внутреннюю самостоятельность, может быть, некоторое время имели даже своих особенных царей, пока не соединились наконец в одно государство, в котором царем был попеременно то сабинянин, то латинянин. Таким образом, римское государство состояло из двух племен, или триб, латинян и сабинян, или равнов и тициев. К ним впоследствии присоединились как третья триба люцеры, вероятно, образовавшиеся из поселившихся на Целийском холме альбанцев, которые, однако, вначале уступали двум первым племенам в политических и богослужбных правах и почестях и не могли быть избираемы в цари. Каждая из этих трех триб разделялась

на 10 курий, каждая курия — на 10 родов (*gentes*), так что весь господствующий народ (*populus*) распался на 30 курий и 300 родов. Народ, под предводительством царя, принимал участие в управлении посредством сената, состоявшего из членов по одному из каждого рода, всего из 300 членов, и посредством народного собрания, *comitia curiata*.

Это смешение различных племен в одном государстве, без сомнения, много способствовало живому и здоровому развитию. Суровое, серьезное и скромное горное население сабинян отличалось преимущественно богобоязненностью и строгостью нравов, послушанием законному авторитету, составлявшим существенные черты древнейшего римского населения, между тем как латиняне, стоя уже на высшей степени цивилизации, направляли государственный организм к свободному жизненному развитию. Ромул, латинянин, считается основателем города и творцом первых политических учреждений. Совершенно так же действует латинянин Тулл Гостилий. Напротив, Нума Помпилий, сабинянин, обосновывает и укрепляет государство своими религиозными учреждениями; по его следам идет и внук его Анк Марций. В этом отношении, следовательно, эти две пары царей представляют основные элементы римской жизни; но еще в другом отношении первые четыре царя обозначают периоды, когда выступили разные составные части римского народа. Ромул и Нума представляют собою рамнов и тициев; при Тулле к этому населению прибавляются люцеры, а при Анке — плебеи. Первыми плебеями было окрестное население латинских городов на левом берегу Тибра до моря, которые, по преданию, были завоеваны и разрушены Анком. Сказание говорит, что жители эти были поселены на Авентине потому, конечно, что эта гора впоследствии была местом жительства плебеев; в действительности мы должны представить себе плебеев преимущественно как земледельцев этой местности, как свободных людей со свободной землей, но без участия в управлении, без права голоса в народных собраниях (*jus suffragii*) и без права на государственные должности (*jus honorum*), без коннубия и без

участия в богослужбных отправлениях старых или полноправных граждан. Плебеи, следовательно, составляли общину полуграждан, подчиненных полноправным гражданам, или патрициям, без обыкновенных государственных прав, но обязанных военной и поземельной податью. От них отличались клиенты (домочадцы, наследственно подчиненные), составная часть древнейшего римского населения, тесно связанная с патрициями, распределенная между отдельными патрицианскими родами и состоявшая под их особым покровительством. Патриций в качестве патрона, подобно отцу, должен был замещать своего клиента пред судом и в других отношениях жизни, а за то клиенты обязаны были к известной службе патрону. Впоследствии клиенты постепенно слились с плебеями, из которых многие стали клиентами.

Царей Тулла и Анка мы можем считать личностями историческими, но их имена окружены легендарным мраком. То же должно сказать еще и об их наследниках, о так называемом тарквинийском периоде, отличающемся совершенно особым характером. Смена латинских и сабинских царей прекращается, три царя Тарквиний Приск, Сервий Туллий и Тарквиний Гордый, помимо междуцарствия, достигают престола неправильным путем и теряют его вследствие убийства или насилия. Государство, прежде управляемое родами, недостаточно сплоченное и с преобладающим религиозным характером, теперь теснее соединяется и получает новую организацию. Латинское население, значительно возросшее, оттеснило неподвижный сабинский элемент на второй план и показало себя доступным чуждым влияниям, преимущественно греческому.

В правление Анка Марция, как говорит предание, из этрусского города Тарквиния пришел в Рим Лукумон, сын Демарата, бежавшего из Коринфа от бакхиадов, вместе со своей женой Танакилой, и под именем Люция Тарквиния приобрел там благосклонность и высокое уважение царя и народа, благодаря своей щедрости, храбрости и благоразумию. После того как Анк назначил его опекуном своих детей, он сумел побудить народ к передаче ему царского дос-

тоинства. Он показал себя сильным и предприимчивым государем, расширившим римское владычество в счастливых войнах против латинян, сабинян и этрусков. Внутри он принял многие перемены в государственном устройстве. Число членов сената он увеличил до 300, вероятно, допуская туда люцеров, к которым он, по-видимому, и сам принадлежал, потому что переселившимся этрусском или греком он не был. Для того чтобы органически связать с государством плебеев, значительно увеличившихся в числе, но остававшихся неустроенной и несправедливой массой, и дать им определенное политическое положение, он хотел, наряду с тремя старыми патрицианскими трибами, образовать еще три трибы из плебеев; но этому, в интересах патрициев, воспротивился авгур Атт Навий, сабинянин, на том основании, что существующий государственный порядок основан на божественной санкции, возведенной авгурами. Таким образом, Тарквиний остановился на полумере и принял известное число знатнейших семейств из плебеев в патрициат, включив их в существующие трибы, так что теперь число патрицианских родов увеличилось вдвое. Вследствие этого и число всадников было удвоено. Эти вновь принятые роды назывались младшими (*iniores gentes*, в противоположность *maiores*), а образовавшиеся из них три новые половины триб - *secundi Ramnes*, *Tities* и *Luceres*. Кроме того, Тарквиний много заботился об отстройке города, его украшении и укреплении. Он начал сооружение большого капитолльского храма, который был окончен уже при сыне его Тарквинии Гордом; болотистые низменности города, нижний форум, велабрум, долину между Палатином и Авентином он осушил посредством громадных подземных каналов (клоаки), которые сохранились до сих пор и показывают, какими большими средствами располагала тогдашняя власть. Осушенный форум, издревле рынок и место обмена латинского и сабинского населения окрестных холмов, Палатина, Капитолина и Квиринала, был окружен крытыми ходами и лавками, а в долине между Палатином и Авентином устроен большой цирк (*circus maximus*) для исполнения «римских игр». Затем он начал постройку оконченной при Сервии большой окружной стены, соединившей в один боль-

шой город семь холмов Рима: Палатинский, Капитолийский, Квиринальский, Виминальский, Эсквилинский, Деллийский и Авентинский, и Яникул на правой стороне Тибра.

Тарквинию Приску наследовал Сервий Туллий, по сказанию сын рабыни в доме Тарквиния, воспитанный царским семейством и потом сделавшийся его зятем. Когда Тарквиний был убит в своем доме по наущению сыновей Анка, Сервий принял правление по совету и настоянию Танаквиллы, объявившей, что Тарквиний еще жив и передает правление до своего выздоровления Сервию. Когда же последний достаточно утвердился на престоле, он открыто выступил царем; только потом уже он велел утвердить себя в своем достоинстве сенату. Происхождение от рабыни, вероятно, придумано сказанием на основании имени Сервия; но что Сервий достиг престола незаконным путем - это, вероятно, факт исторический. Может быть, он принадлежал к сословию плебеев, которому он обеспечил свободу и политические права, так как он всегда почитался благодетелем и защитником низшего и бедного класса народа. Сервий был по преимуществу мирный государь; замечательнейшими деяниями его были, во-первых, завершение внешних пределов города посредством возведения крепостных стен, начатых Тарквинием, и, во-вторых, внутреннее устройство государства посредством организации плебса и образование центуриального устройства.

Плебеи все еще составляли неустроенную, политически мертвую массу, наряду с патрициями, которые одни имели в своих руках управление государством. Но они числом значительно превосходили старых граждан и в целом не уступали им и в образовании; оставить их совершенно вдали от всех политических прав могло быть поэтому небезопасным для государства в будущем. Кроме того, распределения и организации плебеев требовали и административные цели; без этого невозможно было комплектование войска и собиранье податей. С этой целью Сервий разделил всю римскую территорию на 30 округов, или триб, 4 городские (*tribus urbanae*) и 26 сельских (*rusticae*), вследствие чего и все население распалось на соответственное число отделов, или триб. Весьма вероятно, что не только плебеи, но и патриции

и клиенты были включены в эти местные трибы; но вместе с тем плебеи имели тут свое особое разделение, так что в своих отдельных собраниях, комициях, они подавали голоса по трибам. Это и были *Comitia tributa*. Кроме этого местного деления всего народа на трибы, Сервий затем предпринял еще второе деление его, а именно, распределение по классам и центуриям, причем он, подобно Солону в Афинах, принял за основание деления имущественное состояние, ценз. Это центуриатское устройство имело целью слить в одно политическое целое оба сословия и отмерить каждому отдельному гражданину, без различия происхождения и сословия, а единственно на основании его имущественного состояния его политические права в народном собрании. Все общество в этом делении считалось войском и распадалось на следующие отделы:

А. Всадники (*equites*), из 18 центурий, из которых 6 заключали в себе старые патрицианские двойные центурии, а 12 были вновь образованы из знатнейших плебеев.

В. Пехота, разделенная на 5 классов и 170 центурий:

I класс, из 80 центурий, с цензом не менее 100 000 ассов (или 100 мин).

II класс, из 20 центурий, с цензом 75 000 ассов (75 мин).

III класс, из 20 центурий, с цензом 50 000 ассов (50 мин).

IV класс, из 20 центурий, с цензом 25 000 ассов (25 мин).

V класс, из 30 центурий, с цензом 12 500 ассов (12,5 мин).

Затем следовали еще:

С. Состоящие вне классов, из 5 центурий, а именно:

- 1) ремесленники (*fabri*) при войске, 2 центурии;
- 2) музыканты при войске (*tubicines* и *cornicines*), 2 центурии;
- 3) *proletarii*, или *capite censi*; они имели имущества менее 12 500 ассов и считались поголовно, без различия имущественного состояния; они назывались пролетариями потому, что могли служить государству не своим имуществом, а только своими детьми (*proles*).

Всех центурий было 193. В каждом классе половину центурий составляли старшие, лица старше 45 лет, а вторую половину - младшие, от 17 до 45 лет. Число старших, естественно, было меньше, но благодаря этому устройству они при голосовании в народном собрании получали такое же

значение, как многочисленная молодежь. В народном собрании при голосовании поголовно принимался в расчет голос каждой отдельной центурии. Поэтому когда богатые и знатные всадники и первый класс были заодно, то они своими 98 голосами решали дело по-своему. Устройство, следовательно, было таково, что богатство имело перевес; но и беднейший плебей принимал участие по крайней мере в голосовании, в решении важнейших дел государства, хотя влияние его было весьма незначительно. Такие собрания всего народа назывались центуриатскими комициями (*comitia centuriata*), и Сервий перенес на эти собрания те права, которые прежде имели *comitia curiata*, собрания патрициев, а именно: принятие новых законов, утверждение избранного царя и высших сановников и решение вопроса о войне. При введении новых законов центуриатские комиции могли принять или отвергнуть предложение сената, и их решения подлежали еще утверждению комиций куриатских, которые, таким образом, имели здесь функцию первой палаты. Итак, римляне со времени Сервия имели три разных народных собрания: комиции по центуриям - собрание всего народа, комиции по куриям - собрание патрициев и комиции по трибам - собрание плебеев; из них последние, однако, не имели еще политического значения.

Кроме упомянутой политической цели, Сервиево деление по центуриям имело и военную цель. Распределенный таким образом народ представлял римское войско и назывался также *exercitus*; все разделение показывает, что основанием его служило военное устройство. Пять классов были в то же время пятью отделами войска, вооруженными разным оружием. Вооружение первого класса состояло из шлема, круглого щита, набедренников и нагрудника (все из меди), из пики и сабли, как орудий нападения; второй класс имел то же вооружение, только без нагрудника, и вместо круглого щита имел продолговатый щит, деревянный, обтянутый кожей; третий класс не имел и набедренников; четвертый класс имел только пики и метательные копья; пятый — пращи и метательные камни. Следовательно, чем кто был богаче, тем более он должен был употреблять средств на свое вооружение.

Пролетарии были свободны от военной службы. Центурии старших служили только резервом и в нужных случаях отправляли гарнизонную службу в городе, между тем как центурии младших предназначались для полевой службы.

Гражданин должен служить государству «имуществом и кровью», по греческому выражению: *σωμασι χαι χρημασι*, военной службой и платой налогов. Вторая обязанность, плата налогов, также определялась для римских граждан на основании Сервиева деления на центурии. Оно, следовательно, вообще определяло гражданину его права и обязанности соразмерно его имуществу.

Сервий своими политическими учреждениями дал римскому народу гражданский порядок, определил его политические права и положил новое основание всему его государственному развитию. Римский народ во все времена признавал за ним эту заслугу и всегда сохранял благодарную память благодушному, человеколюбивому царю, защитнику угнетенных. Но как ни благоприятствовало ему счастье со дня его рождения, конец его был трагический: он лишился короны и жизни через зятя своего Люция Тарквиния. Именно, Сервий выдал двух дочерей своих замуж за двух сыновей Тарквиния Приска, Люция и Арунса Тарквиниев, соединив кроткого Арунса со своей страстной, властолюбивой младшей дочерью, а властолюбивого и гордого Люция со старшей Туллией, отличавшейся благочестивым и кротким характером. Но оба страстных характера, устранив со своего пути несходных с ними супругов, протянули друг другу руки к браку, чтобы свергнуть отца с престола. Побуждаемый преступной и властолюбивой Туллией, Тарквиний соединился с партией патрициев, недовольной нововведениями Сервия, и, окруженный своими приверженцами, выступил в сенате царем. Когда Сервий явился, он выгнал его из курии и послал за ним своих трабантов, чтобы убить его на обратном пути.

Таким образом, Тарквиний достиг престола путем насилия и насилием же держался на нем. Он показал себя жестоким и бессердечным тираном и за то получил прозвание *superbus*, т. е. гордый, высокомерный. Он отменил Сервиево устройство, угнетал простой народ несправедли-

выми налогами и жестокими работами при своих величественных постройках; патрициев он также отеснил сильной рукой, многих казнил, лишил имущества и выгнал из отечества. Сенат, лишенный многих членов вследствие изгнаний и казней, остался без влияния и значения. Тарквиний основал для себя неограниченное самовластие. Но этот деспотический царь поднял Рим на высшую ступень могущества и блеска. Он окончил величественные постройки, начатые его отцом, — постройку клоак, постройку великого храма Юпитеру на Капитолии. Сервий мирными переговорами склонил союз латинских городов к признанию Рима главным городом союза и к постройке в Риме на Авентинском холме общего храма Диане, где союз под предводительством римского царя отправлял бы ежегодное празднество; теперь Тарквиний посредством силы, хитрости и связей с влиятельнейшими личностями соседних городов совершенно подчинил союз своему господству, так что Рим сделался столицей всего Лациума и владел морским берегом от Остии вниз до Терацины. Даже рерники и часть вольсков южнее Лациума присоединились к союзу. Могуществен-

Храм Юпитера Статора в Риме

ный город вольсков Суэса-Помеция был взят штурмом, и богатая добыча употреблена на постройку Капитолийского храма. Но среди этих побед колесница счастья Тарквиния вдруг сломалась. В то время когда он осаждал Ардею, главный город рутулов, насильственный поступок его сына вызвал в Риме заговор знатнейших патрициев, стоивший ему престола. Заговорщики произвели восстание в народе и войске и выгнали ненавистного царя с его семейством навсегда из города. Подробности об этом событии мы расскажем в следующей главе. С изгнанием Тарквиниев Рим сделался республикой, во главе которой, вместо царя, стояли два консула, избираемых на год.

Изгнание Тарквиния Гордого и конец царского периода относят к 510 г. до Р. Х. Тарквиний Древний, как говорят историки, царствовал 38 лет, Сервий Туллий — 44, Тарквиний Гордый — 25, а все время царей продолжалось 240 лет или 244 года; но вероятно, что оно длилось больше и что возникновение Рима совершилось раньше 753 г. до Р. Х. Число римских царей, обыкновенно считают, что их было семь, нельзя принять за исторически верное, так как Ромул и Нума Помпилий — личности совершенно мифические, и притом для периода в 240 лет число 7 слишком мало. К этому присоединяется то обстоятельство, что в 7 царях представляются 7 главных моментов или основных фактов истории до республиканского государственного устройства: три первых царя служат представителями трех древних фамилий — Тициев, Рамнов и Люцеров. Анк Марций положил основание сословию плебеев, Тарквиний Приск создал новые поколения, Сервий Туллий учредил трибы и центурии, с Тарквинием Гордым соединяется окончание владычества царей — совпадение не совсем согласное с действительностью и обязанное своим происхождением легенде. Господство римских царей положило, впрочем, основание позднему величию республики, оно дало твердое единство государству и создало из него могущественную силу, воспитало в народе чувства общности, законности и подчинения властям, — чувства, которыми он отличался во времена своей свободы.

1. ЛЮЦИЙ ЮНИЙ БРУТ

Основателем Римской республики и главным виновником изгнания Тарквиниев считался у римлян Люций Юний Брут. Предание об изгнании царей и о личности Брута мы, конечно, можем признавать за историческое в общих чертах; но оно, как и вся вообще римская история до времени децемвиров, в значительной степени перемешано еще с легендами, отделить которые от истины уже невозможно с полной достоверностью и во всех случаях. В нашем изложении мы следуем традиции. Фамилия Брута принадлежала к сословию патрициев и была одной из знатнейших в Риме. Ее производили от одного троянца, будто бы приехавшего в Рим с Энеем. Отец Брута был Марк Юний, весьма почтенный человек, женатый на Тарквинии, одной из сестер царя Тарквиния Гордого. Но деспот царь приказал убить его вскоре после умерщвления Сервия, с целью завладеть его богатствами. А для того чтобы обезопасить себя от кровного мщения, он лишил жизни и старшего сына его, Марка. Младшего сына, Люция, Тарквиний пощадил, потому что этот последний был в то время еще ребенком и казался безопасным; Люций рос в доме Тарквиния с его собственными сыновьями. Но царь воспитал его на свою погибель. От юного Люция не осталась скрытой судьба его родных; чтобы избежать такой же участи, он предоставил в распоряжение Таркви-

ния все свое имущество, притворился полупомешанным и играл свою роль так искусно, что его в насмешку прозвали Брутом, т. е. идиотом. Таким образом, он оградил себя презрением там, где нельзя было найти защиты у справедливости, и стал с твердостью и терпением выжидать удобного случая, чтобы отомстить за себя.

Дурные сны и угрожающие признаки начали с некоторого времени предвещать близкое несчастье царю, которому в течение многих лет удавались его гордые предприятия. Коршуны разрушили орлиное гнездо вблизи царского дворца, убили молодых орлят и прогнали отца и мать, возвратившихся домой; змея унесла у царя быков, приготовленных им для принесения в жертву богам; чума начала губить матерей и грудных младенцев. Царь стал трепетать за свой дом и решился спросить знаменитейшего оракула — дельфийского. И так как он боялся доверить постороннему лицу касавшийся его семейства ответ бога, то отправил в Грецию двух своих сыновей Тита и Арунса; для того же, чтобы они не скучали, послал с ними в виде шута Люция Юния. Прибыв в Дельфы, царственные юноши принесли богу Аполлону драгоценные подарки, Брут же отдал ему только свою дорожную палку; но эта палка была внутри выдолблена и заключала в себе другую палку, золотую — тайный символ его ума. Исполнив поручение отца, царевичи вздумали спросить оракула, кому из них достанется господствовать в Риме. Ответ был следующий: «Главным владыкой сделается тот из вас, о, юноши, который первый поцелует мать». Оба Тарквиния решились держать в тайне слова оракула для того, чтобы их брат Секст, оставшийся дома, не опередил их; относительно же себя они предоставили судьбе устроить, кто из них двоих прежде поцелует мать; но умный Брут, поняв более глубокий смысл изречения оракула, опередил их так, что они этого не заметили: он, как будто споткнувшись, упал и поцеловал землю, общую мать всех смертных.

В то время когда юноши возвратились в Рим, там происходили приготовления к войне с Ардеей, рутульским городом, богатства которого давно уже раздражали корыстолюбие царя Тарквиния. Взятие этого города, сильно

укрепленного, стоявшего на высоком и очень крутом утесе, представлялось делом нелегким и требовало долговременной осады. Между тем как римское войско стояло лагерем перед Ардеей, сыновья царя пировали однажды вечером в палатке Секста Тарквиния, где находился также их родственник Люций Тарквиний, прозванный Коллатином, от города Коллации, в котором его отец Эгерий, племянник Тарквиния Приска, был наместником по назначению этого последнего. Разговор молодых людей зашел о их женах, и каждый восхвалял свою, как превосходившую всех прочих. «В таком случае, — воскликнул наконец Коллатин, — сядем сейчас на коней, и я надеюсь убедить вас наглядно, что все ваши жены должны уступить моей Лукреции». «Так и быть!» — воскликнули остальные. И вот разгоряченные вином юноши понеслись на быстрых конях сперва в Рим, где они застали жен царевичей за роскошным ужином, а оттуда в Коллацию. Было уже очень поздно, но Лукреция сидела еще в кругу своих девушек и пряла. Победа принадлежала ей. Но красавица возбудила в Сексте Тарквинии гнусные замыслы; через несколько дней он в сопровождении одного раба поспешил в Коллацию и с помощью насилия, угроз и обнаженного меча заставил Лукрецию удовлетворить его преступным побуждениям. Беспечно возвратился он домой, не заботясь о совершенном им несчастье, не подозревая, что за ним быстрыми шагами последовало мщение, несшее погибель ему и всему его дому.

Лукреция, полная глубокой скорби и негодования, тотчас же отправила одного посла в Рим к своему отцу Спурию Лукрецию, а другого — в Ардею к своему мужу с просьбой, чтобы они приехали к ней как можно скорее и чтобы каждый взял с собой верного друга, так как случилось страшное несчастье. Лукреций приехал с Публием Валерием, сыном Волеза, а Коллатин — с Люцием Юнием Брутом. Они застали Лукрецию в спальне, поверженную в глубочайшую печаль. Она рассказала им о злодеянии Секста Тарквиния, объявила, что умрет, и требовала от них наказания преступника. Все они один за другим дали ей слово и старались ее утешить, но она не принимала утешений. «Вы позаботитесь, — сказала она, — чтобы виновник

этого дела получил достойное возмездие; я же, хотя признаю себя невинной, не хочу избежать наказания; пусть ни одна женщина после меня, ссылаясь на Лукрецию, не остается в живых при потере целомудрия». С этими словами она вонзила себе в грудь кинжал, спрятанный у нее под платьем, и упала мертвая. Отец и муж в ужасе вскрикнули.

Между тем как все присутствующие были еще повергнуты в горе, Брут, час которого наконец пробил, вынул окровавленный кинжал из груди Лукреции, с благородным гневом поднял его и сказал: «Этой чистой и священной кровью я клянусь и призываю вас, боги, в свидетели, что буду огнем и мечом и всеми возможными для меня средствами преследовать высокомерного злодея Люция Тарквиния с его безбожной женой и всеми детьми его племени и не потерплю, чтобы они или кто бы то ни было другой были царями в Риме». Произнося эти слова, он подал кинжал Коллатину, Лукрецию и Валерию, с изумлением глядевшим на новый дух, озаривший Брута. Они повторили клятву, продиктованную им Брутом. Затем вынесли труп Лукреции на городской рынок и стали призывать народ к восстанию. Все граждане схватились за оружие; ворота города затворили, и Брут повел молодежь в Рим. Здесь, в качестве начальника всадников (*tribunus celerum*), он созвал народное собрание и пламенной речью, в которой с негодованием выставил на вид гнусное насилие Секста Тарквиния, жестокость царя и бедствие народа, вызвал в этом последнем решении отнять у Тарквиния власть и изгнать его из Рима вместе со всем его семейством. Вслед за этим Брут вооружил и подготовил к бою всех способных к военной службе людей, добровольно предложивших свои услуги, и сам отправился с ними в Ардейский лагерь, чтобы и там возбудить войско против царя. Главное начальство в Риме он предоставил Лукрецию, которого Тарквиний уже прежде назначил наместником Рима (*praefectus urbi*). Во время этого возмущения Туллия, ненавистная царица, бежала из города с незначительной свитой, сопровождаемая проклятиями возбужденной толпы. Войско, стоявшее перед Ардеей, приняло Брута с восторгом и тотчас же присоединилось к народ-

ному решению. В то время когда Брут шел в Ардею, царь, получив известие о происходившем в Риме, поспешил туда из лагеря; он нашел ворота города запертыми и услышал о своем изгнании. Надо было покориться неотвратимой судьбе; и царь с двумя старшими сыновьями отправился как изгнанник в Этрусскую землю. Секст Тарквиний переселился в Габии, город, отданный ему в полную собственность уже прежде. Известно предание, как Тарквиний овладел этим городом с помощью обмана и коварства, как он послал туда своего сына Секста под видом перебежчика, и как, когда этот последний вкрался в доверие граждан, отец отсечением маковых головок в своем саду дал ему понять свое желание, чтобы знатнейшие граждане были преданы смерти. За эти преступления Секст был теперь убит озлобленными жителями города.

После изгнания царя и уничтожения царского достоинства руководители движения занялись основанием нового порядка в государстве и учреждением нового правительства. Место царя должны были занимать с этих пор два ежегодно сменявшихся консула (вначале их называли «преторами»), облеченных такой же властью и такими же военными и политическими правами, какими пользовались цари; но ежегодная смена и разделение власти между двумя лицами ограждали государство от опасности деспотического господства. Только жреческие права, присвоенные до тех пор царям, были отняты у консулов и переданы сановнику, называвшемуся «*rex sacrificulus*» или «*rex sacrorum*». Первыми консулами, избранными в центуриатских комициях, были Юний Брут и Тарквиний Коллатин. И консул Брут в качестве хранителя новой свободы обнаружил такую же энергию, какой он отличался в качестве основателя ее. Прежде всего он обязал народ клятвой никогда в будущем не допускать, чтобы в Риме господствовали цари. Вслед за тем было восстановлено государственное устройство Сервия Туллия вместе со всеми остальными законами этого царя, и сенат, личный состав которого очень уменьшился при Тарквинии, снова стал насчитывать в своей среде 300 членов, благодаря принятию в их число знатных плебеев. Эти новопринятые члены назывались «*conscripti*» (при-

писанные), и вследствие этого к сенаторам обращались с титулом «patres (et) conscripti».

Народ так сильно заботился о сохранении своей молодой свободы, что консул Тарквиний Коллатин, несмотря на то, что его образ мысли и действий был безупречен, возбуждал подозрение уже одним своим именем. Тарквиний, говорил народ, не научился жить жизнью честных людей: имя их возбуждает подозрения, оно опасно для свободы; до тех пор, пока есть в городе хотя один Тарквиний, за свободу нельзя ручаться, а тут даже правление находится в руках Тарквиния. Когда Брут заметил эти подозрительные сомнения граждан, он созвал народное собрание и, прочтя вслух клятву народа, что этот последний не будет терпеть в городе никакого царя и вообще никакую власть, от которой

*Ликтор в венке
и с фасциями.
По барельефу
Ватикана*

народу может грозить какая бы то ни было опасность, — обратился к своему товарищу с просьбой, чтобы он добровольно удалился и тем избавил граждан от тревожного чувства, возбуждавшегося в них присутствием в городе царского имени Тарквиниев. Для консула это предложение было сперва так ново и неожиданно, что он сначала онемел от изумления; когда же, наконец, он захотел возразить, первые сановники государства окружили его с настоятельными просьбами принести эту жертву отечеству. Даже его тесть, старый Спурий Лукреций, горячо присоединился к этим просьбам. Но так как Коллатин медлил подчиниться народной воле, то Брут лишил его должности решением народного собрания, а бывший народный консул отправился со своим имуществом в Лавиниум. Вслед за тем Брут добился вынесения еще одного нового народного решения: чтобы все поколение Тарквиниев было изгнано из

пределов римского государства. По рассказу Ливия, Коллатин по настоянию своих друзей добровольно отправился в изгнание. На его место Брут избрал себе в товарищи Публия Валерия, и народ утвердил это избрание.

Царь Тарквиний не желал так легко выпустить из рук свое потерянное достояние и начал придумывать средства и пути, как бы снова возвратиться в город. Сперва он попытался сделать это посредством хитрости. Он отправил послов в Рим, которым поручил, не упоминая о его желании возвратиться, требовать только выдачи его имущества. Между тем как в сенате шли совещания и прения по этому делу, послы завязали с некоторыми знатными гражданами тайные отношения, имевшие целью ниспровергнуть новый порядок вещей и снова возвратить в Рим царскую фамилию. Главными и деятельнейшими заговорщиками были братья Вителлии и братья Аквиллии; первые были близкие родственники Брута, женатого на их сестре Вителлии; Аквиллии были племянниками консула Коллатина. Стараниями этих людей в заговор было вовлечено еще значительное число знатных юношей, которые прежде были дружны с сыновьями Тарквиния и, недовольные новым порядком, жаждали возвращения прежней веселой жизни, какую они вели с молодыми Тарквиниями. Даже сыновья Брута, Тит и Тиберий, последовали увещеваниям своих дядей и приняли участие в преступных замыслах.

Между тем в сенате было решено выдать Тарквинию его имущество, и посланники воспользовались тем сроком, который был предоставлен им консулами для получения этих имуществ, чтобы вести дальнейшие переговоры с заговорщиками. Вечером накануне своего отъезда они собрались вместе с этими последними на ужин в доме Вителлиев; тут много говорилось о составленном плане и посланникам были переданы также письма заговорщиков к Тарквинию. Все присутствующие считали себя в совершенной безопасности. Но один раб, по имени Виндиций, слышал все, видел передачу писем и тотчас же уведомил обо всем обоих консулов. Консулы арестовали посланников и заговорщиков, и так как найденные письма подтвердили показание раба, то изменников тотчас же заковали в цепи. Несмотря на то, что

посланники злоупотребили своими посольскими правами, их выпустили беспрепятственно из города, но царского имущества не возвратили. Сенат отдал это имущество на расхищение народу для того, чтобы этот последний, сделавшись участником в ограблении царской фамилии, потерял всякую надежду когда бы то ни было помириться с ней. Поле между Капитолием и Тибром, тоже принадлежавшее Тарквинию, было посвящено богу Марсу и с тех пор называлось Марсовым полем (campus Martius). В то время, как рассказывают, это поле было покрыто хлебом, совсем готовым для жатвы, но так как народ боялся потреблять плоды земли, посвященной богу, то колосья вместе с находившимися в них зернами бросили в реку. Вся эта масса осталась в воде, и так как впоследствии к ней пристал в большом изобилии ил, то из этого образовался священный остров Тибра, который потом соединили с городом мостами и украсили храмами, колоннадами и публичными садами.

За расхищением царских имуществ последовали обвинения и казни изменников. Сенат и весь народ собрались на площади, оба консула сидели на своих судейских креслах, окруженные ликторами, державшими фасции-топорики в связках прутьев; юноши-заговорщики, в числе которых были и сыновья Брута, стояли привязанные к столбам, ожидая приговора Брута, так как он в этот день председательствовал на суде. В Бруте жил такой истинно римский дух, какого не было ни в ком из его сограждан. Преступление его сыновей было очевидно, они сами не отрицали своей вины. Выбора не оставалось никакого. «Ликторы, — сказал Брут, — исполняйте свою обязанность». И ликторы схватили юношей, сорвали с них платье, связали им на спине руки и стали бить розгами; потом повалили на землю и секирами отрубили головы. Брут сидел неподвижно на своем судейском кресле и без внешних признаков скорби смотрел, как истекали кровью его сыновья, бывшие единственной надеждой его дома. Потом, закрыв голову и лицо, он удалился с места казни; то, что было для него дороже всего на свете, он принес в жертву свободе и отечеству. Остальные заговорщики были осуждены на смерть собравшимся на площади народом.

Когда заговорщики получили возмездие, награда другого рода была дана рабу, открывшему заговор. Его торжественно объявили свободным и дали ему все права римского гражданина. По этому случаю, как говорят, такая торжественная (судебная) форма обращения в свободное состояние получила название «vindicta»; но кто знает ход легенды, тому известно, что, наоборот, от слова «vindicta» этот первый отпущенный на свободу раб получил в легенде свое имя Виндиция.

Тарквиний, увидев, что хитрость и измена ему не удалось, вознамерился возвратить себе господство силой оружия. Он стал объезжать города Этрурии и просил помощи. Жители городов Тарквиниев и Вейев снарядили для него войско; первые потому, что он носил название их города и был с ними в родстве, вторые — в надежде отомстить под предводительством римлянина за многие поражения, понесенные ими в прежнее время от римского народа. Когда они вторглись в римские владения, навстречу им двинулось римское войско под предводительством обоих консулов. Оно устроилось в боевом порядке на двух священных местах, из которых одно называлось Арсийский лес, а другое — Эзовиев луг. Валерий вел пехоту, расположенную четырехугольником, а впереди, рекогносцируя, шел Брут во главе конницы; таким же точно образом двигалась и неприятельская армия: Арунс Тарквиний составлял с конницей авангард, а царь Тарквиний следовал за ним с пехотой. Как только Арунс увидел своего смертельного врага, сопровождаемого ликторами, во главе неприятельской конницы, он воскликнул в сильном гневе: «Вот он, человек, изгнавший нас из отечества! Смотрите, как надменно скачет он на коне, украшенный нашими знаками отличия! О, боги, защитники царей, помогите мне!» С этими словами он пришпорил лошадь и помчался прямо на консула. Брут понял, что речь шла о нем, и, воспламененный такой же ненавистью, ринулся в бой. В порыве озлобления ни один из них не думал о самосохранении; каждому хотелось только поразить врага. Они столкнулись со всего размаха, пронзили копьем щит и грудь Друг друга и оба упали в предсмертных муках с лошадей.

Это был зловещий пролог битвы. Скоро вслед за тем началась кровопролитная схватка конницы и пехоты. Победа склонялась то на ту, то на другую сторону, пока наконец буря не разъединила озлобленные войска. Каждое из них удалилось в свой лагерь, не зная, кто победил; потери с обеих сторон служили для каждой из них доказательством скорее поражения, чем победы. С наступлением ночи в обоих лагерях водворилась тишина; но вдруг в Арсийском лесу поднялся шум и чей-то громкий голос возвестил, что со стороны этрусков в битве пало одним человеком больше, чем у римлян, и что эти последние, таким образом, победили. То был голос лесного бога Сильвана, который имел способность повергать в панический ужас самое храброе войско. Страх до такой степени овладел этрусками, что они стремительно оставили свой лагерь и бросились в бегство; но римляне погнались за ними с победоносными криками, взяли в плен не менее пяти тысяч человек и завладели богатой добычей, оставленной в лагере. Павших оказалось на стороне врага 11 300, а у римлян одним человеком меньше.

Валерий с победоносным войском с триумфом возвратился в Рим, но римлян не порадовала победа, купленная ценой жизни Брута, отца их свободы. Труп заслуженного мужа был похоронен с большой торжественностью, и консул Валерий произнес над ним надгробную речь. Римские матроны в течение целого года оплакивали его как мстителя за оскорбление чести женщины. Память Брута всегда чтилась римлянами как память основателя римской свободы, человека, который из-за этой свободы не пощадил жизни собственных детей и наконец пал в битве за нее. Благодарные потомки воздвигли ему железную статую, изображавшую его с обнаженным мечом в руке, и поставили эту статую в Капитолии между изображениями царей.

Со смертью Люция Юния Брута окончилось существование патрицианского рода Юниев, так как оба казненных сына были его единственными детьми. Убийца Цезаря, Марк Юний Брут, был по рождению плебей и, следовательно, не был потомком этого древнего Брута.

2. ПУБЛИЙ ВАЛЕРИЙ ПОПЛИКОЛА

Публий Валерий, сын Волеза, с которым мы уже познакомились как с товарищем и помощником Брута, происходил из сабинской патрицианской фамилии. Родоначальником ее считался Волез Валерий, который, по сказанию, прибыл в Рим с Титом Тацием и был виновником мира, заключенного между этим последним и Ромулом. Он пользовался таким почетом, что после смерти Ромула его соплеменники хотели даже избрать его царем. Публий Валерий, по сведениям Плутарха в его жизнеописании, отличался уже во время правления царей в Риме красноречием и богатством, и благое, проникнутое стремлением к свободе, применение, которое он делал из своих ораторских способностей в пользу права и справедливости, а равно благородство и щедрость, с которыми он помогал бедным своими деньгами, свидетельствовали о том, что в случае установления в Риме республиканского правления он тотчас же займет одно из самых видных мест в государстве. Мы видели его в числе людей, поклявшихся на трупе Лукреции ниспровергнуть царскую власть в Риме, и он же с деятельнейшим рвением помогал Бруту в изгнании Тарквиния. Но когда народ избрал в товарищи Бруту, как консулу, не его, а Коллатина, не потому, что этот последний заслуживал преимущества, а потому, что

он считался непримиримейшим врагом Тарквиния, то Валерий, огорченный и рассерженный, будто устранился от всякого участия в общественных делах, — и многие опасались, что это неудовольствие побудит его содействовать возвращению еще колебавшегося образа правления к монархии. Однако думавшие таким образом несправедливо подозревали благородного, благонамеренного мужа. Ибо когда Брут всенародно объявил, что он будет приводить сенаторов к торжественной присяге новому образу правления, тогда в назначенный день Валерий явился прежде всех и с радостным лицом присягнул, что он не будет действовать в пользу Тарквиния, а, напротив, станет защищать свободу со всевозможной энергией. И действия его скоро оправдали эту клятву.

По рассказу Плутарха в биографии Попликолы, в то время когда после Тарквиния устраивали в Риме заговор, Коллатин был еще консулом, а Валерий частным человеком. Но раб Виндиций, не только слышавший речи заговорщиков и видевший передачу писем, но и бывший также свидетелем того, как заговорщики во время кровавого человеческого жертвоприношения дали страшную клятву убить консулов и возвратить в Рим царя, открыл свою тайну не Бруту или Коллатину, которых сыновья и племянники находились в числе заговорщиков, а Валерию; этот последний с помощью своего брата Марка схватил заговорщиков и письма и, связав изменников, привел их на площадь для казни. Когда Брут, после смерти своих сыновей, оставил площадь, и Коллатин, более мягкосердечный, чем его товарищ, стал пытаться избавить от смерти своих племянников Аквиллиев, тогда Валерий выступил со своими друзьями против Коллатина. Призванный снова на площадь, Брут объявил: «Произносить приговор над сыновьями мог я по праву отца; но насчет других пусть судят граждане, потому что они свободны; мы предоставляем, однако, слово всякому, кому угодно говорить и высказать народу свое мнение». Но ни в каких речах не было уже надобности; немедленно приступили к голосованию, и изменники были приговорены к смерти посредством обезглавления.

Этот последний эпизод сделал совершенно подозрительным народу Коллатина, которого масса и без того уже не любила за его имя и родство с Тарквиниями; Коллатин счел за лучшее добровольно отказаться от должности и втихомолку оставить город. На его место выбрали Валерия, в награду за его патриотическое рвение. Вскоре после этого он двинулся с Брутом на войну против этрусков и участвовал в сражении при Арсийском лесу, где пал Брут. Победа доставила Валерию блистательный триумф: в сопровождении всего войска, увенчанный по-праздничному, на колеснице, запряженной четверкой, он въехал в Капитолий, и это был первый консул, удостоившийся такого почета.

После смерти Брута начатое этим последним дело продолжал тот же Валерий; юную свободу он упрочил внутри государства мудрыми законами и извне — храбростью и умными действиями. Чтобы товарищ по должности не мешал ему в новых распоряжениях, он сперва обходился без товарища. Но в народе, боявшемся за свою свободу, это обстоятельство возбудило подозрение, что Валерий стремится к единодержавию, тем более что он построил себе замкоподобный дом на Велии, одном из выступов Палатинского холма, откуда можно было обозревать весь рынок и где до того жили иногда цари. Как только до Валерия дошла весть об этом подозрении, он, чтобы оправдать себя, созвал народное собрание, выступил перед этим последним и велел своим ликторам опустить к земле связки прутьев в знак того, что верховная власть принадлежит народу и что величие и сила этого последнего стоят выше прав и преимуществ консула. Этот образ действия очень обрадовал народ и польстил ему; вслед затем Валерий произнес довольно длинную речь, в которой жаловался на несправедливое и оскорбительное подозрение и закончил заявлением, что для устранения всяких сомнений со стороны народа он сломает свой дом на Велии. Так он и поступил. Величественное здание было немедленно снесено и вместо него построено другое у подножия холма на том месте, где впоследствии стоял храм Вики-Поты.

Вслед за тем Валерий предложил и провел несколько законов, которые снискали ему безграничную приязнь и полнейшее доверие народа и были причиной того, что он получил почетное прозвание «попликолы», т. е. друга народа. Из этих законов особенно понравились народу два: один налагал проклятие и опалу на личность и имущество всякого, кто попытался бы восстановить монархию и учредить единодержавие; другой предоставлял каждому римскому гражданину право апеллировать в народное собрание против судебного приговора в том случае, когда он присуждал к смерти или телесному наказанию. Это - важный *lex Valeria de provocazione*. Вследствие этого закона на все будущее время был введен обычай, чтобы внутри городской черты, т. е. в самом городе и на тысячу шагов в его окружности, ликторы не носили в связках прутьев секиру, в знак того, что на этом пространстве консулу не принадлежит неограниченная власть над жизнью и смертью граждан. Из других законов Валерия упоминают между прочим тот, по которому никто под страхом смертной казни не мог присваивать себе никакой власти, не будучи избран в нее народом, и тот, по которому сопротивление консулам наказывалось штрафом в пять быков и две овцы - национальное установление, служившее больше в пользу низшего класса, чем высшего. Кроме того, рассказывают, что Валерий, для ограничения власти консулов, отнял у них управление государственным казначейством и передал его в виде побочной должности квесторам. Квесторы (*quaestores parricidii*), двое, существовали уже во времена царей; они сменялись каждый год и были уголовными судьями и общественными обвинителями. Теперь они сделались в то же время чиновниками казначейства (*quaestores aegarii*), и эта должность в позднейшее время только одна осталась в руках квесторов, так как судебские обязанности в уголовных делах перешли к другим чиновникам. Но другие историки утверждают, что квесторы-казначей и квесторы-судьи были с самого начала совершенно отличными друг от друга чиновниками. Для помещения казначейства Валерий избрал храм Сатурна, где оно оставалось и впоследствии.

Установив свои законы, Валерий через посредство народа избрал себе в центуриатских комициях товарища в лице Спурия Лукреция, отца Лукреции, а когда этот последний, уже очень старый человек, умер через несколько дней после того, то на его место был избран М. Гораций Пулвилл. Этому консулу выпала на долю высокая честь освятить на Капитолии храм Юпитера, постройка которого, начатая первым Тарквинием и продолженная вторым, была окончена только теперь. Этой чести добивался для себя и Попликола, далеко не лишенный честолюбия, но судьба решила иначе. Он отправился на войну с жителями Вейев в то самое время, когда Гораций делал приготовления к освящению храма. Семейство Валерия, завидовавшее в этом случае роду Горациев, попыталось помешать священнодействию хитростью. В ту минуту, когда Гораций после исполнения священных обрядов уже положил руку на дверь храма и при глубоком молчании народа произносил формулу освящения, Марк Валерий, брат Попликолы, вдруг крикнул ему, что его сын Гораций умер и что, так как в его доме находится труп, то он не имеет права освящать храм. Но Гораций, чтобы не останавливать обряда, воскликнул: «Выкиньте труп из дома, мне это все равно!» — и, не отнимая руки от двери, окончил молитву и освятил храм.

Рассказанные события все относятся к первому году республики (509 г. до Р. Х.). В следующем году Валерий Попликола был во второй раз избран в консулы; его товарищем сделался Тит Лукреций. С этим вторым консульством Попликолы совпадает начало войны с Порсенной, которая тянулась и в следующем году, когда Попликола сделался консулом в третий раз. Таким образом, на его долю выпало главным образом вести тяжелую войну с Порсенной. Дело в том, что Тарквиний, после поражения при Арсийском лесу, бежал к Порсенне, царю этрусского города Клузиума, одному из могущественнейших государей Италии, и просил у него помощи против Рима. Порсенна принял его сторону, послал в Рим посольство и требовал восстановления Тарквиния на престол. Так как римляне не согласились на это, то он двинулся против их столицы

с сильным войском. Сенат при приближении могущественного царя пришел в ужас, потому что боялись не только неприятельского войска, но и того, чтобы сами жители города, испуганные опасностью, не приняли вновь изгнанного царя и не купили мира ценой своего рабства. Поэтому сенат делал все, чтобы доставить народу удовольствие: он заботился об установлении низких цен на хлеб и соль и освободил граждан от налогов и пошлин, вследствие чего низшее сословие несло тяготы войны, не ропща и заодно с патрициями. Римляне положились на крепость своих стен и защиту Тибра и, став на Яникульском холме, выжидали наступавшего неприятеля. Войско Порсенны, превосходившее числом римское, взяло приступом Яникульский холм и преследовало римлян до реки, где навстречу ему бросился Валерий с новым отрядом, но скоро, покрытый ранами, он был унесен на носилках с поля битвы. Не лучшая судьба постигла другого консула, и тогда римляне потеряли всю бодрость и бросились бежать в город. Этруски, пустившиеся за ними в погоню, тоже проникли бы в Рим через деревянный мост, если бы храбрый Гораций Коклес с двумя другими римлянами, Спурием Ларцием и Титом Герминием, не сдерживал неприятеля при начале моста, между тем как остальные позади разрушали мост. Прежде чем последний был сломан окончательно, Гораций отправил через него и двух своих товарищей и сопротивлялся неприятелю совершенно один; затем он бросился в реку и под градом стрел переплыл на другой берег. В награду за его геройский подвиг граждане, по предложению Валерия, отдали ему в наступивший после этого голод столько съестных припасов, сколько каждый мог отделить от себя; впоследствии подарили ему столько земли, сколько он мог в один день обойти плугом, и воздвигли ему железную статую.

Город был спасен, но Порсенна осадил его и отрезал римлянам со всех сторон подвоз съестных припасов, вследствие чего вскоре возник тяжелый голод. Этруские солдаты почти ежедневно переправлялись через реку и опустошали грабежом местность вблизи римских стен, между тем как главная армия стояла на Яникульском холме. Тут-то

Валерий - это было время его третьего консульства - положил навсегда конец этим хищническим набегам, окружив со всех сторон многочисленный отряд грабителей, благодаря искусному распределению своего войска, и совершенно истребив его. Так как голод в Риме увеличивался все более и более, то один молодой патриций по имени Гай Муций решился убить Порсенну и избавить свой родной город от тяжелого бедствия. Сообщив сенату о своем намерении, Муций, спрятав на груди кинжал, прокрался под видом перебежчика в неприятельский лагерь до царского судилища, где именно в это время Порсенна со своим секретарем выплачивал солдатам жалованье. Муций принял богато одетого секретаря за царя и убил его. Схватенный и приведенный к Порсенне, он сказал: «Я римский гражданин и зовусь Гаем Муцием. Как враг я хотел убить врага и умирать не боюсь почти так же, как умерщвлять. Римлянин отличается способностью к великим подвигам и великим страданиям. И я далеко не единственный, носящий в себе такой замысел против тебя: за мной следует целый ряд людей, добивающихся этой чести. Мы все объявляем тебе эту войну, и жизнь твоя каждую минуту в опасности». Когда царь, полный гнева и ужаса, стал угрожать Муцию пыткой посредством огня, юноша протянул свою правую руку в пламя, пылавшее на тут же стоявшем жертвеннике, и сказал: «Узнай из этого примера, как мало ценят свое тело те, кто имеют в виду высокую славу». Страшно испуганный неслыханным подвигом, царь вскочил со своего места, велел оттащить Муция от огня и отпустить его без наказанья. Как будто в награду за это великодушие Муций открыл Порсенне, что 300 римских юношей составили против него заговор и что он сам был только первым, на которого выпал жребий совершить убийство. С тех пор Муций получил прозвище Сцевола, то есть левша, и сенат подарил ему землю по ту сторону Тибра, которая потом стала называться лугом Муция.

Порсенна поверил словам юноши и, чтобы избежать римских кинжалов, отправил в город посольство с предложениями мира. Послам было поручено также поднять вопрос о восстановлении Тарквиния на престоле, но так как

Попликола и сенат не согласились на это, то Порсенна отступился от Тарквиния и заключил с римлянами мир на самых мягких условиях. Он оставил римлянам их свободу и потребовал только, чтобы они возвратили Вейям отнятую у этого города землю, так называемые 7 вейенских округов, и выдали ему самому в виде заложников 10 юношей и столько же девиц. Такими благоприятными для себя условиями мира римляне обязаны были главным образом умным переговорам Валерия. В числе заложниц находилась также Клелия. Эта мужественная девушка обманула стражу и, сопровождаемая остальными своими подругами, обратно переплыла под градом этрусских стрел Тибр и возвратилась в Рим. Но Валерий, несмотря на то, что в числе заложниц находилась его собственная дочь Валерия, снова отправил их к Порсенне. Царь, удивленный мужеством Клелии, дал ей свободу и позволил, кроме того, взять с собой часть заложников. Римляне воздвигли ей конную статую на холме священной дороги. Но многие утверждали, что эта статуя изображала не Клелию, а Валерию, которая во время нападения, совершенного Тарквинием на отправленных домой девушек, мужественно пробилась на коне сквозь толпу неприязельских солдат.

Порсенна отступил в Клузиуму и оставил римлян в покое. Но при этом он отправил своего сына Арунса с частью войска на юг против Ариции, которая в то время была после Рима значительнейшим городом в Лациуме. На помощь арицианам пришел с войском Аристодем из греческого города Кумы в Кампании. Арунс был разгромлен и сам погиб в сражении. Остатки его войска пришли в самом бедственном положении в Рим и были там приняты очень дружелюбно. Большая часть его осталась в Риме и поселилась в так называемом этрусском квартале. Порсенна же из благодарности возвратил римлянам всех их заложников и сверх того снова отдал в их собственность вейенские округа.

В два следующих года римлянам пришлось вести войну с сабинами. В первом походе консул Марк Валерий, поддерживаемый словом и делом со стороны своего брата Попликолы, разбил врага в двух кровопролитных битвах, а во

втором году Попликола, избранный четвертый раз консулом, нанес им такое поражение, что только немногие из них спаслись, и после того очень долго римляне могли не бояться никакой войны с этой стороны. Победа над сабинами доставила Попликоле второй триумф.

Некоторое время спустя после этого триумфа, именно в шестом году республики, Валерий скончался, признанный всеми за первого воина и государственного мужа своего времени. При жизни он был отмечен за свои высокие заслуги государству четырьмя консульствами и многими другими отличиями. После смерти римляне воздали ему честь погребением на общественный счет, для чего каждый гражданин внес один квадрант (четвертую часть асса). Многие неверно выводили из этого заключение, будто Валерий оставил такое незначительное состояние, которого не хватило даже на его похороны. Кроме того, граждане устроили его могилу внутри города, решив, чтобы это место осталось навсегда местом погребения и всего его семейства, а римские матроны по добровольному соглашению оплакивали его, как прежде Юния Брута, целый год.

Тарквиний, оставленный Порсенной, не отказался, однако, от надежды на возвращение. Он отправился в латинский город Тускулум, к своему зятю Октавию Мамилию, и этот последний двинул латинян против Рима. Римляне рассказывают о кровопролитной битве при Регильском озере (496 г. до Р. Х.), в которой они бились с Тарквинием и латинянами и наконец после невероятных усилий одержали победу. Тогда Тарквиний отправился в Кумы к своему другу, тирану Аристодему, и там, удрученный превратностями судьбы, умер в глубокой старости (495 г. до Р. Х.).

3. МЕНЕНИЙ АГРИППА

Третьим человеком этих первых лет Республики, которого в течение года оплакивали матроны, а народ похоронил на общественный счет, был Менений Агриппа. Его вместе с П. Постумием избрали консулом в тот год, когда умер Валерий Попликола (503 до Р. Х.). По рассказу Дионисия Галикарнасского, в том году сабиняне вторглись в римские владения и одержали победу над беспечным Постумием, но Агриппа пришел ему на помощь и выгнал сабинян из государства. Вслед за тем оба консула двинулись в сабинскую землю и разбили неприятеля наголову; за это Агриппа удостоился триумфа, а Постумий — овалции, т. е. малого триумфа, при котором полководец вступал в город не на колеснице, а верхом или пешком. Ливии же рассказывает, что в этом году была война с аврунками, в которой оба консула заслужили себе триумф победой над неприятелем. Но важнее военных подвигов Агриппы была заслуга, оказанная им отечеству в качестве посредника между патрициями и удалившимися на Священную гору плебеями. Этим посредничеством он спас молодое государство от гибели.

В первое время после изгнания царей римское государство находилось не в особенно счастливым положении. Революция потрясла его могущество. Латиняне, бывшие при Тар-

квинии Гордом в подчинении у римлян, разорвали эти узы и сделались независимыми; внешние войны одолевали римлян со всех сторон и истощали их силы; а к этому присоединился еще раздор между патрициями и плебеями, грозивший совершенно разрушить государство. После падения монархии патриции захватили в свои руки всю власть, но, пока новая форма правления не установилась окончательно, делали плебеям многие облегчения и уступки, как, например, восстановление центуриатских комиции, закон Валерия об апелляции (*provocatio*), допущение плебеев в сенат, освобождение от податей и пошлин и т. п. Когда же первые опасности прошли, наступило правление с обыкновенным гнетом и жестокостью аристократического господства. Правительственная власть принадлежала исключительно знатному сословию; оно господствовало в сенате и занимало высшие государственные должности. Против этих чиновников народ не имел никакой защиты, тем более что и закон Валерия об апелляции не исполнялся в точности и все судопроизводство находилось в руках патрициев. У народа не было никакого средства для расширения своих прав законным путем и для улучшения своего политического положения. К этому неравенству сословий в политическом и юридическом отношении присоединилось еще крайне бедственное положение плебеев в отношении материальном. Большую часть этого сословия составляли земледельцы. Но из-за многих войн, которые приходилось вести республике, их поземельная собственность подвергалась частым опустошениям от неприятельских вторжений, а их самих принуждали нести военную службу, вследствие чего они запускали свое хозяйство. Война требовала налогов, которые при этих обстоятельствах вдвойне истощали народ. И к тому же плебеи были удручены налогами гораздо больше патрициев, так как налоги взимались только с поземельной собственности, а плебеи большей частью, кроме своих земель, не имели денежных капиталов, как патриции, и были отстранены от пользования свободной от налогов общественной землей, которую патриции захватили в свои руки. При таких обстоятельствах многим плебеям пришлось обеднеть и влезть в долги, скоро дошедшие до крайних пределов вследствие чрезмерно высо-

ких процентов. А законы о должниках были у римлян неумолимо строги. Когда должник в присутствии свидетелей получал от кредитора просимую сумму, он письменно гарантировал своей личностью исправную уплату долга; в случае неисполнения обязательства кредитор арестовывал его и брал в кабалу, в которой он оставался до погашения долга. И не только он сам, но и все его состояние, жена и дети поступали в залог заимодавцу, и так как, вследствие высоких процентов, сумма долга быстро возрастала, то все это часто переходило в руки кредитора. Когда истекали предоставлявшиеся законом отсрочки, должника можно было вместе с его женой и детьми продавать как раба на чужую сторону, или он всю свою жизнь томился в кабале, в которой с ним обращались крайне жестоко. Он должен был работать в смиренных домах на своего кредитора, подвергался тяжелым телесным наказаниям, ходил в цепях с железными тяжестями на теле или деревянными колодками на ногах. Массы обедневших плебеев терпели такие беспощадные муки от патрициев без всякой надежды на освобождение. Римляне были люди жесткие и безжалостные, и корыстолюбие, которым Рим отличался всегда, было и в то время общим пороком; притом патриции видели в притеснениях, которым они подвергали плебеев на основании должного права, средство еще более усилить политическую зависимость этого сословия. Но именно такой чрезмерной строгостью они довели наконец народ до отчаяния и вызвали взрыв, имевший своим последствием постепенное освобождение плебеев в политическом отношении.

Когда в 495 г. Риму стала грозить война с вольсками, озлобление, которое задолжавшие плебеи уже давно тайно питали к своим притеснителям, разразилось явным восстанием. Народ стал громко говорить, что его заставляют на поле сражения рисковать за республику жизнью, а дома он находится в плену у своих же сограждан и доводится ими до полного разорения; по словам плебеев, в среде врагов они были безопаснее, чем между своими согражданами. И вот однажды выбежал на площадь старик с явными признаками пережитых страданий, в изодранном грязном платье, бледный и истощенный, с всклокоченными воло-

сами и бородой. Многие, несмотря на обезображенный вид, узнали в нем человека, бывшего долгое время старшим офицером и отличившегося на войне многими храбрыми подвигами; он сам показал раны на своей груди и рассказал, что в то время когда он находился в числе сражавшихся против сабинян, его жатву уничтожили, дом сожгли, скот увели; когда вслед затем с него потребовали уплаты налога, он влез в долги, проценты росли все больше и больше, и он сперва продал свою наследственную землю, потом все остальное состояние; теперь он крепостной своего кредитора и держится им не в обыкновенном рабстве, а в смиренном доме и подвергается всевозможным пыткам. При этом он показал народу свою спину, которая носила на себе свежие следы кровавых побоев.

Это зрелище, этот рассказ вызвали всеобщее открытое негодование; арестованные должники ринулись со всех сторон на улицу и громко требовали помощи, вся масса с криками спешила на площадь. Консулы Публий Сервий и Аппий Клавдий, поспешно явившиеся на место возмущения, старались усмирить взволнованную толпу; но народ требовал созвания сената и осадил ратушу. Между тем как сенат обсуждал, какие принять меры, - консул Аппий Клавдий советовал прибегнуть к строгости, а Сервий предлагал более кроткие меры — пришла весть, что вольски приближаются к городу. Отцы-сенаторы растерялись, народ ликовал и отказался нести военную службу. Тогда Сервий по поручению сената стал успокаивать народ; он объявил посредством эдикта, что римского гражданина, желающего вступить в войско, никто не имеет права держать в цепях или в тюрьме, точно так же, как не может, пока этот гражданин находится в лагере, владеть его имуществом или продавать это последнее, а равно предъявлять притязания на его детей или внуков. После этого все записались в военную службу. Вольски были разбиты, их столица Суэсса-Помеция взята. Сабинь и аврунцы, в то же самое время восставшие против Рима, были быстро и победоносно отброшены. Самой большой храбростью отличались попавшие в рабство за долги; но когда опасность миновала, жестокосердый консул Аппий на-

чал снова возвращать их в кабалу, а других, срок платежа для которых истек, присуждать кредиторам. Сервилий не мог воспрепятствовать этому, потому что сенат одобрял образ действий Аппия. Тогда народ сам взял на себя защиту; он повсюду сопротивлялся возвращению должников кредиторам, и, когда был объявлен новый набор для предстоявшей войны с сабинами, ни один человек не записался в военную службу.

Наступил 494 г. Плебеи устраивали ночные сходки и совещались о принятии общепользных мер. Поступать на военную службу они отказывались очень упорно, сопровождая этот отказ фактическим сопротивлением властям. Тогда сенат, по совету Аппия Клавдия, решил назначить через посредство консулов диктатора, потому что диктатор, назначавшийся в тяжелое время и не более как на шесть месяцев, обладался полной царской властью и действовал безответственно, не будучи ограничен законом об апелляции. В диктаторы выбрали М. Валерия, брата Попликолы, человека кроткого и любимого народом. Он издал такое же постановление, какое недавно было сделано Сервилием. Народ поверил ему, стал под знамена и в короткое время победил сабинян, эквов и вольсков. Но когда по окончании войны Валерий потребовал у сената обещанного этим последним освобождения долговых рабов — снова последовал отказ. Валерий с неудовольствием отказался от своей должности, граждане одобрили этот поступок, и когда бывший диктатор шел из курии домой, они сопровождали его с выражениями своей благодарности и благосклонности.

Так как война окончилась, то следовало бы распустить войско. Но сенат, думая, что он поступает очень умно, решил под предлогом новой войны держать войско в сборе, чтобы препятствовать возобновлению тайных сходок и разговоров. Но именно это распоряжение ускорило восстание. Войско переправилось через реку Анио и расположилось прочным лагерем на Священной горе, в трех тысячах шагах от Рима. Это отчаянное решение породило в Риме большой и всеобщий испуг. Оставшиеся плебеи боялись насилия со стороны патрициев, а эти последние —

от оставшихся в городе плебеев и в то же время нападения на город вышедших из него. К этому присоединялось еще опасение, что внешние враги воспользуются междоусобиями римских граждан и двинутся на Рим. Было основание бояться, что удалившиеся на Священную гору плебеи соединятся с неприятелем; да если бы они и не зашли так далеко в своей вражде, то оставшиеся в городе все-таки не имели достаточно силы для сопротивления. Государство очутилось на краю гибели, нужно было предупредить полный разрыв и во что бы то ни стало восстановить мир и согласие.

В этом критическом положении Менений Агриппа явился спасителем государства. Его знали как умного и благонамеренного человека, обладавшего также в высокой степени даром слова. Он пользовался доверием обоих сословий и был любим народом, потому что хотя он принадлежал к классу патрициев, но происходил из плебейского семейства. Поэтому благоразумнейшие из патрициев избрали его посредником, и он отправился в лагерь переселенцев. Он обратился к плебеям с дружеским приветствием и рассказал им следующую притчу. В то время когда в человеческом теле не все еще находилось в полном согласии, как теперь, а каждый член имел свою собственную волю и говорил своим собственным языком, все члены стали негодовать на то, что им приходилось работать и служить только для желудка, между тем как он, спокойно находясь в середине тела, не нес никакого труда и только насыщался доставлявшимися ему наслаждениями. Поэтому они условились, чтобы вперед руки не подносили ко рту никакого кушанья, рот не принимал никакой предлагавшейся ему пищи, а зубы не раскусывали ее. Но вследствие этого условия, благодаря которому они думали усмирить желудок посредством голода, они сами и все тело очутились в крайнем изнеможении. Тут-то они поняли, что желудок не ведет праздную жизнь и что если его питают, то и он сам питает в такой же степени, распределяя по всем жилам кровь, производимую пищеварением, и разливая ее по всем членам тела.

Эта басня, наглядно показавшая плебеям, как необ-

ходимо существование сословия капиталистов для более бедных классов и до какой степени оно составляет одно из существенных условий их жизни, произвела в настроении народа, как говорит предание, такой переворот, что он вступил в переговоры о примирении. Менений добился заключения формального договора (*lex sacrata*), который был торжественно подтвержден присягой обеих сторон; в наказание за нарушение этого договора полагалась опала и отдача имущества нарушителя подземным богам. Относительно долговых дел плебеям были сделаны некоторые уступки. Менений обещал от имени сената, что вполне несостоятельным долги будут прощены, а закрепленным и отданным во власть кредиторов по судебному решению будет возвращена свобода; но при этом было постановлено предоставить законодательству окончательное решение вопроса о долговых обязательствах. Более важное значение имело постановление, по которому плебеи получали своих собственных начальников, трибунов, для защиты от злоупотреблений со стороны чиновников-патрициев; особа этих трибунов, числом пять, была неприкосновенна (*sacrosancti*), и избираться они должны были только из плебеев. Кроме того, тут же была установлена должность плебейских эдилов. После заключения этого мира плебеи возвратились со Священной горы в город, и в память о примирении граждан были установлены так называемые плебейские игры, наблюдение за устройством которых было поручено эдилам.

Эдилы были, вероятно, плебейскими чиновниками уже до удаления народа на Священную гору. В круг их деятельности входило охранение общественного порядка, надзор за хлебным рынком, управление делами плебейской общины и плебейской кассой, наконец, часть плебейского судопроизводства. Они были подчинены трибунам, которые, как власть со стороны плебеев, тоже, вероятно, существовали уже до выселения народа. С тех пор как плебеи получили своих неприкосновенных и безответственных трибунов, у них был законный орган для дальнейшей борьбы, для получения более широких прав. Трибуны, опираясь на свою неприкосновенность, мало-

помалу возвысились на ступень высшей власти в государстве. Вначале им была предоставлена только защита отдельных граждан, но они расширили это право, сделав его общим правом вмешательства (*jus in tercedendi*), на основании которого они могли останавливать и уничтожать служебные действия чиновников, совещания и постановления сената, исполнение судебных приговоров. Точно так же они присвоили себе уже в первое время право ареста (*jus prensionis*) даже в отношении самых высших сановников, а равно и право совещаться с народом в трибутских комициях (*jus ageadi cum plebe*). Это право получило особенную важность с тех пор, как законом Валерия Публилия (471 г. до Р.Х.) было предоставлено в трибутских комициях совещаться обо всех делах государства и принимать решения, которые, конечно, на первых порах не имели еще силы закона, но впоследствии благодаря *lex Valeria Horatia* (448) получили обязательную для всех силу.

Менений Агриппа умер на следующий год после своего подвига. «Это был человек, который в продолжение всей своей жизни был одинаково любим патрициями и остальными гражданами, но после выселения этих последних сделался для них еще милее и дороже. И он, посредник и руководитель соглашения граждан, посланник от сената к народу, виновник возвращения римских граждан в город, не оставил после себя денег даже на свое погребение. Граждане похоронили его на свой счет, внося каждый по одному ассу» (Ливий). Предание говорит, что община плебеев приняла это решение по предложению и ходатайству трибунов Квинтилия и Генуция; но пристыженный этим сенат принял издержки похорон на счет государственного казначейства, после чего плебеи подарили собранную ими сумму наследникам Агриппы.

4. СПУРИЙ КАССИЙ ВИСЦЕЛЛИН

«Спурий Кассий — первый римлянин, о котором исторически известно, что он был великий человек, потому что Брут и Попликола принадлежат еще к личностям легендарным» (Швеглер). Что он был необыкновенный человек, доказывают его три консульства и два триумфа; он был *magister equitum*, начальником конницы первого диктатора Тита Ларция — первая должность после диктатора - и, будучи консулом, заключил мир и несколько важных союзов с сабинами, латинами и герниками. Мир с сабинами заключил он во время своего первого консульства (502 г. до Р. Х.), после поражения, нанесенного им при Курах; он заставил их купить этот мир десятью тысячами десятин земли, и в награду за свою заслугу был почтен триумфом. Вскоре после своего первого избрания консулом он был возведен в сан *magister equitum* Ларция. Во второй раз он был избран консулом на 493 г. и вступил в должность уже 1 сентября предшествующего года, в то время когда патриции еще переговаривались с удалившимися на Священную гору плебеями. В этих переговорах Спурий Кассий, по всей вероятности, играл немаловажную роль. Во время этого вторичного исполнения должности консула он заключил для римского государства важный договор с латинским союзом.

Союз 30 латинских городов существовал уже в очень раннее время. Его религиозным средоточием был храм Юпитера Лациара на Альбанской горе, где все латины ежегодно праздновали так называемые латинские ферии; столицей оставалась Альба-Лонга до своего разрушения. Город Рим не принадлежал к латинскому союзу, несмотря на то, что находился в Лациуме. В царствование Сервия Туллия Рим вступил в союз с латинскими городами на одинаковых условиях. Тарквиний Гордый подчинил союз своей власти. Но после его падения латины свергли с себя власть Рима, и молодая республика, ослабленная внешними войнами и внутренними раздорами, не была в состоянии снова поставить союз в зависимость от Рима. Как далеко зашла вражда между обеими сторонами, это в настоящее время уже определить нельзя. Битва при Регилльском озере была, по-видимому, только сражением между Римом и Тускулом в интересах Тарквиния; если это была битва между Римом и Лациумом, то по крайней мере латины сражались не за Тарквиния, так как невозможно предположить, чтобы они желали его возвращения в Рим. Если даже римляне, как они утверждают это, и победили в этом сражении, то победа не имела для них никаких дальнейших последствий; Лациум остался независимым, и враждебные или по крайней мере натянутые отношения не прекратились. Но в то время когда Спурий Кассий был во второй раз избран консулом, наступил такой порядок вещей, который сделал желательным для обеих сторон установление более тесного союза. К востоку и к югу от латинян эквы и особенно могущественные вольски победоносно продвигались вперед и поставили латинян в такое затруднительное положение, что эти последние оказались перед необходимостью искать поддержки в Риме. Римскому правительству, со своей стороны, приходилось улаживать дело с возмущившимися плебеями, и сближение с латинами обуславливалось уже той одной причиной, что римляне искали в латинах оплота против плебеев. Таким образом, через посредство Спурия Кассия был заключен договор между Римом и латинским союзом, договор, в котором обе стороны получили одинаковые права и приняли на себя одинаковые обязанности.

Содержание этого договора нам не вполне известно. Дионисий приводит следующие пункты его: 1) между римлянами и всеми государствами латинян должен сохраняться мир до тех пор, пока небо и земля стоят на своих местах; ни одна сторона не должна воевать с другой или привлекать врага извне, а равно и открывать надежный путь нападающему неприятелю. 2) Той из сторон, которая будет вовлечена в войну, другая сторона должна помогать всеми своими силами и средствами. 3) Добыча и все, что будет приобретаться в общей союзной войне, должно разделяться поровну между обеими сторонами. 4) Частные процессы между римлянами и латинянами должны решаться судебным порядком в продолжение десяти дней и в том месте, где договор между тяжущимися был заключен. 5) Союз этот должен оставаться в совершенной нерушимости, исключая те случаи, когда римляне и все латины согласились бы на то или другое изменение в нем.

Договор этот, текст которого сохранялся еще в молодые годы Цицерона на железном столбе римского форума позади ораторской трибуны, представлял собой обоюдную защиту в случае нападений извне; относительно внутренних дел он предоставлял взаимное равенство прав в частных отношениях (*jus commercii*). Брачное право (*jus connubii*) существовало здесь уже раньше, и по силе его брачные союзы между гражданами и гражданками различных городов признавались законными браками. На таких же условиях 7 лет спустя (486 г. до Р. Х.), во время своего третьего консульства, Кассий заключал союз с герниками, воинственным народом сабинского происхождения, жившим между эквами и вольсками к югу от латинян. Кассий принудил герников к миру своими успешными военными действиями, и Рим заключил с ними договор на благоприятных для него условиях, вероятно, с той целью, чтобы не допустить этот воинственный народ попасть в зависимость от эквов и вольсков, теснивших его с обеих сторон, и чтобы обеспечить за собой помощь его в войнах с обоими упомянутыми народами. С течением времени оба союзных народа, латины и герники, попали в зависимость от Рима.

Будучи третий раз консулом, Спурий Кассий предло-

жил и свой знаменитый аграрный закон, послуживший причиной его смерти. Поземельные законы (*leges agrariae*) играли значительную роль во внутренней истории Рима и не один раз производили сильное волнение в среде граждан. Они касались общественных земель, *ager publicus*. Уже Ромул, как говорит сказание, основавший город, отводя каждому из своих граждан землю, предварительно отделил одну часть римской почвы под храмовое имущество, а другую — под общественную землю. Позже эта последняя значительно увеличилась в объеме, благодаря завоеваниям, так как у покорявшихся народов всегда отнималась часть их обработанной земли. Эти новые приобретения частью продавались или отдавались в собственность колонистам, которых Рим высылал для поселения в такие места; но большая часть их оставалась государственным имуществом. Это имущество с самых ранних времен находилось во владении патрициев, но так, что право собственности на него все-таки принадлежало государству. С тех пор как плебеи тоже заняли место между гражданами государства, было бы несправедливо отстранять их от участия в пользовании общественными землями, тем более что этими новыми приобретениями Рим был главным образом обязан храбрости и крови плебеев. Нет сомнения, что правильное распределение добытых земель спасло бы большую часть плебеев от обеднения. Но патриции упорно держались своего старого права, которое теперь сделалось несправедливостью; плебеи оставались устранными от пользования *ager publicus*, и патриции не платили даже пошлыны государству за эксплуатацию в свою пользу общего имущества.

Весьма вероятно, что при переговорах с удалившимися на Священную гору плебеями патриции сделали уступки относительно *ager publicus*. Но именно в то время Спурий Кассий был вторично избран консулом, и он, без сомнения, содействовал заключению мира. Так как сделанные тогда обещания были отложены потом в сторону, то, будучи избран консулом в третий раз, он, может быть, счел себя обязанным снова поднять это дело, чтобы исполнить долг справедливости в отношении народа. Став вразрез с корыстными интересами своего сосло-

вия, он не побоялся выступить с аграрным законом, содержание которого, по-видимому, было следующее: одна часть *ager publicus* отдается в собственность плебеям, другая остается в пользовании у патрициев, но с тем, чтобы они платили за это арендную пошлину.

Понятно, что патриции и сенат не были расположены согласиться на предложение Кассия; но, ввиду угрожающего настроения плебеев, сенат уступил, и закон был принят. Было решено составить комиссию из 10 старейших консуляров и возложить на нее обязанность привести новый закон в исполнение. Сенат, однако, уступил только для виду, чтобы на время успокоить народ; он ждал, что волны народного движения скоро снова улягутся, и тогда намеревался опять предать забвению неудобный закон. Но об устранении его нечего было и думать, пока был жив Кассий, его главный виновник, руководитель народного движения. Надо было отделаться от Кассия. Корыстолюбивые и себялюбивые патриции никогда не затруднялись в выборе средств, лишь бы цель могла быть достигнута. Едва Кассий сложил с себя консульскую власть, как патриции через посредство квесторов Кезона Фабия и Л. Валерия возвели на него вымышленные обвинения, будто он стремился к единодержавию и за это подлежит смертной казни. Обвинение было внесено в куриатские комиции, в народное собрание патрициев, ибо оба сословия имели каждое свое собственное судопроизводство. Кассий был приговорен к смерти. Квесторы низвергнули его с Тарпейской скалы. Его имущество было конфисковано и посвящено богине Церере, дом снесен, а место, на котором он стоял, оставлено пустым. Статуя, изображавшая бывшего консула, расплавлена. По другому известию, суд над Кассием производил его отец, в силу своего отцовского права, и когда убедился в его вине, то убил преступника в своем доме. Чтобы примирить оба эти известия, было сделано предположение, что смертный приговор над Кассием был произнесен куриями, но из уважения к семейству исполнение приговора было предоставлено отцу в стенах его дома. Трех сыновей Кассия оставили в живых, несмотря на

существование древнего обычая наказывать и детей за преступления родителей.

Так великий и заслуженный человек пал жертвой своекорыстия патрициев, которые ради служения своим личным интересам и своей мести не побоялись совершить убийство невинного. Документально принятый закон не был приведен в исполнение сенатом и консулами и в следующие годы служил предметом ожесточенной борьбы между трибунами и патрицианскими властями; только лет двадцать спустя тяжкие войны с эквами и вольсками заставили римлян отложить в сторону споры из-за владения землей. Когда еще через 10 лет (456 г. до Р. Х.) закон Ипилия предоставил плебеям Авентинскую равнину для постройки домов, они, по-видимому, отказались на долгое время от всяких других притязаний на общественную землю.

Время, непосредственно следовавшее за казнь Кассия, было временем патрицианской реакции, так как с этой стороны начали употребляться все средства для удержания в прежнем подчинении народа, стремившегося к освобождению, и особенно для воспрепятствования осуществлению Кассиева закона. В консулы избирали самых решительных и упорных противников плебеев и аграрного закона; так, в первые два года после смерти Кассия были избраны его оба обвинителя, а в течение первых семи лет избирался постоянно один из членов фамилии Фабиев, которая, по неизвестным нам причинам, сильнее всех восставала против аграрного закона. Чтобы лишить народное движение всякой силы, Фабии впустили государство, которому и без того уже приходилось воевать с эквами и вольсками, в новую войну с городом Вейями. Но так как передовое положение и могущество, приобретенные в это смутное время семейством Фабиев, возбуждали зависть остальных патрицианских семейств, то Фабии совершенно разошлись со своим сословием и обратились к народу. Дело дошло даже до того, что обвинитель Кассия Кезон Фабий, будучи консулом в 479 г., требовал исполнения аграрного закона.

Раздор между Фабиями и патрициями принимал все более и более обширные размеры, и так как первые, вслед-

ствии вызванной ими войны, становившейся все опаснее и опаснее для Рима, увидели себя отданными в жертву обвинениям и нападениям патрициев, то они решились принять эту войну исключительно на себя, как частную войну их дома, и в количестве 306 человек в сопровождении своих клиентов (числом от 400 до 500) двинулись к ручью Кремера, недалеко от города Вейев, где основали крепость. Отсюда вели они войну с вейентинцами, пока наконец в 477 г. не погибли все вследствие внезапного нападения неприятеля. Только один мальчик, остававшийся в Риме, пережил гибель своего семейства; по другому сказанию, в живых остался М. Фабий, бывший впоследствии, именно в 450 г., членом второго децемвирата, а во время гибели фамилии Фабиев находившийся уже в зрелых летах.

5. КНЕЙ МАРЦИЙ КОРИОЛАН

История Кориолана имеет по большей части легендарный характер. Но так как обыкновенный рассказ был принят позднейшим временем за действительную историю, то мы выберем из него самое главное и затем вкратце прибавим то, что по устранении всего легендарного может, по-видимому, быть принято за исторические факты.

Кней Марций, происходивший из знатного патрицианского рода, отличался уже в очень молодые годы храбростью и мужеством. Рассказывают, что он принимал участие в изгнании Тарквиния и отважно сражался в битве при Регильском озере. Тут он на глазах диктатора Постумия защищал своим щитом одного упавшего около него гражданина и изрубил напавшего неприятеля. За это полководец наградил его дубовым венком, потому что такая награда следовала по закону всякому прикрывавшему щитом своего согражданина. С минуты получения этого отличия честолюбивый юноша начал стараться оправдывать ожидания, возлагавшиеся на него, и присоединял подвиг к подвигу, прибавлял добычу к добыче; не было сражения, из которого он возвратился бы домой без венка или почетного украшения. В том самом году, когда Спурий Кассий заключил союз с латинами (493 г. до Р. Х.), римляне под предводительством консула Постумия Коминия предприняли поход против воль-

сков из Анциума, завоевали латинские города Лонгулу и Полуску, находившиеся в то время в руках вольсков, и затем расположились лагерем перед городом Кориоли. Вольски из Анциума пришли на помощь городу и напали на римлян, между тем как с другой стороны была произведена вылазка жителями Кориоли. Но Марций, предводительствуя вверенным ему отрядом, отбросил их снова в город и сам вторгся туда вслед за обратившимися в бегство. Пламя, охватившее зажженные дома, вопли жен и детей дали знать остальной части римского войска, что Марций вторгся в город; она последовала за ним, заняла Кориоли и ограбила его, между тем как Марций с отрядом волонтеров немедленно поспешил к другой части римского войска, сошедшегося на бой с вольсками из Анциума. Он появился как раз в ту минуту, когда сражение должно было начаться, и занял здесь место впереди всех. Его неодолимой храбрости римляне и тут были обязаны победой. В награду за свои подвиги он получил от консула лошадь с великолепной сбруей и позволение выбрать себе из богатой добычи, состоявшей из золота, лошадей и людей, в десять раз больше того, что приходилось бы ему по доле на равные части. Но Марций выбрал себе только одного пленника, которому он тут же дал свободу. Этот поступок вызвал всеобщее одобрение, и консул Коминий дал ему почетное имя Кориолан.

До сих пор мы видели Марция Кориолана только с хорошей стороны. Но в частной жизни он вел себя крайне гордо и надменно, в особенности относительно плебеев, к которым он повсюду выказывал ненависть и презрение. Для его аристократической гордости было невыносимо видеть, что эта грубая, созданная только для повинования толпа осмелилась восстать против угнетений и удалением на Священную гору вынудить у патрициев установления должности трибунов. В следовавший за завоеванием Кориоли год он явился кандидатом на должность консула. Его военные заслуги, правда, давали ему право на такой почет, но его гордое, резкое поведение во время баллотирования так оттолкнуло от него народ, который и без того ненавидел и боялся его, что избрание не состоялось. Эту неудачу Кориолан принял как тяжелую обиду, и патри-

цианская молодежь, смотревшая на него как на своего вожда, старалась еще более раздуть его негодование. Он решил отомстить народу. Как раз в этом году разразился сильный голод, от которого жестоко страдал бедный класс народа. Чтобы облегчить бедствие, сенат закупил хлеб в разных местностях Италии, а один сицилийский тиран, расположенный к римлянам, прислал им в подарок большое количество пшеницы. Народ надеялся на дешевую продажу хлеба или даже на бесплатную раздачу его. Но когда в сенате начались совещания о способе отпуска хлеба народу, Кориолан произнес резкую речь, напомнил дерзкое неповиновение плебеев закону и требовал, чтобы хлеб продавали не иначе как по тем же высоким ценам, какие существовали на него до тех пор; если же - говорил Кориолан - плебеи хотят установления низких цен, то пусть они откажутся от вынужденных ими прав и согласятся на уничтожение трибунской должности.

Когда речь Кориолана сделалась известной народу, собравшемуся перед курией, он пришел в такую ярость, что непременно убил бы оратора при выходе его из курии, если бы трибуны не потребовали его к ответу перед судом плебейской общины. Гнев народа улегся; каждый смотрел на себя как на будущего судью над жизнью и смертью своего врага. В промежуток времени между этим взрывом и днем суда патриции употребляли все средства, чтобы изменить настроение народа угрозами, просьбами и обещаниями, и им действительно удалось склонить на сторону Кориолана довольно значительную часть плебеев; но Кориолан снова испортил все дело своей неукротимой надменностью, насмешками и язвительными речами, которые он позволил себе относительно трибунов и народа. Так как он не явился лично на суд, то состоялось заочное решение подвергнуть его пожизненному изгнанию. Кориолан отправился к вольскам, произнося угрозы отечеству и полный мрачных мыслей о мщении.

В городе вольсков, Анциуме, жил знатный человек Аттий Туллий, который, благодаря своему богатству и мужеству, пользовался царским почетом. Кориолан знал, что Туллий ненавидел его больше, чем всех остальных рим-

лян, потому что они часто во время войны мерились своими силами. В дом этого-то человека явился однажды вечером изгнанник Марций и, не узнанный никем, с закрытой головой, безмолвно сел у очага. Туллий, позванный прислугой, с недоумением смотревшей на странного незнакомца, спросил этого последнего, кто он и зачем пришел. Тогда Марций открыл лицо и протянул врагу римлян руку на совместную борьбу с ненавистным городом. Туллий с радостью оказал гостеприимство своему недавнему неприятелю, и оба стали обдумывать средства снова поднять вольсков на войну с Римом, так как вольски, ослабленные несколькими поражениями и моровой язвой, незадолго до того заключили с римлянами двухлетнее перемирие.

Туллий взялся вызвать возобновление войны с помощью хитрости. Именно в это время римляне приготавливались праздновать большие игры и пригласили своих соседей на это торжество. Большое число вольсков отправилось в Рим, между ними находился и Туллий. Но прежде чем начались игры, Туллий, согласно уговору с Кориоланом, отправился к консулам и высказал подозрение, что вольски намеревались во время празднества напасть на римлян и зажечь город. Испуганные этим известием, консулы через посредство герольда приказали всем вольскам очистить город до захода солнца. Приведенные в негодование этим оскорбительным распоряжением, вольски вышли из Рима, а Туллий, оставив уже город раньше и ожидавший своих соотечественников на дороге, распалил их гнев до такой степени, что скоро весь народ стал настоятельно требовать мщения. В Рим были отправлены послы, потребовавшие возвращения всех городов, до того времени завоеванных римлянами. Это требование равнялось объявлению войны. Римляне отвечали: «Если вольски первые обнажат меч, то римляне последние вложат его в ножны». Вольски избрали своими предводителями Туллия и Кориолана.

Туллий остался для охраны городов вольсков, а Кориолан двинулся в поход против Рима и союзных с ним латинских городов. Сперва он подступил к римской колонии Цирцея и взял ее. В короткое время он завоевал 12 латинских

городов и остановился со своим победоносным войском у Клуилийского рва в 5 тыс. шагах, или 5 римских милях, от Рима. Рим увидел себя в самом критическом и беспомощном состоянии; внутренние раздоры ослабили все силы, а на помощь латинских городов нечего было надеяться. Попытки собрать войско остались безуспешными, а в это время за городскими воротами грабили и опустошали солдаты Марция; но они не трогали земель, принадлежащих патрициям, потому ли что Марций хотел выместить свою ненависть сперва на плебеях, или потому, что он желал еще более усилить враждебные отношения между двумя сословиями. Он достиг той и другой цели; плебеи заподозрили патрициев в соглашении с Кориоланом и отказались поставлять людей в войско, чтобы не губить себя изменой патрициев. В таком бедственном положении сенату не оставалось ничего более, как отправить к Кориолану посольство с предложением примирения и возвращения в отечество.

С этой целью в неприятельский лагерь были отправлены пять сенаторов. Они были личными друзьями Кориолана и надеялись на радушный прием; но он принял их гордо и сурово и на их кроткие, миролюбивые речи отвечал, что стоит здесь не от своего собственного лица, а как предводитель вольсков; что о мире не может быть и речи до тех пор, пока римляне не возвратят вольскам все завоеванные ими земли с городами и не предоставят им гражданской равноправности, какая дана латинам. На обсуждение этого предложения Кориолан дал им 30-дневный срок. По истечении этого последнего римляне отправили новое посольство для испрошения более мягких условий. Оно вернулось с такой же неудачей, как и первое, получив последнюю трехдневную отсрочку. Тогда городские жрецы попытались смягчить жестокого человека; понтифексы, фламины и авгуры в праздничных одеяниях отправились в неприятельский лагерь, просили и молили Кориолана отступить от города и затем уже начать с римлянами переговоры о делах вольсков; но Марций не отступал от своего первого решения. По возвращении жрецов римляне решили спокойно оставаться в городе, ограничиваться охраной стен и ждать помощи только от времени и какого-нибудь случайного

чуда, потому что придумать другое средство спасения никто уже не мог. Женщины печальными толпами переходили из одного храма в другой и молили богов об устранении великого бедствия. В числе их находилась и Валерия, сестра Попликолы, оказавшего такие услуги государству. В последний день данной отсрочки она вместе с другими благородными женщинами лежала в прахе перед алтарем Юпитера Капитолийского и молилась; вдруг в голове ее сверкнула счастливая мысль. Она встала, отправилась с остальными женщинами к матери Кориолана Ветурии и его жене Волумнии и обратилась к ним с просьбой отправиться к Кориолану и умолять его об отвращении от города грозы. Ветурия и Волумния - последняя держа за руку своих обоих сыновей - двинулись в лагерь во главе знатных римлянок. Их вид вселил в неприятеля почтительное сострадание. Когда Кориолан услышал, что в числе приближавшихся к лагерю находились его мать, жена и дети, он бросился с распростертыми объятиями им навстречу и со слезами обнимал и целовал их. Упреки и мольбы любимой матери, безмолвный плач почтенных женщин, вид колена-преклоненных детей и жены - все это сокрушило наконец жесткое упорство мстительного человека. «Матушка, - воскликнул он, - что ты со мной сделала! Я повинуюсь тебе, ты победила меня; но в Рим я не возвращусь более никогда. Вместо меня сохрани отечество, так как ты сделала выбор между Римом и твоим сыном». Затем, поговорив еще наедине с матерью и женой, он отпустил их и, как только рассвело, повел свое войско в обратный путь.

У вольсков Кориолан жил до глубокой старости и, как рассказывают, часто жаловался, что для старика изгнание есть великое бедствие. По другим, менее достоверным сказаниям, вольски убили его в негодование на то, что он увел их из Рима, на который они смотрели уже как на верную добычу.

В благодарность женщинам за спасение города римский сенат постановил построить храм в честь богини - покровительницы женщины (*fortuna muliebris*).

Рассказы римских историков о Кориолане различаются между собой во многих пунктах, так что уже из это-

го обстоятельства, помимо всего характера повествования, следует заключить, что эти рассказы почерпнуты не из современных источников, но из легендарных преданий. Из неверностей и неправдоподобностей, открытых новой критикой в истории Кориолана, мы упомянем здесь только о некоторых. Завоевание города Кориоли римлянами в 493 г. очень сомнительно, так как древнейшее предание ничего не говорит о римском походе против вольсков в этом году. Владычество вольсков в то время не простиралось до той местности, где находился Кориоли, и этот город значится среди латинских городов в договоре Кассия, который был заключен в том же 493 г. Стало быть, Кориолан не мог получить этого прозвания благодаря подвигам при взятии Кориоли; притом же в первые столетия республики не было в обыкновении получать прозвища (*cognomina*) по имени завоеванных городов или выигранных сражений. Прозвища по имени городов, но дававшиеся не за удачные военные подвиги, часто встречались и в других случаях; таковы, например, Коллатин, Камерин, Медуллин и т.п. Таким прозвищем было и Кориолан, и на основании его вымыслили для человека, которому оно принадлежало, подвиг, будто бы совершенный при Кориоли. Невероятно, чтобы при тогдашней национальной исключительности народов, их отвращении ко всему чужеземному Кориолан, как чужеземец, мог сделаться полководцем вольсков; невероятно, чтобы они беспрекословно повиновались этому чужеземцу, когда он повел их обратно из Рима. Указываемое число завоеванных в течение одного короткого похода городов представляется очень сомнительным, так как в то время целый летний поход обыкновенно требовался на то, чтобы взять хотя бы один укрепленный город. Весьма вероятным представляется предположение Нибура, что Кориолан, изгнанный римлянин, был не полководцем вольсков, а предводителем нескольких отрядов таких же изгнанных и бежавших римлян, усиливших свой состав падкими на добычу авантюристами, — и что он с этими воинами опустошал римские владения и угрожал даже столице, но отступил благодаря мольбам и слезам своей матери. Таково, по-

видимому, историческое основание рассказов о Кориолане. Подобный пример имеем мы в сабинянине Аппии Гердонии, который в 460 г. до Р. Х., предводительствуя римскими изгнанниками и рабами, напал на Капитолий и овладел им. В какое именно время воевал Кориолан во главе своих волонтеров, предание не указывало. Но так как, по записи в духовных книгах, первая жертва в храме *fortuna muliebris* была принесена 1 декабря 488 г., а храм этой богини, по сказанию, был основан в честь спасения города женщинами, то отступление Кориолана от Рима отнесли к 1 декабря предшествовавшего года. Нибур правильно нашел, что поход Кориолана должен быть отнесен на несколько десятилетий позже, ко времени великой войны с вольсками, когда упоминаемые в истории Кориолана латинские города действительно перешли во власть вольсков и эквов и самому Риму грозила опасность. В это время, вследствие ожесточенной борьбы партий в Риме, число беглецов и изгнанников было, конечно, очень велико. Очень может быть, что они под предводительством Кориолана действовали сообща с вольсками.

6. ПУБЛИЛИЙ ВАЛЕРОН

Выше мы уже упоминали, что аграрный закон Кассия подал повод к ожесточенной борьбе между трибунами и патрицианскими чиновниками. Трибуны требовали исполнения закона, сенат и консулы противились ему. Трибуны старались обыкновенно вынуждать уступчивость со стороны патрициев стеснением консульской служебной деятельности и именно препятствиями в наборе войск; но патриции всегда находили выход из затруднительного положения. Когда же Фабии, главнейшие противники аграрного закона, разошлись с партией патрициев и перешли на сторону народа, трибуны стали действовать смелее; как только консулы слагали с себя власть, они призывали их к суду народа и обвиняли в неисполнении юридически существовавшего аграрного закона. Такой образ действий имел законное основание в договоре, заключенном между патрициями и плебеями после удаления последних на Священную гору: в силу его каждый патриций, нарушивший в ущерб плебеям законный порядок, созданный этим договором, должен был выдаваться плебеям для производства над ним следствия и суда; точно так же в случае такого нарушения со стороны плебеев они выдавались патрициям. Вследствие этого патриции не оспаривали у трибунов права требовать к суду бывших консулов.

В 473 г. до Р. Х. трибун Кней Генуций призвал консулов предшествовавшего года к ответу перед народом за то, что они не привели в исполнение аграрного закона, и перед лицом собравшегося народа дал торжественную клятву не отступить от своего решения. Так как патриции не находили средств избавить консулов от грозившей им опасности, то они прибегли к убийству; в утро дня, назначенного для суда, Генуций был найден умерщвленным в своей постели. Что предвидели и что имели в виду патриции, совершая этот поступок, то и случилось: народ и трибуны пришли в такой ужас, что эти последние не смели уже более сопротивляться патрициям или нападать на них. Консулы воспользовались испугом трибунов для того, чтобы произвести набор; они требовали к себе поочередно всех подлежащих воинской повинности и записывали их на службу. Народ негодовал больше на малодушные трибуны, не дерзавших делать никаких возражений, чем на консулов, применявших на деле свою власть, и не оказывал сопротивления. И вот однажды консулы потребовали к себе в числе других Публилия Валерона, почтенного человека из плебеев, который прежде с отличием служил в качестве старшего офицера (*centurio*) и которого теперь заставляли поступить в простые солдаты. Публилий отказался исполнить требование, так как он уже был центурионом и ничем не заслужил такого понижения. Это сопротивление рассердило консулов, и они приказали ликтору схватить Публилия. Публилий потребовал помощи у трибунов, а так как они отступились от него, то консулы велели ликтору сорвать с него платье и развязать пук прутьев. Валерон воскликнул: «В таком случае я обращаюсь к народу, - обращаюсь потому, что трибуны из боязни быть умерщвленными в своей постели решаются допустить, чтобы римский гражданин был на их глазах наказан розгами». Чем сильнее кричал он, тем усерднее срывал с него ликтор платье. Валерон, человек сильный, оттолкнул судебного служителя и кинулся, ища защиты, в густую толпу окружавшего его народа. Озлобленная толпа приняла боевое положение; она напала на консульских ликторов, избивала их, сломала их прутья и прогнала кон-

сулов с площади. Консулы бежали в курию, не зная, как далеко Валерон поведет свою победу. Созвав сенат, они жаловались на полученное оскорбление, на насилие народа, на дерзость Публилия. Многие сенаторы подали голос в пользу принятия решительных мер. Но более рассудительные и пожилые члены сената одержали верх; по их мнению, сенату ни в каком случае не следовало отвечать со своей стороны резкостью на безрассудство массы.

Валерон, пользовавшийся в народе большой популярностью, избран был на следующий, 472 г. трибуном. Все ожидали и желали, чтобы Валерон употребил все силы своей новой власти на отмщение за оскорбление, понесенное в предшествовавшем году, и все были готовы деятельно помогать ему в этом; но Валерон великодушно отказался от всякого личного удовлетворения и хотел воспользоваться своей властью только для того, чтобы обеспечить своему сословию прочные права на будущее время. Не нападая, не оскорбляя ни единым словом консулов предшествовавшего года, он предложил закон, названный по его имени Публилиевым и, вероятно, заключавший в себе следующие главные постановления: «Плебеи имеют право созывать собственные комиции. Эти последние созываются и управляются плебейскими властями (трибунами). Только плебеи имеют право участвовать и подавать голоса в этих собраниях. Не имеющий права подачи голоса не имеет также права и находиться в собрании, а действующих вопреки этому правилу председательствующий трибун может удалять по-

Капитолийский холм

средством своего служителя. В этих собраниях плебейская община совещается и принимает решение о своих внутренних делах, избирает своих властей - трибунов и эдилов; они имеют также право по предложению одного трибуна принимать решение по предметам, касающимся всего государства и общего блага».

Собрания плебеев существовали и прежде, но патриции смотрели на них только как на самовольные и случайные сходки толпы; это не были законно признанные государством комиции, и надменная патрицианская молодежь часто вмешивалась в них и нарушала правильный ход дела. Публилий Валерон заботился о том, чтобы придать этим комициям законное положение и значение и установить их права на законном основании. До сих пор плебеи в своих собраниях совещались о внутренних делах своей общины и по ним принимали решение; обсуждали они также и более общие вопросы, касавшиеся всего государства, но их постановления, плебисциты, не имели никакой законной силы; закон, предложенный Публилием, правда, тоже не давал этим постановлениям обязательного значения для государства, но на основании его трибуны должны были получить право вносить в сенат постановления плебеев касательно новых законов и тем давать повод к дальнейшим совещаниям и постановлениям законных органов государства. Сенат должен был рассмотреть плебисцит и, в случае одобрения этого последнего, предлагать его на обсуждение центуристским комициям и затем на утверждение комициям куристским. После всей этой процедуры плебисцит принимал силу закона. Таким образом, плебеи, благодаря этому нововведению, получали значительную долю участия в законодательстве.

Патриции употребляли все средства, чтобы воспрепятствовать этому предложению Публилия. Они прибегнули к способу, который уже несколько раз до того оказался действенным, — пытались склонить остальных трибунов к вмешательству, потому что противодействие одного трибуна по закону уничтожало действие остальных его товарищей. Но на этот раз трибуны остались непоколебимы и не перешли на сторону патрициев, несмотря на

все старания этих последних. И когда оказалось, что совещания о законе Публилия не привели решительно ни к какому результату в этом году, плебеи выбрали его трибуном и на следующий год. По-видимому, предстояла тяжкая борьба, поэтому патриции выбрали в консулы Аппия Клавдия, человека жесткого и упрямого, самого отъявленного противника плебеев, одного из сыновей того самого Аппия Клавдия, который прославился враждой к народу и сделался ненавистен этому последнему во время удаления его на Священную гору. В первые же дни нового года Валерон снова предложил свой закон и рекомендовал его народу с полным спокойствием и уверенностью. После него встал его товарищ Леторий и говорил в пользу того же закона со страстным увлечением. Леторий был опытный воин, владевший мечом гораздо лучше, чем даром слова; он прервал свою огненную речь и воскликнул: «Квириты, так как я лучше умею держать слово, чем говорить, то приходите снова завтра; здесь перед вашими глазами я или расстанусь с жизнью, или проведу закон».

На следующий день народ собрался толпами на площадь, и трибуны завладели ораторской трибуной, прежде чем появились консулы и патриции, намеревавшиеся оспаривать закон. Эти последние находились внизу в собрании. Тогда Леторий приказал выгонять бичами всех не имевших права подавать голос в собрании. Молодые патриции не двигались с места, не обращая внимания на требования трибуна. Когда после этого Леторий приказал схватить некоторых из них, консул Аппий Клавдий заявил, что власть трибунов не простирается на весь народ, а только на плебеев, что трибуны — высшие должностные лица только у этих последних. Разгневанный Леторий отправил своего служителя против консула, консул же послал своего ликтора против трибуна, громко объявив, что этот трибун не кто иной, как частный человек, не имеющий никакой высшей власти, никакого служебного значения, и Леторий подвергся бы оскорблениям, если бы все собрание не восстало гневно и бурно на консула. Аппий упорно сопротивлялся требованиям взволнованной толпы, и все предвещало кровавую схватку. Тогда в дело

вмешался другой консул, Т. Квинкций, человек умеренный и миролюбивый; он поручил нескольким консуларам (бывшим консулам) увести с площади Аппия Клавдия, успокоил взволнованную толпу и упросил трибунов распустить собрание, обещав, что сенат покорится воле народа, точно так как консул воле сената.

Плебеи оставили площадь, но вместо того чтобы разойтись по домам, они вместе со своими трибунами заняли Капитолий и грозили новым удалением из города. Сенат испугался тем более, что именно в это время эквы и вольски вторглись в римские владения. Оставалось только уступить, и, несмотря на сильнейшее сопротивление Аппия Клавдия, закон Публилия был принят сенатом.

Надменный Аппий Клавдий не мог снести победы народа; он счел ее своим личным поражением, так как патриции выбрали его для оппозиции трибунам, именно в качестве человека решительного. Посланный теперь с войском против вольсков, он старался вымещать свою злобу против народа тем, что жестоко обращался с солдатами. Войско отвечало ему гневным сопротивлением, и когда дело дошло до битвы, оно оставило место сражения и удалилось в лагерь; только после того, как вольски ринулись на укрепления, римские солдаты взялись за оружие для отражения штурма. Это обстоятельство не поколебало, однако, упорства Аппия. Он хотел созвать собрание и учинить кровавый суд, но младшие и старшие офицеры советовали ему не слишком натягивать лук, чтобы не испортить всего дела, так как солдаты решительно отказывались явиться в собрание и уже начинали громко требовать возвращения домой. Наконец Аппий уступил и на следующий день велел трубить отступление. Едва войско тронулось из лагеря, как неприятель пустился за ним в погоню и этим привел римлян в такой ужас, что все бросились в постыднейшее бегство. Аппий был в бешенстве. Когда он снова собрал войско на римской почве, начались жестокие казни; солдаты, побросавшие оружие, знаменосцы, потерявшие знамена, офицеры, бежавшие из ряда, были наказаны плетью и обезглавлены; остальные солдаты были казнены через десятого. Эта жестокая расправа возмутила народ тем более,

что другой консул, Квинкций, который в то же время выступил в поход против эквов, обращался со своими солдатами дружелюбно и кротко и вследствие того вел войну удачно; войско говорило, что этими солдатами предводительствовал отец, а остальными — тиран.

В следующем году над головой Аппия разразилась ненависть народа. Так как он и после сложения с себя консульской власти не переставал являться повсюду предводителем врагов народа и оказывал сильное сопротивление аграрному закону Кассия, то трибуны Дуилий и Сициний предложили плебеям осудить его на смерть. Никогда еще к народному суду не привлекался человек, до такой степени ненавистный народу; в лице Аппия ненавидели не только его самого, но и его отца. Патриции употребляли все средства, чтобы спасти от гнева плебеев ревностнейшего защитника сената, мужественнейшего представителя прав знатного сословия. Только один из них презирал как трибунов и народ, так и опасность, грозившую со стороны этого суда; это был сам Аппий Клавдий. Вопреки обычаю, он не хотел в качестве обвиненного надеть траурное платье, смиренно пожимать руки людям из народа, ни даже несколько умерить свой резкий и грубый тон, когда ему пришлось защищаться. Он оставался таким же гордым, как и прежде, в глазах его сверкала та же твердость, в голосе звучали те же вызывающие ноты, так что большая часть граждан боялась Аппия-подсудимого не меньше, чем Аппия-консула. Только один раз говорил он в свою защиту перед народом, но и тут не изменил обвинительного тона, которым отличались его прежние речи; своим упорством он приводил трибунов и народ в такое смущение, что они все более и более отдаляли день окончательного суда. Но прежде чем настал этот день, Аппий умер, по словам Ливия, от болезни, а по другим историкам, — вследствие самоубийства. Когда его труп принесен был на площадь и сын покойного захотел произнести обычное надгробное слово, трибуны попытались было прогнать его; но поведение Аппия Клавдия оставило в народе такое впечатление, что он не лишил его почетных похорон и в большом количестве проводил тело до могилы.

7. ЛЮЦИЙ КВИНКЦИЙ ЦИНЦИННАТ

Предшествовавшие установлению децемвирата двадцать лет были временем сильных волнений, внешних и внутренних потрясений: тяжелые войны с эквами и вольсками, сабинами и вейентинцами, голод и моровая язва, землетрясения и много зловещих признаков шли рядом с борьбой обоих сословий, становившейся все более и более ожесточенной, так как смелость трибунов с каждым днем увеличивалась, а патриции сопротивлялись им со всевозможным упорством.

В это критическое время главной опорой государства и вместе с тем решительным защитником своего патрицианского сословия был Люций Квинкций Цинциннат. Он признается всеми за одного из наиболее нравственных между своими современниками людей, за человека, отличавшегося чистотой характера, рассудительностью и твердостью, опытного в войне и мире, за образец древнеримской простоты и честности. Правда, он оказывался энергичным человеком, когда дело шло о защите прав его сословия, но он относился благосклонно и дружелюбно к народу, и народ чтил его за справедливость и военные заслуги.

Цинциннат прожил на свете более 80 лет, но из этой долговременной жизни нам известны только немногие

точные факты. Историки пишут об исправлении им консульской должности в 460 г. до Р. Х., то есть в то время, когда ему должно уже было быть 60 лет. В ту пору патриции прибегли к нему как к энергичному и безусловно аристократически настроенному человеку, чтобы покончить спор с плебеями, достигший высшей и опаснейшей степени вследствие предложения закона Терентилия Арсы. Патриции тем более надеялись на принятие Цинциннатом решительных мер против плебеев и их трибунов, что незадолго до того его сын по поводу тех же самых раздоров сделался жертвой обвинений со стороны трибунов.

В 462 г. до Р. Х. народный трибун Терентилий Арса для того, чтобы положить предел неограниченному и могущественному произволу консулов и защитить плебеев от злоупотребления этих чиновников, сделал предложение выбрать из среды плебеев комиссию из 5 человек, которая составила бы писанный закон для регулирования и ограничения служебной власти консулов. Это предложение встретило в сенате такое сопротивление, что Терентилий взял его назад, но в следующем году этот вопрос был снова поднят трибунами и затем возобновлялся каждый год. Пять лет кряду народ выбирал все одних и тех же трибунов для того, чтобы они наконец отстояли предпринятое дело. Борьба велась с большим ожесточением и упорством с обеих сторон, не приводя ни к какому результату. Уже в 461 г. консулы попытались воспрепятствовать предприятию трибунов устройством похода против эквов и вольсков. Но трибуны не допустили набора. В отомщение за это патриции, и главным образом молодежь, стали мешать народным собраниям плебеев, вторгаясь в отделения по трибам и нарушая правильный ход подачи голосов. Никто из них не превосходил в этом случае высокомерием Кезона Квинкция, сына Квинкция Цинцинната, юношу, гордого своим аристократическим происхождением, вышиной роста, силой и блестящими военными подвигами и имевшего очень много приверженцев среди молодых патрициев. Предводительствуя ими, он неоднократно прогонял с площади трибунов и разгонял плебеев. Все отважившиеся сопротивляться ему уходили наделенные уда-

рами и в изорванном платье. При таком порядке дел собрания плебеев становились невозможными; надо было избавиться от Кезона.

Трибун Авл Виргиний обвинил Кезона Квинкция перед народом и требовал осуждения его на смерть. Озлобление плебеев против высокомерного, своевольного юноши было велико, но благодаря ходатайству знатнейших патрициев и просьбам старика отца, имевшего право сказать о себе, что он ни разу не обидел ни словом, ни делом кого бы то ни было из народа, многие плебеи смягчились и можно было ожидать оправдания Кезона. Тогда Марк Вольсций, бывший трибуном за несколько лет до того, выступил со следующим обвинением. По его словам, после моровой язвы, свирепствовавшей в Риме, он натолкнулся на улице Субура на толпу шумных юношей. Кезон, предводительствовавший ими, напал на него и на провожавших его, издевался над ними и так сильно ударил кулаком его родного брата, только что излечившегося от страшной болезни, что тот повалился на землю и вскоре после того умер. Марк Вольсций жаловался в то время консулам, но жалобы его остались без последствия. Рассказ Вольсция снова воспламенил негодование народа; он с бешенством кинулся на Кезона и убил бы его, если бы Виргиний не приказал схватить юношу, чтобы отвести его в тюрьму. Но этому силой воспрепятствовали патриции, потребовавшие в то же время вмешательства в дело других трибунов. Было решено, что обвиненный останется на свободе до дня суда за поручительством 10 граждан, из которых каждый должен заплатить 3 тыс. ассов в случае неявки Кезона на суд. Но едва только состоялось это решение, как Кезон бежал из города и отправился изгнанником в Этрурию. Дальнейшего суда над ним не было. Граждане, которым пришлось заплатить за это бегство 30 тыс. ассов, с неумолимой жестокостью вытребовали эту сумму у отца Кезона, Цинцинната, так что этот последний вынужден был продать все свое имущество и долго жил как изгнанник по ту сторону Тибра в уединенной хижине. Однако рассказ об этом разорении, кажется, был выдуман только для того, чтобы объяснить, каким

образом Цинциннат, глава своего сословия и спаситель государства, владел во время своей диктатуры только четырьмя югерами земли. Если поручители действительно требовали от отца возвращения денег, уплаченных ими за сына, то родственники Цинцинната и клиенты должны были, со своей стороны, внести по крайней мере столько, сколько нужно было, чтобы не допустить его до обеднения.

В следующем, 460 г. борьба из-за закона Терентилия продолжалась с большим ожесточением. Со стороны патрициев дело приняло характер заговора; устав от постоянных нападений трибунов, они замыслили уже государственный переворот и окончательное уничтожение трибуната. В народе ходили темные слухи, что Кезон приближается к Риму с войском, составленным из изгнанников и беглецов, чтобы в союзе с заговорщиками восстановить в городе тот порядок управления, который существовал до удаления плебеев на Священную гору; другие говорили, что он уже находится тайно в городе, намереваясь занять вместе со своими союзниками укрепленные места и высоты, убить трибунов и произвести всеобщий переворот. Тревожное ожидание овладело всеми; И вот однажды ночью вдруг раздался боевой крик и пробужденные граждане с испугом услышали восклицание: «Неприятель в Капитолии! Измена! Консул Клавдий отворил Кезону ворота крепости!» Сабинский вождь Аппий Гердоний с отрядом римских изгнанников и рабов поплыл ночью на лодках по Тибру и посредством внезапного нападения овладел Капитолием. Когда рассвело, консулы решили штурмовать крепость, но трибуны подозревали измену со стороны патрициев и воспротивились этому; они говорили, что патриции хотят принудить народ к военной присяге и безусловному повиновению, чтобы потом отнять у него его права. Только на второй день консулу Валерию Попликоле, сыну знаменитого Попликолы, удалось просьбами и увещеваниями склонить народ к тому, чтобы он присягнул служить в войске и пошел на штурм Капитолия при условии, что, как только крепость будет снова взята, плебеям позволят беспрепятственно заняться совещаниями о Терентилиевом законе. Штурм

состоялся, и Капитолий был отбит у неприятеля после кровопролитного сражения. Гердоний пал с большей частью своих, но и консул Валерий нашел смерть перед капитолийским храмом. Историки не утверждают, правда, положительно, что Кезон находился в Капитолии в числе римских беглецов, но, судя по некоторым намекам, можно с вероятностью предположить, что он принимал участие в этом предприятии и погиб в сражении. Таким образом, опасение плебеев, что Кезон в союзе с патрициями намеревался произвести переворот в государстве в ущерб плебейцам, были не без основания.

После взятия Капитолия, очищения и нового освящения его святынь трибуны потребовали от консула Клавдия исполнения обещания, данного плебейцам Валерием, павшим в Капитолии. Но Клавдий был далек от этого. Более крутые из патрициев еще не отказались от мысли о всеобщем перевороте, и к этой партии принадлежали как Клавдий, так и, по-видимому, большая часть сената. Клавдий объявил, что решение по поводу обещания, данного Валерием, не может состояться прежде, чем на место этого последнего будет избран другой консул. Сенат, вопреки законному порядку, назначил консулом Квинция Цинцинната, так как он был известен как самый энергичный представитель прав и преимуществ патрицианского сословия и теперь, после потери своего сына, исполнен крайнего негодования против трибунов и плебеев. Цинциннат решил положить раз и навсегда конец плебейским беспорядкам и мятежным действиям уничтожением трибуната и восстановлением прежних законов, по которым патриции одни беспрепятственно управляли государством. С этой целью он приказал, чтобы войска отправились к Регильскому озеру, будто бы для того, чтобы оттуда двинуться в поход. Но действительное его намерение состояло в том, чтобы, выведя войско за городскую границу, где власть трибунов прекращалась и устройство возмущения против полководца не было возможно, составить из этого войска народное собрание (центуристские комиции) и вынудить у него постановление об отмене всех политических прав, приобретенных плебейцами в последнее время. В городе хо-

дил слух, что к Регильскому озеру уже отправлены авгуры, долженствовавшие освятить место, выбранное для центуристских комиций. Испуг овладел народом, который понял, что замышляется государственный переворот. Ведь недаром Цинциннат несколько раз высказывался, что он не будет созывать собрание для выбора консула, что болезнь, которой страдало римское государство, не может быть излечена обыкновенными средствами; по его словам, общее благо требовало установления диктатуры. Со стороны патрициев все, по-видимому, было готово к государственному перевороту, но план их не осуществился. Вероятно, народ принял такое угрожающее положение, что можно было опасаться крайних мер с его стороны. Дело окончилось соглашением, по которому патриции обещали не увести войско из города, трибуны же отказались от своего намерения возобновить в текущем году переговоры о законе Терентилия. Сенат требовал еще, чтобы плебеи не выбирали на следующий год трибунами тех же самых лиц, которые исполняли эту должность до сих пор и оказались ревностными и энергичными защитниками Терентилиева закона, но народ не согласился исполнить это требование, вследствие чего и патриции пожела-ли выбрать на следующий год консулом того же Цинцинната. Но Цинциннат решительно отклонил от себя эту честь, потому ли, что такой образ действия казался ему противозаконным, или потому, что он потерял надежду на успешное окончание борьбы.

Через два года после оставления Цинциннатом должности консула (458 г. до Р. Х.) он по случаю большой опасности, грозившей со стороны внешних врагов, был призван в качестве диктатора стать во главе государства. Уже много лет римляне вели войны с эквами и вольсками, которые все смелее и смелее вторгались со своих гор в низменные местности Лациума. С 468 г. римлянам, ослабевшим вследствие моровых язв и других бедствий, решительно не везло в этих войнах. Вольски распространили свое господство от гор земли вольсков и Лириса до Анциума; эквы, жившие в горах у верхнего Анио и обыкновенно находившиеся в союзе с вольсками, утвердились на

горе Алгид вблизи Тускулума, часах в восьми расстояния от Рима, и совершали оттуда опустошительные набеги на союзный с Римом Лациум и на римские владения до самых стен города. В вышеупомянутом 458 г. они, как по крайней мере рассказывают римляне, вероломно нарушили только что заключенный мир и, по опустошении Лациума, снова разбили свой лагерь на Алгиде. Римляне отправили на Алгид посольство с жалобой на такой поступок и с требованием удовлетворения; но посланники были постыдно прогнаны. Предводитель эквов Грахх Клелий язвительно объявил, что у него теперь есть дела поважнее и что послы могут передать поручение, возложенное на них сенатом, дубу, возвышавшемуся над его шатром. Чтобы отомстить за этот позор, римляне отправили войско под предводительством консула Минуция. Но Минуций повел дело неискусно и медленно, и эквы окружили его со всех сторон посредством стены, воздвигнутой ночью. Только пять римских всадников с трудом успели пробраться через неприятельские форпосты, чтобы принести в Рим весть о постигшем его бедствии. Жителями Рима овладел такой ужас, как будто враги окружили не лагерь, а весь город. Один только человек казался способным спасти государство от гибели; это был Квинкий Цинциннат, живший в бедности по ту сторону Тибра на своем маленьком участке в 4 югера. Консул Науций, по приказанию сената, возвел его в сан диктатора. Сенатский прислужник (Тiator), отправленный к Цинциннату с вестью об этом назначении, застал старика за сельскими работами: без верхнего платья и покрытый пылью, он пахал землю, следуя за своим плугом. Посланный попросил Цинцинната надеть тогу, чтобы выслушать поручение сената. Старик приказал своей жене Рацилии принести ему из хижины тогу, и, когда он умылся и надел на себя это платье, посланник возвестил ему о назначении его в диктаторы и просил немедленно отправиться в Рим. На казенном челноке Цинциннат переправился через реку, на другом берегу которой он был встречен своими тремя сыновьями, родственниками и друзьями; предшествуемые двадцатью четырьмя ликторами, они повели его в его городское помещение.

Народ также собрался ему навстречу в огромном количестве, но вид Квинкция с его секироносцами не особенно радовал эту толпу, потому что сила его должности казалась ей слишком большой, и она опасалась, чтобы в новом звании он не обнаружил еще большей строгости, чем прежде.

В ночь, следовавшую за этим днем, ни один римский гражданин не ложился спать; уже до рассвета диктатор появился на площади и назначил своим «magister equitum» Люция Тарквиция, бедного, но прославившегося своей храбростью юношу из патрициев. Все лавки в городе были заперты, все дела торговые и судебные приостановились; всем способным к военной службе гражданам было приказано принести военную присягу и до захода солнца собраться на Марсовом поле в полном вооружении со съестными припасами на 5 дней и с 12 палисадинами. С заходом солнца войско двинулось в поход, один торопил другого, и солдаты шли все быстрее и быстрее вперед. Каждая минута была дорога, потому что уже третий день консул и войско были окружены со всех сторон неприятелем. В полночь римляне достигли Алгиды и, когда увидели, что неприятель находится близко, остановились. Объехав неприятельский лагерь, Цинциннат приказал своему войску сложить багаж и затем поставил своих солдат с оружием и палисадинами вокруг лагеря эквов. По данному сигналу войско испустило громкий крик и начало вбивать в землю палисадины, вследствие чего все неприятельское войско очутилось в ограде. Крик испугал неприятеля, в лагере консула догадались, что это подоспела помощь, и тотчас же ринулись на эквов, которым это обстоятельство помешало обратиться против Цинцинната и уничтожить строившийся забор. С рассветом этот забор был уже готов, и эквам пришлось отбивать нападения изнутри и извне. Эта двойная атака грозила им гибелью, вследствие чего они стали умолять, с одной стороны, диктатора, с другой — консула пощадить их. Жизни их не лишили, но предводителя Клелия и его старших офицеров заковали в цепи и привели к диктатору, чтобы впоследствии они послужили украшением его триумфа. Остальное войско положило оружие и с

позором прошло под виселицей, образованной из трех копьев таким образом, что два копья были воткнуты в землю, а третье привязано к ним поперек.

В неприятельском лагере римляне нашли богатую добычу, потому что диктатор позволил каждому из эквов унести с собой только одну пару платья. Добычу Цинциннат раздал только своим солдатам. Что касается войска консула и самого консула, то к ним он обратился со следующими словами: «Вам, солдаты, не следует получить никакой части из добычи того неприятеля, у которого вы сами сделали почти добычей, а ты, Минуций, до тех пор, пока не проникнешься мужеством, подобающим консулу, останешься при этих легионах младшим полководцем». Таким образом, Минуций сложил с себя консульское звание и остался при войске. Солдаты, помня больше о благодеяниях диктатора, чем о его оскорблениях, подарили диктатору золотой венок и при отъезде простились с ним как со своим патроном. При триумфальном вступлении в город диктатора и его войска благодарные граждане встречали их с криком и восторгом; перед каждым домом стоял накрытый стол, за которым угощались проходившие мимо солдаты. Такого веселого праздника в Риме еще никогда не было.

Диктатор исполнил свою задачу в несколько дней и вполне. Но прежде чем сложил с себя должность, он еще привлек к суду трибуна Вольствия, из-за которого процесс его сына Кезона принял такой дурной оборот. Квесторы уже в течение двух лет преследовали Вольствия обвинениями в лжесвидетельстве, но не успели ничего достигнуть вследствие вмешательства трибунов. Для диктатора же это вмешательство не имело никакого значения. Вольстий был призван в суд патрициев по обвинению в лжесвидетельстве против патриция и приговорен к изгнанию. Он отправился в Ланувиум, сделавшись, может быть, невинной жертвой патрицианской мести. Вслед за этим Цинциннат сложил с себя диктатуру, которой он пользовался в продолжение 16 дней.

Читая рассказ о походе Цинцинната к Алгиду, легко усмотреть, что здесь простой факт изукрашен поэтической легендой и в своих подробностях преувеличен до послед-

ней крайности. И действительно, столь пресловутая победа осталась без всяких видимых последствий, потому что эквы в следующие же годы снова появляются на Алгиде и вблизи Рима. Только спустя несколько лет после децемвирата война с эквами и вольсками приняла более счастливый оборот, вследствие чего римляне стали мало-помалу распространять свое владычество в этом направлении. Несчастье в этих войнах наконец послужило в пользу римлян, ибо союз латинских городов, которые со времени договора Спурия Кассия пользовались одинаковыми правами с Римом, был разрушен успехами эквов и вольсков, а те из них, которые уцелели, увидели необходимость прибегнуть к защите и покровительству римлян. Когда же римляне снова завоевали в Лациуме утраченные местности, тогда завоеванные города пришли в такую же зависимость. Таким образом, войны с эквами и вольсками повлекли за собой установление римского владычества в Лациуме.

Через несколько лет после децемвирата, уже будучи 80-летним стариком, Квинций Цинциннат был еще раз призван патрициями стать во главе Республики для защиты их дела. В 440 г. в Риме свирепствовал голод. Трибуны принудили сенат назначить «*prefectus annonae*» в лице патриция Минуция. Ему не удалось облегчить бедственное положение; у рабов была уменьшена одна часть их ежедневного содержания, и дороговизна приняла такие размеры, что многие плебеи для избежания медленной голодной смерти бросались в Тибр. Тогда один из плебеев, Спурий Мелий, человек с громадным состоянием, принял участие в плачевном состоянии народа. Закупив в Этрурии большое количество хлеба и отправив его в Рим, он стал продавать его по умеренным ценам, а бедным раздавал бесплатно. Неудивительно, что этим образом действий он приобрел любовь и преданность народа, тем более что патриции относились к общему бедствию с полным равнодушием. Минуций и на следующий год остался в той же должности, но его усилия остались такими же бесплодными, как прежде, между тем как Мелий снова оказал бедствующему народу огромные благодеяния. Рвение этого плебея было не по сердцу патрициям; они говорили, что он ищет

популярности в народе для того, чтобы этим путем добиться господства в Риме. Минуций сам объявил в сенате, что в доме Мелия собрано много оружия, что там устраивают тайные сходки и что хозяин предпринимает восстановление монархии; только время переворота еще не назначено, все же остальное уже готово, трибуны подкуплены для измены свободе и предводителям массы уже розданы надлежащие роли. Когда сенат упрекнул консулов в том, что они так небрежно следили за безопасностью города, один из них, Квинкций Капитолин, сказал в оправдание, что право вмешательства трибунов отнимает у консулов власть противодействовать подобным вещам, и потребовал избрания диктатора, который бы обладал необходимой твердостью характера, так как только диктатор свободен от стеснительных постановлений закона. Это обстоятельство подало повод сенату избрать в диктаторы старика Цинцинната, характер которого наиболее соответствовал высокому значению этой должности.

Цинциннат сначала отказывался и спрашивал, какую пользу может принести патрициям такой отживший старик, как он, в такой тяжелой борьбе; когда же его стали уверять со всех сторон, что он превосходит всех их мудростью и твердостью, то он принял наконец должность, моля бессмертных богов, чтобы они не допустили его причинить государству вред или бесчестие в этом критическом положении. Своим «*magister equitum*» он назначил К. Сервилия Агалу.

Через день после того Цинциннат приказал занять площадь караулами. Когда толпа народа, в числе которых находился и Мелий со своими приближенными, явилась на площадь и с удивлением стала спрашивать о причине таких необыкновенных распоряжений - *magister equitum* по приказанию диктатора подошел к Мелию и сказал ему: «Диктатор требует тебя к себе». Испуганный Мелий спросил, чего хочет от него Цинциннат, и поспешил укрыться среди своих приверженцев. Агала бросился за ним и заколол его. Обгоревший кровью, явился он к диктатору и объявил, что вытребованный им Мелий оттолкнул судебного чиновника, хотел возмутить народ и понес заслуженное наказание. Диктатор сказал: «Благодарю тебя, Гай Сервилий, за доблест-

ный подвиг, которым ты возвратил государству свободу». Народ пришел в сильнейшее волнение и готовился кроваво отомстить убийцам; но когда перед бушующей толпой явился Цинциннат во главе сената и в окружении всадников-патрициев, с обнаженными мечами в руках, она упала духом и возвратилась к обычной покорности. По приказанию диктатора дом Мелия был снесен и место, на котором он стоял, еще долго после того оставалось пустым «в память уничтожения богопротивного замысла».

Так обыкновенно рассказывают позднейшие историки о гибели Мелия, убитого патрициями без улик в какой-либо вине. Но в более древних известиях дело представляется иначе, и старик Цинциннат остается свободным от упрека в убийстве невинного человека. По этим известиям, в то время ни Цинциннат не был диктатором, ни Агала - *magister equitum*, а сенат, по обвинению Минуция, без всяких разбирательств поручил Агале убить Мелия. Агала, скрыв кинжал под плащом, отозвал его под предлогом какого-то дела в сторону и заколол. Негодование, вызванное в народе этим бессовестным убийством, заставило Агалу удалиться в изгнание.

8. АППИЙ КЛАВДИЙ И ДЕЦЕМВИРЫ

В 462 г. Терентий Арса предложил проект закона об ограничении власти консулов. Мы уже видели, как энергично боролась против этого закона партия патрициев. Когда она увидела, что путем интриг и насилия ничего не добьется, то для спасения главного дела стала пытаться привлечь на свою сторону трибунов разными незначительными уступками. Трибуны принимали эти уступки, но не отказывались от главного требования. Так, в 457 г. патриции позволили увеличить число трибунов с пяти до десяти; это разрешение имело, конечно, сомнительную цену, так как между десятью трибунами легче было найти одного, которого патриции могли бы склонить к оппозиции своим товарищам; но, во всяком случае, значение трибуната усиливалось этим увеличением численности, и десять трибунов, благодаря *jus auxilii*, могли защищать отдельных плебеев более успешно, чем пять. В следующем году трибун Ицилий провел закон, по которому Авентинский холм, хотя находившийся внутри городской стены, но остававшийся покрытым лесом и почти необитаемым, был отдан плебеям под постройку жилищ (*lex Icilia de Aventino publicando*). До тех пор эта местность оставалась как общинная земля в пользовании патрициев. Теперь же Авентинский холм, составляющий возвышенность, окруженную со

всех сторон свободным пространством и представляющую значительные трудности для восхождения, сделался для плебеев убежищем и крепостью в их борьбе с патрициями. Только в 454 г., вследствие уступок с обеих сторон, возбужденное Терентием спорное дело пришло к решению. Так как в этом году консулы объявили, что они не допустят голосования относительно Терентиева закона, то трибуны, чтобы уладить дело, решили отказаться от закона Терентия в его первоначальной форме и предложили, чтобы образованная из плебеев и патрициев комиссия составила общее для обоих сословий уложение, общий свод гражданских и уголовных законов. Благонамереннейшие и рассудительнейшие из патрициев, по-видимому, устав от ожесточенной борьбы и сделавшись более уступчивыми, вследствие испытанных в последнее время невзгод, выказали готовность согласиться на предложение трибунов, потребовав только, чтобы комиссия была составлена исключительно из патрициев. В то же время прежнее требование Терентия об ограничении консульской власти было удовлетворено настолько, что оба консула этого года, Атерний и Тарпей, издали закон, которым для устранения консульского произвола определена была мера имущественных штрафов (*multae*), которые имели право налагать консулы.

Как только последовало соглашение насчет составления свода законов, сенат отправил троих из своих почетнейших членов, Постумия Альба, Манлия и Сульпиция Камерина, в греческие города Нижней Италии и в Грецию для ознакомления с законами и учреждениями греческих государств. В Нижней Италии некто Гермодор, изгнанный из Эфеса грек, оказал им существенные услуги, переведа и объяснив для них греческие законы и постановления. За это римляне воздвигли в честь его на форуме колонну. В Греции римские сенаторы дольше всего пробыли в Афинах, находившихся тогда на высшей стадии процветания вследствие греко-персидских войн, и изучали там законы мудрого Солона. В 452 г. они возвратились в Рим и тогда приступили к осуществлению этого важного дела.

Прежде всего решили избрать десять человек исключительно из сословия патрициев для составления законов

(*decemviri legibus scribendis*). На все время исполнения этого поручения в их руки была передана вся административная и судебная власть, все чиновники, в том числе и народные трибуны, сложили с себя свои должности, право провокации было уничтожено; но трибуны выговорили себе условие, чтобы в новом законодательстве не были отменены те из существовавших уже между обоими сословиями договоров, которые обеспечивали плебеям их права. Таким образом, децемвиры приобрели неограниченную власть. В состав коллегии входили три сенатора, ездивших в греческие города, оба консула этого года, Аппий Клавдий и Т. Генуций, и, кроме того, еще пять старейших сенаторов, большей частью консуларов (бывших консулов). В майские иды (15 мая) они вступили в должность и установили, чтобы председатель коллегии менялся ежедневно (или каждые 5 дней). Из всех членов только председатель пользовался атрибутами высшей власти — правом иметь около себя 12 ликторов, вооруженных пучками прутьев; остальные пользовались только одним служителем и во время судебных разбирательств считались только присутствующими.

Самым умным и почетнейшим между децемвирами считался, несмотря на то, что он был моложе всех остальных, Аппий Клавдий, сын того самого Аппия Клавдия, с которым мы уже познакомились как с упорным противником закона Публилия и самым заклятым врагом народа. И этот младший Клавдий не уступал жестокостью и надменностью остальным членам своего рода; до этих пор он не раз отличался жестокими преследованиями плебеев и с высокомерной насмешливостью часто называл тюрьму квартирой этого сословия. Но теперь он стал добиваться популярности в народе; он окружил себя плебеями и бывшими трибунами, сделался доступным для каждого, дружески пожимал руку даже последним из низшего класса и действовал кротко и справедливо. Точно так же поступало и все правительство. Члены коллегии отличались образцовым единодушием и удовлетворяли справедливые требования как высшего, так и низшего сословия без замедления и пристрастия. Каждый из децемвиров допускал

апелляцию на свое решение к одному из своих товарищей, вследствие чего народ не имел надобности в защите и вмешательстве трибунов и без труда привык к отсутствию этого института.

Главным своим делом — составлением новых законов — децемвиры занялись прилежно и добросовестно. Не следует, однако, думать, что они предложили совершенно новые законы. Самая большая часть их деятельности была посвящена пересмотру прежних постановлений, причем они оставляли нетронутыми пункты целесообразные, исключали все устарелое и нецелесообразное, сглаживали противоречия, устраняли все произвольное установлением прочных норм. Но были при этом, конечно, и новые законы, и хотя все законодательство носило чисто римский отпечаток, тем не менее в ограниченной степени были приняты в соображение и законодательства чужие, главным образом Солона. Вообще на дело децемвиров нужно смотреть как на своевременное развитие тогдашнего римского права в новом духе, то есть на началах смягчения прежней жестокости и устранения неравенства прав обоих сословий. При составлении этих законов обращено было должное внимание на мнение всего народа. По совету Аппия, отдельные доски законов выставлялись публично для того, чтобы каждый гражданин мог читать их и делать свои замечания; каждое основательное порицание принималось во внимание при новом пересмотре и исправлении. Когда таким образом дело получило окончательную отделку, все законы, начертанные на десяти досках, были предложены сенату и народу. Сенат одобрил их, центуристские комиции приняли, а комиции по куриям утвердили постановления центурий. Таким путем законы вошли в силу. Их вырезали на железных досках и выставили публично на форум.

Эти законы децемвиров, носящие вместе с прибавленными к ним в следующем году двумя таблицами название законов двенадцати таблиц, были великим, составившим эпоху в римской жизни, делом и послужили источником и основанием римскому праву на будущие столетия. До нас, впрочем, дошли от них только немногие отдельные отрывки.

Так как децемвиры не могли вполне окончить свою великую задачу в продолжение одного года, то было решено назначить децемвиров и на будущий год для усовершенствования и окончания нового законодательства. Патриции и плебеи были одинаково довольны этим решением — первые потому, что при таком образе правления они имели первенство и не были стесняемы докучливыми трибунами, плебеи же — вследствие того, что могли обойтись без трибунов и получили обещание, что в состав новой коллегии будут выбраны и лица из их сословия. Тут началась ревностная погоня за новыми должностями; усерднее всех хлопотал Аппий Клавдий. Он старался всевозможными обвинениями отстранять патрициев, тщившихся попасть в децемвиры, выдвигал каждого кандидата из самого низшего класса, водил открытую дружбу с бывшими трибунами и через их посредство усиливал свою популярность в народе. Этот образ действий обратил, наконец, на себя внимание товарищей по службе Аппия Клавдия, которому они до тех пор были искренне преданы, и возбудил их подозрения, что подобными заигрываниями с народом он старается удержать за собой должность и на будущее время. Но так как они не решались открыто восставать против его честолюбия, то под видом любезности — он был самый младший среди них — предложили ему председательство в день выборов; они надеялись, что таким образом он не решится предложить самого себя. Но надежда обманула их. Аппий воспользовался своим председательством, чтобы предложить в кандидаты себя и устроить в то же время избрание таких людей, которые были ему вполне преданы и обязались клятвой действовать совершенно согласно с ним. Между этими последними было много плебеев. Таким образом, Аппий Клавдий сделался неприкосновенным главой нового правления; все остальные были только его покорными орудиями. Теперь-то он сбросил маску, которую носил так долго, и без всякого стыда и страха дал полный простор своему властолюбию и бесчеловечной жестокости. 15 мая 450 г. новые децемвиры вступили в должность, и сразу же их образ действия принял характер, отнюдь не похожий на тот, которым отличалось прежнее правитель-

ство. В первый же день каждый из децемвиров выступил с 12 ликторами, несшими топоры в связках из прутьев, так что площадь наполнилась 120 ликторами. Точно десять царей появилось перед народом, и это зрелище устало не только плебеев, но и патрициев. С этими последними, впрочем, обращались снисходительно, но тем более жестоко стали поступать с плебеями. В судопроизводстве установились произвол и пристрастие, ни один плебей не мог быть спокоен за свою собственность; наказание розгами и казни сделались делом самым обыкновенным, так как апелляция одного децемвира на распоряжение остальных уже не допускалась. Вместо бывших трибунов и людей из народа Аппий окружил себя молодыми патрициями, которым было по сердцу своеволие такого правительства и которые, будучи подкупаемы имуществом, остававшимся от приговоренных к наказанию, всегда были готовы охранять и защищать своего патрона. Остальные децемвиры, может быть, и не были довольны этим образом действий, но у них не хватало мужества и силы противиться такому человеку, как Аппий, далеко превосходившему их энергией и умом. Знатнейшие патриции также ненавидели децемвиров, поступавших как неограниченные владыки государства, но они в то же время ненавидели и плебеев, вызвавших это положение дел своим стремлением к свободе. Таким образом, плебеи увидели себя оставленными со всех сторон и отданными на жестокий произвол Аппия.

Прошла уже большая часть года, и две новые доски законов были выставлены и приняты комициями; но децемвиры все еще не принимали никаких мер к избранию на будущий год консулов и трибунов. Наступило 15 мая, когда должен был начаться новый порядок управления, но децемвиры продолжали оставаться на своих местах. Народ с беспокойством и страхом смотрел в будущее: ему казалось, что эта тирания будет продолжаться вечно. Тут к внутренним бедствиям присоединились еще нападения со стороны сабинов и эквов, снова появившихся на Алгиде. Но именно этому обстоятельству было, по-видимому, суждено произвести новый поворот в порядке вещей. Децемвиры увидели для себя необходимость созвать сенат, который не собирал-

ся уже очень давно. Тут-то два человека, Л. Валерий и М. Гораций, отважно выступили против децемвиров, которые были теперь в их глазах уже не верховной властью, а частными лицами. Валерий высказал желание говорить о положении государства, и когда Аппий с угрозой отказал ему в разрешении и даже послал судейского чиновника остановить его, Валерий вышел на порог сената и стал звать народ на помощь. Но тут Л. Корнелий, брат одного децемвира, схватил его за руку и ввел обратно в залу. Спокойствие в сенате снова восстановилось, и было решено выждать добровольного сложения должности децемвирами и восстановления таким образом трибуната, а между тем прежде всего произвести набор для отражения внешнего врага.

Все способные к военной службе явились по первому же призыву, так как при отсутствии трибунов не была возможна никакая апелляция против постановления децемвиров. Одна часть децемвиров выступила против сабинян, другая - на Алгид против эквов; Аппий, считавшийся наиболее способным подавить беспорядки в городе на случай, если бы таковые произошли, был оставлен в Риме с децемвиром из плебеев Спурием Оппием, и к ним двоим перешла власть всех остальных их товарищей. Военные дела пошли плохо, потому что войска из ненависти к децемвирам умышленно поддавались неприятелю. Армия на Алгиде покинула даже свой лагерь и постыдно бежала в Тускул.

К этому позору децемвиры присоединили еще два преступления: одно на месте военных действий, другое - в Риме. В войске, сражавшемся с сабинянами, находился старый солдат из плебеев Сикций Дентат, который, как по крайней мере гласила молва, участвовал в 120 сражениях и в девяти триумфах, поразил насмерть восемь врагов в поединках и имел бесчисленное множество знаков отличия. У него было сорок пять ран на груди и ни одной на спине. Его называли римским Ахиллесом. Этот храбрый воин был также постоянным и мужественным защитником прав своего сословия и часто не стеснялся высказывать резкие осуждения неограниченному господству Децемвиров. Теперь он стал энергично порицать малодушие и неумение децемви-

ров в управлении войском. Такой человек был, само собой разумеется, очень не по сердцу децемвирам, и они решили погубить его. Сикция Дентата отправили выбрать место для лагеря, а солдатам, которых дали ему в виде конвоя, было приказано напасть на него в удобном месте и убить. Дентат дорого продал свою жизнь. Вокруг него и под его ударами пали многие из убийц; остальные, возвратясь в лагерь, объявили, что они попали в засаду и что Сикций после храброй обороны погиб с несколькими другими солдатами. Сначала их рассказу поверили; но когда товарищи отправились похоронить павшего Дентата и увидели, что ни один труп не был ограблен, что Сикций в полном вооружении лежал посередине, а все остальные — повернувшись к нему в наступательном положении и что, наконец, здесь не было ни одного неприятельского трупа и ни малейшего следа неприятельского отступления, — тогда для всех сделалось ясным, что Сикций пал от рук своих товарищей. Весь лагерь пришел в негодование, и уже было решено тотчас же отвезти труп убитого в Рим; но децемвиры поторопились похоронить его на общественный счет со всеми воинскими почестями. Это происшествие нанесло чувствительный удар и без того уже поколебавшемуся владычеству децемвиров; другое преступление, совершившееся в городе, окончательно ниспровергло их.

Аппий Клавдий воспламенился нечистой любовью к одной римской девушке, Виргинии, дочери одного из почетнейших плебеев Л. Виргиния, находившегося в то время в войске на Алгиде, и невесты Ицилия, который в бытность свою трибуном провел закон об отдаче Авентинского холма плебеям. Аппий Клавдий воспользовался отсутствием отца и приказал своему клиенту М. Клавдию объявить свои права на Виргинию как на свою рабу и схватить ее. Когда однажды молодая девушка шла через форум в школу — ей было всего 12 лет, но в этом возрасте римские девушки могли уже выходить замуж, — клиент положил на нее руку и готовился увести ее, как свою рабу. На крик няньки сбежался народ; имя отца Виргинии и ее жениха стало переходить из уст в уста, и все столпились вокруг нее с энергичной готовностью защитить ее. Виргиния уже считала себя в безопаснос-

ти, когда Клавдий объявил, что он поступает по закону, а не насильственно и требует девушку к суду. Тут даже те, которые были за нее, стали советовать ей исполнить это требование, и таким образом все пришли к Аппию Клавдию. Здесь клиент объявил, что Виргиния родилась в его доме от одной из его рабынь, была у него украдена и выдана Виргинием за собственное дитя его бездетной женой. Клавдий прибавил, что он подтвердит свидетельскими показаниями справедливость этого заявления, но что пока девушка должна последовать за своим господином. Защитники Виргинии стали возражать и просили Аппия отсрочить произнесение приговора до возвращения отца из армии; Аппий объявил, что он не произнесет приговора до тех пор, но не может воспрепятствовать истцу увести к себе в дом девушку, которую объявляет своей собственностью, давая в то же время обещание предоставить дело судебному разбирательству, как скоро мнимый отец возвратится.

Народ с ропотом выслушал несправедливое решение, но ни у кого не хватило духу воспротивиться ему. В эту минуту поспешно пробилась сквозь толпу и заявили протест против приговора децемвира Ицилий, жених Виргинии, и ее дядя Нумиторий, только что явившиеся на площадь. Судебный пристав объявил, что приговор уже произнесен, и хотел прогнать Ицилия, но тот не уступил, разразился гневными угрозами против несправедливого судьи и воззвал к народу о помощи. Народ заволновался и приготовился к битве. Видя это, Аппий счел более удобным уступить и отложить окончательное решение на следующий день, в надежде подавить восстание с помощью своих вооруженных приверженцев. С лицемерной кротостью объявил он, что ему очень хорошо известно, что Ицилий действует здесь не как защитник своей невесты, а как беспокойный человек, который до сих пор не может позабыть свою прежнюю трибунскую власть и только ищет повода к восстанию; но этого повода он, Аппий, не желает предоставить ему и предпочитает уговорить Клавдия отступить от своих прав и позволить, чтобы девушка осталась до следующего дня в руках своих защитников; на следующий же день приговор будет произнесен в любом

случае - явится ли отец Виргинии или нет. Когда истец, отдавая девушку, потребовал у Ицилия поручительства, весь народ поднял руки в знак того, что поручителями являются все они. Ицилий со слезами сказал: «Благодарю вас, завтра я воспользуюсь вашими услугами». Ближайшие родственники дали свое поручительство, и Виргиния была отдана семейству до решения дела.

Как только защитники Виргинии услышали, что децемвир отложил совершение своего преступления до следующего дня, они поспешили отправить двух юношей - брата Ицилия и сына Нумитория - верхом в лагерь, чтобы вызвать оттуда Виргинию для защиты его дочери. Виргиний тотчас взял отпуск и отправился в Рим. Когда на следующее утро децемвиры получили в лагере письмо от Аппия с поручением задержать Виргинию, он был уже в Риме.

Рано утром Виргиний и его дочь в траурной одежде и окруженные своими родственниками и друзьями явились на площадь, где уже собрался в тревожном ожидании народ. Виргиний переходил от одного к другому, пожимал руки и просил содействия. То же самое делал Ицилий. Но сильнее всех речей действовали на толпу безмолвные слезы женщин, окружавших Виргинию. Бесчувственно относясь ко всему этому, с гневным лицом и полный надежды на своих ликторов и на оружие своей многочисленной свиты, воссел Аппий Клавдий на свое судейское кресло. Клиент выступил вперед и еще не изложил он до конца своей претензии, как Аппий, не выслушав возражения Виргиния, присудил своему клиенту временное пользование девушкой до окончательного решения дела. Толпа оцепенела ввиду такого непостижимо позорного приговора. Но когда Клавдий сделал несколько шагов вперед, чтобы вырвать Виргинию из рук окружавших ее женщин, тогда раздались женские вопли и проклятия мужчин. Виргиний протянул руки к децемвиру и воскликнул: «Аппий, я обещал мою дочь в жены Ицилию, а не воспитал ее для того, чтобы она была осквернена тобой! Не надейся, что люди, носящие оружие, потерпят такое преступление!» Децемвир объявляет, что это бунт; по его словам, ему известно из достоверных источников, что всю эту ночь собирались

сходки, возбуждавшие народ к возмущению; но он прибавляет, что приготовился воспротивиться этому вооруженной силой, поддержит достоинство своего сана и сумеет смирить нарушителей общественного спокойствия. «Поэтому, - воскликнул он, - советую вам не шуметь. Эй, ликтор, разгони толпу и очисти место, чтобы собственник рабыни мог взять ее!»

Толпа в испуге отхлынула, и девушка осталась одна, в жертву насилия. Видя, что помощи ждать неоткуда, Виргиний попросил Аппия позволить ему еще раз переговорить с дочерью с глазу на глаз и в ее присутствии спросить ее кормилицу, действительно ли это не его дочь, - для того чтобы скорее утешиться, если он действительно носил звание отца без основания. Децемвир позволил. Виргиний отвел дочь и кормилицу в сторону, схватил в соседней лавке мясника нож и вонзил его в грудь Виргинии со словами: «Дочь моя, это единственное средство спасти твою свободу!» И затем, обратившись к судейскому креслу, воскликнул: «На тебя, Аппий, и на твою голову да обрушится проклятие этой крови!» Аппий приказал его схватить, но Виргиний тем же ножом проложил себе дорогу и, под прикрытием бежавшей вслед за ним толпы, достиг городских ворот.

Ицилий и Нумиторий подняли труп девушки, со слезами и жалобами показали его народу и призывали сограждан свергнуть ярмо незаконного рабства. Аппий велел схватить Ицилия, но так как судебные приставы не могли пробиться к нему, то децемвир, во главе молодых патрициев, сам кинулся в разъяренную толпу. Это заставило народ еще плотнее сомкнуться вокруг Ицилия, тем более что и два почтенных патриция, Л. Валерий и М. Гораций, присоединились к нему и объявили себя защитниками Ицилия против человека, не состоявшего на государственной службе, - так как срок Аппиева децемвиратства истек уже 15 мая. Началась страшная свалка. Аппий потерпел поражение, связки его ликторов были изломаны. Он попытался еще раз заговорить с трибуны; народ, столпившийся вокруг Валерия и Горация, шумно воспротивился и не дал ему произнести ни слова. Тогда,

увидя, что все погибло, и опасаясь за свою жизнь, бывший децемвир спасся бегством в один из соседних домов.

Между тем Виргиний, не выпуская из рук ножа, покрытого кровью его дочери, пришел в лагерь, находившийся в то время на горе Вецилии, в сопровождении огромной толпы, полной единодушного негодования против децемвиров. Здесь он обратился к своим товарищам с воззванием о мщении за убитую дочь и о ниспровержении тиранического правительства. Рассказ его произвел страшное волнение, и когда из города пришла весть, что Аппий бежал с опасностью для жизни, тогда весь лагерь, не обращая внимания на слова своих начальников, кинулся к оружию, вырвал из земли знамена и стремительно двинулся к Риму. Скоро они были в городе и заняли Авентинский холм.

Оппий, второй децемвир, остававшийся в Риме, созвал сенат для обсуждения, что делать в таких затруднительных обстоятельствах.

Сенат нерешался прибегнуть к строгим мерам, но в то же время не мог и смотреть сквозь пальцы; поэтому он отправил на Авентинский холм трех консуларов спросить солдат, по чьему приказанию они оставили лагерь. Толпа не хотела отвечать и требовала, чтобы к ней прислали Валерия и Горация, объявив, что только с ними она вступит в переговоры. Для ведения этих переговоров со своей стороны она, по совету Виргиния, выбрала десять военных трибунов. Между тем и войско, стоявшее в Сабинской области, с которым трудно было справиться уже со времени-убийства Сикция, было склонено Ицилием к отпадению от децемвиров и, также выбрав себе десять военных трибунов, присоединилось к стоявшим на Авентинском холме. Сенат пришел в сильное смущение и не знал, что делать. Уничтожить звание децемвиров он все еще не решался; соучастники этих последних боялись мщения народа; невинные думали, что коль скоро власть уйдет из их рук, им придется пострадать наравне с виновными; но все единогласно не могли допустить, чтобы плебеи предписывали им законы и вынудили восстановить трибунат. Сенаторы совещались, обдумывали — и не находили ни-

какого выхода. Наконец признали необходимым просить Горация и Валерия отправиться на Авентин в качестве уполномоченных. Но они потребовали, чтобы сперва децемвиры сложили с себя власть. Децемвиры отказались.

Между тем один из прежних трибунов, М. Дуилий, принес собравшимся на Авентине известие, что сенаторы только ссорятся и не могут прийти ни к какому решению, и так как он давно уже знал упорство патрициев, то посоветовал войску удалиться на Священную гору. И тем вынудить восстановление трибуната. Войско исполнило этот совет, и вслед за ним направились к Священной горе из народа все, кому возраст позволял еще двигать ногами, в сопровождении жен и детей, которых они не хотели оставить в городе, где ни целомудрие, ни свобода не считались священными.

Увидев, что площадь опустела и весь город точно вымер, сенаторы потребовали у децемвиров сложения с себя должности и затем отправили Горация и Валерия на Священную гору для переговоров с народом. Народ принял их с величайшей радостью и приветствовал как своих освободителей. Ицилий повел речь от лица плебеев. Он потребовал восстановления трибуната и права провокации, амнистии всем участвовавшим в возмущении и выдачи децемвиров, которых народ грозил сжечь живыми. Уполномоченные от сената нашли эти условия справедливыми и умеренными и просили только отказаться от требования выдачи децемвиров для того, чтобы день примирения и свободы не был тотчас же осквернен казнями, и в том соображении, что виновных можно было, на основании законов, привлечь к суду и впоследствии. Сенат принял требования плебеев тем охотнее, что они не настаивали на наказании децемвиров. Эти последние публично сложили с себя звание, и народ возвратился в город. На Авентине он выбрал десять трибунов, в том числе Виргиния, Ицилия, Нумитория, Дуилия и К. Сициния, потомка того Сициния, который предводительствовал первым удалением на Священную гору. В консулы были избраны Гораций и Валерий, немедленно вступившие в должность. Для укрепления восстановленного образа правления и обес-

печения прав народа они издали следующие три закона, так называемые *Leges Valeriae Horatiae*: 1) Неприкосновенность плебейских чиновников, трибунов и эдилов, восстанавливается. 2) Точно так же восстанавливается право провокации, которым можно пользоваться даже относительно диктатора. 3) Комиции по трибам получают значение общего народного собрания, так что все постановляемое в них обязательно для всего народа.

С тех пор законодательство стало все более и более исходить из комиций по трибам и от руководивших этими учреждениями трибунов; но постановления их (плебисциты) не имели силы без одобрения сената и, вероятно, также утверждения комиций по куриям.

После восстановления прежней формы правления трибуны потребовали к суду двух ненавистных децемвиров — Аппия Клавдия и Сп. Оппия. Первого обвинял Виргиний. Когда в день, назначенный этим последним для разбирательства дела, Аппий явился на площади, окруженный молодыми патрициями, Виргиний объявил, что не желает суда над ним за все нечестивые поступки, которые он совершал в течение двух лет, но требует одного — чтобы он перед лицом самим им избранного судьи засвидетельствовал, что противозаконно признал свободное лицо рабом; в случае же отказа он будет считаться сознавшимся в преступлении и подвергнется тюремному заключению. Аппий просил заступничества у остальных трибунов и, встретив с их стороны отказ, обратился с воззванием к народу. Глубокое впечатление произвел на толпу вид этого человека, молившего о защите у того самого народа, права которого он же попирает ногами, — человека, который сам уничтожил этот род апелляции. Все видели в этом кару праведных богов, приходящую поздно, но непременно постигающую преступника. Виргиний настаивал на своем требовании, и так как Аппий не решался подвергнуться приговору добровольно избранного судьи, то его отвели в тюрьму, в ожидании дальнейшего судебного разбирательства. Но прежде чем наступил этот день, Аппий в тюрьме лишил себя жизни. Оппий, которого обвинял трибун Нумиторий, тоже покончил с собой

в тюремном заключении. Остальные децемвиры избавились от судебного обвинения тем, что добровольно отправились в изгнание. Их имущество было конфисковано.

До времени учреждения децемvirата борьба сословий состояла главным образом в стремлении плебеев освободиться от тяжелого гнета патрициев и защитить себя от злоупотреблений консульской власти; после того, с тех пор как для обоих сословий установилось одно общее уголовное и гражданское право, борьба завязалась из-за полной равноправности в политическом и религиозном отношении и из-за слияния патрициев и плебеев в одно нераздельное государство. Уже в 444 г., через несколько лет после уничтожения децемvirата, трибун Канулей провел свое предложение о браках между патрициями и плебеями (*lex Canuleja*). С этих пор государство уже не признавало принципа патрициев, что они составляют более высокую часть человеческого рода, чем плебеи, и тесному слиянию обоих сословий открылся свободный путь. В этом же самом году трибуны потребовали разделения консульской власти между патрициями и плебеями. Первые употребляли все усилия для удержания этой власти исключительно за собой и наконец согласились на сделку, в силу которой вместо консулов могли быть избираемы из обоих сословий и военные трибуны (числом 3, или 4, или 6) с консульской властью (*tribuni militum consulari potestate*); что касается вопроса, должны ли были каждый раз в одном и том же году стоять во главе правления консулы или военные трибуны, то решение его было предоставлено сенату. В это же время было отделено от консульства и цензорство, как особая, доступная только для патрициев должность. Цензоров, числом два, избирали на 5, а впоследствии на 11,2 года; они вели ценз, составляли списки сенаторов, всадников, граждан, соответственно имущественному положению их, и имели надзор за финансовым управлением и общественными сооружениями.

9. МАРК ФУРИЙ КАМИЛЛ

Одним из величайших людей древней Республики был Марк Фурий Камилл, истребитель города Вейев, победитель галлов и восстановитель разоренного галлами родного города, прославленный за это римлянами, как отец отечества и второй основатель Рима, второй Ромул, - энергичный, неутомимый воин, стоявший во главе правления семь раз в качестве военного трибуна и пять в качестве диктатора, и при этом ревностный представитель патрицианских интересов.

Такой славы Марк Фурий достиг собственной силой и даровитостью, потому что род Фуриев не отличался до него особым почетом и значением. По дошедшим до нас свидетельствам, молодой Фурий впервые отличился в кровопролитном сражении, происходившем в 431 г. до Р. Х. на Алгиде между римлянами, под предводительством диктатора Постумия Туберта, и эквами и вольсками: впереди войска Фурий с неприятельским копьем в боку ринулся в середину войска противника и обратил всех в бегство. С тех пор он стал получать одно почетное звание за другим и исполнял даже должность цензора, т. е. ту, которая предоставлялась только лицам, пользовавшимся общим уважением и доверием. Долго после его смерти сохранялось прекрасное воспоминание о том, как он, в бытность свою

цензором, склонял ласками и угрозами неженатых к вступлению в брак со вдовами павших в сражениях воинов; он же, будучи цензором, провел закон, чтобы сироты, бывшие до тех пор свободными от налогов, были привлечены к платежу их.

Военную деятельность в значительных масштабах Камилл начал в то время, когда Рим предпринял войну против Вейев с целью уничтожить их. Из всех этрусских городов Вейи находились от Рима на самом близком расстоянии, часах в пяти, и потому этот город издавна был авангардом в борьбе этрусков с городами Лациума, оплотом которых на севере был Рим. Вейи лежали к северу от Тибра, на обрывистом со всех сторон и крутом возвышении, между двумя ручьями, соединявшимися у подошвы этого возвышения в речку Кремеру, приток Тибра. Это был один из обширнейших и могущественнейших городов Этрурии. Его высокие, прочные стены тянулись на пространстве одной мили. Таким образом, он был не меньше Рима по объему и, вероятно, также по населению; красотой же общественных и частных построек он далеко превосходил город римлян. Окруженный великолепными плодородными землями, этот город обладал громадными богатствами; но богатство рано приучило жителей к изнеженности и роскоши; потому-то Вейям приходилось в последнее время постоянно терпеть поражение со стороны суровых, закаленных в боевом труде римлян, тем более что поселенный на окрестной земле народ составлял массу угнетенных батраков, которые, в противоположность римским поселянам, бывшим свободными землевладельцами, не чувствовали никакого побуждения сражаться со стойкостью и мужеством за честь и неприкосновенность государства.

Рим стал во враждебные отношения к Вейям с первых дней своего существования. Уже Ромул вел войну с этим городом; остальные цари следовали его примеру. После изгнания царей Вейи дали приют и поддержку Тарквинию, и после того честный мир уже редко существовал между этими двумя соседними городами. Риму приходилось страдать чаще, чем Вейям. Когда же, вскоре после падения Фабиев, было заключено перемирие на 400 месяцев (474), римляне

добились по крайней мере восстановления той территории, которой они владели, так как Вейи возвратили им те римские земли, которые были отняты Порсенной. По истечении этого перемирия война разгорелась снова (в 445); но на первых порах она ограничилась хищническими набегами и взаимным опустошением владений. Более ожесточенный характер борьба приняла после того, как город Фиденны, который, будучи расположен на левом берегу Тибра, против долины речки Кремеры, служил для обеих сторон важным пунктом опоры и потому был между ними постоянным яблоком раздора, - перешел в руки римлян. Подстрекаемые вейентским царем Толумнием, жители Фиденны выгнали римский гарнизон, убили посланников и признали верховную власть Толумния. Но римский диктатор Маммерк Эмилиий разбил вейентинцев и фиденцев. Толумний пал в битве от руки консула Корнелия Косса, город Фиденны был взят и разрушен (426). Вейи заключили перемирие на 200 месяцев.

В это время могущество этрусков, бывших прежде сильнейшим народом Италии как на суше, так и на море и в царствование Порсенны едва не погубивших Рим, уже клонилось к упадку. Господство их на море было уничтожено греками Сицилии, Нижней Италии и Массилии. На севере вторгнувшиеся галлы отняли у них богатую равнину реки По с ее восемнадцатью городами, на юге самниты овладели их колониями в Кампании, а затем и Рим, во главе Лациума, стал действовать более энергично против собственно Этрурии. По истечении вышеупомянутого перемирия римляне в 405 г. взяли за оружие с целью уничтожить Вейи и покорить Южную Этрурию. После десятилетней осады Вейи были завоеваны.

Для взятия такого большого и могущественного города потребовалась, конечно, особенная энергия и устойчивость, и весьма вероятно, что немалое влияние на твердость римлян в этой борьбе оказал геройский дух Камилла, игравшего в продолжение этих десяти лет (405-396) значительную роль, бывшего три раза военным трибуном и избранного наконец в диктаторы. В 402 г., когда он в первый раз вступил в должность военного трибуна, Вейи,

по его распоряжению, были окружены укреплениями, из которых одни были обращены против самого города, а другие предназначались для защиты от нападения извне; это являлось необходимым потому, что хотя этрусский союз городов был в то время очень слаб, северным городам приходилось бороться с напавшими на них галлами, и все этруски ненавидели монархическую форму правления, еще существовавшую в Вейях, — но ожидать нападения со стороны ближайших этрусских городов, которым движение римлян грозило опасностью, можно было в любое время. В этих укреплениях римское войско оставалось без перерыва зимой и летом — первый пример этого рода в римской истории, так как до сих пор делались только кратковременные летние походы. Точно так же со времени этой осады впервые стали выплачивать солдатам жалование из государственного казначейства для вознаграждения их за такое долгое отсутствие на родине. В целях защиты от зимней непогоды в этих укреплениях строили глиняные шалаши. Вейентинцы поняли, что тут дело идет об уничтожении их города, и защищались с отчаянной храбростью; они неоднократно делали удачные вылазки и разрушили неприятельские укрепления, будучи поддержаны в этом деле капенцами и фалисками, напавшими на римский лагерь извне. Но эти последние были жестоко наказаны Камиллом во время его второго и третьего военного трибунатства (400 и 397). Он вторгся в их владения, забрал огромную добычу и опустошил все огнем и мечом.

Среди больших потерь с обеих сторон наступил десятый год осады, а римляне все еще не предвидели конца своим трудам. Мало того, вследствие засады, устроенной капенцами и фалисками, военные трибуны Генуций и Тициний потерпели в этом году такое поражение, что римский лагерь уже считали погибшим и Рим ожидал появления неприятельского войска перед своими стенами. Тогда римляне назначили диктатором своего величайшего полководца Камилла. Он быстро восстановил римскую военную силу, разбил наголову капенцев и фалисков при Непете и за реку стянул все войска к Вейям, твердо решив положить конец войне, так как знал, что таин-

ственное условие, от которого зависела победа над Вейями, уже исполнилось. Дело было вот в чем.

В 398 г., в самый разгар каникулярных дней, в то время как все остальные воды Италии высохли, Альбанское озеро, без всякой видимой причины, вдруг поднялось до такой высоты, что наполнило до краев жерло, в глубине которого находилась его вода, и даже, пробив окружавшую его горную окраину, начало изливаться в долину. В этом обстоятельстве увидели знамение судьбы, не лишённое значения. Но так как с этрусками шла в это время у римлян война, то оказывалось невозможным, как обыкновенно делалось в подобных случаях, обратиться за разъяснением этого чуда к этрусским гадателям (гарупексам). Римляне имели полное основание опасаться, что спрошенные дадут ложный ответ. Поэтому решили отправить посольство к Аполлону Пифийскому; но, прежде чем оно успело возвратиться, счастливый случай доставил римлянам другого толкователя. Один престарелый вейентинец подошел однажды к часовым обоих враждебных лагерей и, издеваясь над тщетными усилиями римлян, объявил пророческим тоном, что римлянам не завладеть Вейями до тех пор, пока из Альбанского озера не вытечет вода. Эти слова, распространившиеся по римскому лагерю, побудили одного центуриона основательно разведать тайну. Под предлогом желания посоветоваться с этим прорицателем относительно явившегося ему знамения он выманил его за стены города и, как только тот отдалился на некоторое расстояние от своих, схватил его на свои молодые сильные руки и на виду у всех принес в римский лагерь. Перевезенный в Рим, неосторожный прорицатель был принужден открыть перед сенатом предопределение, записанное в вейентинских книгах судьбы и состоявшее в следующем: пока Альбанское озеро будет переполнено водой, Вейи не могут быть завоеваны; если эти воды, выступив из своих берегов, достигнут моря, Рим погибнет; если же их отведут так, чтобы они до моря не дошли, то римляне одержат победу над Вейями. Вскоре после того вернулось из Дельф посольство с ответом Аполлона, который оказался одинаковым с заявлением этрусского жре-

ца и в котором повелевалось восстановить древнее богослужение, с некоторого времени находившееся у римлян в пренебрежении, и возратить ему подобающий почет. Сообразив этот ответ, римляне догадались, что богослужение, о котором говорилось в нем, было не что иное, как латинские праздники, сопряженные с жертвоприношениями на Альбанской горе, чествование которых совершалось ненадлежащим образом из-за распоряжения неправильно избранных трибунов. Погрешность эта была тотчас же исправлена; вслед за тем принялись за тяжелое дело отвода воды из Альбанского озера. Под верхним краем кратера прокопали мину в 342 фута глубиной, потом сквозь затвердевшую лаву провели канал в 6 футов высотой, 4 шириной и 4 000 длиной. При выходе из этой галереи устроили сводчатый резервуар, из которого вода стекла в равнину пятью различными струями и, вследствие такого разделения, не достигала моря. Окончание этого колоссального сооружения, которое, подобно римским клоакам, до сих пор возбуждает удивление путешественников, относится уже к началу 396 г., но наравне со многими другими подробностями рассказа о последней войне с Вейями и это повествование о такой быстрой постройке, равно как и о связи ее с падением Вейев, принадлежит, по всей вероятности, к области вымысла.

С восстановлением латинских праздников и окончанием работ на Альбанском озере судьба Вейев была решена. Когда диктатор Камилл стал во главе войска, новая надежда и новое мужество пробудились во всех сердцах. Диктатор приказал теснее сдвинуть укрепления и снова окружил город со всех сторон; потом, по его же распоряжению, принялись копать подземный ход в город до храма Юноны в крепости. Работа продолжалась день и ночь без перерыва, так как рабочие, разделенные на шесть групп, сменялись каждые шесть часов, — и скоро ход был доведен до конца. Оставалось только пробить пол храма. Не сомневаясь более в победе, диктатор обратился в сенат с запросом, как распорядиться богатой добычей после завоевания города. Сенат отвечал, что ее следует предоставить войску, и, кроме того, объявил в

Риме, что кто желает получить долю этой добычи, пусть идет к диктатору в лагерь. Вследствие этого туда отправилось множество народа, усилившее собой численный состав войска.

Диктатор сделал все приготовления к окончательному удару. Но прежде чем нанести его, он произнес в присутствии всего войска следующую молитву: «Под твоим предводительством, Пифийский Аполлон, и влекомый твоим божественным духом приступаю я к разрушению города Вейев и даю обет принести в дар тебе десятую часть добычи. И тебя, царица Юнона, в настоящую минуту обитающая в Вейях, молю я последовать за нами, победителями, в наш город, который скоро делается и твоим, так как тебя примет опять в свои стены достойный твоего величия храм!» После этих слов войска ринулись со всех сторон к городу и громкими криками вызвали испуганных жителей на стены, между тем как отряд избранных воинов двинулся подземным ходом и скоро очутился в храме Юноны, в крепости. Вейентинцы, занятые только отражением врага на стенах, и не подозревали, что римляне находятся также с тыла, в самом центре города; они заметили это только тогда, когда неприятель ворвался в город и зажег дома, с крыш которых женщины и рабы кидали в него камнями и черепицей. Скоро весь город огласился криками нападающих римлян и осажденных вейентинцев, воплями женщин и детей. После долгой резни битва стала мало-помалу ослабевать, и герольд возвестил приказание диктатора щадить невооруженных. Кровавое пролитие прекратилось; те, кто остались в живых, сдались, и солдаты, с разрешения диктатора, принялись за грабеж. Когда же диктатор увидел, что добыча оказалась гораздо многочисленнее и ценнее, чем он рассчитывал, то — как рассказывает предание — он воздел руки к небу с молитвой: если такое счастье, выпавшее на долю ему лично и римскому народу, покажется слишком великим великим кому-нибудь из богов или людей, то пусть бы все это обошлось для римлян тем, что они заплатились бы из-за этой зависти возможно меньшим ущербом. Но произнеся эту молитву, он нечаянно поскользнулся и упал, и на это обстоятельство впоследствии по-

смотрели как на предзнаменование кары, постигшей Марка Фурия Камилла, и завоевания Рима галлами.

Предание гласит также, что в то самое время, когда римляне, пробравшиеся подземным ходом, намеревались проломить пол храма Юноны, вейентинский царь находился в этом храме для принесения жертвы Юноне, и гадатель предсказал, что победа достанется тому, кем будет совершено это жертвоприношение. Вдруг из-под пола — как некогда в Трое из деревянного коня — выскочили римские воины, схватили жертву и отнесли ее диктатору, который исполнил над ней обычный обряд и тем склонил победу на свою сторону. «Но, — говорит Ливий, — при рассказах о столь отдаленном времени я довольствуюсь, когда принимают за несомненное то, что вероятно».

День завоевания прошел в резне и грабеже. На следующий день диктатор продал пленных, и вырученные деньги, не без ропота народа, были переданы в государственное казначейство. Потом, когда из города было наконец вытаскано все, что составляло человеческую собственность, приступили к такой же операции с вещами, посвященными богам, и с самими богами. Отборному отряду юношей было поручено перевезти в Рим статую Юноны. Омывшись в ванне и облекшись в белые одежды, юноши отправились в храм и благоговейно наложили руки на богиню. Один из них спросил: «Юнона, желаешь ты отправиться в Рим?» — и большинство юношей закричало, что богиня утвердительно кивнула головой; другие рассказывали, что она явственно ответила «да». Статую без труда сняли с пьедестала и затем перевезли в Рим, на Авентинский холм, где четыре года спустя Камилл построил храм в честь этой богини.

«Такой конец постиг Вейи, один из могущественнейших городов Этрурии, который доказал свое величие даже своей погибелью, ибо если после осады, длившейся десять лет и десять зим, — причем он причинил неприятелю гораздо больше вреда, чем потерпел сам, — он наконец пал, то завоевание его было следствием не осады, а священнодействий» (Ливий).

Весть о завоевании Вейев вызвала в Риме неописуемый восторг. Все храмы наполнились матерями, спешив-

шими возблагодарить богов. Сенат приказал праздновать победу в продолжение четырех дней; так долго не длилось празднество такого рода еще никогда. Точно так же невиданной до сих пор торжественностью ознаменовалось триумфальное вступление Камилла в Рим. Он въехал в Капитолий на колеснице, запряженной четырьмя белыми конями, и тут торжественно сложил с себя диктатуру. Но эти белые кони показались гражданам проявлением слишком большого тщеславия со стороны победителя. «Он хочет, — говорили они, — поставить себя наравне с богами; только Юпитеру и солнцу прилична такая упряжка». Если же это обстоятельство произвело неудовольствие в народе, то еще больше раздражил Камилл своих сограждан объявлением, что до завоевания Вейев он дал обет принести в дар Аполлону десятую часть добычи и что народ должен заплатить этот священный долг. Объяви он это раньше, отделить десятую часть из награбленного имущества было бы нетрудно, но теперь большинство участвовавших в этом грабеже уже истратило свою долю, и возвращение даже самой ничтожной части добычи оказывалось почти невозможным. Граждане увидели в этом поступке Камилла только предлог к недоброжелательному уменьшению доставшейся на их долю части завоеванного имущества. Так как о возвращении всей добычи для отделения из нее десятой части нечего было и думать, верховные жрецы приказали, чтобы каждый гражданин, руководствуясь собственной оценкой, но сделанной не иначе как под присягой, отдал Аполлону десятую долю полученной им добычи. После исполнения этого распоряжения Камилл объявил, что к этому жертвованию десятины в пользу дельфийского бога следует привлечь также город Вейи и его территорию. Сделали измерение и оценку, и государственное казначейство выдало десятую долю стоимости. На все эти суммы было решено сделать золотую кружку и принести ее в дар Аполлону. Но так как для этого надо было выменять медь на золото, а золота в городе было мало, то римские женщины предложили свои золотые украшения, и таким образом составилось восемь талантов золота. В награду за эту великодушную жертву сенат предоставил матронам почетное право

ездить внутри города в экипажах. Доставка подарка было возложено на трех почетнейших граждан, и они отправились в Дельфы на богато разукрашенном корабле. Недалеко от Сицилийского пролива липарские пираты напали на депутацию и увели корабль в Липару; но липарский стратег Тимазитей освободил его и проводил сперва в Дельфы, а потом обратно в Рим. За это сенат почтил его римским гостеприимством.

Раздражение народа против Камилла было вызвано еще одним обстоятельством, находившимся в связи с завоеванием Вейев. Обширные и прекрасные поля вейенцев сделались теперь римской государственной собственностью, и трибуны требовали, чтобы народу было предоставлено пропорциональное участие в пользовании этими землями. Но такое требование было совсем не по сердцу корыстолюбивым патрициям. Начались обсуждения и прения; трибун Сициний предложил, чтобы одна часть римских патрициев и плебеев переселилась в Вейи, а другая осталась в Риме, но чтобы при этом оба города составляли одно нераздельное государство. То была крайне неудачная мысль; трудно даже поверить, что Сициний смотрел на нее серьезно. Патриции очень хорошо поняли, что с исполнением этого предложения была сопряжена опасность для существования государства, и клялись, что готовы скорее умереть, чем согласиться на это. «Уже в одном городе, — говорили они, — мы не оберемся раздоров и неудовольствий; что же будет, когда их очутится два? И притом, кто же решится предпочесть победоносному Риму побежденные, покинутые богами Вейи? Никакая сила не принудит нас покинуть Ромула, божественного основателя нашего государства, для того чтобы последовать за каким-нибудь Сицинием в город, на котором лежит гнев и проклятие богов!» Но плебеем очень улыбалась мысль трибуна; им нравился обширный город с его прекрасными домами и великолепными полями, с его здоровым и красивым местоположением. Споры по этому делу длились два года с лишком. Наконец наступил день окончательной и общей подачи голосов. Патриции, как старые, так и молодые, отправились на площадь, и

каждый из них со слезами умолял ту трибу, к которой принадлежал, не покидать родного города, за который они сами и их отцы сражались так храбро и счастливо, не отрывать римский народ, как беглеца-изгнанника, от родной почвы и родных богов для того чтобы прогнать его в город врагов, не доводить до того, чтобы в сердцах римских граждан возникло сожаление и раскаяние в победе над Вейями, как повлекшей за собой запустение Рима. Просьбы и слезы подействовали успешнее, чем насилие. Предложение Сициния было отвергнуто большинством в один голос. Обрадованный этой победой, сенат обнародовал на следующий день постановление об отводе всем плебеем без исключения по семи десятинам принадлежавшей городу Вейи земли.

В этой долгой и упорной борьбе Камилл оставался главой и предводителем партии патрициев, постоянно высказывался очень решительно против предложения Сициния и подстрекал своих единомышленников к сопротивлению. Неудивительно поэтому, что народ ненавидел его как своего сильнейшего противника.

После падения Вейев римляне тотчас же обратили оружие против тех городов Этрурии, которые поддерживали Вейи в войне. Уже в 395 г. капенаты, вследствие опустошения своей территории римлянами, изъявили им покорность. Фалиски сопротивлялись дольше. Против них выступил в следующем году Камилл, избранный в четвертый раз консулом-трибуном; он разбил неприятеля в одном сражении и заставил отступить за стены Фалерии. Но этот город, построенный на высоком и крутом утесе и обнесенный сильной каменной стеной, мог сопротивляться победоносному врагу тем легче, что был богато снабжен боевыми и съестными припасами. Предвиделась долгая осада; но дело приняло благоприятный оборот быстрее, чем можно было ожидать. Одному школьному учителю, которому аристократы города Фалерии поручали своих детей, пришла в голову изменническая мысль отдать этих детей в руки римского полководца. Он ежедневно выводил своих учеников за город для гимнастических упражнений и постепенно приучил их дальше и дальше уда-

ляться от стен города; наконец, он дошел с ними до римских аванпостов и там объявил, что желает переговорить с полководцем.

Приведенный к Камиллу, изменник сказал ему, что ставит его благосклонность выше своего долга и вместе с этими мальчишками, отцы которых стоят во главе фалеринского правления, передает в руки римлян враждебный город. Выслушав эти слова, Камилл ужаснулся и отвечал: «Ни народ, ни полководец, к которому ты, злодей, являясь со своим нечестивым даром, не разделяют твоего образа мыслей. Правда, что между нами и фалисками не существует союза, какой обыкновенно заключают между собой люди; но тот союз, которым соединяет людей природа, существует и должен оставаться неразрывным. Война, как и мир, имеет свои права, и мы умеем охранять их настолько же справедливо, насколько и храбро. Мы ведем войну не с этими детьми, которых шадят даже при завоевании городов, но с людьми вооруженными, которые, не получив от нас никакого вреда или оскорбления, напали на римский лагерь перед Вейями. Ты победил их, насколько это тебе было возможно, с помощью твоего неслыханного преступления; я же хочу одержать победу теми же римскими средствами, которые помогли мне завладеть Вейями, т. е. храбростью, окопами и оружием».

После этого он велел раздеть изменника донага и связать ему на спине руки, а детей снабдил розгами и плетью для того, чтобы они погнали его обратно в город. Как раз в это время фалиски узнали об измене учителя; город огласился воплями и криками негодования, но в ту минуту, как знатные отцы и матери в отчаянии кинулись к стенам и за ворота города, дети появились перед ними, погоняя голого и связанного учителя. Камилла прославляли они как спасителя и отца. Весь народ умилился и дивился справедливости и великодушию Камилла. Тотчас же было созвано народное собрание, на котором решили отправить к Камиллу посольство с заявлением, что город передает свою судьбу в его руки. Камилл отправил этих посланников в римский сенат, и они обратились к этому последнему со следующими словами: «Вы, почтенные

отцы, и ваш полководец одержали над нами победу, которая не может быть осуждена ни богами, ни людьми, и мы сдаемся вам в убеждении, что под вашей властью будем жить счастливее, чем под управлением наших собственных законов. Исход этой войны представляет человеческому роду два благих примера: вы предпочли в войне честность несомненной победе, мы, тронутые этой честностью, принесли вам победу добровольно. Мы — ваши подданные. Отправьте кого хотите для принятия нашего оружия, наших заложников и нашего города, который ждет вас с открытыми воротами. Вам никогда не придется быть недовольными нашим подданством, точно так же, как нам — вашим владычеством».

Сенат предоставил определение условий мира на личное усмотрение Камилла. Последний возложил на фалисков уплату жалованья воинам за этот год, чтобы избавить от этого расхода римский народ, заключил с ними мир и дружественный союз и возвратился в Рим, где сенат и граждане приняли его с выражениями глубокой благодарности.

В следующих, 392 и 391 гг. покорились также и этрусские города Сальпинум и Вольсинии; таким образом, в руках римлян находилась уже большая часть Южной Этрурии; а так как они в последнее время так же победоносно воевали с южными народами — вольсками и эквами, то их господство простиралось теперь от реки Лириса вверх до Циминийского леса. Благополучие Рима быстро возрастало, ни одно государство не могло поспорить с ним могуществом; но вдруг, совершенно неожиданно, с севера пронеслась буря, которая опрокинула это здоровое, роскошное здание и почти уничтожила его. То были галлы.

Незадолго до того римляне изгнали из своих стен своего величайшего согражданина, Камилла, который, может быть, был бы в состоянии отвратить это позорное несчастье. Мы уже знаем, что завоеватель Вейев возбудил против себя гнев и ненависть народа гордой обстановкой своего триумфального въезда, требованием возврата добычи и сопротивлением раздаче вейентинских полей. В последнем походе против фалисков он тоже вы-

дал воинам не всю отнятую у неприятеля добычу. Благодаря этим обстоятельствам народ скоро забыл великие заслуги Камилла и стал смотреть на него только как на надменного главу эгоистов патрициев и жестокосердного притеснителя низших классов. Долго сдерживавшееся негодование наконец прорвалось наружу. В 391 г. трибун Л. Апулей обвинил Камилла перед народным собранием в сокрытии части вейентинской добычи. Как ни несправедливо было показание обвинителя, что у бывшего диктатора видели железные ворота, входившие в состав этой добычи, но толпа была до такой степени раздражена против Камилла, что об оправдании его нечего было и думать. В это время Камилл был в трауре по случаю смерти сына и, по тогдашнему обычаю, не выходил никуда из дому; узнав о случившемся, он созвал к себе своих друзей, прежних соратников и товарищей и просил их не допускать, чтобы его несправедливо осудили по такому позорному обвинению и чтобы он сделался посмешищем своих врагов. Друзья отвечали ему, что не предвидят возможности защитить его перед судом, но что они готовы помочь ему в уплате денежного штрафа, к которому он, по всей вероятности, будет приговорен; тогда разгневанный Камилл решил не дожидаться суда и уйти на чужбину. Он обнял жену и сына и вышел из дому. Дойдя до городских ворот, он остановился, обернулся и, вздев руки по направлению к Капитолию, молил богов, чтобы римляне вскоре раскаялись в несправедливом и позорном обвинении его и чтобы весь мир видел, что они нуждаются в его помощи и жаждут его возвращения. После этой молитвы он вышел из города и отправился в Ардею. На суде его заочно приговорили к денежному штрафу в 15 тыс. ассов.

Незадолго до этого происшествия гражданин М. Цедиций, считавшийся очень порядочным и честным человеком, заявил консулам-трибунам, что накануне ночью он проходил по так называемой новой улице и вдруг услышал, что кто-то громко назвал его по имени.

Он обернулся, огляделся кругом — улица была пуста; но тот же голос крикнул ему с нечеловеческой силой сле-

дующие слова: «Марк Цедиций, пойдя рано утром к начальству и скажи, что к римлянам скоро будут в гости галлы!» Консулы посмеялись над этим известием, зная, что галлы были в это время очень далеко. Но не прошло и года, как этот страшный народ уже двинулся против Рима.

По приводимому у Ливия преданию, причиной, побудившей первые толпы кельтов или, как их называли римляне, галлов, перейти через Альпы из Галлии, или Франции, в верхнюю Италию, была соблазнившая их сладость тамошних плодов и особенно вина. С этим последним, зная, что оно послужит для них приманкой, познакомил их один знатный житель этрусского города Клузиума, Арунс; он сделал это с целью отомстить за тяжелое оскорбление, нанесенное ему одним из его сограждан, юношей Лукумоном, превосходившим его значением и влиянием; Арунс указал галлам дорогу через Альпы и довел их до Клузиума. «Я не стану отрицать, — говорит Ливий, — что галлы были приведены к Клузиуму Арунсом или каким-нибудь другим жителем этого города; но что осаждавшие Клузиум не были первыми галлами, перешедшими через Альпы, в этом нет ни малейшего сомнения. Уже за двести лет до осады Клузиума и завоевания Рима этот народ появился в Италии, и первую свою войну здесь он вел не с этими этрусками, а гораздо раньше с теми, которые обитали между Апеннинскими Альпами. До установления верховного господства Рима власть этрусков простиралась весьма далеко. Как могущественны были они на верхнем и нижнем море, доказываются уже названиями того и другого; последнее народы Италии называли Тусским морем, а первое, по этрусскому городу Адрии — Адриатическим».

О переходе галлов в Италию Ливий собрал следующие сведения. В царствование Тарквиния Приска, Амбигатус, царь битуригов, главного народа тогдашней Галлии, видя, что население его государства возросло до крайней степени, решил выселить за границу своих обоих племянников Белловеза и Сиговеза с частью своего народа. По полету птиц на долю Сиговеза выпали Геркинийские леса, Белловезу же боги указали более приятный путь — в Италию.

С войском, набранным у различных галльских народов, он перешел через Альпы, разбил этрусков около Тичинуса (Тессино) и построил город Медиоланум (Милан). Поселившиеся в этой местности галлы назвались инсубрами. За этими первыми выходцами двинулись по тому же пути новые, как, например, ценоманы, избравшие для себя местность к востоку от инсубров, вокруг городов Бриксии (Брешиа) и Вероны. После занятия галльскими народами всего пространства между По и Альпами на южный берег реки По переправились бойи и лингоны; они вытеснили не только живших здесь этрусков, но и умбров, однако ограничились местностями к северу от Апеннинов. Последними появились сеноны, поселившиеся вдоль Адриатического моря на пространстве от Ариминума (Римини) до Анконы. Эти сеноны и были тем самым народом, который в 391 г., под предводительством Бревна, осадил Клузиум.

Галлы были грубые, дикие и воинственные варвары исполинского роста, со свирепым выражением лица, длинными и косматыми волосами и огромными бородами. Мирное обрабатывание земли собственными руками казалось свободному галлу занятием постыдным; они любили кочующую пастушескую жизнь, дикие свалки и сражения, веселые странствия с целью грабежа. При таких наклонностях у них не могло быть и речи об установлении прочного государственного порядка. Кельты являются во всемирной истории только разрушителями, ничего не создавшими и распространявшими ужас всюду, куда ни приходили они, — в Италии, Македонии и Греции, Малой Азии. Отличительные черты их — подвижность, необузданность, отсутствие выдержки, нерасположение к порядку и дисциплине; тщеславие и хвастовство у них в характере, оттого между ними в таком ходу поединки. На бой выступали они в пестрых и ярких одеждах, с широким золотым ожерельем на шее, с раззолоченным оружием; они кичливо выставляли напоказ свою храбрость, даже свои раны, и часто нарочно растревляли эти последние, чтобы дать более обильную пищу своему хвастовству. Сражались они без шлемов и обыкновенно без пращей длинными, дурнозакаленными мечами, держа в руке исполин-

ской величины щит, большей частью пешком, а в тех случаях, когда в деле участвовал маленький отряд — верхом; колесницы были тоже в употреблении. Как бешеные бросались они на врага, оглашая воздух страшным ревом и воем и сопровождая эти крики оглушительными звуками бесчисленного множества рожков. Такой неприятель был для итальянских народов совершенно новым явлением, и понятно, что при первой стычке он приводил в ужас и обращал в бегство даже мужественного, испытанного в боях римлянина.

Когда эти страшные варвары расположились перед стенами Клузиума и стали опустошать принадлежавшие этому городу земли, его жители, испуганные этими массами совершенно незнакомого, невиданного народа, отправили в Рим посольство с просьбой о помощи, хотя до этого времени никогда не находились в каких бы то ни было дружеских отношениях с Римом. Предпринимать поход в такой отдаленный город римляне не имели никакого желания, но вместо того чтобы благоразумно воздержаться от всякого вмешательства в это дело, они послали в Клузиум депутацию, которой было поручено склонить галлов к добровольному отступлению. Депутация состояла из трех Фабиев, сыновей верховного жреца М. Фабия Амбуста, людей молодых и легкомысленных. Явившись к галлам, они передали им просьбу римского сената не нападать на людей, не сделавших им никакого зла и бывших союзниками и друзьями римского народа, и прибавили, что римляне, если это окажется нужным, сумеют защитить Клузиум оружием, но что они предпочитают жить с галлами в мире и согласии. В этих словах не было ничего оскорбительного и враждебного, но депутаты произнесли их самоуверенно и надменно. Галлы отвечали, что хотя они слышат название римлян в первый раз, но верят, что это народ храбрый, так как иначе клузинцы не обратились бы к нему с просьбой о заступничестве. «Если же, — прибавили они, — вы для защиты ваших союзников предпочитаете ходатайство посольства оружием, то и мы не отвергнем предлагаемого нам мира, если клузинцы уступят нам часть своих земель, которых

у них слишком много, а не согласятся — мы сразимся с ними в вашем присутствии, чтобы вы могли засвидетельствовать дома, до какой степени галлы превосходят всех остальных людей храбростью». Тогда римляне спросили, на основании какого права можно отнимать земли у их собственников и чего, собственно, ищут галлы в Этрурии. «Наше право, — надменно отвечали галлы, — в нашем оружии; храбрым людям принадлежит мир».

За этим словопрением последовала схватка между галлами и клузинцами. Римские депутаты, побуждаемые негодованием против пришельцев-варваров и своей воинственностью, имели неосторожность, вопреки началам международного права, стать в ряды клузинцев. Один из них, Квинт Фабий, налетел на одного из галльских предводителей и пронзил его копьем. В ту минуту, когда он снимал с убитого вооружение, галлы узнали его и тотчас же прекратили сражение.

Это нарушение международного права так рассердило их, что многие советовали немедленно двинуться к Риму и отомстить; но старейшие настояли на том, чтобы предварительно было отправлено в Рим посольство с требованием выдачи Фабиев. Послами были избраны самые рослые люди из всего войска. Сенат, правда, не одобрил поступка Фабиев и нашел требование галлов справедливым, но тем не менее не мог решиться собственной властью отдать членов такого знатного рода на произвол жестокости варваров. Поэтому он предоставил решение дела народу. Народ отказал в выдаче и даже избрал трех Фабиев консулами-трибунами на следующий год. Галлам отвечали, что, пока римлянин занимает такую должность, личность его неприкосновенна и что они могут вернуться через год, если негодование не уляжется в них до тех пор.

Эта насмешка привела галлов в бешенство, и семидесятитысячное войско тотчас же выступило против Рима. Со своей обычной быстротой спустились они по левому берегу Тибра до речки Аллии, в одиннадцати милях от Рима. Здесь встретило их поспешившее им навстречу римское войско в количестве сорока тысяч человек. Разбивать лагерь было уже некогда, надо было немедленно пригото-

виться к битве. Ядро римской армии, двадцать четыре тысячи человек, заняло место на равнине между Тибром и расположенными справа от него возвышенностями; оставшая часть поместилась на этих возвышенностях; между обеими враждебными армиями протекала в глубоком русле Аллия. Галлы не вступили в бой с главными римскими силами, утвердившимися на равнине, но кинулись на те войска, которые стояли на высотах. Со страшным воем, при оглушительном визжании рожков, рубя направо и налево длинными мечами, они ворвались в неприятельские ряды такими массами и так бешено, что римляне, не привыкшие к подобному нападению, приведенные в ужас свирепостью этих чудовищ, не стали защищаться и обратились в бегство. Они кинулись на равнину и увлекли за собой стоявшие там войска. Галлы дико неслись за ними и прогнали большую часть войска к Тибру, между тем как менее значительные отряды скрылись в соседнем лесу или бежали по большой дороге к Риму. Ужас беглецов был так велик, что один опрокидывал и топтал другого, задние ряды наступали на передние, и наконец вся масса бросилась в Тибр. Здесь многие утонули от тяжести своего вооружения, многие — под мечами и копьями неприятеля.

Успевшие переправиться через реку бежали в опустевшие Вейи и укрылись за городскими стенами (18 июля 390 г.). Такое быстрое и полное поражение было неслыханно в римской истории. День битвы при Аллии (*dies Alliensis*), 18 июля, остался в памяти римлян навсегда одним из злополучных дней. Галлы изумились такой легкой и внезапной победе. Этот римский народ, столь надменный и самоуверенный на словах, оказался до такой степени трусливым и беспомощным в битве! Сначала победители остановились, как бы не понимая, что случилось, потом стали оглядываться, опасаясь засады, наконец, не видя ничего враждебного, принялись за грабеж. Они рассеялись по полю сражения, сняли с убитых все, что нашли на них, отрубили им головы, нагромоздили целые горы оружия и затем пьянствовали всю ночь в ознаменование победы. На следующий день они двинулись против Рима. Высланные ими вперед

всадники вернулись с известием, что все городские ворота отворены, ни перед одними нет караульного поста, на стенах не видно ни одного вооруженного человека. Галлы, боясь засады и не решаясь ночью войти в город, снова остановились и расположились на ночлег между Римом и Анио.

Эта медлительность неприятеля была счастьем для римлян. В городе царствовал панический страх; в Рим прибежали только немногие из вооруженных воинов, и о защите его нечего было и думать. Правительство и граждане потеряли голову, всюду слышались стоны и вопли. Когда же невдалеке от городских стен раздались дикие крики и победные песни варваров, все, кто только был в силах владеть оружием, поспешили с женами и детьми в Капитолий, чтобы из этой крепости защищать по крайней мере родных богов и имя Рима. Остальной народ направился к Яникульскому холму и оттуда рассеялся по окрестностям. Значительная часть бежала в Цере. Туда же были перенесены жрецами Квирина и девственницами-весталками вверенные их хранению святыни; остальные священные предметы зарыли в часовне недалеко от Сюаса Махима. Старейшие сенаторы, числом около восьмидесяти, решились: они хотели умереть за свой народ. Одевшись в почетное платье, эти старцы вышли на площадь, сели там в свои курульные кресла и ждали врага. Верховный жрец М. Фабий прочел им формулу самообречения на смерть.

На следующий день после битвы галлы без всякого сопротивления прошли через Коллинские ворота в город. Улицы были пусты, дома затворены; с тайным ужасом двигались варвары по вымершему Риму и наконец достигли площади. Здесь они увидели почтенных старцев, сидевших неподвижно в креслах, с длинными жезлами в руках; величие, которым были проникнуты черты их лиц, придавало им вид богов. С каким-то благоговением смотрели дикари на эти неподвижные фигуры, сомневаясь — живые ли это существа или изваяние из камня. Наконец один галл подошел к М. Папириусу и погладил его длинную седую бороду; старик рассердился и ударил дерзкого по голове своим жезлом из слоновой кости. Галл тотчас же зарубил его, а вслед за тем варвары бросились на осталь-

ных и утертвили их на месте. После этого они разбрелись по городу, стали врывать в дома и грабить и жечь их. Скоро пожар вспыхнул в разных частях города, а через несколько дней весь Рим представлял груды пепла, за исключением нескольких домов, в которых поселились на время предводители галлов.

Покончив с домами, галлы принялись за крепость и Капитолий. Чтобы порешить войну разом, они пошли на штурм, но были отбиты с таким кровопролитием, что не решились сделать второй попытки и сочли более удобным принудить крепость к сдаче посредством голода. Но скоро осаждающим пришлось хуже, чем осажденным. Увлеченные безумной жадной разрушения, они вместе с домами сожгли и весь запас хлеба, находившийся в городе, а тот хлеб, что хранился в деревнях, римляне уже прежде поспешили перевезти в Вейи. Вследствие этого в многочисленном галльском войске скоро начался голод, а с ним появились разные заразные болезни и лихорадки, вызванные не только недостатком пищи, но и палящим зноем, к которому галлы не привыкли и от которого им негде было укрыться в разрушенном и сожженном городе.

Для устранения этого бедствия галлы разделились на две части; одна продолжала держать в осаде крепость, другая делала набеги на соседние народы, грабила их и доставляла съестные припасы своим товарищам. Один из таких грабительских отрядов появился и перед Ардеей, где жил в изгнании Камилл, сокрушаясь больше о положении своего отечества, чем о своей собственной судьбе, негодуя, что пришлось исчезнуть тем храбрым людям, которые вместе с ним завоевали Вейи и Фалерии и в других войнах были обязаны успехом больше своему мужеству, чем счастью. Услышав, что жители Ардеи, испуганные приближением неприятеля, поспешно собирались на общее совещание, Камилл явился в их собрание и предложил им смелый подвиг. Как только наступила ночь, все они под предводительством Камилла кинулись на неприятельский лагерь, где воины лежали пьяные, в беспорядке, не ожидая нападения. О правильном сражении не могло быть и речи — началась дикая резня; полусонные галлы

были изрублены на куски, а те, которые находились в самом отдаленном конце лагеря, бросились в бегство и оставили всю награбленную добычу в руках победителей. Часть беглецов достигла пределов Анциума, но была истреблена жителями этого города.

Подобное же поражение потерпели этруски перед Вейями, где за это время успело собраться довольно много римлян. Дело в том, что этруски воспользовались бедствием Рима, чтобы отомстить ему за прежние поражения и обиды. Они вторглись в Римскую область, ограбили ее и собрались со всей добычей перед Вейями с целью напасть на этот город. Римляне, видя, что даже этруски, из-за которых они навлекли на себя войну с галлами, издеваются над их бедствием, вознегодовали и решили наказать дерзких. Они избрали себе в предводители Цедиция и ночью напали на этрусков, из которых остались в живых только немногие. Этот удачный подвиг поднял дух вейентинских римлян, сила которых ежедневно возрастала вследствие постоянного прилива вооруженных людей из Лациума. Им уже казалось, что наступило время вырвать Рим из рук неприятеля. Но для этого недоставало еще такого предводителя, какой был нужен в таких важных обстоятельствах. Тогда они вспомнили о Камилле и решили призвать его из Ардеи, но предварительно испросить разрешения у римского сената. Отважный юноша, по имени Понтий Коминий, принял на себя это поручение. Он поплыл ночью по Тибру и достиг того места, которое находилось на наиболее близком расстоянии от крепости; тут, обманув бдительность неприятельских часовых, он взобрался у Карментальских ворот вверх по крутому утесу, был приведен к сенаторам и объявил цель своего прибытия. Сенаторы разрешили призвать Камилла и назначить его диктатором, что и было исполнено немедленно по возвращении Коминия в Вейи.

В то время как Камилл становился во главе войска, собравшегося в Вейях, римская крепость и Капитолий оказались в большой опасности. Галлы обнаружили на утесе следы ног Коминия и в следующую же ночь попытались проникнуть в крепость тем же путем. Один невооруженный полз вперед, следующий подал ему оружие и вскарабкался сам

точно так же, как первый; таким образом, помогая друг другу, подымая один другого, все они постепенно добрались до вершины так удачно, что ни один из часовых не заметил этого. Даже собаки, обыкновенно столь бдительные, остались спокойны; но гуси, содержащиеся в храме Юноны, услышали приближение посторонних и зашумели. Их крики и хлопанье крыльев разбудили Марка Манлия, известного воина, бывшего за три года до того консулом; он вскочил, схватился за оружие, поднял на ноги всех находившихся в Капитолии и поспешил туда, где подозревал опасность. Сильным ударом меча он быстро сбросил в бездну галла, уже стоявшего наверху утеса. Варвар в падении увлек за собой стоявших ближе к нему; остальные, еще карабкавшиеся вверх, были прогнаны стрелами и камнями. Так совершилось спасение Капитолия. Оплотных часовых на следующий день сбросили с утеса; спасителя Манлия воины почтили тем, что каждый из них принес в его дом, находившийся в крепости, полфунта хлеба и четверик вина; подарок, правда, незначительный, но при тогдашнем недостатке в съестных припасах бывший прекрасным доказательством любви и благодарности. К этому же событию относят происхождение своеобразного римского обычая, состоявшего в том, что ежегодно, в известный день, по улицам торжественно проносили распятую на кресте собаку и великолепно убранного гуся, для того — как говорил народ — чтобы воздать честь гусям, как спасителям Капитолия, и наказать собак, забывших свою обязанность.

Невзгоды и лишения, которым подвергала римлян осада, были для них не так мучительны, как голод. Осажденные употребили уже в пищу кожу своих щитов и подошв, а помощь из Вейев все еще не показывалась. Но и галлы не меньше страдали от голода и болезней, и долгая изнурительная осада наконец сильно утомила их. Они предложили римлянам перемирие и вступили в переговоры. Так как при этих последних они больше всего выставляли на вид осажденным голод как средство, которое должно же было наконец заставить их сдаться, то римляне обманули их хитростью: они разбросали между галльскими аванпостами большое количество хлебов, как бы вследствие из-

*Вотивный щит.
Иллюстрирует легенду о
взвешивании галлами
золота из Капитолия*

линости. Тогда Бренн надменно бросил на весы еще свой меч и воскликнул: «Горе побежденным!»

«Но, — говорит Ливий, — боги и люди отвратили от римлян позорную участь — жить откупившимися золотом людьми. Еще не окончилось взвешивание, как Камилл появился в Риме в сопровождении своего войска и объявил договор недействительным, на том основании, что право заключать договоры от имени государства принадлежало исключительно ему, как диктатору. На развалинах Рима произошла схватка, в которой растерявшиеся галлы были разбиты так же легко, как римляне при Аллии. Они бросились в бегство, но во время отступления потерпели еще раз на дороге в Габии, у восьмого помильного столба от Рима, такое страшное поражение, что среди них не осталось даже ни одного человека, который мог бы возвестить другим о постигших их бедствиях».

Камилл, снова спасший отечество от врагов, торжественно вступил в город, и солдаты в своих победных песнях назвали его Ромулом, отцом отечества и вторым основателем Рима.

Но в каком положении находился этот город, куда теперь вступил триумфатор? Все дома лежали в пепле и развалинах; уцелели только храмы и большие каменные зда-

бытка у себя съестных припасов, и галлы решили наконец заключить мирный договор. Условия его, однако, оказались довольно тяжелыми для римлян: за отступление неприятеля они должны были заплатить тысячу фунтов золота. Вдобавок победители стали взвешивать это золото на фальшивых весах. Консул-трибун, Кв. Сульпиций, тот самый, который предводительствовал римлянами при Аллии, а теперь заключил вышеупомянутый договор, восстал против этой несправед-

ния. Жители снова стали стекаться со всех сторон, но они были лишены всего необходимого для существования — не только пищи и крова, но даже домашней утвари и земледельческих орудий. Число граждан и особенно людей, способных носить оружие, значительно уменьшилось, а соседние народы, покоренные римским оружием до вторжения галлов, были совсем не прочь воспользоваться беспомощностью и разорением своих победителей, чтобы отомстить им и вернуть себе свободу. В этом критическом положении сосредоточение высшей правительственной власти в одних руках представлялось наиболее полезным и целесообразным средством. Поэтому патриции упросили Камилла остаться диктатором до тех пор, пока он приведет в порядок и снова установит на прочных основаниях город и государство. Первым делом диктатора было провести следующее сенатское постановление: «Все священные места, вследствие того, что они были заняты неприятелем, должны быть приведены в прежний порядок и очищены от осквернения. С гражданами города Цере заключить дружественный союз за то, что они дали у себя приют святыням римского народа и его жрецам. В честь Юпитера, охранившего в дни бедствия свое местопребывание и крепость римского народа, будут отныне праздноваться Капитолийские игры». При этом вспомнили также о необходимости загладить грех невнимательного отношения к ночному голосу, возвестившему нашествие галлов, и было сделано распоряжение о постройке на «новой улице» храма Аюсу Локуцию, т. е. делающему словесное указание. Взятое обратно у галлов золото, вместе с другим золотом, спасенным в различных храмах, положили под креслом Юпитера в Капитолии как церковное имущество.

В то время как происходило это приведение в порядок религиозных дел и шла речь о восстановлении городских построек, трибуны не переставали настаивать в народных собраниях на том, чтобы народ оставил Рим в развалинах и переселился в Вейи, где все сохранилось в целости и неприкосновенности. Народ, как мы видели выше, изъявлял готовность променять Рим на Вейи уже и прежде, немедленно после завоевания этого города; теперь же это пех-

реселение улыбалось ему тем более, что его родной Рим представлял собой груду развалин. Но патриции, и во главе их Камилл, всеми силами старались воспрепятствовать этому насильственному перелому в истории развития римского государства, — не допустить, чтобы государство было вырвано из той почвы, на которой оно родилось, выросло и окрепло, и пересажено на другую для того, чтобы начать на ней сызнова свое историческое существование. В речи, произнесенной перед собравшимся народом, Камилл весьма энергично убеждал граждан не оставлять родную землю, не покидать основанный с божьего соизволения город, где каждое место издавна имело свои святыни, своих богов, — и успел склонить многих на свою сторону; но решительный поворот делу дала одна случайность, которую народ принял за указание свыше, за проявление воли богов. В то время когда сенат, собравшись в гостилиевской курии, совещался об этом деле, через площадь проходила когорта, только что сменившаяся с караула; поровнявшись с курией, начальник отряда скомандовал: «Ставь знамя здесь! Это самое лучшее место для остановки!» Услышав эти слова, сенаторы радостно выбежали на площадь и указали народу на это предзнаменование. Толпа не стала более сопротивляться и дала согласие.

Таким образом, предложение трибунов было отвергнуто, и немедленно вслед за этим во многих местах города начались постройки. Кирпич раздавался от казны, и всем было разрешено добывать камень и рубить лес где угодно; но строитель принимал на себя обязательство окончить работы не далее как в течение этого же года. Большую часть строительного материала народ, вероятно, привозил из Вейев, что сенат разрешал весьма охотно, так как разрушение этого города должно было уничтожить навсегда и планы плебеев относительно переселения из Рима. Благодаря тому, что каждому хотелось как можно скорее добыть себе кров и приют, постройки шли очень поспешно; дома возводились большей частью маленькие и лепились один около другого в беспорядке, вследствие чего образовались узкие и кривые улицы. Этот неправильный и некрасивый вид Рим сохранял до времени императоров.

Нашествие галлов совершилось в 390 г. до Р. Х. В следующие затем годы окрестные народы старались воспользоваться слабостью Рима, чтобы свергнуть с себя римское иго или возвратить свои прежние владения. Вольски, эквы и этруски, подкрепленные латинами и герниками, взялись за оружие и этим поставили римлян в очень критическое положение. Пришлось опять обратиться к Камиллу. В 389 г. его снова избрали диктатором. Он выступил против вольсков, которые окружили было одну из римских армий, но, как только узнали о приближении Камилла, поспешили огородить со всех сторон свой собственный лагерь баррикадами из деревьев; Камилл зажег эти укрепления, разбил вольсков наголову и затем двинулся против эквов, которым тоже нанес поражение и у которых отнял завоеванный ими римский город Болу. В то время как он воевал с эквами, этруски осадили римскую колонию и крепость Сутриум. Камилл быстро пошел на помощь осажденным и появился перед Сутриумом как раз в тот момент, когда этруски завладели им и, не подозревая об опасности, грабили город; Камилл стремительно напал на них, отнял награбленную добычу и уничтожил их войско. По возвращении в Рим его почтили тремя триумфами. В последующие десять лет, в продолжение которых Камилла избирали консулом-трибуном еще три раза, к вышеупомянутым побежденным народам прибавилось еще столько новых, что владычество Рима опять утвердилось на прежнем громадном пространстве.

Для увеличения числа граждан, значительно сократившегося вследствие галльского нашествия, сенат в 388 г. предоставил право римского гражданства тем жителям Вейев, Капены и Фалерии, которые помогали римлянам в войнах этого и предыдущего года. Из этого нового населения составили четыре новые трибы; таким образом, число римских триб возросло с 21 до 25.

Длинный ряд войн до и после нашествия галлов, разрушение и восстановление Рима снова повлекли за собой крайнее обеднение большинства плебеев, которому не могли помочь скудные отводы земли отдельным лицам. Общее распределение государственных земель, в том виде

как этого требовал некогда Спурий Кассий, все еще оставалось неисполненным проектом, а законы о взыскании долгов применялись богатыми патрициями с такой же жестокостью, как прежде. Облегчить эти страдания народа попытался М. Манлий, спаситель Капитолия, с которым мы ближе познакомимся в следующей главе; но он пал жертвой своей великодушной благонамеренности (в 384 г.), и с тех пор патриции стали действовать еще жестокосерднее и неумолимее. Запуганный и загнанный народ терпеливо переносил свою участь; наконец, в 376 г. два трибуна, К. Лициний Столон и Л. Секстий, снова возбудили вопрос о распределении полей и смягчении постановлений о долгах и кроме законов, относившихся к этим двум делам, предложили также в интересах плебеев третий — о высшей государственной должности.

Эти три законопроекта состояли в следующем: 1) Каждый римский гражданин имеет право пользоваться общественной землей, но в количестве не более 500 десятин; точно так же никто не имеет права пасти на общественных лугах больше десяти штук крупного и ста штук мелкого скота. Срок арендного пользования землей определяется пятилетний, и плата за него идет на жалованье войскам. 2) Из сумм, составляющих частные долги, следует вычесть уже уплаченные проценты, а остальное количество долга — рассрочить на три года. 3) Избрание консулов-трибунов прекращается, а взамен того, по примеру прежнего времени, должны избираться ежегодно два консула, из которых один — непременно из плебеев.

Эти законы должны были нанести большой ущерб привилегиям и интересам патрициев, и потому эти последние, чтобы оттянуть на возможно продолжительное время принятие их, склонили остальных восьмерых трибунов к противодействию. Но народ десять лет кряду выбирал трибунами обоих авторов вышеупомянутых законопроектов и всеми силами поддерживал их в этом деле. Так как число протестующих трибунов с каждым годом уменьшалось и патриции все больше и больше лишались надежды на успех, то в 368 г. они прибегли к последнему и крайнему средству: восстановили должность диктатора и избрали на

нее испытанного защитника своей партии, Камилла, которому в это время было уже около восьмидесяти лет. Несмотря на преклонный возраст, Камилл очень энергично принялся за дело. В тот самый день, когда трибуны рассчитывали наконец провести законы, за которые они ратовали столько лет, он объявил набор и под угрозой строгих наказаний отозвал народ с площади на Марсово поле. Тогда трибуны, в свою очередь, пригрозили ему крупным денежным штрафом, если он не перестанет отстранять народ от подачи голосов. На этот раз диктатор испугался. Он удалился в свой дом и через несколько дней под предлогом болезни сложил с себя диктатуру. Вероятно, ему стало ясно, что всякое сопротивление воле народа бесполезно, и поэтому он стал с этих пор советовать патрициям уступить. Но они все еще стояли на своем и назначили диктатором П. Манлия; но его противодействие не привело ни к чему, и предложения Лициния, после десятилетней борьбы, наконец получили силу закона. Л. Секстий, плебей, был избран на 366 г. консулом. Но так как патриции отказывались утвердить в комициях по куриям выбор новых консулов и этим открыли перспективу новых и долгих споров, то Камилл вмешался в дело и устроил соглашение, по которому судебная власть была отделена от должности консула и возложена на особого чиновника из патрициев. Таким образом возникла претура. Претор был в известной степени третий консул, который занимался судопроизводством и в отсутствие консулов исполнял их должность.

Этой весьма своевременной уступкой старик Камилл оказал новую большую услугу государству, которое он спасал уже столько раз. Установление мира между обоими сословиями было его последним политическим делом. Незадолго до того, именно в 367 г., когда Риму грозило новое нашествие галлов, он был в пятый раз избран диктатором и в этом звании одержал над галлами в Альбанской области блистательную победу.

В 365 г. Камилл умер от моровой язвы, и смерть его была для государства если не преждевременной, то все-таки очень тяжелой утратой. «Ибо этот человек был действительно незаменим во всяком положении; уже до свое-

го изгнания первый в войне и мире, он стал еще выше после этой ссылки, потому ли что с ним так несправедливо поступило государство, которое, очутившись потом в руках неприятеля, обратилось к изгнаннику с мольбой о спасении, или потому, что на его долю выпало счастье — вместе с собственным возвращением в родной город вернуть этому городу и прежнее благосостояние. И в следующие за тем двадцать пять лет (так долго после того прожил он еще на свете) удерживался он на высоте, на которую поставила его столь высокая слава, и признавался всеми за человека, заслуживавшего имя второго основателя Рима» (Ливий).

10. МАРК МАНЛИЙ КАПИТОЛИЙСКИЙ

Манлий Капитолийский, современник и соперник Камилла, бесспорно, был после этого последнего значительнейшим человеком в Риме и, по свидетельству одного древнего римского писателя, отличался в равной мере физической красотой, мужеством, красноречием, достоинством, энергией и благонадежностью. Воинской смелостью и храбростью он не уступал ни одному из своих современников. Едва достигнув шестнадцатилетнего возраста, он добровольно вступил в войско и отбил у неприятеля две Добычи; впоследствии он отвоевал их больше тридцати. Когда, уже в позднейшие годы, на него было взведено обвинение в государственной измене, он предъявил сорок почетных подарков — в том числе два ственных венца и восемь гражданских венцов, полученных им от начальников в ознаменование его особенной храбрости. Грудь Манлия была изранена в двадцати трех местах. Он принадлежал к знатному, занимавшему многие почетные должности роду и сам незадолго до нашествия галлов, именно в 392 г., был консулом. О том, как он спас государство во время осады Капитолия галлами, мы рассказали выше. По свидетельству некоторых писателей, это спасение Капитолия снискало ему прозвание Капитолийского. Но на самом деле уже его предки носили это звание; оно же встречался в

роду Квинтиев и Тарпеев и вообще обозначало человека, жившего в Капитолии.

Несмотря на большие услуги, оказанные Манлием государству спасением Капитолия и другими военными подвигами, он в последующие годы не избирался на высшие государственные должности и поневоле уступал первенство своему сопернику и личному врагу, надменному Камиллу; это происходило оттого, что патриции ненавидели его за демократический образ мыслей, между тем как жестокосердный, проникнутый аристократическим духом Камилл был им очень по сердцу. Такой образ действий, конечно, должен был огорчать и раздражать человека, охваченного жадной деятельностью и чувствовавшего себя призванным к великим подвигам; и если в первое время он являлся защитником угнетенного народа только по чувству справедливости и естественного сострадания, то теперь оскорбительное недоверие членов его собственного сословия заставило этого честолюбивого и страстного человека стать относительно партии патрициев в систематическую оппозицию. Но что в этом противодействии он, как утверждали патриции, доходил до преступных покушений на целостность и благосостояние государства, - это не подтверждается никакими фактическими доказательствами.

Как нам уже известно из предыдущего, народ после разрушения Рима галлами впал в тяжкие долги, обнищал и сделался жертвой жестоких притеснений. Манлий принял к сердцу бедственное положение народа и помогал чем мог; он беспрерывно настаивал на необходимости распределения полей и облегчения участи должников, т. е. говорил вещи, для патрициев в высшей степени неприятные. Однажды ему случилось быть на площади в то время, когда одного воина, неоднократно отличавшегося на поле сражения, приговорили к тюремному заключению за долги. Манлий, окруженный своими многочисленными друзьями из народа, выступил вперед и заплатил кредитору долг. Освобожденный от тюрьмы и нищеты воин обратился к собравшемуся на площади народу с просьбой не оставить невознагражденным это благодетельное благородное избавителя, отца римских бедных людей; он рассказал, что впал в долги вследствие

того, что постоянно служил в войске во время войн с галлами и вейентинцами и что уплаченными процентами давно уже покрыл всю сумму капитала, не избавившись, однако, этим от малейшей части долга; наконец, он заявил, что если видит еще дневной свет и лица своих сограждан, то этим обязан исключительно Манлию, которому отныне принадлежит вся его жизнь. Этими словами он склонил на сторону Манлия весь народ, любовь и преданность которого спасителю Капитолия усилились еще больше, когда он продал с аукциона главную часть своего состояния, землю в области Вейев и вырученными деньгами оказал помощь многим задолжавшим плебеям.

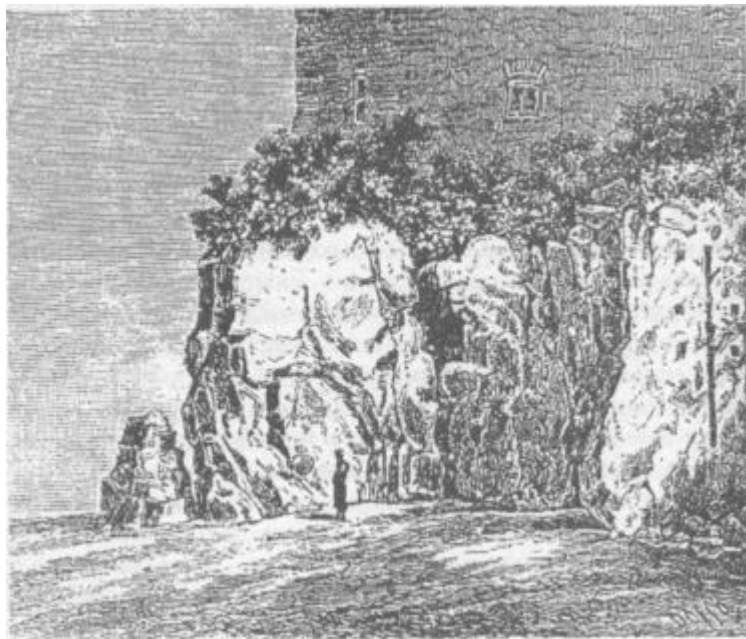
С этого времени преданность народа Манлию не имела границ. Его дом в Капитолии сделался сборным пунктом предводителей народной партии, и не одна смелая речь произносилась в этих стенах. Патриции сильно встревожились и для подавления грозившего им бунта призвали в Рим диктатора Корнелия Косса, в то время воевавшего с вольсками. Косс поспешил вернуться и арестовал Манлия за взведенную им на патрициев и сенат клевету, что они утаили отнятое обратно у галлов золото. Этот насильственный поступок вызвал общее негодование; большинство плебеев оделось в траур, перестало стричь волосы и брить бороды и уныло расхаживало взад и вперед перед темницей Манлия. Когда диктатор одержал победу над вольсками, народ стал громко говорить, что он победитель не на поле сражения, а в Риме, что он одолел не неприятелей, а одного из своих граждан и что недостает только одного — чтобы Манлия повели перед его триумфальной колесницей. Возмущение уже готово было вспыхнуть, толпы народа уже не отходили от тюрьмы Манлия даже ночью и грозили взять ее приступом; тогда сенат, чтобы успокоить толпу, освободил арестованного.

С этих пор Манлий стал в еще более враждебные отношения к господствующей партии. Несправедливое и постыдное наказание ожесточило его, привязанность и преданность народа придали ему бодрости и энергии; день и ночь собирались предводители народной партии в его Доме и, как говорила молва, совещались с ним касатель-

но разных перемен в государственной администрации. Патриции, опасаясь для себя самых плачевных последствий, убедили в 384 г. двух трибунов, М. Менения и Кв. Публилия, привлечь Манлия к народному суду по обвинению в государственной измене. Точно так же некогда поступили с Сп. Кассием и Сп. Мелием; патрициям не было никакого дела до того, действительно ли виновен Манлий; им только нужно было во что бы то ни стало уничтожить человека, опасного для их господства. Манлия обвиняли в намерении сделаться царем.

Народ, видя такие гонения на своего благодетеля, пришел в сильное негодование, которое еще более увеличилось, когда Манлий показался на улице в траурной одежде, без обычного в этих случаях сопровождения родственников. Народ помнил, что когда в тюрьму вели децемвира Аппия Клавдия, все семейство Клавдиев и даже дядя обвиненного и его главный противник, К. Клавдий, облачи-

Тарпейская скала

лись в траур; теперь же от Манлия отказались даже его два брата. Настал день суда. Манлий привел с собой четыреста человек, которых он ссужал деньгами без процентов, которым он спас имущество, которых он даже избавил от рабства; он привел граждан, спасенных им на поле сражения, и в числе этих последних назвал К. Сервилия, *magister equitum*, уклонившегося явиться на суд, чтобы не быть поставленным в необходимость свидетельствовать в пользу своего благодетеля; он показал почетные отличия, полученные им в различных войнах, обнажил свою израненную грудь, указал на Капитолий и храм Юпитера, спасенные им от рук неприятеля, и обратился к вечным богам с мольбой, чтобы они охранили его, защитника их святынь, от ненависти и мстительной зависти его врагов. Суд происходил на Марсовом поле, откуда народ, собравшийся сюда по центуриям, видел перед собой Капитолий, живой памятник заслуги Манлия. Когда приступили к собранию голосов, первая центурия признала его оправданным. Обвинявшие Манлия трибуны побоялись, что примеру ее последуют и остальные центурии, и распустили собрание.

О постановлении обвинительного приговора в комициях по центуриям, т. е. в общем собрании всего народа, нечего было и думать. Поэтому противники Манлия противозаконно перенесли дело в комиции по куриям — частное собрание патрициев, и здесь Манлий был приговорен к смерти. Ливий передает этот эпизод несколько иначе: когда трибуны увидели, каков должен быть результат первого собрания, то отложили произнесение приговора и вслед затем собрали народ в другом месте, откуда нельзя было видеть Капитолий и где, благодаря этому обстоятельству, Манлия осудили на смерть. Но в основе рассказа Ливия лежит неправильность, заключающаяся в том, что будто бы и во второй раз суд происходил в комициях по центуриям. Правда, что закон двенадцати таблиц уничтожил существовавшее в древние времена право комиций по куриям судить патриция, но противозаконность не пугала патрициев в тех случаях, когда с помощью ее они могли избавиться от ненавистного и опасного противника.

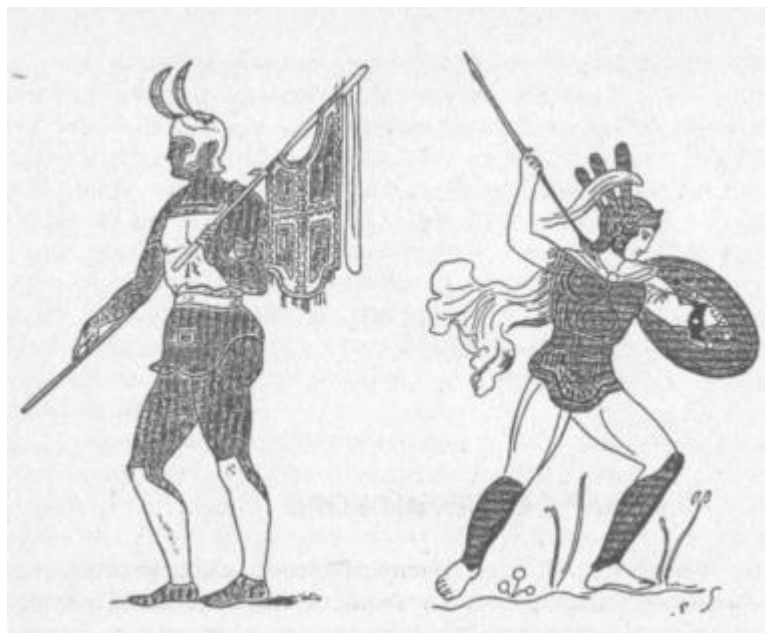
О кончине Манлия сведения различны. Большинство историков рассказывает, что трибуны сбросили его с Тарпейской скалы. По другому свидетельству, он был засечен до смерти. Существует еще рассказ иного рода — будто Манлий, чтобы избежать приговора курий, устроил народный бунт и занял Капитолий, вследствие чего патриции поспешили избрать диктатором Камилла; но так как они не знали, каким способом схватить Манлия, то один раб предложил свои услуги; он пробрался в крепость в качестве перебежчика, отвел Манлия в сторону под предлогом необходимости сообщить ему нечто важное и сбросил со скалы.

После смерти Манлия его дом в Капитолии был скрыт до основания, причем постановили, что впредь ни один патриций не будет жить в этой части города, — плебеям и без того было запрещено селиться в Капитолии. Аристократический род Манлиев не давал с этих пор ни одному из своих членов имени Марк.

11. МАРК ВАЛЕРИЙ КОРВ

В 366 г. до Р. Х. допущением плебеев к консульству, т. е. высшей государственной должности, была признана в принципе равноправность обоих сословий, хотя на деле патриции еще долго старались нарушать эту равноправность в ущерб плебеям. Через некоторое время плебеи получили доступ и к остальным должностям, до тех пор занимавшимся только патрициями. В 356 г. в звание диктатора был впервые возведен плебей — К. Марций Рутил; в 350 г. тот же Рутил достиг должности цензора; в 337 г. назначен был первый плебейский претор в лице Кв. Публилия Филона; наконец, в 300 г. lex Ogulnia допустил плебеев к занятию различных мест в сословии жрецов и авгуров. С этим установлением равноправности обоих сословий, т. е. с 366 г., начинается собственно героическое время римского народа — начинается, по выражению Нибура, развитие Рима в его призвании владычествовать над остальными народами. Силы государства, до тех пор ослаблявшиеся и сковывавшиеся внутренними междоусобиями, с этих пор энергично обратились на расширение внешних границ, и через 100 лет, именно в 266 г. до Р. Х., римляне господствовали уже во всей Италии.

Счастливо отбив многие опустошительные и свирепые вторжения галлов в Лациум — вследствие чего Рим

Самниты: знаменосец и воин

был признан оплотом итальянских народов от нашествия диких варваров, - заставив этрусков частью покориться Риму, частью заключить с ним мир, принудив латинян и герников признать римскую гегемонию и покорив вольсков, римляне в 343 г. предприняли большую войну с самнитянами, единственным народом Италии, который мог еще оспаривать у них господство над полуостровом.

Самнитяне, народ сабинского происхождения, еще задолго до изгнания римских царей поселились в горах между равнинами Кампании и Апулии, откуда отдельные части их, в свою очередь, спустились в соседние равнины и, в большей или меньшей степени смешавшись с туземным населением, образовали новые народы. Таким образом возникли луканы, бреттийцы, кампаны, совершенно отделившиеся от самнитян. Насколько была слаба связь между этими родственными народами, настолько же она была слаба и между самими самнитянами, которые разделялись на четыре племени: кавдинцев, гирпинов, пент-

ров и френтанов, составлявших вместе весьма непрочный союз. Это был народ грубый и энергичный, не уступавший римлянам в храбрости и далеко превосходивший их численностью; но у этой силы не доставало связующего средоточия, тогда как римляне основанием колоний, проложением дорог и романизированием завоеванных местностей устанавливали возможно тесную связь между этими последними и своей столицей как единственным средоточием своего владычества. Это обстоятельство было причиной, что в борьбе между римлянами и самнитянами самнитяне должны были наконец уступить, хотя, конечно, после долгого и отчаянного сопротивления. Три кровопролитные войны ознаменовали борьбу двух народов за верховное господство над Италией. Первая Самнитская война, с 343 по 341 г., прекратилась без всякого решительного результата; вторая длилась дольше, с 326 по 301 г., стоила обеим сторонам величайших трудов и жертв и окончилась поражением самнитян, несмотря на поддержку многих италийских народов. Через шесть лет самнитяне снова собрались с силами и в сообществе прежних и новых союзников возобновили войну, тянувшуюся с 298 по 290 г. и окончившуюся также несчастливо: они должны были признать первенство Рима. Но и это поражение не совсем сокрушило их, так что впоследствии они не раз предпринимали попытки свержения ненавистного ига.

Главным героем первой Самнитской войны со стороны римлян был Марк Валерий Максим, или, как его обыкновенно называют, М. Валерий Корв, потомок М. Валерия Максима, брата знаменитого Валерия Публикола. Некоторые несправедливо считают его потомком самого Публикола.

Уже в ранней молодости Валерий снискал себе громкую славу поединком во время галльской войны 349 г. В ту пору Валерий служил военным трибуном под начальством консула, сына знаменитого Камилла, Л. Фурия Камилла, встретившегося с галлами в Пометинской области. Оба войска расположились друг против друга и выжидали благоприятного случая, чтоб начать битву; но вот однажды к

римскому лагерю подошел необыкновенно высокий и грозно вооруженный галл, поднял щит и через переводчика обратился к римлянам с вызовом желающих на поединок. Молодой трибун Валерий попросил у своего полководца позволения сразиться с хвастуном. В ту минуту, когда он пошел навстречу своему противнику, на его шлем сел ворон, враждебно повернувшись к галлу. Юноша поразился крылатому вестнику счастья и поручил себя защите и покровительству божества, пославшего его. Как только оба бойца скрестили оружие, ворон слетел со шлема и впился клювом и когтями в лицо и глаза галла; это нападение он повторял при каждом новом ударе сражающихся и довел наконец дело до того, что изнеможенный и испуганный великан пал под мечом юноши. Тогда ворон взмахнул крылами и вскоре исчез из виду.

Во время поединка как римские, так и галльские воины оставались спокойными зрителями. Когда же Валерий принялся снимать с побежденного врага оружие, галлы кинулись на него, но встретились с римлянами, которые еще быстрее устремились на помощь победителю, и около труп галла завязалась схватка, вскоре перешедшая в кровопролитную битву. Ободренные победой своего трибуна, которому, очевидно, покровительствовали боги, римляне неудержимо напирали на неприятеля и одержали блистательную победу. По окончании сражения герой Валерий получил от полководца в награду за свой подвиг золотую корону и шесть быков и, кроме того, в честь ворона, которого боги послали ему на помощь, — почетное прозвание Корва, так как *Corvus* значит ворон. В то же время народ в Риме выбрал его консулом на следующий год, несмотря на то, что ему в ту пору было всего двадцать три года. Председателем на этих выборах был диктатор Г. Манлий Торкват, который за двенадцать лет до того тоже убил на поединке галльского великана.

В 346 г. Валерия Корва вторично избрали консулом и поручили ему выступить войной против вольсков Анциума, которые еще не лишились свободы и за три года до этого восстановили и заселили латинский город Сатрикум. Валерий разбил их перед Сатрикумом, загнал в город

и уже намеревался окружить его со всех сторон, когда они добровольно сдались, за исключением безоружного отряда в четыре тысячи воинов. Сатрикум был разрушен, а вся отнятая у неприятеля добыча предоставлена солдатам. Что касается вышеупомянутых четырех тысяч пленных, то их погнали связанными перед триумфальной колесницей победителя и потом продали в рабство в пользу государственного казначейства.

В 343 г., когда Валерий Корв был уже в третий раз консулом, началась первая Самнитская война. Самнитяне, которые в это время, как лет за восемьдесят до того, снова старались проникнуть из своих гор в равнину Кампании, напали на Сидицину, значительный авзонский город. Сидицины, которым было далеко не по силам, обратились с просьбой о помощи к кампанскому городу Капуа. Капуа был город большой, богато населенный, не меньше Рима, но его жители погрязли в изнеженности, мотовстве и праздности и поэтому не имели возможности долго и упорно сопротивляться грубым сынам гор. Потерпев поражение от самнитян сперва под Сидицинумом, а потом перед стенами своего собственного города и утратив таким образом веру в свои силы, они отправили посольство в Рим и просили помочь им. Но так как римский сенат не решился поднять оружие против самнитян, с которыми в 354 г. римляне заключили дружественный союз, то посланники, согласно поручению своего правительства, предложили Риму полное подчинение Капуи. Перспектива обладания большим и богатым городом, вместе с прекрасными и плодоносными нивами Кампании, была слишком заманчива для того, чтоб римляне отказались от такого подарка. Они отправили к самнитянам посольство с просьбой пощадить и на будущее время не тревожить нападениями как народ, находящийся под римским покровительством, так и землю, сделавшуюся римской собственностью. Самнитяне надменно и гневно отвечали, что они доведут эту войну до конца, и их начальство здесь же, в присутствии римских послов, отдало предводителям когорт приказание немедленно вторгнуться в Кампанию.

После этого римский народ объявил самнитянам вой-

ну и тотчас же двинул в поход два войска под начальством консулов. Одно из них, предводительствуемое Валерием Корвом, направилось в Кампанию, другое, имея во главе консула Корнелия Косса, - в Самниум. Валерий расположился лагерем у горы Гаура, неподалеку от Кум. Как только самнитская армия, уже находившаяся в Кампании, увидела неприятельский лагерь, она единодушно потребовала у своего предводителя немедленно начать сражение и уверяла, что помощь Рима кампанцам окажется не более успешной, чем содействие кампанцев сидицинцам. Римские солдаты жаждали сразиться не менее самнитян. Их предводитель Валерий был известен как превосходный полководец и, благодаря своей общительности и ласковому обращению, пользовался любовью и доверием своих подчиненных в необыкновенной степени.

Если когда-нибудь битва начиналась с одинаковыми надеждами и одинаковыми силами с обеих сторон, с уверенностью в себе без презрения к противнику, то это была битва при горе Гауре. Мужество самнитян усиливало мыслью о незадолго до того одержанных двух победах. Римляне вспоминали свою четырехвековую славу, свои победы, одинаковые числом с годами существования их города; но несмотря на это, и те и другие с некоторым страхом шли на нового врага. Ход битвы обнаружил на строение обеих войск. Долго сражались они, не трогаясь с места и ни на волос не уступая друг другу; Когда консул увидел, что неприятеля не заставишь отступить никакой храбростью, никакой открытой силой, он попытался прибегнуть к иному способу действия и приказал кавалерии врубиться в передние ряды самнитян и этим произвести в них смятение и беспорядок; но так как ей не удалось проложить этот путь, то консул вернулся к своим пешим легионам, сам соскочил с лошади и воскликнул: «Солдаты, эта работа осталась на нашу долю! Вперед! Я вломлюсь в линию и стану прокладывать себе дорогу мечом, а вы следуйте за мной и точно так же валите на землю всякого, кто попадет под вашу руку! Там, где теперь воздвигается сверкающая стена копий, вы скоро увидите выложенную трупами дорогу!» С этими словами он бросился во

главе своих легионов в самую середину неприятельской армии. Первый, которого встретил его меч, пал мертвым; та же участь постигла второго и третьего. С каждой минутой он все глубже и глубже врезался в ряды неприятеля. Его солдаты, воодушевленные до неистового мужества примером своего предводителя, следовали за ним по пятам и работали так же неутомимо и успешно. Самнитяне оказывали страшное сопротивление; они не отступали ни на шаг и продавали свою жизнь очень дорого. Они твердо решились или победить, или умереть. Когда римляне наконец заметили, что неприятель стал ослабевать, когда они увидели, что день уже склонялся к вечеру, то еще раз собрались со всеми своими силами и кинулись на неприятеля с усиленным бешенством. Только теперь в самнитском войске начали обнаруживаться признаки отступления и попыток к бегству; скоро после того целые отряды самнитян тут попадали в плен, там падали под неприятельскими мечами, и немногие из них спаслись бы от гибели, если бы наступившая ночь не заставила римлян остановиться. Воины Валерия Корва сами сознавались потом, что им еще никогда в жизни не приходилось сражаться с более упорным врагом. Когда взятых в плен самнитян спросили, что могло побудить к бегству таких стойких и неустрашимых бойцов, они отвечали, что заметили в глазах римлян огонь, в их взглядах — бешенство, на их лицах — неистовую жажду убийства и что это зрелище напугало самнитское войско больше, чем все другое. Об этом испуге засвидетельствовало и совершившееся в ту же ночь отступление той части самнитской армии, которая осталась невредимой. На следующее утро оставленный лагерь неприятеля достался римлянам, и жители Капуи толпами стремились с радостными поздравлениями к своим избавителям.

Впрочем, выгодные результаты этой победы чуть не пропали вследствие одного большого несчастья в самнитской земле. Товарищ Корва по консульству, Корнелий Косс, которому было поручено вторгнуться в Самниум, имел неосторожность зайти в узкую, окруженную лесами долину около Кавдинского ущелья и не заметил, что все

окрестные высоты были заняты неприятелем. Он увидел опасность только тогда, когда отступление представлялось уже невозможным; неприятель не нападал, выжидая, чтоб в ущелье вошли и последние остатки римского войска. Тогда военный трибун Публий Деций вызвался спасти армию смелым подвигом. Он заметил одно возвышение, которое неприятель почему-то оставил свободным, и поспешил взобраться туда в сопровождении небольшого отряда, решившего рискнуть своей жизнью для спасения других. Самнитяне, увидя, что неприятель занял это возвышение, обратили оружие туда и этим дали возможность остальному римскому войску выбраться из ущелья. Наступившая ночь прервала нападение самнитян на Деция; они ограничились тем, что оцепили холм, на котором он находился. Но Деций ночью пробился сквозь неприятельский лагерь и благополучно соединился с главной армией. Здесь он тотчас же предложил консулу воспользоваться благоприятным случаем для нападения на рассеявшегося и смущенного неприятеля. Это предприятие увенчалось таким блистательным успехом, что 30 тысяч самнитян пали на месте и лагерь весь попал в руки римлян.

Деций, виновник этих счастливых подвигов, получил очень щедрые награды. Консул Косс подарил ему золотой венец и сто быков, да еще одного белого быка с вызолоченными рогами. Солдатам, составившим его отряд в Кавдинском ущелье, было предоставлено пожизненное право пользоваться двойной мерой хлеба, а теперь каждый из них получил по одному быку и по два почетных кафтана. Легионы поднесли Децию сплетенный из травы веноч — обычную награду за спасение такого рода; второй такой же веноч был возложен на Деция его собственными солдатами. Украшенный этими знаками отличия, он принес белого быка в жертву Марсу, остальных сто подарил солдатам своего отряда, которые получили сверх того и от легионов по фунту пшеницы и кружке вина.

Разбитое при Гауре самнитское войско отступило к Суэссуле и создало всю лучшую молодежь страны, намереваясь снова попытать счастья в решительной битве.

Как только известие об этом предприятии дошло до Валерия, он поспешно двинулся к Суэссуле, оставив весь обоз в лагере под сильным прикрытием. На небольшом расстоянии от неприятеля он, вероятно, вместе с войском Корнелия Косса, расположился лагерем на возможно ограниченном пространстве, для того чтобы самнитяне подумали, что римляне пришли в незначительном количестве. Это мнение Валерий поддерживал еще тем, что с мнимой боязнью укрывался в лагере и не выступал против приготовившегося к битве неприятеля. Это обстоятельство совершенно успокоило самнитян, и так как в это время у них обнаружился недостаток в съестных припасах, то они разошлись по полям для сбора пшеницы. Узнав, что большинство неприятельского войска удалилось на значительное расстояние, а в лагере остался только слабый гарнизон, консул немедленно двинул против него свое войско. Лагерь был взят с первого же приступа, и в палатках пало под римскими мечами больше воинов, чем у ворот и на стенах. После этого Валерий Корв оставил две когорты в виде гарнизона, строго приказав им воздерживаться от грабежа, а сам с остальным войском выступил против самнитян, рассеянных по полям, и часть их положил на месте, часть обратил в бегство. На месте сражения осталось 40 тысяч самнитских щитов и 170 знамен. Вся добыча была предоставлена солдатам.

Отправляясь из Кампании в Рим для празднования своего триумфа, Валерий оставил в городах Кампании охранительные гарнизоны. Солдаты, на долю которых выпало провести зиму в Капуе, соблазнились богатством и роскошью капуанцев тем более что дома, в Риме, им не было житья от долгов, и стали составлять всевозможные планы, как бы завладеть этим пышным и веселым городом. Такого же рода замыслы распространились и по всем другим городам, где стояли римские войска. Когда преемник Валерия Корва, консул К. Марций Рутил, прибыл в Кампанию и принял начальство над войском, военные трибуны сообщили ему об этих преступных замыслах солдат. Рутил, как человек опытный — он был теперь уже в четвертый раз консулом, а до того времени занимал должности диктато-

ра и цензора, — придумал, для предупреждения опасности, распространить слух, что солдаты и в будущем году останутся на зимних квартирах в тех же самых городах. Узнав эту новость, солдаты сообразили, что им спешить нечего, и отложили исполнение своих замыслов. Но как только начался летний лагерь, полководец начал под всевозможными предложениями очищать войско от зачинщиков смут посредством постепенного увольнения их в отставку или продолжительный отпуск. Солдаты, заметив наконец, как искусно консул уничтожил их заговор, испугались и стали изыскивать средства обезопасить себя. Одна когорта, находившаяся в походе вблизи Анксура, заняла при Лаутеле между морем и горами узкое ущелье с целью перехватывать всех тех, которых консул отправлял из войска. Число их уже дошло до того, что образовалась целая армия, и недоставало только предводителя. Грабя и опустошая, при отсутствии всякой дисциплины, достигли они Альбанской области и там укрепились лагерем. Между тем как у них происходило совещание, кого бы выбрать в полководцы, они получили известие, что римский патриций Тит Квинкий, отказавшийся от городской жизни и всех почетных должностей, занимается возделыванием земли в Тускуланской провинции. В прежнее время Квинкий с отличием служил в войске; но с тех пор как он охромел вследствие полученной в ногу раны и этим преградил себе дорогу к высшим государственным должностям, уединенная сельская жизнь заменила для него городскую. Услышав его имя, бунтовщики немедленно решили избрать его своим предводителем; но так как они почти не надеялись, что он добровольно примет на себя такую должность, то поручили отправленному за ним отряду в случае надобности употребить силу. На Квинкия напали ночью в его собственном доме и угрозами принудили согласиться. Таким образом, он, как второй Гец фон Берлихинген, решительно вопреки своему желанию повел мятежное войско по Аппиевой дороге к Риму. Они дошли бы до самых стен столицы, но у восьмого помянутого столба остановились, потому что услышали, что Рим избрал Валерия Корва диктатором и что он уже выступил с армией против них.

Как только оба войска очутились друг против друга и увидели родное оружие и родные знамена, общее раздражение уступило место мысли об отечестве. В то время, говорит Ливий, люди были еще не настолько храбры, чтобы проливать кровь своих сограждан, и не знали никаких войн, кроме внешних. Полководцы и солдаты с той и другой стороны желали покончить дело миром. Валерий, уже выступая в поход, решил употребить самые кроткие меры для восстановления дружеских отношений и теперь обратился к возмущившимся солдатам, которые еще в прошедшем году так доблестно сражались под его знаменами, с речью, в которой ласково просил их вспомнить о своей чести и оставить незаконный путь бунта. Он обещал явиться ходатаем за них перед сенатом и народом и гарантировал им, насколько это зависело от его личности, что преступление их останется безнаказанным. Войска так твердо верили в честность диктатора, что дали слово положить оружие и просили Валерия немедленно отправиться в Рим для того, чтобы добыть им прощение и удовлетворение нескольких справедливых требований. Все это было исполнено, и таким образом примирение состоялось. Между вышеупомянутыми удовлетворенными требованиями находились следующие: имя внесенного в списки солдата не может быть вычеркнуто без его согласия, ни один гражданин не имеет с этих пор права занимать в одно и то же время две должности или в течение десяти лет избираться вторично на должность, которую он уже однажды занимал; на будущее время должно быть дозволено избрание из сословия плебеев не только одного, но даже обоих консулов. Кроме того, народное собрание постановило запретить отныне всякую отдачу денег под лихвенные проценты.

В истории этого возмущения осталось много темного; но некоторые из сделанных участниками его признаний доказывают, что размеры его были довольно значительны. За кротким и народолюбивым Валерием осталась заслуга устранения от государства большой опасности и примирения враждовавших сограждан. Очень может быть, что законы диктатора-плебея Публилия Филона находятся в связи с этими происшествиями. Эти *leges Publilise* суть:

1) утверждение законов, обнародуваемых комициями по куриям, отменяется; 2) постановления комиций по трибам имеют одинаковую силу с постановлениями комиций по цензуриям; 3) на будущее время один из цензоров должен быть непременно плебей.

Военные подвиги и успехи в первый год первой Самнитской войны оказались блистательными сверх ожидания. Но зато немного хороших результатов доставили два последующих года. В третий год войны (341 г.) уже был заключен мир и возобновлен дружественный союз, но без решительной развязки дела. Римляне отдали даже самнитянам Сидицидум. Причина такого поспешного прекращения военных действий заключалась, с одной стороны, во встретившейся самнитянам необходимости не быть стесненными в войне с тарентинцами, которые в то время подняли оружие против сабельских народов, с другой стороны - в том, что римляне опасались отторжения латинян и войны с ними, которая действительно завязалась в начале 340 г.

После вторичного поражения латинян и союзных с ними кампанцев для римлян было очень важно подчинить себе города авзонов (или аврунков) между Лациумом и Кампанией. Могущественнейшим из них был Сидицидум, который, будучи прежде отдан римлянами самнитянам, потом, во время латинской войны, вступил в союз с латинянами и снова возвратил себе самостоятельность. Остальные авзонские города все покорились ему, за исключением Калеса, с которым он находился в союзе. С этими-то двумя городами Рим начал теперь войну. Римский сенат желал покончить ее как можно скорее и употребил все усилия для того, чтобы величайший полководец своего времени, Валерий Корв, был избран на 334 г. консулом в четвертый раз. Товарищем ему выбрали М. Аттилия Регула, который, по желанию сената, без жребия уступил Валерию ведение войны с Калесом и Сидицидумом. Валерий без особенного труда разбил неприятеля при Калесе и загнал его в этот город. Римские солдаты были воспламенены таким воинственным жаром, что немедленно приставили боевые лестницы к стенам и хотели взять город

приступом. Но Валерий нашел, что лучше заставить их потрудиться немного дольше, чем подвергнуть опасному риску, и начал правильную осаду. Осадные работы уже приходили к концу, когда благоприятный случай отдал город без большого труда и опасности в руки римлян. Одному взятому в Калесе в плен римлянину, М. Фабию, удалось во время какого-то праздника разбить свои цепи и, спустившись по веревке с городской стены, убежать в римский лагерь. Здесь он убедил полководца напасть на неприятеля, пока тот еще не успел прийти в себя после праздничного кутежа. Город был взят после легкой и кратковременной стычки. Всю добычу Валерий отдал солдатам и затем вступил триумфатором в Рим. В Калесе римляне основали сильное военное поселение из 2500 человек; это был важный пункт на границе с Самниумом, с которым, как это можно было предвидеть, скоро должна была возобновиться война.

В истории продолжительной второй Самнитской войны (326-304 гг.) о деятельности Валерия Корва не упоминается; он снова появляется на сцене после долгого промежутка, именно в 301 г., когда покоренные одновременно с самнитянами этруски и марсы снова взяли за оружие. Эта новая опасность побудила римлян вторично избрать Валерия диктатором. Старый герой и на этот раз оправдал ожидания, связанные с его именем. Он в короткое время победил марсов, завоевал их города, отнял у них в наказание часть земель и принудил возобновить прежний союз с римлянами. Вслед затем он пошел в Этрурию, где его *magister equitum*, Эмилий Павел, потерпел поражение вследствие засады, и быстро восстановил здесь военное счастье римлян. Этруски были побеждены и наказаны, и по их просьбе о мире им было дано перемирие на два года. Отпраздновав свой триумф, диктатор тотчас же был выбран в консулы на следующий год. Он покорил восставших эквов и издал новый *lex Valeria de provocatione*. Со времени изгнания царей этот закон был предложен теперь в третий раз, и каждый раз предложение его исходило от члена семейства Валериев.

В следующем, 299 г. в Риме распространился панический страх вследствие полученного известия, что этрус-

ки соединились с галлами и собираются войной на римлян. Когда отправленный в Этрурию консул Т. Манлий Торкват убит насмерть при падении с лошади, на его место избрали в шестой раз консулом Валерия; одним своим появлением он нагнал такой страх на оставленных галлами без помощи этрусков, что они, несмотря на полное опустошение своей страны римлянами, не осмелились вступить с ними в битву.

Отбыв в шестой раз консульскую должность, этот знаменитый полководец и государственный муж, восседавший на курульном кресле двадцать один раз в качестве эдила, претора, цензора, консула и диктатора и достигший теперь семидесятитрехлетнего возраста, удалился от государственных дел и с тех пор жил в своих поместьях, занимаясь земледелием, наслаждаясь спокойствием и плодами своей славы, не уступая достоинствами, как хозяин и отец семейства, прежнему воину и государственному деятелю. Он дожил до ста лет и был еще свидетелем побед над Пирром и покорения Италии, начало которому было положено им же.

«Марк Валерий, - говорит Нибур, - был первым полководцем своего века, и сила его основывалась столько же на его милом характере, сколько на доверии и удивлении, которое питали к нему все подданные. Он был надежной опорой своего народа в войне и мире, его посредничеству обязаны сословия своим окончательным примирением. Жизнь Валерия беспримерна по изобилию счастья и долговременности пользования им. На 29-м году от роду он одержал победу над самнитянами, на 23-м был избран в первый раз консулом; сорок шесть лет спустя мы видим его в этой должности уже в шестой раз не только благодаря любви к нему народа, но потому, что республика, поставленная в самое бедственное положение, обратилась за помощью к своему старому герою. Для человека с великой душой отрадно быть оцененным и выдвинутым из ряда уже в годы первой молодости; еще необыкновеннее, когда любовь народа не изменяет такому человеку в продолжение целого полустолетия и в такое время, которое затемняет предшествующие эпохи обилием великих людей».

1 2 . ТИТ МАНЛИЙ ТОРКВАТ

Тит Манлий Торкват был старше Валерия Корва. Лет за двенадцать до поединка этого последнего он, подобно ему и будучи еще молодым человеком, одолел в единоборстве галльского великана; но временем славнейших подвигов его была война с латинянами, последовавшая непосредственно за первой Самнитской войной, т. е. за порой первых великих деяний Валерия.

Т. Манлий был сыном Л. Манлия, получившего вследствие своего строгого, сурового характера прозвание *impegius* (повелительный). Будучи диктатором в 363 г., Л. Манлий позволил себе в нескольких случаях превышение власти, за что и был привлечен к суду народным трибуном Помпонием. Между прочим, трибун обвинил его в том, что он держит своего сына Тита, безупречного юношу, в деревне, среди рабов, как нищего и изгнанника, только потому, что этот бедный молодой человек не веселого нрава и не боек на язык. Это обвинение восстановило народ против бесчеловечного отца еще больше, чем превышение власти по службе; но на сына оно оказало совсем иное воздействие. Его рассердило, что и он послужил поводом к возбуждению ненависти против своего отца, и чтоб доказать свету, что отец для него дороже его врагов, он решился на поступок, который, далеко не имея

права назваться образцовым в общественном отношении вследствие своей грубости и насильственности, заслуживал, однако, похвалы с точки зрения сыновней любви.

Не сказав о том никому, он вооружился кинжалом и рано утром отправился в город, прямо к дому Помпония, где велел привратнику доложить трибуну, что он имеет надобность немедленно переговорить с ним. Помпоний, еще лежавший в постели, тотчас же позвал молодого человека к себе, рассчитывая, что раздраженный сын принес новые данные для обвинения Манлия. Но как только они остались одни, Тит вынул из-под платья кинжал, кинулся на трибуну и грозил заколоть его на месте, если он не покается, что никогда больше не возбудит в народном собрании обвинения против его отца. Помпоний дал клятву и потом публично заявил, что насильственный поступок молодого Манлия заставил его оставить дело без дальнейшего хода. Народу же этот поступок понравился до такой степени, что он не только не стал преследовать ненавистного отца, но на следующих выборах избрал сына военным трибуном.

Поединок Т. Манлия, по всей вероятности, относится к 361 г., когда большое галльское войско пробралось до реки Анио, и испуганные римляне выслали против него диктатора, Т. Квинция Пенна. Галлы расположились лагерем на северном берегу реки, римляне — на южном; их разделял мост, сломать который не решалась ни та ни другая сторона, чтобы не навлечь на себя подозрения в боязни. Из-за обладания этим мостом не раз происходили у них стычки. Однажды взошел на него галл исполинского роста и закричал римлянам: «Кто у вас там храбрее всех, выходи на поединок со мной! Пусть исход его покажет, какой народ искуснее в битве!» Знатнейшие юноши в римском лагере молчали, потому что стыдились отклонить от себя этот вызов, а между тем каждый из них сознавал опасность такого боя. Тогда Т. Манлий, находившийся в аванпостах, отправился к диктатору и сказал: «Без твоего разрешения, полководец, я не осмелился бы выйти из фронта на поединок даже в том случае, если бы был совершенно уверен в победе; но коли ты позволишь, то я покажу этому дерзкому чудовищу, что веду свой род

от человека, сбросившего с Тарпейской скалы целый отряд галлов». Диктатор отвечал: «Сохрани в себе навсегда, Т. Манлий, это мужество, точно так же, как твою любовь к отцу и отечеству! Ступай и, с благословения богов, докажи непобедимость римского народа».

Друзья вооружили юношу. Он взял щит одного пехотинца, опоясался коротким испанским мечом и вышел на встречу хвостуну, который даже высовывал язык в виде насмешки. Оба войска смотрели на своих бойцов со страхом и надеждой. Великан стоял смело и самоуверенно в своей яркой одежде, сверкая золотым оружием и драгоценными украшениями; римлянин приблизился к нему спокойно, проникнутый мужеством и безмолвным негодованием, в простом, но удобном вооружении. Для начала боя галл, держа щит на далеком расстоянии от себя, шумно ударил длинным мечом по оружию противника. Но римлянин не растерялся: он в ту же минуту подскочил очень близко к великану, прижался к нему всем телом, предварительно оттолкнув снизу его щит своим, и, поставленный этой близостью вне всякой опасности быть раненым, несколько раз вонзил свой короткий меч в живот противника. Великан захрипел и упал мертвый. Над трупом Т. Манлий не позволил себе никаких поруганий; он только снял с его шеи цепь и надел на себя, несмотря на то, что она была вся в крови.

Галлы точно окаменели от испуга и изумления; римляне же радостно поспешили к своему герою и с громкими поздравлениями и хвалами привели его к диктатору. В шуточных, безыскусных песнях, слагающихся обыкновенно солдатами в подобных случаях, стало попадаться теперь и прозвище *Torquatus*, т. е. человек в цепи, и оно сохранилось за победителем и его родом навсегда как почетное свидетельство его подвига. Диктатор наградил доблестного юношу золотым венцом. Галлы были поражены смертью своего сородича до такой степени, что на следующую же ночь поспешно покинули свой лагерь и через Тибур, с которым у них был заключен союз против Рима, удалились в Кампанию. Через год они вернулись снова и дошли с тибуртинцами до ворот Рима, но здесь, у Коллинских ворот, потерпели полное поражение.

Т. Манлий, достаточно доказавший свою геройскую отвагу, стал после этого восходить от одной высокой должности к другой. Приводимое, однако, Ливием сведение, что он уже в 351 и 349 гг. был диктатором, очень сомнительно, так как достоверно известно, что его в первый раз избрали консулом в 347 г. В третий раз он занимал эту должность в 340 г., когда началась война с латинянами, и этот год был временем его величайшей славы.

Существовавший между латинянами и римлянами союз был до этих пор основан на принципе полного равноправия; но римляне, по-видимому, не особенно внимательно относились к этому принципу. Недовольные латиняне сообразили, что они могут воспользоваться тяжелой для римлян войной с самнитянами, и стали сами готовиться к войне с Римом. Это враждебное настроение еще более усилилось, когда римляне, узнав об их замыслах, поспешили заключить мир с самнитянами (в 341 г.), не спросив согласия у латинян, хотя эти последние были их союзниками в войне с Самниумом. С каждым днем можно было ожидать взрыва. Латиняне соединились с кампанцами, которые уже давно тяготились римским владычеством, с сидицинцами и анциумскими вольсками; самнитяне же и герники приняли сторону Рима. Римляне поняли, что войны не избежать, что настала пора окончательно решить оружием вопрос, Рим ли должен сделаться латинским городом или латиняне - подданными Рима, и приготовились бороться до последней крайности. Народ выбрал главнокомандующим Публия Деция, еще недавно в Самнитской войне так блистательно доказавшего свое военачальническое дарование, и Т. Манлия, которого все знали как человека сурового, энергичного и непоколебимо-мужественного. Обоих их избрали консулами на 340 г., в котором ожидали начала войны.

Прежде чем взяться за оружие, латиняне попытались добиться своей цели путем переговоров и миролюбивого соглашения. Они отправили десять своих старейших сенаторов и обоих преторов (т. е. высших должностных лиц государства) в Рим, где депутаты предъявили требование, чтобы Рим и Лациум составили отныне одно государство,

чтобы половина сената состояла из латинян и чтобы один из консулов каждый раз избирался также из жителей Лациума. Римские сенаторы с негодованием отвергли это требование, а консул Манлий объявил, что если республика малодушно и трусливо уступит такому наглому притязанию, то он придет в курию с оружием и положит на месте первого латинянина, какой попадется ему на глаза. После этого он обратился к статуе Юпитера и призвал этого бога в свидетели законности прежних договоров; сенаторы энергично вторили ему, но предводитель латинского посольства, претор Л. Анний из Сетии, презрительно отвечал, что ему нет никакого дела до римского Юпитера. Не успел он произнести эти слова, как бог страшным громом и ливнем обнаружил свое присутствие и засвидетельствовал нарушение всех дружественных связей. Анний немедленно понес кару за свое богохульство. В ту минуту как он, вне себя от гнева, сбегал со ступеней храма, в котором происходило совещание, его поразил удар, и он покатылся вниз безжизненным трупом. Увидя это, Торкват воскликнул громко, так что его могли услышать народ и сенаторы: «Все идет отлично! Сами боги положили начало нашей справедливой войне. Ты жив еще, великий Юпитер! Не напрасно, значит, мы посвятили тебе, отцу богов и людей, это священное место! И вы, квириды, еще колеблетесь взяться за оружие, когда боги сами подали вам пример? Знайте, что я повергну в прах латинские легионы так, как Юпитер поверг здесь их посланника!»

При начале войны латинские легионы стояли в Кампани, около Капуи, — потому ли, что они остались здесь после недавно окончившейся Самнитской войны, или потому, что намеревались предпринять вместе с кампанцами общий поход против Самниума. Римляне составили и привели в исполнение такой стратегический план, который, по мнению Нибура, принадлежит к самым смелым и глубоко-мысленным, какие когда-либо прославили полководца. Две консульские армии — четыре легиона — были назначены в поход, а легионы городские и резерв из пожилых людей остались в Риме и перед Римом под начальством Л. Папирия, возведенного в сан диктатора. Оба консула прошли ускорен-

ным маршем через земли дружных с Римом сабинян, марсов и педигнов в Самниум, а оттуда, после соединения с самнитянами и герниками, — в Кампанию, где скоро очутились в соседстве неприятельского войска. Этот смелый маневр мог одним или немногими ударами дать в короткое время решительный исход войне; между тем если бы римляне, вместо того чтобы действовать таким образом, стали, пользуясь отсутствием латинской армии, завладевать поодиночке латинскими городами, эта война затянулась бы надолго, и самнитяне, после удаления латинских войск в Лациум для защиты своих городов, завоевали бы Кампанию и Капую, от господства над которыми Рим вовсе не желал отказываться.

Объединенное войско римлян и самнитян расположилось лагерем вблизи Капуи, против лагеря неприятелей. Римские полководцы нашли нужным в эту войну особенно усилить военную дисциплину, так как язык, обычаи и способ вооружения были совершенно одинаковы у римлян и латинян и так как солдаты и офицеры с той и другой стороны были знакомы между собой по прежним кампаниям, вследствие чего легко могли происходить недоразумения и столкновения. Вступать в поединки с латинянами на форпостах было запрещено под страхом смертной казни. Но вот однажды случилось, что из числа многих эскадронных командиров, посланных на рекогносцировку, сын консула, Тит Манлий, наткнулся со своим отрядом на неприятельский пост, состоявший из тускуланской конницы, предводителем которой был Гемин Меций, человек знатного рода и пользовавшийся уважением. Он знал сына консула и тотчас же принялся дразнить его. «Так вот что! — кричал он. — С одним эскадроном вы хотите вести войну против латинян и их союзников? Ну а оба консула и их армии чем намерены заняться?» — «Они явятся, когда наступит время, — отвечал Манлий, — и с ними придет Юпитер, свидетель нарушенного вами союза. Если уже у Регильского озера вам досталось от нас порядком, то здесь мы надеемся окончательно отбить у вас охоту драться с нами». Гемин подъехал ближе и сказал: «А не желаешь ли ты, пока еще не наступил этот день, сразиться здесь со мной, что-

бы, не откладывая в долгий ящик, можно было решить, насколько латинский всадник сильнее и искуснее римского?» Юноша не мог остаться равнодушным к этому вызову и, вопреки запрещению отца, схватился за оружие. Противники наскочили друг на друга с опущенными копьями. Манлий ударил копьем в шлем неприятеля, Меций оцарапал шею его лошади. После этого они сдвинули коней, и Манлий воткнул острие копья между ушами лошади латинянина. Животное поднялось на дыбы и сбросило с себя всадника; в ту самую минуту, как он, опершись на копье и щит, хотел подняться, Манлий вонзил в него копье так глубоко, что оно прошло насквозь и пригвоздило его к земле. Сняв с убитого вооружение, победитель вернулся к своему отряду и при восторженных ликованиях солдат поспешил в лагерь, прямо к палатке отца, не соображая, что он сделал и что ожидало его за этот проступок. «Отец! — сказал юноша. — Для того чтобы свет справедливо признавал меня порождением твоей крови, я приношу тебе эту добычу, снятую мной с убитого врага, вызвавшего меня на бой».

Услышав эти слова, консул немедленно велел трубить сбор и, когда все войско сошлось, сказал: «Тит Манлий! Вопреки приказанию консула и без уважения к почетному сану твоего отца, ты сразился с неприятелем вне фронта и таким образом нарушил военную дисциплину, благодаря которой Рим оставался великим и могущественным до сих пор. Этим поступком ты поставил меня в необходимость или пренебречь интересами государства, или принести в жертву себя; но пусть кара за наше преступление обрушится лучше на нас самих, чем на государство. Мы дадим юношеству печальный, но спасительный для будущего пример. Правда, я слышу в себе голос отцовской любви, и этот образчик твоей храбрости порадовал меня, но так как твоя смерть укрепит силу консульских постановлений, а твоя безнаказанность навсегда подорвала бы их действительность, то я полагаю, что ты сам, если в тебе течет еще хоть капля моей крови, не откажешься восстановить своей смертью дисциплину, ниспровергнутую твоим проступком. Ликтор, веди его на плаху!»

Войско онемело от ужаса, услышав это страшное при-

казание. Но когда голова несчастного юноши покатилась и кровь его хлынула неудержимым потоком, воздух огласился воплями скорби и негодования. С рыданиями и проклятиями унесли товарищи труп и сожгли его, бросив в то же время в огонь и те печальные доказательства победы, которые, будь они добыты в дозволенном бою, украшали бы мужественного юношу при триумфальном возвращении его отца в Рим. С тех пор «Манлиевы дисциплинарные постановления» (*Manliana impregia*) вошли в пословицу и, по свидетельству Ливия, вселяли ужас и отвращение не только в современников, но и в потомков. А между тем, если обдумать это дело внимательнее, надо согласиться, что консул Манлий не мог поступить иначе, если не хотел уничтожить в своей армии всякую дисциплину.

Вскоре после этого происшествия между обеими сторонами произошло кровопролитное сражение у подножия Везувия. Римские писатели говорят, что римляне в этой битве дрались одни, а самнитяне оставались только праздными свидетелями. Но такое известие противоречит воинственному духу этого народа; скорее должно принять, что самнитяне и герники дрались с союзниками латинян, между тем как римляне справлялись с самими латинянами.

Ход этой битвы побуждает нас сказать здесь несколько слов о тогдашнем способе ведения войны у римлян, способе, который был в употреблении и у латинян, прежних союзников Рима. В древнее время римское войско было устроено по образцу македонской фаланги. Вся армия составляла сплошную линию, в которой четыре ряда тесно следовали друг за другом и которая подавляла неприятеля именно своей массой. Главным оружием было длинное копье, высывавшееся далеко вперед из боевой линии. Но незадолго до времени, о котором мы рассказываем, было сделано важное нововведение: сплошную армию разбили на небольшие отряды и солдат расставили на таком расстоянии одного от другого, что каждый из них мог свободно двигаться и, главное, без стеснения действовать мечом. Таким образом, теперь успех битвы был поставлен в зависимость от личной ловкости и опытности каждого отдельного воина. Легион разделили на три линии тяжеловоору-

женных, поставленные на довольно значительном расстоянии одна от другой; каждой из них командовали два трибуна, помещавшихся на обоих флангах. Переднюю линию составляли *hastati*, вторую — *principes*, третью — *triarii*. Все эти линии подразделялись, в свою очередь, на 15 отделов, или манипулов, каждый в 60 человек; манипул распадался на две центурии, находившиеся под начальством центурионов. Оружием для обороны служил четырехугольный щит, имевший три фута в ширину и четыре в высоту; для нападения употреблялись пилум — приспособленное к метанию и удару копье в 6 футов длиной, и короткий испанский меч, которым рубили и били. Длинное копье осталось только у триариев. Сражение начинали *hastati*; как только они уставали, их сменяли *principes*. Когда усилия и этих последних оказывались безуспешными, обе первые линии отступали к тому месту, где до этого момента скрывались триарии, стоя на одном колене и держа перед собой щит. По команде полководца «Вставайте, триарии!» (*Surgite, triarii!*) они кидались в битву, возобновляя ее со свежими силами, между тем как неприятель уже начинал ослабевать от усталости. Впрочем, сражение обыкновенно заканчивали уже две первые линии; когда, рассказывая о какой-нибудь битве, историк говорит, что дело дошло до триариев (*res ad triarios rediit*), то это доказательство, что войску грозила крайняя опасность.

Кроме тяжеловооруженных, в каждом легионе находилось почти такое же число легковооруженных. Триста человек из них составляли два последних манипула линии *hastate*, в которой, таким образом, число тяжеловооруженных ограничивалось шестьюстами. Остальные легковооруженные, снабженные легкими метательными копьями, образовывали еще четвертую и пятую линии — *gagati* и *assensi*, которые в начале битвы двигались на неприятеля промежутками, оставленными между тяжеловооруженными, и потом возвращались тем же путем. Наконец, каждый легион заключал в себе еще отдел конницы, в котором находилось, вероятно, человек триста.

Есть предание, что в то время, когда консулы стояли еще лагерем у Капуи, обоим им явилось одновременно во

сне одно и то же видение. Человек сверхъестественного роста и с божественно-величавой осанкой возвестил им, что одна из воюющих сторон должна отдать богам мертвых и матери-земле полководца, другая - войско; победа, сказал он, останется за той армией, полководец которой обречет на смерть неприятельские легионы и самого себя. Сообщив друг другу про это видение, консулы согласились между собой, что тот из них, чья половина начнет уступать, принесет в жертву богам преисподней себя и неприятельское войско. Как раз перед началом битвы жертвоприношение Деция возвестило ему несчастье, но в то же время он узнал, что его товарищ Манлий получил в этом отношении результат благоприятный. «Если так, - сказал он, - то я спокоен, дело пойдет хорошо».

Деций повел в бой левое крыло, Манлий - правое. Римляне и латиняне долго сражались с одинаковым успехом; но вот на левом крыле линия *hastati*, уступая напору неприятеля, начала отступать к линии *principes*. В этом критическом положении консул Деций громко крикнул жрецу М. Валерию (которого не следует смешивать с М. Валерием Корвом): «Валерий! Здесь должны помочь нам боги! В качестве первосвященника римского народа прочитай мне ту молитву, которую я должен произнести, принося себя в жертву за наши легионы!» Жрец велел ему надеть обшитую пурпуром тогу, закрыть голову, вытянуть из-под одежды у подбородка руку и, став обеими ногами на стрелу, говорить: «Янус, Юпитер, отец Марс, Квирин, Беллона, Лары, вы, девятибожие, вы, туземные боги (*indigetes*), вы, боги, во власти которых мы и враги наши, вы, боги мертвых, вам я молюсь, вас умоляю благословить силу и победу римского народа квиритов и ниспослать ужас, муки, смерть на его врагов, испрашивая у вас этой благодати, я, для спасения государства квиритов, его войска, его легионов и народов, помогающих римскому народу квиритов, обрекаю здесь на жертву богам мертвых и земле (*tellus*) вражеские легионы и народы, помогающие неприятелю, вместе с самим собой!»

После этой молитвы он отправил своих ликторов к Т. Манлию с известием, что идет умирать за войско, и, опоясавшись по-габински, кинулся на коне в середину не-

приятельской армии. Он несся по рядам ее как посланная с неба искупительная жертва божественного гнева; пораженные страхом латиняне бежали от него, как от моровой язвы. Смятение распространилось по всему правому крылу их, и когда наконец Деций, покрытый ранами, упал с лошади и испустил дух, латинские когорты в ужасе обратились в бегство. В то же время римляне устремились в новую битву, потому что теперь они могли уже не бояться гнева небесных сил. Рорарии прорвались вперед и поддержали *hastati principes*, а триарии, опершись на правое колено, ждали только сигнала, чтобы двинуться на неприятеля.

Но на других пунктах, благодаря численности латинян, первенство все-таки еще оставалось за ними. Поэтому Манлий, вместо того чтобы пустить в дело триариев, велел выступить вперед из крайнего арьергарда резервным когортам (*accensi*), которые в эту войну были снабжены пиками. Латиняне подумали, что консул выслал триариев, и - так как их войско имело такое же устройство, - двинули и своих. Когда эти последние стали ослабевать, Манлий вызвал своих триариев. Со свежими силами ударили они на врага, у которого не оставалось больше резервов, кололи своими копьями лица испуганных противников, изрубили всю первую линию, составлявшую ядро армии, пробившись почти безвредно во все остальные ряды и произвели такую резню, что из всего латинского войска уцелела едва четвертая часть.

«Слава этой победы, - говорит Ливий, - принадлежит преимущественно консулам, из которых один принял на себя все опасности и бедствия, грозившие со стороны богов неба и ада, а другой выказал в битве столько храбрости и благоразумия, что римские и латинские писатели, повествующие об этом сражении, единогласно признают, что победа, бесспорно, должна была остаться за той стороной, которая имела своим предводителем Т. Манлия».

Латиняне бежали в Минтурн и оставили свой лагерь в руках победителя. Труп Деция не могли найти в самый день сражения; его отыскивали уже на следующее утро, в густой куче убитых неприятелей. Манлий похоронил товарища со всей подобающей торжественностью.

После этой битвы кампанцы снова покорились римлянам на сносных условиях. Но рассеянные остатки латинского войска собрались у авзонского города Весции. Здесь латинскому полководцу Нумицию удалось склонить их к продолжению борьбы. Он убедил их, что римляне пострадали в недавнем сражении не меньше латинян, и предложил свои услуги для того, чтобы как можно скорее собрать в латинских и Вольских городах всех способных носить оружие и, вернувшись с этой армией к Капуе, напасть там на римлян, конечно, никак не ожидавших нового боя. Быстро составленное войско встретило Манлия при Трифануме, между Синуэссой и Минтурном, с намерением воспрепятствовать его переходу через Лирис. Увидев неприятеля, римское войско не дало себе труда расположиться лагерем, а прямо кинулось в битву. Латиняне были разбиты наголову, и так как находившаяся у них в тылу река Лирис отрезала им всякую возможность отступления, то поражение было так велико, что весь латинский союз расстроился и большая часть городов покорилась поодиночке. Суд и расправа над побежденными городами совершились этой же зимой. «Кровь, которая должна была обогреть землю по неизменным законам римского верховного господства, кровь, которую Манлий, преследуемый фуриями своего сына, должен был пролить здесь как консул, скрыта от наших взоров смягчающей историей» (Нибур).

Когда Манлий, после столь счастливой войны, вернулся в Рим, навстречу ему - как рассказывает предание — вышли с приветом только старейшие граждане; молодые же люди ненавидели и проклинали его, как убийцу сына, не только в то время, но и до самой его смерти.

Война с отдельными латинскими городами и с городом вольсков, Анциумом, продолжалась до 338 г. После поражения в открытом поле они поодиночке признали господство Рима. Латинский союз был признан расторгнутым, и большинство составлявших его городов получили римское право гражданства без права голоса и почетных привилегий. Для сокрушения на вечные времена оппозиционной силы Лациума победители прервали

всякие отношения покоренных городов между собой. Им запретили иметь один общий сейм и пользоваться относительно друг друга правом *connubium* и *commercium* (право действительных браков и поземельной собственности). Анциум превратился в римскую колонию; его корабли были частью сожжены, частью отведены в Рим. У этих последних отрубили носы, которыми вслед за тем украсили ораторскую трибуну в Риме, получившую из-за этого название ростры.

1 3 . ЛЮЦИЙ ПАПИРИЙ КУРСОР

После полного присоединения Лациума к Риму непосредственные отношения римлян с самнитянами должны были скоро вызвать новое враждебное столкновение этих двух народов. Но так как самнитяне, в качестве союзников луканов, были пока еще заняты войной с тарентинцами, то враждебные действия их против Рима начались только в 326 г., и римляне воспользовались этим временем, чтобы собраться с силами и приготовиться к неизбежной борьбе. Мы видели, как они завоевали и превратили в римскую колонию Калес, лежавший на большой дороге, которая через Лациум вела в Кампанию, а оттуда в Самниум, и потом называлась Аппиевой дорогой. Точно так же и другую дорогу, называвшуюся Латинской, которая вела из Рима через Лациум к Самниуму, римляне обеспечили за собой тем, что вновь застроили и колонизировали город Фрегеллы, разрушенный самнитянами в последнюю войну и находившийся на самнитской земле. Этот поступок оскорбил самнитян, как нарушение их права, и как только они освободились, у них начались приготовления к войне с Римом.

Повод к взрыву нашелся в Кампании. Там остались независимыми от Рима только два греческих города — Палеполис и Неаполис, лежавших недалеко друг от друга и со-

единенных между собой в политическом отношении. Для покорения их римляне в 327 г. затеяли с ними войну; тогда самнитяне послали 4 тысячи человек на помощь Палеполису, который вскоре после того был осажден римским войском, и вооружили другое войско для вторжения в Кампанию. Узнав об этом, римляне отправили в Самниум посольство, поручив ему потребовать отчета и вместе с тем принести жалобу на другие враждебные действия, как будто им было неизвестно, что они сами же первые нарушили договоры. Самнитяне возразили им такими же обвинениями и потребовали очищения Фрегелл. Наконец они прямо и положительно объявили, что мир между ними и римлянами существовать не может, что тут речь идет не о том или другом отдельном пункте, но о вопросе — кому из них двоих должно достаться господство над Италией, и что пусть поэтому римляне выберут между Капуей и Суэссолой место для решения этого вопроса оружием. Осторожные римляне не приняли этого предложения, но война тем не менее была объявлена, и эта вторая Самнитская война действительно решила вопрос о господстве над Италией. Она длилась с некоторыми перерывами 22 года, с 326 по 304 г., и стоила обеим сторонам величайших трудов и усилий.

В 326 г. римляне привлекли Палеполис на свою сторону, сделав ему весьма выгодные для него уступки. Расположенные к югу от Вольтурна сабельские города — Нола, Нуцерия, Геркуланум, Помпея — также вскоре примкнули к римлянам. Точно так же поступили апулийцы, старые враги самнитян, и дуваны, которые, однако, скоро снова перешли на сторону своих единоплеменников, самнитян. Таким образом, благодаря умной политике римлян самнитяне в начале войны очутились почти совсем изолированными, так как их единоплеменники в северных горах — марсы, пелигны и т. д. — сохраняли нейтралитет, за исключением вестинцев, которые, впрочем, в следующем году были покорены римлянами.

Знаменитейшими римскими полководцами в этой войне были Д. Папирий Курсор и Квинт Фабий Руллиан.

Папирий Курсор изображается у историков грубым, полудиким воином среди далеко не варварского време-

ни. Он был исполинского роста и необыкновенно силен. Ни один из его современников не мог сравниться с ним в быстроте бега; но неизвестно, из-за этой ли способности он получил прозвание Курсора (бегун) или унаследовал его от предков. При своем гигантском телосложении и непрерывных и усиленных гимнастических упражнениях он мог потреблять неизмеримое количество пищи и вина и гордился этим. Ему доставляло истинное удовольствие видеть, как те лишения и невзгоды, которые были ему нипочем, приводили в отчаяние других, и он с наслаждением изобретал способы затруднять своим подчиненным исполнение служебных обязанностей. Однажды во время похода конница решила обратиться к нему с просьбой — дать ей хоть какое-нибудь облегчение за то, что она отлично поработала в битве. Он отвечал: «Для того чтобы вы не говорили, что вам не делается никаких послаблений, я позволяю вам, когда вы сойдете с лошадей, потереть себе спину». Он наказывал жестоко и неумолимо и наслаждался ужасом того, кто считал себя погибшим, даже в том случае, когда не имел в виду исполнить произнесенный приговор. Однажды пренестский претор, струсив перед неприятелем, недостаточно быстро вывел своих людей из арьергарда в переднюю линию. Папирий потребовал его к себе и, прохаживаясь взад и вперед перед своей палаткой, приказал ликтору обнажить секиру. Претор онемел от ужаса, а консул, насладившись его треволнениями, продолжал, обращаясь к тому же ликтору: «Сруби-ка этот пенёк, он мешает мне ходить», — и затем отпустил пренестинца, подвергнув его лишь денежному штрафу. Само собой разумеется, что такой человек не мог пользоваться любовью и преданностью своих подчиненных; он действовал только страхом. Поэтому он никогда не был популярен, как его современники, Валерий Корв и Квинт Фабий; в Папирии все видели человека сената, который заботился о сохранении древнеримской дисциплины и строгости, римского патриция старого закала, подозрительного врага всяких нововведений. «Дикое и отвратительное, — говорит Нибур, — не

исключает высших умственных дарований истинного военачальнического гения; может быть, Папирий Курсор и обладал такими дарованиями, но полководцы такого рода могут побуждать и без этого гения. Для потомства Папирий не представляется украшением своего народа, каким были, например, Валерий Корв и Квинт Фабий». История сохранила за ним славу величайшего полководца своего времени, и Ливий видит в нем главную опору государства в такую эпоху, которая была очень богата великими людьми; но мнение его, что если бы Александр Великий обратил свое оружие против Европы, то в Папирии он нашел бы себе достойного противника, — во всяком случае преувеличено.

О Папирии Курсоре упоминается в первый раз в 340 г. В это время диктатор Д. Папирий Красс избрал его своим *magister equitum* в войне против союзного с латинянами Анциума. Год его первого консульства с точностью не известен. Диктатором сделали его во втором году великой Самнитской войны (325), и он назначил своим *magister equitum* Кв. Фабия Рудлиана. Им обоим сенат поручил ведение войны с Самниумом в этом году, и они ознаменовали свою деятельность многими достославными подвигами; но еще достопамятнее ожесточенная вражда, разгоревшаяся между ними в это время.

Полководцы стояли уже на виду у неприятеля, когда пулларий (смотритель курятника) доложил диктатору, что священные куры делают некоторые неблагоприятные предвещения, порождающие сомнения в правильности произведенных в Риме, перед выступлением в поход, гаданий (ауспиций). Вследствие этого диктатор поспешил в Рим, чтобы повторить гадание, но, уезжая, приказал своему *magister equitum*, которому он поручил командование войском, не изменять позиции этого последнего и не вступать ни в какую битву в его отсутствие. Самнитяне, узнав об отъезде диктатора и, вероятно, о его приказах, стали позволять себе относительно римлян такие дерзости, что молодой и воинственный *magister equitum* решил сразиться с ними вопреки ауспициям и запрещению диктатора. При Имбриниуме он одержал бли-

стательную победу; 20 тысяч неприятелей лишились жизни. Фабий слишком хорошо знал, что диктатор не простит ему этого поступка; поэтому он отправил известие о победе не ему, а прямо в сенат и, как будто во исполнение данного обета, сжег захваченную в этом сражении добычу, для того чтобы диктатор не мог впоследствии кичиться тем, что было добыто не его руками.

Весть о победе вызвала в Риме большую радость, но диктатор вознегодовал. Он тотчас же распустил сенат, удалился из курии и настоятельно повторял, что если такое непослушание приказаниям главнокомандующего останется безнаказанным, то выходит, что *magister equitum* одержал победу не столько над самнитянами, сколько над достоинством диктатора и всей военной дисциплиной. пылая гневом, возвратился Папирий в лагерь. Как ни быстро ехал он, но молва опередила его; несколько горожан прибыли к войску раньше и объявили, что диктатор уже в пути, что он жаждет отомстить, что примером ему в этом случае послужит Тит Манлий. Фабий тотчас же созвал солдат и просил, чтобы с тем самым мужеством, которое помогло им победить самнитян, они защитили полководца, доставившего им эту победу, от жестокости разгневанного чужим успехом диктатора. Солдаты единогласно заверили его, что он может быть вполне спокоен, что, пока существуют римские легионы, никто не дотронется до него пальцем. Вскоре после этого диктатор приехал и велел трубить сбор. Когда все войско собралось и, по приказанию герольда, водворилась тишина, Папирий потребовал Фабия к своему судейскому креслу, поставил ему на вид его проступок и спросил, что он может сказать в свое оправдание. *Magister equitum* отвечал то в извинительном, то в негодующем тоне, заявил жалобу на то, что его обвинитель в то же время его судья, энергично воскликнул, что у него скорее отымут жизнь, чем славу одержанной победы; все это только усилило бешенство Папирия, и он приказал ликторам сорвать с виновного платье и взять в руки розги и секиры. Палачи уже готовы были исполнить приказ, когда Фабий напомнил солдатам их обещание, а сам укрылся в толпе триариев, которые стояли позади всех

и уже начали обнаруживать волнение. Собрание зашумело; просьбы смешивались с бранью и угрозами. Около судейского кресла тоже было не совсем спокойно. Легаты окружили диктатора и умоляли его отложить дело на следующий день, дать время своему негодованию успокоиться, хладнокровнее обдумать свое решение; они говорили, что юношеская неосторожность Фабия уже достаточно наказана, что его победа достаточно испорчена, что диктатор поступит неблагоразумно, если будет настаивать на беспощадном приговоре, что невозможно наносить такое позорное оскорбление столь редкому молодому человеку, его почтенному отцу, всему роду Фабиев. Видя, что эти мольбы остаются бесплодными, легаты указали диктатору на шумное и взволнованное собрание и советовали не поддаваться ослеплению гнева, не доводить неумолимой строгостью войско до бунта и государство до опасности.

Увещения легатов еще более рассердили Папирия, но в то же время и войско становилось все шумнее и беспокоенее, так что крики его заглушали голос диктатора и судебных чиновников. Конец волнению положила только наступившая ночь. Так как на следующий день *magister equitum* должен был снова явиться на суд, а от злобы диктатора, только распаленной сопротивлением, следовало ожидать самых плачевных результатов, то Фабий этой же ночью тайно бежал в Рим. В ту минуту, как он, стоя в сенате, приносил жалобу на несправедливость и насилие диктатора, на улице послышались голоса расчищавших место ликторов, и через несколько минут в залу вошел сам диктатор. Узнав, что Фабий ушел в Рим, он немедленно последовал за ним в сопровождении нескольких всадников. Спор возобновился, и Папирий приказал арестовать Фабия. Ни просьбы сенаторов, ни мольбы отца, М. Фабия, не могли побудить его переменить решение; тогда старик Фабий объявил, что он обратится за помощью к трибунам и народу. Таким образом, дело перешло из курии в народное собрание. Здесь старик отец, со слезами держа в объятиях сына и взывая к справедливости богов, снова стал жаловаться на жестокость диктатора; трибуны и сенаторы присоединили к его просьбам свои;

но диктатор упорно настаивал на своем праве и требовал, чтобы военная дисциплина и авторитет диктаторской власти не терпели ни малейшего ущерба. Тогда Квинт Фабий и его старый отец, бывший три раза консулом и один раз диктатором, бросились к ногам Папирия и умоляли его не гневаться дольше. Тут только диктатор смягчился и сказал: «Теперь, квириды, сделано все, что следует! Военная дисциплина сохранена, святость диктатуры восторжествовала, так как и той и другой грозила ныне погибель. Я дарю виновного римскому народу и трибунской власти, которую побудили вступить за него просьбы и мольбы, а не сознание правоты его дела. Оставайся же в живых, Квинт Фабий, и смотри на это ходатайство всего государства в твою пользу как на твое прекраснейшее торжество — гораздо прекраснее той победы, которой ты еще так недавно гордился. Со мной лично ты можешь примириться каким угодно способом; римскому же народу, которому ты обязан жизнью, ты лучше всего докажешь свою благодарность, если с этого дня будешь как в войне, так и в мире беспрекословно подчиняться высшему начальству». Таким образом, своевременная уступчивость Папирия спасла диктатуру, которую жестоко злоупотребили властью гугубило бы. Квинт Фабий получил прощение, но диктатор тотчас же отставил его от должности и назначил на его место Л. Папирия Красса.

На время своего отсутствия из лагеря диктатор передал начальство над войском легату Д. Валерию. Но на этого последнего пример Фабия подействовал так сильно, что когда однажды самнитяне напали на римский отряд, высланный на фуражировку, Валерий не решился подать ему помощь, и все солдаты были изрублены на месте. Это обстоятельство послужило новым поводом к неудовольствию войска против тирана-диктатора, и когда Папирий, немедленно по своем возвращении, вступил в битву с неприятелем, солдаты умышленно позволили самнитянам одержать победу, несмотря на то, что они должны были бы непременно потерпеть поражение при тех стратегических мерах, которые были приняты римским военачальником. Теперь, наконец, диктатор убедился, что он

должен снискать себе симпатию солдат и отречься от своей суровости и жестокости. Он обошел всех раненых, осведомлялся о состоянии их здоровья, поручил офицерам как можно старательнее заботиться о них и обещал на будущее время всю добычу отдавать солдатам. Этим образом действий он привлек все войско на свою сторону, и в последовавшем скоро после того сражении оно одержало под его начальством блистательную победу.

Несмотря на раздоры, существовавшие в римском войске, самнитяне в последнее время испытали такие неудачи и потери, что не смели больше вступать в открытый бой, и римские солдаты грабили и опустошали их земли, не встречая сопротивления. Наконец они смиренно попросили у диктатора мира. Папирий согласился на перемирие с условием, что они выдадут каждому солдату по полному одеянию и годовому жалованью; для переговоров же о мире велел им обратиться в римский сенат. После этого он оставил со своей армией самнитскую землю и, отпраздновав в Риме великолепный триумф, сложил с себя диктатуру.

Сенат, вместо мира с самнитянами, согласился только на годичное перемирие, но и оно, как по крайней мере рассказывают римляне, скоро было нарушено самнитянами. Однако новое тяжкое поражение в 322 г. привело их в такое уныние, что они решили заключить мир на каких бы то ни было условиях. Они предложили возвратить римлянам всю добычу и всех пленных и выдать им своего полководца, Брутула Папия, как главного виновника войны. Чтобы избегнуть этого позора, Папий сам лишил себя жизни; но самнитяне все-таки выдали его труп. Несмотря на это унижение, они, однако, не добились мира.

Война возобновилась с крайним озлоблением со стороны самнитян. Во главе своего войска они поставили К. Понтия, храброго и умного полководца. Римляне избрали на 321 г. консулами Т. Ветурия Калвина и Сп. Постумия, сделавшихся известными благодаря кавдинскому несчастью. Консулы расположились лагерем у Калатии в Кампании. Понтий же остановился с сильным войском недалеко от Каудиума, в западной части самнитского го-

сударства, но принимал всевозможные меры для того, чтобы римские полководцы не открыли его позиций. Переодев пастухами десять своих солдат, он отправил их по разным направлениям к римским постам и приказал, чтобы они отдали себя поодиночке в плен и сказали римлянам, что самнитские легионы осаждают в Апулии город Луцерию и что он не будет в состоянии долго выдерживать эту осаду. Консулы решили как можно скорее оказать помощь союзному городу, чтобы воспрепятствовать отпадению Апулии, и потому пошли прямой дорогой через Самниум, т. е. по земле неприятеля. Вблизи Каудиума их путь лежал влажным лугом, окруженным высокими и крутыми холмами; войти туда и выйти можно было не иначе как через два узких и глубоких прохода. Это — знаменитое Кавдинское ущелье, *Furculse Caudinae*. Римляне беспрепятственно вступили в долину, но когда дошли до выхода, то нашли его загороженным камнями и срубленными деревьями и занятым большой массой войска. Они поспешили обратно к выходу, но теперь и он был заперт точно таким же образом, а вокруг на холмах стояли самнитские легионы, с которыми римское войско думало встретиться только под стенами Луцерии. Римляне поняли, но слишком поздно, что они сделались жертвой военной хитрости; всякий бой оказывался здесь бесполезным, выбраться силой из этой сети было невозможно. Консулы предложили капитуляцию. Понтий не знал, как бы ему получше воспользоваться своим удачным ловом, и потому призвал в лагерь своего отца, К. Геренния, славившегося осторожностью и мудростью. Старик посоветовал или изрубить всех пленных, или отпустить, не причинив ни малейшего вреда. Понтий имел неблагоприятное избрание среднего пути; он надеялся выгодным миром покончить всю войну и потребовал, чтобы Рим срыл построенные вопреки договорам крепости Калес и Фрегеллу и возобновил прежний равноправный союз с самнитянами. Требование это было принято, и консулы и все офицеры поклялись исполнить его; 600 всадников остались заложниками, порукой в нерушимости договора. После этого все римское войско было отпущено невредимым, но не

без глубокого оскорбления. Два консульских войска, четыре легиона - т. е. 20 тысяч человек, — прошли под так называемым иглом, без оружия, в одном исподнем, сопровождаемые язвительными насмешками неприятеля; впереди шли консулы, тоже почти полунагие, лишенные всех знаков своего звания. Неизгладимыми чертами запечатлелся этот позор в сердце римлян. Безмолвствуя от негодования и стыда, они дотащились до Капуи и там легли на большой дороге как нищие. Проникнутые состраданием капуанцы дали им оружие и лошадей, платье и съестные припасы и снабдили консулов их почетными атрибутами — связками прутьев и ликторами. Безмолвно и с опущенными взорами приняли римляне эти пособия и в сопровождении капуанских всадников продолжали путь до границы Кампании. Когда эти всадники возвратились и сказали, что древняя римская отвага погибла, что вместе с оружием римляне потеряли и мужество, тогда Офилий Калавий, почтенный и опытный старик, возразил, что или он не знает образа мыслей римлян, или это суровое молчание их повлечет за собой в скором времени жалобные стоны и вопли самнитян. Темной ночью вошло поруганное войско в Рим и попряталось в домах.

Молва об этом бедствии уже раньше распространилась по городу; не дожидаясь приказа начальства, народ оделся в траур и запер лавки; судопроизводство и вся общественная деятельность прекратились. Возвратившиеся консулы сложили с себя должность, сенат собрался, и бывший консул Постумий объявил, что заключенный им и его товарищем договор для народа недействителен, как заключенный без его согласия, и что для снятия с народа всякого обязательства следует выдать неприятелю тех, кто, превысив свою власть, согласился на эту сделку. Предложение Постумия было принято, договор объявлен недействительным, и консулы, вместе со всеми теми, кто поклялся в его нерушимости, отправлены к самнитянам. Но самнитяне не приняли их и отвечали, что если договор уничтожен, то римское войско должно снова вернуться в то же самое Кавдинское ущелье. Само собой разумеется, что это требование осталось неудовлетворенным. Римляне

исполнили формальность и теперь думали только об одном — смыть позор кровью.

Понтию следовало исполнить благоразумный совет отца; избранный им средний путь, покрывший римлян тяжким позором, никак не мог привести к желанному миру. Поругание требовало мщения, и там, где дело шло о силе и господстве, римляне оказывались не особенно добросовестными относительно нерушимости договоров.

Война возобновилась. Для римлян главный вопрос состоял теперь в том, чтобы как можно скорее поднять свое государство после столь ужасного поражения и восстановить его авторитет у итальянских народов. Они избрали консулом на 320 г. своего лучшего полководца, Папирия Курсора, и дали ему в товарищи Кв. Публилия Филона, который был тоже известен как отличный военачальник. Самнитяне воспользовались своим успехом для завоевания Луцерии, важнейшей крепости в Апулии, и перевезли в нее 600 римских заложников, которых они великодушно пощадили после нарушения договора. Туда-то двинулся с войском Папирий Курсор, пошедший через земли сабинян и побережье Адриатического моря; Публилий Филон направился к Каудиуму. Войско Филона состояло большей частью из тех солдат, которые в прошедшем году потерпели в этой местности такое позорное поражение. Поэтому, когда дело дошло до битвы, они бросились в нее с таким бешенством, что самнитяне в короткое время были разбиты наголову. После этого Филон почти без сопротивления прошел через Самниум в Апулию, где перед стенами Луцерии соединился с товарищем.

Положение Папирия перед Луцерией было до этих пор очень неблагоприятно. Почти вся Апулия находилась в руках самнитян; только один город Арпи оставался на стороне римлян и снабжал Папирия съестными припасами; но добывание этих последних, вследствие постоянных вылазок неприятельских отрядов, было сопряжено с такими затруднениями, что конница привозила хлеб из Арпи в лагерь в мешках, привязанных к седлам, и нередко была вынуждена сбрасывать эти мешки и вступать в битву. Но с прибытием Публилия положение дел измени-

лось. Публилий взял на себя обязанность обходить с войском окрестности и затруднять подвоз неприятелю съестных припасов, а Папирий в это время продолжал осаждать Луцерию. Такой маневр поставил осажденных в крайне критическое положение, побудившее самнитян, находившихся вне города, стянуть сюда все свои силы, чтобы решительной битвой освободить своих соотечественников, запертых в Луцерии. Обе стороны уже готовы были приступить к этой битве, когда от тарентинцев пришло посольство с требованием к римлянам и самнитянам прекратить войну. Они грозили, что Тарент сам объявит войну той стороне, которая окажет нерасположение к заключению мира. Хвастливый тон тарентинцев так мало испугал Папирия, что тот тотчас же подал сигнал к битве, тогда как, напротив, самнитяне, положившись на посредство о мире, прекратили все приготовления к сражению.

Оба консула разделили между собой войска и двинулись на неприятеля. Озлобленные солдаты наполнили окопы, сорвали стену и ринулись в самнитский лагерь с криками «Здесь не ушелье, здесь не Каудиум! Здесь действует римская храбрость!» В бешенстве рубили они все, что попадалось им под руку, сражавшихся и павших, вооруженных и безоружных, рабов и свободных, людей и скот. И ни одной души не оставили бы они в живых, если бы консулы не подали сигнал к отступлению и угрозами и силой не выгнали кровожадных солдат из лагеря. Так как это распоряжение вызвало в войске большое неудовольствие, то консулы поспешили уверить его, что они остановили убийство и грабеж только для того, чтобы неприятель из мести и отчаяния не лишил жизни 600 всадников, оставшихся заложниками в Луцерии! Солдаты успокоились, потому что они сами не желали подвергать опасности жизнь стольких благородных юношей.

После этого Публилий пошел по Апулии и снова склонил ее города на сторону Рима, а Папирий продолжал осаду Луцерии и наконец принудил ее голодом сдаться. Гарнизон предложил в замену снятия осады выдачу 600 римских заложников, но консул объявил, что оружие, обоз, вьючные животные и все невооруженные гражд-

дане останутся в городе, а солдат он проведет поодиночке и в одном исподнем под виселицей, не для того чтобы покрыть их новым позором, но только с тем, чтобы отомстить за кавдинское поругание. Положение самнитян было до такой степени бедственно, что они приняли условия. 7 тыс. воинов прошли под игом и оставили в городе громадную добычу, в том числе, как рассказывают римляне, и все знамена и оружие, отнятые у римлян в Кавдинском ущелье. Особенно порадовало консула и его армию возвращение 600 заложников целыми и невредимыми.

Таким образом, Папирий снова вполне восстановил римскую военную честь; своими подвигами он загладил кавдинский позор и возвратил государству прежнюю силу и прежнее значение. В награду за эти заслуги его сделали в следующем, 319 г. в третий раз консулом.

В этом году он завоевал город Сатрикум — римскую колонию в Лациуме, которая немедленно после кавдинского поражения перешла на сторону самнитян и приняла к себе Самнитский гарнизон. Когда Папирий появился перед стенами Сатрикума, граждане выслали к нему депутацию с просьбой о мире. Консул отвечал, что он требует или выдачи, или избиения Самнитского гарнизона. Услышав этот ответ, две партии граждан, из которых одна впустила самнитян в город, а другая осталась верной римлянам, захотели, каждая по-своему, угодить консулу. Первая известила его, что Самнитский гарнизон, сомневаясь в возможности выдержать осаду, выступит из города в следующую ночь, и сообщила, в каком часу, через какие ворота и каким путем совершится это выступление; вторая в эту же ночь открыла консулу ворота и впустила его в город. Таким образом, вследствие двойной измены выступивший гарнизон был изрублен в лесу и город отдан в руки римского консула. Папирий жестоко отомстил виновным: они были высечены розгами и обезглавлены. У всех жителей Сатрикума он отнял оружие и, оставив в городе сильный гарнизон, возвратился в Рим, где отпраздновал триумфом взятие Луцерии и победу над самнитянами.

В следующие за тем годы война велась не столько в Самниуме, сколько в пограничных с ним местностях. В 315 г.

самнитяне одержали над римлянами большую победу при Лаутолах, вследствие чего на их сторону перешли города на границе Самниума, в Апулии, в Кампании, в местностях, прилежавших к Лирису. Но к 312 г. римляне уже успели снова оправиться, возратить себе все эти города и укрепить их вдвое сильнее прежнего, так как они заложили там значительные колонии. В числе этих городов упоминаются Сора, Авзона, Минтурны, Весчия, Луцерия, Фрегеллы, Нода, Атина, Калация. Благодаря этому, а также основанию новых колоний — Суэссы, Интерамны и Казинума — сообщение по дорогам Аппиевой и Латинской сделалось совершенно безопасным, чего до тех пор не было. Аппиева дорога получила свое название как раз в это время, на том основании, что цензор Аппий Клавдий Цекус посредством разных исправлений и сооружений сделал из нее удобную военную дорогу, «царицу римских дорог», и совершенно высушил ее посредством большого, проведенного через Помптинские болота, канала. За это время Папирий был избираем консулом в четвертый и пятый раз, на 315 и 313 гг., но в военных действиях не участвовал.

В 312 г. война, которую самнитяне уже столько лет вели с большими жертвами, приняла еще более значительные размеры вследствие того, что этруски и умбры, а вскоре после того и родственные с самнитянами сабельские горцы, испугавшись успехов римского войска, тоже взялись за оружие и стали поддерживать самнитян. В 310—308 гг. Кв. Фабий Руллиан смирил и принудил к миру этрусков. Опасный и смелый поход в этрусскую землю был предпринят им в 310 г. Самнитяне, обманутые ложным слухом об уничтожении его войска, поднялись с новой силой, разбили выступившего против них консула Кв. Марция Рутила и готовились двинуться к северу для соединения с этрусками. Рим пришел в ужас, и сенат решил назначить диктатора, с тем чтобы отдать эту должность Папирию Куратору, как человеку наиболее пригодному для такого критического положения. Но так как назначение диктатора должно было по закону исходить от одного из консулов, то сенаторы находились в большом затруднении: все дороги к

Марцию, только что потерпевшему поражение и раненному в битве, были отрезаны, и в Риме не знали даже, жив ли он; другой же консул, Фабий, был врагом Папирия с тех пор, как служил у него в качестве *magister equitum*. Но сенат надеялся, что, ввиду бедственного положения отечества, он забудет свою личную вражду, и отправил к нему в лагерь депутацию. Он выслушал решение сената безмолвно, с опущенными в землю глазами и затем удалился, не ответив ни слова. Но в ту же ночь, согласно обычаю, он назначил Папирия диктатором, и когда на следующее утро депутаты благодарили его за то, что он одержал над самим собой такую славную победу, он остался таким же безмолвным и отпустил их без ответа. Победа над самим собой досталась ему тяжело.

Папирий оправдал возлагавшиеся на него надежды. Избрав своим *magister equitum* К. Юния Бубулька, он со свежим войском двинулся к Лонгуле, где консул Марций передал ему свои легионы. Здесь стояли и самнитяне, и через некоторое времени завязалось кровопролитное сражение. Самнитская армия была очень многочисленна и блистала изяществом и богатством своего обмундирования. Ядро ее составляли пестрокафтанники со щитами, украшенными золотом, и белокафтанники, щиты которых были выложены серебром; на головах у тех и других красовались высокие шлемы с перьями. Битва горячо закипела с самого начала. Римляне и самнитяне дрались с равным ожесточением, а в римском войске диктатор состязался со своим *magister equitum* насчет того, кто из них первый опрокинет врага. Юнию Бубульку, командовавшему боевым крылом, удалось первому заставить отступить неприятельское правое. Это последнее, по самнитскому обычаю, состояло из солдат, обреченных на смерть в бою, вследствие чего их мундиры и оружие были ослепительно белого цвета. Юний Бубульк устремился на них с криком, что он отдает себя в жертву богу Орку, и произвел расстройство в их рядах. Увидев это, диктатор, командовавший правым крылом, обратился к своим солдатам. «Стало быть, — воскликнул он, — победу начнет левое крыло, а правое, в котором находится диктатор, только примкнет к победе других?» Слова Папи-

рия воодушевили его солдат, и они ударили по неприятелю. В то же время устремилась на него с других сторон конница, предводительствуемая легатами М. Валерием и Публилием Децием. Самнитяне испугались и бросились в бегство. Скоро поле, на всем его пространстве, было покрыто трупами и великолепным оружием. Неприятель укрылся в своем лагере, но римляне овладели и им, после чего ограбили и сожгли его.

После этой великой победы Папирий отпраздновал свой триумф, который отличался особенным блеском благодаря ценности отбитого у неприятеля оружия. Выложенные золотом щиты были распределены между скамьями меняльщиков на форуме для украшения этого последнего во время священных процессий. Кампанцы, для выражения своей ненависти и презрения к самнитянам, вооружили такими щитами своих гладиаторов, увеселявших их на пирах, и дали им прозвище самнитян. Они тоже участвовали в этом сражении и в разделе добычи.

Битва при Лонгуле в 309 г. была последним военным подвигом Папирия Курсора. Вероятно, он умер вскоре после нее, так как его имя с тех пор не упоминается. Он был пять раз консулом и два раза диктатором и два раза спасал государство от большой опасности.

14. КВИНТ ФАБИЙ МАКСИМ РУЛЛИАН

Квинт Фабий Максим принадлежал к одной из старейших и знатнейших патрицианских фамилий, которая вела свое происхождение от Геркулеса и одной из дочерей аркадца Эвандра, и был самым значительным членом этого семейства. Ожесточенный спор, который он, в качестве *magister equitum*, вел с диктатором Папирием, нам уже известен; мы знаем, что между этими двумя людьми существовала непримиримая вражда, не прекращавшаяся до самой смерти. Они резко отличались друг от друга характерами. Фабий, человек воинственный и неустрашимый, был, однако, в сравнении с Папирием олицетворенная кротость и пользовался любовью народа до глубокой старости. Между тем как Папирий в своей общественной деятельности строго держался древнеримских принципов и традиций, передовой, энергичный Фабий часто разрушал оковы рутины и с отважной гениальностью шел своим собственным путем.

Имя Кв. Фабия упоминается первый раз в 331 г., когда он был эдилом. Этот год ознаменовался необыкновенной смертностью, которую приписывали дурной погоде. Но вот однажды к эдилу Фабия пришла женщина, вызвавшаяся объявить причину этого бедствия, с условием, что ей гарантируют полную безопасность. Эдил доло-

жил об этом сенату, и тогда рабыня открыла, что знатные женщины варят яд и отравляют им своих мужей и родственников, и прибавила, что виновных можно поймать на месте преступления. Действительно, посланные вместе с ней застали двадцать женщин за приготовлением разных зелий и привели их с поличным на форум. Так как они утверждали, что эти снадобья совершенно безвредного свойства, то народ потребовал, чтобы они выпили их. Требование это было тут же исполнено, и выпившие умерли на месте. Вслед затем было открыто еще 170 женщин, занимавшихся таким же производством; всех их казнили. Сенат взглянул на все это дело, как на предзнаменование общественного бедствия, и для искупления греха, а равно для уничтожения в сердцах таких преступных склонностей решил вбить священный гвоздь через посредство назначенного специально для этой цели диктатора.

В 324 г., как нам уже известно, Фабий одержал при Имбриниуме блистательную победу над самнитянами и за это едва-едва избежал казни по приговору диктатора Папирия; затем, в 322 г., когда, по свидетельству Цицерона, он был еще очень молод, народ, относившийся к нему с большой симпатией, избрал его консулом. Между тем как в этом году диктатор Корнелий Арвина и его *magister equitum* М. Фабий Амбуст вели войну в Самниуме и одержали победу в кровопролитном сражении, Фабий, вероятно вместе со своим товарищем Л. Фульвием, счастливо воевал в Апулии и восточной части Самниума. Он взял апулийский город Луцерию, который вскоре после кавдинского несчастья снова перешел на сторону самнитян, отнял у этих последних и у апулийцев 81 местечко и положил на месте 21 тысячу человек из неприятельского войска. Эти успехи римского оружия поставили самнитян в такое положение, что они согласились выдать римлянам своего полководца Брутула Папия и стали искать мира на каких бы то ни было условиях.

В следующие годы война между римлянами и самнитянами шла с переменным успехом: на долю первых выпал кавдинский позор, Папирий заставил вторых заплатить за него кровью, но самнитяне с несокрушимым

мужеством продолжали сражаться. Так наступил 315 г. В то время как римские войска стояли в середине Самниума или в Апулии, т. е. очень далеко от Рима, самнитяне составили смелый план отрезать римлян от Кампании занятием Лаутульского ущелья и перенести войну в Лациум. Они оставили свое войско на виду у консулов и двинулись со всем резервом к Лаутуле. В этом опасном положении римляне назначили диктатором Кв. Фабия. Он избрал своим *magister equitum* Кв. Аулия Церретана и, набрав новое войско, пошел к Лаутуле, но здесь потерпел значительное поражение. Военачальники не могли удержать своих солдат от бегства, и Аулий, чтобы не пережить этого позора, бросился в ряды неприятелей и погиб под их мечами.

Ливий, которому всегда тяжело сознаваться, что римлян постигло бедствие, и который, в этом случае, вероятно, следуя анналисту Фабию, очевидно, становится на сторону Фабия, называет это поражение нерешенной битвой и рассказывает о победе, будто бы одержанной диктатором немедленно вслед за ней. По его словам, самнитяне, после сражения при Лаутуле, окружили Фабия и его войско со всех сторон, но он, зажегши свой собственный лагерь, не только победоносно пробился сквозь неприятельские ряды, но, кроме того, соединившись со своим братом К. Фабием, подоспевшим к нему со свежими войсками и напавшим на неприятеля с тылу, разбил самнитян наголову и взял и ограбил их лагерь. Но есть полное основание думать, что эта победа выдумана семейством Фабиев для того, чтобы заглавить позор поражения.

Лаутульское несчастье имело последствием отпадение от Рима многих городов в Кампании, на берегах Лириса и в Лациуме. Рим очутился в очень опасном положении, но именно во время бедствия проявляются во всем своем блеске величие и энергия римлян. Не прошло после этого и нескольких лет, как они уже снова владели отделившимися городами и принимали меры к тому, чтобы закрепить их за своим государством еще сильнее, чем прежде. С тех пор как римляне успели оправиться от поражения при Лаутуле, самнитяне начали, по-видимому, отчаиваться в возможности одержать окончательную победу. Постоянные

войны все более и более усиливали их ненависть к Риму, но в то же время все больше и больше истощали их силы. Но вот с 312 г. загорелся для них луч новых надежд. В этом году оканчивалось сорокалетнее перемирие, заключенное в 351 г. между этрусками и римлянами, и первые стали уже готовиться к войне; очень может быть, что самнитские эмиссары ездили по этруским городам и обращали их внимание на опасность, грозившую со стороны Рима всем итальянским народам. Римляне рассчитывали, что этруски выступят против них уже в этом году, и деятельно готовились к войне; но только через год (в 311 г.) армия всех этруских городов, за исключением Аррециума, появилась перед Сутриумом, римской крепостью в южной Этрурии. Частые и кровопролитные схватки под ее стенами оканчивались большей частью не в пользу римлян; наконец в 310 г. Кв. Фабий Руллиан, избранный во второй раз консулом, дал войне иной оборот и блестящими победами смыл пятно лаутульского поражения.

Фабий, со своим товарищем К. Марцием Рутилом, пришел к Сутриуму, где его ожидала этрусская армия, значительно превосходившая римскую численностью. Этот количественный недостаток Фабий возместил удачным выбором позиции на скалистом и усеянном камнями возвышении. Этруски тотчас же двинулись против него и, полагаясь на свое численное превосходство, устремились в битву с такой горячностью, что побросали все свое оружие и обнажили мечи для рукопашной схватки. Но римляне метнули в них с вышины таким огромным количеством камней, что они остановились в смнении и испуге. Взобраться наверх для рукопашной схватки было совсем не так легко, а оружия для того, чтобы сражаться издали, у них не было. И они стояли под неприятельскими ударами, без всякого прикрытия, без всякой возможности обороны. Часть их уже начинала отступать, когда две передние линии римского войска кинулись на этрусков с бешеными криками и обнаженными мечами и обратили в стремительное бегство. Многие тысячи этрусков пали в этой битве, и в руки неприятеля попало тридцать восемь знамен.

Так как в это же время самнитяне опустошали Апулию, то консул Марций должен был двинуться против них, и Фабий остался единственным распорядителем войны в Этрурии. Для подкрепления этрусского войска, стоявшего перед Сутриумом, пришли новые силы. Чтоб оттянуть их отсюда, Фабий составил смелый план — перейти из оборонительного положения в наступательное и вторгнуться в Верхнюю Этрурию, которая до тех пор оставалась почти неизвестной римлянам вследствие различия в языке и неудовлетворительности путей сообщения. Для осуществления этого намерения Фабию предстояло пройти дикий Циминийский лес (горы Витербо), пограничный горный хребет между римской землей и Этрурией; по словам Ливия, эта местность могла в то время сравниться дикостью и непроходимостью с германскими лесами, и даже ни один купец не проникал до того времени в эту пустыню. Если это описание и преувеличено, то предприятие Фабия во всяком случае было опасным риском. Проигранное сражение по ту сторону гор неизбежно должно было повлечь за собой гибель всего римского войска.

Но прежде чем выступить в этот рискованный поход, Фабий отправил своего брата вперед на рекогносцировку. Этот брат провел детство в городе Цере, находившемся в то время в дружественном союзе с Римом, и потому знал этрусский язык. В сопровождении только одного раба, тоже говорившего по-этрусски, пустился он в путь. Оба они были переодеты пастухами, несли в руках земледельческие орудия и по два галльских метательных копья и собирали сведения о свойстве почвы, о передовых и замечательнейших личностях между тамошними народами. Так дошли они до умбрийского города Камерса, который, как можно предположить, находился вблизи Клузиума, к западу от Тибра. От имени консула Фабий заключил здесь с камертинцами дружественный союз и получил от них обещание, что когда римское войско явится в эту местность, то найдет к своим услугам запас съестной провизии на тридцать дней и вооруженных камертинских умбров.

Получив от брата эти сведения, консул тотчас же выступил в поход. С наступлением ночи он выслал вперед

в лес обоз и легионы, а сам с конницей остался, и на следующее утро, чуть рассвело, стал разъезжать взад и вперед перед неприятельскими аванпостами, чтобы отвлечь их внимание от выступившей армии. Через некоторое время он возвратился в свой лагерь и, незаметно для неприятеля, выехал в другие ворота и нагнал свое войско, прежде чем наступила ночь. На следующее утро он уже был на возвышенностях Циминийского леса, откуда открывался вид на богатые нивы Этрурии, которые столь долго щадила война. Войско спустилось вниз и расположилось лагерем в долине. Отправленные по разным направлениям отряды завладели богатой добычей и без труда изрубили сбежавшиеся толпы этрусских поселян, попытавшихся оказать им сопротивление.

В это время прибыла в лагерь Фабия из Рима депутация из пяти граждан и пяти трибунов с поручением от испугавшегося сената отговорить консула от безумно-смелого похода через Циминийский лес. Посланные с большой радостью увидели, что они явились слишком поздно, и поспешили обратно в Рим с вестями о победе.

Опустошая все на пути своем, Фабий достиг Перузии. Здесь встретил он большое этрусское войско, явившееся с целью отомстить за вторжение римлян в эти земли. Фабий приготовился к битве. Он приказал своим солдатам ждать сигнала к нападению каждую минуту дня и ночи. На четвертые сутки ночью полководец разбудил их и велел вооружиться как можно тише и незаметнее для неприятеля. Рабочим были розданы железные ломы для выламывания свай и засыпки рвов: внутри укреплений поместилась линия, а у выходов лагеря были поставлены отборные когорты. Незадолго до рассвета, когда все еще спали крепким сном, линия ринулась через сломанную ограду и стала рубить направо и налево лежавших вповалку неприятельских солдат. Одних смерть застигла прежде, чем они успели пошевелиться, других — в полусонном состоянии, большую часть — в то время, когда они кинулись к оружию. Только немногие успели вооружиться, но и их римляне без труда обратили в бегство, и этрусский лагерь попал в руки победителя. Золото и серебро консул взял себе, ос-

тальную добычу раздал солдатам. Около 60 тысяч этрусков были убиты или взяты в плен.

Эта блистательная победа имела такой решительный характер, что Перузия, Кортон и Аррециум — главные государства в северо-восточной Этрурии, отправили в Рим послов с просьбой о мире. Сенат заключил с ними перемирие на 30 лет.

Ко времени этого этрусского похода относится назначение консулом Фабием Папирия Курсора в диктаторы.

После битвы при Перузии Фабий возвратился в Сутриум и принудил стоявшее там этрусское войско снять осаду этого города. В 309 г. он продолжал войну с южными и западными этрусками и с их союзниками, умбрами. Умбры были побеждены без труда. Такое слабое сопротивление они оказывали, вероятно, потому, что часть их держала сторону римлян. Но справиться с этрусками было гораздо труднее. Они собрали громадное войско и вступили в бой с Фабием при Вадимонском озере. Ожесточение и храбрость были так велики с обеих сторон, что ни одно метательное копьё не было пущено в ход, а с первой же минуты пошли в дело мечи. Долго бились с величайшим жаром и римляне и этруски, ни на шаг не уступая друг другу. Вмешательство римских триариев тоже не изменило положения дела; тогда конница спешила и сквозь груды оружия и трупов пробилась в первые ряды этрусков. Со свежими силами бросилась она на утомленного неприятеля и наконец произвела там смятение. Воодушевленное этим успехом, остальное римское войско забыло свою усталость и прорвало неприятельскую линию. Лучшие этрусские силы пали в битве, лагерь был взят приступом и разграблен. Это сражение до такой степени ослабило этрусков, что в следующем (308) году консул Кв. Деций заставил их надолго сложить оружие.

Вскоре после победы при Вадимонском озере Фабий возвратился в Рим и отпраздновал заслуженный триумф. В награду за блистательные подвиги римляне избрали его консулом и на следующий, 308 г. вместе с Кв. Децием. Между тем как этот последний действовал в Этрурии, Фабий принял на себя ведение войны с самнитянами, к ко-

торым примкнули теперь марсы и пелигны, а также марруцины и френтаны. Он без труда завоевал Нуцерии Алфатерну и разбил марсов и пелигнов. Между тем умбры снова поднялись против римлян и, подкрепленные этрусскими отрядами, предприняли поход против Рима, предварительно объявив ему об этом в самых хвастливых выражениях. Деций поспешил явиться со своим войском и остановился недалеко от Рима для прикрытия этого города, а Фабий вышел из Самниума навстречу умбрам и сошелся с ними при Мевании. Прибытие знаменитого полководца устало умбров, и они отступили бы без боя, если б один из их предводителей не убедил их сразиться. Они кинулись на неприятеля как раз в то время, когда солдаты Фабия вбивали сваи для ограды лагеря. Консул обратился к своим воинам с воззванием — отомстить врагу, который так хвастливо грозил взять приступом Рим. Речь эта вызвала такое воодушевление, что солдаты прервали ее воинственными криками и, не дожидаясь команды, при звуке рогов и труб, устремились на неприятеля. Смятение, произведенное ими в его рядах, было так велико, что главные зачинщики войны сдались еще до окончания битвы. Через несколько дней покорились и остальные народы Умбрии. Только окрикуланцы были приняты в число друзей римского народа, так как они, без сомнения, принимали самое слабое участие в восстании.

После этих побед Фабий снова вернулся на юг, и сенат оставил его в звании главнокомандующего и на следующий (307) год. Проконсул разбил самнитян при городе Алдифы, загнал их в лагерь и завладел бы этим лагерем, если б наступившая ночь не прекратила битвы. Римляне окружили его со всех сторон, чтобы никто не мог выйти, и на следующий день неприятель объявил, что сдается. Все самнитяне были проведены под виселицей в одном исподнем, без оружия. На счет находившихся в их войске союзников главнокомандующий не постановил ничего определенного; около 7 тыс. из них было продано в рабство тут же римским воинам. Оказалось в самнитской армии и очень значительное число герников, несмотря на то, что этот народ уже давно состоял в тесном союзе с римляна-

ми. Их всех Фабий отправил в Рим, предоставив сенату распорядиться ими по своему усмотрению. Это обстоятельство побудило герников, за исключением трех городов, отпасть от Рима и заключить союз с самнитянами. Но в следующем (306) году они снова были покорены римлянами, и этот союз расторгнут.

Война принимала для самнитян все более и более неблагоприятный оборот. Все их союзники, на помощь которых они опирались в последние годы, были усмирены римлянами, да и сами они совершенно изнемогли от долголетней борьбы. В 305 г. им было нанесено еще два сильных поражения - при Бовиануме и Тиферне. Тогда они отправили в Рим послов с просьбой о мире. Сенат согласился с единственным условием, чтобы они признали верховное господство Рима (304).

Немедленно по окончании этих долговременных войн с самнитянами и их союзниками римляне ревностно приступили к утверждению своего владычества в Средней Италии и старались сооружением военных дорог и крепостей отрезать Этрурию и Северную Италию от юга, от самнитян. Эти последние увидели себя опутанными целой сетью римских крепостей на востоке, западе и севере и скоро поняли, что такого рода мир для них хуже самой кровопролитной войны. Они ясно увидели, что если не хотят быть поработанными полностью, то должны взяться за оружие немедленно, пока укрепления римлян еще не совсем окончены, Средняя Италия еще волнуется и отчасти находится в открытом восстании, а в Северной Этрурии стоят еще под ружьем несколько общин. И вот в 298 г., когда ни одна из ран, нанесенных предыдущей войной, еще не успела залечиться, они снова взялись за оружие и соединились с этрусками, умбрами и галлами. Так как успехом предшествующей войны Рим был обязан, главным образом, своему союзу с Луканией, то самнитяне вторглись теперь в эту страну и заставили ее принять их сторону. Римляне увидели в этом обстоятельстве нарушение мира и немедленно объявили войну. Эта третья Самнитская война продолжалась с 298 по 290 г. и дала старику Фабия Руллиану случай пожать новые лавры.

В первый год она шла как в Этрурии, так и в Самниуме и имела результатом возобновление мира луканцев с Римом; на 297 г. римляне в четвертый раз избрали консулом Фабия и, по его желанию, дали ему в товарищи П. Деция Муса. В этом году имелась в виду кровопролитная борьба с самнитянами и их союзниками, и потому римское правительство обратилось к содействию своих испытаннейших людей. Но так как этрусски, менее стойкие, чем самнитяне, уже начали выказывать склонность к миру, то оба консула получили возможность двинуться в Самниум. Опустошительно прошли они по всей стране. Фабий разбил самнитян в битве при Тиферне, Деций нанес при Малевенте поражение апулийцам, которых самнитяне призвали себе на помощь. После этих побед консулы в продолжение целых пяти месяцев беспрепятственно опустошали самнитские земли, и самнитяне поняли, что их гибель неизбежна, если они будут оставлены своими северными союзниками. Поэтому они стали предпринимать всевозможные усилия к тому, чтобы отклонить этрусков от заключения мира с Римом. Самнитский полководец Геллий Эгнаций вызвался помочь им в их собственной земле; это ободрило этрусков, и они решили еще раз попытать счастья сообща с самнитянами.

296 г. стоил самнитянам громаднейших трудов и жертвований. Они вооружили три армии, из которых одна была оставлена для защиты собственной страны, другая получила назначение вторгнуться в Кампанию, а третья, под предводительством Эгнация, двинулась в Этрурию через римские укрепления Средней Италии. Эти операции повлекли за собой общее восстание этрусков и умбров. К ним, по приглашению этрусков, присоединились в очень значительном количестве и галлы. Это соединение стольких народов побудило и римлян принять самые усиленные меры для обеспечения себе успеха в предстоящей войне. 296 г. прошел в вооружении и передвижениях войск, в следующем деле должно было решиться так или иначе. Римляне снова назначили консулами своих лучших полководцев — Фабия Максима и его друга Деция Муса, который уже неоднократно был его товарищем, и вооружи-

ли шестидесятитысячное войско. Четыре легиона поступили в распоряжение консулов, которые должны были повести их на север; кроме того, образовали два резерва, из которых один расположился у Фалерии, а другой — под стенами Рима. Неприятель находился в Умбрии, где сходились галльские, этрусские и сабельские дороги. Туда-то направились оба консульских войска.

Фабий двинулся прежде своего товарища, чтобы принять начальство над войсками, стоявшими лагерем недалеко от неприятеля под начальством бывшего в истекшем году консулом Аппия Клавдия Цекуса. Подходя к лагерю, Фабий встретил римских дровосеков, шедших под прикрытием вооруженного отряда. От ликторов, предшествовавших главнокомандующему, они узнали о прибытии консула Фабия и приветствовали его радостными криками любви и преданности. Фабий спросил их, куда они идут, и, услышав в ответ, что за дровами, сказал: «Как! Разве ваш лагерь не окружен деревянным забором?» — «Даже двойным, — отвечали они, — и, сверх того, рвом; но несмотря на это, мы в большой тревоге и страхе!» Фабий возразил: «Стало быть, у вас дров множество. Ступайте назад и сломайте забор». Они возвратились и принялись за работу к ужасу солдат и самого Аппия, которые успокоились только тогда, когда узнали, что это делается по приказанию только что прибывшего консула Фабия.

На следующий день Фабий снялся с этого места и отпустил Аппия Клавдия в Рим. С этих пор его войско нигде не располагалось постоянным лагерем. Он говорил, что для армии вредно оставаться долго на одном и том же месте и что постоянные перемены позиции поддерживают деятельность и здоровье солдата. С наступлением весны он соединился со своим товарищем Децием, и оба они, перейдя Апеннины, проникли в Сентинскую область, где находился неприятель. Армия этого последнего распределилась таким образом, что самнитяне и галлы должны были вместе участвовать в сражении, а этруски и умбры — в то же время напасть на римский лагерь. Но Фабий узнал об этом плане от трех клузинских

перебежчиков и отправил к начальникам резервов у Фалерии и около Рима приказание двинуться к Клузиуму и начать опустошать этрусские земли, насколько это окажется возможным. Таким манером он надеялся разъединить этрусское войско с союзниками и не ошибся в расчете. Узнав о вторжении неприятеля, часть этрусского войска, менее великодушная, чем самнитяне, прошедшие по северу по развалинам своих городов, немедленно отправилась на родину. Как только известие об удалении этрусков дошло до консулов, они поспешили вступить в битву. Два дня кряду вызывали они неприятеля на бой отдельными схватками; на третий день вся армия вышла в поле. В то время как оба войска стояли в боевом порядке одно против другого, между ними пробежала лань, преследуемая волком. Лань кинулась в сторону галлов, волк — в сторону римлян. Эти последние свободно пропустили его сквозь свои ряды, но лань была остановлена галлами и убита. Увидев это, один римский солдат воскликнул: «Туда, где лежит без жизни священное животное Дианы, туда направляются проклятия и смерть; на нашей же стороне остался невредимым и неоскверненным священный зверь Марса — волк, и он явился сюда для того, чтобы напомнить нам о нашем происхождении от Марса и об основателе нашего государства!»

На правом крыле стояли галлы, на левом — самнитяне. Против этих последних расположился Фабий со своими двумя легионами, против первых — Деций с таким же количеством войска. Умбров, по сведениям, сообщаемым Ливием, было в этой битве так же мало, как и этрусков; стало быть, большинство их ушло вместе с этими последними. При первой схватке обе стороны сражались со столь равными силами, что, участвуя в битве умбры и этруски, римляне, без сомнения, должны были бы уступить. Оба римских крыла вели бой различными способами. Фабий, по своему обыкновению, сберегал свое войско до последней минуты и большую часть дня держался в оборонительном положении, чтобы тем сильнее напасть на неприятеля, когда тот устанет. Деций, более горячий вследствие своей молодости и подвижности характера, с

самого начала сражения устремил на неприятеля все свои силы, и так как действие пехоты казались ему недостаточно быстрыми, он пустил в ход и кавалерию. Окруженный отрядом храбрейших юношей, он обратился к ним с просьбой врезаться вместе с ним в неприятельские ряды, сказав, что они стяжут себе двойную славу, если победа изойдет от левого крыла, и притом от кавалерии. Два раза опрокидывали они галльскую конницу. Когда же, после третьей атаки, они очутились уже в самой середине неприятеля и стали рубить направо и налево, галлы бросились на них со своими колесницами и до такой степени испугали их лошадей, что те, как ошеломленные, разбежались в разные стороны и часть их в беспорядке кинулась в ряды римских легионов. Еще большее смятение произвели боевые колесницы в римском войске. Галльская пехота воспользовалась этим обстоятельством и тут же пустилась в такую стремительную атаку, что римляне не имели времени оправиться и уже обратились было в бегство. Тогда Деций крикнул: «Куда вы бежите? Что надеетесь вы выиграть бегством?» - и убеждал их прийти в себя, остановиться. Видя, что все его старания удержать их остаются безуспешными, он воззвал в памяти своего отца П. Деция, того самого, который в битве при Везувии обрек себя на смерть за отечество, и сказал: «Отчего я медлю подчиниться унаследованному мной предопределению? Боги судили нашему роду служить искупительной жертвой в угрожающих государству опасностях. Поэтому я сейчас же принесу в жертву земле и духам мертвецов себя и неприятельские легионы». Вслед за этим он велел верховному жрецу Марку Ливию, которого с самого начала сражения ни на шаг не отпускал от себя, прочесть ему ту формулу обречения на смерть, которую некогда произнес его отец, и прибавил к ней еще следующие слова: «Ужас и проклятие, убийство и кровь, гнев небесных и подземных богов предшествуют мне, я несу с собой проклятие гибели знаменам и оружию неприятеля, и смерть достигнет галлов, самнитян и меня на одном и том же месте». С этими словами он кинулся со своим конем в ряды галлов и пал мертвый под их мечами.

С этой минуты битва как будто перестала быть делом человеческих рук. Римляне потеряли своего полководца, но вместо того чтобы прийти от этого в ужас, они перестали бежать и снова начали сражаться. Галлы, и преимущественно та кучка, которая окружила труп Деция, одни метали, словно ошеломленные, копьями, не попадая в цели; другие стояли как окаменелые, не думая ни драться, ни бежать. Напротив того, на римской стороне, первосвященник Ливий, которому Деций передал главное начальство над войском, объявил солдатам, что римляне победили, что смерть их консула спасла их, что на врага подземные боги наслали ослепление и смертельный ужас. В это время легаты, Л. Корнелий Сципион и К. Марций, подоспели со свежими силами, которые Фабий послал им на подкрепление. Галлы отступили и составили замкнутую линию позади своих, выставленных в ряд, щитов. Так как вследствие этого рукопашная битва с ними сделалась невозможной, то римляне, по приказанию легатов, взялись за метательные копья и стали метать ими в эту импровизированную стену. Многие копья пробивали щиты и вместе с тем тела стоявших за ними галлов.

На правом крыле Фабий провел в колебании большую часть дня; но как только он заметил, что силы неприятеля ослабевают, то поспешил направить на него сбоку конницу, а сам повел в атаку свою пехоту. Самнитяне не выдержали напора и во всю прыть побежали в свой лагерь мимо войска галлов и оставили своих союзников одних в самую решительную минуту. Фабий заслал часть своего войска в тыл галлам, а с остальными погнался за самнитянами. У самого лагеря этих последних произошла кровопролитнейшая схватка, в которой погиб самнитский полководец Эгнаций. Лагерь был взят после кратковременного сопротивления, и в то же время галлы были окружены со всех сторон и изрублены.

Число павших при Сентинуме галлов и самнитян определяют в 25 тыс., а взятых в плен — в 8 тыс. Но и победителям эта битва стоила много крови. От войска Деция осталось 7 тыс. человек, от легионов Фабия — 1200. Фабий

собрал все оружие неприятеля в одну кучу и сжег его в честь «Юпитера Победителя», потому что этому богу дал он во время битвы обет построить храм и посвятить неприятельское оружие. Труп своего товарища ему не удалось найти в этот же самый день, так как он лежал под грудой галльских трупов. На следующий день солдаты принесли его с горькими слезами в свой лагерь. Фабий с большими почестями похоронил сослуживца, который был вместе с ним один раз цензором и три раза консулом, и произнес над его могилой похвальную речь.

Этруски, ушедшие до начала битвы, потерпели в это же время поражение в Этрурии от пропретора Кн. Фульвия, а побежденные самнитяне, бежавшие после этого сражения в отечество, были окружены пелигнами и истреблены в числе 5 тысяч человек. Фабий оставил войско Деция в Этрурии, а сам со своими легионами вернулся в Рим, где блистательным триумфом отпраздновал победу над галлами, этрусками, умбрами и самнитянами. Шедшие вслед за ним солдаты славили в своих песнях его победу, но точно так же воспевали геройскую смерть Деция, который, подобно своему отцу, добровольно обрек себя на гибель за отечество.

Битва при Сентинуме вела к очень значительным последствиям. Союз вышеупомянутых народов распался; Умбрия осталась во власти римлян, галлы рассеялись, этруски сложили оружие и обещали сохранять перемирие в продолжение 40 лет. В последующие годы, до 280-го, происходили еще время от времени кровопролитные битвы с отдельными этрусскими общинами и галльскими отрядами, которых они призывали себе на помощь; но потом вся Этрурия покорилась на очень мягких условиях и с тех пор не возобновляла враждебных действий.

Только самнитяне не сложили оружия после несчастного 295 г. С удивительным мужеством сражались они до последнего изнеможения за сохранение своей свободы и после каждого поражения выступали со свежими войсками в твердой решимости победить или умереть. В 292 г. они нанесли значительный урон консулу Кв. Фабию Максиму Гургесу, сыну Фабия Руллиана. Этим обстоятельством воспользо-

вались для удовлетворения своей личной ненависти враги семейства Фабиева и, вероятно, главным образом, Аппий Клавдий Цекус, старый противник великого Фабия. Они провели в народном собрании предложение — отставить Фабия Гургеса от должности и призвать его на суд в Рим. Но старик Фабий успокоил народ и заявлением своей готовности сопровождать сына в качестве легата побудил собрание оставить начальство над войском в его руках. Подкрепленный отцом, Фабий Гургес одержал вслед за этим блистательную победу и взял в плен самнитского военачальника К. Понтия, победителя римлян в Кавдинском ущелье. Рассказывают, что когда старый Фабий увидел, что Понтий наскочил на Гургеса и что жизни этого последнего грозила опасность, он, забыв свою старость, бросился между сражающимися и спас сына. В триумфе, отпразднованном по случаю этой победы, отец ехал позади колесницы сына. Пленный Понтий также участвовал в этом торжественном шествии и вслед за тем был обезглавлен в темнице, вопреки всякому международному праву.

Говорят, что и в походе следующего года Фабий сопровождал, в качестве подчиненного, своего сына, назначенного проконсулом и получившего главное начальство над войском. Историки вообще выставляют особенно на вид то обстоятельство, что старый, знаменитый полководец всюду держал себя как подчиненный сына и предоставлял ему всю славу побед. Во время одних переговоров с самнитянами Гургес предложил сопровождавшему его отцу поместиться между ним и предшествовавшим ему ликтором, чтобы не подвергаться напору теснившего со всех сторон неприятеля; но Фабий отказался из уважения к обычаю, по которому никто не имел права идти впереди консула.

В 290 г. самнитяне увидели наконец невозможность бороться; они заключили с римлянами мир, условия которого нам неизвестны. Чтобы отрезать сообщение самнитян с луканцами и могущественным Тарентом, римляне отправили в то время в Венецию необыкновенно сильную колонию в количестве 2 тысяч человек.

Не менее важные услуги оказал Фабий Руллиан сво-

ему отечеству и во время мира, преимущественно тем, что оказывал сопротивление опасным действиям Аппия Клавдия. Этот Аппий Клавдий, прозванный Декусом (слепым) от несчастья, постигшего его в старости, был удивительной натурой. Он обладал большими дарованиями и редким ораторским талантом, был также поэт и писатель, но сохранил в себе в высокой степени коренные пороки своего семейства — гордость и властолюбие. Он старался составить себе в сенате и народе партию, через посредство которой ему можно было бы господствовать над тем и другим, не имея официального характера правителя. С этой целью он, сделавшись в 312 г. цензором, вытеснил из сената многих почтенных людей, бывших его личными врагами, и сделал сенаторами сыновей вольноотпущенных. Но сенат, консулы и трибуны отказались утвердить этот Аппиев список сенаторов на том основании, что принятие его повлекло бы за собой полное уничтожение значения и существования правительства. Но зато Аппий провел другую опасную меру: он включил всю массу вольноотпущенных (*libertini*) в состав плебеев и распределил их по трибам, так что с этих пор этот низший класс людей стал первенствовать в народном собрании и давать баллотировкам такой исход, какой ему был желателен. Таким образом, судьба выборов и плебисцитных решений очутилась в руках тех, которые умели привлекать на свою сторону это сословие, и вследствие того государство подвергалось постоянным неурядицам и потрясениям. Эту опасность устранил Фабий, когда в 304 г. его избрали цензором вместе с П. Децием: он распределил всех новых граждан по четырем городским трибам, чем сократил их влияние в комициях. За этот спасительный подвиг Фабию дали прозвание Максимус.

Аппий был достойным членом своего семейства и в том отношении, что питал глубокую вражду к плебеям. Он сопротивлялся — но без успеха — Огульниеву закону, предоставлявшему часть духовных должностей плебеям, и несколько раз старался устроить дело так, чтобы, вопреки закону Лициния, оба консула были выбраны из сословия

патрициев. Сделавшись в 296 г. консулом, он надеялся, что его товарищем назначат Кв. Фабия и что таким образом закон Лициния будет обойден. Патриции тоже умоляли Фабию извлечь консульское достоинство «из плебейской грязи»; но Фабий решительно отказался и тем спас неприкосновенность закона. Товарищем Аппия был выбран плебей.

Фабий Максим пользовался любовью народа до самой смерти, случившейся вскоре после триумфа его сына. Когда он умер, весь народ без исключения пожертвовал деньги на его похороны; но так как он оставил большое состояние, то его сын Гургес устроил на эти деньги общий пир для того же народа.

15. МАНИЙ КУРИЙ ДЕНТАТ

Третью самнитскую войну закончил М. Курий Дентат, homo novus, т. е. человек без знатных предков, достигший первых почестей в государстве только благодаря собственным заслугам. Он переселился в Рим из одного муниципального города, может быть сабинского, и записался в сословие плебеев; личными достоинствами он снискал себе общее доверие и авторитет. В первый раз о нем упоминается в истории как о народном трибуне; но год, в котором он занимал эту должность, с точностью неизвестен. В ту пору он отличился энергичным противодействием Аппию Клавдию Цекусу, который, будучи назначен междуцарем на время выборов в консулы, не хотел, вопреки закону Лициния, принимать ни одного голоса в пользу консула из плебеев. Курий Дентат сломил его последнюю надменность и провел сенатское постановление, по которому выборы на основании закона были заранее утверждены.

Консулом Курий сделался в первый раз в 290 г. Вместе со своим товарищем П. Корнелием Руфином он сражался против самнитян, которые в это время, вследствие победы над ними Фабия Гургеса, ослабели до такой степени, что продолжительное сопротивление оказывалось для них невозможным. М. Курий заключил с ними мир и

отпраздновал триумф. После этого он предпринял в том же году поход в землю сабинян. Эти последние уже полтора столетия были союзниками римлян и, несвязанные обязательством подавать им помощь во время войны, жили в ненарушимом мире и благосостоянии. Но при проходе через их страну самнитян, направлявшихся в Этрурию, они, по-видимому, оказали им добровольное содействие, и так как ожидали за это наказания со стороны римлян, то уже заранее взялись за оружие. С громадным войском — потому что долгий мир в сильной степени увеличил численность их населения — проникли они в римские владения. Курий избегнул встречи с ними и отправил свою армию отдельными отрядами в землю сабинян, где теперь не осталось никого для сопротивления их опустошениям. Как только весть об этом достигла сабинского лагеря, армия рассеялась и двинулась в обратный путь: каждый спешил на защиту своего крова. Отдельные части, на которые разбилось войско, были уничтожены без труда. Курий прошел по всей стране и, как рассказывают, покорил ее всю до Верхнего (Адриатического) моря, вследствие чего есть основание думать, что вестинцы и пипенты тоже принимали участие в восстании сабинян. Вероятно, в то время была основана в этой местности крепость Адрия. Сабиняне были обращены в римских подданных, т. е. получили римское право гражданства без права избирательного. Второй триумф в том же году послужил Курию наградой за быстрое и искусное окончание дела.

Сабинская страна была плодородная, превосходно обработанная земля, богатая оливковыми деревьями, виноградом и всякими другими плодами. Завоеванием ее Курий доставил римскому народу обширные, прекрасные пространства, и число взятых в плен было так велико, что он имел право сказать, что, будь оно меньше, оказалось бы невозможным заселить завоеванную страну, — так значительны были размеры этого завоевания; с другой стороны, по его же словам, будь эти размеры меньше, всем пленным пришлось бы помереть с голоду, так много их было. Только теперь римляне, как они сами говорили, узнали,

что значит истинное богатство. Такое приобретение пришлось в ту пору очень кстати римскому народу, потому что большая часть его была до крайности истощена и разорена более чем тридцатилетней войной с самнитянами и их союзниками. Поэтому Курий предложил сенату разделить сабинские земли между гражданами. Количество этой земли было так велико, что каждый гражданин мог получить гораздо больше обыкновенной доли — семи югеров. Но Курий считал вредным переступать этот установленный предел, и когда народ возроптал, он объявил, что тот дурной и опасный гражданин, кто не довольствуется количеством земли, достаточным для его прокормления. Самому Курию сенат хотел выделить из завоеванной земли 500 югеров; но этот скромный и бескорыстный человек не принял такого дара и удовольствовался такими же семью югерами, какие получил и всякий другой римский гражданин. Здесь поселился он, сам обрабатывал свои поля и жил в простой крестьянской избе, где принял и самнитских посланников, приехавших к нему для получения мира на необременительных условиях. Они застали его сидящим на деревянной скамье перед очагом и завтракающим с деревянной тарелки репой, которую он сам испек для себя. Когда послы предложили ему в подарок большую сумму денег, он с улыбкой сказал: «Кто довольствуется такими завтраками, тому ваши деньги не нужны; я считаю более почетным для себя побеждать тех, которые обладают золотом, чем самому иметь его». В то время роскошь и все утонченности комфорта нашли себе доступ в знатные римские семейства, и потому Курий Дентат и его друг Фабриций — люди, выросшие не в Риме, но переселившиеся в него из деревни, — возбуждали общее удивление и уважение, как образцы древней простоты и воздержанности. В доказательство скромности и бедности Курия приводят еще тот факт, что он, будучи главнокомандующим, брал с собой в поход только двух слуг и что приданое его дочери государство сделало на свой счет.

Курий являлся одним из триумвиров, на которых было возложено распределение сабинских земель. Вероятно, в этой должности он создал для сабинского города

Реате нечто, по мнению Нибура, не имеющее ничего подобного себе во всем мире: вода озера Велина была отрезана горами от впадения в реку Неру; Курий пробил в скалах, на пространстве целой мили, канал, который доходит до края долины Неры и через посредство которого вода озера падает в реку с высоты 140 футов. Это — водопад *delle Marmore*, или Тернийский. «Природа, — говорит Нибур, — создала много водопадов гораздо обширнее и сильнее, но красивейший есть дело рук римлянина. Через канал он перебросил мост в одну арку этрусской работы, составленный из огромных плит, без цемента; из них до сих пор ни одна ни на шаг не сдвинулась с места, несмотря на то, что тяжелая масса земли лежит на них, может быть, больше чем тысячу лет. До канала вода получала направление посредством канав и таким образом достигала Розеи, плодотворнейшего поля Италии».

В 284 г. часть этрусков, поддержанная сенонскими галлами, снова восстала против Рима и осадила Аррециум, оставшийся верным римлянам. Претор Л. Цецилий Метелл двинулся на помощь этому городу, но потерпел страшное поражение и сам пал в битве с 13 тысячами своих солдат. На его место претором избрали Курия Дентата. Он отправил к сенонам, бывшим в союзе с римлянами, посольство с поручением принести жалобу на участие сенонских галлов в войне против Рима и потребовать безвозмездного возвращения пленных. Но посланники были умерщвлены и изрублены в куски по приказанию военачальника Бритомариса, отец которого погиб в Этрурии. Мщение за этот поступок не заставило себя дожидаться. В следующем же году консул П. Корнелий Долабелла вторгся с сильным войском в сенонскую землю и истребил все тамошнее население. Для обеспечения за Римом этой местности в ней была основана колония *Sena Gallica*. Испуганные и озлобленные участием своих единоплеменников, бойцы тотчас же пошли в Этрурию и, соединившись там с этрусским войском, двинулись против Рима; но у Вадимонского озера они потерпели полное поражение. С тех пор римляне пользовались на севере от-

носителем спокойствием и могли обратить все свои силы против юга, где разгорелась война с луканами, таррентинцами и их союзниками, — война, в которой опасным врагом Рима выступил Пирр, царь Эпирский.

О войне с Пирром мы будем подробнее говорить в следующем разделе. На долю Курия Дентата выпало счастье закончить и эту войну. В 275 г., когда его вторично избрали консулом, он разбил Пирра в битве при Беневенте (третьей битве римлян с эфирским царем) так решительно, что войну можно было считать законченной, а Пирр удалился из Италии. Курий завладел царским лагерем и взял громадную добычу, обогатившую государство и войско. Но сам он не воспользовался ни малейшей частью ее; тем не менее нашлись люди, обвинявшие его в утайке, и тогда он торжественно поклялся, что не взял на свою долю ничего, кроме деревянного сосуда для питья, служившего ему при жертвоприношениях. Победу свою над Пирром и его союзниками — самнитянами он отпраздновал таким блистательным триумфом, какого до тех пор не было. Взятые в плен слоны Пирра, тоже участвовавшие в триумфальном шествии, теперь впервые появились на улицах Рима.

Во время набора войска для войны с Пирром Курий дал спасительный пример строгости. Война с чужеземным царем, который уже два раза нанес римлянам тяжкое поражение, так напугала римлян, что в войско не являлся ни один волонтер, да и те, кто были назначены к призыву, уклонялись всевозможными способами. Вследствие этого Курий распорядился определить жребием очередной порядок трибы, и когда первый солдат, которого он вызвал из трибы, оказавшейся по жребию первой, не явился, он конфисковал имущество этого ослушника. Воин апеллировал к трибунам, но напрасно. Курий объявил, что гражданин, не умеющий повиноваться, решительно бесполезен для государства, и продал как его имущество, так и его самого. Это средство подействовало; воины стали под знамена консула и последовали за ним к победе.

На следующий, 274 г. Курий снова был избран консулом и счастливо воевал с луканами, самнитянами и

бретийцами, которые находились в союзе с Пирром и, по удалении его, не поспешили сложить оружие. По окончании войны он удалился в свою сабинскую деревеньку и принялся за обработку земли, но скоро (272) снова был призван в Рим на новую должность — цензора. Во время его цензорства было решено провести в город воду из Анио и расход на это грандиозное сооружение покрыть добычей, отнятой у Пирра. Курий, по истечении срока своей новой должности, получил почетное назначение руководить строительными работами; но он умер через пять дней после того. Римский народ сохранил благодарное воспоминание о нем и долго еще ставил его в пример как образец самых высоких добродетелей.

16. ПИРР, ЦАРЬ ЭПИРСКИЙ

Чтобы не раздроблять на части историю войны с Пирром, мы помещаем в ряду римских героев героя греческого — именно эпирского царя, человека, который имеет право явиться в этом обществе, так как он был достойным противником римлян на поле сражения. Говорят, что Ганнибал признавал его вторым полководцем после Александра Македонского, между тем как самому себе он отводил в этом отношении только третье место. Несомненно, что Пирр был значительнейшим полководцем из школы Александра Великого и что, когда он, снабженный всеми изобретениями и ухищрениями эллинского искусства, вступил на итальянскую землю, господство Рима над Италией, уже почти вполне совершенное, снова поколебалось.

Пирр был призван в Италию тарентинцами. Тарент, богатый торговый порт, могущественнейший греческий город в Италии, уже давно враждовал с римлянами. Он хорошо понимал, какая опасность угрожала ему от постоянно распространявшегося все дальше и дальше владычества Рима; но, находясь под господством необузданной демократии и бессовестных, легкомысленных демоогогов, этот испорченный город оказался неспособным к энергической и последовательной политике и пропустил удобное время для удачной борьбы с Римом. Только после окон-

чительного истощения самнитян, победы над луканами, основания Венузии и завоевания туриев Тарент схватился за оружие, чтобы отогнать римлян, уже подступивших к его воротам. И теперь они начали войну так же легкомысленно и неблагоприятно, как прежде пренебрегли возможностью поведсти ее в свою пользу. В начале 281 г. десять римских кораблей, по пути в Адриатическое море, зашли в Тарентинский залив и, не подозревая никакой опасности, бросили якорь в обширной Тарентской гавани. Правда, что за 20 лет до того римляне по договору с Тарентом обязались не переплывать за Лацинский мыс; но с тех пор обстоятельства так изменились, что прежнее договорное постановление, по-видимому, устарело и было забыто. В ту минуту как римские военные корабли бросали якорь, тарентинский народ находился в театре; демагоги возбудили вопрос о нарушении договора и привели толпу в такое озлобление, что она тотчас же бросилась в свои лодки и в бешенстве напала на римские корабли. После жестокой битвы, в которой пал римский предводитель, пять римских кораблей были взяты, а их экипаж отчасти казнен, отчасти продан в рабство. Вслед за этим тарентинцы подступили к римскому городу Турии и завоевали его. Римляне отнеслись к этому безрассудному поступку довольно снисходительно; они избегали пока открытой вражды с тарентинцами, так как желали утвердить свое господство с другой стороны. И вот Рим отправил в Тарент посоль-

Пирр. Статуя из Капитолийского музея

с другой стороны. И вот Рим отправил в Тарент посоль-

Пирр. Фрагмент скульптуры. Неаполь

ство под предводительством Л. Постумия и потребовал освобождения пленных, возвращения Туриев и выдачи виновников враждебных действий. Вместо удовлетворения римские послы встретили только насмешки и оскорбления. Грубая чернь стала издеваться над их костюмом, пурпурными тогами, подняла на смех в народном собрании Постумия за то, что он не очень бегло и неправильно говорил по-гречески, а один шут, для увеселения праздной

толпы, простер свою дерзость до того, что выпачкал платье Постумия самым бесстыдным образом. Тогда Постумий сказал: «Это пятно вы смоете вашей кровью, ваш смех скоро превратится в плач» — и выехал из города. Вскоре после того римское войско двинулось к Таренту.

Насколько храбры и смелы были тарентинцы на словах, настолько же малодушными и трусливыми оказывались они в бою. Первая схватка их городского гарнизона с римскими солдатами ясно показала им, что без чужой помощи они никак не справятся с неприятелем. Поэтому было сделано предложение обратиться за содействием к эпирскому царю Пирру, с которым Тарент и до этого времени находился в отношениях. Некоторые из старейших и более благоразумных граждан восстали против этого предложения и советовали принять благоприятные условия, которые все еще предлагались римлянами; они предвидели, что эпирский царь принесет Таренту не свободу, а рабство. Но партия войны осилила их криками и ругательствами и выгнала их из народного собрания. Тогда благонамеренный гражданин, по имени Метон, сделал еще одну, последнюю попытку. Притворившись пьяным, он пришел в народное собрание с венком из увядших цветов на голове, с факелом в руке, и предшествуемый девушкой, игравшей на флейте. Его встретили смехом и аплодисментами и потре-

бовали, чтобы он вышел на середину и пропел что-нибудь с аккомпанементом флейты. Когда все смолкло, Метон произнес: «Вы хорошо делаете, о мужи тарентские, что не мешаєте никому веселиться и развлекаться как угодно. Но торопитесь наслаждаться вашей свободой, потому что как только Пирр войдет в город, для вас начнется совсем иной образ жизни». Эти слова произвели впечатление, но коноводы другой партии прогнали Метона из собрания и настояли на отправлении посольства к Пирру.

Царь Пирр уже несколько раз в продолжение своей тревожной жизни выказал себя отличным воином. Он был сыном эпирского царя Аякида, который вел свой род от Ахиллеса и находился в родстве с Александром Великим. Родился Пирр лет через семь после смерти этого великого завоевателя. Ему не минуло еще двух лет, когда его отец, вследствие народного восстания, был свергнут с престола, а сам он увезен верными слугами в Иллирию к царю Глауку. Слуги застали этого последнего во дворце сидящим рядом со своей женой и, положив ребенка на пол, просили Глаука принять его под свою защиту и покровительство. Глаук затруднялся исполнить эту просьбу, потому что боялся гнева царя македонского, Кассандра, преследовавшего семейство Аякида. В то время как он сидел в задумчивой нерешительности, ребенок подполз к нему, схватился за его платье и, поднявшись на ноги, оперся о его колени. Тут царь сжалился и передал мальчика своей жене, поручив ей воспитать его вместе с их собственными детьми. Кассандр предлагал ему двести талантов за выдачу ребенка, другие враги тоже с угрозами требовали этого; но Глаук не уступил, и когда Пирру минуло двенадцать лет (в 307 г.), отвез его на родину.

Во время одной поездки Пирра в Иллирию молоссы, одно из четырнадцати эпирских племен, взбунтовались и возвели на престол одного из родственников Пирра, Неоптолема. Пирр, которому тогда было семнадцать лет, бежал к Димитрию Полиоркету, женатому на его сестре Дидамии. Этот смелый и храбрый воин, сын Антигона, одного из лучших полководцев Александра Великого, сражался вместе со своим отцом против остальных преемников Алек-

сандра (Диодохов) за распавшуюся монархию этого последнего и находился в то время на высшей ступени своей славы и счастья. Молодой Пирр обнаружил в сообществе Димитрия и Антигона такой военачальнический талант, что когда Антигона спросили, кто, по его мнению, величайший полководец, он отвечал: «Пирр, когда он придет в зрелый возраст». В битве при Ипсе во Фригии (301), в которой Антигон лишился жизни, а Димитрий престола, Пирр показал чудеса храбрости; в следующие за тем годы он тоже не покидал несчастного Димитрия, потерявшего большую часть своих владений. Когда Димитрий заключил мир с Птолемеем, царем Египта, Пирр, в интересах своего друга, отправился заложником в Египет.

При дворе Птолемея он приобрел себе доверие и приязнь царя своим открытым и энергичным характером, а его мужественная красота и рыцарственность снискали ему расположение царицы Вереники и ее дочери Антигоны, падчерицы Птолемея. Он женился на Антигоне и, получив от тестя деньги и войско, возвратился на родину (296 г.). Народ встретил его с большой радостью, так как Неоптолем, из-за своей жестокости, пользовался общей ненавистью. Он условился с Пирром управлять государством вместе, но скоро обнаружил замыслы отделаться от своего соправителя, вследствие чего этот последний умертвил его во время одного торжественного жертвоприношения.

С этих пор Пирр оставался неприкосновенным и неограниченным владыкой своего наследственного государства. Грубые, воинственные эфирцы были в восторге от своего храброго, рыцарственного царя и прозвали его «орлом». Но такой пылкий и предприимчивый человек, как Пирр, не мог удовлетвориться горами маленького Эпира; он не переставал мечтать о битвах и победах, о славе и обширном владычестве. Некоторое, очень короткое, время он был государем Македонии. Македоняне добровольно предложили ему вакантный престол, но он также добровольно, семь месяцев спустя, отказался от господства, которое не мог удерживать за собой собственными силами. И вот через несколько лет после того явились к нему тарентские послы с просьбой

об избавлении их родины от бедственного положения, о защите эллинской культуры в Италии от посягательства на нее варваров-римлян. Они предложили ему верховное начальство над войсками тарентинцев и их союзников - луканцев, самнитян, бретийцев, итальянских греков, что составляло в сложности 350 тыс. человек пехоты и 20 тыс. конницы. Город Тарент обещал уплатить все военные издержки и поместить в своих стенах гарнизон эфирского царя. Это предложение открыло Пирру новую блестящую перспективу; он надеялся, опираясь на силу итальянских и сицилийских греков, завоевать себе обширное государство на западе, подобно тому, как его родственник Александр Великий сделал это на востоке. Поэтому предложение тарентинцев было принято им очень охотно.

При дворе Пирра жил фессалиец Кинеас, очень даровитый человек и искусный оратор, который был учеником Демосфена и которого современники сравнивали с этим последним. Пирр глубоко уважал его, так как Кинеас, независимо от своих дарований, оказал ему много важных услуг в качестве посланника, и обыкновенно говорил, что этот человек завоевал для него больше городов словами, чем он сам — оружием. Рассказывают, что после принятия Пирром тарентинского предложения Кинеас завел с царем следующий разговор: «Римляне, — сказал он, — народ очень воинственный, и под их властью находится много боевых людей; если боги пошлют нам победу над ними, каким образом воспользуемся мы ею?» Пирр отвечал: «Если мы одолеем римлян, то скоро вся Италия будет принадлежать нам». После некоторого молчания Кинеас продолжал: «Ну а когда Италия сделается нашей, что мы станем делать после этого?» Царь отвечал: «В самом близком соседстве с ней лежит Сицилия, плодородный и густо населенный остров, который завоевать очень не трудно, потому что со смерти тирана сиракусского, Агафокла, там не прекращаются народные волнения: города не имеют правителя и брошены на произвол необузданных демагогов». — «Это хорошо, — заметил Кинеас, — но завоевание Сицилии сделается ли пределом нашего гос-

подства?» Пирр возразил: «Да ниспошлют нам боги победу и счастливое выполнение наших планов! Все это будет для нас только прологом к более обширным предприятиям, потому что из Сицилии легко добраться до Африки и Карфагена и завладеть ими». - «Конечно, - сказал Кинеас, - а с такими средствами мы без труда снова завоюем себе Македонию, да и Грецию вдобавок. Но скажи мне, когда уже это все очутится в наших руках, что станем мы делать тогда?» - «Тогда, - отвечал Пирр смеясь, - тогда мы заживем в мире и спокойствии; круговая чаша будет ходить у нас каждый день, с утра до вечера будем мы собираться в дружеской компании, и веселью не будет конца». - «В таком случае, - заключил Кинеас эту беседу, - что же мешает нам теперь жить весело и спокойно, за круговой чашей, когда мы уже теперь без труда владеем всем тем, что ты хочешь еще приобрести ценой стольких опасностей и кровопролитий?»

Эти мудрые слова произвели незначительное впечатление на воинственного государя. Еще в этом же году (281 г.) осенью он отправил вперед своего полководца Милона с 3 тысячами человек и занял тарентскую крепость; сам же двинулся в начале следующего года на тарентских кораблях со всей своей армией: 20 тысячами тяжеловооруженных людей, 2 тысячами стрелков, 500 пращеносцев, 3 тысячами всадников и 20 слонами. Во время переезда поднялась сильная буря, рассеявшая весь флот и уничтожившая часть кораблей. Судну, на котором находился царь, удалось благополучно приблизиться к берегу; но в эту минуту ветер изменился и снова погнало его в противоположную сторону. Пирр и его телохранители прыгнули в воду и пустились вплавь, но вследствие ночной темноты и сильных волн могли достигнуть берега только с рассветом.

По прибытии в Тарент Пирр нашел многое совсем не в таком положении, как ожидал. Из обещанных 350 тыс. союзников, над которыми ему предстояло принять начальство, не оказалось ни одного человека, да и сами тарентинцы не думали о снаряжении собственного войска. Военная служба была им совсем не по вкусу, и они только хотели, чтобы Пирр доставил им победу за их деньги. По-

этому, как только рассеянные бурей и уцелевшие от крушения корабли снова собрались в тарентинской гавани, Пирр очень серьезно приступил к делу и пустил в ход все, чего требовало положение вещей. Он стал вербовать иноземных солдат на тарентинские деньги и из граждан Тарента взял в свою армию всех способных к военной службе. Само собой разумеется, что такое распоряжение очень не понравилось изнеженным тарентинцам; им было гораздо приятнее проводить время на пирушках, площадях, в купальнях, чем заниматься скучными и трудными военными упражнениями. Теперь многие из них находили уже, что они поступили бы благоразумнее, если бы помирились с Римом на выгодных условиях вместо того, чтобы отдать себя под деспотическую власть чужеземного государя. Увидев эту оппозицию и услышав, что затеваются даже переговоры с Римом, Пирр, для которого дело шло теперь о собственной безопасности, поступил с Тарентом как с завоеванным городом. Он закрыл места общественных игр и прогулок, запретил народные сходки, пиршества и т. п., поставил у ворот стражу, для того чтобы никто не мог уйти из города и тем избавиться от военной службы. Рекрутский набор продолжался с неумолимой строгостью. «Ты только доставляй мне высоких и здоровых ребят, — говорил он вербовщику, — а уж храбрыми я их сумею сделать».

Между тем римское войско под предводительством консула П. Валерия Левина проходило по Лукании, опустошая все огнем и мечом. Пирр, во главе своих тарентинских войск, встретился с ним между Гераклеей и Пандозией, у реки Сириса. Римляне с большим искусством и мужеством переправились через реку на глазах у неприятеля и открыли сражение сильной кавалерийской атакой. Пирр сражался впереди своих всадников с удивительной храбростью; но и в рукопашной схватке он не забывал общего плана и, лично появляясь то тут, то там, управлял битвой так обдуманно и хладнокровно, как будто смотрел на нее издали. В разгар сражения он подвергся большой опасности. Один храбрый френтанец, Оплак, избрал его своей мишенью и, внезапно устремившись на Пирра, поразил копьем его лошадь; но один из друзей

царя, заметивший это нападение, в ту же самую минуту проколол лошадь Оплака, а самого его изрубил после мужественного сопротивления. Пирр же был окружен и уведен своими приближенными. Это происшествие заставило царя стать осторожнее. Он поменялся плащом и вооружением со своим телохранителем Мегаклом, и так как в это время его конница стала отступать, то повел в дело пехоту. Семь раз греческая фаланга и римские легионы сшибались друг с другом, и все без окончательного результата. Но вдруг пал Мегакл, на котором было платье и вооружение Пирра. Весть, что царь убит, возбудила восторженное одушевление в римлянах и сильную панику в греках. Левин, уже совершенно уверенный в победе, напустил на неприятеля всю свою конницу. Но Пирр поскакал по всем рядам с обнаженной головой, протягивал солдатам руки и громко кричал, чтоб слышали и узнавали его голос; против римской конницы он двинул своих слонов. Этот маневр решил битву. Лошади римлян испугались чудовищных животных и кинулись в бегство. Пирр воспользовался смятением и приказал своим фессалийским всадникам врзаться в неприятельскую кавалерию. Вскоре после того были прорваны и ряды пехоты, и вся римская армия бросилась бежать. Если б К. Минуций, служивший первым гастатом в четвертом легионе, не ранил одного из слонов, что привело в расстройство неприятеля, гнавшегося за бегущими, то от римского войска не осталось бы почти ни одного человека. Семь тысяч римлян лежали мертвыми или ранеными на поле битвы, две тысячи попали в плен. Но и Пирр понес большие потери; четыре тысячи его храбрейших солдат и многие из лучших генералов были убиты. Римская храбрость вызвала в нем чувство глубокого удивления. Объезжая поле битвы и глядя на трупы, лежавшие целыми шеренгами и на лицах которых еще после смерти сохранилось выражение гневного мужества, он воскликнул: «С такими солдатами я завоевал бы целый мир!»

Последствия битвы при Гераклее были в высшей степени важны для Пирра. Лукания подчинилась его власти, бретийцы, самнитяне и италийские города греков примк-

нули к победителю. Пирр желал обеспечить за собой все приобретенное и отправил в Рим Кинеаса, поручив ему, под свежим впечатлением страшной битвы, предложить мир под условием, что римляне откажутся от господства над греческими городами и над самнитянами, даунами, луканами и бретийцами. Тонкий, искусный дипломат употребил все свое умение, чтобы склонить римлян к принятию предложения его государя, и большая часть сенаторов уже склонилась на его сторону, когда слепой старец Аппий Клавдий, с которым мы уже прежде имели случай познакомиться, снова направил на надлежащий путь колебавшиеся умы. Вследствие старости и слепоты он давно уже перестал заниматься государственными делами; но в эту решительную минуту велел перенести себя на носилках в сенат, где обсуждалось предложение Пирра. У дверей сенатского здания он был встречен своими сыновьями и зятьями, и когда они внесли его в залу, собрание приветствовало его почтительным молчанием. Гневно заговорил старик: «До сих пор, римляне, я скорбел о потере зрения; но теперь больно мне, что я не лишился также слуха и поэтому должен слышать ваши позорные речи и постановления, пятнающие римскую славу. Что же случилось с вашими былыми заявлениями, что если бы сам великий Александр пришел в Италию и померялся с нами, в то время юношами, и нашими отцами, находившимися тогда еще в полном цвете сил, то он перестал бы считаться непобедимым, а, напротив того, еще более возвеличил бы Рим своим бегством или смертью? То были, значит, одни хвастливые слова, если теперь вы же боитесь хаонийцев и молоссов, всегда бывших добычей македонян, дрожите перед каким-нибудь Пирром, который постоянно служил какому-либо из сподвижников Александра и теперь шляется по нашей стране не для того, чтобы помочь италийским грекам, но чтобы не попасть в руки своих врагов на родине. О мире с ним не может быть и речи, вступить с ним в переговоры Рим может только тогда, когда он очистит Италию». Эти слова престарелого Аппия снова пробудили в сенаторах древнюю римскую доблесть; они отвергли предложенный Пирром мир и объ-

явили, что не вступят с ним в переговоры, пока он будет оставаться на итальянской почве. Римляне смотрели на Италию как на свою исключительную собственность.

Когда Кинеас возвратился к своему государю и этот последний начал спрашивать его о виденном и замеченном в Риме, он между прочим сказал, что сенат показался ему собранием царей. «Что же касается народной массы, - заметил он, - то я боюсь, что нам придется сражаться с лернейской гидрой, потому что консул собрал уже войско вдвое многочисленнее прежнего, и при этом еще остается в запасе столько же, если не гораздо больше, способных носить оружие римлян».

В момент получения ответа римского сената Пирр был уже в Кампании. Ответ заставил его изменить направление: он двинулся против Рима, намереваясь в то же время соединиться с этрусками. Нигде не встречал он сопротивления, но и нигде в Лациуме не нашел он открытых ворот; по пятам его шел консул Левин со своей снова вполне укомплектованной армией, в Риме стояло наготове резервное войско, а из Этрурии двигался с третьей армией консул Т. Корунканий, заключивший мир с этрусками. При таком положении дел Пирр счел нужным отступить, хотя в это время он находился уже у Анагнии, в 16 часах от Рима. Он удалился на зимние квартиры в Тарент.

Следующей весной (279 г.) Пирр вторгся в Апулию, где навстречу ему выступило римское войско под предводительством обоих консулов. При Аскулуме завязалась битва. С каждой стороны сражалось около 70 тысяч человек; под начальством Пирра, кроме его туземных войск, находились тарентские ополченцы (так называемые белые щиты), луканцы, бретийцы и самнитяне; под римскими знаменами - кроме 20 тысяч римских граждан, латины, кампанцы, вольски; сабиняне, умбры, марруцины, пелигны, френтаны и арпаны. Пирр разбил свою фалангу на обоих крыльях на небольшие отряды и, приняв за образец римское построение когорт, в преимуществах которого он убедился на деле, расставил эти отряды промежуточно, так что солдаты самнитские и тарентинские, на которых он не особенно мог полагаться, стояли между отрядами

его эпиротов; только в центре фаланга составляла одну, плотно сомкнутую, линию. Римляне также выступили в этой битве с нововведением: это были особого рода боевые колесницы, для обороны от слонов снабженные на длинных шестах жаровнями и бревнами с острыми железными наконечниками, которые можно было опускать в случае надобности. В первый день боя Пирру не повезло, вследствие неблагоприятных условий почвы; но на второй он принял все меры к тому, чтобы фаланга могла развертываться совершенно свободно. Битва оставалась без решительного исхода до тех пор, пока колесницы римлян не были опрокинуты слонами, которые вслед за тем врезались в когорты. Римские войска бежали в лагерь, и поле битвы осталось за Пирром. С римской стороны пало 6 тыс. человек, с другой - 3,5 тыс. Римляне впоследствии ложно утверждали, что сражение осталось нерешенным; некоторые историки доказывали даже, что победу одержали римляне и что она была вызвана самообращением на смерть Деция, сына павшего при Сентиниуме и внука погибшего при Везувии Деция. Во всяком случае, Пирр понес в этой битве такие потери, что, как рассказывают, сказал: «Еще одна такая победа — и мы погибли».

В вышеупомянутых двух сражениях Пирр лишился цвета своих войск, последовавших за ним с родины; этот пробел было не так-то легко восполнить, а в то же время и итальянские союзники эпирского царя значительно охладели в своем воинственном рвении, тогда как в римской армии люди вырастали точно из земли. Пирр понял, что с таким стойким народом его боевых средств хватит ненадолго, и с жадностью воспользовался случаем добыть себе новые ресурсы в Сицилии. Там, после смерти сиракузского тирана Агафокла, карфагеняне приобрели первенство над греческими городами в такой степени, что всему острову предстояло скоро перейти в их руки. Вследствие этого жители Сиракуз, Агригента и Леонтин — значительнейших городов Сицилии — отправили послов к Пирру, бывшему зятем Агафокла, и просили его приехать в Сицилию и принять ее под свое владычество. Как только римляне и карфагеняне услышали о союзе Пирра с сицилийскими

греками, они заключили, в свою очередь, между собой союз, целью которого было не допускать царя в Сицилию и погубить его в Италии. Но Пирр невредимо прибыл в Сицилию в 278 г., оставив гарнизон в Таренте под начальством Милона и в Локрах под начальством своего сына Александра, и выгнал карфагенян из Сиракуз и вскоре сделался обладателем всего острова, за исключением Лилибеума, где удержались карфагеняне, и Мессаны, которой овладели грабители-мамертинцы, бывшие прежде наемными солдатами Агафокла. Для обеспечения за собой новых приобретений Пирр соорудил флот. Но так же быстро, как он завоевал Сицилию, он и потерял ее, и притом по собственной вине. Он стал обращаться с греками, подчинившимися его власти, как с покоренным, лишенным всяких прав народом, насильно набирал среди них матросов для своего флота и солдат для своей армии, занимал гарнизоны города, произвольно прибегал к самым суровым наказаниям, с нарушением туземных законов, и поступал таким образом даже с теми, кто были его деятельнейшими и мужественнейшими помощниками во всех предприятиях. Так править можно было египетскими или азиатскими подданными, но отнюдь не греками, ставившими свободу выше всего. Легкомысленный народ, раздраженный временным гнетом, нашел карфагенское иго более сносным, чем новое солдатское управление, и значительнейшие города снова стали заключать союзы с этим старым национальным врагом, даже с дикими шайками мамертинцев, чтобы отделаться от своего тяжелого освободителя. Царь увидел себя окруженным изменой и мятежом; но вместо того чтобы последовательно идти своим путем, вместо того чтобы сдерживать изменнические города силой и отнять у них всякую точку опоры изгнанием карфагенян из Лилибеума, он имел неблагоприятное внезапно отказаться от Сицилии и вернуться в Италию, где, впрочем, его присутствие было очень необходимо, так как его союзникам, луканцам и самнитянам, предстояла опасность совершенно погибнуть от меча римлян.

К концу 276 г. Пирр переправился со своим флотом в Италию, но на пути понес довольно значительные поте-

ри в битве с карфагенянами. С тех пор Сицилия была для него безвозвратно потеряна, потому что при вести об этом поражении сицилийские города отказали отсутствующему царю во всякой помощи деньгами и войсками. На италийском берегу Сицилии лежал укрепленный город Регий, находившийся в то время в руках одного мятежного римского легиона, который, в союзе с мамертинцами, занимавшими лежавшую на противоположном берегу Мессану, давно уже производил разбои и грабежи на море. Пирр сделал попытку овладеть этим городом; но кампанцы, поддерживаемые 10 тыс. мамертинцев, отбили это нападение и завлекли царя в засаду перед стенами города. Завязалась кровопролитная схватка; Пирр был ранен мечом в голову и принужден на некоторое время удалиться из боя. Ободренный этим обстоятельством, один мамертинец, отличавшийся громадным ростом и блестящим оружием, провозгласил, что он вызывает Пирра на поединок, если тот еще жив. С гневным окровавленным лицом ринулся царь на дерзкого варвара и нанес ему такой страшный удар в голову, что громадное тело, рассеченное сверху донизу, рухнуло на землю двумя половинами. Неприятель в смятении бежал, а Пирр продолжал путь к Таренту, куда прибыл с 20 тыс. человек пехоты и 3 тыс. конницы.

Войско Пирра было уже не то старое, надежное войско, которое он привел с собой из отечества пять лет тому назад; те солдаты лежали мертвыми на полях сражений. Ресурсы его в Италии были также незначительны. За время его отсутствия союзники, а особенно самнитяне, тяжело пострадали от римлян; силы их совсем истощились, доверие к Пирру исчезло. Весной 275 г. Пирр, подкрепленный всем, что было в Таренте способного к военной службе, вторгся в Самниум, где перезимовало римское войско. Во главе его находился консул М. Курий Дентат; заняв твердую позицию на высотах при Беневенте и укрепившись там, он старался избежать битвы до прибытия своего товарища, Лентула, шедшего на соединение с ним из Лукании. Но Пирр желал сразиться раньше. Он приготовился напасть на римское войско перед рассветом и, когда наступила ночь, отправил часть своего войска окольным путем для занятия

вершины горы над римским лагерем и нападения на неприятеля с фланга. Движение по неудобопроходимым лесам оказалось продолжительнее, чем рассчитывали; факелы погасли, когда было еще совсем темно, и солдаты сбились с дороги; когда они спустились с горы, солнце стояло уже высоко. Курий двинулся им навстречу и без труда снова загнал в горы утомленных ночным блужданием. После этого он повернул оружие против главной армии Пирра и сразился с ней в открытом поле на Арузинской равнине. Одно римское крыло победило, другое было отброшено фалангой и слонами до самых лагерных укреплений. Решили исход сражения опять слоны, но на этот раз не в пользу Пирра. Осыпанные целым градом пущенных из римских укреплений огненных и снабженных крючками стрел, животные в бешенстве ринулись на свои же войска и обратили их в стремительное бегство. Пирр потерпел полное поражение; его лагерь был взят, два слона убиты, четыре захвачены в плен, а сам он добрался обратно в Тарент в сопровождении нескольких всадников.

Так как уцелевших войск Пирра, в количестве 8 тыс. пехоты и 500 всадников, было недостаточно для продолжения войны в Италии, и так как Антигон, царь Македонии, и другие греческие государи оставались глухи к его просьбам о присылке денег и людей, то в начале 274 г. он возвратился в Эпир, оставив, однако, в тарентской крепости гарнизон под начальством Милона, так как надежда возвратиться не покинула его. Неспokoйный нрав его не позволил ему долго оставаться в бездействии. Он предпринял войну против македонского царя Антигона и завладел большей частью его государства. Но вместо того чтобы утвердить свое владычество в Македонии, он снова сделал скачок в сторону, повернув оружие против Пелопонеса, Спарты, Аргоса, куда последовал за ним Антигон, снова сделавшийся полным обладателем Македонии. Пирр занял уже часть города Аргоса, когда Антигон и спартанский царь Арей вытеснили его оттуда. В схватке, завязавшейся по этому случаю на улицах города, он получил незначительную рану; но в ту минуту как он устремился с мечом на аргосского юношу, нанесшего ему этот удар, мать молодого че-

ловека, смотревшая на бой с крыши одного дома в сообществе других женщин, так сильно пустила ему в голову черепицей, что он упал без чувств. Солдаты Антигона узнали его и потащили в близлежащую колоннаду. Когда он начал приходить в себя, один солдат, смущенный и испуганный его страшным взглядом, дрожащей рукой отрезал у него голову, совершив эту операцию медленно и с большим трудом. Алкионей, один из сыновей Антигона, принес голову своему отцу и кинул ее к его ногам. Возмущенный такой дикой жестокостью, Антигон палкой выгнал сына из комнаты и назвал его разбойником; сам же он закрыл лицо плащом и плакал, думая о превратностях человеческой судьбы, которые так удивительно проявились и в его собственном семействе, на его отце Димитрии Полиоркете и деде Антигоне. Он приказал с подобающими почестями сжечь голову и труп Пирра и отпустил в Эпир плененного сына его Гелена. Смерть Пирра произошла в 272 г. В Эпире наследовал ему сын его Александр II, с преемником которого, Пирром III, прекратилась эта династия (в 219 г.). После этого жители Эпира ввели у себя демократическое правление, существовавшее до тех пор, пока эта страна, вместе с Македонией, была присоединена к Римской империи.

Антигон, противник Пирра, сравнивал этого последнего с игроком, которому часто везло, но который никогда не умел воспользоваться своим счастьем. И он действительно был таков. Не приобретенное имело для него прелесть, а сам процесс приобретения, борьба, труды, риск. Поэтому вся жизнь его имела такой непостоянный, тревожный характер, была так похожа на жизнь искателя приключений. Пирра часто сравнивали также с его родственником, Александром Великим. Правда, что его план основать западногреческое государство, средоточие которого составили бы Эпир и эллинские города, был так же отважен и смел, как план Александра; но для достижения этой цели Пирру недоставало того верного расчета средств, той твердой последовательности в действиях, тех творческих способностей государственного мужа, которыми Александр обладал в такой высокой степени. Пирр был только воин, правда, первый воин своего времени; но

для основания государства необходимо нечто большее, чем храбрость и полководческий талант. Будь его противником даже менее воинственный народ, чем римляне, планам его тоже пришлось бы потерпеть неудачу. Если, однако, мы и должны признать его скорее искателем приключений, чем героем, то он все-таки остается для нас почтенной и симпатичной личностью, как открытая и честная натура, пренебрегавшая азиатской роскошью и церемониями, которыми остальные преемники Александра окружали свои новые престолы, и ни разу не запятнавшая себя безнравственностью и порочностью того испорченного века.

В том самом году, когда пал Пирр (272 г.), римлянам полностью покорились и его союзники в Италии - самниты, луканы и бреттийцы, а Милон сдал город Тарент осаждавшему его римскому войску. Карфагенский флот, стоявший в тарентской гавани с целью овладеть этим важным городом, отступил под тем предлогом, что он будто бы хотел только помочь своему союзнику, Риму, согласно договору. Таренту позволили сохранить свободное самоуправление, но он должен был выдать все свое оружие и корабли и снести городские стены. Два года спустя был завоеван и Региум, причем понесла кровавое наказание мятежная шайка, которая за десять лет до того завладела этим городом, умертвив его жителей, и основала на этом месте разбойничье государство. В 266 г., т. е. через сто лет после уравнивания прав обоих сословий, покорились Саллентины в Калабрии и Сарсинаты в Умбрии, и таким образом теперь вся Италия оказалась в руках римлян.

Римляне поспешили обеспечить за собой эти новые завоевания устройством военных дорог и колоний. Соединенные в одно государство народы и города находились в весьма неодинаковых отношениях к господствующей власти. Небольшая часть их пользовалась всеми правами римского гражданства; разнообразные виды подданства остальных распались на три главные категории: пассивное право гражданства, или гражданство без права голоса, и занятие почетных должностей, латинское и нелатинское союзничество.

17. ГАЙ ФАБРИЦИЙ ЛУСЦИН

Гай Фабриций - наиболее известная личность среди римлян в пору войны с Пирром. Римляне в своих рассказах противопоставляли его, как представителя всех римских добродетелей той эпохи, первому чужеземному царю, с которым они мерялись силами, даровитейшему представителю тогдашнего греческого мира, и, по их словам, его простая, неподкрашенная чистота души высоко ценилась тонкообразованным греком. Фабриций был по происхождению герник, вероятно, из города Алатриума, который в 306 г., при восстании герников, остался верен римлянам вместе с другими двумя городами и поэтому сохранил все гражданские права, между тем как остальным герникам было оставлено только пассивное право гражданства. Надо полагать, что вскоре после этого он переселился в Рим, где, благодаря своим дарованиям, честности характера и пламенным заботам о благе и величии государства, сделался одним из наиболее выдающихся граждан и достиг высших государственных должностей. Но это не помешало ему остаться бедным и сохранить простоту и строгость нравов своей родины.

Уже до появления Пирра в Италии Фабриций играл в Риме важную роль. Когда в 284 г. луканы, тарентинцы и другие города и народы в Южной Италии затеяли восстание, чтобы вместе с этрусками, умбрами и галлами уничтожить

ненавистный Рим, этот последний, встревоженный таким движением, отправил Фабриция в качестве посланника к союзным городам для предостережения их от нововведений, которые могли оказаться для них пагубными; но союзники удержали Фабриция в плену, без сомнения с той целью, чтобы этим способом добиться возвращения своих заложников, и продолжали свои происки. Вскоре война шла полным ходом. Каким образом Фабриций получил свободу, нам неизвестно; мы знаем только, что в 282 г. он уже сражался в звании консула с самнитянами, луканами и бреттийцами. Многочисленное войско союзных народов осадило город Турии, примкнувший к Риму для спасения себя от нападений соседей. Фабриций двинулся туда. Когда римские солдаты увидели перед собой неприятельскую армию, значительно превосходившую их численностью, им стало страшно, и они не посмели вступить в битву. Тут один юноша необыкновенного роста возвысил голос для возбуждения храбрости в войске, схватил лестницу, пробился сквозь ряды неприятелей к укреплениям неприятельского лагеря и взобрался на стену. Отсюда он стал энергично звать к себе римлян. С дикой яростью бросились они на оробевшего врага и положили на месте 20 тысяч человек; 5 тысяч, в том числе предводитель армии, Статилий, были взяты в плен. На следующий день, при раздаче наград, мужественный великан-юноша, которому римляне были обязаны победой, не явился для получения своего венка из рук консула; из этого обстоятельства заключили, что то был бог Марс, явившийся на помощь своему народу; такое предположение подтверждалось еще тем, что его шлем был украшен двумя султанами, как обыкновенно изображался этот бог в статуях. Вследствие этого Фабриций приказал совершить благодарственное празднество в честь Марса. Город Турий увидел себя освобожденным, и благодарные жители почтили консула статуей, которую они воздвигли в Риме. После этого главного подвига Фабриций одержал еще много других побед над самнитянами, бреттийцами и луканцами, завоевал и разрушил многие города, разорил большое количество деревень и собрал такую богатую добычу, что оказалось возможным не только одарить войско самым щедрым образом и заплатить за граж-

дан военную подать того года, но и внести в государственную кассу 400 талантов. Заслуги полководца были награждены блестящим триумфом.

В этом походе Фабриций прошел весь Бруциум до самого Региума и для защиты этого последнего оставил там кампанский легион под начальством Деция Юбеллия. Этот легион, как мы уже говорили, скоро отпал от Рима, умертвил жителей Региума и в продолжение целых десяти лет занимался грабежами и разбоями. Город Турии в следующем году перешел в руки тарентинцев.

В битве при Гераклее Фабриций сражался в качестве легата. Нанесенное римлянам поражение не привело их в уныние, и как смотрел на него Фабриций, видно из его слов, что Пирр победил не римлян, а только полководца Левина. Зимой, последовавшей за походами 280 г., после того, как римляне отвергли предложение Кинеаса о мире, они отправили к Пирру посольство, добиваясь выдачи пленных. Для достойного представительства римского имени пред греческим царем были избраны три почетнейших гражданина: Фабриций, спаситель Турий, П. Корнелий Долабелла, победитель сенонов, и Кв. Эмилий Пап, покоритель бойев. Пирр принял посланников с самыми высокими почестями; чтобы защитить их от неприятностей и оскорблений, он выслал к ним на границу Тарентинской области стражу телохранителей, а у ворот своей столицы встретил их сам со своими полководцами. Надежда на мир еще не была потеряна эфирским царем, и потому он старался радужным приемом расположить посланников в свою пользу и вызвать в них готовность содействовать заключению мирного договора. Во внимание к их заслугам и чтобы доказать свое высокое уважение ко всему римскому народу, он освободил всех пленных, не взяв за то никакого выкупа; по другим известиям, он дозволил этим пленным отправиться в Рим на праздник Сатурналий и затем остаться там в том случае, если сенат согласится заключить с ним мир; в противном случае они должны были вернуться обратно. Он мог предполагать, что отпущенные на таком условии пленники и их родственники употребят все старания в пользу мира; но усилия их остались бесплодны. В назначенный день

все они были отправлены обратно в плен; сенат пригрозил смертной казнью всякому, кто подумал бы остаться в Риме.

Рассказ об этом посольстве изукрашен многими, не совсем правдоподобными, подробностями, которые все вертятся на изумительном величии души Фабриция. Судя по ним, Пирр, очень много слышавший о честности и полководческих талантах этого человека, оказывал ему совершенно исключительный почет и старался всевозможными отличиями приобрести в свою пользу его сильное влияние. Он предложил Фабрицию в подарок большую сумму золота, отнюдь не в вознаграждение, как он выразился, какой-нибудь темной услуги, но только как доказательство его приязни и уважения. Так как эта попытка подкупа не удалась, то Пирр задумал (и уж это, конечно, выдумка) победить упорство стойкого римлянина страхом, с помощью слона: во время одной из конференций с Фабрицием он спрятал за занавесом самого большого из своих слонов; по данному царем знаку занавес отдернули, и чудовищное животное со страшным ревом протянуло свой хобот над головой римского полководца. Но тот остался совершенно спокойным и с улыбкой сказал Пирру: «Как вчера не соблазнили меня твои деньги, так сегодня ничего не поделает со мной твой слон!»

Однажды за обедом Кинеас рассказывал о доктрине философа Эпикура и его приверженцев, эпикурейцев, которые учили, что наслаждение жизнью есть высочайшее благо, и потому воздерживались от всякого занятия государственными делами, могущего помешать приятно-му препровождению времени. «Я бы желал, - сказал Фабриций, - чтоб Пирр и самнитяне держались этого учения, пока мы ведем с ними войну». Ум и характер Фабриция ценились эфирским царем так высоко, что он просил славного римлянина содействовать ему в заключении мира и затем переехать к нему в Эпир в качестве его первого друга и полководца. Такое предложение показывает, какое неверное понятие имел Пирр об образе мыслей истинного римского патриота. Фабриций отвечал, что ни царю, ни его окружению не придется по сердцу его откровенность, что свою бедность он ценит выше богатств и тревожных забот единодержавного повелителя.

Летом следующего года (279) Фабриций участвовал в качестве легата в битве при Аскулуме и был ранен. В 278 г. его избрали консулом вместе с Эмилием Папом, который и в первое свое консульство имел его своим товарищем. Оба они выступили против Пирра. Как только эфирский царь услышал, с какими полководцами ему предстоит иметь дело, он прервал свои военные приготовления и стал собираться в Сицилию. В то время как оба консула стояли лагерем недалеко от войска Пирра, Фабрицию принесли однажды от лейб-медика (или одного из приближенных) царя письмо, в котором писавший предлагал за приличное вознаграждение отравить своего государя. Оба консула с омерзением отнеслись к преступному предложению и тотчас же уведомили об этой измене царя. «Мы извещаем тебя об этом, - писали они ему, - не для того, чтобы снискать твою благодарность, но с той целью, чтобы в случае твоей смерти избежать клеветы и не навлечь на нас обвинений, что мы почувствовали себя неспособными решить войну на открытом поле битвы и потому прибегли к низкому вероломству». Прочтя это письмо, Пирр, как рассказывают, воскликнул: «Клянусь, скорее солнце сойдет со своей дороги, чем Фабриций - с пути добродетели!» Вслед за тем он подверг лейб-медика заслуженному наказанию, в вознаграждение же благородства Фабриция отпустил всех римских пленных безвозмездно. Но римляне, чтоб не остаться в долгу у неприятеля, освободили такое же число пленных самнитян и тарентинцев и снова отвергли предложенный мир.

После отъезда Пирра в Сицилию римляне воспользовались этим случаем для покорения покинутых им союзников его в Южной Италии. Фабриций успешно воевал с самнитянами, луканами, бреттийцами и тарентинцами и по истечении срока своего консульства отпраздновал победы над ними триумфом. С городом Гераклеей, близ которого Пирр за два года до того разбил римлян, Фабриций заключил союз и этим доставил римлянам важный опорный пункт, благодаря которому союзники Пирра и занятая им в Южной Италии местность разъединились.

В 275 г., ознаменовавшемся победой, одержанной над

Пирром при Беневенте другом и единоплеменником Фабриция, Курием Дентатом, Фабриций занимал должность цензора вместе с Эмилием Папом, его двукратным товарищем по консульству. Оба они выступили энергичными противниками повсюду распространившейся роскоши; П. Корнелий Руфин, бывший два раза консулом и один раз диктатором, был исключен ими из сената за то, что держал дома для своих обедов десять фунтов серебряной посуды. Может быть, это было сделано ими и с целью наказания за корыстолюбие и несправедливость, которыми Руфин ознаменовал свою полководческую деятельность. У обоих цензоров вся серебряная утварь ограничивалась одной чашей и одной солонкой для жертвоприношения.

Вероятно, к последним годам жизни Фабриция относится следующий рассказ, свидетельствующий о его простоте и воздержанности. К нему явились посланники от самнитян с большими денежными подарками. Они напомнили о великих и многих благодеяниях, оказанных им самнитянскому народу после мира, дарованного их стране через его благосклонное посредничество, "и просили принять привезенный подарок, так как у него не было достаточных средств, чтобы жить сообразно его величию и достоинству. Старик провел руками по ушам, глазам, носу, рту, груди и животу и ласково отвечал посланникам: «Пока все это находится в моей власти, я ни в чем не буду ощущать недостатка».

При таком образе мыслей Фабриций действительно оставался бедняком до конца жизни. Когда он умер, государство должно было принять на свой счет снабжение его дочери приданым и во внимание к его заслугам позволило, вопреки закону двенадцати таблиц, похоронить его самого и на будущее время хоронить его потомков внутри города. «Этим постановлением, - говорит Нибур, - было признано, что он вел богоподобную жизнь и что поэтому его кости не могли, как всякая другая жертва смерти, осквернить чистоту земли, на которой построены храмы небесных богов, точно так же как тень его не могла сделаться зловещим привидением, которое явилось бы на земле, чтобы смущать и тревожить живых».

ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Начав с малого, римляне энергичными усилиями в продолжение целого ряда столетий постепенно подчинили своей власти все народы Италии, пока наконец море, очутившееся перед ними во всех направлениях, не положило предела успехам их оружия. В этих почти непрерывных войнах они сделались могущественным воинственным народом, и потому нельзя было ожидать, что возникшая преграда заставит их праздно сложить руки. Они видят, что только узкий пролив отделяет их государство от прекрасной Сицилии, на которую нельзя смотреть как на землю, вполне отдельную от Италии, и которая в мощных чужих руках может угрожать безопасности этой последней. А между тем карфагеняне, или пуны, как их обыкновенно называли римляне, уже готовились завладеть всей Сицилией — те самые карфагеняне, которые уже обнаружили свои притязания и на Тарент, и в руках которых находилось в это время все западное побережье Средиземного моря. Если им дать завладеть Сицилией, то в их власти окажется и Сицилийский пролив; тогда для римлян закроется путь в восточное море и они не будут полными хозяевами берегов своего государства. Таким образом, обстоятельства указывали римлянам не-

обходимость, даже если бы они и не желали этого, двигаться дальше, перейти за границу Италии; и вот начались Пунические войны.

Карфаген был финикийской колонией, основанной, по преданию, в 888 г. Дидоной, дочерью Тирского царя, бежавшей от притеснений корыстолюбивого брата. Город находился в Тунисском заливе, в плодородной местности Северной Африки, и имел превосходную гавань. Плодородие почвы, которую карфагеняне с большим прилежанием и искусством обрабатывали при посредстве своих рабов на манер нынешних плантаций, а еще более - бойкая промышленность и обширная, благоприятствуемая местоположением торговля скоро сделали Карфаген цветущим городом, опередившим наконец все многочисленные колонии финикийцев на берегах и островах западного моря и даже города-метрополии. Но богатое торговое население, вопреки финикийскому обыкновению, сделалось и военным пунктом. Финикийцы не были народом воинственным и жаждавшим политической свободы; единственное стремление их заключалось в том, чтобы как можно больше торговать и наживаться. Для беспрепятственного осуществления этих целей они добровольно жертвовали своей свободой, платили самые обременительные подати. Только в самых крайних случаях защищали они свою жизнь и имущество со всем бешенством отчаяния. Грекам, постепенно вытеснившим их с их торговлей из восточной части Средиземного моря, они оказывали незначительное сопротивление. Но когда греки пробились дальше и утвердились в Сицилии и различных пунктах африканского, галльского, испанского побережья, тогда перед финикийцами явилась перспектива полного вытеснения из этих мест, при отсутствии всякого другого исхода или приюта; для избежания этой участи им оставалось одно - взяться за оружие. Таким образом, Карфаген сделался авангардом финикийцев в борьбе с их национальным врагом - греками. Благодаря этому он приобрел военную силу и воспользовался ею для распространения своих завоеваний, для подчинения своему господству остальных финикийских колоний и окрестных ливийских племен, которых он

заставил платить ему дань и поставлять людей для военной службы. Карфаген сделался столицей могущественного североафриканского государства, которое держало в своих руках и западную часть Средиземного моря с его островами, а равно эксплуатировало богатство его прибрежных стран, особенно Испании. В Сицилии, где с незапамятных времен существовали финикийские колонии, карфагеняне удержали за собой, вопреки противодействию греков, западный и северный берег и в переменчивых войнах с Сиракузами и другими греческими городами часто становились господами почти всего острова. Перевес постепенно перешел на сторону Карфагена, потому что греческие города, раздираемые враждой партий и угнетаемые тиранами, все более и более утрачивали силу и способность сопротивления. После удаления Пирра карфагеняне остались первенствующим народом на острове, и казалось, что вскоре вся власть над ним сосредоточится исключительно в их руках. Но тут-то раздалось перед ними римское «Стой!». Когда Пирр уезжал из Сицилии, он в последний раз взглянул с корабля на прекрасный остров и сказал своим друзьям: «Какое поле сражения оставляем мы карфагенянам и римлянам!» Через двенадцать лет после произнесения этих пророческих слов римские легионы перешли Сицилийский пролив, чтобы померяться силами с карфагенянами на новом поле битвы.

Силы обоих государств в начале войны были почти равны. На море карфагеняне далеко превосходили могуществом своих противников: они обладали значительнейшим флотом того времени и умели управлять кораблями даже лучше греков. Когда карфагенский полководец Ганнон советовал римлянам не затевать войны, то между прочим сказал им: «Без нашего согласия вы в море и рук не вымоете». Денежными средствами римляне тоже значительно уступали карфагенянам, так как Карфаген, по свидетельству Полибия, был богатейшим городом тогдашнего мира. В Риме, по сравнению с Карфагеном, господствовала просто бедность. Карфагенские посланники, ездившие в Рим до начала войны, с насмешкой рассказывали по возвращении на родину, что обстановка римских сена-

торов крайне патриархальная, что единственный столовый сервиз из серебра признается достаточным для всего сената и что во всех домах, где они бывали в гостях, подавался им все один и тот же серебряный сервиз. В одинаковой степени с отдельными римскими семействами была бедна по сравнению с Карфагеном и государственная казна Рима; но зато Риму для ведения войны и требовалось меньше денег, чем Карфагену. Римляне были воинственным народом, из своих собственных граждан они могли составить армию вдвое многочисленнее карфагенской, и большую часть своих войн вели именно с помощью этого войска; что же касается их итальянских подданных, составлявших подкрепление их национальной армии, то они по большей части находились в таком благоприятном положении, что сражались за неприкосновенность римского государства в видах сохранения собственных интересов. Карфагеняне хотя и имели возможность выставить в поле 40 тыс. граждан, но карфагенский гражданин питал отвращение к военной службе, и государство вело войны преимущественно посредством наемных солдат, обходившихся ему очень дорого. Притом же в критический момент этих наемников не всегда можно было собрать и они представлялись гораздо менее надежными, чем римские солдаты, которые во всякое время могли быть созваны под знамена. Карфагенские подданные жили под тяжелым гнетом, как государственные рабы, и поэтому использовать их для войны следовало с величайшей осторожностью, помня, что они были готовы воспользоваться всяким удобным случаем для свержения ига. Римское государство представляло собой правильно и прочно организованное целое; каждый отдельный гражданин пользовался личной свободой и мог с помощью личных заслуг достигнуть высших почестей и должностей; бразды правления находились здесь вообще в руках лучших и способнейших людей. Напротив того, карфагенское государство было олигархически управлявшейся республикой, где во главе стояли и эксплуатировали государственную власть знатные и богатые фамилии; все остальные граждане, к которым эти правители относились подозрительно, не

пользовались почти никаким влиянием. Такое правительство не могло сравниться по надежности фундамента с римским и в минуты опасности не проявляло того присутствия духа и той нравственной бодрости, которыми был проникнут и римский сенат, и весь римский народ. «Ни шагу назад!» - таков был девиз римлян в несчастье. Карфагеняне же часто колебались и отступали в последний критический момент. На чьей стороне, при таких условиях, должна была остаться окончательная победа - решить не трудно.

Поводом к взрыву первой Пунической войны, длившейся 23 года (264-241), послужило следующее обстоятельство. Кампанские наемные войска сиракузского тирана Агафокла после его смерти (289) овладели Мессаной. Они умертвили мужчин, разделили между собой женщин, детей и имущество и, подобно вышеупомянутым кампанцам в Региуме, основали здесь разбойничье государство. Так как эти люди завоевали право на жизнь мечом, то они назвали себя сыновьями Марса, мамертинцами. Посредством завоевания других городов мамертинцы малопомалу распространили свое господство по острову, так что через некоторое время занимали в Сицилии третье место после карфагенян и сиракузян. Но эти последние видели в них неудобных и ненавистных соседей. В Сиракузах узурпаторы-наемники поставили в это время во главе правления молодого человека из фамилии тирана Гелона, Гиерона, сына Гиерокла, отличившегося уже во многих походах. Приобретя себе умным и умеренным образом действий благосклонность и доверие сиракузян и вообще сицилийских греков, он отдалил от себя тех наемников, которым был обязан своим возвышением, снова дал оружие гражданам и таким образом организовал новое наемное войско, на которое мог положиться вернее, чем на прежнее. С этим войском Гиерон выступил против мамертинцев для наказания их за многие преступления, совершенные ими против сицилийских греков. Блистательная победа, доставившая ему со стороны его сограждан царский титул, принудила мамертинцев удалиться за стены города. Видя, что им не справиться с Гиероном, и боясь

его кровавой мести, они стали придумывать, к кому бы из иноземцев обратиться за помощью; одни советовали передать город карфагенцам, другие - римлянам. Большинство решило в пользу Рима, и туда было отправлено посольство с поручением предложить римскому правительству вступить во владение Мессаной.

Римский сенат был в нерешительности. Он сознавал, что было бы политической ошибкой позволить опасным для Рима карфагенянам завладеть столь важной крепостью, третьим городом Сицилии; но, с другой стороны, не представлялось ли для почтенного государства позорным заключить дружеский союз с разбойничьей шайкой, приятелями тех самих мятежников Региума, которых сам же Рим еще незадолго до того наказал самым кровавым образом? Притом занятие Мессаны неминуемо должно было повлечь за собой войну с Карфагеном, исход которой нельзя было предвидеть. Так как сенат не знал, на что решиться, то консулы, желавшие войны, перенесли дело на рассмотрение народного собрания, и народ, руководимый правильным политическим чутьем, не колеблясь постановил - оказать просимую помощь и начать войну. Необходимые меры были немедленно приняты. Легионы двинулись в Региум, куда собрались корабли греческих союзных городов Южной Италии для того, чтобы перевозить римские войска.

Когда военный трибун Аппий Клавдий с авангардом римского ополчения прибыл в Региум, из Мессаны пришло ему известие, что карфагеняне вмешались в мессанские дела и устроили мир между мамертинцами и Гиероном, что карфагенский флот стоит в мессанской гавани, а карфагенский гарнизон - в тамошней крепости. Депутаты от той партии мамертинского населения, которая впустила в город карфагенян, явились к римскому полководцу и выразили благодарность за помощь, в которой они более не нуждались. Трибун, человек гордый, отважный и жаждавший славы, не обратил внимания на заявления посольства и приготовился к продолжению пути. Несмотря на то, что пролив был загражден карфагенянами, он переехал в лодке в Мессану, явился в народное собрание

и там, в присутствии карфагенян, объявил мамертинцам, что Рим берет на себя роль избавителя их от карфагенского ига; молчание, которое обнаружили при этом испуганные мамертинцы, трибун признал за выражение их согласия, что они действительно желают римской помощи. Затем он снова вернулся в Региум и, не обращая внимания на встречный ветер, поднял паруса. Но ветер рассеял его корабли и загнал часть их в карфагенский флот, курсировавший в проливе. Карфагеняне хотели избежать войны с Римом, и их полководец Ганнон вежливо отпустил суда с просьбой воздержаться от похода в Мессану. Клавдий гордо отверг эту любезность и с небольшим количеством оставшегося у него войска прибыл в Мессану. Там он созвал народное собрание и пригласил в него также Ганнона под предлогом, что хочет посредством миролюбивого объяснения покончить спор между Римом и Карфагеном. После долгих и резких прений между обеими сторонами один римский солдат вдруг схватил карфагенского полководца и под крики одобрения мамертинцев вытащил его из собрания. Затем Ганнон был заключен в тюрьму, но позорно купил себе свободу тем, что, по требованию Клавдия, приказал своему гарнизону очистить город. Карфагеняне предали его за это смерти.

Таким образом Мессана, краеугольный камень Сицилии, перешла под власть римлян (264 г.). Но вскоре в ее гавани появился сильный карфагенский флот под начальством другого Ганнона, сына Ганнибала. Между тем как эти корабли курсировали в проливе с целью заграждения прохода римской армии, высадившееся на берег сухопутное войско карфагенян осаждало Мессану с северной стороны. Гиерон же расположился лагерем на южной стороне. Но в одну из темных ночей консул Аппий Клавдий Каудекс переправился со своим войском через пролив и вошел в город. Затем он разбил сперва Гиерона, а потом карфагенян и освободил город от осады. Римская отвага победила, Мессана была во власти римлян. В то время как карфагеняне начали новые приготовления к войне, Гиерон как в этом, так и в следующем году был поставлен в такое стеснительное положение, что нашел нужным, в

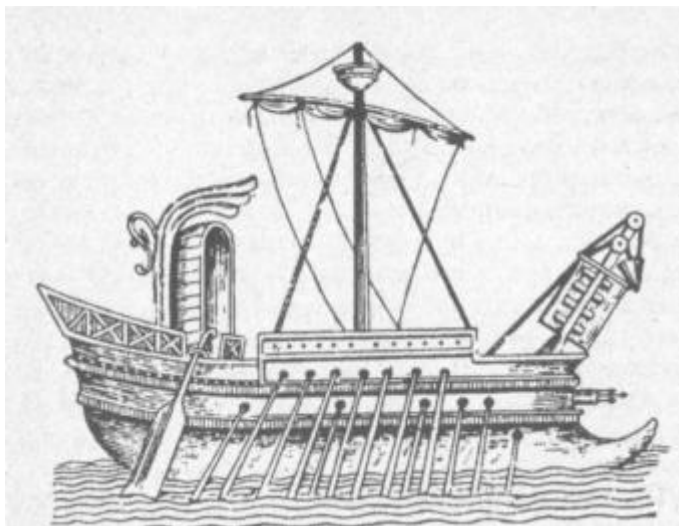
собственных интересах, заключить с римлянами мир. С этого времени он в течение своего долговременного царствования оставался их вернейшим союзником.

Карфагеняне продолжали войну одни. Приготовления их были окончены только в 262 г., и тогда они ввели в большой, сильно укрепленный город Агригент (Акрагас) 50 тыс. человек под начальством Ганнибала, сына Гискона. Оба римских консула осадили город и голодом поставили его в отчаянное положение; пришедшее на выручку многочисленное войско под начальством Ганнона они разбили наголову, и когда после этого сражения Ганнибал, воспользовавшись темнотой и усталостью неприятеля, удалился вместе с гарнизоном, римляне завладели городом. Агригент был подвергнут страшному грабежу, все жители проданы в рабство. Впоследствии римляне снова восстановили город.

Теперь в руках Рима находилась большая часть острова; карфагеняне держались только в своих укрепленных приморских городах. Для изгнания их из этих приютов и обеспечения за собой сделанных завоеваний, а также берегов Италии римлянам необходим был военный флот. Они построили его и разбили карфагенян на море. Герой, которому Рим был обязан первой морской победой, достоин того, чтобы мы посвятили ему особую главу, хотя о его жизни и других подвигах нам известно весьма мало.

18. ГАЙ МАРК ДУИЛИЙ

В том году (260 г.), когда римляне решили построить флот, Гай Дуилий был консулом вместе с Кн. Корнелием Азиной. Римляне вели сооружение флота с величайшей энергией; за шестьдесят дней у них были уже готовы двадцать триерий и сто пентер. Триерии, по латыни триремы, военные корабли с тройным рядом весел, служившие грекам во многих битвах, были уже давно известны римлянам и находившимся в их подчинении грекам Южной Италии; напротив, большие линейные суда с пятью палубами и пятью рядами весел, применение которых на войне началось в новое время и именно карфагенянами, в Италии еще никогда до этих пор не строились. Поэтому римляне взяли себе за образец одну карфагенскую пентеру, потерпевшую крушение у берегов Бруциума. Гребцы обучались и упражнялись во время постройки. Конечно, эти наскоро сделанные из зеленого дерева корабли не могли сравниться прочностью и легкостью с карфагенскими, точно так же как гребцы и остальной персонал, которому было вверено управление судами, намного ниже карфагенских моряков, а между тем удачный исход битвы зависел главным образом от ловкого и быстрого движения судов, от умения маневрировать, так как тут все дело состояло в том, чтобы или пробить дно у неприятельского корабля,

Римское военное судно с «вороном»

или переломить у него весла. Вследствие этого на военном корабле солдат было немного, всего человек восемь на каждой палубе, но гребцов - от 50 до 60 на палубе. Римляне очень хорошо понимали неудовлетворительность своего флота в этом отношении и потому старались придумать что-нибудь такое, где исход сражения решался бы солдатами, а не моряками, т. е. старались сделать морскую битву как можно более похожей на сухопутную. Они устроили в передней части своих кораблей подвижную лестницу, которую можно было с помощью каната опускать в разные стороны и посредством прикрепленного к ней толстого железного крюка (corvi) втыкать в неприятельское судно. Этот перекидной мост имел четыре фута в ширину, так что два человека могли в одно время поместиться на нем; по обеим сторонам его были устроены перила высотой до человеческого колена. Таким образом, чуть только он втыкался в палубу неприятельского корабля, римские солдаты могли перебежать через него и вступить в рукопашный бой.

По окончании сооружения флотилии, происходившего под руководством консулов, Корнелий немедленно отпра-

вился в Мессану с 17 кораблями впереди главных сил; но карфагенский полководец Богул заманил его хитростью в Липарскую гавань и там взял в плен со всеми кораблями. Эта оплошность, вероятно, и была причиной того, что он получил название Asina. Сильно издевались карфагеняне над мореплавателями-римлянами. Но это плохое начало не испугало консула Дуилия, который тотчас же отправился в Мессану с главными силами. Навстречу ему поплыл с 50 кораблями карфагенский полководец Ганнибал, уверенный, что ему удастся уничтожить неопытный неприятельский флот прежде, чем он успеет достигнуть берега Сицилии, но у одного мыса Ганнибал неожиданно попал в середину римской флотилии и потерял больше кораблей, чем римляне у Липарских островов.

По другим сведениям, Дуилий, еще до отплытия своего товарища, уехал к стоявшему в Сицилии сухопутному войску, потому что карфагеняне приняли там наступательное положение; командование же флотом он принял тогда, когда этот флот прибыл в Мессану и, вследствие взятия в плен другого консула, остался без командира. Тут же, как рассказывают, были устроены на кораблях и вышеупомянутые перекидные мосты, изобретенные самим Дуилием. Вооружившись таким образом, он немедленно двинулся навстречу неприятельскому флоту. Карфагеняне смотрели на слабые, по их понятиям, римские корабли как на легкую добычу и потому двинули на них сто тридцать судов без всякого боевого порядка и особых мер предосторожности. Тридцать из этих кораблей, шедших впереди остальных, были притянуты железными крюками неприятельских мостов и без труда взяты в плен. Остальные, напуганные таким началом, пытались подобраться к римлянам стратегическими маневрами; но чуть только карфагенский корабль подходил к римскому, железный крюк втыкался в него, и затем следовало или взятие его в плен, или полное уничтожение. Когда таким образом погибла почти половина карфагенских судов, все прочие кинулись в бегство. В руки римлян попал тридцать один корабль, между прочим и адмиральский — семивесельное судно, некогда отнятое карфагенянами у Пирра; 3 тыс. врагов

пало, 7 тыс. были взяты в плен. У римлян, если верить рассказам, не погибло ни одного корабля.

Эта блистательная морская победа при Милах (260) вызвала в Риме неописуемый восторг. Неодолимые на суше, они сделались теперь непобедимыми и на море, ибо разбили наголову первых моряков на свете. С этих пор, думали римляне, уже ни один народ не будет в состоянии сопротивляться им. После битвы Дуилий высадил свои войска на сушу, освободил Эгесту, упорно осаждавшуюся неприятелем, взял штурмом Мацеллу и затем возвратился в Рим, окруженный громкой славой. Здесь он отпраздновал блистательным триумфом первую морскую победу римлян. Победителю как бы пожизненно позволили при каждом возвращении вечером домой из гостей идти с факелом впереди и в сопровождении флейтистов и певцов. Воспоминания о победе народ увековечил сооружением на форуме колонны, украшенной отнятыми у неприятеля корабельными носами (*Columna rostrata Duilii*). Обломки этой колонны (или древнего подражания ей) уцелели до сих пор с частью надписи. Сам Дуилий, в благодарность за победу, воздвиг на форуме Олиториуме храм Янусу, богу благих начинаний.

19. МАРК АТТИЛИЙ РЕГУЛ

Регул сделался наиболее известным среди римских полководцев первой Пунической войны благодаря героизму. Но, по мнению Нибура, древние не оценили по достоинству характер этого человека. «Он вовсе не принадлежал к величайшим людям своего времени, — говорит Нибур, — хотя обладал добродетелями той эпохи; его отнюдь нельзя признать безукоризненным полководцем; он слепо и без всякой предусмотрительности доверялся чрезмерному счастью и так вознесся в этом счастье, что Немезида покарала его как гибелью отечества, так и его собственной».

Регул уже до Пунической войны, а именно в 267 г., был консулом, в этом звании сражался с садлентинцами и подчинил власти римлян важный город Брундизиум, за что был награжден триумфом. Вторично консульскую должность он занимал в 256 г. с Л. Манлием Вольсо. После морской победы у мыса Мила римляне надеялись, что войну с Карфагеном закончат скоро; но в следующие годы они воевали в Сицилии не особенно удачно, счастье перевешивалось то на ту, то на другую сторону, и окончательный исход трудно было предвидеть. Тогда римляне, ободренные морской победой при Тиндарисе, решились на отважное предприятие — поход в Африку с целью напасть непосредственно на Кар-

*Регул. С монеты рода
Ливинеев*

енных кораблей, так что в их распоряжении находилось теперь свыше 330 триер и пентер, экипаж которых состоял из 100 тыс. моряков и 40 тыс. солдат. Во главе этого войска были поставлены оба консула. Они объехали юго-восточный мыс Сицилии, Пахинум, и на южном берегу острова, вблизи горы Экномус (теперь Monte di Licata), встретились с карфагенским флотом. Карфагеняне, для противодействия неприятелю, приняли не менее энергичные меры. У них было 350 кораблей и не менее 150 тыс. человек экипажа. Никогда еще до тех пор не сходились на море такие огромные массы сражающихся.

Римляне разделили свой флот на четыре эскадры, двумя первыми командовали сами консулы. Они образовали острый угол, так что два адмиральских корабля поместились один подле другого. Третья эскадра растянулась сзади этого угла и таким образом составила с двумя первыми треугольник. Она вела на буксире транспортные суда с конницей. Четвертая эскадра, построившаяся параллельно третьей позади транспортных кораблей, служила прикрытием этих последних и всего остального флота. Карфагенский флот, предводительствуемый Ганноном и Гамилькаром (не Гамилькаром Баркой), доказавшим свои военачальнические способности, был разделен тоже на четыре эскадры, ставшие против римлян одной широко растянувшейся линией, так что ее левое крыло примыкало к сицилийскому берегу. Когда римский треугольник бросился на обе пуни-

фаген и тем принудить неприятеля отказаться от Сицилии (256). Пример Агафокла, в прежнее время удачно воевавшего с Карфагеном в Африке, доказал, на каком непрочном фундаменте покоилась сила этого последнего из-за ненадежности крайне притесненных карфагенских подданных в этой части света. Громадные приготовления были сделаны римлянами ввиду предстоявшего похода. Они построили больше 200 новых во-

ческие эскадры, составлявшие центр, они отступили назад, а левое крыло карфагенской флотилии ударило по третьей римской эскадре, которой транспортные суда не давали следовать за двумя передними, и прибило ее к берегу. В то же самое время правое карфагенское крыло напало на четвертую римскую эскадру. Таким образом, все сражение распалось на три отделения. Корабли карфагенского центра вскоре потерпели поражение и прежде всех бросились в бегство. Но одновременно с этим остальные две римские эскадры выдерживали сильнейший натиск со стороны неприятеля, далеко превосходившего их численностью, и непременно погибли бы, если бы карфагеняне меньше боялись перекидных мостов. Консулы, одолев неприятельский центр, вовремя подоспели на помощь своей четвертой эскадре и, одержав и здесь победу, ударили всеми еще годными к битве кораблями на левое пуническое крыло с тылу, окружили его со всех сторон и захватили почти все суда. Остатки карфагенского флота поспешили собраться снова у Гераклеи, откуда он впервые вышел, и приняли меры к тому, чтобы помешать переезду римлян в Африку. У карфагенян оказались потонувшими более 30 кораблей, взятыми в плен вместе с экипажем — 64; римляне потеряли 24 корабля.

Между тем как римские консулы исправляли на сицилийском берегу свои поврежденные суда, к ним явился Ганнон с предложениями о мире; может быть, это было сделано им только для того, чтобы выиграть время. Консулы отвечали ему отказом и приказали своему флоту сниматься с якоря для отплытия в Африку. Войско, только теперь узнавшее, куда ему предстояло отправиться, стало вслух выражать свое несогласие со столь рискованным предприятием, и Регулу пришлось угрожать самыми строгими наказаниями для подавления оппозиции в малодушном войске. Карфагенский флот не был в состоянии воспрепятствовать движению римского. Ганнон поспешил со своими кораблями к Карфагенскому заливу, чтобы там вступить в новое сражение с римлянами, если бы они попытались высадиться в этом месте. Но римляне обошли Гермейский мыс (Кап-Бон) и бросили якорь в просторной и защи-

щенной от всяких ветров гавани Клупейской, или Аспис, получившей свое название от щитоподобной возвышенности, на которой она была расположена. Они завладели городом и устроили тут укрепленный боевой пункт. Вслед за тем, не встречая нигде сопротивления, стали они опустошать и грабить во всех направлениях богатые, превосходно обработанные земли карфагенян; загородные дома и дворцы были обращены ими в кучи пепла, бесчисленное множество пленных и стад пригнано в Клупею.

Шествие римлян совершалось до такой степени беспрепятственно, что сенат в начале зимы счел возможным отозвать одного из консулов, Манлия Вольсо, с частью кораблей и войска.

После отплытия Манлия с 27 тыс. пленных Регул приступил к осаде города Адиса. Между тем карфагеняне снова собрали войско и во главе его поставили трех полководцев: Гамилькара, Газдрубала и Бостара. Но все они выказали относительно римлян крайнюю неспособность. Боязнь заставляла их избегать равнин, на которых они могли всегда удерживать за собой первенство благодаря своим слонам и превосходной нумидийской кавалерии, и загоняла в горы, где слонов и конницу нельзя было использовать. Точно так же при Адисе, который им захотелось освободить от осады, они заняли позицию в горах и были разбиты наголову. 18 тыс. человек пало, 5 тыс. и 18 слонов взято в плен. После этого нового поражения карфагеняне спрятались за стенами своей столицы. Подданные их восстали против жестоких владык и помогли неприятелю опустошать страну; 74 города покорились римлянам. Регул дошел почти до самого Карфагена; он завладел Тунесом, находившимся всего в десяти римских милях от столицы, и расположился там на зимние квартиры.

Во время этой зимней стоянки с римским войском, как рассказывают, произошло странное приключение. Однажды солдаты, отправившиеся по воду к реке Баградасу, прибежали обратно в лагерь в неопишемом страхе и рассказали, что какая-то огромная змея вдруг кинулась на них из воды и поглотила многих их товарищей. Консул не замедлил лично отправиться с несколькими конными

эскадронами на место происшествия, чтобы убедиться в справедливости донесения. Чудовище действительно оказалось на берегу, и они спаслись от него только благодаря быстроте своих коней. На следующий день консул выступил против исполинской змеи со всем своим войском; но лошади всадников падали от одного ее вида, а стрелы пехоты отскакивали от непробиваемой чешуи и только немногие из них наносили легкие раны в более мягких местах. Чудовище с яростным шипением кинулось в ряды войска и обратило их в бегство. Через несколько дней армия снова пошла на него с баллистами и катапультами, и только теперь ей удалось разрубить голову и спину толстыми как бревна копьями и огромными камнями. Длина змеи оказалась 120 футов (35,5 м).

Вся карфагенская страна находилась теперь в руках Регула; в его донесении сенату было сказано, что он запечатал ворота Карфагена страхом. Конечно, не особенно легким делом представлялось завоевание громадного, густонаселенного города, который с суши был окружен тройной стеной в 30 локтей (13,3 м) высотой, не считая брустверов и башен; но жители этого города страшно страдали от голода. В этом бедственном положении карфагеняне отправили в римский лагерь посольство и запросили мира. Регул мог бы заключить теперь этот мир на самых выгодных для Рима условиях, мог бы добиться уступки всей Сицилии и Сардинии; но постоянные удачи сделали его до последней степени высокомерным, он счел неприятеля менее способным к сопротивлению, чем это было на самом деле, и предъявил крайне неумеренные условия: потребовал уступки Сицилии и Сардинии, возвращения римских пленных без выкупа взамен выдачи карфагенских пленных за деньги, платежа подати, признания римского главенства, уничтожения права вести войны без согласия Рима, выдачи решительно всех военных кораблей и в то же время обязательства каждый раз, как Рим того пожелает, снаряжать в помощь ему 50 таких судов. Выслушав эти условия, карфагенские послы удалились, не дав никакого ответа; принять их значило согласиться на полное уничтожение Карфагена.

Гнев и отчаяние снова воспламенили почти угасшее мужество карфагенян; они решили защищаться до последней крайности, призвали свои войска из Сицилии и приступили к новому набору. В числе явившихся из Греции наемников находился и Ксантипп из Лакедемона, вероятно, спартанец по происхождению и искусный воин, несомненно, имевший уже прежде случаи приобрести знания и опыт в боевом деле. Этот Ксантипп высказал однажды со спартанской откровенностью, что карфагеняне потерпели столько поражений не от римлян, а по собственной вине. Услышав об этом, сенат пригласил Ксантиппа на свое заседание и спросил, что он хотел сказать таким заявлением; спартанец отвечал, что вся беда происходит от неспособности и неумелости пунических полководцев, не понимающих, как следует применять в деле находящиеся в их распоряжении роды войска, конницу и слонов. Сенат признал разъяснения Ксантиппа, и карфагенские военачальники были вынуждены подчиниться иноземцу. Ксантипп был назначен главнокомандующим. Он немедленно принялся за обучение войска, и карфагеняне скоро заметили присутствие в солдатах нового, более высокого духа. Ксантипп первый научил карфагенян правильно обращаться со слонами.

С сотней этих животных, 4 тыс. всадников и около 12 тыс. пехоты выступил он в поход весной 255 г. и на открытой равнине вызвал Регула на бой. Римский консул имел в своем распоряжении около 32 тыс. человек и, вполне убежденный в своей непобедимости, издеваясь над дерзким греком, двинулся на неприятеля. Но римляне были окружены со всех сторон и изрублены. Почти все войско погибло. Регул попытался было уйти с 500 человек, но его нагнали и взяли в плен. Только 2 тыс. человек, большей частью из той части войска, которая в начале сражения опрокинула пунических наемников, спаслись бегством в Клупею.

Поражение римлян при Тунесе уничтожило за один раз все, что они выиграли в предшествовавшем году. В Риме весть об этом несчастье вызвала общее уныние и ужас. Он немедленно отправил в Африку флот из 350 судов для

того, чтобы отвезти на родину остатки войска, с великой храбростью защищавшегося в укрепленной Клупее. При мысе Гермес римляне встретили карфагенский флот из 200 кораблей и одержали блистательную победу. Карфагеняне потеряли 114 судов. Но, несмотря на это, римляне не отважились на дальнейшие предприятия, а забрали 2 тыс. человек, державшихся в Клупее, и поспешили в обратный путь, вопреки предостережениям их греческих кормчих, предвидевших бурю и советовавших повременить. Действительно, на южном берегу Сицилии они потерпели такое кораблекрушение, что спаслось всего 80 судов. Таким образом, карфагеняне снова сделались полными хозяевами в Африке и начали с того, что возобновили жестокие притеснения тех из своих подданных, которые восстали в союзе с римлянами и теперь были кинуты этими последними на произвол судьбы. Во всех мятежных общинах зачинщики и предводители восстания, в количестве не менее 3 тыс. человек, были распяты; на народы наложена пеня в тысячу талантов серебра и 20 тыс. штук рогатого скота. Ксантипп, без которого теперь, по-видимому, можно было обойтись, уехал из Карфагена, чтобы избежать интриг завидовавших ему туземных вельмож, и, вероятно, поступил на иноземную службу; по другим известиям, он действительно сделался жертвой интриг и был устранен насильственным образом.

Регул, еще незадолго до того надеявшийся войти в Карфаген доблестным победителем, был привезен туда пленником. Карфагеняне охотно воспользовались возможностью доказать всю свою ненависть и презрение гордому врагу, который потребовал их подчинения на таких дерзких условиях. Рассказывают, что они сперва заперли его наедине со слоном для того, чтобы мучить постоянным страхом и бессонницей, точно так же как он не обнаружил ни малейшего сострадания к бедственному положению Карфагена. Но эта жестокая пытка длилась недолго. Достоверно одно, что карфагеняне держали его в пожизненном заточении, между тем как, например, консула Корнелия Азину, взятого в плен в битве при Липарских островах, освободили очень скоро.

В то время как Регул празднo томился в плену, война продолжалась с переменным успехом. В 254 г. римляне завладели Панормусом (Палермо), вслед за тем снова высадились в Африке, но только для того, чтобы грабить и опустошать берег, и на обратном пути у мыса Палинурума опять потерпели кораблекрушение, уничтожившее почти весь их флот. Приведенные в уныние неоднократными поражениями на море, они решили не строить больше флота и прекратить морскую войну. И на суше в Сицилии им не везло, потому что со времени сражения при Тунесе они так боялись слонов, что на открытой равнине не смели вступать в битву. Только в 250 г. проконсул Л. Цецилий Метелл одержал над Газдрубалом и его слонами блистательную победу при Панорме.

После этого сражения карфагеняне удалились в Лилибеум и Дрепану, на западную оконечность Сицилии, и отправили в Рим посольство, чтобы предложить мир или, по крайней мере, добиться выдачи пленных. С этим посольством отправили они и Регула, потому что надеялись, главным образом через его посредничество, достигнуть своей цели. Его обязали клятвой возвратиться в Карфаген в случае неудачного исхода этого поручения. Прибыв в Рим, он отказался от свидания с женой и детьми и не захотел появиться в сенате, сославшись на то, что он уже не сенатор и не римлянин, а раб карфагенян. Когда же карфагенские послы разрешили ему отправиться в сенат и там говорить за них, то он посоветовал сенаторам не соглашаться ни на мир, ни на выдачу пленных, имея в виду крайнее ослабление Карфагена, не позволяющее ему долго вести войну. Сенат обнаружил готовность ради Регула закончить дело миролюбиво; но Регул объявил, что он принял яд, который действует хотя медленно, но верно. По его совету, предложения карфагенян были отвергнуты, и вслед затем он возвратился в Карфаген, устояв против просьб и молений своих родных и друзей и против предложения жрецов снять с него клятвенный обет посредством жертвоприношений. Карфагеняне — так по крайней мере рассказывают — отомстили ему жесточайшими истязаниями. Они вырезали ему веки, заперли в темном поме-

щении и затем внезапно вывели на яркий солнечный свет; они запрятали его в ящик, утыканный внутри со всех сторон гвоздями, так что он не мог никуда прислониться. В таком положении несчастный погиб от боли, бессонницы и голода. Рассказывают также, что сенат, получив известие о мученической смерти Регула, выдал знатнейших карфагенских пленных его детям, и эти последние отомстили за смерть отца такими же истязаниями. У Диодора Сицилийского мы находим известие, что бывшие в плену у римлян карфагенские военачальники Гамилькар и Бостар подверглись по настоянию вдовы Регула таким пыткам со стороны ее сыновей, что один из них умер, вследствие чего сыновья были вызваны в суд и едва избежали смертной казни.

2 0 . КВИНТ ФАБИЙ МАКСИМ КУНКТАТОР

Квинт Фабий Максим, прозванный Кунктатором (Cunctator — медлитель), был потомком знаменитого Фабия Максима Руллиана, игравшего такую значительную роль во время Самнитской войны. В детстве он был всегда молчалив, спокоен, осторожен, медлителен в учении, так что почти все считали его простачком и только немногие догадывались, как выразился Плутарх, что неповоротливость его натуры обуславливалась только глубиной ее и что в ней было много великодушного и наивного. Но вскоре, когда политические события выдвинули этого человека на прищипе политической деятельности, оказалось, что все кажавшееся неповоротливостью было только отсутствием неблагоразумной пылкости; то, что называли боязнью, — не что иное, как мудрая осторожность; недостаток быстроты и подвижности — только твердость воли и непоколебимая устойчивость. Действительно, спокойствие, осторожность и непоколебимая твердость составляют самые отличительные черты характера этого человека; кротость и смирение сохранились в нем и в позднейшие годы. Всякое благодеяние, оказываемое без приветливости, он называл каменным хлебом, который голодающий по неволе принимал, но которым нетрудно было подавиться. В молодые годы он не только приучал тело свое к военной службе, но зани-

мался также науками и особенно развивал в себе дар красноречия. Его речь, по свидетельству Плутарха, была свободна от всяких риторических украшений и напыщенности, она свидетельствовала об уме, обладавшем своеобразной манерой и глубиной, в чем он, по замечанию многих, имел большое сходство с Фукидидом.

Консульскую должность Фабий получил в первый раз в 233 г. В этом звании он одержал победу над лигурами. Римляне полагали, что к войне против Рима побудили лигуров карфагеняне, поэтому Фабий послал в Карфаген копье и жезл герольда как символ войны и мира с требованием, чтобы карфагеняне выбрали то или другое. Но карфагеняне предоставили решить дело самим римлянам, а те на этот раз предпочли мир. В 230 г. Фабий был цензором, в 228 г. — вторично консулом и вскоре после того избран диктатором. Когда в 219 г. Ганнибал завладел Сагунтом, а многие в сенате требовали немедленно начать войну с Карфагеном, Фабий высказался против нее и предложил отправить к карфагенянам посольство. Предложение его было принято, и он сам был послан в Карфаген во главе этой депутации. «Квинт Фабий, — говорит Ливии, — подобрав переднюю полу тоги так, что образовалось углубление, сказал: «Вот здесь я принес вам войну и мир; выбирайте любое!» На эти слова он получил не менее гордый ответ: «Выбирай сам!» А когда он, распустив тогу, воскликнул: «Я даю вам войну!» — присутствовавшие единодушно ответили, что принимают войну». Из Карфагена посланники, согласно данному им в Риме приказанию, направились домой через Испанию и Галлию с целью привлечь на сторону римлян преданные Карфагену испанские племена и склонить галлов к тому, чтобы они помешали проходу Ганнибала через их земли. Испанцы отвечали им, что пусть римляне ищут союзников там, где народ еще не знает о бедствии покинутого ими на произвол судьбы Сагунта. В Галлии же на упомянутое предложение римлян, заявленное ими в народном собрании, арвернцы отвечали громким смехом. Галлам показалась нелепой мысль вовлечь в войну самих себя только для того, чтобы отвратить ее от римлян.

После страшного поражения при Тразименском озере, которое римляне потерпели в результате действий Фламиния, испуганный народ потребовал назначения диктатора, и тогда стали искать человека, который мог бы среди всеобщего смятения управлять государством без страха и твердой рукой. Выбор пал на престарелого и известного своей осторожностью и благородством Фабия, который уже при выступлении в поход консулов этого года советовал избегать битвы и постепенно ослаблять страшного противника продлением войны. Так как один консул пал, а другой, Сервилий, находился далеко от Рима, вследствие чего, согласно законам, диктатор не мог быть назначен только одним консулом, народ объявил Фабия продиктатором, а Минуция Руфа его начальником конницы (*magister equitum*).

В тот самый день когда Фабий вступил в должность, он созвал сенат и объявил, что консул Фламиний навлек бедствие на государство не столько своей неосторожностью и неумением или малодушием своих воинов, сколько неуважением к священным обычаям и предзнаменованиям богов, и что врага не следует бояться, а должно прежде, чем взяться за оружие, умиловать богов искупительными жертвами. Вследствие этого посоветовались с Сивиллиными книгами и, согласно их предписанию, устроили большие игры в честь Юпитера, установили один молитвенный день и одно пиршество для богов, обещали воздвигнуть храм Венере Эрицинской и богине Мудрости и сверх того дали обет, в случае счастливого ведения войны в продолжение следующих пяти лет, посвятить Юпитеру весну. Это последнее постановление было сделано в народном собрании. Римский народ обещал принести в жертву Юпитеру все стада, всех свиней, овец, коз, рогатый скот, какие только родятся следующей весной в Италии. Успокоив таким образом религиозные сомнения и опасения народа и устранив боязнь неприятельского нашествия, диктатор во главе четырех вновь образованных легионов и войск, приведенных к нему консулом Сервилием из Верхней Италии, двинулся в Апулию. Он остановился недалеко от Ганнибала.

Относительно Ганнибала Фабий занимал выжидательную позицию. Не вступая в открытый бой и не давая не-

приятелю возможности прямо напасть на него, он постоянно держался в горах, не выступал из своего лагеря до тех пор, пока неприятель не выходил из своего, и направлялся дальше, как только двигалось неприятельское войско, причем он постоянно держался в таком отдалении, что вовлечь его в битву, вопреки его желанию, было невозможно. Эта медлительность навлекла на него общее осуждение. В собственном его лагере воины роптали и негодовали; враги же, за исключением только самого Ганнибала, признавали его малодушным трусом. Ганнибал угадал стратегический план своего противника и употребил всю хитрость и силу для того, чтобы заставить его сразиться, так как при таком способе ведения войны боевые силы его представлялись бесполезными, и он предвидел, что со временем ресурсов его не хватит сравнительно с теми, которыми обладали римляне. Но не менее Ганнибала был недоволен образом действий Фабия Минуций, человек задорный и воинственный, вроде Фламиния, с каждым днем все более и более передававший войску свое собственное негодование. Своими хвастливыми воззваниями он вселил в солдатах безумную воинственную отвагу и безосновательные надежды до такой степени, что они в насмешку называли диктатора педагогом Ганнибала, так как он сопровождал карфагенского полководца повсюду, точно вверенного его попечению школьника. Напротив, Минуция войско считало военачальником, которого сама судьба избрала для спасения Рима. Минуций издевался над расположением лагеря Фабия в горах, откуда, по его словам, войско могло постоянно смотреть на опустошение Италии; спрашивал друзей диктатора, не хочет ли последний, отчаявшись найти спасение на земле, повести свою армию на небо, не старается ли он скрыться за облаками и туманом, чтобы спастись от неприятеля. Когда друзья Фабия передали ему слова Минуция и убеждали его спасти свою честь немедленным сражением, диктатор отвечал: «Поймите, что я оказался бы трусливее и малодушнее, чем считаюсь теперь, если бы, убоюсь насмешек и клеветы, изменил своим правилам».

В Риме народ был также недоволен медлительностью Фабия; его прозвали Кунктатором — насмешливое про-

звище, обратившееся впоследствии в почетный титул. Говорили, что он не кто иной, как школьный учитель, только обучающий своих воинов и не допускающий их до сражения. Многие уже заподозрили диктатора в измене, и Ганнибал старался поддержать это подозрение, пощадив при всеобщем опустошении одной местности в Кампании находившееся там поместье Фабия, и приставил даже стражу для его охраны. Сенат тоже был возмущен образом действий диктатора, особенно из-за договора, заключенного им с Ганнибалом насчет пленных. Оба полководца условились обменять между собой пленных, человека за человека, и в случае если бы с одной стороны оказалось пленных больше, то уплатить по 250 драм за каждого лишнего. Вышло так, что у Ганнибала оказалось на 240 пленных больше, чем у Фабия, и сенат отказался уплатить за них условленную выкупную сумму, сделав еще сверх того Фабию выговор, что он, в ущерб чести и выгодам государства, снова принял к себе людей, которые из-за собственной трусости попали в плен. Чтобы сдержать слово, Фабий продал через посредничество своего сына то же самое поместье в Кампании, которое пощадил Ганнибал, и вырученными деньгами выкупил вышеупомянутых пленных. Многие из этих последних хотели впоследствии возвратить Фабию заплаченные за них деньги, но он не взял ни у одного из них ни копейки.

Когда оба войска снова прибыли в Апулию, диктатор был вынужден съездить на короткое время в Рим для совершения некоторых жертвоприношений. Командование войском он передал Минуцию, но запретил ему на время своего отсутствия вступать в сражение с неприятелем. Не успел, однако, диктатор уехать, как Минуций напал на лагерь Ганнибала, именно в ту пору, когда большая часть карфагенских солдат была отправлена для добывания съестных припасов, и ему удалось нанести неприятелю довольно значительное поражение. Преувеличенное донесение Минуция об этой победе послужило поводом к взрыву негодования против Фабия. Трибун Метилий, один из предводителей народной партии и друг Минуция, произнес в народном собрании речь в прославление подвигов

этого последнего и обвинил Фабия не только в трусости, но и в измене; обвинил он также и аристократическую партию в том, что она с целью ниспровержения власти народа с самого начала перенесла войну на римскую почву, затем подчинила город власти одного человека, который не нес никакой ответственности и теперь своей медлительностью дал Ганнибалу время утвердиться в Италии. Фабий не отвечал ни одним словом на обвинения Метилия и только ускорил свои жертвоприношения, чтобы иметь возможность немедленно вернуться к войску и наказать Минуция за его непослушание. Народ испугался за участь своего любимца, и как только Фабий уехал, Метилий, поддержанный Теренцием Варроном, добился народного постановления, по которому Минуций получил как военачальник одинаковую власть с Фабием и полномочие в этом новом звании вести войну сообща с диктатором. Фабий узнал об этом постановлении на обратном пути к войску и хладнокровно перенес оскорбление; но на перемену в главном командовании войском, которой требовал Минуций, он не согласился, а разделил армию на две части, так что каждый из них командовал двумя легионами, стоявшими в двух отдельных лагерях. Таким образом, снова совершилось то, чего именно хотели добиться учреждением диктатуры, т. е. войско снова распалось на две части, и ведение войны оказалось в руках двух полководцев, державшихся совершенно противоположных стратегических воззрений.

Ганнибал скоро узнал о происшедшем в римской армии и решил немедленно воспользоваться безрассудной отвагой Минуция. Между его войском и лагерем Минуция находилось возвышение, которое можно было занять без труда и этим обезопасить лагерь. Но Ганнибал не занял его, а оставил этот пункт яблоком раздора между обоими войсками. Подошва горы представляла собой открытую, не поросшую лесом равнину, но местами находились на ней незначительные рвы и другие углубления. Тут-то Ганнибал разместил ночью около 5 тыс. человек пехоты и конницы и с рассветом, на глазах Минуция, поставил перед холмом небольшой отряд с целью вызвать

сражение. Минуций хотел воспрепятствовать занятию холма и выслал против неприятельских войск сначала свою легкую пехоту, а потом, когда Ганнибал выставил против него большее количество войска, и конницу. Через некоторое время оба полководца стояли со всеми своими войсками в боевом порядке друг против друга. Битва уже началась, когда вдруг, по знаку Ганнибала, отряды, находившиеся в засаде, выскочили оттуда и напали на римлян с тыла. Это внезапное нападение и вызвало ужас и смятение в римских рядах, и сам Минуций потерял присутствие духа. Он искал повсюду глазами своих главных помощников, но ни один не оказывал ему содействия. Все стремительно бежали. Нумидийцы окружили неприятеля со всех сторон и убивали всякого, кто только хотел убежать.

Стоявший вблизи Фабий, предчувствуя такой поворот дела, держал свое войско наготове и, стоя перед своим лагерем, только наблюдал за ходом битвы. Когда он увидел, что войско его товарища окружено со всех сторон и что ряды его дрогнули, он со вздохом ударил себя в грудь и воскликнул: «Вот то, что я предвидел! Но теперь не время спорить и негодовать! Вперед! Одержим победу над неприятелем и заставим наших сограждан сознаться в их заблуждении!» С этими словами он кинулся на равнину, рассеял нумидийцев, разогнал солдат, напавших на Минуция с тыла, и сам повел свое войско против Ганнибала. Но Ганнибал остановил сражение и велел трубить отбой. Римляне тоже охотно возвратились в свой лагерь. Говорят, что Ганнибал на обратном пути шутливо сказал о Фабии: «Не предсказывал ли я неоднократно, что эта туча, уже столько времени висящая там на горах, разразится громом и молнией?»

Приведя войско обратно в лагерь, Минуций созвал солдат и сказал им: «Друзья и соратники! Не делать никогда ошибок и промахов невозможно для человека, но чуть ошибка сделана, храбрый и искусный человек пользуется ею как уроком на будущее. Точно так же и я сознаюсь теперь, что, потерпев небольшую неудачу, обязан ей гораздо более значительной выгодой. То, что оставалось для

меня скрытым так долго, я понял в несколько часов, и теперь знаю, что не только не могу вести других, но сам нуждаюсь в руководителе и не должен искать своей славы в такой победе, где поражение было бы почетнее. С этой минуты повсюду будет предводительствовать вами диктатор; я же укажу вам еще только одну дорогу — дорогу благодарности ему и первый беспрекословно подчинюсь его начальству». После этого он повел свое войско в лагерь Фабия и остановился перед палаткой полководца. Когда Фабий вышел оттуда, Минуций поставил знамена перед ним и громко приветствовал его как отца, а солдаты его называли воинов Фабия своими патронами — титул, который давали вольноотпущенники человеку, отпустившему их на свободу. Когда водворилась тишина, Минуций сказал: «Диктатор, ты одержал сегодня двойную победу: одну — благодаря твоей храбрости, над Ганнибалом; другую — своим умом и добротой, над сослуживцами; одной победой ты спас, а другой наставил на путь истины нас, пораженных врагом так позорно, а тобой — так прекрасно и к нашему общему благу. Я называю тебя добрым отцом, потому что не имею другого более достойного названия; на самом же деле я обязан тебе более, чем сыновней благодарностью. Отец дал жизнь только мне, ты же спас жизнь мне и такому множеству моих сотоварищей». С этими словами он обнял Фабия, и в то же время солдаты стали обнимать и целовать друг друга. Лагерь наполнился ликованием и слезами радости. Фабий еще недолго после того оставался единственным главнокомандующим, он призвал обоих консулов того года: Кн. Сервилия Гемина и избранного вместо павшего Фламиния М. Аттилия Регула и передал им начальство над армией с просьбой остаться верными его стратегическим планам, что и было ими исполнено.

Из консулов следующего, 216 г. только Эмилий Павл был опытным воином, решившим не отступать от указа Фабия. Напротив, другой, Теренций Варрон, любил черни, не переставал кричать в народном собрании, что война не может прекратиться до тех пор, пока полководцы будут избираться из дома Фабиев, а что он, Вар-

рон, разобьет неприятеля в тот самый день, когда увидит его. Последствием его безрассудной смелости было страшное поражение при Каннах. Твердость и непоколебимое достоинство сената после этого несчастного сражения, среди общего отчаяния и испуга, были главным образом делом старого Фабия, который своими разумными советами и несокрушимым мужеством снова восстановил в народе доверие и надежду; ему же Рим был обязан тем, что в пору общего горя старая вражда партий была устранена и сенат решил выйти с приветствием навстречу возвратившемуся с битвы при Каннах Варрону.

В следовавшие за битвой при Каннах годы Рим ставил во главе своих войск наилучших своих людей в качестве консулов, проконсулов и преторов. Главным же образом он прибегал к содействию Фабия и Клавдия Марцелла — «щиту и мечу Италии». Вследствие этого война приняла более постоянный ход, и Ганнибал постепенно лишался одного преимущества за другим. Фабий был избран в третий раз консулом в 215 г., четвертый раз — в 214 г. В это время он завоевал многие города в Кампании, Самниуме, Апулии и Лукании. К походу четвертого консульского года относится следующий анекдот, служащий доказательством добродушия и мудрой кротости Фабия. До его сведения дошло, что один марзсийский воин в его войске, по имени Статилий, славившийся своим мужеством и благородством, был обойден наградой и вследствие этого позволял себе резкие выходки против начальства; Фабий позвал его к себе, добродушно выслушал и сознался, что с ним поступили несправедливо. «В этот раз, — сказал он, — я обвиняю командиров в том, что они отличают людей больше по своему пристрастию, чем по их заслугам; в дальнейшем буду обвинять тебя самого, если ты будешь молчать и не обращаться со всяким делом прямо ко мне, твоему главному полководцу». С этими словами он подарил ему боевого коня и украсил его орденом, вследствие чего этот человек сделался навеки преданным ему. «Кто управляет другими людьми, — говорил Фабий, — тот должен находить главное воспитательное средство в добре и приветливости и поступать точно так

же осторожно, как поступает садовник с дикими оливковыми и фиговыми деревьями, когда желает превратить их в садовые».

В 213 г. консулом стал сын Фабия, Квинт Фабий Максим, и отец сопровождал его в качестве легата в походе против Ганнибала. Когда сын, предшествуемый своими ликторами, двинулся навстречу подъезжавшему к нему отцу, ликторы из уважения к почтенному старику пропустили его мимо себя без остановки, только в ту минуту, когда Фабий доехал до последнего ликтора, консул приказал этому чиновнику исполнить свой долг, и ликтор крикнул старику, чтобы тот слез с лошади. Тут отец соскочил на землю и сказал: «Я хотел только увидеть, сын мой, хорошо ли ты знаешь, что ты консул». Этот сын Фабия умер в молодые годы, и отец перенес его смерть с большим спокойствием; он сам прочел на площади надгробную речь, которую впоследствии издал.

В пятый раз Фабий был избран консулом в 209 г. и получил назначение в Тарент. Ему удалось посредством измены возвратить этот город римлянам.

Рассказывают, что Ганнибал вернулся к Таренту не позже как через два часа после завоевания города и, увидев, что Тарент потерян для него, сказал: «Стало быть, и у римлян есть свой Ганнибал! Потому что на счет Тарента мы должны сказать: как приобрели, так и потеряли!» После этого он двинулся обратно в Метапонт и старался заманить хитростью Фабия в засаду. С этой целью он отправил ему письмо, будто бы написанное двумя метапонскими гражданами, в котором эти последние обещали ему передать в его руки город, как только он появится. Фабий действительно хотел принять это приглашение, но так как предзнаменование богов было неблагоприятно, то он отказался от своего намерения, и скоро открылось, что письмо это было написано самим Ганнибалом и что этот последний ждал своего врага у ворот города.

В то время когда Тарент попал под власть Ганнибала, городом командовал Марк Ливий. Среди общего смятения он бежал в крепость; в ней же он оставался и тогда, когда городом снова завладел Фабий. Почет, оказыва-

вшийся Фабию за этот подвиг, возбудил в Ливии негодование и зависть и побудил его однажды сказать в сенате, что не Фабию, а ему обязано римское государство завоеванием Тарента. На это Фабий сказал ему с усмешкой: «Ты прав, потому что, не упустив ты город в то время из своих рук, мне не удалось бы завладеть им».

Завоевание Тарента, вследствие которого Фабий отпраздновал блистательный триумф, было его последним военным подвигом; но почтенный старик все еще играл значительную роль в сенате, где он был первоприсутствующим. Ему не удалось, однако же, удержать в Риме Сципиона, который после завоевания Испании хотел перенести войну в Африку.

В 203 г. Сципион принудил Ганнибала оставить наконец Италию, и римляне могли свободно вздохнуть после долговременных тревог и смятений. Сенат и граждане поднесли почти 90-летнему Фабию, как единственному полководцу, пережившему тяжелое время войны, венец из терна, в знак того, что ему и его соратникам Италия обязана своим спасением. Но до самого конца войны Фабий не дожил; он умер в том самом году, в котором Ганнибал оставил Италию. Какой старости достиг он, можно заключить из того, что он в течение 62 лет исполнял должность авгура, должность, на получение которой имели право только люди зрелого возраста. Народ почтил заслуженного мужа тем, что принял на свой счет издержки по его похоронам.

21. МАРК КЛАВДИЙ МАРЦЕЛЛ

Клавдий Марцелл, прозванный «мечом Италии», был истинный воин, храбрый солдат, наделенный большой физической силой, и превосходный полководец, соединявший со смелой отвагой осторожность и присутствие духа; при этом он обладал рыцарскими качествами — справедливостью и бескорыстием, кротостью и приветливостью. Но когда дело касалось интересов Рима, он умел быть также строгим и беспощадным. Он любил греческую культуру и греческий язык, хотя военная карьера оставляла ему мало времени для занятий.

В первый раз Марцелл вступил на военное поприще во время первой Пунической войны в Сицилии, где он участвовал в сражениях против Гамилькара. В одном из этих сражений он спас жизнь своему усыновленному брату Отацилию, закрыв его своим щитом и убив нападавших на него воинов. За это полководец наградил его венком. Вскоре после того он был сделан курульным эдилом, потом авгуром. В 222 г. народ избрал его консулом и поручил ему совместно с его товарищем Кн. Корнелием Сципионом воевать с галлами на берегах реки По. Галлы, долго остававшиеся в бездействии, в 225 г. снова затеяли войну против Рима, вторглись с большим войском в Этрурию и намеревались двинуться на самый Рим. Но войско их было

Марк Клавдий Марцелл

этом же самом поле битвы.

На помощь инсубрам вышло 30 тыс. трансальпийских галлов, из местности между Альпами и Роной; все они были опытные наездники и называли себя гезатами, т. е. наемными солдатами. Вследствие их прибытия война, которая была уже почти окончена, снова разгорелась. Оба консула осадили Ацерры, укрепленный город инсубров. Чтобы оттеснить их оттуда, предводитель гезатов Виридомар с 10 тыс. человек вторгся в земли к югу от По. Тогда Марцелл оставил своего товарища со всей тяжелой пехотой и третьей частью конницы перед Ацеррами, а сам с остальной кавалерией и легкой пехотой погнался за гезатами и безостановочно шел день и ночь, пока не достиг их около занятого римлянами Кластидиума. Для отдыха не оставалось ни минуты, потому что, как только галлы увидели неприятеля и его малочисленность, они с криком кинулись на него. Чтобы не быть подавленным численностью, Марцелл поставил впереди себя свои эскадроны таким образом, что одно крыло стояло почти против другого. Но в ту минуту как он дал знак к нападению, лошадь его испугалась диких криков неприятеля и кинулась назад. Чтобы не поселить в такую важную минуту в своих солдатах никакого суеверного предчувствия, Марцелл повер-

почти совсем уничтожено при Теламоне. После этой победы римляне решили напасть на галлов в их собственной стране и окончательным покорением их навсегда положить конец вторжениям этого народа в Италию. В 224 и 223 гг. были покорены галльские племена к югу от По — лингоны, бойи и анары. Консул Фламиний, впоследствии павший при Тразименском озере, переправился в 223 г. через По и разбил в кровопролитном сражении инсубров, самое могущественное племя галлов. Марцелл и Сципион появились в следующем году на

нул налево кругом и стал молиться солнцу, желая этим показать, что он нарочно сделал такой поворот, так как римский обычай требовал употребления при молитве такого приема. В это же время он дал обет принести в дар Юпитеру Феретрию так называемое *spolia opima*, т. е. вооружение, отнятое одним предводителем у другого. Завидев Марцелла, Виридомар — высокая, страшная фигура, в блестящем вооружении, украшенном золотом, серебром и пурпуром, — кинулся ему навстречу. Первым же ударом копья Марцелл сбросил его на землю и в ту же минуту поразил насмерть вторым и третьим ударом. После того он соскочил с лошади и, положив руку на вооружение мертвого, воскликнул, обратившись к небу: «Юпитер Феретрий, ты, вззирающий с небес на боевые подвиги полководцев, будь мне свидетелем, что я третий полководец, собственноручно убивший неприятельского военачальника и государя для того, чтобы принести тебе в дар первую и славнейшую добычу! Пошли нам такое же счастье в дальнейших наших действиях!» Ободренные этим, всадники и пехотинцы Марцелла вступили в рукопашный бой с испуганным неприятелем и в короткое время одержали блистательную и удивительную победу. Неприятель, намного превосходивший их численностью, был почти совершенно уничтожен.

С богатой добычей вернулся Марцелл к своему товарищу, который в это время подошел к Медиолану (Милан), столице инсубров. Но вместо того чтобы осадить этот город, он сам был осажден инсубрами. Прибытие Марцелла изменило, однако, положение дел. Гезаты, узнав о смерти своего государя, отступили, и Медиолан покорился, после чего и остальные галльские города отдались во власть римлян.

Марцеллу за его подвиги в Галльской войне был назначен триумф, и он отпраздновал его, торжественно провозя через весь город на колеснице в храм Юпитера Феретрия свою добычу и принеся ее там в дар богу. Римляне были так обрадованы окончанием Галльской войны, что из благодарности Аполлону отправили в подарок в Дельфы золотой сосуд в 50 фунтов весом и уделили значитель-

ную часть военной добычи союзным городам и царю Гиерону Сиракузскому.

Римляне занимались еще заложением крепостей (Плаценция, Кремона и Мутина) и прокладыванием дорог для обеспечения за собой завоеванных галльских земель до Альп, когда Ганнибал снова спустился с Альпийских гор и снова сделал положение сомнительным.

Почему Марцелл в первые годы войны с Ганнибалом не занимал никакого значительного поста, нам неизвестно; только после поражения при Каннах он снова выступил вперед. В то время он получил назначение на должность претора в Сицилии и находился в Остии, откуда должен был отправиться на свой пост с двумя легионами, когда ему было приказано двинуться с одним легионом в Канузию и принять главное начальство над войском, уцелевшим в сражении при Каннах. Назначенный же как раз в это время диктатором М. Юний Пера набрал в Риме четыре новых легиона для похода против Ганнибала. Из Апулии Марцелл двинулся в Кампанию, где опередил его Ганнибал с целью завладеть Капуей. Благодаря своей смелости и осторожности Марцеллу, которому было в то время уже за 50 лет, удалось в этом и в следующем году (216 и 215) стать относительно Ганнибала в значительно выгодное положение, и этим, после стольких поражений, он снова отчасти поднял мужество и энергию римлян.

В Кампании война велась за обладание отдельными городами, в которых народная партия стояла на стороне Ганнибала, а партия сената и дворянства - на стороне римлян. В числе прочих и граждане Нолы желали примкнуть к Ганнибалу, но сенат сумел остановить это дело, а между тем призвал Марцелла. Марцелл занял Нолу еще до прибытия Ганнибала. Самым ревностным приверженцем Карфагена был пламенный юноша Л. Бандий, который в сражении при Каннах очень храбро сражался под римскими знаменами и в конце битвы был найден тяжело раненный среди трупов. Ганнибал призрел его и вылечил, затем, наградив богатыми подарками, отпустил домой, как милого гостя. Прибыв на родину, Бандий

употребил все свое влияние, чтобы склонить своих сограждан к отделению от Рима. Марцелл мог бы его казнить и тем сделать безвредным для себя, но у него не хватило духу умертвить воина, так храбро сражавшегося за Рим в самые критические минуты; он предпочел привлечь его снова на сторону Рима добротой и приветливостью. Поэтому, встретив его однажды на улице, Марцелл вступил с ним в разговор и спросил его имя. Юноша назвал себя, и тогда Марцелл с радостью и удивлением воскликнул: «Стало быть, ты тот самый Бандий, о котором в Риме так много говорили, который один из всех сражавшихся при Каннах не покинул консула Эмилия Павла и принял в свою грудь пущенную в консула стрелу!» Бандий отвечал утвердительно и показал некоторые из своих ран. «И с таким доказательством преданности твоей к нам, — сказал Марцелл, — ты не явился тотчас же ко мне? Неужели ты думал, что мы ценим так дурно в наших друзьях заслуги, которых не может не оценить даже враг!» — с этими словами он протянул ему руку и подарил боевого коня и 500 драхм серебра. С этой минуты Бандий сделался вернейшим союзником и товарищем Марцелла и ревностно помог ему подавить возмущение.

В это время Ганнибал появился перед Нолой и ежедневно выводил свое войско из лагеря, между тем как Марцелл выставил свои войска перед стенами города для защиты этого последнего. Произошло несколько небольших стычек, но ни один из предводителей не хотел подать знак к генеральному сражению. Между тем знатнейшие жители Нолы уведомили однажды Марцелла, что граждане собираются на ночные сходки с карфагенянами и замыслили, как только римское войско выйдет из ворот, напасть на его обоз, ворота затворить и, заняв стены, впустить в город вместо римлян карфагенян. Это обстоятельство побудило Марцелла вступить в сражение, прежде чем в городе вспыхнуло восстание. Он разбил свое войско на три отделения, поставил их внутри города у трех ворот, которые вели к неприятелю, велел обозу следовать за ним, а дровосекам, маркитантам и негодным к бою людям приказал нести сваи. У средних ворот он поместил

свои храбрые легионы и римскую конницу, а у обоих боковых — новобранцев, легкую пехоту и конницу союзников. Жителям Нолы было запрещено подходить к стенам и воротам, а обозу дано было особое прикрытие.

Ганнибал, как он уже делал это в продолжение нескольких дней, стоял до глубокого вечера перед своим лагерем в боевом порядке и удивлялся, что римские войска не делали вылазки и что на стенах не показывался ни один человек. Он предположил, что римляне узнали о его переговорах с жителями Нолы и потому боялись выходить из города. Вследствие этого он решил штурмовать стены города, надеясь, что во время этой атаки граждане произведут в городе восстание. Приказав принести из лагеря все орудия штурма и поставив их в первом ряду, Ганнибал двинул свои войска против стен и ворот. В это время Марцелл внезапно открыл ворота, и римляне при трубных звуках и с боевыми криками, выставив вперед пехоту, яростно ударили неприятеля. Центр карфагенских войск уже был объят ужасом и смятением, когда и из обоих боковых ворот устремились на правое и левое крыло неприятеля легаты Валерий Флакк и Аврелий. Маркитанты, дровосеки и прикрытие обоза усилили криками общую сумятицу, так что карфагеняне подумали, что перед ними огромная армия. В короткое время карфагенское войско было отбито в свой лагерь с большой потерей. Рассказывают, что они потеряли 2800 человек, тогда как у римлян погибло только 500. Это была первая победа, одержанная римским полководцем над Ганнибалом.

После отступления Ганнибала от Нолы Марцелл занял ворота, для того чтобы никто не мог выйти из города, и затем на площади произвел следствие над теми, которые вели тайные переговоры с неприятелем. Более семидесяти граждан были признаны виновными в измене и обезглавлены, а имущество их конфисковано. После этого Марцелл передал сенату управление городом и отправился в Суэссулу, где разбил лагерь на том возвышении, которым долго пользовались римляне для прикрытия Нолы и других городов Кампании.

В награду за этот блистательный подвиг Марцелл единогласно был избран консулом и на следующий, 215 г.,

но так как во время этого избрания гремел гром и жрецы объявили это неблагоприятным предзнаменованием, то он отказался от консульской должности и был сделан проконсулом. Впрочем, действительной причиной его отказа послужило то, что он точно так же, как и другой консул Тиберий Семпроний Гракх, был плебеем, а по закону оба консула не могли быть из плебеев. На его место выбрали Фабия Максима Кунктатора. И в этом году Марцелл снова командовал кампанийским войском в лагере при Суэссуле и при Ноле и. оттуда совершал частые опустошительные походы в страну самнитян и гирпинов, державших сторону Ганнибала. Когда Ганнибал выступил против него, он замкнулся в стенах Нолы, между тем как карфагенский полководец расположился лагерем на расстоянии около тысячи шагов от города. Ганнибал пытался сначала овладеть городом посредством измены, но так как это не удалось, то он окружил город войском, чтобы в одно и то же время ударить штурмом на стены со всех сторон. Как только Марцелл заметил его приближение к стенам города, он сделал штурмовую вылазку со всем своим войском. Первое нападение окончилось избиением многих застигнутых им врасплох, но когда на битву сбежались все остальные и силы обеих сторон уравнились, то началось страшное сражение, обещавшее сделаться одним из самых замечательных за всю эту войну. Но вдруг разразилась сильная буря и пошел такой страшный проливной дождь, что пришлось прекратить битву. Карфагеняне потеряли 400 человек, а римляне — 50. Ливень длился всю ночь до 9 часов утра следующего дня, поэтому обе стороны, несмотря на свое желание сразиться, остались в этот день за своими укреплениями. Когда же на третий день Ганнибал вывел на грабеж в окрестностях Нолы часть своих войск, Марцелл немедленно выступил со своим войском. Ганнибал принял сражение и после долговременной и жестокой сечи был отеснен в свой лагерь; он потерял 5 тыс. убитыми, 600 пленными и 19 знамен; четыре слона были убиты, два взяты в плен. У римлян погибло меньше тысячи человек. Доставшееся в качестве добычи оружие Марцелл сжег, так как он заранее обещал принести его в дар

Вулкану. Через три дня после этого сражения на сторону Марцелла перешли 1272 нумидийских и испанских всадника, которые и оставались верными римлянам до конца войны, когда в награду за храбрость испанцы получили поземельную собственность в Испании, а нумидийцы — в Африке.

В 214 г. Марцелл был избран консулом вместе с Фабием Максимом. В этом звании он вел некоторое время войну в Кампании и в третий раз одержал значительную победу над Ганнибалом при Ноле, после чего был послан в Сицилию, где предстояла война с Сиракузами. В Сиракузах в это время, вероятно в начале 214 г., был убит Гиероним, внук Гиерона, дравшийся под знаменами Карфагена, и город пытался снова вступить в союз с римлянами. Однако ж двое граждан, Гиппократ и Эпикид, родившихся в Сиракузах, но воспитанных в Карфагене, с помощью наемных войск захватили власть в свои руки, и с этих пор можно было опасаться, что город открыто перейдет на сторону Ганнибала. Вскоре эти двое действительно вовлекли Сиракузы в новую войну с Римом, и тогда Марцелл вместе с претором Аппием Клавдием, который уже прежде стоял в Сицилии с войском, приступил к осаде Сиракуз.

Сиракузы превосходили в это время размерами Рим: сильные и высокие укрепления, которыми окружил их тиран Дионисий Старший, простирались на 180 стадий и обнимали собой, кроме старых восточных частей, Назос (остров) и Ахрадину, городские кварталы Тиху, Неаполис и Эпиполы. Марцелл пустился со ста кораблями на штурм Ахрадины, стены которой омывались морем, между тем как Аппий Клавдий угрожал городу на суше, а именно с Гексапилона, составлявшего одни из ворот Эпипол. Из кораблей, атаковавших стены Ахрадины, большая часть, снабженная стрелками и пращниками, держалась в некотором отдалении и осыпала стены таким множеством выстрелов, что удержаться на них было весьма трудно. Остальные восемь пятивесельных судов, которые должны были подойти к самым стенам, были соединены одно с другим попарно, и на них были построены башни в несколько этажей, снабженные мостами в уровень со стенами для того, чтобы с

кораблей можно было прямо войти в город. Эти обширные приготовления, однако, не удалось, благодаря гениальным способностям одного человека, а именно знаменитого математика и механика Архимеда. Он выставил на стене по направлению к морю изобретенные им орудия различной величины и метал из них в корабли тяжелые камни; те же суда, которые стояли ближе, он осыпал более легкими, но зато более многочисленными ударами. Сверх того, чтобы дать своим согражданам возможность вернее обстреливать город, он пробил в стене снизу доверху множество амбразур, имевших внутри ширину в аршин, а снаружи в пять пальцев. Как только какой-нибудь корабль подходил близко к стене, Архимед, при помощи поставленных на ней подъемных бревен, к которым были прикреплены так называемые железные руки, схватывал его и поднимал в высоту таким образом, что он держался только на задней части, и потом внезапно опускал его, вследствие чего корабль стремительно падал в воду и тонул. Этими же железными руками захватывались солдаты, которые тоже подбрасывались в высоту и затем кидались в море. Вследствие всего этого нападение с моря окончилось полной неудачей, и штурм начали затем с суши. Но и здесь уже во время Гиерона Архимед с редким искусством укрепил стены орудиями всякого рода, так что и в этом году все усилия римлян остались бесплодными, и Марцелл после восьмимесячной осады ограничился обложением города как с моря, так и с суши, с целью принудить жителей к сдаче голодом.

Между тем карфагеняне, которые до этого времени помогали сиракузянам своим флотом, высадили на Сицилии и сухопутное войско из 25 тыс. человек под предводительством Гимилькона и овладели Агригентом и многими другими городами. Гиппократ, смелый и способный военачальник, вышел из Сиракуз с 10 тыс. человек для соединения с Гимильконом, и большая часть сицилийских городов примкнула к карфагенянам, главным образом потому, что испугалась и пришла в негодование от жестокостей и строгости, с которой действовали римляне на острове. Вследствие этого положение Марцелла в конце 213 г. было не совсем благоприятное. Тем не менее в

начале 212 г., однажды ночью, когда в Сиракузах происходило празднество в честь Артемиды и часовые на стенах заснули после обильной попойки, ему удалось взойти на городскую стену в одном из наиболее низких участков ее и занять часть предместья Эпипол. На следующее утро, вторгнувшись в город со всем своим войском, он без особого сопротивления со стороны сиракузян овладел тремя предместьями: Эпиполами, Тихой и Неаполисом, которые тут же были ограблены, но без кровопролития. Ахрадина и Назос, древние части города, отделенные от предместий высокими стенами, остались в руках неприятеля, а вскоре после того сдалась и крепость Эвриалос, находившаяся вне города и прикрывавшая собой дорогу, которая вела в глубь Сицилии.

Рассказывают, что когда Марцелл, войдя в предместье, посмотрел сверху на Сиракузы и подумал о многолетней славе этого прекрасного города, о том, как он не раз уничтожал афинский флот, как переносил столько войн с карфагенянами, как блистал под владычеством стольких могущественных государей, — то мысль о скором конце этой столицы, о пожаре вызвала в римском полководце глубокое сожаление и слезы. Чтобы спасти город от этого бедствия, он через сиракузян, находившихся в его лагере, обратился к гражданам с предложением сдать ему город. Но граждане уже не были хозяевами города — он находился в руках грубых солдат и римских перебежчиков, которые знали, что в случае сдачи им нечего рассчитывать на помилование. Вследствие этого Марцелл должен был решиться на осаду и окружил Ахрадину тремя лагерями. Между тем Гимилькон и Гиппократ появились со своими войсками на выручку городу и, поддерживаемые карфагенским флотом и сиракузским гарнизоном, попытались совершить нападение на римские позиции, но были отбиты во всех пунктах, и оба эти войска вынуждены были расположиться лагерем на болотистых берегах протекавшей к югу от Сиракуз реки Анапа. Но зной вызвал страшную моровую язву, уносившую людей массаами, в то время как римские войска, стоявшие в предместьях, терпели только незначительные потери. Гимилькон и Гиппократ умерли от чумы, вся ар-

мия разошлась, карфагенский флот, стоявший в гавани, бежал; Эпикид, командовавший в городе, удалился в Агригент. После этого сиракузские граждане попытались войти в соглашение с римлянами, но перебежчики, боявшиеся выдачи, и наемные войска убили представителей гражданского населения, воспрепятствовали сдаче города и передали защиту его избранным ими офицерам. Однако один из этих последних, испанец Мерик, вступил в тайные переговоры с Марцеллом и передал в его руки квартал Назос. Как только римляне утвердились здесь, перебежчики и наемники бежали из Ахрадины и предоставили гражданам заключить мир с римлянами. Город пощадили, свободным граждан оставили в живых, а войска занялись грабежом.

При этом грабеже погиб, подобно многим сиракузянам, и Архимед, хотя Марцелл дал особое приказание пощадить его.

Завоевание Сиракуз относится к концу 212 г. Город утратил свою самостоятельность и вместе с другими прежде принадлежавшими ему местностями был обложен данью. Марцелл перевез отсюда в Рим многие художественные произведения и поставил их там в различных храмах — первый пример, что Рим украсился произведениями искусства, захваченными в завоеванном городе.

После завоевания Сиракуз Марцелл принимал еще некоторые меры к усмирению волнений на острове, разбил карфагенское войско при Агригенте и только в конце 211 г. вернулся в Рим; но полное покорение Сицилии совершилось только в 210 г. Марцеллу, из-за происков его завистников и врагов, было отказано сенатом в триумфе под тем предлогом, что война с Сицилией была еще не совсем окончена и войска не возвратились на родину вместе с ним. Он удостоился только малого триумфа, так называемой овации, но канун своего торжественного вступления в город отпраздновал еще частным триумфом на Альбанской горе.

В 210 г. Марцелл был избран консулом в четвертый раз. Уже в начале этого года он из-за интриг своих противников был обвинен сиракузянами перед сенатом в том,

что крайне жестоко обошелся с городом, бывшим всегда одним из верных союзников Рима. Марцелл защищался с достоинством и был оправдан. Тогда посланные для обвинения его бросились к его ногам и просили простить их и удостоить город Сиракузы своей помощью и защитой. Консул отнесся к ним милостиво, простил их и впоследствии дал Сиракузам еще много доказательств своей благосклонности. За это сиракузяне осыпали его большими почестями и постановили, чтобы каждый раз, как Марцелл или его потомки будут вступать на почву Сицилии, все граждане Сиракуз надевали венки и приносили жертвы богам.

После этого процесса Марцелл отправился к своему войску в Южной Италии и вел войну с Ганнибалом со своей обычной смелостью и энергией. Он завоевал Салапию в Апулии и многие города в Самниуме, причем в его руки попали богатые запасы фруктов и денег и три тысячи человек из граждан Нижней Апулии. Когда вскоре после этого проконсул Кн. Фульвий Центумад, вследствие удачной вылазки Ганнибала, потерпел при Гердонию полное поражение с 11 тыс. римлян, Марцелл написал сенату, что при Гердонию римляне потеряли полководца и войско, но что он уже на пути к тому, чтоб отнять у неприятеля радость этой победы. В Риме письмом Марцелла усилило опасение за будущее. Но консул, согласно своему обещанию, погнался за Ганнибалом и при Нумистро в Апулии разбил лагерь на виду у него, на равнине, несмотря на то, что Ганнибал стоял на возвышении в укрепленной позиции. На следующий день Марцелл выстроился в боевой порядок, и тут на равнине, куда спустился неприятель, произошла кровопролитная битва, начавшаяся в 9 часов и закончившаяся только с наступлением ночи. Сражение осталось нерешенным. На рассвете Марцелл выступил из лагеря, занял позицию среди трупов убитых и вызвал противника на окончательный бой. Но Ганнибал отступил и этим дал Марцеллу перевес. Марцелл предоставил своим воинам возможность ограбить неприятельские трупы, велел похоронить своих и преследовал Ганнибала дальше, постоянно сражаясь с ним и ни разу не позволив заманить себя во многие засады, которые неприятель расставлял ему.

На следующий, 209 г. римляне снова оставили Марцелла в должности проконсула, чтобы не мешать ему в борьбе с Ганнибалом. По соглашению с консулом Фабием Максимом, осаждавшим в это время Тарент, он старался сильным нападением удержать Ганнибала от движения на помощь Таренту. Когда Марцелл настиг карфагенского полководца возле Канузиума в Апулии, то Ганнибал, видя, что эта местность совершенно открытая и что в ней не было никакого уголка для устройства засады, мало-помалу удалился в более возвышенную лесистую местность. Марцелл следовал за ним по пятам, везде устраивая свой лагерь против его лагеря, и наконец вступил против него в бой со своими легионами. Ганнибал снялся ночью, но Марцелл настиг его на открытой и ровной местности и не дал укрепиться. Завязался кровопролитный бой, в котором участвовали все войска, но который остался нерешенным вследствие наступления ночи. Оба войска укрепились в лагерях на весьма недалеком расстоянии друг от друга. На рассвете Марцелл снова двинулся в битву, в которой пало 2,7 тыс. римлян.

По возвращении в лагерь Марцелл собрал свои войска и осыпал их самыми жестокими упреками, которые еще более огорчили их, чем полученные раны и понесенные потери. «Я благодарю богов, — сказал Марцелл, — что враг не напал также на лагерь; иначе вы, малодушные трусы, оставили бы и его — до такой степени вы позабыли, кто вы такие и с кем пришлось вам сражаться. Предо мной только римские фигуры и римское оружие, но римских солдат я не вижу! Разве мог бы враг, если б в вас сохранилось прежнее ваше мужество, увидеть ваш тыл или отнять у вас хотя бы одно знамя? До сих пор он похвалялся только тем, что рубил римские легионы; вы же доставили ему в первый раз честь обратиться в бегство римских солдат!»

После этой гневной речи полководца войска разразились криками о прощении за малодушный поступок нынешнего дня. Они уговаривали его снова испытать их мужество. С наступлением дня римляне выкинули красное знамя. Впереди полководец поставил тех, которые первые

бежали вчера, и те когорты, которые потеряли свои знамена. Марцелл объявил своим солдатам, что он требует боя и победы от всех их, что каждый из них должен стремиться к тому, чтобы весть о вчерашнем их бедствии дошла до Рима не раньше, чем известие о нынешней победе. Когда Ганнибалу донесли, что неприятель выступил, он воскликнул: «Клянусь богами, мы имеем дело с врагом, который не может успокоиться ни в несчастье, ни в счастье: победив, он смело преследует побежденных; потерпев поражение, вступает в новую борьбу с победителем!» Затем он велел трубить и также двинулся вперед.

С обеих сторон войска дрались с еще большим ожесточением, чем накануне. Так как бой долго оставался нерешенным, то Ганнибал выдвинул вперед слонов. В то время как эти животные растапывали все вокруг себя или разгоняли испуганных солдат, один из римских военачальников, К. Децимий Флав, вырвал у знаменосца первого отряда знамя, крикнул отряду следовать за ним и с такой силой ударил в первого слона древком знамени, что тот повернул назад; то же самое сделал он и со вторым и третьим слоном, и скоро все эти животные, осыпанные градом стрел, как раненные, так и не раненные, обратились в бегство и ворвались в свои собственные ряды. Тогда Марцелл тотчас же двинул на врага свою пехоту и, опрокинув его, послал вдогонку беглецам конницу. Преследование прекратилось только тогда, когда все враги укрылись в лагере. В самом лагере карфагеняне понесли еще более значительные потери: туда ворвались и остановились в воротах два слона, а так как вследствие этого бежавшие воины нашли путь загороженным и вынуждены были перебираться через ров и стены, то произошла ужасная суматоха, в которой настигшие победители устроили страшное кровопролитие. Ганнибал потерял 8 тыс. человек и пять слонов. Но и римлянам победа стоила много крови, вследствие чего Марцелл нашел невозможным преследовать Ганнибала, снявшегося с места в ту же ночь.

Едва Ганнибал освободился от соседства Марцелла, как он двинулся вперед, все опустошая огнем и мечом. Марцелл, как только что сказано, не был в состоянии

воспрепятствовать этому. Этим обстоятельством воспользовались его противники в Риме: они поспешили обвинить его перед судом, но Марцелл, поехавший ради этого дела в Рим, защищался так блистательно, что был не только оправдан, но и снова избран в консулы на следующий год (208). Это было его пятое консульство, если считать и то, которое он сложил с себя вскоре после выбора.

Усмирив сначала восстание в Этрурии, консул Марцелл двинулся со своим товарищем Квинкцием Криспином в Апулию, где оба стали отдельными лагерями между Венузией и Бантией, на расстоянии 3 тыс. шагов друг от друга. Ганнибал разбил свой лагерь против них. Между ним и римлянами находилось лесистое возвышение, которое он счел более удобным для засады, чем для лагеря; вследствие этого он спрятал там довольно значительное число своих легких войск. Но в римском лагере все были того мнения, что в этой выгодной позиции следует разбить лагерь или, по крайней мере, поставить сильный пост для того, чтоб Ганнибал не мог овладеть ею. Желая лично ознакомиться с этой местностью, оба консула отправились туда в сопровождении 220 всадников, из которых 40 были из фрегелл, а все остальные — этруски. Как только этот отряд вступил в ущелье, неприятель напал на него со всех сторон. Этруски успели еще спастись бегством, но фрегельцы окружили консулов и сражались вместе с ними. Положение дела было, однако, таково, что и самое отчаянное мужество не могло бы принести здесь никакой пользы. Марцелл, пораженный копьем в бедро, упал в предсмертных мучениях с лошади, Криспин был ранен двумя копьями, и точно так же получил рану сын Марцелла. Наконец, все оставшиеся в живых вместе с Криспином и молодым Марцеллом поспешили в лагерь. Убитых здесь было не более 40 человек, взято в плен пять ликторов, восемнадцать всадников. Криспин умер через несколько дней от раны. Таким образом, Рим в одной битве потерял двух консулов.

Марцелл умер, имея 60 лет с лишком от роду. Услышав о его смерти, Ганнибал поспешил на место битвы,

подошел к трупу и долго смотрел на благородную, мощную фигуру, не произнося ни слова, не обнаруживая ничем своей радости. Но его удивила странная смерть знаменитого противника, так мало сочетавшаяся с его возрастом и известным благоразумием. Он снял с пальца Марцелла кольцо, оказал трупу подобающий почет, сжег его в пурпурном плаще и с лавровым венком на голове и отправил пепел в серебряной урне и с золотым венком сыну. Рассказывают также, что нумидийцы, встретившись с депутацией, которая везла урну, вступили из-за нее в бой, причем пепел просыпался. Услышав об этом, Ганнибал сказал: «Стало быть, ничто не может совершиться, коли боги не хотят этого». И хотя он наказал нумидийцев, но уже не заботился о том, чтобы собрать и похоронить рассыпавшиеся останки.

Род Марцелла продолжал процветать до Марцелла, сына Гая Марцелла и Октавии, сестры Августа, который умер в молодые годы после кратковременного брака с Юлией, дочерью Августа.

22. ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ СЦИПИОН АФРИКАНСКИЙ СТАРШИЙ

Публий Корнелий Сципион, победитель Ганнибала при Заме, закончил вторую Пуническую войну, при Тицино. Будучи еще 17-летним юношей, он спас жизнь своего раненого отца, консула Публия Корнелия Сципиона (218). Два года спустя, в битве при Каннах, он был уже военным трибуном. После этого сражения он спасся бегством в Канузиум и вместе с более старшим трибуном Аппием Клавдием Пульхером принял начальство над солдатами, собравшимися в этом городе после поражения при Каннах. В то время когда оба трибуна вместе с другими военачальниками совещались о положении дел, им доложили, что несколько знатных юношей с неким Цецилием Метеллом во главе, отчаявшись спасти отечество, решили искать убежища по ту сторону моря при каком-нибудь иноземном царском дворе. Услышав об этом, молодой Сципион, исполненный высокого мужества и уверенности в том, что победа в конце концов останется за его родиной, поспешил во главе своих вооруженных друзей в собрание мятежников и, подняв с благородным гневом над их головами свой обнаженный меч, заставил их поклясться, что они не оставят земли римского народа и не допустят до такого поступка и кого-либо другого из

коренных римлян. После этой клятвы все они добровольно отдались под начальство Сципиона.

В 212 г. Сципион был выбран эдилом. Так как он не достиг еще узаконенного возраста для занятия этой должности, то народные трибуны не хотели допустить его к выборам, но Сципион сказал: «Если квириты хотят, чтобы я был эдилом, то, стало быть, я достаточно взрослый для этого». И граждане стали подавать голоса за него с таким рвением и в таком количестве, что трибуны тотчас же отказались от своей оппозиции.

В том же году умерли в Испании отец Сципиона и дядя Гней, которые с самого начала войны с Ганнибалом с большим успехом сражались там с обоими братьями Ганнибала и с Газдрубалом, сыном Гисгона. Их разбитые войска, которые до того отняли было у карфагенян почти всю Испанию, бежали за Эбро. Римляне поспешно отправили в Испанию пропретора Клавдия Нерона с 12 тыс. свежего войска, и он снова восстановил равновесие в военных силах. Но это был крутой, вспыльчивый человек, с надменными, аристократическими наклонностями и малоспособный к восстановлению старых связей с испанскими племенами и к приобретению новых союзников. Когда в Риме узнали, что карфагеняне делали большие приготовления, чтобы дать возможность Газдрубалу Барка идти с сильным войском из Испании в Италию для помощи своему брату, то сенаторы, ввиду важности испанских дел, решили отправить в Испанию высшего главнокомандующего с новым подкреплением для того, чтобы задержать Газдрубала. Теперь, когда Капуя пала и опасность войны в Италии уменьшилась, можно было употребить более значительные силы на войну в Испании.

Нового полководца для Испании должен был избрать народ; но на эту должность не оказалось кандидата, потому что ни одному из старых полководцев не нравилась Испанская война. Народ не знал что делать, сенат тоже был в недоумении, кого предложить на должность главнокомандующего, и тут неожиданно выступил вперед молодой 24-летний Сципион. Когда народ увидел перед со-

бой этого красивого юношу с вьющимися кудрями, с румянцем скромности на щеках и в то же время с выражением благородной самоуверенности, когда он услышал, с каким воодушевленным патриотизмом этот молодой герой вызывался идти на опасный пост, туда, где пали геройской смертью его отец и его дядя, - тогда раздались громкие крики радости, рукоплескание, и назначение Сципиона главнокомандующим было решено избранием не только всех центурий, но и всех граждан. Когда же после выборов волнение улеглось, наступило общее молчание, и каждый стал тревожно спрашивать себя, не поступил ли народ слишком поспешно, не действовал ли он больше под влиянием пристрастия и внезапного увлечения, чем рассудка. Особенно вызвала опасения молодость Сципиона. Правда, он уже во многих случаях доказал свою храбрость и воинственность, но достаточно ли он был готов к тому, чтобы стать во главе войска в трудной испанской войне, - это был еще вопрос. Многих тревожила мысль о несчастной участи его семейства: из среды двух осиротевших семейств шел он в страну, где ему придется действовать среди могил отца и дяди.

Увидев такое настроение толпы, Сципион обратился к народу с пламенной речью, в которой говорил о своем возрасте, своем военачальническом положении и предстоящей войне с таким величием духа и с таким мужеством, что всех слушателей охватила непоколебимая уверенность в успехе. Причина удивительного впечатления, произведенного этой речью, заключалась в своеобразной натуре этого необыкновенного человека. В его наружности было нечто величественное, чарующее, неодолимо действовавшее на всякого; он был исполнен высокого царственного духа, вдохновенной уверенности в самом себе и в своей счастливой звезде. Все, что делалось им перед лицом народа, делалось большей частью вследствие какого-нибудь ночного видения или божественного наития. Со времени вступления в зрелый возраст он, как рассказывают, не принимался ни за одно общественное или частное дело, не отправившись в Капитолий и не пробыв там некоторое время без свидетелей в храме Бога. Это обык-

новение сохранил он на всю жизнь, и оно послужило источником предания, что Сципион происходил от богов, что его отцом, так же как и отцом Александра Македонского, был громадный змей, которого часто видели в спальне его матери, но который внезапно исчезал каждый раз, как появлялся кто-нибудь посторонний. Сципион старался скорее поддерживать, чем опровергать эти рассказы. В сознании своего величия и своего высокого призвания он стоял выше всякой зависти и ненависти и охотно признавал чужие заслуги. Его талант военачальника не подлежит сомнению, хотя он и не может быть причислен к полководцам первостепенным; к тому же он был искусный дипломат, удивительно умевший понимать людей, тонкообразованный человек, в котором греческая культура была соединена с полнейшим римским национальным чувством, приветливый и милый собеседник. Человек с такими качествами не мог не играть в общественной жизни самой блистательной роли.

В конце лета 210 г. Сципион с титулом проконсула во главе 11 тыс. свежих войск отправился в Испанию в сопровождении пропретора М. Силана, который должен был заменить Нерона и служить молодому главнокомандующему советником, и своего адмирала и близкого приятеля К. Лелия. Объехав зимой страны союзников и зимнюю квартиру армии и повсюду приобретая доверие и любовь, Сципион следующей весной собрал свою армию в устье Эбро. Три неприятельских полководца - Могон и два Газдрубала — были в Испании далеко друг от друга, и между ними не было согласия. Вместо того чтобы напасть на одного из них и тем привлечь также двух других, Сципион предпринял смелый поход на Новый Карфаген — карфагенскую столицу в Испании, который оставался неприкрытым и где находились казна, оружие и военные запасы неприятеля, равно как и заложники испанских племен. Этот город представлял огромную важность для карфагенян, так как отсюда можно было удобно перебраться в Африку и так как тамошняя гавань, достаточно обширная для всякого, даже самого большого флота, была почти единственная на всем восточном берегу Африки. Сци-

пион оставил для прикрытия побережья Эбро Силана с 3 тыс. пехоты и 300 конницы, а сам с остальной армией в количестве 25 тыс. человек пехоты и 2,5 тыс. всадников двинулся вдоль берега к Новому Карфагену, между тем как флот под предводительством Лелия шел одновременно с сухопутными войсками. Через семь дней римляне дошли до Нового Карфагена и разбили лагерь в северной части города.

Сделав все приготовления к штурму, указав также флоту место в гавани, Сципион начал нападение с моря и с суши. Могон, предводитель городского гарнизона, приготовился к отчаянному сопротивлению. Так как его войска было недостаточно для занятия всех укреплений, то он вооружил, насколько это было возможно, граждан и выставил 2 тыс. из них на стенах города против римского лагеря. С 500 солдатами он занял крепость, а с остальными 500 расположился к востоку от города на возвышении; прочие же граждане получили приказание спешить туда, где раздастся громкий крик о помощи или вообще случится что-нибудь неожиданное. Вслед затем Могон сделал из ворот, находившихся против римского лагеря, вылазку, которую римляне отбили без большого труда, а затем со своей стороны начали штурмовать стены города. Римские войска бросились вперед с несокрушимым мужеством, потому что полководец шел впереди их, предшествуемый тремя юношами, защищавшими его своими щитами, но стены оказались так высоки, что только немногие лестницы достигали их зубцов, и чем выше были эти лестницы, тем скорее разламывались они под тяжестью поднимавшихся по ним солдат. К тому же неприятель защищался с отчаянным мужеством. Новые войска римлян сменили уставших, и битва становилась все серьезнее и ожесточеннее, в то время как экипаж флота штурмовал стены города со стороны моря. Защитники города были истощены до крайности, но штурм остался безуспешным.

Сципион, впрочем, и не ожидал особенного успеха ни от сухопутного, ни от морского нападения. Он предпринял их только с той целью, чтобы отвлечь внимание граждан. Дело в том, что Сципион слышал от моряков,

что стоячее озеро, примыкавшее к городской стене с западной стороны, до такой степени мелеет во время отлива, что через него можно было легко перейти вброд и добраться до городской стены. Поэтому, как только начался отлив, он взял с собой 500 человек и двинулся туда. Было часов двенадцать дня; море отхлынуло, как будто хотело открыть римлянам дорогу к городу. Тогда полководец обратился к своим солдатам с призывом — идти дальше под предводительством Нептуна и добраться до стен по морю, как по суше. Вода доходила солдатам едва до колен, в некоторых местах до пояса; взобраться на стены было нетрудно, потому что укреплений в этом месте не было никаких, его считали достаточно защищенным морем, а оборонявшие город сосредоточились в том пункте, который они считали наиболее опасным. Войдя без сопротивления в город, римляне устремились к воротам, где шла самая ожесточенная битва. Тут они внезапно ударили по неприятелю с тыла, и одна часть поспешила к воротам, чтобы открыть их своим. Войска ударили в ворота изнутри и извне, разбили их, и солдаты ворвались в город. Многие перелезли через стены, и вскоре все улицы города наполнились римлянами. Таким образом Сципион в один день завоевал столицу неприятеля.

Число пленных мужского пола достигало 10 тыс. человек; тех из них, которые были гражданами Нового Карфагена, Сципион отпустил на волю и отдал им как город, так и то, что пощадила война; 2 тыс. ремесленников были объявлены рабами римского государства, причем им было обещано скорое освобождение, если они будут усердно работать на римское войско. Остальные молодые жители и способные к труду рабы были отданы на корабли для усиления экипажа. Испанские заложники также попали в руки Сципиона, который обошелся с ними так, как будто они были дети союзников. Остальная добыча оказалась очень значительной: римляне получили 18 военных кораблей и 63 фрагтовых, из которых многие оказались с грузом пшеницы, оружия, меди, железа и полотна для парусов; кроме того, большие запасы орудий, а именно 120 катапульт самого большого размера, 281 менее значительного, 23 боль-

шие баллисты, 52 меньших, скорпионов разных размеров 14, много оборонительного и наступательного оружия и 74 знамени. Золотом и серебром полководцу было выдано 276 золотых чаш, из которых почти каждая весила около фунта, 18,3 тыс. фунтов чеканенного и обработанного серебра и множество серебряных кубков. Все это было взвешено и сосчитано в присутствии квестора К. Фламиния.

В тот же самый день Сципион вернулся с войском в лагерь и предоставил всем необходимый отдых; охрану же города поручил Лелию и своим матросам. На следующий день он созвал свои сухопутные и морские войска и принес бессмертным богам благодарность, а солдат похвалил за их мужество, приказав тому из них, кто первый взобрался на стену, выступить вперед для получения почетного венка.

Вслед за тем Сципион призвал к себе заложников испанских государств. Он советовал им не терять бодрости, потому что они попали под власть народа, который хочет привлечь к себе людей благосклонностью, а не страхом, и стремится привлечь к себе иноземные народы верностью и приязнью, а не покорять их, как рабов. После этой речи он передал их квестору, поручив ему обходиться с ними как можно мягче. В эту минуту из среды их к ногам полководца с плачем бросилась престарелая женщина, жена Мандония, одного из братьев Индибила, царя илергетов. Она умоляла его приказать надзирателям особенно заботиться о женщинах и охранять девиц от всяких оскорблений. Рядом с ней стояли красавицы - дочери Индибила и другие девушки такого же высокого звания, почитавшие ее как мать. Молодой полководец успокоил женщин приветливыми словами и передал их попечению человека испытанной нравственности, поручив ему обращаться с ними с таким же уважением, как с женами и матерями близких друзей.

В то же время привели к Сципиону взятую в плен девушку необыкновенной красоты. Он спросил ее, откуда она родом и кто ее родители, и между прочим узнал, что она невеста молодого и знатного кельтиберийца по имени Аллуция. Тогда полководец вызвал к себе в дом родителей и жениха и отдал последнему невесту, выпросив себе един-

ственное вознаграждение за нее — обещание, что Аллуций станет с этих пор другом римского государства. Между тем как юноша в радостных и трогательных выражениях высказывал Сципиону свою глубокую благодарность, родители невесты положили к его ногам большую сумму золота в виде выкупа. Сципион, по настоятельной просьбе их, взял золото, подозвал к себе Аллуция и сказал: «К приданому, которое ты получил от твоего тестя, присоедини и этот свадебный подарок от меня». Аллуций вернулся домой довольный и стал распространять среди своих соплеменников похвалы благородному и великодушному Сципиону. «К нам пришел, - говорил он, - молодой человек, истинное подобие богов, все побеждающий не столько оружием, сколько добротой и благосклонностью». Затем он набрал 1,4 тыс. отборных всадников и привел их к Сципиону.

Сципион отправил своего друга Лелия на пятивесельном корабле в Рим с вестью об одержанной победе. В числе пленных, поехавших с Лелием, находились Магон и 15 карфагенских сенаторов. Удивительный успех молодого полководца оправдал доверие, с которым отнеслись к нему римляне, и восхваления ему стали переходить из уст в уста. Главное начальство над войском было продлено ему на неопределенное время.

Сципион остался в Карфагене еще на несколько дней для принятия окончательных мер по обеспечению этого пункта и воспользовался этим временем для обучения своих сухопутных и морских войск. Полководец бывал всюду: то наблюдал за маневрами флота, то принимал участие в обучении легионов, то ходил между рабочими на доках и в мастерских, где ремесленники всех родов были заняты изготовлением боевых припасов. Когда в его присутствии в Карфагене не было необходимости, он вернулся с большей частью своего войска в Таракону, столицу римской Испании, где к нему явилось большое количество испанских посольств с предложением союза своих государств. Нападение на Новый Карфаген заставило Сципиона отложить на время выполнение главной задачи, которую он себе поставил, — помешать Газдрубалу, занятому в это время приготовлениями к походу в

Италию, перейти через Пиренеи. Счастливая звезда Сципиона устроила так, что он вернулся в Таракону прежде, чем Газдрубал показался на берегу Эбро.

Зиму 209/08 г. Сципион употребил на то, чтобы распустить свой флот и включить матросов в состав сухопутного войска. Это он сделал с целью иметь достаточно войск, чтобы не только сторожить север Испании и Пиренейский проход, но и предпринять на юге наступательную войну, так как первой задачей он не удовольствовался и замыслил покорение всей Испании. В начале лета к нему стекались со всех сторон испанские войска, в числе их Индибил и Мандоний, тайно отделившиеся со своими армиями от Газдрубала. Тогда Сципион вместе с вернувшимся из Рима Лелием двинулся к югу в область, лежащую по верховьям Бетиса (Гвадалквивира). При Бекуле, недалеко от лесистой горы Кастудо, он встретился с Газдрубалом, который при его приближении ушел из равнины на террасообразное возвышение, оканчивавшеесяверху довольно широкой площадкой. На следующий день Сципион совершил нападение на эту террасу. Первая терраса взята приступом, но так как вторая была прикрыта с фронта крутым уступом, то Сципион поручил Лелию взобраться на возвышение с правой стороны, а сам напал на неприятеля с левой. Этим маневром карфагенские передовые ряды были принуждены к отступлению, вследствие чего римские войска могли соединиться на возвышении с фронтом. Таким образом, неприятель был теперь окружен с трех сторон и понес значительные потери. На месте осталось около 8 тыс. человек. Однако же Газдрубалу, выславшему вперед свою военную кассу и своих слонов, удалось с отборным отрядом уйти от неприятеля и через леса и горы беспрепятственно достичь реки Того, а оттуда добраться до моря, омывающего Испанию с северной стороны, и через западные проходы Пиренейских гор в Галлию, откуда в следующем году он двинулся в Италию. По-видимому, он отвлекал противника от Эбро умышленно и дал ему сражение для того, чтоб открыть себе дорогу в Италию.

Сципион овладел карфагенским лагерем и взял в плен до 10 тыс. человек пехоты и 2 тыс. конницы. Испанцев он

отпустил без выкупа; африканцев продал в рабство. Благодарные испанцы единогласно приветствовали его как царя. Тогда Сципион через его герольдов велел всем замолчать и сказал: «Для меня имя полководца, данное моими солдатами, есть самый высший титул. В других местах царский титул имеет большое значение, но в Риме он невыносим. Если вы полагаете, что я наделен царственной душой, то держите это мнение при себе, имени же паря не давайте мне!» Испанцы удивились бескорыстию человека, отвергнувшего титул, который у других считался величайшим украшением смертного.

После битвы при Бекуле Сципион наделил подарками испанских государей и их вельмож и предоставил Индибилу выбрать себе 300 любых лошадей из огромного количества взятых в плен. Когда квестор приступил к продаже африканских пленников, он нашел среди них одного юношу необыкновенной красоты и, узнав, что он царского происхождения, отправил его к Сципиону. На вопрос Сципиона, откуда он, кто Таков и почему в такой ранней молодости уже отправился на войну, юноша отвечал, что он нумидиец, по имени Массива, воспитывался как сирота у своего деда по матери, нумидийского царя Гады, и недавно ушел в Испанию со своим дядей Масиниссой, приведшим на помощь карфагенянам свои войска. По его словам, он еще не участвовал ни в одном сражении, потому что этого не позволял ему дядя из-за его крайней молодости, но в день битвы при Бекуле он без ведома своего дяди взял оружие и лошадь и вступил в число сражающихся, но был сброшен с лошади и взят в плен римлянами. Сципион спросил его, не желает ли он снова возвратиться к Масиниссе. Юноша отвечал утвердительно со слезами радости. Тогда Сципион подарил ему золотое кольцо, широкие шаровары с испанским военным кафтаном, украшенным золотыми кистями, и лошадь в богатой упряжи и затем под конвоем нескольких своих всадников отправил его к Масиниссе.

Оба оставшихся в Испании карфагенских полководца приостановили военные действия в этом году и удали-

лись: Газдрубал, сын Гисгона, - в Лузитанию, а Магон - на Болеарские острова; Масинисса же после их ухода стал совершать наезды со своим легким войском. Таким образом, Сципион овладел всем восточным берегом Испании. Когда в следующем (207) году полководец Ганнон явился из Африки со свежим войском, чтобы заместить Газдрубала Барка в Испании, Магон и Газдрубал снова двинулись к Бетису. Против Магона, соединившегося с Ганноном, Сципион выслал Силана. Карфагеняне были разбиты, и Ганнон взят в плен. Вслед затем Сципион выступил против Газдрубала, но тот отошел до самого Гадеса (Кадикса), распределив большую часть своих войск по укрепленным городам нижнего Бетиса для того, чтобы войска служили защитой стенам, а стены — войскам. Вследствие этого Сципион вернулся на север и довольствовался тем, что с помощью своего брата Люция завоевал Орингиду, один из важнейших городов этой местности.

В следующем (206 г.) году карфагеняне еще раз сделали большое усилие, чтобы удержаться в Испании. Они выставили войско из 70 тыс. пехоты, 4 тыс. конницы и 32 слонов. Но солдаты их были большей частью набраны из разных местностей Испании, и на них нельзя было вполне положиться. При Бекуле снова произошло сражение. В распоряжении Сципиона было не больше 40 тыс. человек, и в их числе находилось много испанского вспомогательного войска; но он выстроил свою армию так, что эта ненадежная часть ее не участвовала в бою и служила только для удержания одной части неприятельских войск на их позиции. Карфагеняне выстроили свои отборные отряды в центре, а на обоих крыльях поместили испанских союзников. Сципион же поставил своих союзников в центр против отборного войска карфагенян; римлян же разместил на обоих крыльях, выдвинув их значительно вперед. Таким образом, битва началась на обоих крылах, и римляне получили перевес, между тем как карфагенский центр не мог подойти к неприятелю и наконец подвергся с боков нападению победоносных римских крыльев. При этом Сципион устроил дело таким образом, что неприятеля рано на рассвете, до того как успел принять пищу, выманили из лагеря; сама же

битва началась только после обеда. Вследствие этого карфагеняне в момент сражения были истощены голодом и жаждой, палящим зноем и долговременным стоянием под ружьем и таким образом не могли долго сопротивляться. Они кинулись бежать в свой лагерь, и он был бы взят римлянами штурмом, если бы внезапный проливной дождь не положил конец сражению. Эта битва решила вопрос об обладании Испанией. Газдрубал и Магон спаслись бегством в Гадес. Войско их разбежалось. Испанские солдаты перешли частью к римлянам, частью рассеялись по отдельным городам. Нумидийский царь Массинисса, которого Сципион склонил на свою сторону уже отсылкой к нему Массивы, отправился после тайного свидания с Силаном в Африку, решив в будущем испытывать свое счастье в союзе с Римом.

Сципион отправил своего брата Луция со многими знатнейшими пленными в Рим, чтобы сообщить о завоевании Испании. Все радовались этим великим успехам и прославляли полководца и его счастье. Но для Сципиона эта победа была только первой ступенью к более значительным предприятиям и более громкой славе. Предметами его замыслов теперь уже были Африка и старый Карфаген. На африканской почве, перед воротами Карфагена, хотел он закончить великую войну и увенчать свое геройское дело полным смирением старого врага. Чтобы уже теперь положить начало этому подвигу, он хотел привлечь к себе царей и народы Африки и решил прежде всего приобрести расположение Сифакса, царя нумидийских массезилов, самого могущественного государя Африки, владения которого находились как раз против Испании. Сифакс, правда, находился в это время еще в союзе с Карфагеном, но так как Сципион полагал, что он, подобно большей части варваров, поставит свою верность в зависимости от военного счастья, то послал к нему с драгоценными подарками своего друга Лелия и пригласил его вступить в дружественный союз с Римом. Сифакс, видевший на каждом шагу победы римлян и поражение карфагенян, заявил, что готов отойти от этих последних; но заключить союз он пожелал не иначе как лично с римским полководцем.

Вследствие этого Сципион вместе с Лелием переехал в Африку из Нового Карфагена на двух пятивесельных судах. Случилось так, что только что изгнанный из Испании Газдрубал, сын Гисгона, бросил якорь в царской гавани с пятью трехвесельными кораблями, как раз в то время, когда к этой же гавани приближались суда Сципиона. Карфагенские матросы тотчас приготовились к выступлению и нападению на римские корабли. Но они еще не подняли якоря, когда эти последние уже вошли в гавань, и таким образом карфагеняне не посмели нарушить мирное состояние царского порта. Газдрубал высадился на берег, а скоро вслед за ним сделали то же Сципион и Лелий, и все они отправились во дворец царя.

Сифакс чувствовал себя крайне польщенным, что полководцы обоих могущественнейших народов явились к нему в одно и то же время для заключения с ним мира и дружественного союза. Он принял обоих их радушно и попытался даже сделаться посредником для устранения их взаимной вражды. Но Сципион объявил ему, что к карфагенскому полководцу лично он не питает ни малейшей антипатии, но не может без полномочия сената вступить в соглашение с врагом касательно какого бы то ни было государственного дела. Таким образом, предложенное содействие не состоялось. Оба гостя приняли приглашение на обед и за столом возлежали даже на одной и той же подушке. Во время обеда Сципион обнаружил такую приятность и ловкость в разговоре, что приобрел себе не только благосклонность царя варваров, но и своего врага Газдрубала, и этот последний громко высказался, что Сципион расположил его к себе личным знакомством еще больше, чем своими военными подвигами. Заключив с Сифаксом союз, Сципион возвратился в Испанию.

Время, проведенное Сципионом в Испании, он употребил на подчинение и усмирение многих народов, которые, как оказалось, до тех пор действовали вероломно в отношении римлян или старались сохранить свою личную независимость. Во время этих походов он тяжело заболел. Это обстоятельство, а также мятеж одного корпуса из 8 тыс. человек, недовольных недоимкой в уплате жалованья, а

может быть, и подстрекаемых карфагенянами, укрепили надежду испанских бунтовщиков. Но Сципион выздоровел как раз вовремя для того, чтобы подавить восстание и разрушить замыслы испанцев прежде, чем они успели стать на твердую почву. У карфагенян из их испанских владений остался в руках только Гадес. Там командовал Магон Барка; но, по приказанию карфагенского сената, он оставил этот пункт и отправился на Болгарские острова, а оттуда в Италию. Таким образом, Испания после 13-летней войны сделалась из карфагенской провинции римской. Но римлянам до самого времени Августа приходилось иметь там дело с неоднократными возмущениями.

К концу 206 г. Сципион передал начальство в Испании проконсулу Л. Лентулу и Л. Манлию Ацидину и возвратился на десяти кораблях в Рим с богатый добычей и славой. Но в триумфе, на который он надеялся, ему было отказано, так как законы дозволяли праздновать триумфы только диктаторам, консулам и преторам, но не проконсулам или пропреторам. Вследствие этого Сципион вошел в город без триумфа, приказав нести для государственного казначейства 14 342 фунта серебра и огромное количество серебряной монеты.

В награду за все эти заслуги народ единогласно и восторженно выбрал его консулом на следующий год (205). Товарищем его был сделан П. Лициний Красс, который, в качестве верховного жреца, не имел права оставить Италию, вследствие чего, если бы было решено перенести войну в Африку, то это дело было бы возложено исключительно на Сципиона. Сципион же твердо решил осуществить план, который он составил уже в Испании. Но в числе сенаторов находились многие - и среди них старый Фабий Максим, — которые и слышать не хотели об экспедиции в Африку до тех пор, пока Ганнибал находился еще в Италии, и которые, кроме того, неодобрительно смотрели на молодого героя за его новый дух и самостоятельный, ни от кого не зависимый способ ведения войны. Но Сципион дал им понять, что если сенат не возложит на него Африканскую войну, то он обратится к народу, и тогда сенат был вынужден согласиться и отдал в его рас-

поряжение провинцию Сицилию, с полномочием переправиться в Африку, если он это найдет нужным для блага государства. Но государство не поддержало его материальными средствами. Для снаряжения этой экспедиции ему не дано было права произвести рекрутский набор, так что он должен был довольствоваться призывом добровольцев. В Сицилии в его распоряжение предоставили оба штрафных легиона, уцелевших в сражении при Каннах и отправленных в Сицилию в наказание. Этрусские города и сицилийцы приняли на себя расходы по постройке и снаряжению флота. В короткое время было сооружено 30 новых судов и собрано 7 тыс. добровольцев, которых призвало сюда со всех сторон громкое имя полководца. С этими людьми он поплыл в Сицилию с твердой решимостью по окончании всех подготовительных мер в следующем же году переправиться в Африку в качестве проконсула.

Между тем его противникам в Риме едва не удалось уничтожить весь его план. Дело в том, что, будучи в Мессане, он, без полномочия на то сената, оказал содействие возвращению под власть Рима города Локры в Южной Италии и оставил там гарнизон под начальством своего легата Племиния. Но этот последний и его люди позволили себе в городе самые гнусные насилия, и так как Сципион, узнав об этом, поступил с легатом слишком мягко и не отрешил его от должности, то граждане Локр обратились с жалобой в Рим. Кроме того, тяжелые обвинения против полководца шли из Сицилии, главным образом через посредство квестора Сципиона, Порция Катона. Говорили, например, что он ведет себя среди сицилийских греков не как римлянин, а как грек, ходит в греческом платье и сандалиях; вместо того чтобы думать о войне, проводит время в гимнастических школах, занимается учением и допускает свое войско до изнеженности и испорченности. В Сицилию была послана комиссия с поручением произвести на месте следствие и, в случае если жалоба окажется обоснованной, отозвать полководца в Рим. Сципион в свое оправдание представил комиссии не слова, а дела. Он созвал всю свою армию и велел флоту держаться наготове так, как будто бы в тот же день должно

было произойти на суше и на море сражение с карфагенянами. Он радушно принял всех членов комиссии, показал им на следующий день все свои сухопутные и морские силы, произвел перед ними общее учение, повел их по цехгаузам, хлебным магазинам и т. п. и настолько удивил их, что они сочли падение Карфагена совершенно неизбежным и просили Сципиона как можно скорее переправиться в Африку и там действовать по своему усмотрению.

В 204 г. Сципион переехал в Африку на 40 военных судах и 400 фрагтовых. Насчет числа войск, следовавших за ним, показания очень различны: одни определяют это число в 12,2 тыс. человек, другие - в 35 тыс. Сципион высадился у Прекрасного мыса, вблизи Утики, к западу от Карфагена. Карфагеняне, получив сведения о действиях Сципиона, приготовились, как могли, к защите. Они снярядили войско из 20 тыс. человек пехоты, 6 тыс. конницы и 140 слонов под начальством Газдрубала, сына Гисгона, который привлек также на свою сторону Сифакса, царя массилов, тем, что дал ему в жены свою дочь Софонисбу, девушку с отличным образованием и удивительной красоты. Масинисса, царь массилов, изгнанный из своих владений Сифаксом и карфагенянами, немедленно появился со своим конным отрядом в лагере Сципиона. Пока этот последний имел перед собой только слабую карфагенскую армию, преимущество было на его стороне, и он мог после удачной схватки приступить к осаде Утики. Когда же появился Сифакс с 50 тыс. пехоты и 10 тыс. конницы, римский полководец вынужден был снять эту осаду и стать на зимнюю квартиру на одном мысе, между Карфагеном и Утикой. Против него расположились лагерем Газдрубал и Сифакс.

В конце зимы Сципион, усыпив бдительность Сифакса и карфагенян хитро задуманными переговорами, принял однажды ночью нападение на оба неприятельских лагеря. Лелий и Масинисса незаметно приблизились к лагерю Сифакса и зажгли его. Огонь с соломенных палаток вскоре распространился во все стороны, и в то время как нумидийцы, не подозревая о присутствии врага и воен-

ной хитрости, бросились безоружные тушить огонь, неприятель напал на них с оружием в руках. Карфагеняне видели пожар дружественного лагеря, и так как они тоже не подозревали, что около них неприятель, то кинулись на помощь своим, не помышляя о защите своего собственного лагеря. Вследствие этого Сципион, выступивший в это самое время против карфагенян, мог беспрепятственно зажечь и их лагерь. Оба лагеря были полностью уничтожены пламенем, и как люди, так и животные погибли от огня или от меча римлян.

Вскоре после этой легкой и полной победы Сципион отправил Лелия и Масиниссу со всей конницей и легкой пехотой для преследования Сифакса в его владениях. Сам же он с тяжелой пехотой покорил окрестные города и достиг самого Туниса. В то время когда римляне приступили здесь к постройке лагеря, они увидели, что из Карфагена вышел флот для нападения на римские корабли, стоявшие при Утике. Римляне поспешили на помощь своим и отбили нападение. Между тем Масинисса и Лелий выгнали Сифакса из отнятой им у Масиниссы страны и вторглись в его владения. Сифакс снова собрал большое войско и вступил с римлянами в бой, но потерпел полное поражение и попал в плен. Столица его Цирта тоже попала в руки неприятелей, и Софонисба, его молодая красавица жена, для того чтобы не сделаться добычей римлян, отдала себя под покровительство Масиниссы, с которым она уже прежде была обручена. Масинисса женился на ней. Но так как Сципион боялся, что карфагенянка склонит мужа на сторону своего отечества, то он потребовал выдачи ее, как принадлежащей римлянам пленницы. Чтобы избавить ее от этого позора, Масинисса отправил ей через одного из своих приближенных кубок с ядом. Она мужественно выпила его. Масиниссу Сципион утешил ценными подарками и большими почестями.

Успех Сципиона побудил карфагенян к мирным переговорам и в то же время к отозванию Ганнибала. В 202 г. Ганнибал потерпел поражение при Заме, и карфагеняне были вынуждены заключить мир на условиях, выдвинутых Сципионом. После покорения Карфагена Сципион был

чувствуем повсюду на своем пути через Италию. С величайшим восторгом жители городов и селений выбегали толпами навстречу ему. Поселяне занимали все дороги и приветствовали молодого героя как победителя и миротворца. Триумфальное шествие его в город было самое блистательное, какое когда-либо видел Рим. Чистым серебром внес он в государственное казначейство 123 тыс. фунтов, каждому солдату выдал по 400 медных асов (около 7 рублей). Несчастный царь Сифакс послужил украшением его триумфа и вскоре затем умер пленником в Тибуре. После покорения Африки Сципион получил прозвище Африканского — первый пример, когда покоренная страна дала прозвище полководцу. Рассказывают, что народ хотел его сделать бессменным консулом и диктатором, поставить его статуи на площади, на ораторской трибуне, в ратуше, на Капитолии, в алтаре храма Юпитера и т. п., но что он сам отклонил все эти почести.

В следующие годы Сципион занимал в Риме самые видные места. Он был цензором (199 г.), во второй раз консулом (194 г.) и в течение нескольких лет *princeps senatus*.

В 190 г. Сципион еще раз отправился на войну. В то время консулами были его брат Луций и К. Лелий. Так как Сципион Африканский обещал сопровождать своего брата, человека с очень ограниченными способностями, в качестве легата, сенат поручил ему вести войну с Антиохом, царем Сирии. Антиох, уже давно находившийся с Римом в натянутых отношениях, подал повод к войне своими нападениями на римских союзников в Малой Азии и переходом во Фракию. Антиох начал войну весной 192 г. переправой в Грецию, которой он обещал освобождение от римской тирании. Но, в надежде на помощь союзных с ним этолийцев и на переход на его сторону греков, он привел с собой только очень небольшое войско, а именно 10 тыс. пехоты и 500 всадников, и вообще, вел эту войну очень неискусно. Из греков примкнули к нему только немногие, и вследствие этого он был в 191 г. разбит наголову вместе с этолийцами при Фермопилах консулом Ацилием Глабрионом. Из всего его войска спаслись только 500 человек, и он сам вынужден был бежать в Азию.

В следующем году римляне перенесли военные действия в Малую Азию, и оба Сципиона отправились в Грецию с новыми подкреплениями, в числе которых находились в качестве добровольцев многие старые солдаты Сципиона. Там они приняли командование войском Глабриона и прошли через Македонию и Фракию до Геллеспонта, через который переправились беспрепятственно. Антиох видел необходимость заключить мир и поэтому обратился через посольство главным образом к Сципиону Африканскому, который был в римском лагере решающим лицом. На долю Антиоха выпало счастье взять в плен одного из сыновей Сципиона. Присланное теперь посольство предложило безвозмездное освобождение этого пленника и сверх того привезло с собой большую сумму денег. Сципион объявил, что он с благодарностью примет освобождение сына как частного лица, но относительно государства может принять от него так же мало, как и дать ему. При этом он заявил, что может дать Антиоху только добрый совет — во что бы то ни стало заключить мир с римским народом. Условия, выдвинутые Сципионом, заключались в уплате военных издержек и уступке Риму Малой Азии до Тавра.

Царь не принял условия, но освободил сына Сципиона, не потребовав никакого выкупа. Между тем как Сципион лежал больной в Эдее, при Магнезии, у реки Синила, произошла решительная битва. Так как Люций Сципион не надеялся на свои собственные способности, то главнокомандование в этой битве он поручил легату Домицию. 70-тысячное войско Антиоха потерпело полное поражение. Царь бежал с небольшим конным отрядом и скоро отправил посольство просить мира. Сципионы согласились на мир на тех же самых условиях, которые они поставили прежнему посольству. Римский сенат, от которого, как и во всех случаях, зависело утверждение мира, усложнил поставленные полководцем условия. Он потребовал уступки Малой Азии до Галиса и горы Тавра, так что у Антиоха осталась от этого полуострова только Киликия, и уплаты 15 тыс. эвбейских талантов. Отнятые у царя земли были отданы по частям римским союзникам, царю Эвмену Пергамскому и родосцам. Первый получил в Европе Фракий-

ский Херсонес, в Азии - Фригию, Лидию, Ликаонию и многие другие земли; а родосцы - Ликийю и часть Карию. Многим греческим городам в Малой Азии была возвращена свобода. Этолийцы, союзники Антиоха, были после кратковременной войны вынуждены покориться и заплатить большую сумму денег. Люций Сципион получил прозвание Азиатского.

Сципион, покоритель Испании, Африки и Азии, возвышался над остальными римлянами, как царь, превосходя всех величием и редкими заслугами. В гордом сознании собственного достоинства он шел своей дорогой, не заботясь о мнении света, и использовал досуг, оставшийся у него от занятий государственными делами, на беседы с образованными друзьями и знакомство с греческой литературой и искусствами. Но ему не было суждено спокойно пользоваться до конца своей жизни плодами своей деятельности. Среди римских вельмож нашлось у него немало врагов и противников. Многие, как, например, М. Порций Катон, видели в новом, греческом духе такого влиятельного и высокопоставленного человека опасность для староримских нравов; другие, как Тиберий Семпроний Грах, боялись за свободу государства, сознавая необычайное общественное положение этого человека и нескрываемое им сознание, что он, как личность, стоит выше государственных законов; большая же часть просто завидовала великому человеку. Эти враги возбудили против Сципиона и его брата гнусный процесс, обвинив их обоих во взяточничестве и сокрытии денег, которые Антиох уплатил им для государства.

Ход процесса, о котором уже в древности рассказывали по-разному, был, вероятно, следующий: петиллийцы, подстрекаемые Катоном, заявили в сенат обвинение против Люция Сципиона в сокрытии денег. Сенат не имел права оставить это обвинение без последствий, но сделал его безвредным тем, что во главе следственной комиссии поставил К. Теренция Куллеона — сенатора, чувствовавшего себя обязанным Сципиону, так как П. К. Сципион во время Африканской войны освободил его из карфагенского плена, и Теренций, из благодарности к своему

спасителю, пошел за его триумфальной колесницей со шляпой на голове, как поступали освобожденные рабы, и впоследствии в таком же виде шел перед гробом Сципиона на похоронах последнего. Вся свою жизнь он был искренним другом семейства Корнелиев. Таким образом, первое обвинение не имело успеха. Тогда один трибун перенес дело в комиции по трибам, и тут Сципион Азиатский был приговорен к большому денежному штрафу. Так как он отказался представить поручительство в уплате на том основании, что все выданные Антиохом деньги внесены в государственное казначейство и у него не осталось ничего принадлежащего государству, то трибун велел его схватить и отвести в тюрьму. В эту минуту явился Сципион Африканский, поспешивший на помощь брату из Этрурии, и вырвал Люция из рук врагов. Началось сильное смятение, народ разделился на две партии, и тут вмешался в дело Тиберий Семпроний Грах, враг Сципионов. Он осудил противозаконное поведение Сципиона Африканского, но в то же время освободил его брата из заточения. «Правда, — сказал он, — что я нахожусь со Сципионами в такой же вражде, как и прежде, и делаю это отнюдь не для того, чтобы приобрести их благодарность; но позволить, чтобы в ту самую тюрьму, в которую некогда Сципион Африканский приводил царей неприятеля и полководцев, теперь заключили его собственного брата, я ни в коем случае не могу». Таким образом, арест Люция Сципиона не состоялся, но его имущество было конфисковано квесторами. В имуществе этом не только не оказалось денег Антиоха, но его далеко не хватило бы и для уплаты того штрафа, к которому был приговорен Люций. Родственники, друзья и клиенты приговоренного собрали для него столько денег, что если бы он принял их, то сделался бы гораздо богаче, чем был до своего несчастья; но он отказался от этого пожертвования и ограничился только согласием на самую необходимую поддержку со стороны своих родственников.

Вскоре после этого враги семейства Корнелиев выступили также против Сципиона Африканского. В сенате потребовали от него отчета об употреблении взятой во

время войны добычи и собранных тогда же податей. Сципион принес свои счетные книги, как будто бы для того, чтобы оправдаться, но тут же на глазах сенаторов разорвал их, объявив, что для него оскорбительно давать отчет в 4 млн., когда он внес в кассу 400 млн. Сенат удовлетворился этим оправданием. Через несколько лет после этого два трибуна возбудили то же самое дело в трибах. В назначенный день Сципион явился в народное собрание в сопровождении большой толпы своих друзей и клиентов. Он взшел на ораторскую трибуну и, когда воцарилась тишина, сказал: «В этот день, трибуны и граждане, я одержал в одном сражении в Африке большую победу над Ганнибалом и карфагенянами; поэтому сегодня не следует заниматься никакими спорами и раздорами, я же немедленно отправлюсь отсюда в Капитолий помолиться всемогущему Юпитеру, Юноне, Минерве и остальным богам, под защитой которых находятся Капитолий и крепость, и возблагодарить их за то, что они именно в этот день, как и во многие другие, дали мне силу и умение вести государственные дела с должным искусством. Вы, квириты, тоже подите со мной и просите богов, чтобы они всегда ставили во главе вас людей, подобных мне». С этими словами он сошел с ораторской трибуны и отправился в Капитолий. Все собрание последовало за ним, и скоро тут остались только трибуны и их рабы и герольды, которые продолжали громогласно звать к ответу обвиняемых. Сципион обошел с сопровождавшей его толпой не только Капитолий, но и все остальные храмы и в тот же день отпраздновал триумф чуть ли не более блистательный, чем тот, которым удостоило его отечество после победы над карфагенянами и Сифаксом.

После этого трибуны неоднократно требовали Сципиона к суду, но гордость не позволяла ему явиться перед народом в качестве обвиняемого и унижать себя смиренной защитой. Негодуя на неблагодарность своих сограждан, он добровольно отправился в изгнание, в свое поместье Литернум, в соседстве Кум, где и прожил еще год в

тихом уединении, не тоскуя о Риме и занимаясь земледелием. Он умер в возрасте старше 50 лет. Рассказывают, что, умирая, он потребовал, чтобы его похоронили не в Риме, а в Литернуме. В этом последнем месте показывали его памятник, но и в Риме перед Капенскими воротами стояла гробница Сципионов с тремя статуями, из которых две изображали Публия и Люция Сципиона, а третья — писателя Энния, пользовавшегося особенным расположением и покровительством высокообразованного семейства Сципионов.

Год смерти Сципиона Африканского с точностью неизвестен; вероятно, он умер в 183 г., когда скончался и его великий противник Ганнибал и грек Филопомен.

Женой Сципиона была Эмилия, дочь погибшего при Каннах Эмилия Павла. От нее он имел двух сыновей и двух дочерей. Один сын, Публий, очень образованный, но физически слабый человек, усыновил П. Корнелия Сципиона Эмилиана Африканского Младшего. Другой, Люций или Гней, тот самый, который находился в плену у Антиоха, выставляется историками испорченным человеком, изгнанным из сената цензорами в 174 г. Из дочерей Сципиона одна была замужем за Корнелием Сципионом Назикой, а другая — за вышеупомянутым Тиберием Семпронием Гракхом. Рассказывают, что Сципион обручил младшую дочь с бывшим врагом своим в тот самый день, в который он освободил Люция Сципиона из тюрьмы. В этот день сенаторы ужинали в Капитолии и, встав из-за стола, просили Сципиона тут же обручить его дочь с Гракхом. Так оно и случилось. Сципион отправился домой и сказал своей жене, что он обещал руку своей младшей дочери. Эмилия выразила неудовольствие, что не спросила ее совета на счет ее родной дочери, и сказала, что будь жених даже сам Тиберий Гракх, то и в этом случае следовало бы посоветоваться с ней, как матерью. Обрадованный этим единогласием в оценке избранного им человека, Сципион отвечал: «Именно Гракху я и обещал в жены нашу дочь». Эта Корнелия и есть знаменитая мать Гракхов.

2 3 . ТИТ КВИНКЦИЙ ФЛАМИНИН

Обеспечив завоеванием Карфагена и Испании свое владычество над западной половиной Средиземного моря, римляне были вовлечены силой обстоятельств в дела восточного греческого мира, т. е. тех земель, которые окружали восточную часть Средиземного моря.

Первым государством, с которым столкнулся Рим, была находившаяся недалеко от Италии Македония, в которой с 220 г. царствовал Филипп V, человек гордый, воинственный, весьма умный и образованный, но надменный и отличавшийся крайней жестокостью в тех случаях, когда дело шло о распространении его господства. В надежде овладеть Римской Иллирией он после битвы при Каннах заключил союз с Ганнибалом. Но как только он начал наступление против Иллирии, претор Левин заставил его остановиться; после этого он вступил в войну с этолийцами и другими греками и царем Атталом Пергамским, — войну, для которой ему пришлось привлечь все свои силы, но которая в то же время подорвала и последние силы греков. Война эта длилась с 214 до 205 г. Филипп заключил мир с намерением в будущем избегать всякой вражды с Римом и искать своих выгод только на Востоке. Римляне же отсрочили войну только для того, чтобы при более благоприятных обстоятельствах полностью усмирить опасного врага.

Филипп не заставил долго ждать этого случая, так что римляне могли возобновить борьбу с ним тотчас же после окончания войны с Ганнибалом. В 205 г. умер в Египте царь Птоломей (IV) Филопатор, и на престол вступил четырехлетний Птоломей (V) Эпифан. Тогда Антиох Сирийский и Филипп Македонский составили союз для раздела между собой Египетского царства. Филипп в 201 г. переправился через Геллеспонт с целью подчинить себе египтян или овладеть союзными с ними городами Малой Азии, причем поступал с возмутительной жестокостью. Пергам и Родос, для которых распространение македонского владычества с этой стороны было очень опасно, сражались с Филиппом без особенного успеха. Почти в то же время Филипп вел войну против союзных с Римом Афин, вследствие того, что афиняне убили двух юношей из союзного с ним племени акарнанцев, прокрывшихся тайком в Элевзинский храм, во время Элевзинских празднеств. Рим не мог равнодушно смотреть на притеснение находившегося с ним в дружбе Египта и на войну со своими союзниками и потому взялся за оружие. Он отправил посольство к Филиппу с требованием тотчас же прекратить войну против Египта и Афин и дать отчет о враждебных действиях против Родоса и царя пергамского. Филипп гордо отверг требования римлян, и тогда сенат в 200 г. объявил ему войну, несмотря на то, что народ, истощенный жертвами второй Пунической войны, весьма неохотно брался теперь за оружие.

В эти годы (200 и 199) римляне вели войну с таким незначительным успехом, что Филипп в 198 г. смог вторгнуться в Северную Иллирию. Тогда римляне выслали против македонян консула Тита Квинкция Фламинина, и ему удалось счастливо и быстро закончить войну.

Квинкций Фламинин, происходивший из патрицианского семейства, служил сначала, в 208 г., военным трибуном под начальством Марцелла и после взятия Тарента был назначен комендантом этого города и окрестностей. Вскоре после этого он находился в числе трех мужей, которым было поручено основание колоний в Нарнии и Компсе, и затем был одним из предводителей партий

поселенцев, отправленных в Везувий. Эти почетные должности дали ему смелость выступить кандидатом в консулы на 198 г., не пройдя предшествовавших консульству должностей и будучи всего 30 лет от роду. Действительно, несмотря на возражение трибунов, он был избран консулом вместе с Секстом Элием и получил по жребию командование над войском в Македонской войне.

Фламинин был чрезвычайно талантливый человек, очень опытный полководец и еще более искусный дипломат. Подобно Сципиону, он получил образование в новом духе, восторженно относился к греческой жизни и культуре, которая со времен второй Пунической войны быстро распространилась среди римлян, и оказывал особую приязнь и покровительство греческому народу. Обладая впечатлительной натурой, он больше заботился о собственной чести и славе, чем об интересах отечества. Благодаря своим дипломатическим способностям и привязанности к эллинам он мог успешно вести Македонскую войну, целью которой было завоевание греческих городов, находившихся под властью Македонии, и подчинение их Риму.

В то время когда Фламинин выдвинулся на военном поприще и принял командование армией, оба войска стояли друг против друга в Северном Эпире на берегах Верхнего Ауса (теперешняя Воюса). Чтобы помешать римлянам проникнуть на восток в Фессалию или Македонию, Филипп загородил узкую и скалистую долину Ауса сильными укреплениями, рвами и валами, так что пробиться сквозь этот проход казалось невозможным. В продолжение 40 дней стояли войска одно против другого, не предпринимая ничего значительного. Наконец, один эпирский пастух, обычно пасший стада в этих горах и знавший каждую тропинку, предложил Фламинину провести часть его войска безопасными дорогами к одному возвышению, находившемуся недалеко от неприятельского лагеря. Консул двинулся к означенному месту под руководством пастуха и трибуна 4 тыс. избранных пехотинцев и 300 всадников, приказав подать ему по прибытии на место дымовой сигнал, но нападать на неприятелей не раньше, чем по-

лучат ответный сигнал с его стороны. На третий день после этого консул узнал по условному знаку, что возвышение занято, и тотчас же, разделив свое войско на три отряда, двинулся с лучшими людьми через долину, а правому и левому крылу приказал напасть на неприятельский лагерь. Неприятель также быстро выступил против него и сражался, стоя перед своими укреплениями. Когда же войско Филиппа было оттеснено к возвышениям и в пространство между его укреплениями и завязался опасный для римлян бой, римская засада ударила на македонян с тыла и посеяла среди них такой ужас, что всякий, кто мог, кинулся в бегство; те же, для кого возможность отступления была отрезана, пали под римскими мечами.

После битвы при Аусе Филипп возвратился через Фессалию к долине Гемпейской, где решил помешать неприятелю вторгнуться в Македонию. Фламинин последовал за ним в Фессалию, которая была подвергнута беспощадным опустошениям со стороны двинувшихся туда до него римских союзников — этолийцев и афаманов. Вся Фессалия, за исключением македонских крепостей, попала во власть римского консула. Но в Южной Греции преимущество оставалось все еще на стороне Филиппа, особенно благодаря крепостям Халкиде и Коринеу, которые вместе с фессалийской крепостью Деметриадой он назвал «тремя оковами Греции». Фламинин повернул на юг, где действовал против крепостей Филиппа римский флот под командованием его брата Люция. Поддержанный родосскими и пергамскими кораблями, он завладел Фокидой и приобрел важное союзничество ахеян, так что в этом году власть македонян на юге была значительно ослаблена.

В 197 г. Фламинин привлек на свою сторону спартанского тирана Набиса и Беотийский союз и затем двинулся в Фессалию, чтобы выиграть войну одним генеральным сражением. Того же желал Филипп и, собрав в своей малолюдной стране 26 тыс. войска посредством привлечения под свои знамена самых молодых юношей и стариков, двинулся в Фессалию и остановился вблизи неприятеля. У римлян

было почти такое же число войска, только конница их была значительнее. В окрестностях города Скотусы войска оказались друг против друга сами того не зная, так как между ними лежал ряд холмов, называвшихся Киноскефалэ, т. е. собачьи головы. В одно туманное и дождливое утро обе армии отправили свои отряды на холмы, чтобы занять их и разведать положение неприятеля. Нечаянно наткнувшись здесь друг на друга, они вступили в бой, который постепенно перерос в настоящее сражение, когда в борьбу с обеих сторон вступили подкрепления, и шел с переменным успехом до тех пор, пока, наконец, Фламинин не выдвинул все свои силы. Филиппу не особенно хотелось сражаться в такую плохую погоду и в неблагоприятной для его фланга местности. Но, убежденный своим окружением, он наконец вступил в битву. 8 тыс. македонян были убиты, 5 тыс. взяты в плен; у римлян пало всего 700 человек. Филипп бежал в Темпейскую долину, где собрал остатки своего разбитого войска.

Битвой при Киноскефалах окончилась вторая Македонская война. Понесенные в ней потери так ослабили Филиппа, что он потерял всякую энергию и запросил у Фламинина мира. Находившиеся в римском лагере этолийцы требовали полного уничтожения армии Филиппа. Но Фламинин имел основательные причины не согласиться на это. Надменных и грубых этолийцев, которые, к неудовольствию консула, приписывали одним себе киноскефальскую победу и надеялись сделаться владыками Греции, нужно было усмирить и удержать в надлежащих пределах. Македонию следовало сохранить как оплот эллинской культуры против Фракии и других варварских племен севера. Кроме того, силы Филиппа не были еще истощены в такой степени, чтобы можно было рассчитывать на то, что он подчинится любым условиям. Наконец, предстояла весьма близкая война с царем Антиохом, и для того чтобы успешно вести ее, нужно было развязать себе руки и, во всяком случае, не допустить союза македонского царя с владыкой Азии. Ввиду всех этих соображений Фламинин, под маской великодушия и бескорыстия, отнесся к Филиппу с уважением и кротостью, заклю-

чив с ним выгодный для него в данных обстоятельствах мир. Филипп должен был освободить от своей власти все вышеупомянутые греческие города в Европе и Азии, выдать весь свой военный флот, за исключением шести кораблей, распустить свое войско, оставив в нем только 5 тыс. человек, и уплатить 1 тыс. талантов; сверх того он обязался не начинать никакой войны вне пределов своего государства без согласия Рима. В числе заложников, которых он должен был отпустить, находился его сын Деметрий. Сенат утвердил предъявленные Фламинином условия, и в 196 г. мир был заключен при посредничестве десяти римских комиссаров.

Эти комиссары согласились с Фламинином по поводу того, чтобы объявить свободными греческие государства, из которых Филипп вывел свой гарнизон, но настаивали на занятии римскими войсками трех сильнейших крепостей: Коринфа, Халкиды и Деметриады. Это обстоятельство вызвало сильнейшее волнение среди этолийцев; они потребовали от Фламинина, чтобы он расторг «оковы Греции», и спрашивали греков: «Неужели вам доставляет удовольствие носить цепи, которые, правда, красивее прежних, но зато тяжелее?» Огорченный этими упреками, Фламинин добился у комиссаров обещания вывести из упомянутых крепостей римский гарнизон. Но это совершилось только после того, как греческие дела были полностью приведены в порядок.

Как раз в это время праздновались Истмийские игры, на которые стеклось бесчисленное множество греков, обрадованных прочным миром и надеждой на свободу. В то время как толпа присутствовала на состязаниях, Фламинин велел затрубить в трубы и, когда водворилось молчание, возвестил через герольдов следующее: «Римский сенат и Тит Квинкций, главнокомандующий, сим объявляют, что после одержанной над царем Филиппом и македонянами победы коринфяне, локры, фокейцы, эвбейцы, ахейцы, фессалийцы признаются освобожденными от всяких гарнизонов, независимыми, свободными от податей и подчиненными туземным законам». Эти народы находились до сих пор в большей или меньшей зависимости от Маке-

донии. Когда герольды в первый раз провозгласили это решение, то не все ясно расслышали его, и одновременно с криками удивления и смущения, раздались просьбы повторить еще раз. Повторение это вызвало такие радостные крики, что, как гласит предание, вороны, летавшие в эту минуту над ареной цирка, попадали совершенно оглушенные на землю. Все жители в восторге поднялись со своих мест и поспешили к Фламинину, чтобы позвать ему руку и приветствовать его как спасителя и защитника Греции. Натиск толпы был так силен, что консул подвергался опасности быть задушенным и был вынужден поспешно удалиться в свой шатер. Ликование вокруг палатки военачальника долго не прекращалось; наконец, когда наступила ночь, друзья и сограждане еще раз перещеловались между собой и затем повсюду начались веселые пиршества.

Радость греков по поводу возвращения свободы была только кратковременным упоением. Греческий народ тогдашнего времени был так испорчен в нравственном отношении, что не умел пользоваться драгоценным даром свободы и сам истреблял себя несогласиями и раздорами. С другой стороны властолюбие римлян, наложивших свою тяжелую руку на эту страну, было слишком велико для того, чтобы они могли позволить этим племенам сделаться действительно вполне независимыми.

Фламинин оставался в Греции еще до 194 г., с целью привести в порядок отношения отдельных государств и их внутренние дела. Он поступал при этом очень умно, примирил искусно и на справедливых основаниях враждующие партии, старательно заботился о том, чтобы ни одно государство не возвышалось за счет другого. Жестокого спартанского тирана Набиса, бывшего простым разбойником, он принудил молниеносной войной отказаться от внешних владений и приморских городов Лаконии и прекратить грабежи; но при этом не лишил его господства над Спартой, не желая поставить себя в необходимость путем уничтожения одной деспотической власти основать другую, новую.

Весной 194 г., установив повсюду порядок и мир, Фламинин собрал еще раз в Корине депутатов от всех госу-

дарств, советовал им пользоваться полученной свободой с благоразумной умеренностью и взамен всего данного им выпросил для римлян только одно: обещание отправить к нему в течение 30 дней итальянских пленных, которые во время войны с Ганнибалом были проданы в Грецию. После этого он вывел римский гарнизон из крепостей и со всем войском и выпущенными на волю пленными двинулся в Италию. Освобождением Греции Фламинин гордился больше всего, и на своем щите, посвященном им в Дельфах Кастору и Полуксу, вырезал следующую надпись: «Слушайте, о сыны Зевса, вы, благородные всадники, слушайте цари Спарты, вам Тит Энеад посвятил драгоценнейшие дары, в то время когда он наделил сынов Греции свободой». Тут же в Дельфах Фламинин поместил в храме Аполлона золотой венок с надписью: «О сын Летоны, этот венец из ярко сверкающего золота возложил на твою бессмертную голову, для украшения прекрасных кудрей твоих, Тит, предводитель энеадов. Увенчай, о божественный стрелок, победой божественного человека».

В Риме Фламинин отпраздновал великолепный триумф, в котором за победителем несли массу драгоценного оружия, греческие шлемы и македонские щиты и копья, 3 713 фунтов золота, 43 270 фунтов серебра и 14 514 золотых Филиппов (червонцев). За триумфальной колесницей Фламинина шли — и это, по мнению всех, было лучшим украшением его триумфа — 1,2 тыс. освобожденных из рабства военнопленных, с остриженными волосами, в войлочных шляпах на головах по обычаю всех рабов, получавших свободу.

В 192 г. царь Антиох в союзе с этолийцами, считавшими себя оскорбленными и притесненными Римом, начал войну с римлянами и, переправившись в Грецию, стал призывать греческие государства к отсоединению от Рима и приобретению истинной свободы. Узнав об этом, римляне отправили в Грецию послами Фламинина с несколькими другими гражданами, поручив им укрепить верность греков Риму. Фламинину удалось удержать большинство эллинов от неблагоразумного увлечения; только немногие, уже соблазненные этолийцами, не подчинились его влия-

нию. Хотя это обстоятельство раздражало и сердило Фламинина, но он все-таки старался отвлечь от этих бунтовщиков заслуженное наказание, после того как Антиох в 191 г. был изгнан из Греции консулом Манием Аткием Глабрионом. Таким образом, например, Фламинин спас жителей Халкиды, которые были самыми ревностными приверженцами Антиоха вследствие того, что этот последний во время похода женился на одной из халкидянок. Когда после бегства царя Глабрион выступил против Халкиды для наказания ее, Фламинин поспешил вслед ему, употребил все усилия, чтобы умерить его негодование, и только его заступничеству город обязан был своим помилованием. Халкидоняне зашли в своей благодарности так далеко, что обожали своего спасителя в буквальном смысле этого слова. Еще во времена Плутарха на общественных площадях города сохранялись надписи вроде следующих: «Народ посвящает Титу и Гераклею гимназию», «Народ посвящает Титу и Аполлону Дельфиниум». Этот же самый Плутарх рассказывает, что халкидоняне еще в его время приносили Фламинину жертвы, держали для этого особых жрецов и при этих церемониях пели оды, заканчивавшиеся следующими словами: «Мы чтим верность римлян, непоколебимую охранительницу страны. Славьте вашими песнями, о девы, великого Зевса, Рим, Тита и верность римлян. О, спаситель Тит!»

Когда Глабрион осадил занятый этолийцами Навпакт, Фламинин направился и туда, чтобы помочь осажденным. Завидев его со стен, жители города стали звать его по имени и с мольбой протягивать к нему руки. Фламинин ничего не отвечал и со слезами на глазах отправился к Глабриону, которого скоро убедил согласиться на перемирие с этолийцами для того, чтобы они имели возможность выпросить себе в Риме мир на благоприятных условиях.

В 190 г. мы находим Фламинина снова в Риме, где он выступил в сенате ходатаем за этолийцев.

В следующие годы Фламинин занимал другие почетные должности. В 189 г. он был цензором, в 167-м — авгуром; ему же, как искусному дипломату, поручали вести то одни, то

другие переговоры. Но время наиболее блистательной деятельности его окончилось. Плутарх рассказывает, что когда Фламинин был уже совсем стариком и не имел в своих руках никакой власти, граждане порицали его за то, что он даже в этом, непригодном для деятельности, возрасте был еще исполнен славолубия и не мог победить в себе юношеское пламя этой страсти. Общее неудовольствие навлек он на себя еще тем, что самовольно и только для удовлетворения личного честолюбия потребовал у Прузия (183) выдачи старого, сделавшегося в это время уже безвредным Ганнибала, чем и заставил его лишиться себя жизни.

24. ЛЮЦИЙ ЭМИЛИЙ ПАВЛ

Люций Эмилий Павл был сыном павшего при Каннах консула того же имени. Хотя он и не искал популярности посредством заискиваний перед народом, как это делали другие юноши, домогавшиеся почетных должностей, тем не менее он в 192 г. при выборах на должность курульного эдила одержал верх над двенадцатью другими соискателями, которые впоследствии, как говорят, все достигли консульства. Товарищем его был М. Эмилий Лепид. Оба они в этой должности отличались справедливой строгостью к недобросовестным арендаторам общественных пастбищ и на штрафные деньги, взысканные с этих лиц, соорудили позолоченные щиты на фронтоне храма Юпитера. Через год после этого Павл стал претором и получил в свое распоряжение Западную Испанию для ведения в ней войны против Лузитании. Он понес ощутимое поражение при городе Ликоне, но в следующем году загладил свою неудачу, разбив лузитанцев наголову. Победа эта действительно несколько успокоила Испанию, а в Риме сенат устроил в честь победителя благодарственный праздник. Павл оставил провинцию, не обогатившись от похода ни на один динарий, потому что он мало дорожил богатством, а, напротив, много расходовал и вовсе не заботился о сбережении своего имущества, несмотря на то, что последнее было незначитель-

но, так что его едва хватило на уплату жене следовавшего ей после его смерти приданого. В провинции он оставил по себе такую добрую память, что народы, населявшие Западную Испанию, впоследствии избрали его своим патроном.

Только после многократных неудачных попыток Эмилий Павл добился консульства в 182 г. В следующем году, на который полномочия его были продлены, он начал войну против лигурийцев, разбойничавших на пространстве до Геркулесовых столбов и сильно мешавших торговле. Как только он расположился со своим 8-тысячным войском на земле неприятелей, они прислали к нему послов и запросили мира. Павл отвечал, что заключает мир только с теми, кто сдается ему; тогда они выхлопотали себе перемирие для того, чтобы связаться со своими, и в то же время просили, чтобы его войско не переходило через ближайшие горы за фуражом и дровами, потому что обработанные поля в той местности относились к их владениям. Полководец согласился, но в это время неприятель, отправив послов только для того, чтобы обмануть римлян, собрал за упомянутыми горами все свое 40-тысячное войско и внезапно напал на римский лагерь. Павл едва мог устоять против превосходящих его сил. 15 тыс. лигурийцев полегли на месте; 2,5 тыс. были взяты в плен. Три дня спустя подчинились и представили заложников ингауны. Полностью уничтожить лигурийцев римляне не хотели, потому что они служили для Рима оплотом против движений галлов; но они положили конец их хищничеству. Эмилий снес стены их городов и не оставил у них ни одного более чем трехвесельного судна. При этом он освободил множество римлян и иностранцев, попавших в руки разбойников на море и на суше. За все эти подвиги Эмилий удостоился триумфа.

Впоследствии он неоднократно выступал кандидатом на консульскую должность, но неудачно; его истинно аристократическая натура, пренебрегавшая обыкновенными уловками и происками для получения должностей, не нравилась народу. Поэтому он по возможности устранился от общественных дел и посвящал свое время отправлению должности авгура, в которой обнаружил большие

познания, добросовестность и рвение, а также воспитанию своих детей. От первой жены он имел двух сыновей, перешедших, вследствие усыновления, в другие семейства; один из них — знаменитый впоследствии П. Корнелий Сципион Эмилиан — был усыновлен сыном Сципиона Африканского, а другой — сыном или внуком Фабия Максима Кунктатора. Оба сына от второй жены остались при нем. Кроме того, у него были три дочери, из которых одна вышла замуж за сына М. Порция Катона, другая — за Элия Туберона, превосходного человека, отличавшегося среди римлян благородством, с каким он переносил свою бедность. Элиев было 16, все родственники; они сообща владели одним маленьким домом и довольствовались одним именем; кроме того, они вместе со своими женами и многочисленными детьми пользовались одним очагом. Среди этих жен находилась и дочь Эмилия, которая не стыдилась бедности своего мужа, а, напротив, гордилась его добродетелью, бывшей причиной этой бедности. Любовь и забота Эмилия о своих детях были беспримерны в тогдашнем римском мире. Насколько позволяли ему общественные дела, он всегда присутствовал на уроках и занятиях и доставлял им самых лучших учителей. Они не только воспитывались, подобно своему отцу, в духе патриотизма и национальности, но и обучались самым тщательным образом греческим наукам и искусствам: греки давали им уроки грамматики, красноречия и философии, и, кроме того, они были окружены греческими скульпторами, живописцами, гимнастами и охотниками. Знаменитый греческий историограф Полибий, который после третьей Македонской войны был перевезен в Италию в числе тысячи знатных ахейцев, вероятно, состоял учителем при сыновьях Эмилия.

Через четырнадцать лет после своего первого консульства Эмилий был избран консулом вторично. Это случилось в то время, когда все хотели окончания ведущейся вяло третьей Македонской войны. Ему в это время было около 60 лет, но, обладая еще силой и энергией, он не имел особого желания снова выступать на общественном поприще; однако поддавшись уговорам своих молодых сы-

новей и зятей, родственников и многочисленных друзей, а также по настоянию народа, ежедневно собиравшегося массами перед его дверьми и с громкими порицаниями за отказ вызывавшего его на площадь, он наконец согласился выступить кандидатом и был избран консулом. Когда же на его долю выпало командование войсками в Македонской войне, то всеми овладела радостная надежда, что эта война при таком опытном главнокомандующем будет очень скоро окончена.

Рассказывают, что в то время когда он шел домой в сопровождении всего народа, торжественно приветствовавшего назначение его на этот пост, маленькая дочь его Терция вышла ему навстречу с заплаканными глазами и на вопрос его, что значит ее печаль, отвечала, нежно целуя и обнимая его: «Разве ты не знаешь, батюшка, что у нас умер Персей?» Дело шло о любимой собачке, носившей это имя, но Эмилий принял эти слова как благоприятное предсказание относительно войны с царем Персеем.

Филипп, озлобленный нападками римлян и вмешательством в его дела их надменных союзников, стал, после разгрома его Фламинином, снова тайно готовиться к войне, но до окончания этих приготовлений умер в 179 г. Персей, наследник его престола и его ненависти к римлянам, продолжал приготовления своего отца еще усерднее и в 171 г. начал войну с римлянами, имея весьма значительные боевые средства. Но эти средства были в слабой и нерешительной руке. Персею недоставало царственного духа, отваги и энергии его отца. Посвятив приготовлениям много времени и хитрости, он, когда наступила решительная минута, вдруг испугался энергичных действий и применения всех этих средств на деле. Самым низким и пагубным пороком его была скупость. Союзники, которых он привлек на свою сторону, большей частью покинули его из-за того, что он не желал расстаться со своими деньгами.

Несмотря на то, что Персей так дурно распоряжался своими средствами и вел войну крайне вяло и без надлежащего мужества, римляне все-таки не могли извлечь значительной выгоды из этого положения, римские полко-

водцы неспособностью и нравственными недостатками еще более превосходили Персея. Для того чтобы приобрести популярность среди солдат и обеспечить себе их голоса на дальнейших выборах, они привели дисциплину в такой упадок, что войска сделались негодными для какого бы то ни было серьезного предприятия. Даже численность их сильно уменьшилась, потому что за деньги всякий солдат мог получить отпуск и отставку. Когда же на боевое поприще вступил Эмилий Павл, человек строгий к самому себе и своим подчиненным, и, по свидетельству современников, бывший почти единственным римлянином, не бравшим взяток, тогда в войске и в способе ведения войны водворился новый дух.

В Риме существовал в это время обычай, что человек, получивший главное начальство над войском, выражал в народном собрании благодарность за оказанную ему честь. Эмилий, сделавшись главнокомандующим в Македонской войне, также собрал народ, но вместо благодарности объявил, что в первый раз он добивался должности консула потому, что сам желал этого сана; во второй же раз выступил кандидатом только потому, что римляне нуждались в полководце; поэтому он просил их не заботиться больше о его действиях в качестве военачальника, а ограничиться доставлением ему всех необходимых средств для ведения войны.

Сделав после этого самые тщательные приготовления, он отправился на место действия со своим претором Октавием, который должен был получить главное начальство над флотом. Первым делом его было восстановить дисциплину в распущенном и одичавшем войске; он собрал своих солдат и объявил, что каждый из них должен заботиться о следующих трех вещах: сохранении физической силы до последней возможности, содержании оружия в полном порядке и наличии при себе всего необходимого на случай неожиданных приказаний; обо всем остальном будет заботиться он, полководец, и те офицеры, которые будут приглашены им для участия в военном совете; поэтому солдатам остается молчать и повиноваться и быть готовыми по данному знаку приступить к немедленному исполне-

нию долга. Для того чтобы приказания исполнялись в буквальном смысле и без шума, который мог бы поставить неприятеля в известность о намерениях римлян, Эмилий Павл сделал распоряжения, чтобы на будущее трибуны передавали данное приказание только первому полковнику, тот, в свою очередь, следующему и так далее по очереди. Часовым было запрещено выходить в караул со щитами. По объяснению главнокомандующего, эта часть вооружения была не нужна часовым в карауле, так как они выходили туда не для сражения, а только для того, чтобы в случае надобности призвать к оружию других; присутствие же щита вело к тому, что часовой, устав, опираясь на свою пику, клал голову на край щита и, таким образом заснув, не замечал приближения неприятеля. Форпостам, которые до тех пор стояли под ружьем и с взнузданными лошадьми целый день, консул приказал сменяться в полдень для того, чтобы постоянно быть со свежими силами.

Строгие меры главнокомандующего произвели на солдат самое лучшее впечатление: они поняли, что во главе их стал истинно военный человек. Бездействие в армии прекратилось: тут точились мечи, там чистились шлемы, щиты, кирасы; одни примеряли вооружение и пробовали в нем гибкость своих членов, другие метали копья, третьи осматривали острие своих мечей; повсюду проявлялась воинственность, энергия, и можно было ожидать, что, в случае сражения, каждый выступит с твердой решимостью победить или умереть. Оба лагеря стояли друг против друга в Темпейской долине у горы Олимп, где Персей думал преградить римлянам переход из Фессалии в Македонию. Лагерь царя был укреплен самым старательным образом. Когда же Персей заметил, что с появлением нового полководца в римском лагере началась новая жизнь, то стал еще сильнее укрепляться и считал все предпринимавшиеся им меры недостаточно энергичными для борьбы с таким неприятелем. Несмотря на то, что с обеих сторон происходили такие усиленные приготовления, обе армии не вступали, однако, в бой довольно продолжительное время, и никогда еще, кажется, не случалось, чтобы две неприятельские армии так долго стояли друг

против друга в таком спокойном положении. Так как прямое нападение на лагерь Персея представлялось слишком опасным, то Эмилий попытался обойти его с тыла окольной дорогой через горы, о которой он узнал через изменника. Совершить этот обход вызвались трибуны Сципион Назика, зять Сципиона Африканского, и старший сын Эмилиа, Фабий Максим, бывший в то время еще совсем юношей. Во главе 5-тысячного избранного войска Эмилий приготовился к выступлению в Гераклеум, под предлогом намерения сесть там на корабли для опустошительного похода на македонский берег. Но как только наступила ночь, Назика с большими предосторожностями повернул в горы и благополучно достиг Пифиума, расположенного на Олимпе, на 6 тыс. футов над уровнем моря. Здесь он дал своим усталым войскам немного отдохнуть. Персей, которого в это время Эмилий отвлекал ложными нападениями, узнал о намерении римлян от одного перебежчика и поспешно отправил 12 тыс. человек для занятия высоты. По рассказу Полибия, этот отряд был застигнут римлянами во время сна и без труда сброшен вниз. Сам же Назика уведомлял в письме, что на высотах завязалась крайне ожесточенная и упорная битва, причем он сам убил копьем одного фракийского наемника, кинувшегося на него, и что, наконец, враги были сброшены, предводитель их, Милон, постыдно бежал без оружия и в одном нижнем белье.

Когда Персей узнал, что враги спустились в долину и обошли его лагерь, им овладел ужас, и он поспешил отступить в Македонию до самой Пидны. Тут, под стенами этого укрепленного города, решил он ожидать неприятеля и вступить с ним в решающее сражение.

Эмилий, соединившись с Назикой, двинулся прямо против неприятеля, но, увидав войска Персея, выставленные перед лагерем в боевом порядке, и убедившись, что они значительно превосходят численностью его армию, остановился в нерешительности, потому что не хотел втянуть своих усталых солдат в битву со свежими силами неприятеля. Но молодые знатные офицеры в его армии, и преимущественно Назика, были исполнены во-

инственного жара и настаивали тотчас же начать сражение для того, чтобы неприятель не успел выскользнуть из их рук. Консул отвечал Назике: «И я был некогда такого же мнения, как ты теперь, и как я думаю теперь, так будешь думать ты впоследствии. Долговременный опыт научил меня, когда следует драться и когда нужно воздерживаться от битвы. На виду у стоящего перед нами врага я не могу теперь же разъяснить тебе, по каким причинам нахожу более целесообразным сегодня остаться спокойным; поэтому спроси меня в другой раз; теперь же удовольствуйся ответом старого полководца». Юноша замолчал и подчинился. После этого Эмилий, замаскировав свои действия от неприятеля, беспрепятственно разбил лагерь.

Вслед за тем трибун второго легиона, Гай Сулпиций Галл, созвал с разрешения консула всех солдат и объявил им, что следующей ночью между вторым и четвертым часом затмится луна; при этом он объяснил им, что так как затмение происходит по законам природы, в известное время, то его можно заранее предвидеть и предсказать, и поэтому солдаты не должны смотреть на это естественное и необходимое явление как на неблагоприятное предзнаменование и тревожиться им. Затмение, действительно, случилось в указанное время (это было в ночь на 4 сентября по римскому календарю, 22 июня по календарю юлианскому), и римские солдаты, удивляясь мудрости Галла, наблюдали его без всякого страха; напротив, македоняне страшно испугались и объясняли себе исчезновение луны предзнаменованием гибели их царства и царя. Лагерь огласился криками скорби и отчаяния, продолжавшимися до тех пор, пока луна снова не появилась на небе.

На следующий день ни Персей, ни Эмилий, не имели желания драться, но случай ускорил развязку вопреки их желанию. Между обоими лагерями находилась маленькая река, из которой брали воду как македоняне, так и римляне; для охраны водоносов на обоих берегах перед лагерями были выставлены сильные караулы. До 9 часов вечера в этот день все было тихо и спокойно, потому что ни одна сторона не желала напасть на другую; вдруг одна вьючная лошадь из римского обоза ушла от своих сторо-

жей и переправилась на противоположный берег; три солдата поплыли за ней вдогонку, а так как в это время два фракийца уже успели захватить ее, то римляне убили одного из них и вернулись с освобожденным животным. Но на берегу стоял караул из 800 фракийцев, и некоторые из них захотели отомстить за смерть своего соотечественника и потому переправились через реку. За ними последовали многие и наконец все. Тут произошла ожесточенная рукопашная схватка. Ходил слух, что Эмилий умышленно перегнал лошадь на неприятельский берег для того, чтобы навязать неприятелю бой и тем заставить Персея дать генеральное сражение, которое, благодаря случаю или согласно намерению полководца, действительно последовало, так как с обеих сторон двинулась на помощь своим масса солдат, и военачальники оказались перед необходимостью вывести из лагеря все войско. Без щита и панциря проходил Эмилий по рядам и сам осматривал своих солдат. Как только у него все было приведено в порядок, македонская армия тоже двинулась вперед.

Победоносное для римлян сражение не длилось и часа, дольше всех выдержали его три тысячи избранных воинов македонской фаланги; они бились до тех пор, пока не были изрублены все до единого, остальные падали во время бегства в громадном количестве, так что равнина до самого подножия горы была покрыта трупами, а река Левкос еще на следующий день катила окровавленные волны. Многие бежали также к морю и, попадая в воду, молили о спасении экипаж римского флота. Но так как римские матросы подъехали к ним на лодках и стали рубить их, то они поспешили обратно и нашли на суше жалкую смерть. Всего было изрублено здесь 20 тыс. человек. Из бежавших в Пидну около 6 тыс. человек попали живыми в руки неприятеля, а из рассеявшихся в бегстве были взяты в плен еще 5 тыс. человек. У римлян погибло не более 100 человек.

Между тем как римские воины с радостным ликованием и при свете факелов возвращались в свои палатки, украшенные плющом и лавровыми венками, сам полководец был погружен в глубокое горе, потому что из двух его сыновей, служивших в войске, младший, Сципион

Эмилиан, которого отец особенно любил и который превосходил всех братьев удивительными способностями, пропал без вести. Отец не сомневался, что молодой человек из-за своей воинственности и пламенного честолюбия был убит. Весь лагерь разделял скорбь начальника; солдаты прекратили пиршества, и в то время как одни из них собрались перед палаткой отца, другие отправились искать пропавшего между трупами. В лагере стояла глубокая тишина, но на равнине беспрестанно раздавался громкий зов: «Сципион! Сципион!» Наконец, поздно ночью, когда уже исчезла почти всякая надежда, юноша вернулся в сопровождении нескольких воинов, покрытый свежей кровью неприятеля. Это был впоследствии столь знаменитый Сципион Эмилиан, разрушитель Карфагена и Нуманции.

Царь Персей бежал из Пидны в свою резиденцию Пеллу в сопровождении всадников, малодушно покинувших поле сражения. Когда пехота нагнала этих беглецов, то стала обзывать их трусами и изменниками, срывать с лошадей и избивать мечами. Царь испугался и скрылся с немногими приближенными. Чтобы не быть узнанным, он снял с себя пурпурную одежду и положил ее перед собой на лошадь, диадему же держал в руках. Наконец, он слез с лошади и повел ее за собой под уздцы, чтобы на ходу советоваться со своими друзьями. Но из этих друзей одни отставали под одним предлогом, другие под другим, тот останавливался завязать развязавшийся башмак, этот попоить лошадь, третий выражал желание сам напиться; мало-помалу все оставили Персея не столько из боязни врага, сколько опасаясь жестокости царя, который приписывал свое несчастье всем другим, только не себе. Когда, в довершение всего, он прибыл в Пеллу, убил там кинжалом своих обоих казначеев за то, что они позволили себе обратиться к нему с упреками и либеральными советами, тогда решительно все, за исключением трех приближенных, отделились от него. Эти трое вместе с Персеем и его сокровищами бежали в ту же ночь по направлению к Амфиполису; из солдат последовали за ними всего пятьсот человек, да и те не из чувства преданности, а только соблазненные сокровищами, которые вез с собой царь. Из Амфиполиса Персей со своими

богатствами, составлявшими в итоге две тысячи талантов, отправился на остров Самофракию и там искал приюта в храме Диоскуров.

Из Самофракии Персей надеялся добраться до Котиса во Фракии, несмотря на то, что претор Октавий стоял на якоре перед Самофракией с флотом Эмилия. Македонский царь привлек на свою сторону одного критянина, по имени Ороанда, и тот обещал ему взять его на свой маленький корабль с частью его сокровищ. Как истый критский мошенник, Ороанд нагрузил ночью на свое судно все богатство Персея, но когда в следующую ночь царь пролез сквозь узкое окошко в стене со своей женой и детьми и явился на берег, уже простыл след и корабля и Ороанда. С плачем вернулся царь в свое жилище, и так как положение его представлялось теперь совершенно безысходным, то он вместе со своим старшим сыном Филиппом сдался Октавию; младших детей его изменнически выдал Октавию уже прежде любимец царя Ион. Претор отправил Персея к Эмилию. В простом солдатском платье темного цвета, не имея около себя ни одного провожатого, ни одного из своих приближенных, явился македонский владыка в римский лагерь. Когда он вошел в палатку военачальника, Эмилий встретил его и подал ему руку. Преемник Александра хотел было броситься перед ним на колени и с подобострастными воззваниями и мольбами протянул к нему руки; тут консул взглянул на него с видимой скорбью и негодованием и воскликнул: «Несчастный! Почему снимаешь ты с судьбы самое тяжелое обвинение и доказываешь своим поведением, что несчастье постигло тебя по заслугам? Почему позоришь ты мою победу, не выказывая себя благородным, достойным римского народа противником? Стойкая отвага заставляет и врага смотреть на несчастного с высоким уважением, малодушие же даже в счастливом человеке служит для римлян предметом величайшего презрения». Затем Эмилий передал пленника под надзор зятя, Элия Туберона.

После этой сцены консул долго сидел в глубокой задумчивости в своей палатке, приводя этим в изумление своих сыновей, зятей и несколько молодых офицеров, при-

существовавших тут же. Наконец Эмилий обратился к ним и сказал: «Подобает ли человеку, одержавшему победу, радоваться своему счастью, когда от его руки пал народ, город, царство? Не должна ли, напротив, такая превратность судьбы убеждать победителя, что нет в мире ничего прочного и постоянного? Видя раздавленным в течение одного часа наследника того Александра, который был владыкой величайшего царства, видя, как царь, которого еще за несколько минут до этого окружали целые миллиарды воинов и телохранителей, теперь должен получать насущный хлеб из рук своих врагов - неужели вы можете думать, что наше дело покоится на прочном, долговечном основании? Нет, прогоните от себя всякую суетную гордость и тщеславие и смотрите смиренно в будущее, в котором божество может послать каждому тяжелое испытание за счастье, которым он пользуется в настоящее время».

Эмилий блистательно исполнил свою задачу: через две недели после принятия начальства над войском он в битве, длившейся всего один час, уничтожил царство Александра Великого. В продолжение двух дней покорилась вся Македония, и вскоре после этого сам царь со своими детьми и сокровищами отдался в его руки. В Греции, где во время войны обнаружилось расположение к Македонии, македонская партия подверглась повсеместному преследованию, и римляне потребовали выдачи тех, которые провинились дружескими отношениями с Македонией. Более тысячи благороднейших и почетнейших ахейян, в том числе и историограф Полибий, были вынуждены отправиться в Рим к ответу; там их долго держали как пленников, не приступая к разбирательству дела, и только в 151 г. были отпущены на родину оставшиеся еще в это время в живых, около 300 человек.

Эпир, который один из всех греческих государств открыто перешел на сторону Персея, подвергся жесточайшему наказанию: Эмилий, совершив в это время путешествие по Греции для обзора художественных произведений и достопримечательностей этой страны, получил от сената поручение разорить эпирские города и отдать их на разграбление воинам. Такое поручение было противно его гуманной душе, но он должен был повиноваться. Прибыв с

войском в Эпир, он потребовал к себе по десять знатнейших жителей от каждого города и приказал им выдать ему в назначенный день все золото и серебро, какое находилось в их домах и храмах; в каждый город послал он отряд солдат с офицерами для розысков и принятия золота. Когда наступил назначенный день, солдаты в один и тот же час начали опустошать и грабить города, так что в продолжение одного дня подверглись опустошению семьдесят городов и были обращены в рабство 150 тыс. человек. Это страшное разорение доставило каждому всаднику 400 динариев, каждому пехотинцу — 200.

День битвы при Пидне Полибий считает началом всемирного господства римлян. Все образованные государства Востока очутились с этой поры в зависимости от Рима, так как его власти покорились добровольно также Египет и Сирия.

Окончив свою миссию на греческом полуострове, Эмилий отправился в Италию со всей своей армией, пленным царем и несметной добычей. Собственно для себя и своих солдат он из этой добычи не взял ничего, но отдал все квестору для внесения в государственное казначейство; только библиотеку македонского царя подарил он своим сыновьям и при раздаче почетных наград за храбрость вручил своему зятю, Туберону, серебряную чашу в 5 фунтов весом. Это было первое серебро, появившееся в доме Элиев. Когда Эмилий подплыл по Тибру к городу на царской галере в шестнадцать рядов весел, украшенной военными трофеями и пурпурными парусами, весь народ кинулся ему навстречу и приветствовал его с неописуемым восторгом. Но солдаты сильно гневались на своего военачальника за то, что он не дал им ничего из богатой македонской добычи, и поэтому не очень усердно поддерживали его притязания на триумф. Когда гражданский трибун Тиберий Севпроний предложил собравшемуся в Капитолии народу почтить Эмилия триумфом, солдаты начали шумно возражать и, может быть, склонили бы на свою сторону народ, если бы сенат и особенно почетный консул М. Сервилий не выступили с негодованием против этих злобных проявлений. Речь Сервилия так утоми-

ла солдатчину и произвела такой переворот в настроении народа, что устройство триумфа было решено единогласно.

Триумф этот, один из самых великолепных, какие когда-либо праздновались в Риме, был распределен на три дня, из которых первого едва хватило на то, чтобы показать народу все отнятые у неприятеля статуи и картины, привезенные на площадь на 250 телегах. На второй день народ любовался провозившимся мимо него на множестве телег прекраснейшим и драгоценнейшим македонским оружием, сгруппированным по всем правилам искусства. За этими телегами следовали три тысячи человек с серебряной монетой в 750 сосудах, из которых каждый заключал в себе по три таланта; каждый сосуд несли четыре человека; другие несли чаши, рога для питья, кубки. Шествие третьего дня открыли трубачи звуками боевого марша. За ними следовали 120 жирных, предназначенных к принесению в жертву быков с вызолоченными рогами и украшенных лентами и венками; на их молодых жоках красовались великолепные пояса, употреблявшиеся при жертвоприношениях, а сопровождали их мальчики с жертвенными чашами из золота и серебра. Далее несли золотую монету, которая, подобно серебряной, была размещена в сосудах, по три таланта в каждом; всего сосудов было 77. Вслед за тем несколько человек торжественно продвигались вперед с изготовленной по приказанию Эмилия священной чашей; она была из золота, весила 10 талантов и украшена была драгоценными камнями. Другие показывали народу художественно сделанные кубки самых разнообразных форм и другую посуду, употреблявшуюся за столом у Персея. Потом ехала колесница Персея, на которой лежали его оружие и диадема. В некотором отдалении от нее шли малолетние дети Персея - два мальчика и одна девочка, в сопровождении целой толпы дядек, учителей и воспитателей; все они со слезами протягивали руки к зрителям и заставляли делать то же самое малюток. Вид этих детей, еще не понимавших всей личности своего несчастья, возбуждал глубокое участие зрителей, так что многие не могли удержаться от слез.

Сам Персей с женой шел вслед за детьми и прислугой

в платье темного цвета, в македонской обуви. Неожиданное несчастье так ошеломило его, что он, казалось, потерял сознание. Позади царя двигалось множество его любимцев и приближенных; на их лицах выражалась глубочайшая скорбь, и, позабыв о своем собственном несчастье, они не переставали смотреть со слезами на своего злополучного государя. Персей просил Эмилия избавить его от позорного участия в триумфальном шествии, но Эмилий посмеялся над его малодушием и сказал: «Он давно мог избавиться от этого». Этим ответом он дал понять Персею, чтобы он смелым самоубийством избавил себя от позора; но мужественный совет пришелся не по вкусу македонскому владыке, и он, тешась надеждой, предпочел выставить себя напоказ, как часть отнятой у него добычи.

Вслед за царем несли 300 золотых венков, присланных Эмилию в виде победных наград разными городами Греции и Азии. Наконец, появился и сам победитель, стоя на великолепно украшенной колеснице, вызывая всеобщее уважение своим возрастом и почтенной наружностью; на плечах его красовалась вышитая золотом пурпурная мантия, в руке он держал лавровый венок. С лавровыми венками шло и все войско, следовавшее за колесницей полководца; оно было разделено по центуриям и когортам и, согласно обычаю, пело то насмешливые песни, то гимны в честь подвигов Эмилия. Каждый пехотинец получил после триумфа 100 динариев, офицер — вдвое больше, всадник — втрое. Чистыми деньгами Эмилий внес в государственное казначейство 120 миллионов сестерций — огромную сумму, какая когда-либо вносилась в римскую казну. Общественная касса так обогатилась благодаря доставленной Эмилием добыче, что с тех пор до 43 г. до Р. Х. римские граждане не платили никаких податей.

Персей, как военнопленный, был перевезен в Альбу на Фуцинском озере и там прожил еще довольно долго в самом бедственном положении; рассказывают, что он наконец лишил себя жизни — полным воздержанием от пищи. Рассказывали также, что солдаты, сторожившие его и питавшие к нему крайнюю ненависть, не давали ему спать, так что он наконец умер от упадка сил. Двое детей его

также умерли. Оставшийся в живых сын Александр отлично выучился, как говорят, токарному искусству и занимал должность писца у начальника города Альбы.

Но не только свергнутый с престола царь Македонии явил собой поразительный пример превратности человеческого счастья; то же самое представлял и его доблестный победитель в дне его триумфа. В то время когда он проезжал на своей победной колеснице, приветствуемый ликующим народом, под золотом и пурпуром его одежды таилась глубокая сердечная рана. Из двух сыновей его от второго брака, единственных наследников его имени, младший, мальчик двенадцати лет, умер за пять дней до триумфа, а через три дня после этого триумфа скончался и старший, четырнадцати лет. Эмилий заплатил судьбе за свои удачи.

Римляны привела в ужас такая жестокость судьбы, и они выказали несчастному отцу величайшее участие. Но Эмилий и в этой горе обнаружил стойкое, величавое мужество. Он созвал народ в собрание и произнес там речь как человек, не нуждающийся ни в каком утешении, но старающийся сам утешить своих сограждан в их соболезновании его несчастью. «Перед человеческой силой, — сказал он, — я никогда не робел; но из божественных сил я всегда боялся счастья, как существа в высшей степени изменчивого и шаткого, и особенно в теперешней войне, где оно сопровождало все мои предприятия подобно попутному ветру, я постоянно ожидал перемены к худшему. В один день я совершил плавание из Брундизиума в Корциру, через пять дней после того уже приносил богу жертву в Дельфах, еще пять дней спустя стоял во главе войска в Македонии. Сделав смотр этой армии, я немедленно приступил к делу, и через пятнадцать дней война была уже окончена блистательнейшим образом. Полный недоверия к судьбе из-за столь благоприятного хода вещей, я страшился, что на обратном пути меня постигнет какое-нибудь бедствие, так как после таких побед я вез с собой огромное победоносное войско, богатую царскую добычу и плененную царскую фамилию. Но когда опасения мои и тут не оправдались, когда я благополучно прибыл сюда и

застал вас всех радующимися, ликующими и приносящими благодарственные жертвы богам, — страх все-таки не покинул меня, ибо я хорошо знал, что счастье никогда не наделяет людей своими высочайшими дарами без того, чтобы не заставить их поплатиться за это. И от этих тревожных предчувствий мое сердце, полное боязни за будущую участь города, избавилось только тогда, когда меня поразило это великое семейное горе, и я должен был, в одно время с торжественным празднованием моей победы, похоронить двух дорогих сыновей, остававшихся моими единственными наследниками. Таким образом, я теперь успокоился насчет самого главного и вполне уверен, что с этих пор счастье будет служить вам без всякого коварства и измены. Зависть свою удаче наших планов оно достаточно уже выместило лично на мне, и на победителе явило такой же поразительный пример человеческой слабости, как и на побежденном, с той только разницей, что Персей и побежденный окружен своими детьми, Эмилий же, хотя победитель, лишился своих».

Это выражение столь возвышенных чувств и мыслей подействовало на зрителей так сильно, как не подействовали бы на них, конечно, его сетования о смерти детей, как бы трогательны они ни были.

Благодаря своим великим заслугам Эмилий пользовался в народе огромной популярностью, несмотря на то, что он упорно держался своих аристократических принципов и не делал и не говорил ничего, только чтобы угодить толпе. В 164 г. он получил должность цензора — высшая ступень общественных почестей. По окончании важнейших дел, сопряженных с этой должностью, он заболел сначала опасно, но потом опасность прошла, и болезнь приняла затяжной характер. По совету врачей он отправился на довольно продолжительное время в поместье близ Веллии (Элеа) в Лукании. Римляне между тем очень скучали по нему и нередко в театре громко высказывали желание, чтобы он поскорее возвратился. Через некоторое время в городе должно было совершиться большое жертвоприношение, в котором Эмилию необходимо было принять участие; так как здоровье его теперь уже значи-

тельно поправилось, то он вернулся и вместе с другими жрецами исполнил обряд, к великой радости собравшегося в большом количестве народа. Но на следующий день, принеся богам благодарственную жертву собственно от себя, он слег в постель; скоро у него начался бред, и через три дня он скончался (160 г.). Похороны его были очень пышные. Присутствием на них засвидетельствовали умершему свою любовь, благодарность и уважение не только римляне, но и испанцы, лигурийцы и македоняне, в землях которых он командовал войсками. Младшие из этих иноземцев несли гроб на руках; старики следовали за ними, громко восхваляя человека, бывшего благодетелем их отечества, потому что он не только во время своих побед обращался с побежденными кротко и гуманно, но и после этого постоянно оказывал им услуги и заботился о них, как о друзьях и родных. Оба сына его устроили в честь покойного похоронные игры, на которых были представлены две комедии Теренция («Гецира» и «Адельфы»), Незначительное состояние, оставшееся после Эмилия, его сын Сципион, принадлежавший по усыновлению к богатой семье, уступил своему брату Фабию Максиму.

25. МАРК ПОРЦИЙ КАТОН СТАРШИЙ

Марк Порций Катон, в отличие от его правнука того же имени, Катона Утического, называемый Старшим (Major Priscus), — также Censorius, от его строгой цензуры, Sapiens, Orator, — родился в 234 г. и прожил 85 лет. Время его юности совпадает, следовательно, с Ганнибаловой войной, а год его смерти — с первым годом третьей Пунической войны, 149-м до Р. Х. Катон играл важную роль не столько на военном поприще, хотя он в молодые годы показал себя хорошим солдатом, сколько на государственном и боролся со все более и более распространявшимся новым направлением римской жизни.

Такого значительного положения Катон достиг благодаря только собственным силам. Он был выскочка, homo novus, его предки не занимали в Риме высших почетных должностей. Местом его рождения была муниципия Тускулум; он имел имение в Сабинской земле, которое в молодости сам обрабатывал. В соседстве с ним было имение Курия Дентата, победителя Пирра, который предпочел заниматься выращиванием репы, отказавшись от сомнительного золота. Молодой Катон часто ходил туда, чтобы видом этого маленького имения и скромного дома воодушевиться к подражанию простой жизни этого великого человека. Простая, скромная жизнь и сельские заня-

тия еще более укрепили его и без того сильное и здоровое тело, так что он мог переносить самые трудные условия войны. Уже на семнадцатом году от роду он участвовал в первом походе против Ганнибала (217), и еще прежде, чем он достиг зрелого возраста, грудь его была покрыта многими ранами. В битвах он стоял твердо и непоколебимо на своем месте и с выражением гордости в глазах часто наводил страх на врагов своим сильным, суровым криком еще больше, чем мечом. В походах он ходил пешком и сам носил свое оружие; слуга следовал за ним для того, чтобы носить необходимые припасы. Говорят, он никогда не сердился на своего слугу, когда тот подавал ему обед или ужин, а, напротив, часто помогал ему в приготовлении пищи, когда был свободен от военных занятий. В поле он пил обычно воду, иногда, при сильной жажде, прибавлял уксусу и только в случае истощения сил принимал немного вина. В 214 г. он сражался в Кампании под начальством Фабия Кунктатора, которому очень понравился молодой человек, страстно привязанный к неиспорченным нравам доброго старого времени. В 209 г. он также находился при Фабии, при взятии Тарента, может быть, как военный трибун. Спустя два года он сражался в битве при Метавре против Газдрубала.

Время, свободное от военных действий, Катон тратил на обработку своей земли и на управление своим хозяйством, не изменяя ничего в своем простом и строгом образе жизни; при этом он развивал свои ораторские способности и свои познания права, являясь в ближних селах и городах безвозмездным защитником всякого, кто обращался к нему за помощью. Вероятно, уже тогда обращал он свои взоры к Риму и стремился к высшему кругу деятельности; сознание силы гнало его вперед. Но толчок к отправлению в Рим, как говорят, дал ему знатный римский патриций Л. Валерий Флакк, имения которого лежали по близости от имения Катона. В. Флакк узнал от своих рабов о трудолюбии и образе жизни Катона, слушал с удивлением рассказы, как он рано утром отправляется на базар, чтобы оказать помощь нуждающимся в защите перед судом, как он зимой в безрукавке и летом голый ра-

ботал вместе со своими людьми, ел с ними вместе тот же хлеб, пил то же вино; он слышал и про другие черты его скромного характера и некоторые разумные изречения, приписанные ему, а потому пригласил его к себе в гости, чтобы узнать его поближе. Так как Флакк сам был человек в высшей степени простой, ненавидевший нововведения в государственной жизни и нравах, то ему понравился простой молодой человек, обнаруживший необыкновенные умственные способности, и он посоветовал ему отправиться в Рим и посвятить себя государственному управлению, обещая ему содействие своего дома.

Таким образом, Катон отправился в Рим, где приобрел себе много друзей благодаря рекомендациям Флакка, а также своей собственной личности и своей адвокатской деятельности. В тридцать лет он получил квестуру (204), первую ступень высших государственных должностей, и отправился квестором Корнелия Сципиона в Сицилию, чтобы сопровождать его в Африку на войну против Карфагена. Роскошь и слабая дисциплина в войске Сципиона казались единомышленнику и другу Фабия и Флакка опасным нововведением и он, вероятно, открыто порицал своего проконсула, но он не отправился обратно в Рим, как утверждает Плутарх, чтобы в союзе с Фабием обжаловать своего начальника, а вместе с Лелием повел транспортный флот Сципиона в Африку. На обратном пути из Африки корабль его прибило к Сардинии. В 199 г. Катон сделался эдиллом, а в 198-м — претором. В должности претора он получил Сардинию как провинцию и приобрел там доверие и благосклонность жителей своим бескорыстием, справедливостью и особенно строгостью, с которой он преследовал римских ростовщиков.

Несмотря на эту строгость, которую в Риме не любили, он через три года (195) был избран там консулом, одновременно с его другом и покровителем Валерием Флакком. В это время один из народных трибунов сделал было предложение об отмене Оппиева закона (Lex Oppia) против роскоши женщин, вызванного нуждой Ганнибаловой войны. Как приверженец простоты старых нравов, Катон выступил решительно против предложения; но женщины в такой степени

осаждали граждан и магистраты, что закон был отменен, и они в тот же день, упоенные радостью, ходили по площади и по улицам в заранее приготовленных нарядах.

В следующем году Катон, как проконсул, получил провинцию Близкую Испанию, готовившуюся к восстанию. Ему пришлось вновь завоевать эту провинцию многими сражениями, и чтобы в будущем сделать невозможными новые восстания, он отдал распоряжение об уничтожении городских стен. В один и тот же день магистраты городов получили его письменное приказание немедленно уничтожить свои городские стены, и так как каждый город думал, что он только один получил такое повеление, то они и послушались, за исключением немногих, которые подчинились потом, когда Катон явился с войском. Он потом хвастался, что завоевал в Испании больше городов, чем было дней, прожитых там. Сенат решил устроить в честь его трехдневной праздник и, при возвращении его, устроил ему триумф, причем Катон выставил большую массу благородных металлов, приобретенных разработкой лучших испанских рудников.

В 190 г. он в качестве легата вместе с Валерием Флакком и Л. Сципионом сопровождал М. Ацилия Глабриона в войне против Антиоха. Когда последний занял Фермопильский проход своим лагерем, укрепленным двойным валом, рвом и стенами, и Глабрион, приближавшийся с севера через Фесалию, не мог пройти, то Катон, как некогда персы, пробрался с отрядом через горную тропинку Калидрома и, прогнав стоявших там 2 тыс. этолийцев, очутился в тылу неприятеля. Антиох в испуге бежал с небольшой частью своего войска в Элатею, в Фокид, и оттуда через Евбею в Азию; большая же часть его войска была уничтожена при Фермопилах или взята в плен. Катон, не скупившийся на самовосхваления, превознес свой геройский поступок до небес и говорил, что кто видел, как он тогда преследовал и истреблял врага, тот должен был признать, что Катон не столько обязан народу, сколько народ ему; консул же Глабрион обнял его после победы и долго держал в своих объятиях, восклицая, что ни он сам, ни весь народ не в состоянии достойно вознаградить заслуги Катона.

После битвы Катон и Д. Сципион получили поручение доставить в Рим известие о победе, но по дороге они должны были упрочить верность Риму в греческих государствах на юге. Катон, между прочим, отправился в Афины и держал перед народом речь на латинском языке, предоставив переводчику передать ее по-гречески. Он сделал это не по незнанию греческого языка, а чтобы не отступить от отечественного обычая.

В 190 г. окончилась военная карьера Катона. После того он еще сорок лет непрерывно работал и боролся в Риме, в суде, в сенате и в народном собрании, будучи долгое время первым в государстве, влиятельнейшим адвокатом и государственным оратором. В течение этого времени сильнее всего выступает особенность его характера в постоянной борьбе против упадка древнеримских нравов и всюду проникавших чужеземных элементов, против злоупотреблений и нововведений в государственном управлении, против роскоши и безнравственности аристократии, против бесправия и насилия всякого рода. Сам он имел настоящий древнеримский характер, здоровое телосложение, закаленное умеренностью, военной службой и сельскими занятиями (красив он, правда, не был, враги говорили о нем, что у него красные волосы и зеленые глаза); он одевался и жил просто и умеренно, был честен и справедлив, строг к самому себе, но еще строже и жесточе к другим. Его пронизательный ум, его знание римского права и всех отношений, его смелая и бойкая речь, резкое остроумие и колкая насмешка сделали его человеком, которого больше всего боялись в Риме, тем более что он часто направлял свои нападки не столько против поступков, сколько против личностей и всегда выступал с беспощадной жестокостью и всей силой и твердостью характера. Он был в полном смысле враг своих врагов, и месть он считал обязанностью. По отношению к массе народа он держал себя благодушно, и она охотно сближалась с ним из-за простой его внешности; она питала к нему уважение и доверие за его бескорыстие и неподкупность и за его бесстрашное выступление против знатных; последние презирали и ненавидели смелого и дерзкого выскочку, и он беспощадно нападал на

них, как только представлялся случай. Он преследовал их в многочисленных процессах, в его речах перед народом и в сенате и, конечно, должен был также переносить частые нападения с их стороны; его обвиняли около пятидесяти раз, но всегда оправдывали.

В 190-187 гг. Катон выступил против трех полководцев, добивавшихся триумфа, обвиняя их в разных проступках, а именно против Минуция Терма, Ацилия Глабриона и Фульвия Нобилиора, победивших лигурийцев, Антиоха и этолийцев. Но больше всего досталось его врагам и аристократии во время его цензорства 184 и 183 гг. Соискателями этой должности, кроме него и друга его Валерия Флакка, были также враги его П. и Л. Сципионы и Фульвий Нобилиор. Партия знатных делала все, чтобы устранить опасного и презираемого ею человека с этой важной и почетной должности и предоставить оную людям из своей среды. Но и Катон не остался бездейственным; он помешал избранию Сципионов тем, что возбудил против них уже описанный нами процесс за сокрытие денег из азиатской войны и добился того, что расположенный к нему народ избрал его и друга-единомышленника Флакка.

Во время своего цензорства Катон с неумолимой строгостью расчистил сенат и рыцарское сословие. Семерых сенаторов он изгнал из курии, среди них Л. Фламинина, брата враждебного ему освободителя греков, за то, что он в Цисальпийской Галлии, на пиру, разгоряченный вином, велел обезглавить одного осужденного на гибель пленника, чтобы вознаградить любимого им пажа за пропущенные им гладиаторские бои в Риме, точно так же он изгнал из курии бывшего претора Манилия за то, что он днем в присутствии своей дочери поцеловал свою жену, между тем как он сам обнимал свою жену только во время сильной грозы. Люция Сципиона он лишил коня, т. е. изгнал из рыцарства и, кроме того, подверг его строгому выговору, несмотря на то, что обвинение его в утайке денег никак не могло быть доказано. Рыцаря Л. Ветурия он также лишил лошади, потому что он был слишком толст для военной службы. «Какую пользу может принести госу-

дарству такое тело, — сказал он, — которое от шеи и до ног представляется только животом?» Когда он спросил Л. Порция: «Имеешь ли жену по твоему сердцу?», — и тот в насмешку ответил ему: «Не по твоему сердцу», — то он переместил его в эрарии. Кроме того, он строго противодействовал сильно развивавшейся роскоши. Он наложил большой налог на женские наряды, восставал против нового обычая украшать дома и виллы картинами и статуями, выставлять на общественных площадях изображения своих предков и родственников. Он наложил также большой налог на рабов моложе двадцати лет, за которых платили по 10 тыс. ас и более. Отстаивая общественные интересы против частных лиц, он уничтожил все трубы, через которые частные люди противозаконно проводили воду из водопроводов в свои жилища или на свои поля, и велел снести частные постройки, стоявшие на государственной земле или выступавшие на улицы. Государственные доходы он отдавал рыцарям в аренду за высокую цену, а возведение общественных построек он отдавал на подряд с большой расчетливостью, хотя, впрочем, не совсем к выгоде государства. Под своим именем построил он из государственных средств на рынке, рядом с гостилиевской курией, первую базилику в Риме.

Строгий образ действий его, задевавший преимущественно богатых и знатных, очень нравился народу, который поставил ему памятник в храме Салии, богини общественного благосостояния, с надписью на пьедестале, что Катон, как цензор, прекрасными средствами и мудрым руководством восстановил римское государство, склонявшееся к дурному и пришедшее в упадок. Напротив, Т. Фламинин со своими приверженцами по истечении срока его цензорства добился от сената уничтожения его строительных контрактов и аренд, как невыгодных для государства, и некоторые трибуны обвинили его в злоупотреблении цензорской властью, за что он был приговорен к штрафу в два таланта. Но Катон не побоялся этого и продолжал действовать по тем же принципам. Он до конца своей жизни бичевал и преследовал деятельность честолюбивой и корыстной аристократии, ее жадность к на-

слаждениям, ее насилие и вымогательства в провинциях, сокрытие ее добычи и пр. Кто ворует частное имущество, говорил он, того заковывают в цепи; те же, которые грабят государство, шеголяют в пурпуре и золоте. Так же смело порицал он нечестную политику сената. Но время шло своим чередом, и чем дальше, тем больше становился он одиноким и более враждебным по отношению к новым поколениям. Подобно Нестору, он жил уже с третьим поколением и, стоя на 81-м году жизни перед судом, он жаловался на то, как трудно защищаться перед людьми, с которыми он не жил.

Борьба Катона против духа времени осталась бесплодной. Он не постиг своего времени до основания, оставил нетронутым корень зла, а боролся против отдельных явлений, выступавших на поверхности. Он не хотел развивать свое время улучшениями, а втолкнул его в строгие формы прошедшего. «Катон укорял свой народ как обвинитель и судья, но не облагораживал его воспитанием и законами; подобно известному древнему царю, он наказывал море, потому что не знал другого способа для усмирения бури. Его заслуга состоит в том, что он показал больные места общества; но он не излечил его; он был только факелом, осветившим бездну» (Друман).

Мнение, будто Катон только на старости лет научился греческому, неверно. Он научился греческому языку довольно рано; но не любил греческого образования, потому что считал его причиной политического и нравственного падения греческого народа. Поэтому он старался по возможности противодействовать распространению греческого элемента в Риме. Когда в 155 г. афиняне, чтобы испросить у сената прощения денежного штрафа, послали в Рим трех философов, академика Карнеада, стоика Диогена и перипатетика Критолая, и эти последние во время своего довольно продолжительного пребывания в Риме привлекали к себе знатную римскую молодежь своими блестящими лекциями, то Катон настаивал в сенате, чтобы дело афинян было решено как можно скорее и чтобы убрали из города их послов, которые портили-де римскую молодежь своими греческими искусствами. В последние годы своей жизни Катон

отказался от предубеждения, будто греки своей высшей умственной жизнью дали опасное направление государству и нравственности; он прилежно изучал сочинения Фукидида, Демосфена и других знаменитых греков, которых прежде отдалял от себя в односторонней ревности к отечественной нравственности.

Известно, что Катон в последние годы своей жизни был страстным врагом Карфагена и не успокоился до тех пор, пока Рим не решился уничтожить его. Сомнительно, чтобы он считал новое процветание карфагенского могущества опасным для Рима; во всяком случае, главной побудительной причиной его ревности против Карфагена была личная ненависть и чувство мести, потому что он считал себя обиженным Карфагеном во время его посольства. Возвратившись из этого посольства, он в преувеличенном виде представил сенату богатство и военные средства деятельного торгового города и объявил, что оба государства долго существовать рядом не могут, что или Карфаген, или Рим должен погибнуть. И действительно, несмотря на то, что П. Сципион Назика, зять Сципиона Старшего Африканского, всегда возражал высказываниям Катона и каждый раз говорил: «Я думаю, что Карфаген должен остаться», — истребительная война против Карфагена была наконец решена в 149 г. Но Катон не дожидаясь радости видеть поражение ненавистного врага: он умер в том же году.

Он был добрый любящий муж и отец. Я считаю большей похвалой, говорил он, быть хорошим мужем, чем великим сенатором. От первого брака своего с Лицинией он имел сына, М. Порция Катона Лициниана. В преклонных годах он женился во второй раз на дочери своего клиента, Салонины, с которой также имел сына, М. Порция Катона Салониана. Старшего сына он сам обучал и воспитал с большой заботливостью, хотя раб его, Хидон, был такой опытный учитель, что под его руководством Катон содержал школу, но он не думал, чтобы раб мог хорошо воспитать свободнорожденного мальчика. Для обучения своего сына он написал несколько книг. Лициниан действительно сделался образованным и ученым мужем и оказался храб-

рым на поле битвы. Он храбро сражался при Пидне, под предводительством Эмилия Павла, надочери которого, Терции, он впоследствии женился. Он был, однако, слабого здоровья и умер раньше своего отца. Брат его, Салониан, был дедом Катона Утического.

Катон не был беден: он имел земли в Сабинской земле и с течением времени собрал большое состояние. Уменьшать свое имущество, говаривал он, недозволительно мужу, а разве овдовевшей женщине; напротив, честь и слава тому, кто в своих счетах оставил по себе больше благоприобретенного, чем наследственного. Сначала он искал выгоды только в земледелии, но впоследствии, чтобы быстрее увеличить свой капитал, занимался и другими доходными отраслями; он вел скотоводство в больших размерах, покупал рыбные озера, леса, теплые ванны и другие статьи, приносящие хороший доход. Часть своих денег он употребил на торговлю. Он занимался даже торговлей людьми, только под чужим именем. Он покупал молодых рабов, обучал их и давал им известную выправку в течение года и продавал затем по высокой цене. Он обращался с рабами жестоко и по принципам древнего мира, которыми, однако, не строго пользовались люди более благодушные, считал их существами бесправными, как скот. Он никогда не платил за раба более 1,5 тыс. динаров; он дрессировал их, как лошадей и собак, и затем продавал в другие руки; тех же, которых оставлял за собой для работы, он кормил хорошо и заставлял их спать, когда они только не работали; когда же они становились неспособными к работе по старости лет, то немилосердно выгонял их из дому, чтобы не кормить, или продавал. Он старался всегда поддерживать несогласие и раздор между своими рабами, потому что единомыслие их он считал опасным для себя; за незначительные проступки и небрежность он подвергал их палочным ударам, более важные преступления наказывал смертью. Один из его рабов, попавшийся в проступке, повесился из страха, прежде чем увидел хозяина.

Катон был человек замечательно деятельный. Хотя общественная деятельность и управление своим домом и

имуществом отнимали у него много времени, тем не менее он находил время для обширных занятий и накопления сведений, которые он потом излагал в разных сочинениях. До нас дошло только одно его сочинение, «De re rustica», где он изложил свою многостороннюю опытность и познание в земледелии. Кроме того, Катон написал одно историческое сочинение «Origines», охватывавшее историю Рима от самого основания его и историю некоторых других италийских городов до его времени, а также написал для своего сына руководство или несколько руководств о предметах, которые римлянин должен знать.

Если Катон в чем-то и был лучше многих своих современников, однако истинно добродетельным человеком, каким впоследствии его представляли, он не был. В своих понятиях о честности и справедливости он не стоял выше точки зрения римлянина; он восставал против своего времени, а между тем сам во многом был сыном его. Таким образом, он впадал в противоречие с самим собой. Он проповедовал простоту нравов и помогал государству обогащаться; даже сам для обогащения занимался ростовщичеством, а между тем называл ростовщика и разбойника одинаково преступным; он нападал на отдельных личностей, эксплуатировавших провинции, а между тем одобрял учреждение провинциального управления, дававшее повод к таким злоупотреблениям. Главным недостатком его характера, отчасти обуславливавшим все его слабости и ошибки, было самолюбие. Отсюда, между прочим, объясняется его неприятное самовосхваление. Он чванился своей добродетелью, превозносил до небес свои военные подвиги и свою бдительность. Когда нападали на людей за какую-либо ошибку, он часто оправдывал их словами, что на них напрасно нападают: ведь они не Катоны; неловких подражателей своим поступкам он называл неудавшимися Катонами. Такой человек не был, конечно, настоящим врачом своего времени, хотя он считал себя таковым.

26. ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ СЦИПИОН ЭМИЛИАН АФРИКАНСКИЙ МЛАДШИЙ

Сципион Эмилиан, разрушитель Карфагена и Нуманции, был сыном Эмилия Павла, но усыновлен сыном Сципиона Африканского, Публием Корнелием Сципионом, мать которого была сестрой Эмилия Павла. Будучи семнадцатилетним юношей, он сражался при Пидне под начальством своего отца и слишком смелым и продолжительным преследованием неприятеля привел в сильное беспокойство отца и все войско. Так как он был любитель охоты, то ему в награду позволили охотиться в нетронутых в течение четырех лет засеках македонских царей. Знакомые считали этого тихого и простого юношу мало способным. Обыкновенные юношеские удовольствия не занимали его; он не хотел также, подобно другим знатым юношам, искавшим должностей, проложить себе путь к какой-нибудь общественной почетной должности заискиванием перед влиятельными сенаторами или декламаторскими речами в судах. Он жил в уединении и находил большое удовольствие в занятиях науками. Заботливость отца доставляла ему лучших наставников и друзей эллинского образования, и впоследствии общество его составляли такие греческие и римские поэты и ученые, как Полибий, философ Панетий, поэты Луцилий и Теренций. Вместе с Полибием его ин-

тимнейшим другом был сын Лелия, известного уже нам друга Африканского Старшего, К. Лелий, человек весьма образованный, отличный оратор, поэт, любитель философских исследований, получивший вследствие этого прозвище Sapiens. Благодаря своим занятиям науками и искусствами Эмилиан получил прекрасное и солидное образование, которое его сильно выдвинуло из ряда обыкновенных любителей эллинизма. Его политические речи, отличавшиеся чистой классической латынью, и впоследствии охотно читались римлянами. Из эллинского он усвоил себе только то, что неподдельно, прекрасно и велико, и таким образом греческое образование нисколько не повредило его римскому духу; несмотря на возраставшую вокруг него испорченность нравов, он остался настоящим римским мужем доброго старого порядка, по образцу своего родного отца, крепким телом и душой, простым и строго нравственным, но отнюдь не таким суровым, подобно какому-нибудь Катону. В противоположность стремлениям большинства знатных людей того времени, которые бессовестно и бесчестно помышляли только о силе и могуществе, о деньгах и наслаждениях, Сципион верностью своему слову, твердостью, честностью и бескорыстием приобрел уважение и доверие друзей и врагов. Хотя одно имя и память об его отце Эмилии достаточно его рекомендовали, но тем не менее первым человеком своего времени он сделался благодаря единственно своим личным заслугам. Его высокая и благородная душа, равно как его храбрость и необыкновенный талант полководца доставили ему привязанность и доверие солдат даже в бытность его на войне в качестве подчиненного и заставили обратить на него внимание народа и правителей Рима.

На общественную службу Сципион вступил только на 34-м году от роду. В 154 г. до Р. Х. в Испании после продолжительного мира снова начались кровопролитные войны с лузитанами и кельтиберийцами, и римляне вели их так неудачно, что когда в 151 г. консул Л. Лукулл начал вербовать армию для Испанской войны, ни один человек не предложил своих услуг в качестве офицера. Тут выступил Сципион Эмилиан и вызвался принять любую долж-

ность, какая будет ему предложена в Испании. Пример его подействовал так сильно, что кандидатов на офицерские места появилось даже больше, чем требовалось. Сципион последовал за Лукуллом в качестве военного трибуна и отличился в Испании больше всех остальных. Он доблестно выдержал поединок с одним испанским великаном и первый вошел на стены Интеркации при штурме этого города, за что получил так называемый стенный венец. Храбрость и честность его принесли ему такой почет и со стороны неприятеля, что вакхеи, переставшие верить властолюбивому и бесчестному консулу, вполне положились на слово Сципиона и заключили договор с Римом. В следующем году Лукулл отправил его в Африку с поручением попросить у Масиниссы слонов для Испанской войны. Тут ему довелось быть очевидцем сражения между Масиниссой и карфагенянами, окончившегося поражением последних. После битвы карфагеняне обратились к Сципиону с почетным предложением устроить мир между ними и нумидийским царем. Но старания его остались бесплодными.

В 149 г. вспыхнула третья Пуническая война, которую Сципиону суждено было окончить самым блистательным образом. В результате второй Пунической войны Карфаген утратил свою политическую самостоятельность, но долговременный мир дал ему возможность снова оправиться и выйти из своего позорного и бедственного положения. Римляне стали смотреть с завистью и опасением на процветание старого соперника. Поэтому нумидийский царь Масинисса, как победоносный враг карфагенян, был очень по сердцу римлянам. В последнее время Ганнибаловых войн Масинисса сражался на стороне римлян против Карфагена и Сифакса и при заключении мира получил, по соизволению римского сената, господство над всей Нумидией. Умный и необыкновенно энергичный человек старался во время своего царствования расширять, насколько возможно, это господство и упрочивать его распространением образования; он приучил свои кочевые народы к земледелию и оседлости, строил города и крепости, облагал данью племена, жившие в южных горах. Земля карфаге-

нян была окружена с трех сторон его владениями и возбуждала завоевательные наклонности воинственного царя, который мысленно смотрел уже на богатый торговый город поселившихся на нумидийской земле иноземцев как на свою будущую столицу. Неопределенная редакция мирного договора, в котором значилось, что карфагеняне должны возвратить все отнятые ими у нумидийского царства земли Масиниссе, давала этому последнему достаточный повод отбирать у карфагенян один участок земли за другим. Так как Карфаген теперь не имел права вести войну без позволения римлян, то в подобных случаях он жаловался римскому сенату и просил его посредничества и решения; но римляне не оказывали ему никакой серьезной помощи и предоставляли Масиниссе действовать совершенно свободно и наконец даже открыто перешли на его сторону. Вследствие этого нумидийский царь отнял у карфагенян всю Эмпорию, а вслед затем обратился и на запад, где завладел плодородными поселениями на берегу реки Баградаса. Карфагеняне снова попросили защиты у римлян. Сенат послал в Карфаген комиссию, во главе которой стоял старый Катон. Он спросил карфагенских сенаторов, желают ли они безусловно подчиниться решению Рима; когда же те потребовали подробного исследования спорного вопроса и решения его по закону, то комиссары прекратили переговоры и уехали обратно. Катон считал себя оскорбленным таким образом действий карфагенского сената, он убедился собственными глазами в благосостоянии ненавистного государства и с тех пор не переставал настаивать в Риме на разрушении опасного города.

Авторитет, которым пользовался Катон, и беспрестанные настояния его побудили, наконец, большинство римских сенаторов принять решение - при первом же удобном случае объявить карфагенянам войну и разрушить их столицу. Случай представился скоро. Масинисса продолжал теснить и грабить карфагенян, римляне продолжали не оказывать им никакой действительной помощи. Наконец терпение карфагенян лопнуло, и они схватились за оружие, чтобы помочь себе собственными средствами и сила-

ми. Под предводительством Газдрубала, из фамилии Барка, вступили они в битву с нумидийским царем, но потерпели поражение. Это та самая битва, очевидцем которой был Сципион Эмилиан в то время, когда он ездил к Масиниссе просить слонов для Испанской войны. Теперь у римлян был достаточный повод для нарушения мирного договора: карфагеняне подняли оружие против союзника Рима без разрешения последнего. Карфаген старался отвлечь опасность, постановил казнить Газдрубала и Карталона, главных виновников войны с Масиниссой, и отправил в Рим посольство с заявлением, что карфагеняне отдают свою судьбу в полное распоряжение римлян. Но когда послы прибыли в Рим, война была уже объявлена и консулы выступили в поход с большим войском. Посланникам дали знать, что за Карфагеном будут обеспечены свобода, самостоятельность и его область, если он в течение месяца отправит в Лилибеум к консулам 3 тыс. заложников, детей самых знатных фамилий, и в остальном подчинится распоряжениям этих консулов. Карфагеняне исполнили требование относительно заложников; но консулы переправились из Лилибеума в Африку и расположились главной квартирой в Утике, перешедшей на сторону Рима. Весь карфагенский сенат отправился туда для получения дальнейших приказаний от консулов. Они потребовали полного разоружения. Карфагеняне выдали все боевые припасы своего флота, все хранившиеся в магазинах военные запасы и оружие частных лиц, 3 тыс. металлических орудий и 200 тонн полных вооружений и спросили, чего требует Рим еще. Тогда консул Л. Марций Цензорин объявил, что, по приказанию римского сената, город Карфаген должен быть разрушен, а жители его — выселены, по крайней мере на расстояние двух миль от морского берега. Это страшное Повеление привело карфагенян, до этих пор обнаруживавших беспримерную терпеливость, в бешенство и отчаяние; они решились защищаться до последних сил, несмотря на полную безоружность. День и ночь все, кто был в городе, без различия пола и возраста, работали над приготовлением метательных орудий и оружия; для добывания металла и дерева разрушали общественные здания; женщины обрезали волосы

и отдавали их для тетивы луков. Бежавшие полководцы, Газдрубал и Картадон, были призваны обратно, стены города приведены в оборонительное положение, и всякий, кто только мог носить оружие, вооружился.

Консулы не знали о происходившем в Карфагене и двинулись туда из Утики в надежде овладеть беззащитным городом без сопротивления. Но как изумились они, когда нашли ворота запертыми, а стены занятыми множеством орудий и вооруженных людей, и поняли, что необходимо приступить к формальной осаде.

Осада столь прочно укрепленного города представлялась тем более затруднительной, что окрестные земли, вмещавшие в себя около 800 деревень, находились еще в руках карфагенян. Возвратившийся Газдрубал стоял крепким лагерем у лежавшей на восточном берегу залива, как раз против Карфагена, крепости Неферис; многочисленные конные отряды под предводительством храброго партизана Гимилькона Фамея совершали отсюда наезды внутрь страны и внезапными нападениями приводили в ужас высылавшихся на рекогносцировку римских солдат. Консул М. Манилий расположился с сухопутным войском под стенами крепости, Л. Цензорин стал с флотом у южной полосы земли и повел отсюда атаку на город. Двумя большими таранами он пробил брешь в слабейшем месте стены, но так как стемнело и штурм пришлось отложить на следующий день, то карфагеняне ночью снова заложили часть бреши и повредили неприятельские орудия так сильно, что вывели их из строя. Несмотря на это, Цензорин решился на штурм; но его солдаты вторглись в город в таком беспорядке и так неосторожно, что были отбиты с большим уроном и потерпели бы полное поражение, если бы не спас их Сципион Эмилиан, служивший в это время при армии военным трибуном. Предвидя исход недобудманного нападения, он не позволял своим людям ни на шаг двинуться с места, и теперь, приняв бежавших римлян под свою защиту, принудил погнавшегося за ними неприятеля к отступлению. Римляне очутились в критическом положении; нападения на укрепленный, отчаянно защищавшийся город оказывались безуспешными, лет-

ний зной порождал в лагере опасные болезни, флоту наносили сильные повреждения карфагенские брандеры, на суше неприятельские всадники истребляли людей, высылавшихся для добывания провианта и фуража.

В то время как эти плачевные обстоятельства с каждым днем доказывали все большую неспособность консулов, военные дарования Эмилиана обнаруживались все блистательнее. От одного ночного нападения карфагенян он спас лагерь тем, что совершенно неожиданно для неприятеля ударил ему в тыл с несколькими кавалерийскими эскадронами. Когда Манилий, чтобы положить конец непрерывным вылазкам из Нефериса, двинулся против тамошнего лагеря и без всякого успеха должен был отступить назад, Сципион при переправе через реку пришедшего в беспорядок войска спас его от полного поражения весьма искусным стратегическим маневром и тут же, благодаря своему героическому самопожертвованию, освободил один отряд этой армии, уже брошенный на произвол судьбы. В то время как личные качества консулов и других офицеров ни в ком не возбуждали доверия, он побудил Гимилькона Фамея с 2,2 тыс. всадников перейти на сторону римлян. Когда умер девятидесятилетний Масинисса, который не оказал римлянам никакой поддержки в их предприятии против Карфагена, так как сам рассчитывал овладеть этим городом, тогда Сципион, по завещанию покойного, разделил его царство между его тремя сыновьями, Миципсой, Гулуссой и Мастанабадом, и склонил Гулуссу помочь римскому войску значительным числом легкой конницы. Таким образом Сципион сделался самым популярным человеком в войске; в Риме его имя также было у всех на устах. Даже старик Катон, более склонный к порицанию, чем к похвале, незадолго до своей смерти (он умер в конце 149 г.) выразил ему свое одобрение гомеровским стихом (Од. X, 495):

*Он лишь с умом; все другие
безумными тенями вьют.*

В следующем году, когда главное командование над войском, действовавшим против Карфагена, принял кон-

сул Л. Пизон с претором Л. Манцином, дела пошли еще хуже прежнего, так что в Риме всеми овладело беспокойство и недовольство. Поэтому на 147 г. Сципион, который, по установленному порядку, хлопотал в это время о должности эдила, был выбран консулом и, по особенному постановлению, получил главное начальство в Африканской войне, так как его считали единственным человеком, способным взять на себя выполнение этой трудной задачи. В сопровождении своих друзей — Полибия и Лелия, — вспомогательных войск и некоторого числа волонтеров он отправился к месту назначения.

Сципион явился в Африку вовремя, чтобы спасти от гибели претора Манцина с 3,5 тыс. человек войска. Манцин, которого консул Пизон, отправляясь внутрь страны, оставил с флотом для осады Карфагена, овладел с моря при помощи своего небольшого экипажа крутой скалой вблизи предместья Мегалии и оттуда удачно ворвался в город. Думая, что город уже взят, экипаж кораблей в пестром беспорядке, частью и без оружия, уже бросился было на улицы вслед за солдатами для грабежа; но в это время нападавшие снова были вытеснены из города и отброшены на скалу, откуда не было никакого выхода. Ночью Манцин поспешно отправил гонца в Утику просить Пизона, ушедшего внутрь страны, о помощи, а жителей Утики — о доставке провианта. Гонец прибыл в Утику в то самое время, когда новый консул только что пристал там к берегу. Он быстро принял свои меры. Солдатам, уже высадившимся на берег, дан был сигнал вернуться на корабли, молодые жители Утики должны были присоединиться к римским войскам, а старики должны были носить на корабли съестные припасы, и Сципион тотчас же поплыл к Карфагену, отправив к Пизону конных гонцов, чтобы как можно скорее вернуть его туда же. Несколько пленников отпущено было на свободу, чтобы доставить карфагенянам страшную весть о походе Сципиона. С рассветом пунийцы возобновили нападения на отрезанных римлян, которые едва могли держаться, тесно сдвинувшись на скале. Только около 500 человек из них были вполне вооружены и с крайними усилиями защищали себя и бе-

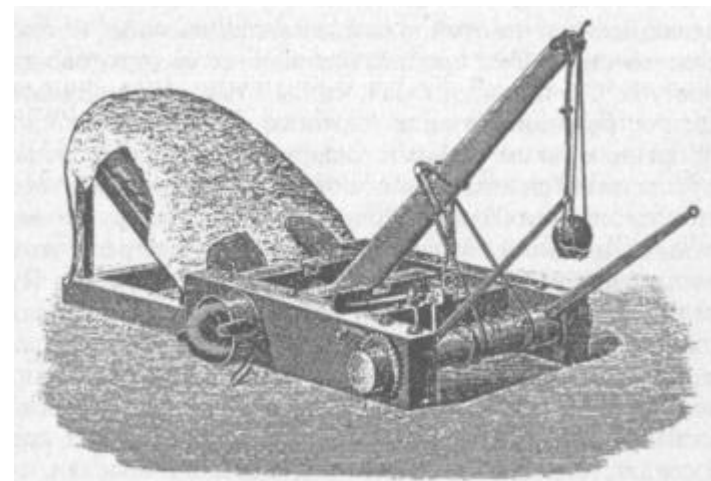
зоружных, которых было до 3 тыс. У них уже опускались руки, у многих кровь текла из тяжелых ран; в эту минуту крайней опасности подошел флот консула. Палубы всех судов были покрыты войсками со сверкающим оружием: консул созвал на палубы весь свой экипаж, чтобы заставить думать о приближении большого войска. Пунийцы, завидев приближающиеся многочисленные отряды и среди них хорошо известного, страшного консула в пурпурной мантии, в ужасе оставили сражение и отступили. Сципион мог беспрепятственно принять на свои корабли Манцина и спасенный отряд и вместе с тем занять скалу.

После того как Манцин передал начальство над флотом своему преемнику Серрану и возвратился в Рим, Сципион отправился в лагерь Пизона, чтобы принять от него войско и вести его к Карфагену. В его отсутствие Газдрубал и Битиас, нумидийский вождь, перешедший на сторону карфагенян, приблизили свой лагерь к самому городу и возобновили нападение на войско, занимавшее скалу близ Мегалии; но консул опять явился вовремя со своими передовыми отрядами и спас войско от угрожавшей ему опасности. С этого времени началась серьезная и настойчивая осада. Прежде всего консул с неумолимой строгостью восстановил упавшую дисциплину. Затем во время ночного нападения он овладел предместьем Мегалией, вследствие чего карфагеняне были вынуждены снять свой лагерь, стоявший перед городом, и передать Газдрубалу главное начальство над 30-тысячным городским гарнизоном. Новый комендант варварски выместил свое поражение на военнопленных римлянах: он велел жестоко изувечить их на городской стене, на глазах у римлян, и затем бросить в пропасть. Этой жестокостью он хотел отнять у нерешительного народа всякую возможность капитуляции и принудить его защищаться до последних сил; но так как народ сделался теперь еще малодушнее и порицания стали слышаться как от высших, так и от низших, то Газдрубал старался упрочить свою власть кровавым террором и устранял сенаторов, пытавшихся противодействовать его самовластным распоряжениям.

Сципион старался между тем прекратить всякое сообщение с осажденным городом. Он укрепился на перешей-

ке, соединявшем Карфаген с материком, и в течение 20 дней при упорных схватках перегородил этот перешеек по всей его ширине земляными окопами. Но с моря еще возможен был подвоз припасов для осажденных. Битиас, проехав по всей стране со своими нумидийскими всадниками, доставил массу зернового хлеба в Неферис и оттуда переслал его в столицу через залив, в то время как римский флот из-за встречного ветра не имел возможности задержать или преследовать его корабли. Некоторые смелые купцы, привлекаемые барышами, также пользовались удобным случаем и храбро пробирались мимо римского флота, доставляя свой груз в карфагенский порт. Чтобы преградить доступ к Карфагену с моря, Сципион предпринял исполинское дело. Начиная от южного мыса, он начал строить на море, у входа в порт, большую каменную плотину в 96 футов шириной в основании. Карфагеняне сначала смеялись над безрассудным предприятием; но когда увидели, что оно идет весьма успешно, тогда и сами, соперничая с осаждающими, начали день и ночь работать в своем военном порту, и римляне не знали, что они делают. Они тайно строили флот, и так как вход в гавань с юга был заперт, рыли канал на восток в открытое море. После двухмесячной усиленной работы, однажды утром, к великому изумлению римлян, вдруг вышел в открытое море флот из 120 кораблей, среди которых было 50 трирем. Если бы карфагеняне тотчас же напали на не подготовленные к этому римские корабли, то, вероятно, уничтожили бы весь флот; но они удовольствовались тем, что торжественно показали неприятелю всю гордую силу и снова ушли в гавань. Когда на третий день они возвратились, чтобы дать морское сражение, они нашли римлян уже готовыми к бою. Сражение продолжалось до вечера без решительного исхода; но при возвращении в гавань маленькие карфагенские суда так перепутались, что загородили вход, и большие корабли не могли пройти туда. Потому римляне на следующее утро возобновили сражение, загнали карфагенян в гавань и с этого времени стали строго наблюдать за входом в нее.

Сципион начал теперь свою атаку с мыса и воздвигнутой им каменной плотины против внешней плотины

Античное метательное орудие, баллиста или онагр (дикий осел), как его называли римляне

порта и защищавших его укреплений. Его сильные машины, действуя днем и ночью, пробили брешь; но карфагеняне в темную ночь перешли вброд, совершили отчаянно-смелое нападение на осадные машины, зажгли их и обратили осаждавших в такое сильное бегство, что Сципион приказал своей собственной коннице врубиться в их ряды, чтобы заставить их остановиться. Карфагеняне победоносно возвратились за свои стены, захватив множество пленных и знамен, и заделали брешь. Сципион снова выставил свои машины, зажег деревянные башни карфагенян и наконец овладел внешней частью порта. Таким образом он подвинулся до самой городской стены, против которой велел насыпать вал одинаковой с ней высоты.

После того как карфагеняне были таким образом совершенно заперты и когда уже нечего было опасаться их вылазок, Сципион отрядил часть своего войска для занятия укрепленных мест, которые еще оставались у пунийцев внутри страны. Важнейшим из этих пунктов был Неферис с расположенным при нем укрепленным лагерем, находившимся под начальством Диогена. Туда Сципион

послал Лелия с пехотой, а сам держался на море. Когда в лагерьной стене была пробита брешь и все было готово для приступа, Сципион приказал, чтобы 3 тыс. отборного войска, построившись в виде плотного клина, двинулись в эту брешь в таком тесном строю, чтобы передним рядам не было никакой возможности отступить. В то время когда здесь происходил сильнейший бой, тысяча других выбранных консулом солдат перелезли через стену в другом, не защищаемом месте и напали на неприятеля с тыла. Пунийцы, увидя римских солдат в стенах лагеря, подумали, что туда ворвалось целое войско, и сломя голову бежали из лагеря. Гудусса, сын Масиниссы, бросился на беглецов в открытом поле со своими слонами и нумидийскими всадниками и устроил страшное кровопролитие. В лагере, кроме солдат, находилось множество беглецов и поселян, занимавшихся подвозом съестных припасов. Большая часть их была перебита; из 70 тыс. человек 10 тыс. взято в плен, 4 тыс. бежали. Взяв лагерь, римляне пошли на город Неферис, доступ к которому представлял немало трудностей вследствие положения его на высоких скалах; но после трехнедельной осады он также был взят.

Между тем наступила зима, в течение которой консул довольствовался тем, что держал Карфаген в тесной блокаде и предоставил там своим союзникам - голоду и чуме — сломить сопротивление неприятеля. Городское население голодало и умирало массами, в то время как Газдрубал, владыка города, заботясь о своем чреве, проводил время со своими друзьями за роскошным столом. Убедившись, однако, что государства нельзя уже спасти, он, при содействии Гулуссы, выхлопотал себе свидание со Сципионом, чтобы по крайней мере спасти родной город от разрушения. Он предлагал Сципиону полное подчинение и уступку всей области Карфагена, если только сам город будет пощажен. Сципион не мог согласиться на это предложение, так как сенат уже решил разрушить Карфаген; но он обещал Газдрубалу, если тот отдаст ему город, свободу и безопасность для него лично, для его клиентов и для десяти дружественных ему фамилий. Газдрубал отверг это предложение и отвечал, что он хочет жить и

умереть со своими согражданами, и если так уже решено судьбой, то он похоронит себя под развалинами своего родного города.

С наступлением весны 146 г. голод и болезни в городе усилились до такой степени, что Сципион встречал уже только слабое сопротивление. Он легко пробился во внутренний город и овладел рынком, находившимся близ военного порта. Отсюда он медленно направился по трем узким улицам против цитадели. Но здесь ему предстояло тяжелое кровопролитие: по обеим сторонам улиц стояли высокие шестиэтажные дома, с неистовым отчаянием защищаемые гражданами; их приходилось брать с боем поодиночке, как крепости. Солдаты пробивались от одного дома к другому по крышам и через бревна, наваленные на улицах, и уничтожали все, что попадалось им на пути, с большой опасностью для самих себя. Шесть дней и шесть ночей без перерыва продолжался этот страшный бой, причем уставшие войска постоянно сменялись свежими. Один Сципион не давал себе ни минуты покоя. Без сна и без пищи, кроме той, которую он принимал во время самого сражения, он спокойно и упорно продолжал свое дело, день и ночь распоряжался истребительным боем, пока, наконец, не упал без чувств от крайнего напряжения при виде свирепого опустошения. Наконец, на седьмой день добрались до цитадели. Чтобы облегчить приступ, Сципион велел зажечь взятые дома и выровнять щебень; при этом погибло множество людей, спрятавшихся в домах. Оставшееся население искало спасения на горе, на которой стоял храм Эсмуна. Лишенные мужества и истощенные до крайности жители просили пощады. Сципион пощадил всех, за исключением перебежчиков. Таким образом, на милость победителя сдались сначала 25 тыс. женщин, а потом 30 тыс. мужчин — менее десятой части прежнего населения. Жена Газдрубала просила своего мужа позволить ей и двум ее детям также просить пощады у победителя, так как не было уже никакой надежды на спасение; но Газдрубал отверг эту просьбу и оставался в храме Эсмуна вместе с римскими перебежчиками в количестве 900 человек, решив защищаться до конца. Но это отчаянное мужество ненадолго

овладело слабым человеком. Когда перебежчики зажгли храм, чтобы погибнуть под его развалинами, Газдрубал испугался смерти и, не заботясь о жене и детях, поспешил тайно удалиться из города, бросился к ногам Сципиона с масличной ветвью и умолял его о пощаде. Перебежчики и жена проводили его проклятиями. Одетая в богатейшие одежды, жена Газдрубала явилась со своими детьми на зубцах горевшего храма на виду у своего несчастного мужа и Сципиона и громко воскликнула: «Тебя, римлянин, за зло, которое ты причинил неприятельскому городу, да не постигнет никакое несчастье; но Газдрубал, изменивший своему родному городу и его храмам, мне и моим детям, да будет наказан за это богами Карфагена и тобой. Несчастный, вероломный беглец, смотри теперь на гибель мою и детей твоих под этими горящими развалинами; ты, последний вождь великого Карфагена, готовься теперь ко всякому позору и к триумфу победившего тебя врага!» С этими словами она заколола своих детей и бросила их в пламя; потом и сама исчезла под дымящимися обломками, найдя свою смерть в огне, как некогда Дидона, основательница великого Карфагена, покинутая Энеем. Газдрубал открыл собой триумфальное шествие победителя и прожил остаток своей жизни в Италии как римский пленник, покрытый стыдом и позором.

Великое дело совершилось; Карфаген, долгое время бывший опасным соперником Рима, был уничтожен в том же самом году (146 г. до Р. Х.), в котором большой торговый город Коринф был разрушен Муммием.

Все карфагенские пленники были проданы в рабство. Городскую добычу Сципион предоставил солдатам, за исключением общественной казны с золотом и серебром и храмовых сосудов, которые отданы были квестору и отправлены в Рим, в государственную казну. Сам Сципион ничего не взял из добычи, даже запретил своим друзьям покупать что-либо из нее. Статуи и художественные произведения, некогда увезенные карфагенянами из греческих городов Сицилии, были возвращены прежним владельцам; среди них находился и знаменитый медный бык Фадариса; Сципион приказал доставить его жите-

лям Агригента как памятник жестокости туземцев и мягкости римлян, глядя на который они могли решить, что лучше для сикулов — быть подданными туземных тиранов или подчиниться римскому народу. Большая часть Карфагена еще уцелела от разрушения. Сципион, желая сохранить город, спрашивал у сената, что делать дальше, и получил ответ, что он должен сравнять с землей город Карфаген и предместье Магалию, равно как и все города, бывшие до последнего времени в союзе с Карфагеном; затем на месте Карфагена должен пройти плуг, и это место должно быть проклято на вечные времена, чтобы жизнь никогда уже не могла возникнуть на этом поле смерти. Так и было сделано. Семнадцать дней горели развалины Карфагена. Сципион в ужасе смотрел на великое дело разрушения, и после долгого, задумчивого молчания, со слезами на глазах, произнес стихи Илиады (VI, 448 сл.):

*Будет некогда день —
и погибнет великая Троя,
Древний погибнет Приам
и народ копыеносца Приама.*

Когда Полибий, стоявший около него, спросил, в каком смысле он сказал эти слова, он сознался, что при виде превратности человеческой судьбы в его душе явились печальные мысли об участи, ожидающей когда-нибудь его собственный родной город.

Сенат послал комиссию из десяти человек для устройства африканских дел вместе со Сципионом. Карфагенская область с теми границами, какие она имела в начале войны, обращена была в римскую провинцию под названием Африка, с главным городом Утикой. Сыновья Масиниссы получили нумидийские земли с областями, которые Масинисса отнял в последнее время у карфагенян; граница между Нумидией и римской Африкой была теперь точно определена. Спустя почти 24 года после разрушения Карфагена Гай Гракх основал на карфагенском полуострове, но не на проклятом месте старого города, римскую коло-

нию под названием Юнония. Новый город, в который приняты были и рассеянные остатки карфагенского народа, не имел успеха. Позже Юлий Цезарь отдал окрестную землю части своих ветеранов, и снова основал город, достигший в императорский период значительного процветания и сделавшийся, по своему населению и богатству, вторым городом в империи. Король вандалов, Гензерих, завоевал его и сделал своей столицей (439 г. по Р. Х.). У вандалов снова отнял его Велизарий (533 г.) и в честь своего императора назвал его Юстинианой. Арабы разрушили его в 647 г.

Устроив африканские дела, Сципион возвратился в Рим для заслуженного триумфа и с этого времени сделался первым и величайшим человеком в Римской республике. Сограждане почтили его прозвищем Африканского Младшего (Minor).

В 142 г. Сципион стал цензором и исполнял эту обязанность с катонской серьезностью и самой строгой добросовестностью, между тем как его товарищ, Муммий, старался приобрести расположение народа уступками и мягкостью. Производя торжественную люстрацию, он изменил обычную молитву за республику в том смысле, что просил богов уже не о расширении, но о сохранении государства. Некоторое время спустя после своего цензорства он был поставлен, по распоряжению сената, во главе посольства и объехал земли Востока, Египет, Кипр, Сирию, Малую Азию, чтобы исследовать положение этих стран. Своим полным достоинства поведением и благородной древнеримской простотой послы возбуждали удивление при роскошных дворах восточных царей; они исполняли обязанность судей в спорах между отдельными государствами с такой справедливостью и мягкостью, что цари и городские общины приобрели доверие и новый взгляд на римское государство; в Рим явились многочисленные посольства, чтобы выразить сенату благодарность за присылку таких превосходных людей.

В Испании, где мы видели Сципиона в 151 и 150 гг. военным трибуном, война все еще не прекращалась. В 150 г. претор Сульпиций Гальба снова раздул ее неслыханно вероломным и жестоким поступком. Он заключил дого-

вор с воинственным племенем лузитан в Юго-Западной Испании, когда они были поставлены в затруднительное положение вследствие успехов римского оружия, и обещал перевести их на лучшие места для поселения. Когда лузитаны, поверив его словам, явились к нему в количестве 7 тыс. человек, он разделил их на три отряда, заставил сложить оружие и затем велел частью перебить их, частью увести в рабство. Этот постыдный поступок вызвал такое раздражение, что не только лузитаны, но и другие испанские племена снова взяли за оружие. Во главе лузитан стал Вириат, в молодости бывший пастухом и разбойником, а затем смелым партизанским вождем, и восемь лет сражался с римлянами так упорно и удачно, что они терпели одно поражение за другим. Римляне одолели лузитан только тогда, когда консул Кв. Сервилий Цепион убил его в 140 г. Но Вириат возбудил еще другую опасную для римлян войну, со стороны племени кельтиберов, в Средней Испании. В 143 г. они взяли за оружие. Так как война и в следующие годы не была успешной, то Сципион Африканский наконец сделан был консулом и получил главное начальство над войском в Испании (134 г.).

Как под Карфагеном, так и в Испании Сципиону пришлось прежде всего восстановить упавшую дисциплину, потому что при его слабых предшественниках разврат, ленность и распущенность войска достигли ужасающих размеров. Сципион выгнал из лагеря 2 тыс. публичных женщин, множество бродячих гадателей и жрецов, целую толпу торговцев и разносчиков, слуг, поваров, и других прислужников; из повозок, вьючных животных и клади он оставил при войске только самое необходимое, запретил употребление всех предметов роскоши — постелей, подушек, драгоценных сосудов и т. п. «Строгий полководец, — говаривал он, — полезен своим войскам, а уступчивый служит неприятелю». Чтобы снова приучить солдат к труду и выдержке, он приказал им работать с утра до вечера, рыть ямы и снова засыпать их, строить и разрушать стены. Он приучал их к труднейшим переходам; уж если не было у них охоты обливаться кровью в сражениях, то пусть пачкают себя гря-

зью. Они должны были идти всегда сомкнутыми рядами, и никто не смел оставить свое место; если кто-нибудь делал это, то наказывался розгами. Каждый носил с собой съестные припасы на несколько дней, иногда запас хлеба дней на 30, и семь столбов для полисада; когда Сципион видел кого-нибудь утомленным, то обыкновенно говорил: «Если бы ты научился защищаться мечом, то тебе не нужно было бы носить на спине материал для укреплений». Если кто-нибудь не мог идти дальше, он приказывал всаднику спешиться и посадить его на лошадь; если вьючные животные были очень обременены, то он снимал с них часть груза и клал на плечи солдат. С такой же строгостью, как с простыми солдатами, обращался он и со знатными офицерами. Он резко порицал их за нежность и слабость; если он находил у них в багаже какой-нибудь ненужный предмет роскоши, то ломал его и выбрасывал вон.

Так Сципион провел почти все лето в исправлении войска, и только тогда, когда оно снова сделалось способным к бою и выражало желание храбрыми подвигами смыть с себя прежний позор, консул подвинулся ближе к городу Нуманции. Его войско состояло из четырех легионов, нумидийского отряда конницы, пехоты и 12 слонов под начальством князя Югурты и многочисленных испанских вспомогательных отрядов. Все войско насчитывало 60 тыс. человек, в то время как гарнизон города состоял всего из 8 тыс. Так как консул был убежден, что его войска, после многолетней распущенности, не могут сразу начать сражаться храбро, то он сначала избегал боя и ограничивался тем, что отражал вылазки и обезвреживал неприятельские засады. В этих сражениях он очень хорошо увидел, как мало можно доверять своим солдатам: личным своим появлением он едва мог остановить бегущие отряды, о штурме крепости, стоявшей на скале, нечего было и думать. Потому он решил блокировать город непрерывным рядом укреплений. Вокруг всей городской стены он протянул двойной вал, внешний и внутренний, на расстоянии более одной мили, и укрепил его рвами, стенами и башнями. Чтобы отрезать подвоз припасов к городу со стороны реки Дуро, в реку были погружены бревна, снабженные пилами.

Когда город был таким образом совершенно отрезан от внешнего мира, голод и чума скоро начали оказывать свое разрушительное действие на граждан, и Сципион мог спокойно ожидать той минуты, когда город сам отдастся в его руки. Нумантинцы упорно и мужественно переносили нужду, постоянно ожидая помощи со стороны или какого-нибудь счастливого оборота судьбы. Когда они увидели, что их надежда тщетна, они отправили к Сципиону посольство для переговоров о сдаче; римлянин потребовал, чтобы они сдались безусловно; тогда народ в бешенстве растерзал своих послов и решил терпеть до последних сил, все еще надеясь на перемену обстоятельств. Но скоро к Сципиону явилось другое посольство и отдало город в его полное распоряжение: голод и болезни истощили последние силы несчастных. Когда полководец приказал гражданам выйти на следующий день из города и сложить оружие, они просили дать им небольшую отсрочку, чтобы иметь возможность предать себя смерти, не желая пережить свободы своего отечества. Сципион уважил эту просьбу. Большая часть граждан убила себя и своих близких мечом или бросилась с женами и детьми в свои пылающие дома. На третий день оставшиеся в живых вышли за ворота, похожие на блуждающие тени, едва сохранив человеческое подобие. Сципион выбрал из них 50 знатнейших граждан для своего триумфа; остальных продал. Город был сравнен с землей, а область его разделена между соседями.

Гибель нумантинцев, заслуживших лучшей участи за свое стойкое мужество и любовь к свободе, произошла осенью 133 г.; Сципион осаждал этот город целый год. Победитель получил почетное звание Нумантинского. Совместно с командированной от сената комиссией он устроил положение вновь покоренных стран согласно с требованиями справедливости и таким образом устранил на будущее время сопротивление большинства испанских племен римскому владычеству; для Испании снова настало более сносное время.

В то время когда Сципион находился еще в Испании, он получил известие о революции, совершенной его зя-

тем Тиб. Семпронием Гракхом (сестра которого, Семпрония, была замужем за Сципионом), предложившим аграрные законы, благоприятные для низшего класса, и о его несчастном конце. Он не одобрял планов своего зятя и, получив это известие, говорят, произнес гомеровский стих (Од. I, 47):

*Так да погибнет замысливший
в сердце недоброе дело!*

Сципион не был врагом народа и не принадлежал к аристократической партии, желавшей забрать в свои руки управление государством и эксплуатировать его в свою пользу; он даже поддерживал своевременные реформы и противодействовал, насколько мог, тем злоупотреблениям, какие позволял себе правительственный класс. Он лучше кого-либо другого видел глубокие язвы, от которых страдало государство, но считал невозможным революционный путь спасения, насильственное, революционное исцеление государства казалось ему хуже того зла, от которого государство страдало. Такой образ мыслей Сципион и высказал открыто, когда возвратился в Рим в 132 г., и за это большая часть народа лишила его своей благосклонности. Он предложил, чтобы споры, возникающие при разделе общественной земли, решались не комиссией, заведующей разделом, а другими людьми; этим предложением он совершенно приостановил раздел и навлек на себя еще большее неудовольствие со стороны народа и его представителей; Папирий Карбон, глава народной партии, напал на него в народном собрании как на врага народа. На вопрос Карбона, что он думает об умерщвлении Тиб. Гракха, Сципион откровенно повторил свое мнение, что считает это дело справедливым. Его противники в крайнем раздражении закричали: «Долой тирана!» Сципион смело отвечал: «Враги отечества справедливо желают моей смерти, потому что невозможно, чтобы Рим пал, пока жив Сципион, и чтобы Сципион остался в живых, когда падет Рим». Он бросил смелое слово в шумную, кричащую толпу, сказав, что эта толпа не имеет никакого

права разговаривать на римском форуме. «Молчите!» — вскричал он. — «Молчите вы, для которых Италия не мать, а мачеха!» А когда они стали кричать еще громче, он сказал: «Неужели вы думаете, что я испугаюсь развязных людей, которых я отсылал в цепях на рынок невольников?» В тогдашние народные собрания, если они собирались не для голосования, а имели просто совещательный характер (*contiones*), допускались не только римские граждане, но и отпущенные, и рабы, и всякий другой народ, составляющий уличную чернь. Сципион спокойно удалился из собрания, почтительно провожаемый до дома сенаторами и толпой граждан и латинян. Он пошел к себе в спальню, чтобы ночью написать речь, которую он хотел произнести на следующий день. На другое утро его нашли в постели мертвым, без ран, но с признаками удушения.

В это утро множество народа собралось на форуме и ждало появления Сципиона; вдруг в сильнейшем волнении прибежал Метелл Македонский, противник Сципиона в сенате, и воскликнул: «Стены нашего города пали! Сципион Африканский умерщвлен во время сна в своем доме!» Общее смущение овладело народом. Кто был убийца? — этого не знали и не знают до сих пор.

Сципион Африканский умер в 129 г., в 56 лет; это был один из величайших и благороднейших людей своего времени, последний потомок победителя при Заме. «История Рима знает несколько личностей гениальнее Сципиона Эмилиана, но не знает ни одной, которая бы могла сравниться с ним по нравственной чистоте, по совершенному отсутствию политического эгоизма и по благороднейшей любви к отечеству» (Моммзен).

27. ТИБЕРИЙ СЕМПРОНИЙ ГРАКХ

Сципион Эмилиан, разрушитель Карфагена, как цензор молил богов, чтобы они не приумножали более римского государства, а охраняли его. Это изменение цензорской молитвы коренилось, надо думать, в том же тревожном предчувствии грядущей гибели его отечества, которое заставило его проливать слезы при виде горящего Карфагена. Римляне распространили свое господство на три части света; ни один народ и ни один царь от Евфрата до Геркулесовых столбов не могли более серьезно угрожать их владычеству; но разраставшийся внутри государства недуг должен был в таких патриотах, как Сципион, вызывать тревожные думы о будущем. Раздвигая более и более свои пределы извне, римское государство не следовало естественному росту в своем внутреннем развитии. Во II в. появляется сенатская олигархия так называемых нобилей (*nobiles*), в которую входили представители богатых римских домов - Сципионов, Семпрониев, Валериев, Клавдиев, Эмилиев и др. Этот нобилитет сомкнулся в крепко сплоченную касту и пользовался высшей правительственной властью преимущественно в своих интересах, так что в управлении государством нельзя было и думать о благотворном, согласном действии всего гражданства в совокупности. Народ существовал как бы только для того, чтобы в избирательных

собраниях подавать голоса за представителей этого нобилитета, а те, со своей стороны, не упускали случая обеспечивать себе расположение толпы лестью, раздачей хлеба и блестящими народными празднествами. Должности давали им достаточно возможности обогащаться за счет государства, и в особенности за счет угнетаемых провинций, и при тогдашнем упадке нравов, при страсти к наживе и к наслаждениям нобили не пропускали такой возможности мимо рук. О чести и благе государства большая часть членов этой касты мало заботилась, так что ко времени разрушения Карфагена и в последовавшие затем десятилетия управление римского государства приняло такой характер, который должен был лишить правительствующий класс необходимого уважения и рано или поздно привести государство к гибели.

Особенно опасно сложились в римском государстве экономические и социальные отношения. Богатство сосредоточилось в руках заправлявшего государством нобилитета и занимавшихся оптовой торговлей и денежными операциями всадников. При этом под сословием всадников разумели тогда уже не служилую гражданскую конницу, а особое сословие богатых деловых людей. Помимо этих двух сословий, в Риме находилась еще только неимущая и праздная чернь. Вследствие сосредоточения денег в немногих руках почти совершенно исчезло в Италии зажиточное среднее сословие. Богачи скупали или противозаконно захватывали одно мелкое крестьянское имение за другим и обрабатывали свои обширные поместья (*latifundia*) с помощью огромной массы рабов. Обедневшая толпа стремилась в Рим и питалась здесь подачками и милостью богачей. Подобно тому, как в прежние столетия экономические неурядицы дали первый толчок к борьбе патрициев и плебеев, так и теперь эти же неурядицы снова вызвали ожесточенную борьбу между нобилитетом, или сенатской партией, и народом, борьбу, приведшую на этот раз не к благотворному соглашению, а к кровавым междоусобиям и под конец к падению свободы.

Люди более благоразумные и здравомыслящие в среде знати сознавали опасность, сопряженную с исчезновением свободного крестьянства и с резкой противополож-

ностью между богатым и бедным классом граждан, и хотели, чтобы общественные неурядицы были улажены; но они не имели мужества серьезно приняться за дело и поразить зло в самом корне. Даже Сципион Эмилиан, более всех, казалось, призванный быть избавителем, отступил перед этой задачей. И вот не зрелый муж, а юноша, в великодушном увлечении, взял на себя трудное дело — уничтожить пропасть между богатыми и бедными, снова создать в Италии свободное крестьянство путем раздачи неимущим гражданам государственных земель, находившихся большей частью во владении знатных. Благородный этот юноша был Тиберий Семпроний Гракх.

Тиберий Семпроний Гракх принадлежал к благородному, высокочтимому дому. Его прадед известен как дельный полководец в войне с Ганнибалом; отец его, бывший цензором и дважды консулом и пользовавшийся большим уважением у знатных и незнатных, был женат на Корнелии, дочери старшего Сципиона, одной из образованнейших и замечательнейших женщин Рима. Доказательством тому, как счастливо жил он в браке с ней и как высоко почитал он свою супругу, служит предание, по которому он пожертвовал для нее своей жизнью. Рассказывают, что он однажды поймал на своей постели двух змей, и когда гадатели объявили, что или он, или супруга его должны умереть, — он, если умретвит змею-самца, она, если умретвит змею-самку, — то он без лишнего слов убил змею-самца, дабы спасти жизнь своей супруги, и вскоре затем умер. Он оставил жену свою с двенадцатью детьми, из коих остались умерли еще в юношеском возрасте. В живых остались два сына, Тиберий и Гай, и дочь, вышедшая впоследствии замуж за Сципиона Эмилиана. Вдова отвергла руку Птолемея Египетского и посвятила свою жизнь, в память о дорогом супруге, исключительно воспитанию своих детей. При заботливом уходе умной и высокообразованной женщины оба ее талантливых сына, составивших ее единственную гордость, стали отличными людьми и получили то тонкое греческое и национальное образование, которое в сципионовских кругах было в ходу.

Тиберий, старший из обоих Гракхов, был натурой кроткой и спокойной, с образом мыслей доброжелательным и человеколюбивым, полон простоты и нравственной строгости. Мужество свое и храбрость он доказал, еще будучи 17-летним юношей, когда он под начальством своего шурина Сципиона участвовал в походе на Карфаген. При взятии города приступом он вместе с неким Фаннием первым взобрался на стену. Тогда же он приобрел и общую любовь в войске. В течение последующих лет он был избираем в коллегии авгуров, несмотря на свою молодость, больше по причине его личных качеств, чем благородства происхождения.

В 137 г. Гракх в качестве квестора сопровождал консула Манцина в войне против Нумандии. Когда войско было окружено нумантийцами и казалось безвозвратно погибшим, то нумантийцы, которым вероломство римских полководцев по опыту было слишком хорошо известно, объявили просившему о перемирии и мире консулу, что они доверяют лишь Тиберию Гракху и с ним одним хотят вести переговоры. Этим доверием молодой человек обязан был отчасти слуху о своей собственной честности, отчасти памяти своего отца, правившего прежде испанской провинцией мудро и справедливо. Тиберий заключил с неприятелем договор и тем спас жизнь и свободу 20 тыс. граждан, не считая прислуги и многочисленного обоза. Нумантийцы забрали в римском лагере все вещи как добычу. Тут были также счета Тиберия и записки по его квесторской должности. Чтобы получить их обратно, он с несколькими из своих друзей вернулся назад, после того как войско отошло уже на некоторое расстояние, и вызвал начальство нумантийцев за город. Он просил их о выдаче

*Корнелия, мать Гракхов.
Гемма*

его счетов, дабы он мог представить отчет о своем управлении и не давать своим врагам повода оклеветать его. Нумантийцы пригласили его в свой город, и когда он некоторое время стоял в раздумье, то они подошли к нему, взяли его радушно за руки и убедительно просили не считать их более врагами и доверять им как друзьям. Когда Гракх последовал за ними в город, то они подали ему завтрак и просили его сесть и откусать с ними. Затем они возвратили ему счета и дозволили из остальных вещей взять что ему угодно. Он, однако, не взял ничего, кроме фимиама, который ему нужен был при публичных жертвоприношениях, и после этого расстался с нумантийцами как с добрыми друзьями. Впрочем, римский сенат отверг договор Гракха и выдал нумантийцам консула раздетого и связанного; то обстоятельство, что сенат не отважился выдать самого Гракха и остальных высших начальников, служит доказательством его влияния и той любви, какой он пользовался в народе.

Неутверждение договора, во всяком случае, возбудило неудовольствие Гракха; но едва ли справедливо думать, как иные полагают, что это обстоятельство побудило его к составлению поземельного закона и к оппозиции сенатской партии; равным образом нельзя допустить, чтоб его на этот смелый шаг натолкнула мать его Корнелия, будто бы тем, что она, с целью расшевелить честолюбие своих сыновей, укоряла их, что ее все еще называют лишь тещей Сципиона Эмилиана, а не матерью Гракхов. Нет сомнения, что первые и самые сильные побудительные причины нужно искать в нем самом, в добродушной мягкости его сердца, в сочувствии страданиям бедного угнетенного народа и в мечтательном порыве помогать всякому. Его брат Гай писал в одной книге, что когда Тиберий на пути в Испанию проезжал через Этрурию и там видел опустошенные страны и толпы рабов, обремененных цепями, обрабатывающих обширные поместья богачей и пасущих бесчисленные стада, то он тут впервые проникся мыслью о необходимости изменить это положение вещей и снова населить Италию свободными людьми. На эту решимость оказало влияние честолюбие молодого человека, а затем

одобрение и поощрение его матери и окружавших его греческих философов. Выдающиеся люди в государстве, которым он высказывал свое мнение, выражали ему сочувствие, как тесть его Аппий Клавдий, старший жрец П. Красс Муциан и его родной брат П. Муций Сцевола, оба пользовавшиеся большим уважением как честные люди и отличные юристы, далее К. Метелл, победитель Македонии и ахейцев, высокоуважаемый за свои военные подвиги и как образец древних нравов и благочестия.

10 декабря 134 г. Гракх стал народным трибуном на 133 г., в течение которого он предполагал провести свои реформаторские планы. Тотчас вслед за вступлением в должность он выступил с поземельным законом, который, в сущности, был возобновлением Дициниева аграрного закона от 367 г., оставшегося почти без применения. Законом этим определялось, чтобы из государственных земель, которыми по большей части завладели отдельные нобили и пользовались безвозмездно, как частной собственностью, никто не обладал более чем 500 югеров; сверх того на долю каждого состоящего под отцовской властью сына должна быть предоставлена еще половина, но в целом никто не должен обладать более чем 1 тыс. югеров. Освобождавшаяся вследствие этой меры земля должна была, с вознаграждением за возведенные на ней сооружения, быть отобрана государством и роздана участками в 30 югеров за умеренную плату небогатым гражданам и италийским союзникам в виде неотчуждаемой наследственной аренды.

Законопроект отличался умеренностью и вообще был справедлив. Государство имело право отобрать принадлежащие ему земли, тем более что те, кто пользовались ими, не вносили за них никакой платы, и притом открывалась возможность противодействовать нарастанию бесполезной и опасной черни; к тому же закон оставлял богатым землевладельцам все еще обширные поместья.

Прежде чем подвергнуть свой закон народному голосованию, Гракх рассуждал о нем в ряде предварительных собраний. О том, как он на этих собраниях выступал перед народом, свидетельствует отрывок из его речи, со-

хранившийся у Плутарха: «Дикие животные, водящиеся в Италии, — говорил он, — имеют свою берлогу, у каждого свой кров и свое пристанище; но те, кто сражаются и умирают за Италию, кроме воздуха и света, ничего другого за собой не имеют. Без домов, без определенного местопребывания скитаются они с женами и детьми, и лицемерят те полководцы, которые в битвах призывают воинов отважно сражаться за свои гробницы и святыни; ведь ни у кого из них нет родного алтаря, ни у кого из стольких тысяч римлян нет гробницы его предков. За чужое благоденствие и богатство сражаются и умирают они, именуемые владыками мира и, однако, не обладающие ни одним клочком земли». Против таких речей, произносимых с вдохновением и глубоким чувством перед народом, не мог устоять никто. Аристократы отказались от попытки победить его в словопрениях и прибегли к обычному способу устранить неприятные законопроекты. Они расположили в свою пользу товарища Гракха, народного трибуна М. Октавия, обещавшего выступить против закона. Октавий был серьезно убежден во вреде Гракхова предложения, но едва ли стал бы он противиться ему по собственному почину, так как он был другом и товарищем Гракха. Но настоятельные просьбы сильных побудили его, наконец, к тому, что он еще в предварительном собрании заявил, что противопоставит закону свое возражение. Напрасно Гракх умолял его отказаться от этого намерения, напрасно обещал, что готов возместить ему убыток, какой он лично потерпит от закона. Так как Октавий оставался непреклонен, то Гракх усилил строгость своего закона, исключив из него постановление о вознаграждении, имеющем быть выданным богатым; в то же время он эдиктом приостановил все должностные действия правительственных мест и лиц и наложил свою печать на государственную казну, пока по его закону не будет принято решение.

В день подачи голосов Октавий запретил писцу прочитать закон. На неотступные просьбы Гракха не мешать ему спасти Италию он твердо отвечал, что именно о том, каким образом может быть спасена Италия, мнения и

расходятся. Народная и аристократическая партии были в сильнейшем возбуждении. Богачи массами стекались на место и начали срывать и опрокидывать избирательные урны; толпа с шумом напирала им навстречу, и дело, вероятно, дошло бы до кровавого столкновения, если бы не два консульских мужа, Манлий и Фульвий, со слезами на глазах просивших Гракха прекратить дело в народном собрании и дальнейшие переговоры вести в курии с сенатом. Гракх с этим согласился; но когда он в сенате вместо миролюбивой предупредительности встретил лишь насмешки и оскорбления, то возвратился в народное собрание. Здесь он снова, взяв в волнении Октавия за руки, в дружественных выражениях просил его уступить и согласиться на справедливые требования народа. Но Октавий отклонил его просьбу. Тогда Гракх объявил, что он видит лишь одно средство спасения, чтоб один из них оставил должность трибуна. И тут он предложил противнику собрать сначала о нем голоса народа; он, если народ того хочет, тотчас удалится в частную жизнь. Октавий отказался. Тогда Гракх возвестил, что он завтра будет собирать голоса об Октавии, если он до тех пор не переменит своего мнения, и распустил собрание.

Когда народ на следующий день собрался, то Гракх еще раз напрасно пытался переубедить Октавия. Тогда он предложил отрешить от должности того трибуна, который враждебно настроен против народа, и тотчас же пригласил собравшихся подавать голоса. Когда из 35 триб 17 уже высказались против Октавия, и он, следовательно, если бы прибавилась еще одна триба, был бы отрешен от должности, то Гракх велел остановиться, подошел к прежнему другу, обнял и поцеловал его и самым убедительным образом просил его не быть столь беспощадным к самому себе и не навлечь на него, Гракха, укора в столь жестоком и мрачном поступке. Октавий был тронут, и на глаза его навернулись слезы. Он колебался и молчал некоторое время; наконец он ободрился и сказал не без достоинства: «Пусть Тиберий делает что ему угодно». Таким образом, голосование пошло далее своим ходом, и Октавий был отрешен.

Поземельный закон был проведен без затруднения, и выбрана была комиссия из трех человек, взявшая на себя осуществление закона: Тиберий Гракх, его тесть Аппий Клавдий и брат его Гай, который, однако, тогда не находился в Риме, а стоял под начальством Сципиона перед Нуманцией.

Осуществление же поземельного закона встретило большие затруднения, и сенат и вся аристократия в своем ожесточении прикладывали все усилия, чтобы всячески тормозить дело комиссии, на которую возложено было распределение земель. Закону они покорились волей-неволей, ибо тут ничего нельзя было поделаться, но они открыто грозили, что виновник закона не избегнет Их мести. Г. Помпей заявил, что в тот день, когда Гракх сложит свой трибунал, он привлечет его к суду; Гракху пришлось даже опасаться за свою личную безопасность, так что он не являлся более на площади без свиты в 3—4 тыс. человек, и когда один из его друзей умер, при несомненных признаках отравления, то он в траурной одежде вывел детей своих перед народом и просил его попечения о них и о матери их, так как он в своей жизни более не уверен.

Чтобы обезопасить свою личность и поддержать свой аграрный закон, Гракх старался привязать к себе народ новыми выгодами и надеждами и продолжить свою трибунскую должность, вопреки конституции, на следующий год. Он подавал виды на дальнейшие, к пользе народа направленные законы, имевшие отчасти целью также ослабление сената, и когда в то время Эвдем Пергамский доставил в Рим завешание умершего царя Аттала III, в коем римский народ объявлен был наследником царя, то Гракх сделал предложение, чтобы распоряжение царскими сокровищами не было предоставлено сенату, а чтобы они были распределены среди народа. Такое предложение задело сенат за живое, и Помпей встал и сказал, что он сосед Тиберия и знает, что Эвдем из царских сокровищ принес ему диадему и пурпурную мантию, как будто он намерен сделаться царем в Риме.

Выбор трибунов издавна был назначаем на июнь или июль, быть может, для того, чтобы народ, занятый жат-

вой в поле, не мог в большом количестве прибыть в город к избирательным комициям. Так и на этот раз, когда Гракх снова добивался трибуната, избирательное собрание состояло по большей части из городского класса народа. Но и этот последний оказался преданным Гракху, и уже первые трибы высказались в его пользу, когда аристократы устроили беспорядок и раздор, так что собрание, по предложению Гракха, было прервано и отложено на следующий день. Остаток дня Гракх употребил на то, чтобы усилить рвение народа в свою пользу и в пользу своего дела. Он надел траурное платье, снова явился на форум со своими малолетними детьми и со слезами поручил их народу. Он опасается-де, что противники ворвутся к нему ночью в дом и убьют его. Это произвело на народ такое впечатление, что он толпами расположился вокруг его дома и всю ночь караулил его.

Когда Гракх на утро следующего дня отправился в народное собрание к Капитолию, то различные дурные предзнаменования возбудили в нем и в его провожатых изумление и тревогу. При выходе из дома он задел ногой за порог, так что содрал ноготь с большого пальца на ноге и кровь показалась через подошву. Когда он прошел некоторое расстояние, то слева над крышей показались дерущиеся вороны; от одного из них камень полетел прямо на Тиберия и упал у его ног. При виде этого и самые отважные призадумались и остановились. Но в то же время многие из друзей прибегали к Тиберию из Капитолия и просили его спешить, так как дела там обстоят хорошо. Он был встречен народом с восторгом и со всевозможными доказательствами любви. Начались выборы, и снова последовал протест. Поднялся шум и гам. Тогда приверженец Тиберия, Фульвий Флакк, из сената возшел на возвышенное место и сообщил, что в сенате, собравшемся в храме Верности, близ храма Юпитера, противники Гракха решили убить его и с этой целью вооружили толпу рабов и клеветников. При этом известии стоявшие вокруг Тиберия опоясали свои тоги, сломали копья ликторов, сдерживавших народ, и раздали сломанные палки, дабы ими отразить

нападающих. Так как вдаль стоявшие не знали, что произошло, и расспрашивали, то Тиберий положил руку на голову, чтобы среди шума дать таким образом заметить, что голова его в опасности. Когда противники это увидели, то они побежали в сенат и рассказали, будто Тиберий требует диадемы. Все пришли в беспокойное волнение, и верховный жрец, Сципион Назика, потребовал от консула Муция Сцевола, чтобы он спас государство и уничтожил тирана. Сцевола спокойно ответил, что он не прибегнет ни к каким насильственным действиям и ни одного гражданина не лишит жизни без суда; если же народ, увлекаемый Тиберием, постановит что-либо противозаконное, то он сочтет это не имеющим силы. Тогда Назика вскочил и воскликнул: «Так как консул изменяет государству, то следуй за мною, кто желает спасти законы!» — с этими словами он надел на голову край верхнего платья и поспешил к Капитолию. Все за ним следовавшие намотали тоги на левые руки и оттесняли стоявших на пути. Тем временем провожатые сенаторов принесли из дому веревки и дубины; сами они схватили стулья и остатки скамей, сломанных бегущей толпой, и напирала на Тиберия и окружавшую его массу. Народ все еще испытывал такую робость перед сенаторами, что все расступились без борьбы и сопротивления. Аристократы разбивали все, что им попадало под руку. Сам Тиберий бежал, оставив свое верхнее платье; но перед Капитолийским храмом он споткнулся и упал на груды убитых. Прежде чем он мог опять встать на ноги, один из его товарищей, П. Сатурей, ударил его ножкой от скамьи по голове; второй смертельный удар приписывал себе Л. Руф, похвалявшийся этим как доблестным подвигом. При этом погибло до 400 человек — все от камней и дубин и ни один от железа.

Этой кровавой сценой ненависть и гнев аристократов еще не удовлетвоались. Они отказали брату Тиберия в дозволении убрать и ночью похоронить труп его, который они вместе с другими бросили ночью в Тибр. Из друзей убитого они некоторых изгнали без суда, других заключи-

ли в тюрьму и утертвили. Упорно защищали они свое кровавое дело, не переставая уверять раздраженный народ, что Гракх домогался царской власти. Тем не менее они были вынуждены сделать народу некоторые уступки. По земельный закон Тиберия они должны были оставить в силе, а Сципиона Назику, виновника кровавой сцены, навлекшего на себя всю ненависть народную, они удалили из Рима, поручив ему посольство в Азии, где он, гонимый угрызениями совести, полный тревоги и беспокойства, скитался и вскоре умер близ Пергама.

28. ГАЙ СЕМПРОНИЙ ГРАКХ

Тиберию Гракху не было еще тридцати лет, когда он был умерщвлен. Его брату Гаю, бывшему девятью годами моложе, тогда, следовательно, едва исполнилось 20 лет, и ему не доставало надлежащей зрелости для того, чтобы с должной силой поддерживать брата в его начинаниях. Тем не менее после участия в Нумантинской войне под начальством своего зятя Эмилиана он, невзирая на свою молодость, был выбран вместе с Тиберием и его тестем в комиссию, которая должна была привести в действие аграрный закон Тиберия. После смерти брата Гай удержал это место за собой, но при трудных обстоятельствах, наступивших вслед за тем для народного дела, он мог сделать немного. Он воспользовался этим временем, чтобы подготовиться к последующей борьбе. Аристократы видели в нем преемника брата и опасались развивавшегося таланта молодого человека, на которого с надеждой обращены были взоры народа. Общий страх обуял их, когда Гай перед судом защищал своего обвиняемого друга Бетия с таким блестящим даром красноречия, что совершенно затмил всех других ораторов, и народ приветствовал его в радостном восторге. Вот почему аристократы рады были, когда Гаю выпал жребий (126) отправиться в Сардинию в качестве квестора с консулом Аврелием Орестом. В Сардинии, где

его отец 50 лет тому назад был главнокомандующим, он нашел славу своего имени уже упроченной, и личными добродетелями своими он снискал уважение и любовь провинциалов. Зима в том году была суровая и нездоровая, и Орест просил у городов острова одежды для солдат, но города сумели путем жалобы в сенат снять себя налоги. В этом затруднении помог Гракх. Он пошел по городам и миролюбивыми увещеваниями побудил их к тому, что они добровольно послали солдатам шинели. Пример этот — как Гракх умеет действовать на умы и быть популярным — снова встревожил сенат, и когда посланные царя Миципсы из Нумидии сообщили в Риме, что царь их, из дружбы к Г. Гракху, послал консулу в Сардинии хлеб, то сенат, полный негодования, прогнал их из города.

С целью держать Гракха вдали от Рима сенат два года оставлял его в Сардинии; но когда он и на третий год не был отозван, то он в гневе самовольно бросил свой пост и прибыл в Рим. За это он был привлечен к суду цензоров; но он защищался так искусно, доказав, что он перенес величайшую несправедливость, что был оправдан. «Двенадцать лет, — говорил Гракх, — служил в армии, в то время как другие в крайнем случае служили лишь десять лет; в качестве квестора оставался при военачальнике третий год, хотя закон позволяет возвращаться после года; один среди служащих принес обратно пустым пояс, принесенный туда полным; другие тоже опорожнили свои наполненные вином бочки, но привезли их опять домой, полные золота и серебра». Аристократы обвиняли его также в том, что он подговорил к отсоединению от Рима город Фрегеллы, возмущившийся потому, что предложенный М. Фульвием Флакком закон о предоставлении права гражданства италийским союзникам рушился о сопротивление сената и народа. Но и в этом процессе он был оправдан, — и вот он поднял, наконец, брошенный ему вызов, чтобы начать с правительственной партией бой не на жизнь, а на смерть. Избранный народным трибуном на 123 г., он стал во главе народной партии, как вождь ее.

Гай Гракх был гораздо более опасный противник, чем брат его Тиберий. Подобно последнему, он был умерен-

ный, простой, трезвомыслящий человек, высокообразованный и храбрый солдат; но умственными способностями и энергичностью он далеко превосходил брата. При этом его воодушевляла сильная и глубокая страсть, сделавшая его первым оратором Рима. И Тиберий также был отличный оратор; его речь была грамотная, спокойная и умеренная, подчас не без трогательной чувствительности, она слушалась с удовольствием; речь Гая, напротив, была ослепительная и роскошная, потрясающая и полная бурной страсти, так что он часто совершенно увлекался своим гневом, выходил из себя, путался и сбивался. Оттого обыкновенно, когда он стоял на ораторской трибуне, позади его находился раб, который, как только голос его господина становился суровым и резким, задавал ему посредством камертона более мягкий тон, чтобы возвратить его к умеренности. Несправедливость, причиненная его брату и народному делу своекорыстной, разорявшей страну аристократией, годами питала страсть эту в его душе и укоренила в нем мысль о том, чтобы положить конец ненавистному хозяйничанию аристократов. Он, быть может, не скрывал от себя опасности своего начинания, он, быть может, предчувствовал такой же конец, как и конец его брата; но он был не в состоянии отделаться от мыслей, толкавших его вперед. Брат будто бы являлся ему во сне и держал такую речь: «Зачем, Гай, медлишь ты? Другого выхода нет; судьбой нам обоим суждена одна жизнь, одна смерть в деятельности на благо народа». Мать его, озабоченная спасением своего дома и спасением отечества, старалась отвлечь его от рокового пути; она писала: «Будет ли конец безумию нашего дома? Где предел? Разве недостаточно нам стыда, что мы расстроили и разорили государство! И я считаю делом самым прекрасным и славным отплатить врагу своему, если только это возможно без вреда для отечества. Если же это невозможно, то пусть враги наши благоденствуют. Это в тысячу раз лучше, чем губить отечество». Но Гай с полной решимостью приступил к делу — будь что будет.

После того как Гай возмущением народа создал почву для своей деятельности, он выступил со своими законопроектами. Брат его старался провести лишь аграрный

закон; Гай же предлагал целый ряд законов, которые, если бы были осуществлены, должны были вызвать к жизни совершенно новое устройство государства. Первые внесенные им законы клонились к тому, чтобы расположить в его пользу массу народа. Сюда относится хлебный закон (*Lex frumentaria*), по которому государство должно было продавать гражданам хлеб по значительно сниженной цене, приблизительно на 30%; далее закон об облегчении военной службы (*Lex de militum commudis*). Затем два закона были направлены против отдельных личностей, хотя они и не лишены были более глубокого значения. Из них один (*Lex de capite civium*) постановлял, чтобы уголовный суд над гражданином производился не иначе как по повелению народа, и сенат, следовательно, не мог бы по-прежнему самовластно привлекать известные преступления к своему суду. Закон этот был главным образом направлен против Попилия Лэна, который, как консул, в 132 г., будучи назначен судьей против приверженцев Гракховой партии, многих из них изгнал и казнил. Он почувствовал опасность и спасся от осуждения бегством. Другой закон, имевший в виду смещенного Тиберием Гракхом трибуна Октавия, определял, чтобы те, которые отставлены народом от своей должности, были впредь отстранены от занятия какой бы то ни было должности; но закон этот Гай, по желанию своей матери, как говорят, взял назад. Другим законом, сохранившимся до падения республики, предписывалось, чтобы провинции указываемы были консулам еще до выбора их, в то время, следовательно, когда еще неизвестно кто будет консулом; другой закон отнимал в комициях у граждан первого класса преимущество, состоявшее в том, что из среды только этого класса составлялась подающая голос прежде других центурия, так называемая прерогатива, которая обыкновенно своим голосом решала участь всей баллотировки; отныне прерогатива должна была каждый раз избираться из всех классов по жребию.

Далее Гракх занимался строительством различных сооружений, и при этом он обнаружил необыкновенно энергичную деятельность и замечательный административный

талант. Он построил красивые и в высшей степени целесообразно расположенные улицы, построил большие запасные магазины для хранения хлеба, предназначенного к раздаче. Это были популярные предприятия, посредством которых он снискал благодарность граждан, но они имели и политическое значение тем, что отнимали у сената и передавали в руки Гракха влияние на огромную массу людей, богатых и бедных, занятых при такого рода сооружениях.

Все ранее упомянутые Гракховы законы были более или менее предназначены для того, чтобы служить подготовкой к более важным его законам. То были: закон аграрный, закон судебный и закон о праве гражданства италийских союзников (*Lex agraria, judiciaria, de civitate sociis danda*). Первый из них возобновлял аграрный закон Тиберия и требовал выведения известного числа колоний граждан. Второй закон отнимал замещение судейских должностей у сената, у знати и передавал это дело сословию всадников, денежной знати; законом этим самому Гракху поручалось вместо 300 сенаторов избрать столько же всадников, из среды которых назначались судьи. Сенат часто злоупотреблял своей судейской властью и оставлял безнаказанными людей своего звания, преданных суду за вымогательства в провинциях и за другие проступки. Всадники, правда, стали вскоре позволять себе в интересах своего сословия подобные же вещи; но Гракх, предлагая этот закон, заботился не столько о действительном устранении зла, сколько о раздвоении между аристократией знати и денежной аристократией. Всадники, которым Гракх предоставил также взимание косвенных налогов в провинции Азии, были освобождены из-под зависимости сената и привлечены на сторону народной партии.

Закон о судах прошел без больших затруднений; партия знати едва осмелилась сопротивляться, так как именно в последнее время случилось несколько весьма несправедливых решений сенаторских судов, вызвавших негодование. Зато против третьего закона, по которому италийские союзники должны были получить право римского гражданства, знать выступала весьма решительно; она поняла, что признание италиков римскими гражда-

нами должно было значительно увеличить массу черни, с помощью которой трибуны действовали и властвовали, так что, в конце концов, бразды правления должны были совершенно ускользнуть из рук сената.

Гракху удалось добиться трибуната и на следующий, 122 г. Продолжение своей должности он считал необходимым, чтобы, с одной стороны, привести в исполнение свой аграрный закон учреждением колонии, и с другой — провести закон о союзниках. Отрывок из речи Гракха показывает нам, с какой заносчивостью относилась в то время правительственная партия к италийским союзникам; речь эта содержит лишь простые факты, изложение которых, однако, вместе с тем свидетельствует, с какой враждебностью и с каким раздражением оратор выступал против своих противников. Гракх говорит: «Недавно в город Теанум, принадлежащий сидицинам, прибыл консул. Его супруга захотела мыться в мужской бане. Сидицинскому квестору было поручено удалить из бани тех, которые в это время мылись там. Супруга консула заявила потом своему супругу, что баня не была приготовлена достаточно быстро и не была достаточно чиста. Тогда на площади был вбит кол, и М. Марий, самый знатный человек в городе, подведен туда. С него снята была одежда, и его секли прутьями. Когда жители Калеса узнали об этом, то они постановили, чтобы никто не мылся в общественных банях, когда на месте будет находиться римский магистрат. В Ферентинуме один из наших преторов по той же причине приказал арестовать тамошних квесторов. Один из них бросился с городской стены, другой был схвачен и сечен прутьями. Но до чего доходит нахальство и заносчивость молодых людей — я вам представлю только один пример. В последние годы был прислан сюда из Азии в качестве легата молодой человек, не занимавший еще общественной должности. Он велел носить себя в носилках. Навстречу ему попался пастух из Венузии и спросил в шутку, не зная, кто сидит в носилках, не покойника ли они хоронят. Услышав это, молодой человек велел остановиться и бить пастуха веревками носилок до тех пор, пока тот не испустит дух».

Аристократы употребили против закона Гракха обычное средство, состоявшее в том, что склонили на свою сторону одного из трибунов и побудили его к вмешательству в дело. То был М. Ливий Друз, талантливый и образованный человек, пользовавшийся почетом за свое красноречие и богатство. Перед подачей голосов Друз противопоставил закону свое veto, и Гракх не отважился поступать в этом случае так, как поступил его брат относительно Октавия. Закон был отставлен. Этот успех ободрил Друза и сенат, и они затем попытались, с помощью довольно грубого маневра, которого не разглядела близорукая и лишь до минутной выгоды падкая толпа, лишить Гракха расположения народа и низвергнуть его. Гракх предложил основать две колонии из не совсем неимущих граждан; Друз же предложил основать двенадцать колоний и притом каждую из 3 тыс. беднейших граждан и не за морем, как колонии Гракха, а в непосредственной близости от Рима. Далее он предложил, чтобы получившие землю были освобождены от установленного Гракхом оброка и чтобы данный им надел был предоставлен им в полную собственность. К этому присоединилось еще то обстоятельство, что именно в это время Гракх находился далеко от Рима, в Африке, с целью устроить предложенную им колонию Юнонию на месте разрушенного Карфагена и что его наместник в Риме, Фульвий Флакк, своими резкими и неловкими поступками действовал на руку противникам. Когда Гракх, после десятидневного отсутствия, возвратился в столицу, то легкомысленный и неразумный народ примкнул к его врагам; он потерпел неудачу в своем соискании трибуната на следующий, 121 г., и самый ожесточенный и решительный противник народного дела, Л. Опимий, избран был консулом.

Враги Гракха торжествовали, и как только Опимий вступил в должность консула, они повели свои атаки на Гракхово законодательство, с тем чтобы при первом удобном случае покончить с самим Гаем. Прежде всего нужно было воспрепятствовать основанию Юнонии, восстановлению Карфагена. С этой целью пущена была молва, что накануне основания были якобы всякого рода недобрые

знамения: первое знамя было сломано ветром; порывом ветра разнесло лежавшие на алтарях жертвы и бросило за пределы очерченной линии; даже межевые знаки вырваны были волнами и унесены. Такие дурные предзнаменования побудили теперь жрецов предостеречь против застройки проклятого богами места, и сенат предложил закон, которым возбранялось устройство колонии Юнонии. В день, когда предстояло подавать об этом законе голоса на Капитолии, обе партии с раннего утра стекались на место собрания. Гракх созвал своих приверженцев в возможно большем числе, дабы не дать закону осуществиться; но он хотел избежать насилия. Между тем в то время, когда консул Опимий совершал обычное жертвоприношение в здании капитолийского храма, а Гракх, окруженный своими друзьями, ходил тут взад и вперед, ему навстречу появился судебный служитель, К. Антулий, помогавший при жертвоприношении, со священными внутренностями в руках и высокомерным тоном воскликнул: «Вы, дурные граждане, дайте дорогу добрым!» Под ударом одного из приверженцев Гракха он тут же на месте пал мертвым. Смятение было великое. Гракх порицал убийство и укорял своих, что они дали противникам повод к жалобам и к большему насилию; он обращался с речью к народу, стараясь успокоить его и отвести от себя ответственность за убийство. За шумом и смятением голос его едва был слышен. При этом случилось, что он, сам того не замечая, перебил говорившего трибуна, что, по старому, хотя пришедшему в забвение закону составляло тяжелое преступление; этим-то враги Гракха задумали воспользоваться к его гибели.

В этот день, впрочем, дело до дальнейших насилий не дошло: проливной дождь разогнал толпу. Когда Гракх на обратном пути домой прошел мимо статуи своего отца, он надолго перед ней остановился и смотрел на нее, не говоря ни слова; затем он пошел далее, плача и стона, и многие, видевшие это, движимые состраданием, собрались вокруг его дома, чтобы в течение ночи стоять на страже перед его дверьми. Они вели себя сдержанно и спокойно, между тем толпа, караулившая дом его единомышленни-

ка Фульвия Флакка, провела ночь среди попок и дикого разгула. Сам Фульвий прежде всех опьянел и делал и говорил многое, не приличествовавшее его летам. Глава враждебной партии, Опимий, провел ночь в храме Кастора у площади и делал приготовления к тому, чтобы силой оружия подавить «мятеж». С раннего утра занял он Капитолий критскими стрелками; ратуша и площадь наполнились вооруженными людьми. Все принадлежавшие к сенатской партии собрались по призыву консула, также все сословия всадников, каждый в сопровождении двух вооруженных рабов. Сенаторы собрались в курии. Тогда пронесли на площади перед курией на носилках обнаженный труп Антулия с плачем и рыданиями, и сенаторы, с консулом Опимием во главе, вышли, делая вид, будто бы они были поражены и не знали, что случилось, — рассматривали труп и затем снова удалились, чтобы принять решение. Они решили подавить восстание силой и для этой цели облекли консулов неограниченной властью посредством формулы «*Viderent consules, ne quid respublica detrimenti caperet*» - «да позаботятся консулы, чтобы государство не потерпело никакого ущерба».

Фульвий Флакк со своими приверженцами ранним утром занял Авентинский холм, старую твердыню плебеев, и призвал рабов к оружию. Туда отправился и Гракх, молча и безоружный, в простой тоге. Когда он выходил из дома, то у дверей ему встретилась его супруга Лициния с ребенком на руках и говорила плача: «Не на ораторскую трибуну, о, Гай, отпускаю я тебя сегодня, как народного трибуна и как законодателя, и не на какую-либо славную войну, чтобы ты мне завещал хоть почетный траур на случай, если бы тебя постигла человеческая участь; нет, убийцам Тиберия предаешься ты, безоружный, с благородным намерением лучше претерпеть зло, чем делать его. Но ты погибнешь без всякой пользы для общественного блага. Дурное дело восторжествовало; насилием и железом они теперь творят суд. Если бы брат твой пал при Нуманции, то нам возвратили бы труп его; теперь же и мне, вероятно, придется молить какую-либо реку или море, чтобы оно показало мне, где хранится твое тело». Несмотря на

ее рыдания, Гракх понемногу высвободился из ее объятий и молча пошел с друзьями. Лициния поспешила за ним, чтобы поймать край его одежды, но поскользнулась и в беспамьятстве упала на землю; слуги подняли ее и унесли к ее брату Крассу.

Укрепившись в храме авентинской Дианы, Фульвий, по совету Гракха, послал на площадь младшего сына своего Квинта с жезлом мира в руках, чтобы по возможности достигнуть соглашения. Квинт, нежный юноша замечательной красоты, смущенный и плачущий, выступил перед консулом и сенатом и сделал примирительные предложения. Большинство собравшихся было не прочь мирно уладить раздор; но Опимий требовал, чтобы Флакк и Гракх явились перед сенатом и держали ответ за оскорбления трибунского сана. Гракх, со своей стороны, готов был последовать вызову; но Фульвий удержал его и вторично послал своего сына. Опимий, торопившийся начать борьбу, велел схватить невинного юношу и бросить в тюрьму и затем приказал атаковать Авентин, объявив в то же время по улицам, что кто принесет голову Гракха или Флакка, тот получит вес ее золотом. После атаки множества вооруженных щитами солдат и критских стрелков толпа на Авентине вскоре рассеялась и пустилась в бегство. Фульвий спрятался в виноградной давилльне, но вскоре был вытасчен оттуда и изрублен вместе со своим старшим сыном. Гракха никто не видел сражавшимся; в глубокой скорби от случившегося, он удалился в храм Дианы. Здесь он хотел убить себя, но самые верные его спутники, М. Помпоний и П. Леторий, вырвали у него меч и уговорили его бежать. Тогда он, малодушно оставленный большинством своей партии, пал, говорят, на колени и с поднятыми руками молил богиню, чтобы римский народ за эту неблагодарность и измену никогда не выходил из рабства.

Гракх пытался бежать и перебраться на другой берег Тибра, но, сходя с Авентина, он упал и вывихнул себе ногу. У *Porta trigemina* под Авентином Помпоний стал против преследователей и дал другу время для бегства; то же сделал Леторий на Тибрском мосту. Оба дали себя изру-

бить ради спасения друга. Среди криков своих приверженцев Гракх добрался до предместья на правом берегу Тибра. Но силы изменили ему; он просил коня, но никто не осмелился или не мог доставить ему такового. Тогда он, в сопровождении одного только раба своего Филократа, бежал в рощу Фурины. Здесь раб, по его приказанию, убил его, а затем и самого себя лишил жизни. Голову Гракха некий знатный муж Септимулей принес на копье другу своему Опимию; последний положил ее на весы, и голова весила 172,3 фунта. Септимулей обманным образом влил олово во впадину черепа. Ему выплатили такой же вес золотом; те же, что принесли голову Флакка, неизвестные и темные люди, не получили ничего. Трупы обоих демократических вождей были брошены в Тибр вместе с другими убитыми; их было до 3 тыс.

На этом месть Опимия и его партии еще не закончилась. Дома вождей преданы были на разграбление толпы, имущество их было конфисковано, и у Лицинии отнято даже родительское приданое. Ей и Корнелии было воспрещено носить траур по покойнику. До 3 тыс. приверженцев Гракха было повешено и среди них безвинный Квинт Фульвий, не принимавший никакого участия в борьбе; его убийство, из-за его молодости и привлекательности, вызывало общее сожаление. И как бы в насмешку после этого кровавого побоища Опимий из имущества убитых и изгнанных государственных изменников воздвиг за Капитолием великолепный храм Конкордии, богине согласия.

Память Гракхов была государством предана опале; но народ, за благо которого доблестные братья боролись и погибли, хранил к ним страстную привязанность. Он воздвиг им статуи, освятил те места, где они пали, многие жертвовали и молились там ежедневно, как в храмах богов. Корнелия, мать Гракхов, с благородным мужеством переносила несчастье своего дома. Она удалилась в свое имение у Мизены и там продолжала жизнь, по-прежнему окруженная многочисленными образованными друзьями, навещаемая и высокочтимая своими и чужими; цари посылали ей и принимали от нее подарки. Она охотно рассказывала о великом

отце своем, Сципионе Африканском, о своем любимом супруге и о зяте Эмилиане; с удивительным спокойствием, без скорби и слез, говорила она о страданиях и деяниях сыновей своих, которые, как она выражалась, в святилищах, где они были убиты, нашли достойные памятники - как будто речь шла о людях доисторических, о посторонних, совершенно чуждых ее сердцу. Вот почему иные, не сумевшие постичь ее великую душу и влияние высокого образования, полагали, что старость и тяжкое горе сделали ее безумной и бесчувственной. Опимий, обагренный кровью победитель Гракха, прожил свою старость в бесчестии и позоре. Посланный в 115 г. во главе посольства в Нумидию, он был подкуплен Югуртой, был обвинен и осужден; ненавидимый и осмеянный народом, который не простил ему его высокомерия и свирепой жестокости, он отправился в изгнание в Диррахиум, где и умер.

Со смертью Г. Гракха реакция восторжествовала, и правительственная партия воспользовалась своей победой, чтобы по возможности восстановить прежний порядок, существовавший до Гракхов, и упрочить свое олигархическое господство. Колонизация и раздача полей были прекращены; розданные уже общественные земли оставлены были за получившими их, и остальные государственные земли также были превращены в безоборочную частную собственность своих прежних обладателей. Наибольшую выгоду от этого превращения извлекла, само собой разумеется, богатая аристократия, которая не замедлила скупить мелкие крестьянские участки, сколько могла, или прогнать оттуда их владельцев. Таким образом, социальные отношения в государстве все более обострились. Народ был пока угнетен и принижен; но с тех пор как на улицах пролита была кровь граждан, не было более мира, не было примирения между партиями. Дух возмездия зрел в тиши, и как только во главе угнетенных стал смелый, мужественный вождь, вновь завязалась борьба, которая в конце концов должна была разрешиться «силой и железом». Кому удавалось склонить на свою сторону войско, тот становился властителем республики.

29 . ГАЙ МАРИЙ

Человек, впервые затем выступивший вождем угнетенного народа и от которого последний ожидал спасения и возмездия, был Гай Марий. Он сам был из народа - сын латинского крестьянина, достигший почестей и славы мужеством и доблестью солдата. Рожденный в деревне Цереаге, близ Арпинума, он рос здесь, вдали от городских удовольствий, в деревенской простоте и строгости, в доме своих бедных родителей, собственными руками возделывавших свое поле. Сколько-нибудь сносное образование не удалось ему получить за всю его жизнь. Греческой литературой он никогда не занимался и греческого языка никогда не знал; он считал смешным учиться наукам, которые преподавались рабами, и когда он после второго своего триумфа велел ставить на сцене греческие пьесы, то он, правда, появился в театре, но только для того, чтобы тотчас же снова удалиться. Да и военное искусство, в котором одним он кое-что сделал, усвоил он лишь путем практической службы. Он рожден был солдатом. Уже в первом своем походе, который он совершил будучи 22-летним юношей под начальством Сципиона Эмилиана против Нуманции, он особенно отличился храбростью, мужеством и военной выправкой. Он легко и охотно подчинился строгой дисциплине, которую Сципион

почел за нужное установить в изнеженном и распущенном войске. Сципион оказывал ему особое уважение. Когда однажды после застолья кто-то, желая польстить Сципиону, спросил, кто бы мог его заменить впоследствии как полководец и глава римского народа, то Сципион, говорят, слегка потрепал по плечу возлежавшего подле него Мария и сказал: «Может быть, этот».

Гай Марий. Мрамор

Это заявление молодой человек принял близко к сердцу. Движимый честолюбивыми надеждами, он вступил на политическое поприще и в 119 г., поддерживаемый фамилией Метеллов, достиг трибунского звания. Состоя в этой должности, он издал закон о подкупках и искательствах мест, содержание которого, однако, в точности неизвестно; ибо не могло же все содержание закона заключаться в том, что он мосты, по которым граждане отправлялись в народное собрание для подачи своего голоса, велел сделать уже, дабы знатные не могли смешаться с народом и влиять на его голоса. При осуществлении этого закона он показал отвагу и воинственный пыл. Так как предложение Мария устраняло влияние сильных на выборах, то консул Котта побудил сенат воспротивиться закону и потребовать Мария к отчету. Марий явился в сенат, но вместо того чтобы дать запугать себя, он грозил Котте, что прикажет отвести его в тюрьму, если он не отменит упомянутого решения. Когда Котта обратился к своему сотоварищу по званию консула Л. Цецилию Метеллу и последний присоединился к Котте, то трибун призвал своего слугу и приказал ему отвести самого Метелла в тюрьму. Метелл просил вмешательства трибунов, но никто не оказал ему помощи. Таким образом, сенат должен был уступить, и предложение Мария возведено было народом в закон. С тех пор Марий считался человеком, которого ни страх не может одолеть, ни какие-либо препятствия отклонить от намеренной цели, и народ стал уже надеяться, что он как

боец за народное дело окажется серьезным противником сената. Но он вскоре заставил народ разочароваться в этой надежде тем, что самым решительным образом воспротивился предложению, имевшему в виду увеличить раздачу хлеба народу. Этим трибун снискал себе почет и уважение обеих партий.

По окончании трибуната Марий явился соискателем звания эдила, но ему не удалось попасть ни в курульные, ни в плебейские эдилы; да и претуру он получил на 115 г. с трудом. Аристократия, мнившая одна иметь право на высшие государственные должности, старалась устранить выскочку из Арпинума от этой высокой должности, и когда он все-таки достиг своей цели, то обвинила его в подкупе. Как ни предвзято отнеслись к нему судьи, он все-таки был оправдан. Как претор Марий не особенно отличился; зато как пропретор в Испании он отличался простотой и честностью, а подавлением испанского разбойничества и восстановлением порядка он оказал своей провинции важную услугу.

Соответствующее его военному таланту поле деятельности открылось для Мария в Югуртинской войне. Эта война была особенно важна в римской истории не потому, что она угрожала целостности государства, а потому, что она особенно ясно обнаружила неспособность и испорченность тогдашней правительственной партии. Нумидийский царь Миципса, сын Масиниссы, незадолго до своей смерти (118 г.) разделил свое царство между сыновьями своими, Адгербалом и Гиempсалом, и усыновленным им Югуртой, сыном брата своего Мастанабала; но Югурта, человек предприимчивый, способный и искусный в военном деле, который во время Нумантийской войны в качестве предводителя нумидийских вспомогательных войск приобрел себе много друзей среди знатных римлян, в расчете как на связи свои в Риме, так и на свое золото, обильно туда приливавшее, убил Гиempсала, начал войну с Адгербалом, которого захватил в плен и также убил. Подкупленные нумидийским золотом, римские послы, а равно и сенат потворствовали преступным предприятиям царя, и он, без сомнения, продолжал бы спо-

койно наслаждаться своими захватами и награбленным добром, если бы народ, возмущенный жестокостью, которую позволял себе Югурта даже против римских граждан и италийских союзников, не потребовал, наконец, сенат объявить ему войну (112 г.). Но едва только началась эта война, Югурта купил выгодный мир у посланного в Африку консула Л. Кальпурния Бестии. Известие об этом подняло в Риме бурю, трибун Меммий настоял на судебном расследовании дела и добился того, что Югурта был вызван в Рим в качестве свидетеля. Во время пребывания в Риме наглость варварского царя дошла до того, что он в стенах города велел умертвить внука Масиниссы, Массиву, высказавшего притязания на нумидийский престол. После этого сенат не мог уже поддерживать своего любимца — изгнал его из города и уничтожил заключенный мир. При отъезде из Рима нумидийский царь произнес известные слова: «О продажный город, готовый погибнуть, как скоро найдет себе покупателя!»

Война поэтому продолжалась, но все тем же недостойным и бесчестным образом, как и прежде; полководцы были неспособны и продажны, а войско при таких вождях было изнеженное и распущенное. Чтобы положить конец такому позору, избран был в 109 г. консулом Кв. Цецилий Метелл, которому и поручено было начальство в Африке. Метелл был непреклонный и жестокий аристократ, но рассудительный и опытный полководец, не ведавший страха.

Для своего похода он, не обращая внимания на звания и происхождение, избрал себе в помощники испытанных и дельных офицеров, среди которых был и Гай Марий, который со времени возвращения своего из Испании, хотя и не выделялся ни знатностью рода, ни богатством, ни красноречием, пользовался, однако, в Риме большим почетом вследствие своей неутомимой деятельности и простого образа жизни. Почету этому придала новый блеск женитьба его на Юлии, из древнего знатного рода Цезарей, тетке великого диктатора Гая Юлия Цезаря.

В Югуртинскую войну Марий в качестве легата оказал самые существенные услуги. Он помог Метеллу вос-

становить упавшую дисциплину в войске и снова возвратил римским знаменам победу. Повсюду восхвалялись его храбрость и военное искусство, его хитрость, благоразумие и строгая жизнь; сердца солдат он расположил к себе тем, что не уклонялся ни от какой тяжелой работы и делил с ними все труды и опасности. Его имя и слава были у всех на устах, и солдаты писали домой, что нельзя думать об окончании войны, если Мария не изберут консулом и главнокомандующим. Метелл не мог по этому поводу скрыть свое неудовольствие, и, по-видимому, не обошлось без неприятных сцен между обоими гордыми мужами. Явная вражда началась между ними, когда Марий попросил у главнокомандующего отпуск в Рим, чтобы добиваться консульства. Так как Марий настаивал на своем увольнении, то он его наконец получил, когда до консульских выборов оставалось всего 12 дней.

Далекий путь от лагеря до Утики у моря Марий совершил за два с половиной дня. Когда он перед тем, как сесть на корабль, принес жертву, то прорицатель, говорят, объявил ему, что боги сулили ему великое счастье, выше всяких надежд. Полный радостных надежд, он прибыл на корабле в Рим на четвертый день. Народ приветствовал его с восторгом и решил возвести в консульское звание вновь прибывшего, вышедшего из среды народной и блеском своим затмевавшего мужей знати. Хотя и неприятен был этот прямой и грубый воин, этот выскочка без родословной гордым аристократам, они не отваживались, однако, чинить ему существенных затруднений на пути к достижению цели. Когда Марий в день выбора был приведен трибуном Манилием Манцином в народное собрание и стал добиваться консульского звания, то он обещал закончить тягостную войну за короткое время и передать в руки римлян Югурту, мертвого или живого. При этом он не упустил случая набросить на Метелла тень подозрения и обвинить его в преднамеренном продлении войны. Народ отнесся к выбору плебея как к делу партии и значительным большинством голосов передал ему консульство на 107 г. и главнокомандование в Югуртинской войне. С этого времени Марий становится главой демок-

ратической партии и выступает повсюду горячим противником аристократии, которая до сих пор мешала его успехам на политическом поприще.

Собираясь на войну, Марий составил новые отряды, и притом, в противовес существовавшему до того обычаю, из низших классов народа. Этим он, разумеется, приобрел для своих дальнейших планов верных приверженцев, но вместе с тем ухудшил дух войска, так как неимущие люди стали отныне смотреть на военную службу как на ремесло и источник заработка и сражались не столько ради отечества, сколько ради своего полководца. Когда Марий явился в Африку, то оскорбленный Метелл уклонился от свидания с ним; еще до прибытия своего преемника он выехал из лагеря и передал ему войско через посредничество легата Рутилия Руфа. Метелл поставил Югурту в весьма затруднительное положение. Марий продолжал войну с успехом, одержал над неприятелем несколько побед и вынудил его, наконец, бежать к своему тестю Бокху, царю мавританскому. Бокх колебался: выдать ли зятя своего римлянам или взяться, в защиту его, за оружие. Но благодаря дипломатической ловкости квестора Луция Суллы удалось принудить Бокха к выдаче Югурты. Победенный царь был доставлен в лагерь Мария закованным в цепи (106 г. до Р. Х.).

Этот успех Суллы был первым зародышем ревности и вражды, обнаружившихся впоследствии между Суллой и Марием. Аристократы из зависти и ненависти умаляли заслуги Мария, приписывая первые и важнейшие успехи Метеллу, а окончание войны — Сулле. Последний чересчур много кичился своим подвигом; он велел изготовить себе перстень, на котором был вырезан Югурта в том виде, в каком он был выдан ему Бокхом. Все это раздражало честолюбивого Мария, не терпевшего, чтобы кто-либо другой участвовал в его славе, и слишком ясно презревшего намерения аристократов.

1 января 104 г. был великий триумф Мария, причем выставлены были напоказ 3007 фунтов золота, 5775 фунтов серебра в слитках и 287 тыс. драхм чеканенной монетой. Но самым интересным предметом триумфального

шествия был закованный в цепи царь, который так долго шутил недобрые шутки над величием римского государства. Несчастье и позор повергли его в состояние помешательства. Когда по окончании торжества его привели в темницу, сняли с него силой исподнее платье, а некоторые сорвали с него золотые ушные кольца, вместе с ушной мочкой, и когда его затем обнаженного спустили в глубокую яму, он, оскалив зубы и засмеявшись, воскликнул: «О, Геркулес, как холодна ваша ванна!» После шестидневных мучений он умер от голода. Марий же после триумфального шествия созвал сенат в Капитолий и явился туда в торжественной пурпуровой одежде, но заметив недовольство сената, он удалился и вернулся в тоге с пурпуровой обшивкой.

Нумидия не была обращена в римскую провинцию: западную часть ее получил Бокх в награду за его предательство, а восточную - Гауда, последний оставшийся в живых внук Масиниссы.

В тот самый день, когда Марий праздновал свой триумф, он вступил и во второе свое консульство. Еще в то время, когда он стоял с войском своим в Африке, его снова избрали на эту должность, вопреки закону, требовавшему, чтобы между двумя избраниями в консульство был промежуток в десять лет; ибо Италия находилась тогда в большом страхе и опасности, от которой, казалось, мог спасти ее только Марий. С некоторого времени в странах, лежавших за Альпами, бродил, подобно грозовой туче, варварский воинственный кочевой народ, от которого римляне понесли уже несколько тяжелых поражений и в любое время должны были опасаться вторжения в Италию. То были кимвры, германское племя, которое, будучи вытеснено, по неизвестным нам причинам, из стран, лежащих у Балтийского моря, кочевало с женами, детьми и имуществом в Средней Европе, выискивая себе новое место для поселения.

В первый раз на горизонте римского мира кимвры появились в 113 г., а именно на северо-восточной границе Италии, где против них выступил консул Гн. Папирий Карбон, сын известного из времен Гракхов Карбона, при-

сланный сюда для прикрытия ущелий Альп. Кимвры объявили, что они ищут не войны с римлянами, а мест для поселения. В этом, однако, им было отказано, и они удалились, сопровождаемые проводниками, которых им дал Карбон. Но этим проводникам было поручено завести пришельцев в засаду (вблизи Норей), где римское войско их поджидало и вероломно напало на них. Кимвры разбили, однако, своих изменников и совершенно бы уничтожили римское войско, если бы поднявшаяся буря не заставила сражавшихся разойтись. Но вместо того чтобы через открытые альпийские теснины направиться в Италию, кимвры повернули на северо-запад, в Галлию. В южной части Галлии римляне с 121 г. образовали провинцию Нарбонну, между Альпами и Пиринеями, Северскими горами и Средиземным морем; туда они теперь и послали войска для защиты провинции и союзных им галльских племен. Дело в том, что кимвры, к которым присоединились амброны и гельветические округа тигуринов, хозяйничали в Галлии самым ужасным образом. Римский консул М. Юний Силан атаковал их в 109 г. и был разбит. В 107 г. консул Л. Кассий потерпел со стороны тигуринов позорное поражение, причем сам был убит; в 105 г. многочисленное войско, предводительствуемое консулом Гн. Манлием и проконсулом Кв. Сервилием Цепионом, было разбито при Араузионе (Оранж) главным образом вследствие раздора, возникшего между полководцами.

Рассказывают, что в этом сражении погибло 80 тыс. солдат, 40 тыс. человек из обоза, и только 10 человек успели спастись.

После поражения при Араузионе страх перед кимврами, обуявший Италию, был еще больше, чем некогда страх перед галлами. Альпийские проходы были открыты страшному неприятелю, Италия была беспомощна. Правящая аристократия потеряла всякое доверие; от кого же было ждать спасения? Взоры всех обратились на Мария, оказавшегося величайшим полководцем своего времени. Его заочно избрали консулом на следующий, 104 г. и поручили ему ведение войны против кимвров. Когда Марий со своим войском перешел Альпы, неприятель ушел из

Галлии. Он направился в Испанию, дав Марию время подготовиться к бою.

Так как неприятель в этот год не показывался, то консульство было вручено Марию и на следующий год, и так продолжалось до тех пор, пока не миновала опасность, грозившая со стороны кимвров. Это был первый в римской истории случай, когда одно и то же лицо четыре года подряд оставалось консулом (104—101 гг.).

Получив известие о приближении неприятеля, Марий устроил укрепленный лагерь при впадении Изеры в Рону и снабдил его большими запасами. Ввиду быстрой доставки всего необходимого для войска он, пользуясь медлительностью неприятеля, провел судоходный канал, с помощью которого он провел в море воду реки Роны, занесенной у устья песком. Наконец, летом 102 г. показались тевтоны и амброны. Они расположились в бесчисленном множестве на широкой равнине перед лагерем Мария и вызывали его на бой. Но Марий, не обращая внимания на отважные заявления своих офицеров, медлил и предварительно приучал своих людей к диким зверским крикам и страшному виду неприятеля, пока страшное перестало казаться им страшным, а угрозы и хвастливые насмешки варваров разожгли их дух жаждой битвы. Марий все еще не трогался с места, укрощая негодование своих людей заверением, что он поступает так отнюдь не из недоверия к ним, а потому, что, согласно известным предсказаниям, выжидает время и место победы. Он действительно возил с собой на носилках мнимую прорицательницу, сирийскую женщину по имени Марта, по указанию которой он совершал жертвоприношения. Верил ли Марий в ее предсказания, или держал ее, чтобы только вводить других в заблуждение, это остается неизвестным.

Тевтоны, видя бездействие Мария, сами совершили нападение на его лагерь, но были отбиты с большим уроном. Тогда они решили идти далее, к Альпам и в Италию. Только когда они проходили мимо лагеря римлян, можно было рассмотреть, как велика их численность; шесть дней двигались они непрерывным потоком, и притом так близко у римского вала, что спрашивали солдат с язвительной

насмешкой, не имеют ли те каких поручений к женам в Риме, так как они скоро будут у них. Марий следовал за ними и устраивал свой лагерь всегда поблизости от них, но за твердыми окопами и в благоприятно расположенных местностях, так что ему нечего было опасаться ночного нападения. Таким образом обе стороны дошли до *Aquae Sextiae*, нынешнего г. Экс в Провансе, откуда недалеко уже было до Альп, поэтому Марий стал готовиться к битве и выбрал для лагеря местность, которая хотя и представляла крепкую позицию, но не изобиловала водой. Когда солдаты с ропотом спросили, откуда они будут доставать воду, то он указал на реку Цэн, протекавшую внизу, подле неприятельского лагеря; отсюда могут они добыть себе глоток воды ценой крови. «Почему же, — спрашивали солдаты, — ты нас тотчас не ведешь на неприятеля, пока кровь наша еще жидка?» — «Прежде надо укрепить лагерь», — был спокойный ответ.

Солдаты повиновались, люди обозы толпами пошли к реке достать воду для себя и для скота. Вместе с ведрами взяли они с собой топоры, мечи и копья, чтобы в случае нападения не быть безоружными. Против них выступило сначала только небольшое число неприятелей, но на крик их сбегалось все больше и больше, и Марий не мог уже удержать и своих солдат. Со стороны неприятеля стали теперь выступать бойцы массами; то были амброны численностью свыше 30 тыс. человек. Они двигались вперед рядами и ровным шагом, били в такт по щитам и беспрестанно возглашали имя свое «амброны». С тем же возгласом выступали против них с римской стороны лигурийцы, которые, как говорят, также именовались амбронами по своему происхождению. Все громче и громче раздавались крики с обеих сторон, пока они яростно столкнулись. Амброны, вследствие переправы через реку, разделились и пришли в беспорядок, и на них тотчас же обрушились наступавшие лигурийцы. Римляне явились на помощь лигурийцам, бросились на варваров с высоты и заставили их отступить. Большая часть их пала, сражаясь на берегу, наполняя реку трупами и кровью; остальные были отброшены за реку и преследуемы до лагеря и ограды из киби-

ток. Но здесь вышли им навстречу жены с мечами и топорами и с ужасным воем погнались назад бегущих и преследовавших; они смешались со сражавшимися, хватались беззащитными руками за шиты и мечи римлян, бесстрашно подвергая себя ранам и истязаниям.

К ночи римляне победоносно возвратились в свой лагерь; но они не могли предаться беззаботному веселью победы. Напротив, они были в страхе и беспокойстве, ибо лагерь их не был укреплен окопами. В лагере неприятеля среди ночи поднялся неистовый вой, сопровождаемый угрозами и воплями, страшно отдававшийся в окрестных горах. Вся широкая равнина была полна дикого шума, и римское войско ежеминутно ожидало ночного нападения. Но нападения не было, и весь следующий день прошел без битвы. Германцы употребили это время, чтобы устроиться и приготовиться к бою. Тем временем Марий послал Клавдия Марцелла с 3 тыс. человек пехоты на поросшую лесом возвышенность в тылу неприятеля; остальных же, после того как они поужинали раньше обычного и легли спать, Марий с рассветом собрал перед своим лагерем и поставил в боевом порядке, а конницу выслал вперед на равнину. Увидя это, тевтоны немедленно взяли за оружие и с ожесточением бросились на холм. Марий приказал своим отрядам держаться спокойно до тех пор, пока неприятель не подойдет на расстояние выстрела; и вот тогда они начали метать копья в тесно сомкнутые ряды и взяли за мечи. После долгого сражения, в котором Марий сам храбро дрался вместе с прочими и всех превзошел отвагой и мужеством, неприятель, изнуренный лучами полуденного солнца, был сброшен с холма и отступил на равнину. В то время как первые ряды старались снова установиться в порядке, в задних рядах вдруг поднялись крик и смятение. Марцелл со своим 3-тысячным отрядом бросился в тыл неприятеля и принялся уничтожать задние линии. Последние увлекли с собой перед ними стоящих и скоро привели таким образом в смятение все войско. Варвары не могли долго противостоять такому двойному нападению и обратились в дикое бегство. В «Жизнеописании Мария» Плутарх пишет, что

число убитых и пленных простиралось до 100 тыс., а Ливии насчитывает в обеих битвах даже до 200 тыс. убитыми и 90 тыс. пленными. В числе пленных находился и гигантский царь Тевтобод, а среди убитых оказалось множество женщин, лишивших себя жизни, чтобы избежать порабощения и позора. Всю добычу, палатки, повозки и сокровища победоносное войско предоставило полководцу. Рассказывают, что поле сражения у Aquae Sextiae от массы крови и мертвых тел приобрело такое плодородие, что оно следующим летом дало невероятное обилие плодов; соседние же массивы гигантскими костями убитых огородили свои виноградники.

После сражения Марий из оружия варваров и прочей добычи отделил все лучшее и отборное для украшения своего триумфа, а все остальное велел бросить в костер и устроил великолепное жертвоприношение. Все войско было в венках, при оружии; сам Марий, облаченный в пурпуровое одеяние, поднял к небу обеими руками горящий факел, с тем чтобы поджечь костер и принести богам добычу в жертву. В это время показались скакавшие во весь опор по направлению к ним римские всадники. Все ждали их с напряжением и в глубокой тишине. Приблизившись, всадники сошли с коней, приветствовали Мария и возвестили ему, что он на следующий год в пятый раз избран консулом. В войске раздались радостные крики и бряцание оружия, предводители увенчали Мария снова лавровыми ветвями, и затем он поджег костер и совершил жертвоприношение.

Между тем кимвры прошли через Северные Альпы в Норик и здесь через Альпийские проходы пробрались в Италию, причем Катул, второй консул 102 г., не мог задержать их.

Соединившись, войска Мария и Катула переправились через По и стали недалеко от неприятеля. В назначенный день, это было 30 июля 101 г., на Равдийском поле у Верцелл войска выступили друг против друга. Римляне в количестве 50 тыс. человек заняли такое положение, что солнце и пыль приходились в лицо неприятелю. Кимврская пехота спокойно выдвинулась из своего лагеря и располо-

жилась большим четырехугольником. Бойцы передней линии привязали себя один к другому цепями, прикрепленными к поясам, чтобы их боевой порядок не мог быть расстроен. Конница кимвров численностью 15 тыс. человек представляла блестящее зрелище. Шлемы их всадников были в виде пасти диких животных или голов чудовищ, и над ними возвышались султаны, развевавшиеся на шлемах в форме крыльев. Кроме того, всадники были покрыты железными латами и блестящими щитами; метательным оружием для них служило двузубчатое копье, а в рукопашном бою они употребляли большие тяжелые мечи.

Оба войска с яростью бросились друг на друга, но римляне, благодаря лучшему знанию военного искусства, большему порядку и выдержке, одержали полную победу над дикой храбростью варваров, силы которых скоро изнемогли от палящих лучей южного солнца. Большая часть кимвров легла на поле битвы; бегущих преследовали до ограды из кибиток. Здесь римляне были свидетелями крайне трагических сцен. Женщины в черных одеяниях стояли на телегах и убивали топорами и мечами бегущих мужа, брата, отца; малолетних детей своих душили они руками и бросали их под колеса или под ноги вьючных животных, а затем сами убивали себя. Рассказывают, что одна женщина повесилась на верхнем конце дышла, в то время как у ног ее по обе стороны висели на веревках дети; мужчины же, за недостатком деревьев, на которых бы можно было вешаться, привязывали себя к рогам или ногам быков, чтобы быть затасканными до смерти. Хотя многие таким образом погибли, все-таки взято было в плен более 60 тыс.; число же павших, считают, вдвое больше.

Без победы при Аквах Секстийских была бы невозможна победа при Верцеллах. И римский народ судил правильно, признав Марию единственным победителем кимвров и тевтонов и спасителем Италии; народ назвал его третьим основателем города. На празднествах, которые справляли римляне с женами и детьми в домах своих, всякий приносил Марию в жертву, как богам, первые свои яства и питье; они хотели также, чтобы он один праздновал оба триумфа над тевтонами и кимврами; но

Марий дал возможность и Катуту принять участие в своем триумфе.

Марий стоял теперь на вершине счастья и славы. Пять раз подряд он был назначаем консулом, и теперь, в воздаяние больших его заслуг, его на 100 г. сделали консулом в шестой раз. Но это шестое консульство, которого он, говорят, добивался так усердно, будто оно было для него первым, послужило к значительному умалению его блеска и силы. Он думал, что наступило время, когда он может сломить ненавистную аристократию, и объединился для этой цели с двумя демагогами, с народным трибуном Апулеем Сатурнином и претором Сервием Главцием, людьми весьма талантлив

ыми, но столь же бесчестными и дерзкими. Да и сам Марий не обладал качествами государственного человека; он был человек кулака и без всякого политического таланта. Он не мог справиться с событиями, которые надеялся направлять по-своему, и в конце концов он разошелся с обеими партиями. Марий, униженный и недовольный, отправился в Азию, чтобы, как он говорил, принести фригийской матери богов обещанные жертвы, в действительности же он старался вызвать Митридата, царя понтийского, к войне, в которой надеялся затем получить главное начальство. Лишь в войне — это стало ему ясно — мог он играть роль, между тем как в мирное время он, подобно оружию, оставался в стороне, без употребления и без значения. Ожидания его, впрочем, не сбылись.

Древнегерманский воин

По возвращении в Рим Марий оставался на заднем плане и без всякой значительной деятельности до начала союзнической войны. М. Ливий Друз, сын того Ливия Друза, с которым мы познакомились как с противником Г. Гракха, человек с аристократическими понятиями, но честный и строгонравственный, предложил, как трибун 91 г., в интересах сенатской партии, закон о том, чтобы судебная власть, переданная Г. Гракхом всадникам, была снова у них отнята и передана обратно сенату, которого личный состав он предполагал увеличить до 600 членов присоединением 300 человек из сословия всадников. Чтобы расположить народ в пользу этого закона, Ливий восстановил некоторые предложения Г. Гракха, как-то: о раздаче хлеба, разделе полей, учреждении колоний из граждан, в особенности же о предоставлении прав римского гражданства италийским союзникам. Все прочие законы прошли, хотя потом и были кассированы вследствие формального упущения; но до обнародования закона о гражданских правах союзников Ливий, вероятно по наущению сословия всадников, был убит в своем доме ударом ножа. Тогда союзники, среди них особенно сабельские племена, потеряв, со смертью Ливия, надежду на уравнение своих прав с римлянами, взяли за оружие с целью низвергнуть римское господство (91 г.). Они основали собственное государство под названием Италия со столицей Корфиниум в стране пелигнов, во главе которого стояли два консула и двенадцать преторов. Римляне этим восстанием поставлены были в опасное положение, так как новая республика могла померяться с ними численностью своего войска: оно состояло из 100 тыс. человек, за исключением гарнизонов в городах. В 90 г., когда, собственно, началась война, союзники были в столь выгодном положении, что для противодействия дальнейшему распространению восстания римляне законом Юлиевым (*Lex Julia*) даровали право гражданства всем тем италийским общинам, которые еще не отпали от Рима. В следующем году (89 г.) военное счастье оказалось более благоприятным для римлян; но так как в то же время угрожала война со стороны Митридата, царя понтийского,

то из-за прекращения союзнической войны, новым законом (*Lex Plautia Papiria*) право гражданства было предложено всем италийцам, которые изъявят желание. Это обстоятельство внесло в среду последних раздор и измену, и война, в сущности, окончилась; только самниты еще некоторое время не складывали оружие.

Театром этой Марсийской, или союзнической, войны были на севере области пицентов, марсов, маррупинов, пелигнов и вестингов, а на юге — страна мамнитов и луканов. На северном театре Марий в 90 г. сражался в качестве легата консула П. Рутилия Лупа, а когда последний погиб, то Марий принял вместо него командование. Он действовал удачно и исподволь приобрел над неприятелем существенные преимущества и даже разбил его в двух довольно значительных сражениях. В целом он оправдал свою прежнюю деловитость и умение, но все же успехи его не были блистательны настолько, чтоб он снова мог приобрести то значение, каким он пользовался лет десять тому назад. К концу года сенат отозвал его от командования, не столько потому, что 66-летний Марий одряхлел и не мог переносить трудностей войны, а потому, что сенат все еще не мог забыть его отношений к политическим партиям. С другой стороны, противники Мария все больше выдвигали на первый план давнишнего врага его, Корнелия Суллу, который в 90 и 89 г. действовал на южном театре союзнической войны с решительным успехом. И когда в 88 г. нужен был полководец для войны с Митридатом, то Сулла, в награду за совершенные им славные дела, был назначен консулом и вместе с провинцией Азией получил главное начальство в войне с царем понтийским.

Возвышение соперника оскорбило старого Мария, которому самому хотелось иметь главнокомандующим в Азиатской войне. Он объединился поэтому с народным трибуном П. Сульпицием Руфом, человеком страстным, но в высшей степени даровитым, предлагавшим тогда несколько неприятных для сенатской партии законов, между прочим, о том, чтобы италийцы, получившие право гражданства, равно как и вольноотпущенные, которые

до тех пор ограничены были четырьмя трибами, были распределены по всем 35 трибам. Этому воспротивились сенат и оба консула, Сулла и Кв. Помпей Руф. Но Сульпиций, который постоянно был окружен вооруженной стражей из 600 юношей, принадлежавших к сословию всадников, своим «антисенатом», как он их называл, а также толпой других своих единомышленников, добился своего тем, что поднял народное восстание, напал в народном собрании на консулов и прогнал их. Когда Сулла, спасаясь, проходил мимо дома Мария, то бросился туда, ища защиты, и Марий укрыл его и выпустил через другую дверь. После этого он отправился в Кампанию к легионам, которые стояли там еще со времени союзнической войны и предназначались для войны в Азии. Сульпиций же, который должен был теперь опасаться мщения со стороны Суллы, успел, благодаря голосам распределенных им по 35 трибам новых граждан и вольноотпущенных, достигнуть того, что народное собрание передало Марию проконсульскую власть, командование кампанийскими легионами и главное командование в войне против Митридата.

Марий тотчас же стал готовиться к отъезду и предвзительно послал в Кампанию двух военных трибунов для принятия войска от Суллы. Последний, однако, вовсе не был расположен отказаться от законным образом порученной ему власти и передать ее в руки противника, который легко мог злоупотребить ею к его гибели и к низвержению сенатской партии. Вместе с тем он решил положить конец сумятице в Риме. Поэтому он возмутил солдат своих — их было 35 тыс. чел., 6 легионов, — так что они посланных Марием трибунов умертвили и выразили готовность идти со своим вождем на Рим. Римское войско с тех пор, как Марий принял в его среду пролетариев, дошло в короткое время до степени толпы наемщиков, не имевших отечества и слепо следовавших за полководцем, сумевшим задобрить их в свою пользу. Быстрыми переходами продвигался Сулла к Риму, не обращая внимания на послов, явившихся к нему на встречу и пытавшихся удержать его. Легионы сразу взяли штурмом столицу. Когда на

вторгавшихся солдат полетели с крыш стрелы и камни, то Сулла поднял горящий факел и грозил поджечь город. Марий со своими приверженцами пытался в разных местах оказать сопротивление; напрасно заклинал он сенат, всадников и всех граждан противодействовать напору легионов; он звал рабов на помощь, обещая им свободу, но их явилось всего трое. Город был во власти Суллы, а Марий с остальными вождями партии бежал.

Сулла отменил Сульпициевы законы, а Марий, Сульпиций и десять других их товарищей попали в опалу. Сульпиций был убит во время бегства, и голова его была выставлена напоказ на ораторской трибуне; Марий же спасся. Он ночью бежал в одно из своих имений, Солониум, отсюда в Остию, где друг его Нумерий приготовил ему корабль, на котором он и отплыл в море с пасынком своим Гранием. Поднявшаяся буря заставила их пристать к берегам Цирцеи. В то время когда они бродили по берегу без определенной цели, терпя во всем нужду, им попались поздно вечером несколько пастухов, которые узнали Мария и сказали ему, что видели всадников, которые разезжают кругом, ища его. Марий свернул с дороги и спрятался в чаще, где и провел ночь в жалком положении. На следующий день он, терзаемый голодом, пошел вдоль по берегу, утешал своих товарищей, заклинал их не падать духом, пока еще осталась для него последняя надежда, которой он живет, полагаясь на стародавние прорицания, а именно: когда он еще мальчиком жил в деревне, то поймал платнем падавшее вниз орлиное гнездо, в котором было семь детенышей; прорицатели объяснили ему, что он сделается знаменитейшим человеком и что ему предопределено судьбой семикратно достигнуть высшего сана и власти. Спасавшийся Марий надеялся поэтому в седьмой раз получить консульство. В расстоянии часа пути от Минтурн они заметили издали эскадрон всадников, скакавших во весь опор по направлению к ним, и случайно увидели два корабля на море, невдалеке от них. Они поспешили к морю, бросились в воду и подплыли к кораблям. Граний с некоторыми другими добрался до одного корабля и на нем переправился на остров Энарию (Ис-

хиа); самого же Мария, который был тучен телом и неловок, два раба с большим трудом держали над водой и подняли на другой корабль. Всадники были уже у берега и кричали корабельщикам, чтобы они им выдали Мария или бросили его в море. Марий со слезами умолял корабельщиков сжалиться над ним, и они после долгого колебания ответили всадникам, что не выдадут Мария. Когда же разгневанные всадники ускакали прочь, то корабельщики изменили свое намерение, пристали к берегу у устья Лириса и удалились, Марий, вынужденный сойти с корабля, лег в траву на берегу. Долго лежал он недвижимый, всеми покинутый, на земле; наконец он поднялся, стал с трудом пробираться по непроходимой местности, через рвы и болота и достиг хижины одного старца, работавшего в болотах. Марий на коленях умолял старца спасти его, обещая со временем щедро наградить его, когда избежит настоящей опасности. Старец повел его в болото, велел ему спрятаться в яму у реки и накрыл его тростником и хворостом. Некоторое время спустя он услышал шум и крик со стороны хижины; один знатный муж из Террачины, враг Мария, разослал людей преследовать его, и некоторые из них случайно попали к хижине, грозили старику и укоряли его, что он укрыл Мария. Марий поэтому встал, сбросил с себя платье и погрузился в тинистое болото. Но лазутчики нашли его, вытащили наружу и привели нагого и покрытого тиною в Минтурны, чтобы передать его представителям города, ибо во все города был отдан приказ, чтобы начальство преследовало Мария и, если он будет пойман, умертвило его.

Магистрат города Минтурн решил немедленно казнить Мария и послал к нему в темницу одного пленного кимвра, бывшего городским служителем, с мечом. Когда кимвр вступил в мрачную келью, ему навстречу сверкнули пламенем глаза старого его победителя и сильный голос крикнул ему из темноты: «У тебя, человек, достанет духу убить Гая Мария?» Тогда варвар бросил меч, выбежал из дверей и громко закричал: «Я не могу убить Гая Мария!» Минтурнским городским представителям стыдно стало, что спаситель Италии нашел большее к себе

почтение в варваре, которому он принес рабство, чем в согражданах, которых он спас; они сказали: «Пускай же идет он беглецом куда хочет и терпит то, что ему суждено; мы же будем молить богов не гневаться на нас за то, что мы Мария нагим и покинутым изгоняем из нашего города». Граждане толпами спешили к темнице и повели его, щедро снабженного жизненными припасами, к морю, где он сел на корабль, которым прибыл в Энарию. Здесь он нашел Грания и прочих друзей своих и отправился с ними в Африку.

В Риме между тем Сулла старался упрочить свою победу. После отмены Сульпициевых законов он заставил народ принять решение, чтобы в будущем законы были издаваемы только пентуристскими комициями и никогда без предварительного заключения сената. Затем он распорядился о выборе консулов на 87 г. Но его насильственные действия, взятие штурмом родного города грубой солдатчиной, оттолкнули от него большую часть знатных, так что выставленные им кандидаты потерпели неудачу и консулом был избран рядом с Гн. Октавием, приверженцем сенатской партии, Л. Корнелий Цинна, ревностный демократ. Торопясь в поход против Митридата, Сулла удовлетворялся данным положением вещей и только заставил обоих консулов присягнуть, что они ничего не намерены изменить в существующих учреждениях. Но как только Сулла с войском оставил Италию, Цинна задумал возобновить Сульпициевы законы об уравниении новых граждан и отпущенников. Так как Октавий этому воспротивился, то на форуме произошел кровавый бой; Цинна со своими друзьями настаивал на своем и был отрешен от должности. Но он склонил на свою сторону войско, которое стояло в Кампании для борьбы с непокорившимися еще союзниками, и предпринял поход против аристократов в Риме.

Когда эти известия дошли до Мария, то он поспешил вернуться в Италию. Он набрал партию мавританских всадников и с отрядом приблизительно в 1 тыс. человек явился в Теламоне, в Этрурии. Здесь он призвал рабов к оружию, склонил также на свою сторону многих сво-

бодных крестьян и пастухов и таким образом в несколько дней собрал довольно значительные силы. В его распоряжении было более 6 тыс. человек и 40 кораблей, которые расположились в устье Тибра и отрезали от Рима подвоз хлеба. Он послал к Цинне сказать, что готов признать его консулом и следовать всем его приказаниям. Тот охотно принял его предложение, назначил его проконсулом и послал ему фасции и прочие знаки его сана. Марий же заявил, что убранство это не подходит в его положении, и явился перед Цинной в бедном одеянии, с длинными всклокоченными волосами и бородой и жадной мщени на лице.

Отряды Мария и Цинны обложили столицу подобно надвигающейся грозе. Цинна и Карбон расположились на Яникуле, Серторий - на Сервиевом валу, между тем как Марий своим возросшим до трех легионов скопищем занял береговые города Лациума и изменническим образом захватил Остию, которую передал своей дикой орде на разграбление и разрушение. После этого и он расположился перед Яникулом. Город был в беспомощном положении. Обнаружился недостаток продовольствия и голод; вожди собранных для защиты города войск были ненадежны и нерешительны, так что солдаты толпами переходили на сторону Цинны; рабы, призванные Цинной к свободе, стремились из города в неприятельский лагерь. Наконец, сенат счел необходимым отрядить к Цинне и Марию послов с просьбой вступить в город и поступить с гражданами снисходительно. Цинна выслушал послов, сидя в консульском кресле, и дал благосклонный ответ; Марий же стоял возле кресел и не проронил ни слова, но его мрачный вид и неприязненный взгляд слишком ясно свидетельствовали о мстительном настрое его души.

Когда городские ворота отворились, Цинна вступил в Рим; но Марий остановился у ворот и со злобной усмешкой заметил, что он изгнанник и закон возбраняет ему войти в родной город. Немедленно же граждане поспешили в созванном на площади народном собрании отменить приговор об его изгнании. Но едва только пода-

ны были голоса тремя или четырьмя трибами, как Марий вступил в город со своими дикими ватагами. И тут началось торжество террора. Победители решили истребить всех выдающихся мужей оптиматской партии и конфисковать их имения. Ворота были заперты, и пять дней и пять ночей продолжалась в Риме непрерывная резня; за лицами же, успевшими бежать, еще целые месяцы охотились на всех дорогах, во всех городах Италии. Первые мужи государства погибли. Так, консул Октавий не пожелал бежать и ожидал убийцу на Яникуле в консульском убранстве. Л. Мерула, назначенный против своей воли в консулы на место Цинны, предварительно сняв с себя жреческую повязку, вскрыл себе вены у храма Юпитера, жрецом которого он состоял. Оратор М. Антоний, дед триумвира, нашел убежище у одного бедного приятеля своего. Когда этот последний послал за хорошим вином к содержателю питейного дома, то посланный раб чистосердечно рассказал, что господин его хочет хорошо угостить укрывшегося у него Антония, а продавец рассказал об этом Марию. При этом известии Марий, сидевший в то время за ужином, поднял радостный крик, захлопал в ладоши, и друзьям едва удалось остановить его и не дать броситься туда, чтобы убить своего врага собственной рукой. На посланных убийц красноречие молившего о пощаде Антония произвело такое впечатление, что никто не решался убить его, пока предводитель их, остановившийся в дверях, вошел и отрубил ему голову. Когда тот принес ее Марию, то он обнял его. Лутаций Катул, бывший сподвижником Мария и участником триумфа его над кимврами, удушил себя в своем доме угарным газом, после того как Марий на все ходатайства друзей его отвечал только: «Он должен умереть». Марий был виновником всех происходивших тогда ужасов. Кровожадность и мстительность совершенно затуманили рассудок престарелого мужа, который в винных парах заглушал голос человечности. Сопровождаемый шайкой рабов, ходил он по улицам, и на чей поклон он не отвечал, того убивали. Трупы без голов валялись на улицах, отрубленные головы прибывали на пло-

щади к ораторской трибуне. Некоторые тела он велел вложить по площади, а тело Г. Цезаря, по его приказанию, было при погребении проколото еще раз. Его телохранители проникали в дома бывших господ своих, грабили и убивали, бесчестили женщин и детей. Для остальных вождей партии это безумное неистовство старика сделалось невыносимым. Серторий просил Цинну унять Мария; но Цинна не решился на это и даже назначил его на следующий год в товарищи себе по консульству. Серторий, наконец, напал на Мариеву шайку рабов в ее лагере и изрубил ее. Все друзья и родственники Суллы погибли, и только жена и дети его успели спастись. Марий объявил его опальным, дома и виллы его разрушил, имущество конфисковал и все его распоряжения и законы отменил.

Сбылись теперь все задушевные желания Мария: он вполне отплатил врагам своим, которые так часто его оскорбляли, которые ввергли его в такие бедствия; он в седьмой раз добился консульства благодаря надежде, которая поддерживала его среди опасностей его скитальчества; но его тяготили ненависть и проклятие всех партий. В минуту сознания, по-видимому, пугала его совесть и мысль о возвращении и возмездии заклятого врага его, Суллы. Им овладело мучительное беспокойство, его тревожили ночные видения. Более всего его мучила бессонница, от которой он искал избавление в вине. И таким образом, он впал, наконец, в горячку, и в диком бреде воображал среди криков и ликований, что он командует на полях сражения в Азии, где теперь враг его пожинал лавры. После семидневной болезни он скончался на 70-м году жизни, на 17-й день его консульства.

Вся Италия вздохнула свободно при вести о его кончине и проводила его в могилу всяческими проклятиями. Забыт был прославленный и превознесенный избавитель от кимвров; поминали только с ненавистью и омерзением жестокого тирана, от которого наконец отделались. Да и для него самого было, надо думать, счастьем, что он не дожил до дней, когда явился Сулла, чтобы свести счеты со своими врагами. Сулла должен был удовольствоваться тем, что велел прах Мария бросить в Анио.

30. ЛУЦИЙ КОРНЕЛИЙ СУЛЛА

Л. Корнелий Сулла, противник Мария, родившийся в 138 г. до Р.Х., происходил из старинного аристократического рода, но пришедшего в упадок. Молодым человеком жил он на квартире и платил только немного дороже, чем некий отпущенный, живший в том же доме. Одна никопольская блудница и мачеха своими завещаниями несколько поправили его денежные дела; но богатым сделался он только в Югуртинскую войну. Отец его и ближайшие предки не ознакомили себя никакими подвигами и вообще ничем в себе особенного призвания оправдать притязание своего сословия. Он основательно изучил греческую и латинскую литературу, которой не переставал интересоваться всю свою жизнь; но об общественной жизни он не заботился. Он любил и искал общества актеров и шутов, танцовщиц и певиц, принимал участие в их кутежах и попойках, соревнуясь с ними в шутках и островах. Эту слабость сохранил он до конца своей жизни. Уже будучи неограниченным властителем Рима, он ежедневно собирал вокруг себя самых бесстыдных людей со сцены и не терпел за своим столом никакого серьезного разговора. Сулла был красивый мужчина, высокого роста, с голубыми глазами и светло-русыми волосами; но вследствие распутной жизни он прежде-

временно состарился. Его бледное лицо было обезображено отвратительной сыпью, так что один остряк в Афинах сравнил его в стихах с тутовой ягодой, обсыпанной мукой. Он как бы шутя усваивал то, что другим давалось лишь с трудом. На это он и полагался и, предавшись наслаждениям и не питая честолюбивых замыслов, плыл по течению, пока обстоятельство не вызвали его к деятельности.

Сулле было 30 лет, когда он определен был квестором Мария в Югуртинскую войну. Марий был недоволен, что ему для столь трудной войны дали в помощники такого неженку; но скоро ему пришлось изменить о нем свое мнение. Он снискал любовь солдат простотой и шутливостью, любезностью и услужливостью; на военных работах, в походе, на сторожевых постах он постоянно искал сближения с солдатами; и приобретая авторитет у них, он не подрывал авторитета других командиров. Он отлично сражался при Цирте, где Марий разбил Югурту и Бокха, и когда затем Бокх вступил в переговоры с римлянами, то Сулла, который, по желанию царя, послан был к нему для переговоров, сумел, благодаря своей смелости и ловкости, повернуть дело так, что Югурта был ему выдан. Ревность, возникшая, как полагают, по поводу этой удачи Суллы между ним и Марием, не была настолько значительна, чтобы перейти в открытую вражду. Непосредственно после окончания Югуртинской войны в 104 г. мы снова видим Суллу легатом и в следующем году военным трибуном в войске Мария, ожидавшем в Галлии возврата кимвров; только в 102 г. добрые отношения между ними, по-видимому, поколебались. Сулла перешел тогда в войско Лутация Катула, стоявшее в Северной Италии. Здесь он отличился смелыми набегами против альпийских племен и снабдил войско жизненными припасами в таком изобилии, что часть их могла быть выделена даже подоспевшему войску Мария. Сулла был душой войска Катула, человека честного, но к военному делу не особенно способного. Сулла, несомненно, более своего полководца способствовал победе на полях Равдийских.

После этого Сулла опять в течение нескольких лет оставался без государственной деятельности. Народ хотел,

чтобы он явился искателем на должность эдила, надеясь, что он, как друг царя Бокха, будет на эдильских игрищах тешить зрителей охотами и боями африканских хищных зверей. Но так как он отказался от звания эдила, то народ и провалил его на выборах в преторскую должность, которой он добивался. Следующий (94 г.) год был счастливее, ибо, не жалея денег, он, как претор (93 г.), устроил желанные игрища. Сто львов, подаренных Бокхом, выставлены были в цирке напоказ народу, на этот раз впервые без цепей, и убиты искусными копьеметателями, также присланными Бокхом.

Луций Корнелий Сулла

По истечении срока претуры он был послан пропретором в Киликию (92 г.). Здесь ему опять пришлось выступить соперником Мария. Когда Митридат завладел Каппадокией, то не Марию, а пропретору Сулле было поручено водворить снова на престол изгнанного царя Ариобарзана. С небольшим войском Сулла в короткое время завоевал Каппадокию и восстановил господство Ариобарзана. Это смелое предприятие обратило на римлянина внимание Арзака, царя парфянского, снарядившего к Сулле, стоявшему тогда на Евфрате, посольство, чтобы завязать дружественные отношения с Римом. Таким образом, Сулла имел счастье быть первым римлянином, с которым парфяне вступили в переговоры. Чтобы дать варварам почувствовать величие Рима, Сулла велел при этом случае поставить три кресла и сам, заняв среднее, почетное, пригласил сесть по одну сторону парфянского посла Оробаза, а по другую - Ариобарзана. Из-за этого разгневанный парфянский царь велел отрубить Оробазу голову.

По возвращении из Азии Сулла пришел в столкновение с Марием, которому возраставшая слава молодого соперника стала казаться все более опасной. Царь Бокх посвятил Капитолию группу статуй, изображавших выдачу Югурты Сулле, и это обстоятельство задело Мариа в

такой степени, что он старался удалить статуи из храма. Ссора обоих соперников теперь грозила возмутить город; но союзническая война остановила на время дальнейший разрыв.

Установив на скорую руку мир, Сулла поспешил со своими легионами на восток, где успехи Митридата настоятельно требовали его присутствия.

Митридат VI Евпатор, или Дионисий, именуемый также Великим, был в то время опаснейшим врагом римлян. Он понимал, что независимость его государства не может сохраниться из-за постоянно возрастающего владычества римлян в Азии, что либо он должен пасть, либо Рим «с его волчьей натурой, ненасытной жадной крови, земель и золота», и решил биться до победы. Унаследовав государство Понтийское, береговую страну в Каппадокии у Черного моря, он расширил его во все стороны, приобрел Колхиду и основал в северной части Черного моря, в Крыму и прилежащих местностях, так называемое Босфорское царство, которое доставляло ему ежегодно 200 талантов и 180 тыс. четвериков хлеба. На востоке он присоединил к своим владениям Малую Армению и заключил с царем Армении Тиграном, за которого выдал дочь свою Клеопатру, дружественный союз, прикрывавший его с тыла в его предприятиях против запада. В Малой Азии он захватила Каппадокию и Пафлагонию.

Митридат понял, что римляне стремятся погубить его, и стал готовиться всеми силами к войне. Его обширные земли доставляли ему корабли, людей и деньги в изобилии. Во главе его войска стояли отличные полководцы, как, например, братья Неоптолем и Архелай. Немногочисленные римские отряды, размещенные в разных местах Азии, были разбиты. Азиаты и эллины повсюду с восторгом принимали победоносного царя, который провозглашал себя поборником и освободителем эллинской национальности. Они посылали к нему, как к «спасительному богу», своих вестников и приглашали его прийти в города их; они захватывали римских офицеров и отправляли их связанными к царю. Вскоре царь издал в Эфее всем подчиненным ему наместникам и городам при-

каз: в один день перебить всех италийцев, свободных и несвободных, кого им удастся захватить, без различия пола и возраста, трупы их бросить на съедение птицам, имущество конфисковать и одну половину его отдать убийцам, а другую — отослать царю. Таким образом, в один день умерщвлено до 150 тыс. италийцев, мужчин, женщин и детей; азиаты с наслаждением и жестокостью избивали римлян, которые так долго притесняли их и разоряли их страну (88 г. до Р.Х.).

Митридат был теперь единственным властителем Малой Азии, и флот его господствовал на Восточном море. Он послал затем полководца своего Архелая с войском и флотом в Грецию, чтобы сразиться там с римлянами. Афенион, афинский философ низкого происхождения, которого афиняне послали к царю при известии о его бедах, возвратился теперь в Афины во главе 2 тыс. понтийских воинов и без труда добился того, что граждане отошли от Рима и примкнули к царю. Афенион господствовал в городе, как тиран, преследовал богатых и знатных как приверженцев римских притеснителей и отбирал у них имущество.

В то время как эти события совершались на востоке, в Риме и Италии свирепствовала гражданская война и обессиливал тех, кто должен был наказать царя Митридата. Только весной 87 г. Сулла с пятью легионами, около 30 тыс. человек, высадился у берегов Эпира, без денег и без единого военного корабля. Его средства для такой значительной и занимавшей такое большое пространство войны были, следовательно, крайне невелики; но он не падал духом и быстро двинулся на неприятеля, полагаясь на свое счастье. В Беотии он разбил Архелая и Афениона и затем завладел почти без сопротивления всем греческим материком, за исключением Афин и Пирея. Отделив небольшие отряды для защиты остальной страны от нападений неприятельского войска, он с главными силами своими расположился лагерем при Элевзисе и Мегаре, чтобы отсюда командовать Пелопонесом и осадить Афины и Пирей.

В Афинах вскоре из-за осады начался голод и недостаток во всем; ели травы и злаки, произрастающие у кре-

постных стен; глотали сваренную кожу, вываривали пустые бутылки от масла для добывания остатков. При таком бедственном положении своих сограждан тиран Афенион предавался преступному разгулу; целыми днями кутил он и пировал; презрительно насмехался над другом и недругом; распорядился, за недостатком масла, загасить священную лампаду богини Афины; верховной жрице, просившей у него полмеры пшеницы, он послал столько же перцу; членов магистрата и жрецов, моливших его сжалиться над городом, велел разгонять выстрелами из лука. После долгих колебаний он решился наконец вступить в переговоры и послал для этой цели некоторых из участников его попойки; но вместо того чтобы молить о пощаде города, они начали хвастаться деяниями афинян против персов. Сулла прервал их, сказав: «Ступайте, глупцы, назад с вашими красивыми речами. Римляне послали меня в Афины не в школу ходить, а наказать отделившихся». Так как Афенион, хорошо зная предстоящую ему судьбу, медлил со сдачей города, то Сулла 1 марта 86 г. предпринял штурм и завладел Афинами. Многие в отчаянии сами умерщвляли себя, ибо все думали, что Сулла беспощадно уничтожит строптивый город. Однако униженные мольбы двух изгнанных афинян, Мидия и Каллифона, и заступничество римских сенаторов в его лагере смягчили гнев Суллы, и он заявил, что пощадит многих из уважения к немногим живущим ради их великих покойников. Афенион был отравлен. Некоторое время спустя Сулла овладел также Пиреем и разрушил не только возведенные там важные для торговли и судоходства постройки, но и существовавшие там сильные укрепления и длинные стены, соединявшие порт с Афинами.

После падения Афин война перенесена была в Беотию. Таксил, полководец Митридата, выступил из Фракии и Македонии с 100 тыс. человек пехоты, 10 тыс. всадников и 90 запряженными четверкой боевыми колесницами и отозвал к себе Архелая, стоявшего со своим флотом при Мунихии у Пирея. Архелаю не очень хотелось оставить море и воевать с римлянами на суше; он советовал избегать сражения, затянуть войну и преградить неприятелю подвоз

припасов. Если бы последовали его совету, то понтийские отряды в скором времени, быть может, были бы свидетелями приятного зрелища, как два отряда римского войска сразились бы между собой на греческой земле. Дело в том, что народная партия в Риме, после отъезда Суллы снова приобретшая господство, послала в Грецию против Митридата своего собственного полководца М. Валерия Флакка, назначенного консулом на место умершего Мариа, между тем как Сулла был отрешен от должности и лишен покровительства закона. Приходилось, таким образом, ожидать враждебного столкновения этих двух противников и войск их, причем Сулла из-за недостатка денег и припасов должен был бы опасаться неповиновения и измены в среде своего собственного войска. Для него поэтому было как нельзя более кстати, что Таксил, вопреки совету Архелая, хотел действовать быстро. Сулла выступил против него в Беотию и дал ему и Архелаю, с войском втрое менее значительным, битву при Хероне, в которой одержал полную победу. От армии Митридата едва 10 тыс. человек спаслись в Халкиде на Эвбебе, между тем как собственную потерю Сулла в своих записках оценивает, конечно, слишком низко, только в 12 человек.

Когда Сулла после битвы при Хероне направился в Фессалию навстречу войску Флакка, то получил известие, что новая армия царя, не уступающая прежней по численности, опустошает земли, лежащие в тылу его. Полководец Дорилай с флотом, в котором находилось 80 тыс. человек, пристал к Халкиде и немедленно завладел оттуда Беотией. Он хотел заставить Суллу принять сражение; не обращая внимания на предостережение Архелая, он открыто высказывал, что в предшествовавшей битве многие тысячи погибли лишь вследствие измены. Сулла пошел назад в Беотию и при Орхомене наткнулся на войско неприятеля. Многочисленная азиатская конница с яростью ринулась на римскую пехоту; она заколебалась, и многие уже искали спасения в бегстве. Тогда Сулла соскочил с лошади, схватил знамя и прорвался к неприятелю сквозь ряды бегущих, восклицая: «Для меня, римляне, слава в том, чтобы умереть здесь; вы же, когда вас спросят, где вы изме-

нили своему полководцу, скажите, что при Орхомене». После этого неприятель был отброшен и заперт в своем лагере, который на следующий день и был взят штурмом. Большая часть Митридатова войска пала под римским мечом или погибла в окрестных болотах; Архелай с немногими оставшимися спасся в Эвбее (85 г. до Р.Х.).

Греция была потеряна для Митридата; да и в Малой Азии положение его стало шатким. Жители Азии, которые сначала встречали его с ликованиями, как своего спасителя и освободителя, вскоре убедились, что иго деспотичного царя оказывается гораздо более тяжелым, чем власть римлян, и восстали во многих местах против войск Митридата. К этому теперь добавилась опасность со стороны римлян: римское войско под командованием Валерия Флакка переправилось у Византии и появилось в Азии, но уже под руководством К. Флавия Фимбрия, убившего полководца и принявшего на себя команду. Митридат оказался в опасном положении, ибо Фимбрия, дурной человек, но способный и дельный полководец, разбил войско царя в ночном сражении и вынудил царя к бегству из Пергама в Митидены. Равным образом и преобладание свое на море Митридат потерял к концу 85 г., с тех пор как Лукулл, помощник Суллы, составил флот и выдержал несколько удачных сражений с кораблями царя. Митридат попытался поэтому вступить с Суллой в переговоры. Зимой 85/84 г. полководец его Архелай сошелся на совещание с Суллой в Делионе, в Беотии, причем Сулла предъявил следующие требования: царь должен возратить все завоеванные земли в Малой Азии, как-то: Каппадокию, Пафлагонию, Вифинию, Галагию и римскую провинцию Азию; уплатить 2 тыс. талантов за военные издержки; выдать пленных и дезертиров и 70 военных кораблей с полным вооружением; за что ему обеспечивается обладание остальными его землями, и от него не потребуется ничего унижительного или постыдного для его чести. Митридат отверг эти условия и требовал, чтобы ему, по крайней мере, оставлены были Пафлагония и корабли его и велел передать Сулле, что Фимбрия предлагал ему условия гораздо более выгодные; когда же Сулла прервал перегово-

ры и со своим войском переправился в Азию, то царя убедили доводы Архелая, и он решил принять предложенный мир. В Дардане он встретился с римским полководцем для личных переговоров и заключил мир на вышешозначенных условиях (84 г.). Впоследствии Митридат жалел, что согласился на этот мир, так как полагал, что при большей выдержке ему удалось бы добиться больших уступок, и обвинял Архелая, своего лучшего полководца, в измене; последний бежал поэтому к римлянам, у которых нашел почетный прием. Впрочем, и войско Суллы было недовольно договором с Митридатом; оно роптало, что варвару, истребившему столько тысяч римлян, дозволено было безнаказанно удалиться с большей частью награбленного им в Азии добра, между тем как римскому войску оставалось только присутствовать при этом с пустыми руками. При других обстоятельствах Сулла сам после таких больших побед не показал бы себя столь уступчивым; но он должен был опасаться, чтобы Митридат и Фимбрия заодно не выступили против него, и, с другой стороны, ему было нежелательно медлить со своим возвращением в Италию, где необходимо было разделаться с демократией и оттеснить ее от правления.

После заключения мира с Митридатом Сулла выступил против Флавия Фимбрия. У Феатейри, неподалеку от Пергама, он расположился лагерем подле лагеря своего противника, и тотчас же солдаты последнего стали толпами переходить к Сулле. Фимбрий в собственном своем лагере не уверен был более в своей безопасности, бежал в Пергам и там, в храме Асклепиода, пронзил себя своим мечом. Часть его войска бежала к Митридату и морским разбойникам, остальная перешла под команду Суллы. То были два легиона, которых Сулла оставил в Малой Азии, под начальством Л. Лициния Мурены, так как не полагался на их верность в предстоявшей войне в Италии. После этого Сулла, насколько он мог, за короткое время установил в Азии порядок и произвел строгий суд над изменниками и убийцами римских граждан. Плательщики податей должны были немедленно внести наличными деньгами числившиеся за ними за последнее пятилетие недоимки.

Сулла весной 83 г. выступил в обратный путь в Италию. Он отправился из Эфеса в Пирей, по суше прибыл в Диррахиум и отсюда морем пошел в Брундузиум. Войско его состояло из 40 тыс. человек.

Между тем Цинна, избравшийся с 87 г. четыре раза консулом, мало сделал для упрочения своей власти в Риме. Только когда в 84 г. Сулла письмом к сенату возвестил о своем скором возвращении и открыто заявил, что не может простить врагам своим, что кара постигнет не массы, а зачинщиков, тогда только Цинна и другие вожди партии очнулись и решили отправить войско в Далмацию, чтобы сразиться с Суллой в Греции. Когда Цинна прибыл со своими отрядами в Анкону, произошел бунт, и он был убит. На следующий год (83 г.) партия Цинны избрала консулами К. Норбана и Л. Сципиона, двух совершенно неопасных для Суллы соперников.

Сулла со своим победоносным и преданным войском высадился в Брундиуме. Чтобы хотя отчасти лишить своих противников поддержки со стороны италийских племен, Сулла объявил, что он признает все права италийцев, которые они приобрели в последние годы, и с некоторыми племенами заключил договоры; на пути своем через Калабрию и Апулию в Кампанию он шадил людей, города, поля и плоды. Близ Капуи выступил против него со своим войском консул Норбан и был разбит. Другой консул, Сципион, правнук Сципиона Африканского, вступил в переговоры, чтобы прийти к какому-либо соглашению; тем временем войска Суллы, 20 когорт, смешались с 40 когортами противника, подкупленного с помощью денег и обещаний. Покинутый Сципион с сыном своим попал в плен. Сулла отпустил его, впрочем, на свободу. Рассказывают, что по этому поводу Гн. Папирий Карбон, один из самых дельных вождей демократической партии, выразился, что в лице Суллы ему приходится бороться с лисицей и со львом, но что больше хлопот причиняет ему лисица.

Кровопротитнее была война в следующем году (82), когда консулами были Папирий Карбон и не достигший еще 30-летнего возраста Г. Марий, сын знаменитого Ма-

рия. Из них Карбон стоял к северу от Рима, чтобы прикрывать Этрурию и Умбрию, а Марий стал против наступающего из Кампании Суллы для прикрытия Рима и Лациума, но при Сакрипорте потерпел полное поражение и был вынужден запереться в Пренестэ. Сулла приказал осадить его и, посетив затем на короткое время Рим, где для охраны города назначил гарнизон, повернул на север, чтобы опрокинуть Карбона. После нескольких кровопролитных битв с Метеллом Пием и Помпеем, а затем и с самим Суллой, Карбон был вынужден бежать в Африку. Между тем над Римом собиралась страшная гроза. Самниты и дуканы, сражавшиеся на стороне марианцев, после напрасной попытки освободить Пренестэ от осады направились под предводительством Понция Телезина и М. Дампония против Рима, чтобы искоренить «лес, в котором хищнические волки италийской свободы имели свои притоны». 1 ноября 82 г. у Коллинских ворот произошла отчаянная битва, кончившаяся тем, что предводительствуемый М. Крассом правый фланг Сулловой армии одержал победу, между тем как войска на левом фланге под командой Суллы были отброшены сильным напором неприятеля. При этом даже жизнь Суллы подверглась опасности: двое неприятелей, узнавших его по его белому коню, целились в него своими копьями, но его стремянной заметил это и ударом плети заставил коня своего господина побежать так, что копья попали не в господина, а только в хвост лошади. Сулла, видя свои отряды бегущими, схватил маленький золотой образ Аполлона, который он взял из Дельф и носил на груди у себя, поцеловал его и проговорил: «О, Аполлон Пифийский, неужели твой счастливый Корнелий Сулла, которого ты возвеличил и прославил в столь многих сражениях, будет ниспровергнут здесь перед воротами его родного города, которых он достиг с твоей помощью, чтобы позорно погибнуть со своими согражданами?» Он заклинал бегущих солдат остановиться, грозил им, некоторых удерживал своими руками, но все напрасно; наконец, он вместе с бегущими спасся в лагере. Уже поздней ночью люди Красса явились к Сулле и возвестили о победе. Тогда он снова на скорую руку со-

брал свои силы и пустился преследовать неприятеля. Битва продолжалась всю эту ночь и следующее утро. На каждой стороне насчитывали будто до 50 тыс. убитых и раненых. Самые выдающиеся вожди самнитского войска пали. Понций, тяжело раненный, попал в плен к неприятелю и был умерщвлен. С ним пал и его народ, ибо Сулла поставил себе задачей стереть с лица земли враждебный римлянам народ самнитский. На третий день после битвы велел он в огороженном месте на Марсовом поле изрубить 3—4 тыс. самнитских и луканских пленников, в то время как он присутствовал на сенатском заседании в соседнем храме Беллоны. Шум оружия, крики и стоны несчастных испугали сенаторов. Сулла же успокоил их уверением, что он велел наказать только несколько бунтовщиков, и продолжал свою речь.

Битва при Коллинских воротах, в сущности, положила конец гражданской войне в Италии. Гарнизон города Пренестэ сдался при известии об этой битве. Консул Марий пытался спастись из города через подземный ход; когда же он увидел, что бежать невозможно, то вместе с Понцием Телезином, младшим братом вышеупомянутого, решил, чтобы они друга друга пронзили мечом. Телезин пал, но Марий был только легко ранен, так как он отвел удар рукой. Тогда, по его приказанию, он был умерщвлен рабом своим. Его голова была выставлена в Риме напоказ на ораторской трибуне. Жителей Пренестэ и остальное войско в городе, в количестве 12 тыс. человек, Сулла велел истребить поголовно. При известии о несчастной судьбе Пренестэ отдельные города Италии защищались еще некоторое время с упорством, но без успеха. В провинциях восстание продолжалось благодаря бежавшим из Италии марианцам: в Испании благодаря Серторию, в Сицилии — Перперне и Карбону, в Африке — Домицию Агенобарбу, зятю Цинны. Последние трое были побеждены Гн. Помпеем; Карбона он взял в плен и казнил, а Агенобарб пал в битве. В то же время оставленный Суллой в Азии Мурена необдуманно начал войну против Митридата, но был разбит, и, по приказанию Суллы, война была прекращена.

Сулла властвовал теперь в Риме и Италии, и он решил не выпускать власти из своих рук до тех пор, пока не оплатит врагам и друзьям своим и не установит в государстве порядка по собственному разумению. Он письменно объяснил сенату, что ему кажется необходимым, чтобы устройство республики было предоставлено одному человеку, облеченному неограниченным полномочием, и что он считает себя способным исполнить эту трудную задачу. И сенат объявил его диктатором на неопределенное время для составления законов и устройства общественного порядка (82). Первым делом его было — мстить и воздать должное врагам своим; через это он в то же время получал средства награждать своих друзей и войско. Наступили времена ужаса. В силу Сулловых проскрипций (опальных списков) были объявлены врагами отечества и лишенными покровительства законов все те гражданские и военные чиновники, которые, согласно признанному Суллой договору его со Сципионом, являлись еще деятелями революции, а из остальных граждан — те, которые видимым образом содействовали ей. Убивший кого-либо из этих проскриптов получал вознаграждение в 12 тыс. динаров; укрывавший же проскрипта, хотя бы то был ближайший родственник, подлежал смертной казни. Имущество лиц, попавших в опалу, становилось собственностью государства, подобно неприятельской добыче, а дети и внуки их объявлены были лишенными права на занятие каких-либо должностей и званий. И вот солдаты Суллы и охотники из низшего и высшего сословий начали страшную резню в Риме и по всей Италии. Везде, где только удавалось захватить несчастных, их избивали; ни храм богов, ни гостеприимный очаг, ни родительский дом — ничто не спасало: мужей убивали у жен своих, сыновей — у матерей. Плач убитым считался преступлением; выслеживалось даже выражение лица. Так погибли тысячи людей; тогда Метелл Пий спросил Суллу в сенате, сколько времени он намерен еще так продолжать и когда можно ожидать конца этим порядкам. «Ибо, — сказал он, — мы просим не о милости для тех, кого ты решил умертвить, а об избавлении от неизвестности тех, кого ты хочешь оставить». Сулла ответил,

что он не знает еще, кого он будет шадить, на что Метелл возразил: «Ну так объяви о тех, кого ты хочешь наказать». Г. Катул спросил, с кем же придется радоваться победе, если после вооруженных будут убиты и беззащитные, а Центурий Фуфилий предложил написать имена осужденных, для всеобщего обозрения, на доске. Сулла согласился; была вывешена доска с 80 именами, через два дня новая с 220 именами, затем на третий день новая с не меньшим числом имен. Этого мало; в речи к народу диктатор заявил, что предаст опале тех, которых помнит; тех же, которые в настоящее время ускользнули из его памяти, он будет иметь в виду в другой раз. Таким образом, оглашение проскрипционных списков не принесло с собой успокоения и уверенности в безопасности, тем более что убийцы мало обращали внимания на списки, а друзья и пособники Суллы из мести и корыстолюбия записывали в списки кого хотели, даже тех, которые были совершенно неповинны. Многие погибли единственно из-за их имущества, и убийцы имели дерзость говорить, что одного погубил его большой дом, другого — сад, третьего — его теплые бани. Кв. Аврелий, человек, державшийся в стороне от всяких общественных дел, пришел на площадь и в списке проскриптов прочел свое имя. «Горе мне, бедному, - воскликнул он, - из-за моего имени у Албанского холма попал я в список!» И он прошел лишь несколько шагов, как пал от рук преследовавшего его. Некоторые вносили в список людей, убитых ими уже ранее. Так, Л. Сергей Катилина просил, чтобы Сулла объявил опальным его брата, которого он уже прежде умертвил из корыстолюбия. Катилина особенно отличался своей кровожадностью; он голову убитого им М. Мария поднес Сулле, когда он сидел на площади, и затем пошел в соседний храм Аполлона, чтобы в кропильнице умыть руки.

Отобранное имущество опальных большей частью растрачивалось попусту. То, чего Сулла не оставлял для себя или для своей супруги, Метеллы, он дарил друзьям своим, отпущенным и собутыльникам, женщинам, актерам и певцам, или продавал с молотка, причем превосходнейшие имена сбывались за ничтожную цену. При этих

покупках нажился в особенности М. Красс, будущий триумвир. Сколько людей погибло из-за этих проскрипций, невозможно с точностью определить. Аппиан говорит, что опале подверглись около 40 сенаторов и 1 600 рыцарей, а впоследствии еще другие сенаторы.

После окончания этого страшного суда Сулла праздновал 29 и 30 января 81 г. свой триумф над Митридатом, причем за колесницей его следовали почетнейшие граждане, убранные венками, называя его спасителем и отцом, так как он ввел их опять в отечество и возвратил им жен и детей. В заключение торжества Сулла в речи к народу изложил историю своих деяний, превозносил главным образом счастье, как бывшее причиной его успехов. Он предложил народу называть его отныне Феликсом, т. е. счастливым. С тех пор и носил он это имя, равно как и прозвище Эпафродит, т. е. любимец Афродиты. Считая себя бальвом судьбы, он из рожденных ему Метеллой близнецов назвал мальчика Фаустом, а девочку — Фаустой, имена, обозначающие счастливых. Посвятив затем Геркулесу десятую часть всего своего имущества, Сулла несколько дней подряд угощал народ с неимоверной расточительностью, так что ежедневно приходилось бросать в реку множество кушаний, и подавалось сорокалетнее вино. Но среди этих пиршеств умерла его супруга Метелла. Чтобы не омрачить дома своего трауром, он послал больной женщине разводную и еще перед ее смертью велел перенести ее в другой дом. Через несколько месяцев после этого дано было фехтовальное представление. В то время когда диктатор сидел в театре, одна красивая женщина, по имени Валерия, недавно разведенная с мужем, подошла к нему сзади, вытащила нитку из его одеяния и затем села на свое место. Когда Сулла с удивлением посмотрел на нее, она сказала: «Повелитель, у меня нет дурного намерения, я тоже хочу получить малую долю твоего счастья». Женщина эта произвела столь живое впечатление на Суллу, что он вскоре после того на ней женился. То была его пятая жена. Впрочем, и после этой женитьбы он продолжал водиться с актрисами, лютнистками, актерами и танцорами и целыми днями пировал с ними.

Но ведя такую веселую жизнь, диктатор в то же время не забывал дел государственных. Очистив себе почву убийствами, он приступил к реформе государственного устройства, посредством которой господство сената и аристократии было снова восстановлено и упрочено. Число сенаторов он увеличил до 500-600 человек в силу закона, по которому впредь не звание эдила, но уже квесторство давало право на поступление в сенат и по которому число квесторов было доведено до 20. Сенат получил самые обширные полномочия, большую часть судебной власти, управление провинциями, право предлагать новые законы, отнятое у трибунов. Вообще выродившаяся трибунская власть была ограничена весьма тесными пределами. Право их сношения с народом было поставлено в зависимость от дозволения сената, и дабы удержать честолюбивых демагогов от соискания этой должности, Сулла издал закон, по которому всякий бывший трибуном теряет право добиваться какой-либо высшей должности. В полномочие сената было также отдано право распоряжаться всеми военными силами. Отныне оба консула и преторы, число которых было увеличено до 8, могли быть, по определению сената, посланы проконсулами и преторами в провинции лишь по отбытии ими годовой службы в Риме. При выборах на должности был восстановлен закон относительно требуемого возраста, равно как относительно последовательного прохождения должностей (квесторство, преторство, консульство); между двумя неодинаковыми должностями должно было пройти по меньшей мере два года, для занятия вторично той же должности — по меньшей мере десять лет. Этим была предотвращена возможность того, чтобы одно лицо, облакаемое в течение нескольких лет подряд званием консула, присвоило себе род тирании. Ввиду усиления власти аристократов Сулла увеличил также число верховных жрецов, авгуров и смотрителей Сивиллиновых книг и постановил, чтобы они не избирались более народом, а чтобы эти жреческие коллегии пополнялись путем собственного выбора, как то было прежде.

Кроме этих постановлений, относящихся к государственному устройству, Суллово законодательство (*Leges Corneliae*)

охватывало еще множество распоряжений, касавшихся уголовного права и судопроизводства, полиции и нравов. Суллово законодательство, за исключением уголовных законов, существовало недолго, так как оно было слишком односторонним восстановлением старого, а аристократия, исключительно которой оно передавало правление, была слишком испорчена для того, чтобы быть основой и душой государства. Оплотом установленного им порядка и обеспечением господства его партии не могло служить то обстоятельство, что он в тех общинах Италии, которые за участие в революции были наказаны лишением прав гражданства и части земель, поселил своих ветеранов, чтобы они, как бы в качестве постоянного войска, поддерживали его учреждение, и что отпущенные им на волю и названные по его имени «корнелиевцами», рабы опальных граждан, в числе 10 тыс., сделались в Риме телохранителями олигархии.

Окончив задуманное им государственное устройство, Сулла сложил с себя в 79 г. звание диктатора, выразив в то же время готовность дать во всем отчет, которого, конечно, никто не отважился потребовать. Утомленный делами правления, он удалился в Путеолы, в имение свое, чтобы здесь спокойно предаваться наслаждениям. В следующем году он умер, на 60-м году жизни, от болезни, порожденной его распутством и невоздержанностью. За два дня до смерти он окончил двадцать вторую книгу своих «достопримечательностей», похваляясь в ней, что осуществилось предсказание халдеев о том, что он умрет среди блеска счастья, после жизни, исполненной славы.

Консул М. Лепид, человек отважный и противник Суллы, и другие враги существовавшего порядка отказывали покойному в публичном погребении. Консул Катул, Л. Лукулл, Помпей и

*Фортуна, богиня
удачи, с рогом
изобилия.
Серебряная
статуэтка из
Флорентийской
галереи*

другие оптиматы поняли, что в случае если те настоят на своем, то всем учреждениям Суллы угрожала бы немедленная опасность, и при помощи призванных ветеранов добились того, что сенат решил похоронить покойного на Марсовом поле, что было высшей наградой отличных заслуг и доблестей. По-царски убранное тело в золотых носилках и в сопровождении ветеранов было перенесено из ПUTEОЛИ в Рим, где было встречено сенатом, магистратами, жрецами и весталками и препровождено на площадь. После произнесенной здесь похоронной речи сенаторы понесли носилки на Марсово поле. Здесь труп был сожжен, и усопшему воздвигнут памятник, для которого он сам сочинил надгробную надпись, гласившую, что ни один друг не сделал ему столько добра, ни один враг столько зла, чтоб он не превзошел того и другого.

31. КВИНТ СЕРТОРИЙ

Кв. Серторий был лучшим и замечательнейшим из сторонников Мариановой партии. Он родился в сабинском селении Нурсиа и, рано лишившись отца, воспитан был матерью, к которой он всегда, до ее поздней кончины, питал самую нежную любовь. В молодости он приобрел себе некоторую известность в качестве оратора и адвоката в Риме; ко удачные дела, совершенные им на поле сражения, побудили его посвятить себя преимущественно военному поприщу. Его боевой путь начался с похода против кимвров, в Галлии. В роковой битве при Араузионе (105 г.) он, после потери своей лошади, бросился со щитом и панцирем в Рону и, невзирая на свои раны, благополучно переплыл на другой берег. В 102 г. он служил в войске Мария и своим умом, своей отвагой и хитростью снискал расположение полководца и разные отличия. В Испании он в качестве военного трибуна действовал столь успешно, что слава о нем распространилась по всей стране и он, по возвращении в Рим, был избран квестором в лежащую по эту сторону Альп Галлию. Получив там поручение набрать солдат и оружие для союзнической войны, он, наряду с другими медлительными молодыми людьми, выказал величайшее усердие и самую энергичную деятельность. В Марсийскую войну, выступая военачаль-

ником, он сражался с великой храбростью, хотя у него тогда был вышиблен глаз. Заслуги отважного мужа оценены были народом по достоинству; когда он появился в театре, то его приняли с рукоплесканиями и одобрительными возгласами — честь, которой редко удостоивались люди более старые и знатные. Зато аристократы, приверженцы Суллы, противодействовали быстрому возвышению молодого человека, который не мог похвалиться заслугами предков. На выборах народного трибуна он потерпел неудачу. Впрочем, это обстоятельство едва ли может считаться главной причиной, почему он перешел на сторону народной партии.

Когда Цинна в 87 г. выступил против учреждений Суллы, то к нему (Цинне) примкнул Серторий. Вместе они сражались против Октавия, подверглись изгнанию и затем снова с Марием возвратились в город. Он возражал против возвращения Мария, но безуспешно. В Риме Серторий старался положить предел свирепым неистовствам Мария и велел наконец избить его злодейскую шайку, численностью в 4 тыс. человек, в их лагере. Когда после смерти Цинны для борьбы с возвратившимся из Азии Суллой поставлены были во главе народной партии большей частью люди слабые и неспособные, как Норбан, Сципион, молодой Марий, и люди эти, не внемля увещаниям Сертория, портили все дело своей неумелостью, то он, отчаявшись в спасении Италии, поспешил в Испанию, которую его единомышленники предоставили ему как провинцию. Он старался отстоять, по крайней мере, эту страну для своей партии и приготовить там своим друзьям убежище, если бы дело их было проиграно в Риме.

Как только Сулла полностью овладел Италией, он отправил К. Аррия со значительными силами в Испанию против Сертория, и последний чувствовал себя слишком слабым, чтобы держаться против него. Он с отрядом приблизительно в 3 тыс. человек переправился в Африку и некоторое время скитался в сообществе киликийских пиратов по мавританскому берегу и по островам между Африкой и Испанией, пока снова вступил на берег у устья

Бетиды (Квадалкивира). Здесь он встретился с матросами, которые только недавно прибыли с Атлантических (Канарских) островов, островов блаженных, и много порассказали ему об их великолепии и плодородии. Тут в нем проснулось желание основать себе там жилище, чтобы вдали от суеты мира прожить дни свои в покое. Вследствие этого от него отделились киликийцы, заботившиеся не об успокоении, а о добыче, и его собственные войска также не одобрили его намерение, так что он снова пошел с ними на мавританский берег и принял участие в войне, которую вели между собой два претендента на престол этой страны. Он завоевал город Тингис (ныне Тангер) и утвердился в нем. В то время когда он еще раздумывал, куда бы ему отсюда направиться, пришли посланные от лузитанцев и просили его стать во главе их полководцем в войне, которую они вели против Сулловых войск. Серторий снова ободрился духом; он мог надеяться опять завладеть Испанией при помощи многочисленных тамошних племен. С отрядом в 2600 человек, названных им римлянами, хотя среди них было 700 ливийцев, он переправился в Лузитанию, где туземцы подкрепили его 4 тыс. человек пехоты и 700 всадниками. Так образовалось ядро того войска, с которым ему предстояло наводить страх на своих противников (81 г.).

В течение девятилетних войн, которые Серторий вел с тех пор в Испании против господствующей в Риме партии, он имел случай показать на деле свой блестящий талант полководца. Природа страны, степень образования и привычки испанцев вынудили его к усвоению особого способа ведения войны. Хотя он при случае и не задумывался вступать в открытое сражение, но по преимуществу, однако, придерживался так называемой малой войны. Со своим легким, привычным к маневрированию в горах воинством, которое он то собирал в большие армии, то распределял на отдельные отряды, он неустанно тревожил и истощал неприятельское войско, преграждал ему дороги, отрезал ему подвоз; он обманывал неприятеля поспешными переходами, поражал его внезапными подступами и нападениями. С мужеством и отвагой соеди-

нял он мудрую предусмотрительность и находчивую хитрость. Никто искуснее его не умел своевременно занять укрепленную позицию, устроить засаду. Так как неприятель в открытом поле чувствовал себя слабее, то тем более старался овладевать укреплениями; но при этом случалось нередко, что осаждающий вдруг сам оказывался со всех сторон окруженным. Искусное и удачное ведение дела приобрело Серторию полное доверие его войска, привело на его сторону многие племена. Тогда как римские правители обыкновенно слишком тяжело давали испанцам чувствовать гнет римского господства, Серторий, напротив, поступал во всем умеренно, снисходительно и мягко: уменьшил налоги, освободил обывателей от бремени военного постоя и т. п. Знатных испанцев он привязал к себе учреждением школы в Оси (Гуэска), в которой дети их обучались греческим и римским наукам; в то же время он имел при этом в виду удержать этих мальчиков в своей власти в качестве заложников. Солдат он расположил к себе отчасти тем, что дал им римское вооружение, блестящие, изукрашенные золотом и серебром шлемы, красиво расписанные щиты, вышитые одеяния. У испанцев, как у кельтских племен, существовал военный обычай, по которому вокруг предводителя собирался отряд посвященных, обязывавшихся не покидать своего вождя ни при

*Лань Сертория около трофея.
С геммы из коллекции Маффеи*

жизни, ни при смерти. Такой отряд телохранителей несколько тысяч испанцев образовали вокруг Сертория. Особенное впечатление он производил на грубые умы варварских племен, демонстрируя самку оленя, которую он сделал ручной и доверчивой, так что она повсюду за ним следовала и являлась по его зову. Он выдавал ее за существо высшего рода и утверждал, что она дар Дианы, что она открывает ему вещи сокровенные, указывает ему, когда вступать в бой, когда нет и т. п. Таким образом, варвары полагали, что ими руководит не ум чужестранца, а само божество.

О том, как Серторий действовал на своих людей, свидетельствует следующий пример. Однажды его отряды, собравшиеся многочисленными массами, потребовали немедленной битвы с неприятелем. Не успев убеждениями отговорить их от этой затеи, он, чтобы заставить их раскаяться в этом, разрешил атаку, но устроил так, что участвовавшие в схватке, потерпев поражение, могли затем с его помощью безопасно отступить в лагерь. Чтобы снова воодушевить упавший дух их, он через несколько дней созвал общее собрание и велел вывести на середину двух лошадей, из которых одна была старая и хилая, другая — рослая и сильная с великолепным и толстым хвостом. К старой лошади был приставлен высокий и крепкий мужчина, к сильной — маленький и невзрачный. По данному знаку сильный человек принялся так горячо дергать хвост у своей лошади, как будто он хотел его вырвать, слабый же вырывал из хвоста своей лошади волосок за волоском. В то время как первый, к великой потехе зрителей, потратив много напрасных усилий, вынужден был, наконец, прекратить свои старания, последний, напротив, в короткое время и без труда выщипал из хвоста лошади все волосы. Тогда Серторий встал и сказал: «Вы видите, собравшиеся мужи, что терпение и настойчивость гораздо скорее ведут к цели, чем насилие. Много, что с одного раза неосуществимо, может, однако, быть достигнуто мало-помалу, исподволь. Стойкая деятельность необорима, она с течением времени одолевает и превозмогает всякую силу. Для тех, которые с мудрым расчетом

выжидают представляющиеся благоприятные моменты, время есть союзник, для тех же, которые чересчур спешат и торопятся, время оказывается весьма опасным противником».

После того как Серторий нанес нескольким полководцам Суллы значительные поражения, последний в 79 г. послал в Испанию К. Метелла Пия, который до того времени показал себя дельным полководцем. Метелл надеялся быстро покончить с «беглым проскриптом, остатком карбоновой шайки»; скоро, однако, превосходный противник поставил его в весьма затруднительное положение. Дело в том, что Серторий лишил своего противника воды и мешал ему добывать фураж; противник если намеревался двинуться против него, он уходил и исчезал; располагался ли противник лагерем, Серторий поднимал тревогу и сгонял его с места; осаждал ли противник какой-либо город, он вдруг сам попадал в положение осажденного. Солдатам Метелла такая война вскоре наскучила; они громко стали требовать, чтобы Метелл принял вызов Сертория на единоборство, и когда тот отверг вызов, то они насмеялись над его трусостью. Силы Метелла были совершенно парализованы, и Серторий считался теперь повелителем всей Испании. Он устроил управление страной по своему усмотрению и обнаруживал во всем чрезвычайную деятельность, творил суд и расправу, принимал бесчисленные посольства, набирал войска и упражнял их в воинском деле, снабжал города запасами и гарнизонами.

В 77 г. Серторий получил, по-видимому, блестящее приращение своей силы в лице М. Перперны, бывшего легатом у М. Лепида. Когда Лепид, изгнанный из Италии, удалился в Сардинию и там погиб, то Перперна перевел его войска в Испанию, где посредством новых вербовок довел свою силу до пяти легионов. Кичась своим знатным происхождением, он хотел получить здесь главное начальство, но его войска принудили его подчиниться Серторию. Вместе с Перперной прибыли многие сенаторы и другие оптиматы, спасавшиеся от приверженцев Суллы. Из них Серторий составил себе сенат в 300 членов, в который испанцы допущены не были, и тем заявил, что

местопребывание римского правительства в Испании, а не в Риме, утратившем свободу вследствие господства Сулловой партии. Соединение Перперны и Сертория возбудило в приверженцах Суллы в Риме большое беспокойство; опасались, что проскрипты перенесут свое оружие из Испании в Италию и здесь ниспровергнут все учреждения Суллы. Поэтому в 76 г. послан был в Испанию, для укрепления Метелла, Гн. Помпей, который считался самым дельным полководцем, с 30 тыс. пехоты и 1 тыс. всадников.

Как только Помпей прибыл в Испанию, он направился к южному берегу, чтобы отыскать своего противника, осаждавшего в то время город Лауро (недалеко от Валенсии). Оба полководца считались до тех пор непобедимыми; их первое столкновение представляло потому для всех большой интерес. Помпею следовало бы поэтому быть осторожным; но его прежние удачи сделали его столь заносчивым и самоуверенным, что он счел осторожность излишней. Серторий занимал вблизи города холм, весьма удобно расположенный для атаки на город. Помпей устроил свой лагерь так, что Серторий стоял между ним и городом, и римский полководец уже отрядил туда послов, чтобы ободрить граждан и обратить внимание их на то, что неприятель им осажден, что голод скоро его обессилит и что тогда одновременная атака со стороны римского лагеря и города уничтожит его. Когда Серторий услышал об этом, он, смеясь, сказал, что скоро покажет ученику Суллы, что полководец должен более смотреть позади себя, чем впереди. Он устроил ночью сильную засаду в смежном лесу. Утром ближайшие когорты атаковали помпейцев и, отступая, заманили их в то место, где им в тыл ударили главные силы засады. Целый легион при этом погиб, лишь немногие спаслись; сам Помпей, расставивший тем временем свое войско для боя, не отважился предпринять нападение и отошел в свой лагерь. Но так как со всех сторон угрожали Серториевы отряды и отрезали ему подвоз, то он вынужден был бросить свой лагерь и отступить за Эбро. Город Лауро вскоре затем был взят, разграблен и предан огню. Эту жестокость Серторий допустил вопреки своему обыкновению, чтобы посрамить Помпея и его почи-

тателей и напугать варваров; он рассказывал, что город сожжен из-за Помпея, который мог почти греться у огня.

В следующем, 75 г. война приняла более обширные размеры, так как в ней участвовал и Метелл, бездействовавший до того времени из ревности к Помпею. После того как подчиненные Серторию полководцы, поступавшие не так, как им было предписано, понесли довольно значительные потери, сам Серторий столкнулся с Помпеем при реке Сукро (Хукар) у города того же названия, к западу от Валенсии. Он начал битву только к вечеру, чтобы неприятель ночью в незнакомой стороне не мог его преследовать, если бы одержал победу, и не мог уйти от него, если бы потерпел поражение. Помпей был разбит на всех пунктах и потерял 10 тыс. человек. На другое утро Серторий снова взялся за оружие и готовился к новому бою; но, заметив, что по близости стоял Метелл, он отказался от своего намерения и удалился из той стороны, сказав: «Если бы не подоспела сюда старая баба, то я бы этого мальчика проучил хорошенько и наказанного отправил бы в Рим». Спустя некоторое время Серторий снова появился со своими воинственными отрядами у Сагунта и дал обоим расположившимся там римским полководцам двойное сражение. Сам он победил Помпея и лишил его 6 тыс. человек, между тем как Перперна был разбит Метеллом и потерял 5 тыс. человек. Таким образом, силы обеих сторон уравнивались; но Серторий понемногу, небольшими схватками и заграждением путей подвоза, поставил Помпея в такое затруднительное положение, что последний, крайне недовольный, писал сенату в Рим, что он возвратится и Серторий последует за ним, если ему не пришлют войска, денег, оружия и хлеба; что он в борьбе за Италию уже истратил свое собственное состояние.

В 74 г. дела Помпея и Метелла шли не лучше прежнего, хотя Помпей получил из Италии деньги и два новых легиона, а Метелл назначил большую награду за голову Сертория. Этот последний шаг римляне оправдывали тем обстоятельством, что Серторий заключил союз с врагом государства, Митридатом. Понтийский царь предложил

Серторию снабдить его для дальнейшего ведения войны кораблями и деньгами и требовал, чтобы ему, царю, было обеспечено обладание Малой Азией. Когда Серторий созвал по этому случаю свой сенат, то все члены были того мнения, что предложения царя должны быть приняты; Серторий же объявил, что он готов предоставить царю Каппадокию и Вифинию, так как эти страны издавна управлялись царями и римлянам до них дела нет, но что провинцию Азию он царю уступить не может; он, Серторий, не хочет достигнуть победы умалением могущества отечества, а его победа, напротив, должна возвысить это могущество. В этом смысле и был заключен договор с Митридатом. Серторий послал царю вспомогательный корпус под начальством М. Вария и получил за это от Митридата 3 тыс. талантов и 40 кораблей. Метеллу и Помпею пришлось в этом году так плохо, что последний был даже вынужден перейти на зимовку в Галлию.

Тем не менее с этого времени дело Сертория начинает клониться к упадку, благодаря, впрочем, не превосходству противников, а измене в собственном лагере. Перперна с несколькими оптиматами устроил заговор против Сертория, которому они, как человеку незнатного рода, подчинялись с неудовольствием. Они тайком, где только можно было, противодействовали планам Сертория, с умыслом плохо исполняли данные им поручения, так что под конец дело шло хорошо только там, где он сам был налицо. Несправедливостью и притеснениями Перперна и его сообщники возбуждали в среде испанцев неудовольствие и ожесточение, а ответственность за это возлагали на Сертория. Так возникли неповиновение и бунт, и один город за другим переходил на сторону неприятеля. Из-за этого и снисходительный характер Сертория мало-помалу ожесточился, и он позволял себе крутые меры и жестокости, которые прежде были ему чужды; между прочим, он велел казнить и продать сыновей испанцев, обучавшихся в Оске.

Наконец, Перперна со своими заговорщиками прибегнул к убийству. Они послали Серторию вымышленное письмо, в котором сообщалось о большой победе одного

из его полководцев. Когда он по этому случаю принес благодарственные жертвы, то Перперна пригласил его на пиршество, которое он хотел устроить в ознаменование счастливого события. Серторий с большим нежеланием уступил настоятельным просьбам Перперны и отправился на пиршество с двумя своими секретарями. Обыкновенно на пирах в присутствии Сертория соблюдались приличия и благопристойность; ибо он ничего-непристойного не мог ни видеть, ни слышать и приучил также других гостей избегать неприличных шуток и неумеренных выходок. Но в тот раз собравшиеся на пир заговорщики умышленно позволяли себе самые бесстыдные речи, прикидывались пьяными и старались раздражать Сертория нахальным обращением. Серторий оставался спокойным, но с презрением отвернулся от них на своем ложе. Тогда Перперна уронил со звоном на пол чашу, наполненную вином. Это было знаком к нападению. Заговорщики схватились за оружие, накинулись на Сертория и злодейски убили его.

В 72 г. был положен конец Серторианской войне. Большая часть испанцев разбежалась, отправила послов к Помпею и Метеллу и предлагала покорность; оставшихся же привлек на свою сторону Перперна, который теперь принял главное начальство и продолжал вести войну. Но он стяжал только стыд и позор и показал, что не умеет ни повелевать, ни подчиняться. При нападении на Помпея войско Перперны было полностью уничтожено, и он сам попал в плен. Для того чтобы спасти себя, несчастный предложил Помпею найденные в бумагах Сертория письма бывших консулов и других знатных лиц в Риме, вызывавших Сертория в Италию, чтобы вместе с ними ниспровергнуть существующий порядок. Но Помпей отказался видеть Перперну и велел его казнить; письма же он бросил в огонь, не читая их. Сообщники Перперны были частью выданы Помпею и умерщвлены, частью бежали в Африку и погибли от рук мавританцев. Только один из них, по имени Ауфидий, уцелел; он жил до глубокой старости, в нищете и всеми презираемый, в испанском селении.

32. ЛУЦИЙ ЛИЦИНИЙ ЛУКУЛЛ

Подобно тому как Серторий у марианцев, так Л. Лукулл на стороне Сулловой партии был самым выдающимся по таланту полководцем; но счастье не благоприятствовало ему в такой степени, как сопернику его Помпею, который был несколько моложе его. Он принадлежал к знатному роду, дед его был в 151 г. консулом и счастливо вел войну в Испании, а отец его был женат на сестре Метелла Нумидийского. Первым общественным делом Лукулла, которое он совершил в самой ранней молодости вместе со своим младшим братом Марком, было привлечение к суду авгура Сервилия за то, что он, обвинив отца их в сокрытии общественных денег, подверг его изгнанию. Этот процесс вызвал вражду партий и повлек за собой кровавые схватки, во время которых многие были ранены и убиты. Сервилий был оправдан; но оба брата заслужили всеобщую похвалу за этот подвиг сыновней любви. Храбрым солдатом выказал себя Лукулл впервые в Марсийской войне 90 г.

Вскоре после того Лукулл в качестве проквестора сопровождал Суллу в первой Митридатской войне. Сулла любил благонравного, образованного юношу и питал большое доверие к его способностям и усердию. Когда осада Афин стала для него затруднительной по причине недо-

Луций Лициний Лукулл

том и дружелюбно, но не дал кораблей, так как и сам состоял в союзе с Митридатом. Под прикрытием царских кораблей он отправился в Кипр, а оттуда в Родос. В Родосе, Косе и Книдосе его эскадра получила некоторое подкрепление, так что ему удалось изгнать царское войско из Хиоса и взять в плен колофонского тирана Эпигона, которому покровительствовал Митридат. Однако он не пожелал прийти на помощь Фимбрию, окружившему Митридата с суши в Питане, гавани Мизии, и просившему его закрыть вход в нее с моря, чтобы царь не мог уйти; как истый аристократ, Лукулл не хотел иметь никакого дела с марианцем и предпочел упустить удобный случай положить скорый конец войне. Нанеся после того поражение царскому флоту у Лектума и Тенедоса, он у фракийского Херсонеса соединился с Суллой и перевез его войско в Азию.

Когда Сулла заключил с Митридатом мир при Дардане (84) и поспешил обратно в Италию, то он оставил Лукулла в Азии с поручением собрать наложенную на тамошние города контрибуцию в 20 тыс. талантов. Лукулл показал себя в этом деле человеком справедливым и бес-

статка в кораблях, то он возложил на своего квестора поручение собрать для него флот, задачу трудную и опасную, так как море находилось во власти понтийского флота и кораблей пиратов, состоявших в союзе с Митридатом. Он отправился с шестью кораблями на остров Крит, а оттуда, с полученным там подкреплением, в Кирену, где учреждением свободного управления восстановил на короткое время порядок в расшатанном государстве. По дороге в Египет пираты лишили его большей части кораблей. Египетский царь принял его с поче-

корыстным и действовал по отношению к истощенным Митридатом жителям с большим снисхождением и мягкостью. Из собранного серебра он, по желанию Суллы, отчеканил в Пелопоннесе монету, которая долго оставалась в обращении под именем Лукулловой. Побороздив в восточных морях со своей эскадрой еще некоторое время, он возвратился в Рим (80). Счастливый случай удерживал его вдали от Италии во время Сулловых проскрипций и избавил его от позора быть участником, как сподвижника Суллы, ограбления и умерщвления сограждан. Сулла до смерти своей высоко ценил Лукулла; он посвятил ему свои записки, поручив ему в то же время обработать и сгладить их, и, обойдя Помпея, возложил на него опеку над своим сыном Фаустом, что послужило, как полагают, первым поводом к раздору и несогласию между обоими честолюбивыми молодыми людьми.

После того как Лукулл в 79 г. вместе с братом своим Марком занимал должность курульного эдила и в этой должности услаждал народ дорогими и блистательными зрелищами боя слонов и быков, он в 77 г. был избран претором и в следующем году приобрел уважение за справедливое и кроткое управление провинцией Африкой. В 74 г. он был избран консулом вместе с М. Аврелием Коттой. В этом году вспыхнула третья Митридатская война. Бездетный вифинский царь Никомед III завещал перед смертью свое царство римлянам, и они не замедлили занять эту страну. Так как они вследствие этого стали непосредственными соседями Понтийского царства и Митридат увидел, что его господству грозит опасность, то он объявил войну и напал на владения римлян в Азии с войском в 100 тыс. пеших, 16 тыс. всадников, 100 боевых колесниц и хорошо вооруженным флотом в 400 кораблей. Митридат тем более надеялся на счастливый исход дела, потому что Серторий, с которым он заключил союз, немало тревожил римлян в Испании. Но как раз в этом году наступил в Серторианской войне поворот, римляне получили возможность направить все свои силы на Азиатскую войну. Ведение этой войны было возложено на обоих консулов того года; Котта был назначен начальником флота; Лу-

кулл же, как наместник Киликии и Азии, стал во главе сухопутного войска. Он привел с собой один легион в Малую Азию, где в его распоряжении были еще четыре легиона, так что он имел под своей командой приблизительно 30 тыс. пехотинцев и 1 600 всадников.

В то время как Лукулл шел с юга через Фригию, чтобы очистить страну от Митридатовых войск и вторгнуться в Понтийское царство, другой полководец, Котта, с флотом и частью сухопутного войска направился к занятой Митридатом Вифинии. У Халкедона в один день войска Котты были разбиты как на суше, так и на море. Победенный был вынужден запереться в городе. При известии об этом поражении Лукулл поспешил к Халкедону.

Благодаря обдуманному и выжидательному способу ведения войны Лукулл уничтожил громадное войско царя (по свидетельству Плутарха, до 300 тыс. человек), не вступая в генеральное сражение, и исправил ошибки своего неосторожного товарища Котты. Уничтожив затем, во главе эскадры, которую он собрал в азиатских городах, крейсировавший в Эгейском море флот Митридата, он направился в Вифинию и заставил царя очистить эту страну и бежать, потеряв большинство кораблей, в Синоп. Царь, начавший войну со столь богатыми средствами и большими надеждами, возвратился почти один, без войска и флота, в свое царство, которое теперь было открыто для вторжения неприятельского войска. Лукулл, за смелость и обширность своих походов прозванный римским Ксерксом, проник осенью 73 г. в Понт и гнал Митридата из Синопа в Амизос, из Амизоса в Кабейру, окружая войсками оставшиеся позади него главные города царя. Солдаты его, в числе которых находились два легиона Фимбрия, люди закаленные и воинственные, но задорные и необузданные, роптали на беспрестанное движение вперед своего полководца, который не давал им отдыха и не разрешал грабежа. Но Лукулл мало обращал внимания на их жалобы и остановился только тогда, когда его вынудило к тому суровое время года. Весной 72 г. он оставил два легиона под начальством Л. Мурены у Амизоса, а сам с тремя легионами и множеством конницы отправился к

Кабейру, где царь снова собрал значительное войско под предводительством Диофанта и Таксила и ожидал неприятеля. Минуя открытое поле и продвигаясь горными тропами и ущельями, римское войско приблизилось к неприятелю и разбило против него свой лагерь на удобно расположенной возвышенности. Здесь оба войска некоторое время оставались друг против друга, и каждое стремилось отрезать другому возможность подвоза. Но когда одному из подчиненных Лукуллу полководцев, М. Фабию Адриану, конвоировавшему транспорты с припасами, удалось не только разбить отряд, подстерегавший его, но и рассеять все войско Диофанта и Таксила при помощи подоспевшего из Лукуллова лагеря подкрепления, то Митридат решил поспешно отступить. Он приказал своим приближенным тайно собрать свои пожитки и запретить другим делать то же самое. Но солдаты, заметившие, что приближенные царя укладывают свои вещи, пришли в негодование и ужас, устремились к лагерным выходам и стали силой отнимать уносимые вещи, а уносивших — умерщвлять. Полководец Дорилай, который не имел при себе ничего, кроме своей пурпурной мантии, поплатился за нее жизнью; жрец Гермей был раздавлен у ворот; сам Митридат, при котором не осталось ни одного служителя и ни одного оруженосца, бежал среди толпы из лагеря пешком, пока его не заметил один из его слуг и не отдал ему своей лошади. Римляне преследовали бегущую толпу; сам Митридат едва не попал в плен, но его спасла алчность римских солдат. Преследовавшие его уже могли схватить лошадь, на которой сидел царь, как вдруг между ними и царем появился мул, нагруженный золотом. Солдаты бросились грабить золото, завязалась драка, а царь тем временем спасся. Хотя жадность солдат Лукулла и лишила его драгоценнейшей награды за победу, он, однако, отдал им на разграбление неприятельский лагерь.

После этого Лукулл овладел Кабейрой и другими укрепленными городами и везде находил много драгоценностей; он находил также темницы, в которых заключены были Митридатом многие греки и члены царского дома, без надежды когда-либо снова увидеть дневной свет. Лу-

кулл даровал им свободу. Тем временем Митридат с немногими провожатыми бежал через горы в Коману, но когда его и на этом пути потревожил римский отряд, то он поспешил в сопровождении не более 2 тыс. всадников к восточной границе своего царства, чтобы искать убежища в Армении у царя Тиграна, своего зятя. Во время бегства он послал слугу своего Бакхида в Фарнакию с приказанием умертвить находящихся там сестер и жен царя, ибо для восточного деспота считалось величайшим позором, чтобы жены его попали в руки неприятеля. Среди этих жен были две ионянки, Вереника из Киоса и Мони-ма из Милета. Бакхид предоставил им самим выбор способа, которым они предпочтут лишиться жизни. Мони-ма, которая никогда не чувствовала себя счастливой в браке с деспотом, сорвала с головы диадему, обвязала ее вокруг шеи и на ней повесилась. Но диадема не выдержала тяжести и оборвалась; тогда она воскликнула: «Проклятая тряпка, ты даже и на это не могла мне пригодиться!» Она швырнула ее на пол, плюнула на нее и подставила свою шею под меч Бакхида. Вереника взяла чашу с ядом и осушила ее одновременно со своей матерью. Сила яда была достаточна для слабой матери, но Вереника не могла умереть от него; Бакхид задушил ее и тем положил конец ее страданиям. Из двух сестер царя одна приняла яд, понося и проклиная своего брата; другая же, Статейра, не проронила ни одного худого слова о своем брате и даже хвалила его за то, что он, находясь сам в опасности, не забыл позаботиться о том, чтобы она умерла свободной и неопозоренной.

Весь Понт и Малая Армения были во власти римлян, и только более значительные города, как Амизос и Синоп в Понте, Амастрис в Пафлагонии, Гераклея в Вифинии, некоторое время оказывали сопротивление. Лукулл сам осаждал Амизос, упорно обороняемый полководцем Кайшимахом. Когда город был доведен до крайности, Каллимах поджег его и спасся на корабле. Ворвавшиеся в город римские солдаты не обращали внимания на убегавшего врага и думали только о грабеже. Лукулл хотел остановить пожар и спасти город, но никто его не слушал;

солдаты с громкими криками стучали своим оружием и требовали, чтобы имущество города было отдано на их произвол, и полководцу пришлось уступить. Большая часть города сгорела во время грабежа. Когда Лукулл на другой день вступил в город, то он сквозь слезы сказал своим друзьям: «Часто я называл Суллу счастливым, но сегодня я особенно должен удивляться счастьем этого человека, сумевшего спасти Афины, как он того желал; мне же, который поставил его себе за образец, судьба предназначила жалкую славу Муммия (разрушителя Коринфа)». Он постарался, однако, отстроить несчастный город, бывший колонией Афин; восстановил в течение своего пребывания в нем большинство домов и переселил в них новых греков, предоставив в их распоряжение пространство земли в 120 стадий.

Осада городов продолжалась два года (72—70), следовавших за битвой при Кабейре. В течение этого времени Лукулл приводил в порядок устройство Азии, провинции, которая притеснениями римских откупщиков и ростовщиков доведена была до самого несчастного положения. Нужда заставляла иных граждан продавать своих сыновей и дочерей, целым общинам приходилось распродавать свои священные дары, картины и божественные статуи; в конце концов должники делались рабами своих кредиторов. Еще суровее было обращение с должниками до этого исхода; их связывали, бросали в темницы, подвергали пыткам; они должны были под открытым небом сносить летний зной и зимнюю стужу и сырость, так что на самое рабство они смотрели как на избавление от столь тяжких испытаний. Лукулл в короткое время освободил притесненных жителей от этих мучений и принял меры, которые положили конец жестоким вымогательствам. Этим он приобрел себе благодарность провинциалов; ростовщики же, большинство которых состояло из римских всадников, высказывали в Риме громкие жалобы, заявляя, что им причинили величайшую несправедливость и подкупали демагогов против Лукулла.

Беглый Митридат был не особенно почтительно принят своим зятем Тиграном. Тигран держал его как плен-

**Тигран I, царь
Армении**

ника в особом замке, приставил к нему телохранителей, давал ему содержание и обращался с ним как с человеком, уже сыгравшим свою роль. Лукулл же считал свою задачу незаконченной, пока старый лев не был в его власти; его надо было бояться, пока он оставался в живых и на свободе. Поэтому Лукулл послал своего молодого зятя Аппия Клодия к Тиграну с требованием выдать ему Митридата. Тигран был в то время самым могущественным царем в Азии. К своему царству, Армении, он присоединил значительные земельные пространства, отнятые им у парфян, а также Месопотамию, Сирию и часть Малой Армении; он переселил к себе много греков и арабов, чтобы те способствовали развитию торговли, ремесел и искусств, и таким образом увеличил источники своих доходов и блеск своей державы. Он считал себя самым могущественным и великим из владык земных и в своем самообольщении называл себя царем царей. Он держал при себе свиту из царей, которые ему прислуживали; четверо из них были его постоянными спутниками и телохранителями; когда он выезжал, они в одном исподнем платье шли пешком возле его лошади; когда он восседал на троне и давал кому-либо аудиенцию, они стояли вокруг него со сложенными руками, наподобие рабов. В то время когда в его царство прибыл Клодий, Тигран был занят войной с некоторыми городами Финикии; он принял его в Антиохии, главном городе Сирии. Гордый римлянин не поддался обаянию пышной обстановки, окружавшей «великого» царя, и прямо объяснил, что он явился, чтобы или взять Митридата, которого требует Лукулл для своего триумфа, или объявить войну Тиграну. Царь, никогда еще в течение своего 25-летнего правления не слышавший откровенной речи, постарался, правда, выслушать эти слова с веселым видом и улыбкой, но от его приближенных не укрылось, какое глубокое впечатление произвели они на него; он отвечал, что Митри-

дата не выдаст и что если римляне из-за этого начнут войну, то он сумеет защититься. Обиженный тем, что Лукулл в своем послании назвал его только царем, а не царем царей, он в ответном письме также не удостоил его титула императора. Тем не менее он послал Клодию блестящие подарки, и когда тот не принял их, то велел предложить ему еще больше. Клодий взял только одну дорогую чашу, а остальное отослал обратно и поспешил возвратиться к своему полководцу.

Ответ Тиграна не был неприятен Лукуллу. Он теперь имел повод перенести войну в Армению и пожинать лавры по ту сторону Евфрата. По собственному почину, без приказа сената, он начал войну, располагая только небольшим войском, которое к тому же еще неохотно за ним следовало. Так как он должен был часть своей армии оставить для охраны Понта, то с ним было только два легиона, не более 15 тыс. человек, с которыми он и двинулся весной 69 г. в царство Тиграна, в незнакомую страну, где на каждом шагу встречались быстротекущие реки и снегом покрытые горы. Он переправился через Евфрат и скорым маршем пошел на Тигранакерт, новую столицу царя, которую он сам себе устроил и населил народом, собранным со всех концов его царства. Когда солдаты Лукулла пожелали овладеть одним укреплением, в котором они рассчитывали найти много сокровищ, то он указал им на возвышавшийся вдали Тавр и сказал: «Там лежит крепость, овладеть которой гораздо важнее; эти сокровища предоставлены победителям». Тигран в то время находился в Тигранакерте и был занят планом нападения на римскую провинцию Азию и размышлениями о том, очистят ли тогда римляне немедленно эту провинцию, или они дадут ему прежде сражение, вероятно у Эфеса. В это время явился посол и возвестил о приближении Лукулла; царь приказал отрубить этому послу голову. После этого никто не осмеливался докладывать ему об этом; наконец, один из его друзей, Митробарзан, отважился открыть ему истину. На него и было возложено поручение выйти навстречу Лукуллу с 3 тыс. всадников и значительным числом пехоты, самого полководца захватить живым, а лю-

дей его изрубить на месте. В первом же сражении Митробарзан и почти все его войско погибли.

Тогда Тигран счел за лучшее оставить свою столицу и направиться к лежащему на севере от Тигранакерта Тавру, с тем чтобы там собрать свою армию. Лукулл послал вслед за ним Мурену; последний напал на царя, когда тот следовал со своим войском по дикой и узкой долине, избил множество его воинов, а еще большее число забрал в плен. Сам Тигран спасся бегством, бросив все свои сокровища. Тогда Лукулл занялся осадой Тигранакерта, в надежде, что царь не оставит этого богатого города на произвол судьбы, а придет ему на помощь и вступит в битву. Он не ошибся. Митридат через послов неоднократно предостерегал царя от вступления в открытое сражение и уговаривал его удовольствоваться тем, чтобы окружить неприятеля со всех сторон своим многочисленным войском, отрезать ему подвоз и тем обречь его на верную гибель; но когда вокруг Тиграна собрались в полном составе все армяне и гордиенцы, когда цари мидян и адиабенов привели ему все свои войска и к нему стеклись арабы от Персидского залива, албанцы и иберийцы и другие народы с Кавказа и Каспийского моря, то на всех пирах царя и на всех совещаниях только и слышалось, что напыщенное самохвальство и варварские угрозы. Таксил, присланный Митридатом полководец, отсоветовавший вступать в битву, не был более уверен в своей жизни; Митридата подозревали в том, что он только из зависти к Тиграну хочет удерживать его от великого подвига. Чтобы не делиться с ним славой, Тигран, не дожидаясь его прибытия, немедленно двинулся со всем своим войском против неприятеля, высказывая свое сожаление о том, что ему приходится иметь дело с одним Лукуллом, а не со всеми римскими полководцами за раз. Войско его состояло из 55 тыс. всадников, в числе которых было 17 тыс. панцирных воинов, 20 тыс. вооруженных луками и пращами и 150 тыс. тяжеловооруженной пехоты; сверх того в его войске находилось еще 35 тыс. человек, которые должны были заниматься проложением путей, постройкой мостов, очисткой рек, рубкой лесов и другими служебными

обязанностями, что значительно увеличивало силу его армии.

Лукулл оставил Мурену с 6 тыс. человек для продолжения осады Тигранакерта и с остальным войском, состоявшим, кроме конницы, из 10 тыс. легионных солдат и 1 тыс. легковооруженных, отправился навстречу. Когда это маленькое войско расположилось лагерем на виду у неприятеля, на широкой равнине у реки Никофориос, то льстецы царя стали потешать его своими насмешками насчет этой незначительной кучки; они заранее в шутку поделили по жребию будущую добычу; полководцы же и цари приходили один за другим и просили каждый, чтобы Тигран «одному ему» предоставил вести сражение, а сам бы спокойно любовался зрелищем. Тигран сам насмешливо заметил: «Если это послы, то их чересчур много, для войска же их слишком мало».

С рассветом следующего дня Лукулл оставил лагерь и приготовился к бою. Когда он быстрым шагом пошел вниз по реке, чтобы вброд перебраться на восточный берег, то царь принял это движение за отступление, велел позвать Таксила и, насмехаясь над ним, сказал: «Посмотри, как бегут твои непобедимые!» Таксил же возразил: «Государь, я желал бы, чтобы ты не ошибся; но обыкновенно эти люди не наряжаются для похода в свои лучшие одежды, не так блестят тогда их щиты и не обнажают они своих шлемов; теперь же они сняли со своих доспехов кожаные чехлы; этот блеск показывает их желание сразиться и то, что они уже надвигаются на своих врагов». Пока Таксил говорил, орел первого легиона сделал оборот и одна когорта последовала за другой через реку. Царь вне себя от изумления несколько раз воскликнул: «Как, эти люди идут на нас?» — и стал поспешно строить свои войска. Царь сам принял начальство над центром, левое крыло он поручил царю адиабенов, а правое — мидийскому царю; в последнем находилась большая часть панцирных воинов, на которых возлагались главные надежды.

Дело было 6 октября, в несчастный для римлян день, так как в этот самый день в 105 г. войско Цепиона было истреблено кимврами. Начальники отрядов обратили на

это внимание Лукулла, но он им ответил: «Я хочу сделать этот день счастливым для римлян». С этими словами он обнажил свой меч и двинулся во главе своего войска навстречу неприятелю, выделяясь ростом и красотой фигуры, в блестящем стальном панцире, поверх которого была пурпуровая мантия с кистями. Заметив, что позади панцирных всадников находится незанятая возвышенность, которую можно было без труда занять, если сделать обход в четыре стадии, он приказал своей фракийской и галатской коннице ударить по всадникам во фланг и мечами выбивать у них из рук копья, в которых заключалась вся их сила, а сам он во главе двух когорт поспешил на тот холм. Едва он взобрался туда, как воскликнул громким голосом: «Победа наша, товарищи, победа наша!» - и ринулся на панцирных воинов. Последние же, не ожидая атаки римлян, с громким криком обратились в постыдное бегство и смяли своими грузными лошадьми ряды тяжеловооруженной пехоты, прежде чем она вступила в бой. Все пришло в смятение и расстройство; убегающие сами себе мешали своей массой продвигаться вперед и были беспощадно избиваемы. Римляне рубили, пока рука не устала, пока наступившая ночь не положила конец преследованию в шестичасовом расстоянии от места битвы. 100 тыс. человек пало со стороны армян, у римлян же было только 5 убитых и 100 раненых. «Никогда солнце не видало еще такого сражения», — говорил в своем сочинении о богах философ Антиох, сопровождавший Лукулла в этом походе; римские солдаты стыдились, что имели дело с такими трусливыми рабами. Тигран, как истый деспот, был первым из обратившихся в бегство. Когда он на пути увидел своего сына, то со слезами на глазах передал ему свою диадему и посоветовал искать спасения по другой дороге. Принц, из боязни перед своим жестоким отцом, не осмелился возложить на себя диадему и отдал ее на сохранение своему доверенному слуге; но последний попал в плен и выдал царскую диадему Лукуллу, который украсил ею в Риме свой триумф.

Митридат, которому Тигран с началом войны опять дал дело, двигался с войском на соединение с Тиграном.

Бежавшие с битвы при Тигранакерте сообщили ему о поражении. Тогда он отправился к Тиграну, который, по своему слабодушию, теперь оказался столь же трусливым, как он в счастье был высокомерен. Митридат старался уговорить царя снова собраться с духом и продолжать войну. Это и удалось престарелому воину, который, несмотря на свои 60 лет с лишком, был еще крепок и непреклонен телом и духом. Пока они оба были заняты набором нового войска, Лукулл возобновил осаду Тигранакерта. В городе произошел бунт, облегчивший Лукуллу овладение местом. Дело было в том, что комендант Манцэй не доверял грекам и другим иностранцам, жившим в городе, и хотел их обезоружить, но так как те опасались, чтобы их после этого не утертвили, то собрались толпой, оборонялись палками и оружием своих павших противников, заняли городские башни и тем облегчили римлянам взятие стен штурмом. Лукулл конфисковал казнохранилище в свою пользу, а город отдал на разграбление солдатам, которые получили в добычу 8 тыс. талантов деньгами, не считая многих драгоценных вещей. Кроме того, полководец наделил каждого воина 800 драхмами из общей добычи. Для празднования своей победы он пользовался актерами и музыкантами, которых Тигран созвал отовсюду, чтобы давать представление в построенном им театре. Греков он отпустил на родину, снабдив их деньгами на дорогу, и таким же образом поступил и с другими иностранцами, которых Тигран принуждал селиться в городе. С той поры Тигранакерт превратился в незначительное местечко.

Победитель поступал везде с величайшей кротостью и расположил к себе сердца варваров, так что многие явно или тайно присоединились к нему, как, например, арабские цари. Лукулл стал думать о войне с парфянами. Он послал к Сорнацию, командовавшему в Понте, чтобы тот присоединился к нему со своими 6 тыс. человек; но непокорные войска отказались от похода и требовали респуска, который им был обещан еще после битвы при Кабейре, а когда об этом прослышали солдаты в лагере Лукулла, то и среди них началось брожение: они называли воинов Сорнация хорошими людьми, примеру которых нужно

следовать; говорили, что они достаточно долго переносят трудности войны и заслуживают, чтобы их пожалели и дали им наконец покой. Лукулл был по отношению к своим войскам командиром гуманным и справедливым, но он не умел, подобно Сулле и Цезарю, склонять сердца их к себе простотой и ласковостью в обращении. Хотя он от природы был кроток и человеколюбив, но солдаты считали его, однако, гордецом, жестоким и бесчувственным, потому что он держал себя в стороне от них и требовал строгой дисциплины; потому что не допускал грабежа и насилия и шадил жителей страны. Офицеры также считали, что он обращается с ними слишком круто и гордо, и речами своими, отчасти преднамеренно, возбуждали солдат к неудовольствиям; среди этих офицеров особенно выделялся собственный зять Лукулла, Клодий, который из-за своего бесстыдного и распутного образа жизни не был у него в милости и считал себя обойденным.

Из-за такого настроения своего войска Лукулл отказался от войны против парфян и снова выступил против Тиграна и Митридата, которые тем временем собрали новое войско. Из числа всего поставленного Арменией войска Митридат выбрал только самых способных и обучал их при помощи понтийских воинов; их было 70 тыс. пехотинцев и 35 тыс. всадников; остальных он отпустил по домам, ибо опыт научил его, что одна численность не решает дела. Брожение в лагере Лукулла дало ему время для приготовлений. Была уже середина лета (68 г.), когда Лукулл начал свой поход через Тавр во Внутреннюю Армению. Путь по холодной, гористой местности был сопряжен со множеством затруднений и лишений, что снова вызвало неудовольствие солдат. Так как цари, проученные прежними поражениями, не решались принять битву, то Лукулл направился к старой столице Армении, Артаксай на Араксе, где находились жены и меньшие дети Тиграна. Для их защиты царь поспешил на бой. Когда Лукулл увидал перед собой войско Тиграна и Митридата по ту сторону реки Арзамаса (южного рукава Евфрата), он принес жертву богам, как будто одержал уже победу; затем переправился через реку и начал битву. Противники

снова, после непродолжительного боя, потерпели страшное поражение; римские солдаты преследовали беглецов на далекое расстояние в продолжение всей ночи, пока они не устали от бойни и не потеряли охоты брать пленных и обогащать себя дальнейшей добычей. Число убитых при Артаксае было, впрочем, меньше, чем при Тигранакерте, но зато пало и взято в плен больше предводителей.

Вскоре после этой битвы уже в середине сентября на армянской возвышенности наступила зима. Показался снег, иней и лед; вода сделалась до того холодной, что стала непригодной для питья лошадям; при переходах через реку лед подламывался и острыми краями своими разрезал у лошадей жилы; солдатам приходилось жить в сыром и холодном лагере, в густых, болотистых лесах, прорезанных узкими тропинками. Это было уже слишком для людей и без того раздраженных. Только дня два после сражения Лукулл двигался дальше по направлению к Артаксате, как солдаты начали оказывать сопротивление и громким ропотом требовать, чтобы он повел их назад. Все просьбы полководца были тщетны; он был вынужден вести их назад через Тавр в теплую и плодородную страну Мигдонию, на северо-запад от Месопотамии. Здесь находился большой и населенный город Нисибина, который защищали брат Тиграна, Гурас, и полководец Каллимах. Лукулл взял город штурмом; с Гурасом, который добровольно сдался ему, он обошелся дружелюбно; Каллимаха же он велел заковать в цепи за то, что он, сжегши Амизос, лишил его случая дать грекам доказательство своего великодушия.

С этой минуты счастье оставило победоносного полководца: мятежное настроение его войск связало ему руки. В особенности выступал опять Клодий, который раздувал пламя возмущения. «Вас принуждают, — говорил он, — воевать со всякими народами и обходить всю землю, чтобы вам мало-помалу совсем пропасть; из всего этого продолжительного похода вы не вынесли ничего, что вознаграждало бы ваши труды, а вам приходится только идти за верблюдами, на которых Лукулл нагрузил свои золотые чаши с драгоценными камнями. Солдаты Помпея, люди

самые обыкновенные, сидят уже дома со своими женами и детьми, обладая городами и благословенными поместьями, тогда как они не преследовали Митридатов и Тигранов по необитаемым пустыням, не разоряли азиатских столиц, а сражались в Испании с беглецами, в Италии с вырвавшимися на волю рабами. Если уж нам суждено беспрерывно оставаться в поле, то не лучше ли нам сберечь оставшиеся телесные и душевные силы для полководца, который величайшую славу свою полагает в обогащении своих солдат?» При этом он указывал на Помпея, хорошо зная о происках, происходивших в ту пору в Риме. Там демагоги, возбуждаемые неприязненными Лукуллу ростовщиками и самим Помпеем, кричали о властолюбии Лукулла, который будто намеренно затягивает войну, чтобы грабить царей, а не покорять их; нужно на его место послать другого, конечно, Помпея.

После взятия Нисибини солдаты Лукулла заставили его расположиться с ними на зимних квартирах в этом городе и его окрестностях и объявили, что они не пойдут с ним дальше ни против Тиграна, ни против Митридата. Этими несогласиями в римском лагере воспользовался Тигран для того, чтобы снова утвердиться в своем царстве, а Митридат с 8 тыс. всадников вторгся в Понт и взывал к народу о мщении и изгнании врага отечества. Он разбил в 67 г. подчиненного Лукуллу полководца Триария у Целлы и снова овладел всем своим царством. Вскоре после этого поражения в лагерь Лукулла пришла весть о том, что народ в Риме постановил дать отставку отрядам Фимбрии из-за истечения законного срока их службы и передать верховное начальство в Вифинии и Понте одному из консулов текущего года и консул Маний Ацилий Глабрион уже высадился в Азии как преемник Лукулла. Тут в войсках Лукулла исчез всякий порядок. У Талавры в Малой Армении против него стоял Митридат, и Тигран уже был на пути для соединения с ним. Лукулл потребовал помощи от наместника Киликии, К. Марция, но получил отказ; он просил Глабриона принять порученное ему народом начальство, но Глабрион не решался взять на себя это опасное дело. Таким образом, Лукуллу при-

шлось пока сохранить за собой командование. Чтобы воспрепятствовать соединению обоих царей, он двинулся против Тиграна. Но дорогой легионы Фимбрия возмутились и расстроили свои ряды, утверждая, что им уже дана отставка и что Лукулл не имеет более права приказывать им что-либо. Всеми покинутый военачальник обращался с просьбами к каждому в отдельности, перебегал униженно и со слезами на глазах от одной палатки к другой и с мольбами останавливал солдат; но все наотрез отказывались за ним следовать. Солдаты бросали перед ним свои пустые кошельки и говорили, чтоб он один сражался с неприятелями, так как он один умеет и обогащаться. Наконец фимбрийцы дали себя уговорить другим солдатам и согласились остаться еще на лето, но с тем, что если в течение этого времени не представится случая к битве с неприятелем, то он должен их отпустить. Так и случилось. Солдаты оставались в сборе до осени, но Лукулл не мог употребить их в дело, между тем как конница Митридата рыскала по всей Каппадокии вплоть до Вифинии. «Что при таких обстоятельствах римское войско невредимым возвратилось из Армении в Малую Азию, то это составляет верх военного искусства и, по нашему мнению, оставляет далеко за собой отступление Ксенофонта. Успех римского отступления более всего, конечно, объясняется превосходством римской и негодностью восточной тактики; но, во всяком случае, дело это должно упочить руководителю этого движения почетное место среди военных знаменитостей первой величины. Если имя Лукулла в числе их обыкновенно не встречается, то обстоятельство это, по всей вероятности, должно быть приписано только тому, что, с одной стороны, до нас не дошел никакой сколько-нибудь сносный военный отчет о его походах, а с другой стороны, в войне значение придается главным образом окончательному результату».

Окончательный же результат восьмилетнего похода, на первый взгляд, действительно был равен нулю. Лукулл сообщал в Рим, что все царство Митридата находится в его власти; затем явились посланные от сената для устройства провинции в Понте, но они застали его снова во

власти Митридата и при этом убедились, что Лукулл не может даже самим собой располагать свободно и вынужден сносить всяческие обиды и посрамление со стороны своих собственных солдат. Вскоре прибыл Помпей, которому после окончания войны с пиратами поручено было, вместо Глабриона и Лукулла, верховное начальство в войне с Митридатом (66), и принял в свое ведение армию и провинции Лукулла. Друзья обоих мужей устроили свидание между ними в одной деревушке в Галатии. Перед обоими полководцами несли, в знак одержанных ими побед, лавровые венки. Ветки в пучках Помпея от жары завяли. Когда ликторы Лукулла это заметили, то они дали ликторам Помпея несколько из своих свежих и зеленых веток. Подобно тому, как здесь Помпей венчался лаврами Лукулла, так он и в предстоящей войне пользовался плодами трудов Лукулла; он без больших усилий пожинал там, где Лукулл долгие годы сеял и насаждал. Лукулл уничтожил лучшие войска неприятеля, истребил его флот, овладел и частью разрушил важнейшие его укрепления, отучил римского солдата от страха перед отдаленным Востоком и его полчищами; для Помпея уже немного осталось дела.

Свидание между обоими неприязненными друг другу полководцами не привело к соглашению. Лукулл не мог подавить в себе чувства обиды по отношению к человеку, который явился затем, чтобы отнять у него заслуженные лавры; Помпей же был не такой человек, чтобы быть справедливым в отношении к сопернику своей славы. При расставании недружелюбие между ними только усилилось. Помпей отрицал у своего предшественника всякие заслуги и отменил почти все учреждения его в Малой Азии; из войск его он оставил ему только 1 600 человек, которые должны были следовать за ним в Рим участвовать в его триумфе. Таким-то образом оставил поприще своей славы глубоко оскорбленный Лукулл, жертва мятежа и козней, затеянных против него алчностью лихоимствующих всадников и честолюбием Помпея. В Риме, куда он прибыл в 66 г., его ожидали новые огорчения. Почти три года ему пришлось дожидаться за городом разрешения праздновать

триумф. Помпей опасался, чтобы многочисленные богатые Лукулловы трофеи не обнаружили, так как на его долю их пришлось значительно меньше. Ввиду этого он побудил трибуна К. Меммия, который был у него квестором в Испании, обвинить Лукулла в сокрытии общественных денег и тем помешать его триумфу. Лукулл был оправдан, и триумфальный въезд его совершился, наконец, в 63 г. Добытые у неприятеля оружие и другие военные орудия были так многочисленны, что заняли бы в поезде слишком много места; Лукулл поэтому выставил их для обозрения во фламинском цирке. В триумфальном шествии видны были несколько панцирных армянских всадников, которых римляне всего более боялись и которые менее всех оказались опасны, затем 10 боевых колесниц, 60 друзей и полководцев побежденных царей, 110 продолговатых кораблей с железными носами, далее золотая статуя высотой 6 футов и осыпанный жемчугом щит Митридата, 30 носилок с серебряной утварью, 32 с золотыми чашами, оружием и монетами. Позади людей, несших все это, следовали мулы, из которых 8 были навьючены золотыми постелями, 56 — серебряными слитками, 77 — серебряными монетами ценностью в 2 млн. 700 тыс. драхм. На особых досках были обозначены суммы, выданные им частью Помпею на ведение войны с пиратами, частью сданные казначейм республики или розданные солдатам. В заключение он устроил для города пиршество, на которое им употреблено было более 100 тыс. бочек вина. Но в целом триумфальное торжество из-за запоздалости своей потеряло значение и не встретило особенно радостного участия.

Сенатская партия хотела выставить Лукулла главным вожаком против Помпея, который своим положением и подвигами на Востоке получил опасное преобладание, и Лукулл действительно, по возвращении Помпея с Востока (62), выступал противником его по разным случаям; но он не имел особенной склонности к борьбе партий с ее страстями и принимал в ней участие лишь настолько, насколько его вовлекал в эту борьбу сенат. Он испытал достаточно огорчений на своем веку и хотел провести остаток своих дней в покое; притом же он не чувствовал себя

настолько сильным, чтобы с успехом противостоять соединенному могуществу Помпея, Цезаря и Красса, которые в 60 г. составили первый триумvirат с целью властвовать над республикой. Лукулл умер в конце 57 г.

Во время удаления от общественных дел Лукулл предавался расточительности и роскоши, вошедшим в пословицу. Средствами для подобного образа жизни служили несметные богатства, полученные им отчасти по наследству от отца и родственников, отчасти в войнах Суллы, главным же образом во время восьмилетнего командования своего в третьей Митридатской войне, причем, однако, нельзя было сказать, чтобы он обогатился несправедливым или недостойным путем. Он тратил громадные суммы на возведение грандиозных построек, искусственных садов и купален, на собиранье картин, статуй и других произведений искусства. Кроме роскошного помещения в Риме, приспособленного к большим пиршествам, он обладал в окрестностях города знаменитым садом, который был задуман в таких больших размерах, что был окончен только в царствование императора Клавдия. Сад этот и впоследствии еще назывался Лукулловым. Он владел множеством вилл, среди которых самыми знаменитыми были построенные у Тускулума и у Мизенума или Вайи в Кампании. Первая из них, которая вследствие великолепия своего по преимуществу носила название Лукулловой виллы, представляла чудесные места для прогулок и открытые столовые с прелестнейшими видами. Когда его однажды посетил там Помпей и неодобрительно заметил, что вилла эта устроена совершенно удобно для лета, но что она для зимы непригодна, на что Лукулл возразил, смеясь: «Неужели ты считаешь меня глупее журавлей и аистов, которые меняют свои жилища с временами года?» Его вилла близ Мизенума принадлежала прежде Г. Марию, а потом матери Гракхов; Лукулл отделал эту виллу с величайшей роскошью. Он строил дачи у самого моря, сооружал вокруг них плотины, прорывал каналы и прорубал скалы, чтобы расширить пределы моря. В этих виллах было собрано все, что самому прихотливому сластолюбцу могло доставлять чувственное и умственное наслаждение. В садах созревали самые редкие

плоды, в том числе вишни, которые он впервые привез из Понта в Италию; зверинцы снабжали его стол самой дорогой дичью, пруды - самой изысканной рыбой; погреба его были наполнены превосходнейшими винами. В столовых красовались картины, статуи и бюсты знаменитейших художников, драгоценные пурпуровые скатерти, золотые с самоцветными камнями кубки и иная дорогая утварь. Во время пиров гостей увеселяли музыкой, пением и танцами. Для лиц, участвовавших в этих представлениях, было припасено несметное множество дорогих нарядов. Однажды какой-то претор, пожелавший дать блистательный спектакль, просил у него пурпурных мантий для хора; Лукулл отвечал, что он посмотрит, и если у него таковые найдутся, то одолжит их ему. На другой день он передал претору 200 пурпурных мантий.

Даже когда у Лукулла не было гостей, стол его был уставлен различными яствами и изысканнейшими лакомствами. Когда однажды он обедал один и для него был приготовлен сравнительно простой стол, то он, рассерженный, призвал раба, на котором лежали заботы о столе. Когда последний стал извиняться тем, что предполагал, что Лукулл не пожелает роскошной трапезы, так как никто в этот день не был зван, то Лукулл ответил: «Как же ты не знал, что сегодня Лукулл в гостях у Лукулла?» Известен еще один случай: Цицерон и Помпей встретили однажды Лукулла на рынке. Они напросились к нему в гости и пошли с ним в дом его, но с условием, что он ради них не сделает никаких особых распоряжений. Он сначала возражал и просил, чтобы они навестили его лучше в другое время; но они настаивали на том, чтобы идти к нему сейчас же, и не давали ему даже поговорить с рабом своим, чтобы он не мог заказать ничего необыкновенного. Они дозволили ему, по его просьбе, только то, чтобы он, в их присутствии, сказал одному из своих людей, что они будут обедать в зале, носившем название «Аполлон». Когда рабы услышали название этой столовой, то они уже знали, сколько должен стоить обед, и каковы должны быть его приготовление и устройство. Обед же в «Аполлоне» стоил обыкновенно 50 тыс. драхм. Столько и было израс-

ходовано в этот раз, и оба гостя не мало дивились как сумме издержек, так и быстроте приготовлений.

Впрочем, Лукулл, при всей своей роскошной жизни, не ушел исключительно в чувственные наслаждения; для этого он был слишком хорошо и высоко образован. Он охотно занимался научными предметами, часто сходил с учеными, художниками и философами. Его богатая библиотека была открыта для каждого и привлекала в его дом многих ученых мужей, в особенности греков. Художники и поэты находили в нем мудрого покровителя, как, например, поэт Архиас, который воспел походы Лукулла в Азию. Лукулл сам написал в молодости историю Марсийской войны, и притом на греческом языке, на котором говорил и писал так же свободно, как и на латинском; впоследствии он ограничивался только чтением.

Его приятный покой среди телесных и душевных наслаждений не был нарушаем никакими раздорами. В отношении друзей своих он бывал снисходителен и миролюбив, а обиды быстро прощал. С Помпеем, который причинил ему немало огорчений, он впоследствии состоял в дружественных отношениях; не одному врагу он оказывал помощь и покровительство. Со своим братом он всегда оставался в искренней дружбе; но обе жены его, Клодия и Сервилия, своим распутным поведением огорчали его в такой степени, что он вынужден был развестись с ними. Вторая его жена, Сервилия, сводная сестра Катона Младшего, родила ему сына, который вырос под опекой Катона и Цицерона и был убит в битве при Филиппах в 42 г.

Лукулл умер, как уже сказано, в конце 57 г., после того, как он, незадолго до смерти, как рассказывают, впал в душевную болезнь. Брат Марк еще при жизни его должен был принять на себя управление его имуществом. Смерть его возбудила в народе величайшее сочувствие. Народ массами собрался на его похороны и требовал, чтоб останки его были погребены на Марсовом поле, где похоронен прах Суллы. Но М. Лукулл добился позволения похоронить его в его поместье Тускулум, где уже сделаны были все приготовления к тому. Вскоре потом умер и Марк.

33. ГНЕЙ ПОМПЕЙ ВЕЛИКИЙ

Гней Помпей происходил из семейства, принадлежавшего к сословию римских всадников и уже около 60 лет считавшегося консульским. Отец его Кн. Помпей Страбон (Косой), со славой командовавший в Марсийской войне в качестве консула, всеми ненавидим за свой дурной характер, жестокость и корыстолюбие. Сын его Гней родился в 106 г. — в год рождения Цицерона, вместе с которым сделал свои первые походы в Марсийской войне в войске своего отца. Затем вместе с отцом он сражался с Цинной в битве у Коллинских ворот. Когда в 87 г. Риму грозили Цинна и Марий, оптиматы призвали Помпея с войском на защиту города, но он обнаружил двусмысленную, изменническую медлительность. Цинна подкупил товарища молодого Помпея, Л. Теренция, чтобы тот убил обоих Помпеев, молодой человек благоразумной предусмотрительностью предупредил покушение и успокоил мятежных солдат, замышлявших убить ненавистного Страбона. Вскоре после этого он был убит молнией. Во время погребения толпа, нанятая оптиматами, сбросила его труп с носилок и крючьями потащила его по улицам. После смерти отца он вынужден был некоторое время скрываться от господствовавших в Риме приверженцев Мария и явился только после смерти последнего, в 86 г., вероятно, полагаясь на

уверения преемника Мария, консула Кн. Карбона. Враги обвинили его, как наследника и сообщника Страбона, в сокрытии добычи, взятой из Аскулума. Он спасся тем, что тайно обручился с дочерью П. Антистия, производившего следствие. Это не укрылось от народа, и когда Антистий объявил оправдательный приговор, народ, как бы по данному знаку, воскликнул «Талассио!» - как восклицали, по старому обычаю, встречая новобрачных.

Гней Помпей Великий

Преследования марианцев заранее указали молодому Помпею его место среди партий. Когда Сулла после войны с Митридатом возвратился в Италию, чтобы свести счеты с марианцами, Помпей набрав в Пиценуме, где он был самым богатым землевладельцем и потому имел значительное влияние, отряд в три легиона для помощи Сулле. Три марианских полководца окружили его тремя лагерями; но он разбил одного из них, М. Брута, вследствие чего другие отступили, и победоносно пошел навстречу Сулле, который высадился в это время в Брундизии (83 г.). Честолюбивый юноша стремился к отличию и славе; он хотел заслонить собой остальных друзей Суллы, явившихся также со своими войсками. Сулла разгадал его при первой же встрече, когда он вывел к нему на смотр свое прекрасно одетое войско в отличном состоянии и с блестящим вооружением; полководец соскочил с лошади и поздравил 23-летнего юношу, честного человека, с титулом императора, т. е. самостоятельного полководца. Таким образом, исполнилось желание честолюбивого юноши; неслыханное отличие сделало его безусловно преданным Сулле. Он весьма усердно сражался за Суллу в Италии и оказал ему важные услуги. Чтобы еще более привязать его к себе, Сулла выдал за него свою падчерицу Эмилию. Эмилия была обручена с Манием Глабрионом и должна была расстаться с ним. Помпей также

был уже женат; он послал разводное письмо своей жене Антистии, отец которой за ее брак с ним был убит марианцами; мать ее, Кальпурния, в отчаянии убила себя. Эмилия вскоре умерла.

Когда война в Италии закончилась, бежавшие предводители марианцев стали готовиться к новым сражениям за морем, в Сицилии, Африке и Испании. Помпей, по предложению Суллы, взялся их уничтожить. Сначала он стал готовиться к походу на Кн. Карбона, который прибыл в Сицилию из Африки, но при известии о высадке неприятеля бежал на Коссиру, маленький остров между Сицилией и Африкой. Он был схвачен и в цепях привезен в Лилибеум. Здесь Помпей приказал умертвить его товарищей, даже не увидав их; напротив, Карбона, который некогда избавил его от преследований марианцев, человека, трижды бывшего консулом, молодой человек подверг формальному суду и, не тронутый его слезами и просьбами, холодно и торжественно произнес смертный приговор. За этот безжалостный суд современники жестоко порицали его; его называли мальчишкой-палачом (*adolescentulus carnifex*). Для военных подвигов в Сицилии не представлялось случая; он устроил дела на острове и с большим флотом из 120 военных и 800 транспортных кораблей переправился в Африку. Там он встретил войско Кн. Домиция Меднобородого (*Ahenobarbus*) в союзе с Парбом, царем нумидийским. Оба эти полководца со своими войсками были не в состоянии бороться с такой силой; Меднобородый пал после храброго сопротивления, Парб убежал, но скоро попал в руки Помпею и был казнен. Его царство отдано было родственнику его Гиемпсалу.

За несколько месяцев Помпей окончил поход; в упомянутом сражении он показал себя, как и всегда, храбрым, способным воином, сражаясь без шлема впереди своих солдат; но с таким войском, какое было в его распоряжении, самый заурядный полководец мог бы так же хорошо исполнить свою задачу. Его победа вовсе не доказывала его военных талантов; но он все-таки имел притязания на отличие и славу; он помышлял о триумфе, в котором мог бы явиться с блеском как покоритель Африки. Ради этого он занялся

охотой на львов и слонов, чтобы показаться в Риме с этими животными. Но в это время он неожиданно получил от Суллы приказ распустить свое войско, оставив только один легион, и ждать в Утике своего преемника; таким образом, ему пришлось возвратиться в Рим уже не полководцем, а частным человеком; его лучшие надежды были разбиты. Сам он не решался на открытое сопротивление; но войско, вероятно, по его побуждениям, воспротивилось приказу и, восстав против тирана Суллы, объявило, что оно не расстанется со своим полководцем. В Италии распространился слух об измене Помпея, и Сулла жаловался на свою судьбу, говоря, что ему на старости лет приходится сражаться с мальчишками — еще недавно он воевал с молодым Марием, теперь должен идти против Помпея. Но вскоре тот получил успокаивающее известие: оставить при себе армию. Таким образом, Помпей возвратился в Италию с войском и был встречен толпой народа как второй Александр; сам Сулла вышел ему навстречу, дружески протянул ему руку и громко поздравил его с титулом «Великий» (Magnus), перешедшим впоследствии и на его род. Но Помпей не удовлетворился этим лестным отличием; он требовал триумфа, вопреки закону и обычаю, так как триумф давался только тому, кто исполнял, прежде или теперь, высшие государственные должности; а Помпей не занимал еще никакой государственной должности, он был только помощником полководца, легатом диктатора Суллы. Но именно необыкновенное, чрезвычайное и привлекало тщеславного юношу, потому что этим доказывалось, что его подвиги были необыкновенны. Сулла противился его желанию, говоря, что у него еще не отросла борода, что он еще слишком молод для сенаторства, и если он, несмотря на то, вступит в город триумфатором, то это сделает ненавистным правление самого Суллы, а против Помпея возбудит всех граждан. Помпей не отступал и даже заметил Сулле, что восходящее солнце имеет больше почитателей, чем заходящее. Диктатор не побоялся такой угрозы «мальчика», но, досадуя на безграничную дерзость, воскликнул: «Ну пусть же будет ему триумф!» Этим закончились между ними все счеты. Таким образом, Помпей получил триумф в 80 г., двадцати шести лет от роду, как простой всадник, не

будучи еще квестором. Чтобы сделать шествие более торжественным, он хотел въехать в город на четверке слонов; но, на его беду, ворота оказались слишком узкими, и он должен был довольствоваться простыми лошадьми. Солдаты также не с особенной радостью участвовали в триумфе. Им было досадно, что денежные подарки не соответствовали их ожиданиям, и потому они хотели при его вступлении в город поднять шум и испортить триумф; только тогда, когда он объявил им, что скорее откажется от триумфа, чем потерпит от них дерзость, они успокоились и смиренно пошли за триумфальной колесницей.

С этих пор Сулла стал относиться к Помпею весьма холодно. Он увидел неразумность его стремлений и понял, что он, имея в виду только ближайшее, действует необдуманно, без плана, руководствуется единственно честолюбием и расходится с партией оптиматов, на которую ему следовало бы опираться. Когда в 79 г. Сулла помогал Кв. Катуту добиться консульства, Помпей употребил все усилия, чтобы доставить эту должность его недостойному сопернику М. Эмилию Лепиду; его тщеславие было польщено тем, что он, простой всадник, еще не бывший квестором, может дать государству консула против воли могущественного Суллы. С помощью народа, любимцем которого он уже успел сделаться, он добился того, что Лепид назначен был консулом на первом месте, между тем как Катул, кандидат, выдвинутый Суллой, получил только второе место. Когда Сулла увидел его, гордо идущего по форуму домой в сопровождении толпы народа, он воскликнул, обращаясь к нему: «Я вижу, молодой человек, что ты радуешься своей победе. Прекрасно и достойно похвалы, что Лепид избран в консулы прежде Катуты, негодяй прежде честного человека, чего ты добился у народа; но я посоветую тебе быть настороже, не спать, потому что ты дал меч в руки своему врагу».

Эти слова скоро исполнились. Лепид еще при жизни старался унижить Суллу перед народом, а после смерти его в 78 г. старался воспрепятствовать его погребению на Марсовом поле и предложил народу проекты законов, имевших целью уничтожить учреждения Суллы и господство знати над массой. При этом он рассчитывал на под-

держку Помпея, бывшего до сих пор его союзником, тем более что Сулла не упомянул о нем в своем завещании и опекуном своего сына назначил не его, а Лукулла; но Помпей, в действиях которого не было никакой обдуманности и последовательности, обратился теперь в другую сторону и вместе с консулом Католом стал во главе знати с целью противодействовать Лепиду и отстаивать законы Суллы. Лепид собрал в Этрурии войско против Рима, но был побежден Помпеем и Католом и бежал в Сардинию, где вскоре и умер от сухотки. Союзник его М. Брут, отец убийцы Цезаря, укрепился в Мутине; Помпей предоставил ему возможность свободно удалиться туда; но на следующий день он был убит подосланным от Помпея убийцей. Сын Лепида, Корнелий Сципион Эмилиан, попал в плен и был казнен по приказанию Помпея.

После победы над Лепидом Катул потребовал, чтобы Помпей распустил свое войско; но тот под разными предлогами оставался с войском недалеко от Рима, ожидая, что ему будет поручено вести войну с Серторием в Испании. Серторий один из всех марианцев оставался еще непобежденным и причинял господствующей в Риме партии немало хлопот. Метелл Пий ничего не мог с ним сделать, и в Риме начали уже опасаться, как бы он не явился со своим победоносным войском в Италию и не начал здесь новую междоусобную войну. Сенат затруднялся относительно выбора полководца, который мог бы потягаться с Серторием; кроме Помпея, из всей партии никто не мог или не хотел идти на помощь Метеллу, не исключая и консулов, а Помпея не хотели снова сделать главнокомандующим, боясь диктатуры. Наконец, Л. Филипп с обычным прямотушием заявил в сенате, что нет другого средства, как послать в Испанию Помпея, но что он едва ли может и хочет действовать в другой должности, кроме должности проконсула. «Проконсула? — спросил один сенатор. — Частное лицо, всадник?» — «Да, — отвечал Филипп с горькой усмешкой, — ведь он пойдет не за одного, а за двух консулов». Предложение было принято.

В 76 г. Помпей отправился в Испанию с войском в 30 тыс. пехоты и 1 тыс. конницы, чтобы вместе с Метеллом

вести войну против Сертория. Теперь он впервые имел своим противником способного полководца, и выше мы видели, какую плохую шутку сыграл Серторий с избалованным Помпеем. Серторий был побежден не Помпеем и Метеллом, а мятежом собственного войска; только тогда, когда он пал от кинжала убийцы и когда во главе войска стал неспособный Перперна, победа легко далась Помпею и Испания была снова подчинена римлянам (72 г.). Метелл после смерти Сертория успокоился и предоставил окончание войны Помпею. Когда Метелл ушел от него в Италию, Помпей начал превозноситься своими успехами и стал представлять себя единственным человеком, сумевшим умиротворить Испанию. На монетах, которые он приказал выбить своему легату М. Публицию, Испания подает ему пальмовую ветку, а надпись на трофеях, поставленных им в Пиренеях, на границе между Испанией и Галлией, близ Венериных ворот, гласила, что он покорил 876 городов от Альп до самых крайних пределов Испании. Каким он превозносил себя и считал великим, так думал о нем и римский народ, судивший только по внешности и считавший его непобедимым и незаменимым героем и нетерпеливо ждавший его возвращения, желая, чтобы он освободил Италию от опасного восстания рабов.

В то время когда Помпей и Метелл сражались на западе, а Лукулл — на востоке государства, восстание, вспыхнувшее в 73 г. среди рабов и гладиаторов, привело самую Италию на край гибели. Количество рабов в римских провинциях, особенно в Италии и Сицилии, с течением времени несоразмерно увеличилось, и эта многочисленная толпа, при том отчаянно бедственном положении, в каком находилась большая часть ее, составляла опасный класс общества. Восстания рабов происходили во многих местностях государства, и римлянам приходилось уже два раза вести со своими рабами кровопролитную войну в Сицилии (135—132 гг., 102—100 гг.). В Италии, во время политической неурядицы, в массах рабов накопилось так много недовольствия, что из-за незначительного повода возникла большая и опасная война. Сильнейшие и храбрейшие из военнопленных назначались обыкновенно для любимых в

то время гладиаторских игр, во время которых они должны были биться между собой не на жизнь, а на смерть для потехи толпы; существовало много заведений, в которых они содержались и обучались, например в Капуе и Равенне. В 73 г. в Капуе несколько таких рабов бежало из гладиаторской школы Лентула Батиата; во главе их стали два кельта, Крикс и Эномай, и один фракиец, Спартак. Они бросились к Везувию, где толпа их, состоявшая сначала только из 74 человек, вскоре значительно увеличилась. Они так беспокоили страну своими разбойничьими набегами, что жители не могли защищаться от них и обратились в Рим с просьбой о помощи. Посланный против них отряд в 3 тыс. человек был рассеян и бежал, оставив разбойникам свое оружие. Когда против них выступил претор П. Вариний с двумя легионами, они отступили через Силар в Луканию. Здесь они разбили Вариния и захватили его лагерь вместе с его конем и знаками его должности. После того со всех сторон стали стекаться сюда рабы из Южной Италии, особенно храбрые полудикие пастухи; в количестве 40 тыс. человек, они снова вторглись в Кампанию, и скоро открытая местность всей Южной Италии и немало городов были в их руках. Все дрожало перед рабами, разорвавшими свои оковы; дикие орды страшно мстили своим прежним притеснителям. Чтобы потушить пожар, грозивший распространиться по всей Италии, в следующем году посланы были против бунтовщиков оба консула. Одно полчище их под начальством Крикса было уничтожено при Гаргане в Апулии претором Кв. Аррием, помощником консула Л. Геллия; но Спартак, храбрый воин и способный полководец, сражался весьма удачно в Апеннинах и в Верхней Италии. Один за другим терпели от него поражение консул Кн. Лентул, консул Геллий, претор Аррий и, наконец, при Мутине наместник Ближней Галлии К. Кассий. Спартак был предусмотрителен и знал, что он со своими непокорными разбойничьими шайками не может долго сопротивляться римской республике, и потому хотел перейти через Альпы, чтобы предоставить себе и своим воинам возможность возвратиться на родину — к кельтам и фракийцам; но шайки, падкие на добычу, хотели сперва разграбить Италию. Он

повел их назад и сначала пошел по дороге к Риму, но затем, по желанию своего войска, свернул в окрестные области для грабежа. Потерпев поражение, римляне поручили главное начальство в походе против рабов претору М. Крассу, который при Сулле показал себя способным полководцем, и дали ему восемь легионов. Он подчинил распушенных солдат дисциплине, приказав казнить десятого из того отряда, который бежал от разбойников, побросав оружие. В ближайшем сражении он разбил Спартака и принудил его отступить через Луканию в Рециум, откуда он рассчитывал переправиться в Сицилию на кораблях пиратов. Пираты взяли условленную цену, и когда имущество войска рабов было уже частью на их кораблях, вероломно уехали. Тогда Красс заградил Бруттийский полуостров, на котором стоял Спартак, валом в семь немецких миль длиной, от моря до моря; но Спартак в темную зимнюю ночь прорвался сквозь линию укреплений и снова пошел в Луканию. Здесь среди рабов начались разногласия; кельты и германцы, избрав собственного вождя, отделились от Спартака и были поодиночке уничтожены Крассом. Войска принудили Спартака идти в Апулию и вступить в решительное сражение с Крассом. Перед битвой он убил свою лошадь, чтобы разделить опасность со своим войском; в битве он пал геройской смертью. С ним пали храбрейшие из его воинов; остальные рассеялись, и отдельные шайки их были уничтожены или захвачены в плен и умерли смертью рабов - на кресте. По дороге из Капуи в Рим поставлено было 6 тыс. крестов с распятыми рабами.

Так была окончена Крассом война с рабами в 71 г. 5 тыс. рабов, бежавших из последнего сражения, поспешили в верхнюю Италию, чтобы оттуда спастись за Альпами. Их встретил и разбил Помпей, возвращаясь со своим войском из Испании. Затем он объявил сенату, что Красс победил рабов, а он уничтожил войну в корне. Народ поверил ему и охотно стал повторять его хвастливые слова, так как народ был ему предан и охотно платил ему дань удивления; но высокомерие Помпея должно было оскорбить Красса, так как Помпей, пользуясь незначительной удачей, старался лишить его заслуженных лавров.

Между Помпеем и оптиматами со времени войны с Серторием начались пререкания. Он упрекал сенат в том, что ему не оказали достаточной поддержки в Испании, а оптиматы завидовали ему и опасались этого человека, так высоко поднявшегося из сословия всадников. Чтобы иметь поддержку против сенатской партии, Помпей оставался во главе своего войска, которое было ему вполне предано, и, стоя перед воротами Рима, требовал для своих солдат надела земли, для себя — триумфа и консульства на следующий год. Сенат не был склонен согласиться на это, так как оба последних требования были противозаконны. Консулом мог сделаться только тот, кто прошел иерархическую градацию почетных должностей, начиная с квестуры, а Помпей не был еще и квестором; триумф также по закону мог быть дан только тому, кто занимал высшую должность в государстве. Чтобы достичь своей цели, Помпей, прежний приверженец Суллы, бывший до сих пор шитом и мечом сенатской партии, вступил в союз с демократами. Точно так же и Красс, который все еще находился во главе своей армии и, подобно Помпею, больше думал о себе, чем о государстве, теперь счел за лучшее подавить свое недовольство Помпеем и перейти на его сторону, вместо того чтобы защищать аристократию против сильного союза Помпея с демократической партией. Такому союзу сенат не мог противиться и согласился назначить обоих возмущившихся полководцев консулами на следующий, 70 г., дать Помпею триумф и наделить его солдат землей. Трибун М. Лоллий Паликан, в угоду Помпею, который в качестве полководца не мог войти в город до триумфа, устроил народное собрание перед городскими воротами, и в этом собрании Помпей открыто признал программу народной партии. При восторженных криках толпы он объявил, что не потерпит более ограничений трибунской власти, установленных Суллой, и обещал улучшить провинциальную администрацию и суд. Затем, 31 декабря, он получил триумф над Испанией.

На следующий день, 1 января 70 г., Помпей и Красс вступили в должность консулов. Во время вступления в должность консулов Помпей и Красс вступили в долгност

чтобы исполнить первую свою обязанность — молитву и жертвоприношение. Впоследствии оба консула один перед дру-

гим старались приобрести расположение народа: Помпей — удовлетворяя страсти толпы к зрелищам и предлагая благоприятные для народа законопроекты, Красс — первый богач в Риме — щедро наделяя народ хлебом и съестными припасами. Но Помпей все-таки затмил своего товарища, которому он доставил консульство своим ходатайством, так что тот снова стал склоняться на сторону сената и соперничать с Помпеем. Помпей снискал себе благосклонность народа всего более тем, что действовал в пользу отмены учреждений Суллы и в сущности восстанавливал учреждения, существовавшие до Суллы. Так, законом, который он сам предложил, он восстановил полную власть трибунов и сделал это не только для того, чтобы привлечь народ на свою сторону, но и для того, чтобы иметь в трибунах орудие своего честолюбия; при помощи претора Аврелия Котты он отнял у сената исключительное право суда, так что с тех пор только одна треть судей стала выбираться из сенаторов, а остальные две трети — из сословия всадников. Цензуру, отмененную Суллой, Помпей также восстановил. В цензоры были выбраны Кн. Лентул и Л. Геллий, два человека, которые во время войны с рабами в 72 г. лишены были сенатом начальства над войсками за свои дурные распоряжения. Находясь теперь в полном распоряжении могущественного Помпея, доставившего им такую важную должность, они стали мстить сенату строгой люстрацией и вычеркнули из списка сенаторов не менее 64 человек.

Когда цензоры производили люстрацию и всадники, ведя своих лошадей, проходили перед ними для смотра, то и консул, всадник Помпей, чтобы показать всему миру свое необыкновенное положение, явился со смиренной гордостью на форуме со всеми отличиями своей консульской власти, ведя под уздцы своего коня. Толпа почтительно расступилась перед шедшими впереди ликторами и с изумлением, в глубоком молчании, смотрела, как он подвел своего коня к трибуналу озадаченных цензоров. Старший из них обратился к нему с обычным вопросом: «Я спрашиваю тебя, Помпей, Волокии, владешь Капитолий во всех походах, предписанных законом?» На что Помпей громким голосом отвечал: «Да, во всех, и во всех под моим собственным началь-

ством». Площадь взорвалась от громких и радостных криков одобрения толпы, которым не было конца; проверка ценза кончилась, цензоры встали и вместе с радостной толпой проводили торжествующего консула до дома.

Помпей обещал после триумфа распустить свое испанское войско, но не сдержал своего слова: войско все еще стояло перед городом, чтобы служить ему поддержкой при государственных реформах. Потому и Красс также не распускал своего войска, стоявшего перед городом. Кажется, что один из двух полководцев, Помпей в союзе с демократией или Красс в союзе с сенатской партией, создаст для себя военную диктатуру, какую создал Сулла; больше шансов на это имел Помпей, на которого толпа смотрела как на будущего повелителя государства. Но ни сенат, ни народная партия не хотели такого оборота дел. Так как Помпей отказывался распустить свое войско, потому что не доверял Крассу, то люди народной партии, среди которых Цезарь играл важнейшую роль, попытались уговорить Красса сделать первый шаг к примирению и таким образом обезоружить Помпея. Устроили такую сцену, что Красс перед всеми должен был протянуть своему товарищу руку в знак примирения и лестью отнять у этого тщеславного и недалёковидного человека орудие его силы. Некто Аврелий взошел на ораторскую трибуну в народном собрании и рассказал о том, как явился ему Юпитер и поручил ему передать консулам, что они должны оставить свою должность, не иначе как снова сделавшись друзьями. Помпей при этих словах не двинулся с места; но Красс подошел к нему, взял его за руку и говорил: «Сограждане, я думаю, что я не сделал ничего бесчестного и унижительного, если первый уступил Помпею, которого вы почтили титулом Великого еще в то время, когда он был безбородым юношей, и который получил два триумфа, еще не будучи членом сената». Помпей не мог отказаться от примирения, а затем, незадолго до окончания своего консульства, распустил и свое войско, которое он уж не имел предлога держать. Хотя он охотно взял бы на себя роль диктатора, но у него не хватало духа переступить границы закона. Сложив с себя

консульство, он считал унижительным для себя принять в свое управление провинцию и в 69 и 68 гг. оставался в Риме частным человеком. Он жил уединенно и лишь изредка показывался народу, всегда в сопровождении большой свиты, чем он старался придать себе важный вид знатного человека; говорить с ним или даже видеть его можно было только с трудом, потому что за ним всегда шла большая толпа. Так, с гордой самоуверенностью, выжидал он нового почетного назначения, пока ему снова не представился случай для блестящей деятельности. Это случилось скоро.

Пиратство на Средиземном море с давних пор было делом обычным; но в первые десятилетия последнего века до Р. Х. эти беспорядки дошли до ужасающих размеров. Теперь уже не отдельные разбойничьи суда подстерегали в море купцов или грабили по берегам; корсары сделались теперь силой и со времени первой войны с Митридатом образовали нечто вроде государства с особым духом общественности и с прочной организацией; и это-то государство, по-видимому, хотело разделить с римлянами господство над миром. Они называли себя киликийцами, потому что многие из них принадлежали к этому племени; но все племена, жившие на берегах Средиземного моря, имели среди этого общества своих представителей. Преследуемые, притесняемые или разоренные жители римских провинций, особенно из азиатских стран, бежавшие приверженцы различных победенных партий, искатели приключений всякого рода — все бросались на море, где их не могла достать рука римской республики, морские силы которой находились в упадке, и здесь производили насилие в отместку за свои прежние страдания, мстили гражданским общинам, изгнавшим их из своей среды, вели войну со всем миром.

Римляне неоднократно посылали флот и полководцев для уничтожения пиратов. В 79 г. консул Н. Сервилий Ватия в кровопролитном сражении разбил пиратский флот, разрушил много городов, принадлежавших им на южном берегу Малой Азии, затем в трехлетней кампании (78—76 гг.) в Исаврии, богатой заливами и горами, разрушил множество разбойничьих притонов среди скал, за что и получил прозвание Исаврийского; но этим зло еще не было искоренено.

Вскоре после его возвращения в Рим разбой начался снова и с еще большей силой. В 74 г. против пиратов был послан М. Антоний, сын оратора и отец триумвира, с обширными полномочиями; но своим неудачным походом он заслужил только насмешки и позор. Дело становилось час от часу хуже и невыносимее. Римский флот ушел с места битвы; даже легионы ждали только зимы, чтобы перебраться через море, не подвергаясь опасности со стороны пиратов: все государственное управление расстроилось, всякие сношения были затруднены. Денежные посылки наместников и сборщиков податей попадали в руки пиратов, торговый люд лишился барышей, пошлины и другие государственные доходы стали уменьшаться, прибрежные нивы оставались необработанными, подвоз хлеба в Италию и в Рим был отрезан. Такому положению дел необходимо было положить конец; этого требовали нужда и честь римского имени.

Тогда, в 67 г., трибун Авл Габиний, человек разорившийся, но хороший солдат и ловкий делец, выступил — может быть, по воле Помпея — с предложением, чтобы для усмирения морских разбойников выбран был из бывших консулов главнокомандующий с неограниченной консульской властью, без ответственности, на три года, которому предоставлена была бы верховная власть над всем Средиземным морем и над всеми берегами на протяжении десяти миль от моря внутрь страны; он должен избрать из сената 15 подчиненных ему полководцев с преторской властью, иметь право брать из государственной казны и провинциальных казначейств столько денег, сколько ему будет угодно; ему даются 200 кораблей с полномочием набрать самому требуемое число солдат и матросов. Народ принял это предложение с восторгом, потому что дороговизна довела его почти до голода, и тотчас же было указано на Помпея как на человека, которого следует избрать для выполнения этой задачи. Но сенатская партия была против Помпея; она боялась предоставить такую большую власть человеку, который уже два раза заставлял делать себе уступки, находясь во главе войска.

На другой день, когда началось голосование, Помпей, чтобы казаться беспристрастным, удалился из города в свою

деревню Альбанум. Когда закон был принят народным собранием, Помпей в следующую же ночь возвратился в Рим. На другой день поутру он явился публично, и народ принял его с восторгом. При громадном стечении народа он совершил жертвоприношение и в новом собрании, при помощи Габиния, добился того, что народ, в благодарность за готовность Помпея служить ему, придал своему постановлению еще более широкие размеры. В его распоряжение предоставлено было 500 кораблей, 120 тыс. человек пехоты, 5 тыс. конницы и 24 помощника полководца вместе с двумя квесторами. «В тот же самый день благодаря надежде, пробудившейся при одном имени этого человека, хлеб, после крайнего недостатка, внезапно подешевел до такой степени, как этого можно было ожидать только после богатейшей жатвы во время продолжительного мира».

Помпей блистательно оправдал ожидание народа; ни в одной из своих войн он не обнаруживал таких способностей и такой деятельности, как в войне с морскими разбойниками. Впрочем, он обладал такою властью, которая могла сокрушить все. Его военный план был составлен мастерски. Вся война продолжалась не более трех месяцев и была скорее облавой, чем настоящей войной, так как пираты не решались вступать в сражение и, не имея возможности спастись бегством, большей частью сдавались вместе со своими кораблями, женами и детьми. Только самые отчаянные и преступные из них спаслись вместе со своими семействами и сокровищами в крепостях Тавра и вышли против Помпея на мысе Коракезион, на западной границе дикой Киликии. Они были разбиты и покорились. Так как Помпей шадил покорившихся и обращался с ними мягко, то они указывали ему разбойничьи притоны в горах, так что он избавился от продолжительной и опасной войны в горах. Таким образом, пиратство было совершенно уничтожено. Пленные пираты были поселены в разных местах: лучшие — в городе Содой, в Киликии, получившем теперь имя Помпейополиса, другие в Адане, Мадле и Эпифании — в Киликии же, немногие из остальных — в Димэ, в Ахаии и в Калабрии.

В то время когда Помпей был еще занят наведением порядка в южной части Малой Азии, городские общины

острова Крит отправили к нему послов с просьбой принять их под свое покровительство, так как они надеются, что он обойдется с ними лучше, чем проконсул Кв. Метелл, который уже второй год успешно ведет войну на острове, но обращается с покоренными жителями весьма жестоко. По закону Габиния власть Помпея распространялась, конечно, и на Крит; но Метелл еще с прошлого года вел здесь самостоятельную войну, не принадлежал к легатам Помпея и почти уже окончил покорение острова; он мог требовать, чтобы Помпей воздержался от вмешательства в критские дела. Но честолюбие Помпея нашло здесь новый удобный случай пожать там, где он не сеял; он принял критян под свое покровительство и послал на остров своего легата Д. Октавия, чтобы запретить Метеллу вести войну и принять взятые им города. Так как Метелл не послушался приказа Помпея и продолжал осаждать и брать города, то Октавий призвал сюда стоявшего в Ахаии легата Помпея, Л. Корнелия Сизенну, с войском, и таким образом между войсками Метелла и Помпея началась настоящая война. Надо было опасаться междоусобицы; но Помпей прекратил этот раздор, за который его порицали многие из его друзей, так как он уже рассчитывал, что его пошлют на место Лукулла против Митридата.

Благодаря быстрому окончанию войны с морскими разбойниками слава Помпея и расположение к нему народа чрезвычайно увеличились. Народ боготворил его, как величайшего своего благодетеля, и считал его способным на всякий подвиг. Было известно, что Помпей хотел получить начальство в войне с Митридатом и Тиграном, и народ был готов поручить ему эту войну в уверенности, что великий полководец быстро справится с азиатскими делами. Как мы уже знаем, Лукулл, вследствие мятежа своих солдат, потерял все, что было им приобретено с такой славой; его многочисленные враги в Риме, друзья Помпея, унижали его и выставляли Помпея единственным человеком, который в состоянии поправить дело. В начале 66 г. трибун Г. Манилий, подстрекаемый Помпеем, выступил перед народом и предложил закон, по которому Помпей, стоявший на зимних квартирах на южном берегу Малой

Азии, должен был получить место главнокомандующего в войне с Митридатом и Тиграном, с неограниченной властью над войском и флотом на Востоке и с правами наместника не только в провинциях Азии, Вифинии и Киликии (вместо Лукулла, Глабриона и Марция Рекса), но и во всех других областях Азии до самой Армении. Хотя аристократия и была убеждена в том, что с Лукуллом поступают несправедливо и неблагодарно, так как ему, лишившись заслуженного почета, придется уступить свое место преемнику не для войны, а для триумфа, но большинство было против этого закона, главным образом из боязни, что Помпею будет предоставлено слишком много власти, что может сделаться опасным для свободы; они уговаривали друг друга высказаться в народном собрании против этого закона. Но во время восторженного народного голосования в пользу Помпея никто из них не решился противоречить народу, за исключением Кв. Катула и Кв. Гортензия. Последний заметил, что если возложить все на одного человека, то Помпей наиболее достоин этого; но возлагать все на одного нельзя. Катул напомнил, что не следовало бы отступать от примера и постановлений предков; но видя, что его речь не имеет успеха, окончил ее гневным восклицанием, обращаясь к сенаторам: «Так бегите же, как предки ваши, в горы и скалы, чтобы спасти свободу!» Закон поддерживали многие влиятельные люди, как, например, бывший консул Сервилий Исаврийский, претор Цицерон (в дошедшей и до нас речи *Pro lege Manilla* или *De imperio Cn. Pompei*) и друг народа Юлий Цезарь. Трибы единогласно одобрили этот закон.

Когда Помпей получил известие о решении народа и поздравления от окружавших его лиц, он сделал вид, что такая честь ему в тягость; с печальным лицом стал он жаловаться на своих врагов, которые не перестают навязывать ему новые труды, в надежде, что он когда-нибудь не вынесет их тяжести. Слышавшие эти жалобы хорошо понимали, как следует смотреть на них; самое страстное желание Помпея было исполнено. Он тотчас же перешел через Тавр, чтобы пожать там, где посеял Лукулл. Как мало обращал он внимания на последнего — это мы уже видели выше. сосре-

доточив свои войска, он двинулся против Митридата, который сначала просил мира, но затем, когда ему было предложено сдаться безусловно и выдать перебежчиков, решил с биться не на жизнь, а на смерть. Силы Митридата, как и Тиграна, сломлены были Лукуллом; у него оставалось только еще 30 тыс. человек пехоты и 2 тыс. конницы, только почетный караул для великого азиатского царя. Не давая сражение, он отступил перед Помпеем и ушел из своей земли, вероятно, для того, чтобы соединиться с Тиграном в Армении. В Малой Армении, недалеко от Евфрата, за который он старался спастись, но был настигнут римлянами ночью, в одном проходе, почти на том самом месте, где Помпей потом основал Никополь (Город Победы); Митридат потерял все свое войско: 10 тыс. было убито, 10 тыс. взято в плен, остальные разбежались. Царь вместе с 800 всадниками в самом начале сражения пробился сквозь римские войска; но скоро все разбежались, и он остался один, с тремя спутниками, в числе которых была одна из его жен, Гипсикратейя, которая в одежде персидского всадника всюду следовала за царем, заботилась о нем и утешала его. За ее мужество Митридат называл ее Гипсикратом. Мало-помалу вокруг бегущего царя снова собралось несколько человек. Прибыв в Синору, крепость в Малой Армении, где хранилась часть его сокровищ, он разделил между своими людьми драгоценные одежды и выдал им годовое жалованье. Гипсикратейе, одной из своих дочерей, бывшей вместе с ним, и каждому из своих друзей он дал смертоносный яд, который они должны были иметь при себе затем, чтобы никто из них не достался врагу против своей воли. Отсюда с 6 тыс. талантов он поспешил в Армению, чтобы купить покровительство Тиграна; но последний назначил 100 талантов награды за его голову, думая, что Митридат содействовал восстанию против него и его сына Тиграна. Поэтому Митридат поспешил удалиться мимо источников Евфрата в область Колхиду, где и перезимовал в Диоскурии.

Помпей не преследовал бежавшего Митридата, но вторгся в Армению, куда призвал его Тигран Младший, восставший против своего отца. Царь Тигран, видя, что его сыну и Помпею сдается город за городом, без войска, со

своими друзьями отправился к Помпею просить мира. Когда он приблизился к римскому лагерю, стоявшему в 16 тыс. шагов от Артаксаты, все его спутники разбежались, и он поехал в лагерь один, без пурпура, только с высокой тиарой на голове и с царской повязкой. Здесь ликторы приказали ему спешиться, так как обычай никому не позволял въезжать в римский лагерь на лошади. Он повиновался и при этом отдал ликторам свой меч. Явившись к Помпею, он, царь царей, снял с себя диадему, чтобы положить ее к его ногам и преклониться перед ним по азиатскому обычаю. Но Помпей не допустил его до такого унижения, снова возложил на него диадему и повел его в палатку. Здесь он указал ему место рядом с собой, а по другую сторону полководца сидел Тигран Младший, сердясь на то, что его отца еще признают царем. Помпей решил, что царь должен удерживать за собой Армению, но отдать своему сыну, который должен ему наследовать, Софену и Гордиену; все остальные страны, завоеванные Тиграном, — Финикию и часть Киликии, Галатию и Каппадокию — он должен уступить Риму и заплатить 6 тыс. талантов военной контрибуции. Этим решением царь был так доволен, что, кроме 6 тыс. талантов, заплатил еще большую сумму для раздачи солдатам. Но молодой Тигран ожидал для себя большего; он не мог скрыть своего неудовольствия, и когда Помпей пригласил его к столу, он отвечал, что для того чтобы получить такую честь, он не нуждается в Помпее, и что он найдет то же самое у каждого римлянина. Так как он позволял себе еще тайные происки и преследовал отца, то Помпей приказал заключить его в оковы и потом взял его с собой в Рим, чтобы вывести его в триумфе.

Часть своих войска Помпей оставил под начальством легата А. Афрания между Евфратом и Араксом, а сам вышел из области Артаксаты к северу и расположился на зимовку около реки Кир (теперь Кура), на юго-восточной границе Кавказа. Это обеспокоило соседние кавказские народы. Албанцы под начальством князя Оройза совершили набег на римский зимний лагерь, но были храбро отбиты. Царь иберов, Арток, тайне приготавливался напасть на Помпея весной, когда тот пойдет через его страну в Кол-

хиду, на Митридата; но Помпей разбил его и проник в Колхиду, где находился его флот под начальством Сервилия. В это время Митридат со своим верным войском пробрался по восточному и северному берегу Черного моря, частью по суши, частью на кораблях, в основанное им Боспорское царство, где низложил своего сына Маха, перешедшего к римлянам, и принудил его к самоубийству. Идти вслед за царем через Кавказ для Помпея было слишком затруднительно и опасно; потому он оставил Митридата покуда в покое и, под предлогом восстания албанцев в тылу, вернулся к нижнему течению Киры. По дороге он покорил албанцев и заключил с ними, а также с иберами и другими кавказскими племенами договор, вследствие которого они стали в зависимые отношения к Риму.

Отступив затем в Понтийское царство, покорив и разрушив здесь последние крепости, оказывавшие ему сопротивление, Помпей летом 64 г. отправился в Сирию, которая находилась в безнадежном состоянии. Сирийское царство Селевкидов совершенно распалось; царствующий дом Селевкидов, вследствие постоянных споров из-за престола, утратил свое могущество и значение, и князья арабских племен вместе с мелкими разбойниками бесчинствовали теперь между Евфратом и Средиземным морем. Только иудеи, освободившиеся в 167 г., под предводительством семейства Маккавеев, или Хасмонеев, из-под власти сирийских царей, по-видимому, старались приобрести себе политическое могущество; но внутренние религиозные и политические несогласия между фарисеями и саддукеями, во время пребывания в Азии Лукулла и Помпея, привели к кровопролитным междоусобицам, которые истощали силы нации. Против царя Аристовула, к которому примкнули саддукеи, восстали фарисеи, желая доставить господство его добродушному, но слабому брату Гиркану. Помпей прибыв в эту страну, стал на сторону фарисеев и приказал, чтобы царская власть была отменена, чтобы снова была восстановлена древняя власть первосвященников; Гиркана он сделал первосвященником и правителем. Аристовул покорился, но его фанатические приверженцы удалились на скалу Иерусалимского храма и упорно держались там в продолжение трех

месяцев. В одну из суббот храм был взят Помпеем, и те, которые избежали смерти от меча солдат, окончили свою жизнь под топорами ликторов. Страна сделалась зависимой от римлян и должна была платить дань. Помпей сильной рукой положил конец беспорядкам и разбоям во всей Сирии; дом Селевкидов, от которого оставалось еще трое бес сильных претендентов на царство, объявлен лишенным престола и Сирия стала римской провинцией.

Когда Помпей, в 63 г., выступил в поход на Петру, главный город набатеев в Аравийской пустыне, неподалеку от Иерихона прискакали к нему вестники, которые, как было видно по лавровым веткам, обвитым вокруг их копий, принесли ему радостную весть. Помпей в это время упражнялся в верховой езде, объезжая свой лагерь, и хотел сначала кончить свои упражнения, а затем принять посольство; но солдаты, столпившись вокруг него, стали осаждать его криками и просьбами, так что он слез с лошади, приказал подать себе письма и отправился в лагерь. Так как из-за недостатка времени солдаты еще не успели построить ораторской трибуны (она делалась обыкновенно из сбоев дерна), то они с нетерпеливым любопытством торопливо снесли в кучу седла вьючных животных и устроили из них возвышение, на которое поднялся полководец, чтобы сообщить им новость. В письме заключалось известие, что Митридат умер: из-за восстания своего сына Фарнака он сам лишил себя жизни; Боспорское царство досталось теперь Фарнаку, который в своем письме заявлял, что вступает на престол для себя и для римлян. Войско выслушало это известие с громким одобрением и на радости устроило жертвоприношение и попойки, как будто бы с одним Митридатом погибло много тысяч неприятелей. Фарнак отослал труп отца в Понт к Помпею, который приказал похоронить его в царских гробницах Синопа.

Митридат был опасен для римлян до конца своей жизни; со смертью его война в Азии закончилась. Помпей употребил оставшееся время на устройство восточных дел, пользуясь своим полномочием в Малой Азии.

Распорядившись судьбами народов и государей Востока, Помпей осенью 62 г. стал готовиться к возвращению со

своим войском в Италию. В Риме ожидали покрытого славой полководца, которому, во главе преданных ему войск, при том расположении, которым он пользовался у народа, было бы не трудно сделаться самодержавным. Еще в 63 г. Кв. Метелл Непот прибыл из лагеря Помпея в Рим, где устроил так, что его избрали трибуном на следующий год; он хотел доставить Помпею консульство и начальство в войне с Катилиной, который поднял оружие против Рима и Италии. Все видели, что Помпей старался удержать за собой военную власть в Италии, вероятно для того, чтобы доставить себе постоянную диктатуру, потому аристократы, особенно Катон, всеми силами противились предложениям Метелла; дело дошло до кровопролития между вооруженными толпами обеих партий, и Метелл был изгнан и лишен своей должности. Этим Помпей мог бы, конечно, воспользоваться, чтобы поднять народную войну и достичь желанного самодержавия; но каково было всеобщее удивление, когда он, высадившись в Брундизиуме, распустил все свое войско и в начале 61 г. поехал в Рим как частный человек. Как ни сильно желал он власти, но у него не было смелости для того, чтобы открыто нарушить законы. Свой триумф он отпраздновал 29 и 30 сентября, в 46-й год, своего рождения, и без войска. Теперь в третий раз он входил в Капитолий как триумфатор, как завоеватель Азии, между тем как раньше он праздновал победы над Африкой и Испанией, или, как ему приятно было слышать, над Европой. Большое количество вывезенных напоказ сокровищ пришлось оставить, хотя процессия шла два дня. На досках, которые несли впереди, были написаны имена покоренных народов и стран: Понт, Армения, Каппадокия, Пафлагония, Мидия, Колхида, иберы, албанцы, Сирия, Киликия, Месопотамия, Финикия, Палестина, Иудея, Аравия, наконец - морские разбойники. Там же было написано, что он взял 1 тыс. крепостей, около 900 городов и 800 кораблей, вновь основал 39 городов, увеличил дань с 50 до 85 млн. драхм и обогатил казну на 20 тыс. талантов. Тут же вели пленников, в числе которых, кроме начальников пиратов, были: молодой Тигран с женой и дочерью, Цозима, супруга царя Тиграна, Аристокбул, царь иудейский,

сестра, пять детей и несколько скифиянок — жен Митридата, заложники от иберов, албанцев и царя Коммагены; множество трофеев в память обо всех битвах, которые были выиграны самим Помпеем или его подчиненными. В конце процессии ехал сам триумфатор на колеснице, украшенной драгоценными камнями, в одежде Александра Великого, с которым он охотно позволял себя сравнивать.

Блеск этого триумфа очень льстил его тщеславию, но не имел для него никакой реальной выгоды. Он желал прежде всего, чтобы сенат утвердил его распоряжения в Малой Азии, назначил его вторично консулом и согласился на раздачу земель, обещанных Помпеем своим солдатам. Но сенатская партия, особенно Катул, Катон, Лукулл, Метелл Критский, ставила ему всевозможные препятствия и отказалась исполнить его требования, так что он, не имея ловкости и удачи в борьбе политических партий и желая приобрести расположение масс, решил подкупом доставить своим друзьям должности, с тем чтобы они держали его сторону. Но его сообщники оказались неспособными, как и он сам; его сила и влияние, по-видимому, совершенно исчезали. В это время с ним сблизился Гай Юлий Цезарь, ловкий и энергичный предводитель народной партии, который и прежде оказал Помпею несколько услуг, хотя всегда имел в виду свои собственные интересы, а теперь предложил ему союз. Он только что возвратился из Испании, которой управлял после своей претуры, и хлопотал о консульстве на 59 г. Помпей должен был помочь ему добиться этой должности, а взамен этого Цезарь обещал, что, сделавшись консулом, он добьется утверждения распоряжений Помпея в Азии и поземельного надела для его ветеранов.

После того как Цезарь огромным большинством голосов был избран консулом, он постарался примирить между собой Помпея и Красса, которые в последнее время во всем противоречили один другому, и соединить их вместе с собой в один союз. Красс (род. в 113 г. до Р. Х.) был человек обыкновенного ума и образования, но, благодаря своей чрезвычайной деятельности, приобрел огромное богатство и важное значение в государстве. С самых юных лет все его мысли были направлены на приобретение средств,

хотя не всегда честным способом; особенно он сумел отлично воспользоваться временем проскрипций Суллы. Таким образом, он стал первым богачом в Риме. Незадолго до своей смерти, несмотря на огромные расходы, обыкновенно говаривал, что никто не может назваться богатым, если не в состоянии содержать войско на проценты со своего капитала. Его богатство сделало его важным человеком, расположило к нему народ и поставило в зависимость от него множество влиятельных людей всех партий. В таком положении, при многочисленных связях, ему, естественно, могла прийти мысль стремиться еще выше и начать борьбу за господство в государстве с первыми полководцами и государственными людьми. Поэтому он тогда принял сторону сената, чтобы помочь последнему низвергнуть слишком высоко поднявшегося Помпея. Цезарь часто пользовался для своих целей Крассом и его деньгами и теперь также нуждался в нем. Чтобы из-за дружбы с одним не сделаться врагом другого, он обоих помирил; он поставил им на вид, что, при их взаимной вражде, могут возвышаться только люди незначительные, вроде Цицерона, Катона и Катуты, между тем как они, заключив между собой мир и дружеский союз, могли бы забрать все государство в свои руки. Таким образом, эти три человека втайне заключили союз, который они утвердили клятвенно, с намерением не допускать, чтобы в государстве произошло что-либо неприятное для кого-либо из них. Это был первый триумвират, при основании которого каждый надеялся с помощью двух других достичь единовластного господства, но который, в сущности, делал Помпея и Красса только орудиями в руках далеко превосходившего их по уму Цезаря.

Цезарь, сделавшись консулом, исполнил обещание, данное им Помпею: он выхлопотал утверждение распоряжений Помпея в Азии и аграрного закона в пользу его ветеранов. Благодаря любезности Цезаря между двумя союзниками мало-помалу установилась откровенная дружба, которую они закрепили родственным союзом. Помпей женился на любимой дочери Цезаря, Юлии, которой тогда было 23 г., и до самой ее смерти жил с ней счастливо. Когда

Цезарь в 58 г. отправился в качестве проконсула в свою провинцию Галлию, Помпей остался в городе, чтобы охранять интересы союза; но оба они еще прежде позаботились, при помощи трибуна Клодия, удалить из города своих опаснейших противников - Цицерона и Катона. Катону было поручено присоединить к римской республике царство Кипрское; Цицерон, имевший в лице Клодия самого заклятого врага, был удален в изгнание под тем предлогом, что действовал незаконно при подавлении заговора Катилины.

С тех пор как Цезарь удалился в Галлию, Помпей не играл видной роли. Трибун Клодий, которого мы видели уже в лагере Лукулла, человек дерзкий и бессовестный, своей распушенностью произвел в Риме всеобщий беспорядок и со своими вооруженными толпами занял улицы и форум. Теперь он обратился против Помпея, чтобы испытать на нем свои силы; он стал бранить его, как только тот где-нибудь показывался, угрожал разрушить его дом, силой освободил молодого Тиграна, пленника Помпея, из заключения, причем друг Помпея М. Папирий лишился жизни. Жизнь самого Помпея не была в безопасности. Униженный и оскорбленный в своем достоинстве, он почти совершенно удалился от общественной жизни, не имея уже поддержки ни в сенате, ни в народе, и жил преимущественно в своей усадьбе Альбанум; наконец, Клодий осадил его в его жилище. Эта крайность заставила Помпея деятельно хлопотать о возвращении изгнанного Цицерона, чтобы тот помог усмирить Клодия. Возвратившийся Цицерон оказался благодарным и своими стараниями в сенате помог Помпею, под предлогом необыкновенной дороговизны, добиться главного наблюдения за всем ввозом съестных припасов на пять лет. Помпей хотел иметь в этой должности флот и войско, чтобы, подобно Цезарю, получить военное начальство; но это намерение не осуществилось, и вследствие явных и тайных нападков своих врагов и собственной неустойчивости и нерешительности Помпей вскоре опять оказался в таком затруднительном положении, что снова должен был прибегнуть к Цезарю, который между тем благодаря своим победам в Галлии приобрел чрезвычайную силу и значение и при помощи своих связей из Галлии управлял римскими делами.

Цезарь с помощью подкупа и подарков, которые он делал трибунам, эдилам, преторам и консулам и женам их на покрытие их издержек, приобрел себе значительное число приверженцев. Когда он в 56 г. стоял на зимних квартирах в Луке, в Верхней Италии, множество знатных римлян обоюбого пола отправилось туда, чтобы сделать ему визиты и получить от него приказания; туда явилось одних сенаторов 200 человек, и перед дверьми его дома можно было видеть 120 дикторских пучков, принадлежавших проконсулам и преторам. Туда явились также Помпей и Красс, отношения между которыми снова сделались весьма натянутыми, так как Красс уже давно отделился от Помпея и стал действовать против него вместе с вожаками черни. Цезарь помирил обоих товарищей и возобновил свой союз с ними. Он заключил с ними договор, в котором условился, что оба они на следующий год сделаются консулами и получают провинции и войско, и обещал употребить все свое влияние на народ в пользу их и послать в Рим на выборы многих из своих солдат; сам он обеспечил для себя продолжение срока своего наместничества еще на пять лет и выдачу жалованья своим войскам.

Договор, заключенный в Луке, был исполнен. Когда Помпей и Красс заявили о своем желании сделаться консулами, все другие соискатели уступили им, кроме одного Л. Домиция Меднобородого (Ahenobarbus), которого уговаривал и ободрял Катон, выставляя ему на вид, что здесь дело идет не столько о борьбе за консульство, сколько о борьбе за свободу против тирании. Но Помпей не допустил Домиция даже и на форум, а послал против него вооруженный отряд, который перебил шедших перед ним факелносцев и рассеял остальных; Катон, защищая Домиция, был ранен в правую руку и последним оставил место стычки. Таким образом, Красс и Помпей были избраны в консулы. Катон, честный и настойчивый защитник свободы, стал хлопотать о преторстве, чтобы иметь возможность препятствовать насилиям консулов; но его противники сумели и здесь устранить его, добившись назначения трибуном преданного им Гая Требония. Последний представил народу проект закона, по которому консулам должны быть предос-

тавлены Сирия и обе Испании, с полномочием по собственному соображению вести войну и усиливать свои войска, и провел этот проект, насильно удалив Катона с ораторской трибуны и силой оружия заставив замолчать несогласившихся с ним трибунов. По другому закону Требония наместничество Цезаря было продолжено на пять лет.

Во время своего консульства Помпей открыл построенный им на Марсовом поле большой театр; этот первый театр в Риме был назван по имени Помпея. В нем могло поместиться 40 тыс. человек, и все было устроено красиво и роскошно. Торжество открытия продолжалось несколько дней и дало Помпею желаемый случай блеснуть своим царским богатством. Театральные представления возбуждали удивление не столько искусным расположением и выбором, сколько разнообразием зрелищ и массами действующих лиц: в одной пьесе являлся бесконечный ряд мулов, в другой происходили сражения целых отрядов пехоты и конницы; затем устроен был бой атлетов и гладиаторов, и, наконец, цирк, в котором в продолжение пяти дней происходила различная охота на зверей, при этом было затравлено 500 африканских львов, 18 слонов, 410 пантер; показывался также носорог и другие экзотические животные и вместе с ними женщина необыкновенно глубокой старости.

По окончании срока своего консульства Красс удалился в свою провинцию Сирию, где в надежде на приобретение еще больших богатств начал войну с парфянами, но в 53 г. был завлечен в пустыню, разбит наголову при Каррах и во время бегства убит. Помпей, покончивший свое консульство, предоставил свою провинцию Испанию в управление своим легатам и, под предлогом надзора за подвозом хлеба в столицу, остался вблизи от Рима. Смерть жены Юлии летом 54 г. разорвала личную связь между Помпеем и Цезарем, а со смертью Красса столкновение между ними сделалось более возможным, так как ни тот ни другой уже не опасался, что противника поддержит третий. Оба они внешне находились еще в хороших отношениях, но каждый из них уже обдумывал средства и способы сокрушить другого, так как разделение власти было несовместимо с их честолюбием. Помпей

снова стал мало-помалу сближаться с сенатской партией, которая видела в нем своего защитника против Цезаря, могущественного и опасного предводителя народной партии, и всеми силами старался увеличивать анархию на римском форуме и улицах, в надежде, что притесняемый сенат возложит на него диктатуру. В 53 г. он отдалил выборы консулов до 7-го месяца, а в следующем году, вследствие беспорядков, вызванных убийством Клодия шайкой Милона, ему удалось добиться своего избрания если не в диктаторы, то в консулы, для восстановления порядка в государстве, причем он был избран один, без товарища, и только на последние пять месяцев года взял себе в товарищи своего тестя Метелла Сципиона. Во время этого консульства он провел много законов, направленных против Цезаря, а именно: чтобы никто из отсутствующих не мог заочно хлопотать о консульстве и чтобы никто не мог получать наместничества ранее пяти лет со времени выхода из государственной службы; но перед этим он устроил так, что его собственное наместничество в Испании было продолжено еще на пять лет, а ему дано полномочие усилить свое испанское войско двумя легионами и брать из государственной казны для раздачи жалованья по 1 тыс. талантов ежегодно. Когда Цезарь при помощи своих друзей воспротивился принятию первого из этих законов, Помпей оказался настолько слабым, что стал утверждать, будто бы Цезаря не исключили из этого постановления по забывчивости, и устроил так, что его сопернику было предоставлено требуемое им преимущество.

Интриги против Цезаря продолжались и после того, но медленно и с некоторой боязливостью, так как многие опасались открыто заявить о себе против Цезаря, да и сам Помпей не отваживался решительно выступить против него. В сенате еще в 51 г. рассуждали о провинциях Цезаря, т. е. об отозвании его из Галлии; но затем это дело снова было отложено до 1 марта 50 г. Когда в этот день консул Г. Клавдий Марцелл, ярый противник Цезаря, пустил на голосование в сенате вопрос об отозвании Цезаря из провинции и из войска, трибун Курион, которого Цезарь подкупил, уплатив его громадные долги, потребовал, чтобы и Пом-

пей отказался от Испании и своего войска, и таким образом помешал окончательному решению дела. Между тем Помпей удалился в Кампанию и делал вид, что мало заботится об этом важном споре; он даже писал в сенат, что готов сложить с себя должность, возложенную на него без его согласия, и впоследствии сказал то же самое в Риме, прибавив, что его друг и родственник Цезарь, вероятно, также охотно удалится на покой после продолжительных и трудных походов. Курион разгадал его хитрость и потребовал, чтобы он удалился от дел раньше Цезаря. Помпей в гневе удалился в свой сад перед Римом и придумал план ослабления военной силы своего противника. По его совету, консул Марцелл предложил, чтобы Цезарь и Помпей отдали по одному легиону на войну с парфянами. Когда сенат согласился на это предложение, Помпей потребовал у Цезаря свой легион, который он дал ему раньше, так что Цезарю пришлось отдать два легиона. Он повиновался и отпустил легионы с большими подарками. Вскоре после этого в сенате снова был поставлен вопрос об отозвании Цезаря; так как Курион настаивал на требовании, что и Помпей должен оставить свою должность вместе с Цезарем, то консул Марцелл в гневе встал и воскликнул, что он не может спокойно сидеть и слышать такие речи, видя, что 10 легионов идут сюда через Альпы и что хотят удалить единственного человека, который может выступить против них на защиту отечества. Он прекратил заседание, и так как слух, что Цезарь идет на Рим, подтверждался, Марцелл вместе с консулами, избранными на следующий (49) год, поспешил к Помпею и вручил ему меч, требуя, чтобы он защищал отечество, и предоставляя ему набрать новые войска по желанию. Помпей принял это предложение, а Курион, сложив свою должность (10 декабря) и опасаясь за свою личную безопасность, поспешил к Цезарю, который в последнее время держался постоянно вблизи Италии и в эту минуту стоял с 5 тыс. пехоты и 300 всадников в Равенне, крайнем городе своей провинции.

В последние дни декабря Цезарь послал Куриона в Рим с письмом к сенату и консулам следующего года; в этом письме он оправдывался от взводимых на него обвинений

и обещал распустить свое войско, если Помпей сделает то же; но если Помпей остается вооруженным, то и ему следует позаботиться о своей безопасности. Трибуны М. Антоний и Кассий Лонгин, бывшие на службе у Цезаря, едва могли добиться прочтения этого письма в сенате; содержание его не было принято во внимание; напротив, консулы устроили совещание о положении государства, и тесть Помпея, Сципион, сделал предложение, чтобы Цезарю было приказано в назначенный день распустить свое войско; если же он не исполнит этого, то должен быть объявлен врагом государства. На возражения Антония и Кассия не обратили внимания, а когда на следующих заседаниях сената, охраняемых вооруженными отрядами Помпея, они стали настаивать на своем, то консул Лентул 6 января 49 г. выгнал их из сената; решено было, что консулы, преторы, трибуны и все сановники должны заботиться о безопасности государства; защита республики была возложена на Помпея. В следующую ночь Антоний и Кассий, спасая свою жизнь, вместе с Курионом и Целием Руфом, который уже несколько лет действовал в пользу Цезаря, бежали, одевшись рабами, на наемной повозке в лагерь Цезаря.

Цезарь, хотя и решившийся уже начать войну, во время этих переговоров постоянно показывал миролюбивые намерения, чтобы представить войну со своей стороны только мерой крайней необходимости; чтобы иметь возможность стянуть свои войска по эту сторону Альп, он намеренно затягивал переговоры. Но теперь, когда разрыв сделался неизбежным, он быстро и смело перешел в наступление, не давая неприятелю собраться с силами, хотя в это время у него был только один легион. Он стоял на реке Рубикон, отделявшей его провинцию от Италии. Переходом через эту реку он начинал войну против своего отечества, делался государственным изменником. Хотя он уже давно освоился с этой мыслью, но теперь, когда ему предстояло окончательно решиться на смелый и опасный шаг, он еще раз должен был взвесить всю важность такого поступка. «Жребий брошен!» - сказал он и перешел через реку. Весть об этом произвела в Риме величайшее уныние и смятение. Сенат как можно поспешнее отправился к Пом-

пею; туда же явились и другие чиновные лица. Бывший консул Волкаций Тулл спросил его о количестве его боевых сил; но когда Помпей медленно и тихо отвечал, что войска, отосланные Цезарем, стоят наготове и что он рассчитывает в самое короткое время собрать и тех, которые были на вербованы ранее в количестве 30 тыс. человек, тогда Тулл воскликнул: «Ты обманул нас, Помпей!» — и посоветовал отправить к Цезарю послов. Помпей, в своей гордой уверенности, не позаботился о самых необходимых приготовлениях к обороне; тем, которые делали ему по этому поводу замечание, он с усмешкой отвечал, что они могут быть спокойны, что ему стоит только топнуть, и из земли явятся отряды пехоты и конницы по всей Италии. Теперь претор Фавоний с горькой насмешкой просил его топнуть ногой, чтобы вызвать обещанные войска. Помпей колебался, не зная, что делать, и не мог прийти к какому-либо твердому решению. Наконец, он сделал распоряжение, чтобы все члены сената следовали за ним, добавив, что всякого, кто останется, он будет считать сторонником Цезаря, и вечером уехал из города; за ним последовало большинство сенаторов и все те, которые считали нужным бояться Цезаря. Таким образом, город был оставлен и правительство перевело свою резиденцию в Капую; но Помпей теперь стал подумывать, как бы перебраться в восточные провинции, где он пользовался большим почетом и надеялся найти богатые средства для войны. В Италии Цезарь действовал с ужасающей быстротой; город за городом без сопротивления сдавался ему, а войско его быстро увеличивалось наборами, громадным числом перебежчиков и подкреплениями из Галлии.

За 60 дней Цезарь завладел всей Италией. Так как у него не доставало кораблей, чтобы тотчас же преследовать Помпея, то он приказал построить флот и отправился в Рим. Здесь он успокоил народное собрание и сенат, позаботился о подвозе хлеба и обещал раздать гражданам деньги. Трибун Л. Метелл запретил ему открыть священную казну, сберегавшуюся на случай крайней нужды и оставленную консулами в Риме, и сам, надеясь на неприкосновенность своего сана, стал в дверях храма. Цезарь пригрозил ему

смертью, добавив, что ему не так трудно сделать это, как сказать. Прогнав трибуна, Цезарь велел выломать двери и взял из казны 26 тыс. слитков золота и 40 млн. сестерний. В половине апреля он поспешил в Испанию; он говорил, что хочет сначала разбить войско без полководца, а затем пойти на полководца без войска. В Испании, при Илерде, он принудил сдаться войско Помпея, 5 легионов и много вспомогательных отрядов, под начальством легатов Афрания и Петрея, и овладел Испанией; затем, в начале зимы, переправился через Адриатическое море, сражался некоторое время с Помпеем в окрестностях Диррахиума, причем много раз терпел поражение, и, спасаясь от преследования Помпея, поспешными переходами двинулся в Фессалию. Друзья Помпея советовали ему возвратиться в оставленную Цезарем Италию, снова овладеть всем Западом (в то время как Цезарь мог остаться под наблюдением флота в Греции) и затем снова отправиться против неприятеля на Восток. Но Помпей отверг этот план; он надеялся, что будет в состоянии теперь же закончить войну и не хотел оставлять без помощи своего отчима Метелла Сципиона, который, прибыв из Сирии, стоял с двумя легионами в Фессалии. Потому он двинулся в Фессалию, чего Цезарь и хотел, и там 9 августа 48 г., в Фарсальской долине, произошла борьба за господство в государстве.

В битве при Фарсале Цезарь имел 82 когорты - несколько более 22 тыс. человек и около 1 тыс. галльских и германских всадников; у Помпея же было в два раза с лишком больше войска. Оптиматы в лагере Помпея были так уверены в своей победе, что заранее спорили об имуществе неприятеля и совещались о том, как наказать его; они уже делили между собой консульство и другие почетные должности на целый год вперед и настаивали на том, чтобы Помпей, рассчитывавший одолеть измором неприятеля, дал сражение и покончил дело. Помпей против воли согласился и построил войска в боевой порядок. Узнав о готовящемся наступлении противника, Цезарь воскликнул: «День, ожидаемый нами, настал; теперь мы будем сражаться уже с людьми, а не с голодом и лишениями!» - и приказал развернуть боевое знамя. С громким радост-

ным криком солдаты бросились к оружию, и каждый отряд охотно и без шума занял свое место в строю. Помпей принял начальство над правым крылом, где против него стоял Антоний, в центре командовал отчим Помпея против Домиция Кальвина, на левом крыле — Домиций Меднобородый, которого Цезарь при Корсиниуме взял в плен, но потом отпустил. Помпей на крайнем левом фланге выставил всю свою конницу, 7 тыс. человек, в числе которых было много знатных юношей; эта конница должна была напасть на Цезаря и рассеять его десятый легион, который всегда считался храбрейшим и при котором в сражениях находился обыкновенно сам Цезарь. Когда Цезарь заметил намерение Помпея, он выставил за десятым легионом шесть резервных когорт таким образом, что неприятель не мог их заметить, и приказал им при приближении всадников броситься на них и бить их дротиками. «Эти нежные и красивые оруженосцы, — сказал он, — слишком заботясь о своих физиономиях, не устоят и дрогнут при виде железа, направленного им прямо в глаза».

В то время когда Цезарь отдавал эти приказания, Помпей верхом на лошади осматривал стоявшие в боевом порядке войска и заметил, что солдаты Цезаря, старые и привыкшие к бою галльские воины, спокойно ожидали момента атаки, между тем как большая часть его собственного войска, неопытного в военном деле, двигалась туда и сюда в постоянном беспокойстве и беспорядке. Так как он опасался, что боевая линия при начале сражения может быть разорвана, то он приказал, чтобы передовая линия, сомкнувшись в тесные ряды и не уклоняясь, ожидала неприятеля — мера, которую Цезарь порицает в своем сочинении о гражданской войне, говоря, что быстрое нападение, как звук трубы, придает солдатам храбрость, а спокойное стояние на месте при приближении неприятеля уменьшает ее. Цезарь повел свои легионы в атаку; на середине промежутка, отделявшего его от неприятеля, он на некоторое время остановился и затем, видя, что ряды Помпея все еще не двигаются с места, приказал своим быстро двинуться на них. К. Крастин, еще в прошлом году бывший первым центурионом десятого

легиона и теперь снова вступивший в него, воскликнул, что он живым или мертвым заслужит благодарность своего полководца, бросился вперед и вместе с другими 120 воинами врубился в неприятельские ряды. Когда он был убит, схватка на этом плане сделалась всеобщей. Тогда вся конница Помпея в сопровождении множества стрелков из лука и пращников бросилась на конницу Цезаря, которая в порядке отступила перед натиском этой массы, затем всадники Помпея атаковали пехоту Цезаря на правом крыле, желая окружить ее. Вдруг шесть когорт, до сих пор скрывавшихся, двинулись на эту конницу, направив свои копья на всадников. Всадники в страхе побежали на самые высокие холмы. Шесть когорт уничтожили большую часть легких войск, которые не могли так скоро бежать, и затем бросились на левое крыло Помпея, которому еще раньше пришлось защищаться против десятого легиона. Когда же Цезарь ввел в дело свежие войска своего третьего отряда, тогда левое крыло Помпея обратилось в дикое бегство. Этим решилось все сражение, так как вслед за тем обратились в бегство и центр и правое крыло Помпея, сражавшиеся до тех пор с переменным успехом.

Когда Помпей по поднявшейся пыли узнал, что его конница, на сильном натиске которой он основывал свою уверенность в победе, была отбита, то он с тяжелым, горестным чувством повернул свою лошадь к лагерю, куда последовала за ним часть его войска. Без слов, как окаменелый, сидел он в своей палатке, когда в полдень солдаты Цезаря, не удовлетворившегося половинной победой, начали штурмовать лагерь. Помпей, пробудившись от своего оцепенения, поспешно переменял платье и, сев на лошадь, бежал с немногими другими по направлению к Лариссе. Солдаты Цезаря с удивлением увидели, что в лагере Помпея все палатки увенчаны миртовыми ветвями и украшены разноцветными коврами; кругом стояли сосуды, полные вина, на столах — кубки; неприятель, очевидно, сделал все приготовления к победе. Утомленные победители надеялись, что им можно будет расположиться на месте врагов и воспользоваться их праздником; но торжествовать было еще рано, следовало еще окружить

окопами возвышение, на котором находилась большая часть рассеянного неприятельского войска. На следующее утро осажденные, испытывая недостаток в воде, спустились на равнину и сложили оружие. Цезарь в этой битве, по его собственным показаниям, потерял только 200 солдат и 30 центурионов; другие определяли его потерю в 1 200 человек. Из воинов Помпея пало до 15 тыс., более 24 тыс. сдались. Победитель обошелся с ними весьма мягко. Еще на поле битвы он приказывал воинам щадить граждан; после битвы он отпустил попавших в его руки сенаторов и всадников, не причинив им никакого вреда, а пленных солдат включил в свои войска.

Звезда Помпея потухла. Оставив свое рассеянное войско, он бежал через Лариссу в Темпейскую долину. Здесь, умирая от жажды, он бросился на землю и напился из реки Пеней; затем снова встал и побегал через долину к морскому берегу. Проведя остаток ночи в рыбацкой хижине, он поехал в лодке вдоль берега по морю, пока не встретил римское торговое судно, которое перевезло его на остров Лесбос. Его сопровождали только немногие, в том числе и царь Дейотар; Фавоний, бывший претор, служивал ему во время этого переезда, как раб своему господину, так как Помпей, прежде чем взойти на корабль, отпустил своих рабов. На Лесбосе находилась жена Помпея, Корнелия, со своим младшим сыном; он отослал ее сюда раньше, заботясь о ее безопасности. Так как он не решился пристать к Митидене, то послал к Корнелии вестника, который пригласил ее к нему на корабль. Несчастная женщина грезила о победах своего мужа, а теперь он являлся к ней беглецом, неуверенным даже в своей жизни. Когда вестник более слезами, чем словами познакомил ее с несчастной судьбой ее мужа, она упала на землю и долго лежала без слов и без движения. Снова придя в себя, она поспешила отправиться из города на берег моря. Там, жалуясь на себя и на несчастный жребий своего мужа, она бросилась в объятия вышедшего ей навстречу Помпея. Он утешал ее, указывая на будущее, которое при новом счастливом повороте судьбы может возратить им все ими утраченное. Взав жену и друзей своих на корабль, он отправился на юг, к

азиатскому берегу, не зная, куда ему ехать. В Аттаде, в Памфилии, он нашел несколько трирем из Киликии, вокруг него стали собираться солдаты, и он снова увидел себя окруженным 60 сенаторами. Он мог надеяться найти себе еще где-нибудь убежище, где бы ему можно было собрать своих друзей и войско для продолжения борьбы. Когда он со своими друзьями совещался на Кипре, куда направиться, митиленец Феофан указал на Египет, где царствовал тогда молодой птолемец Дионис, отец которого, Птоломей Авдет, был обязан своим престолом Помпею. Это предложение было принято, и Помпей со своей женой направился в море, другие последовали за ним на военных и торговых судах. Молодой царь вел войну со своей сестрой Клеопатрой и в это время находился в Пелузиуме; туда направился Помпей, выслав одного из своих вперед, чтобы возвестить Птолемея о своем прибытии и просить его о приеме. Но в это время вместо малолетнего царя в Египте управляли камергер Потин, ритор Теодот и полководец Ахилл. Они стали советовать между собою, как поступить с Помпеем. Они не осмеливались высказаться ни за, ни против него и, наконец, решили убить его. «В таком случае, — заключил Теодот, — будет доставлено удовольствие Цезарю, да и Помпея нечего уже будет бояться, потому что мертвый не укусит», — прибавил он с усмешкой.

Ахилл принял на себя исполнение этого вероломного решения. Вместе с неким Септимием, бывшим прежде у Помпея военным трибуном, центурионом Сальвием и тремя или четырьмя слугами он отправился в рыбацкой лодке в открытое море, к стоявшему на якоре кораблю Помпея, на котором находились и наиболее знатные лица из сопровождавших его. Последние, увидя неказистое судно, на котором приехали встречать Помпея, усомнились и советовались, не уйти ли снова в море, но в это время лодка подъехала, и Септимий встал и обратился к Помпею как к императору. Ахилл приветствовал его на греческом языке и пригласил его войти в лодку, говоря, что море в этом месте слишком мелко для триремы. В то же время показалось несколько царских трирем, а на берегу появились тяжеловооруженные воины, так что удалиться

было немислимо. Потому Помпей скрыл свое недоверие, чтобы не дать повода оправдать насилие. Он простился со своей плачущей женой и приказал двум центурионам, вольноотпущеннику Филиппу и рабу Скифу войти в лодку прежде него; в ту минуту когда Ахилл протянул ему из лодки свою руку, Помпей еще раз обернулся к своей жене и сыну и произнес стихи Софокла:

*Кто переступит через
порог тирана,
Тот раб его, хотя бы
и свободным пришел.*

С этими словами он вошел в лодку. Так как в продолжение довольно длинного пути до берега никто не сказал ему приветливого слова, то он посмотрел на Септимию и, желая нарушить тяжелое молчание, сказал: «Я думаю, что не ошибусь, если узнаю в тебе старого боевого товарища?» Септимий кивнул головой, не сказав ни слова, и снова наступила глубокая тишина. Когда, наконец, они подъехали к берегу и Помпей взял за руку Филиппа, чтобы легче выйти из лодки, Септимий нанес ему сзади первый удар мечом, а за ним сделали то же Сальвий и Ахилл. Помпей обеими руками натянул свою тогу на голову и лицо, со стонами, но в спокойной позе, не говоря и не делая ничего недостойного, переносил удары своих убийц. Его жена, сын и друзья с жалобными криками смотрели издали, как он погибал. Он умер в 58 лет, за день до дня своего рождения, 29 сентября 48 г. В этот самый день в 61 г. он праздновал свой третий триумф.

В то время когда оставшиеся на судах поспешили обратиться в бегство, убийцы отрубили Помпею голову, а туловище выбросили из лодки на берег. Филипп оставался возле него до тех пор, пока собравшаяся толпа вдоволь насмотрелась на него; затем обмыл его морской водой, обернул в одну из своих одежд и устроил костер из остатков рыбацкой лодки. Пока он был занят этим, к нему подошел уже пожилой римлянин, который в молодости участвовал в походах под начальством Помпея, и попросил

допустить его отдать последний долг полководцу. Так был погребен Помпей.

Луций Лентул, консул предыдущего года, товарищ Помпея в борьбе против Цезаря, явился день спустя с Кипра на египетский берег, не зная о случившемся. Его также схватили и убили.

Немного позже в Египет приехал Цезарь, и ему принесли голову Помпея. Он отвернулся с болью и ужасом; а когда ему подали перстень Помпея с печатью, на которой был изображен лев, вооруженный мечом, то он не мог удержаться от слез. Ахилла и Потина он велел казнить; Теодот бежал из Египта и долгое время блуждал, презираемый всеми, в тяжелой нужде; М. Брут, убийца Цезаря, встретил его после в Азии и велел убить. Царь Птолемей, начав войну с Цезарем, нашел свою смерть в Ниле. Прах Помпея был передан Корнелии, которая приказала поставить его в своем имении в Альбе.

Помпей был красивый человек, с благородной осанкой; черты его лица, полные серьезности и величественности, но не суровые, внушали уважение и доверие. Его живой взгляд свидетельствовал о гордом чувстве собственного достоинства. Волосы на голове его были всклокочены и поднимались над его прекрасным лбом. По мягкости выражения глаз его сравнивали с Александром Великим, хотя его наружность вообще не оправдывала такого сравнения. Как человек Помпей имел много почтенных качеств: он отличался от большинства своих товарищей по положению необычной для тогдашнего времени нравственной чистотой; он был умерен и прост, воздержан и не своекорыстен. Но это была натура гордая, холодная, самолюбивая и вследствие этого ненадежная и склонная к притворству, равнодушно относящаяся к правам и желаниям других.

34. ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

Г. Юлий Цезарь родился в 100 г. до Р. Х., 12-го числа месяца квинктилия, который впоследствии, по имени его, назван юлем; стало быть, он был на 6 лет моложе Помпея и Цицерона. Его отец, того же имени, дослужившийся только до претуры, умер, когда сыну был 16-й год. Мать его Аврелия, происходившая, как и муж ее, из весьма знатного рода, уделяла большое внимание воспитанию сына, который относился к ней с благодарной любовью до самой ее смерти (54). Под наблюдением этой прекрасной женщины богатые способности мальчика получили превосходное развитие; при необыкновенной восприимчивости и сильном прилежании, он развился быстро и усвоил все те познания, которые дали ему право на влиятельное участие в общественных делах как в мирное, так и в военное время. Одним из его учителей был ученый грамматик М. Антоний Гнифон, под руководством которого, конечно, и развилось то стремление к правильности и красоте слога, которое проявляется в речах и сочинениях Цезаря. Его юношеские годы прошли во время Марсийской войны и при начале междоусобицы между Марием и Суллой. Марий, женатый на сестре отца Цезаря, сделал его, еще 13-летнего мальчика, в 87 г., после своей победы над Суллой, жрецом Юпитера (flamen Dialis).

Гай Юлий Цезарь

Таким образом, Цезарь вступил в общественную жизнь; но расположение, оказываемое ему главой народной партии, еще не побудило его решительно стать на эту сторону. Так же мало сочувствовал он и партии оптиматов, к которой принадлежали значительнейшие из его родственников. Он уже в то время начинал чувствовать свое призвание к господству над миром и стал строить свои планы.

Проницательность его необыкновенно рано созревшего ума дала ему возможность понять, что республика уже отжила свой век; но предводители той и другой партии не внушали ему доверия, он решил идти своим, отдельным путем и уничтожить одну партию другой, чтобы затем повелевать обеими. Этому плану он следовал с непоколебимой твердостью и ловким расчетом, но вместе с тем так умеренно и осторожно, что не позволял себе никакого увлечения страстью и умел достигать успеха то разумным выжиданием при неблагоприятных обстоятельствах, то быстрым, решительным образом действий в удобную минуту.

После того как Сулла, окончив войну с Митридатом, победил марианцев и сделался властителем Рима (82 г.), молодой Цезарь оказался в опасном положении уже потому, что был родственником Марии; но он еще более раздражил всемогущего диктатора, дерзнув нарушить его волю. М. Пизон, по воли властителя, развелся с вдовой Цинны, Аннией, Помпей — с Антистией; Сулла потребовал, чтобы и Цезарь развелся с Корнелией, дочерью Цинны, на которой он женился год тому назад по любви. Но Цезарь отказался исполнить это требование; он охотнее соглашался терпеть преследование, чем недостойным поступком заслужить одобрение. Он был объявлен вне закона, вследствие чего лишился своей должности

жреца Юпитера, потерял имение своей жены и свое собственное. Больной лихорадкой и переодетый изгнанник блуждал по сабинской земле, где за два таланта выкупил свою жизнь у сыщика. Наконец, по просьбе весталок и двух родственников он был помилован Суллой, но Сулла сдался неохотно, и когда ему говорили о молодости осужденного и его незначительности, он заметил, что в этом Цезаре сидит не один Марий и что этого мальчика следует остерегаться. Цезарь доказал свою твердость и показал, чего можно ожидать от его характера; этого для него было пока довольно. Чтобы избавиться от опасности, он отправился в Азию, где поступил на военную службу. Он помог пропретору М. Минуцию Терму при осаде Митилены, отошедшей от Рима во время войны с Митридатом, отличился при взятии этого города (80 г.) и был награжден гражданским венцом (*corona civilis*). Затем он поступил во флот к проконсулу П. Сервилию Исаврийскому, чтобы сражаться с пиратами; но едва только началась кампания, как он получил известие о смерти Суллы и поспешил возвратиться в Рим.

В Риме тотчас после смерти Суллы консул М. Лепид сделал попытку свергнуть учрежденное Суллой правительство и уничтожить силу его партии. Он предложил Цезарю соединиться с ним. Но Цезарь знал, что могущество партии Суллы очень крепко для того, чтобы быть уничтоженным Лепидом, который предпринял это дело без достаточной подготовки; потому он уклонился от участия в этом предприятии. Слишком поспешный план Лепида потерпел полную неудачу. Тогда Цезарь удовлетворился тем, что привлек к суду за притеснение отдельных выдающихся личностей из приверженцев Суллы — Кн. Корнелия Долабеллу и К. Антония — и этим достиг двоякой цели: выказал свой отличный ораторский талант и желание добра народу и возбудил недовольство тогдашним правительством, так как сенаторский суд отказался от осуждения обвиняемых. Чтобы укрыться от ненависти сильных противников, он отправился зимой 76 г. на остров Родос, где хотел усовершенствоваться в ораторском искусстве под руководством знаменитого ритора Молона. Во время своего путешествия

недалеко от Милета, близ острова Фармакузы, он был взят в плен морскими разбойниками. Рассказывают, что в продолжение 38 или 40 дней, проведенных им против воли на пиратском корабле, он считал себя вовсе не пленником, а господином пиратов; когда ему хотелось спать, он приказывал им соблюдать тишину; когда они недостаточно хвалили его стихи и речи, которые он читал им для препровождения времени, он шутил бранил их, называя грубыми варварами, и грозил, что велит всех их распять. Они потребовали с него 20 талантов выкупа, а он, говорят, обещал им 50, потому что за такого человека, как он, 20 талантов было бы слишком мало. Когда жители Милета доставили выкуп и Цезарь был высажен на берег, он в следующую же ночь собрал несколько милетских кораблей, захватил пиратов при Фармакузе и велел распять их в Пергаме, как говорил им раньше. На Родосе Цезарь пробыл недолго; когда в 74 г. началась третья война с Митридатом, он поспешил в провинцию Азию, собрал, как частный человек, войско и обратил в бегство неприятеля, явившегося сюда затем, чтобы взбунтовать города против Рима. В это время он был заочно избран понтифексом, на место своего умершего дяди К. Аврелия Котты. Поэтому он поехал опять в Рим, не без страха перед пиратами, от которых он, в крайнем случае, решил избавиться самоубийством.

В последующие годы Цезарь мало участвовал в общественных делах, но зато старался приобрести расположение народа ласковым обращением и щедрой раздачей денег и хлеба. Оптиматы с завистью видели, что влияние их молодого противника с каждым днем возрастает, но утешались надеждой, что с растратой имущества он утратит и свое влияние. Но Цезарь, несколько не беспокоясь, делал долги за долгами, в твердой уверенности, что расположение народа поможет ему достигнуть должностей, в которых он снова будет в состоянии поправить свои расстроенные дела. Когда Помпей возвратился из Испании после войны с Серторием, Цезарь был уже влиятельнейшим главой народной партии и делал все возможное, чтобы привлечь на сторону народа этого высокопоставленного человека, который был в разладе с сенатской партией,

и окончательно поссорить его с оптиматами. Его план состоял в том, чтобы при помощи Помпея уничтожить преобладание сенатской партии, а впоследствии, когда он, благодаря союзу с Помпеем, поднимется высоко, самому пожать плоды этого союза, так как он надеялся, что Помпей, не способный поддерживать свои отношения с народом, никогда не будет иметь в народе твердой почвы. Помпей охотно принял услуги ловкого и умного народного вождя и с гордой уверенностью не опасался, что Цезарь станет работать только для себя самого. Когда он во время своего консульства в 70 г. уничтожил конституцию Суллы, Цезарь, душа всего этого дела, стоял на заднем плане.

В 68 г. Цезарь стал квестором - должность, открывавшая собой путь к курульной карьере. В этом году умерли сестра его отца, старая Юлия, вдова Мария, и его собственная супруга Корнелия, дочь Цинны. Потеря жены была для него прискорбна, но он воспользовался смертью ее, как и Юлии, чтобы воззвать к тени старых вождей народа, Мария и Цинны, и возбудить надежды демократии. Он сказал обеим женщинам надгробные речи на форуме, что было несслыханным делом по отношению к столь молодой женщине, как Корнелия, но эти надгробные речи были скорее похвальными речами Марию и Цинне и их принципам. Кроме того, на похоронах Юлии несли изображение Мария, несмотря на то, что над ним тяготела опала. Оптиматы были раздражены, но народ радостно одобрил Цезаря и признал в нем человека, призванного возвратить старые времена народного господства.

После этого Цезарь в качестве квестора сопровождал претора Антистия Вета в Ближнюю Испанию, где, по почетному предложению своего начальника, весьма правдиво и деятельно отправлял правосудие в одной части страны.

Возвратившись в Рим, он ближе сошелся с Помпеем, женился на одной его родственнице, Помпейе, дочери Кв. Помпея Руфа, внучке Суллы, и стал поддерживать законопроекты Габиния и Манилия, которыми Помпею поручалось начальство в войне с морскими разбойниками и с Митридатом. Этим он обязал Помпея, получившего

полное удовлетворение своему честолюбию, и сам во время семилетнего отсутствия Помпея в Риме получил возможность действовать свободно, чтобы снискать расположение народа. Должность эдила, принятая им в 65 г., представила ему для этого весьма удобный случай, причем он действовал в ущерб своему товарищу, М. Бибулу, ревностному, но ограниченному оптимату, принадлежавшему к числу наиболее сильных его противников. Цезарь всегда был обременен долгами, но, несмотря на это, давал народу очень дорогие игры, на которые должен был давать свое согласие Бибул, не получавший от народа ни малейшей благодарности; вся благодарность выпадала на долю Цезаря, друга народа. Поэтому Бибул сравнивал себя с Поллуксом, который имел на форуме храм, общий со своим братом, но называвшийся всегда храмом Кастора. Во время игр форум, базилики, Капитолий были изукрашены с неумеренной роскошью, а сами игры устраивались с блестящим великолепием. Сенат, из недоверия к Цезарю, ограничил число гладиаторов, которые могли принять участие в играх, но Цезарь все-таки вывел 320 пар в серебряных доспехах. «Если бы позволил сенат, то он, для нашего удовольствия, вывел бы и еще больше» — так думал народ.

Оптиматы еще не перестали гневаться, когда новое событие вызвало новое раздражение. Сулла приказал разрушить находившиеся в Капитолии статуи Мария и трофеи, взятые им в Югуртинской и Кимврской войнах. Однажды утром статуя и трофеи снова найдены были на том же месте в целости. Народ массой повалил в Капитолий и радостными криками приветствовал изображение человека, бывшего некогда спасителем Италии; старые солдаты и сторонники Мария проливали слезы и все прославляли Цезаря как достойного преемника своего высокоуважаемого родственника. Всякий знал, что именно Цезарь и был тем человеком, который приказал восстановить статуи и трофеи. Когда сенат, испуганный этим революционным делом, поспешил собраться, Катул, отец которого был убит по приказу Мария, воскликнул, что теперь не только подкапываются под государство, но уже и открыто

нападают на него; впрочем, из страха перед народом статуя и трофеи оставлены были в покое.

Не заботясь о злобе сенатской партии, Цезарь продолжал свою борьбу с теми законами Суллы, которые еще продолжали существовать. По одному из этих законов были освобождены от наказания все те, которые во время проскрипций принимали участие в убийствах. Но Цезарь, председательствуя в суде, разбиравшем дела об убийствах, привлек к ответственности и осудил двух лиц, которые во времена Суллы убивали опальных, а именно Л. Лусция и Л. Беллиена. Точно так же в 63 г. он возбудил преследование против Г. Рабирия, убившего 36 лет тому назад народного трибуна, мятежного Л. Апулея Сатурнина, и Рабирий, несмотря на защиту Гортензия и консула Цицерона, вероятно, был бы осужден в народном собрании, если бы претор Метелл не пустился на хитрость и не прервал народного собрания на Яникуле, отняв военное знамя, после чего обвинитель, народный трибун Т. Лабиен, прекратил обвинение. Цезарь, как объясняется из речи Цицерона, возбудил преследование престарелого Рабирия не из личной вражды; осуждением его он хотел возвысить значение трибуната и напугать сенат, а затем при общественных беспорядках объявить отечество в опасности и предоставить консулам неограниченное полномочие для подавления мятежа.

В том же году, после смерти Кв. Метелла Пия, оказалась вакантной должность верховного жреца (*pontifex maximus*). Цезарь объявил себя соискателем ее вместе с двумя старыми вождями оптиматской партии, Кв. Лутацием Катулом и П. Сервилием Исаврийским, причем заранее позаботился об отмене закона Суллы о должностях жрецов (*Lex Cornelia de sacerdotiis*) и о восстановлении выбора жрецов в народном собрании. Таким образом, в хлопотах о должности верховного жреца партии сенатская и народная должны были помериться одна с другой своим значением и влиянием; с обеих сторон не жалели денег; Цезарь тратил такие большие суммы, что, отправляясь на выборы и вспоминая о сделанных им долгах, говорил своей озабоченной матери: «Ты увидишь меня или вер-

ховным жрецом, или беглецом!» Цезарь был избран огромным большинством голосов; даже в трибах своих противников он получил больше голосов, чем они. Гордый Катул, считавший себя по возрасту, сану и заслугам гораздо выше своего противника, принял это за большое оскорбление и огорчился тем более, что он имел слабость обещать задолжавшему Цезарю денег, чтобы он отказался от соискания должности. Цезарь ответил ему, что он будет занимать еще больше, но не отступится.

Вскоре после этого народ выбрал Цезаря городским претором на 62 г. Его блестящие успехи возбудили против него ожесточенную ненависть оптиматов; больше всех были, с некоторого времени, непримиримыми его врагами Катул и Г. Пизон; первый ненавидел его за свою неудачу на выборах в верховные жрецы, второй — за то, что Цезарь привлек его к суду за притеснения и несправедливую казнь одного транспаданца, принадлежавшего к клиентам Цезаря. Эти два человека хотели теперь воспользоваться обнаружением заговора Каталины для того, чтобы погубить Цезаря. Они стали просить консула Цицерона, имевшего в своих руках улики против заговорщиков, чтобы он при помощи какого-нибудь свидетеля обвинил и Цезаря в участии в заговоре, имевшем целью совершенное разрушение государства. Но Цицерона нельзя было заставить замешать в дурное дело любимца народа и друга Помпея; он даже оказал Цезарю почетное доверие, передав ему одного из заговорщиков, всадника Л. Статилия. Видя это, враги Цезаря вместе со своими единомышленниками сами стали распространять слух о том, что Цезарь принимал участие в заговоре и что свидетели дали против него важные показания. Когда на заседании сената 5 декабря, где решалась судьба заговорщиков, Цезарь стал говорить против смертной казни, предложенной выдающимися людьми из партии оптиматов, и предложил приговорить виновных к пожизненному заключению и конфисковать их имущество, это снисходительное мнение принято было за заступничество, и Катон недвусмысленно упрекнул его в участии в изменническом плане, вследствие чего между Цезарем и Катонем произошел круп-

ный разговор. Когда Цезарь вышел из сената, всадники, которых Цицерон вместе с другими вооруженными людьми поставил на Капитолийском холме, подстрекаемые Пизоном и Католом, бросились на него с обнаженными мечами; но некоторые из его друзей прикрыли его своими тогами, а Цицерон, опасаясь народа, дал всадникам знак остановиться. С тех пор Цезарь до конца года уже не являлся в сенат; а народ был так раздражен против сенатской партии за ее дурное обращение с Цезарем, что сенат, желая успокоить народ, назначил ежемесячную раздачу хлеба. Все это делалось против Цезаря, который до сих пор при всяком случае старался подкопаться под силу и влияние правительственной партии; но его решительно нельзя обвинять в союзе с заговорщиками, нет ни малейшего следа близких отношений между ним и Каталиной. Более снисходительный взгляд его относительно наказания виновных основывался на верном понимании обстоятельств и служил выражением уже тогда выказавшейся боязни кровавого преследования в гражданских беспорядках; если бы Цицерон присоединился к его мнению, он избавил бы себя от многих огорчений. Кроме того, Цезарь был слишком проницателен и умен для того, чтобы связаться с такой преступной и развращенной шайкой, какую представляли товарищи Каталины, и поддерживать такой сумасшедший план; ведь этот план имел целью уничтожение государства, в котором Цезарь искал себе единовластия и надеялся достичь его, следуя более верным путем и придерживаясь более зрелого плана.

1 января 62 г. Цезарь, вступив в должность претора, не стал, по старинному обычаю, провожать новых консулов в Капитолий, но созвал народное собрание, на котором предложил, чтобы достройка храма Юпитера Капитолийского, сгоревшего в 83 г., была отнята у Катуга, которого он обвинил в сокрытии денег, и передана Помпею, и чтобы в надписи, которая будет сделана на здании, выставлено было имя не Катуга, а Помпея. Лишь только слух об этом разнесся среди оптиматов, находившихся в Капитолии, они оставили консулов и вместе с Католом поспешили на форум, чтобы возражать против

предложения Цезаря. Последний не пустил Катула на ораторскую трибуну, но не мог помешать и тому, чтобы имя его было вырезано на храмовой надписи. Это нападение Цезаря на Катула имело причиной вовсе не ненависть и не жажду мщения; он много раз показал, что стоит гораздо выше ненависти; это дело было ловко рассчитанной услугой Помпею, который таким образом убедился в верности своего союзника и еще более разошелся с партией оптиматов вследствие того, что сенат воспротивился предложению Цезаря.

Во время этих событий Помпей был еще в Азии, но уже готовился к отъезду в Рим. Когда присланный им наперед Кв. Метелл Непот, в качестве трибуна, предложил, чтобы Помпею позволено было возвратиться в Италию со своим войском, он нашел в Цезаре сильную поддержку против нежелающих этого оптиматов. На форуме произошла замечательная сцена. Метелл приказал публичному писцу прочесть это предложение, но этому воспротивился Катон, бывший в то время также трибуном и всегда являвшийся самым неустрашимым защитником аристократии; Метелл хотел читать сам, но Катон вырвал у него бумагу; когда он хотел пересказать содержание своего предложения на память, трибун Минуций зажал ему рот. Тогда явились вооруженные отряды и прогнали оптиматов с форума мечами, бичами и камнями. Но оптиматы, с Катоном во главе и с более значительными силами, снова пришли на форум до окончания голосования и в новой схватке обратили своих противников в бегство. Сенат одобрил поведение Катона и даже лишил Метелла и Цезаря занимаемых ими должностей. Метелл объявил народу, что он уступает силе и возвращается к Помпею, который сумеет отомстить за него и за себя и отстоять законы, но Цезарь, как ни в чем не бывало, продолжал отправлять свою преторскую должность, пока его не решили силой прогнать с судейского кресла. Тогда он поспешно распустил своих ликторов, бросил свою тогу, чтобы не быть узнанным, и пробрался в свой дом. Такие сцены были ему желательны. Один трибун был силой лишен должности и убежал в лагерь, одного претора прогнали с трибунала и он должен был искать защиты у сената. Раздраженная такими

происшествиями толпа бросилась к жилищу своего любимца и умоляла его обратиться к ее содействию. Но Цезарь успокоил ее и попросил разойтись. Когда сенат, собравшийся в страхе и опасениях, узнал об этом, тогда влиятельнейшие сенаторы отправились в дом Цезаря, чтобы благодарить его и пригласить в курию, где он был принят с похвалами и снова назначен на прежнюю должность. Это было глубокое, заранее приготовленное Цезарем, унижение для сената.

Еще более раздраженные этим поражением, оптиматы вскоре задумали новый план привлечения противника к следствию по поводу его участия в заговоре Катилины и, если возможно, погубить его еще до возвращения Помпея. Они подкупили двух человек, бывших свидетелями по делу о заговоре, Кв. Курия и Л. Веттия. Первый из них заявил в сенате, что он от самого Катилины слышал о том, что Цезарь находится в числе заговорщиков; а Веттий обязался представить следственному судье, Новию Нигру, письмо Цезаря к Катилине. Цезарь вызвал Цицерона в качестве свидетеля в сенат, и Цицерон подтвердил, что Цезарь по собственному побуждению сообщал ему сведения о заговоре. Так как заседание вследствие громкого оживленного спора затянулось надолго, то народ, озабоченный участью своего друга, поднял перед курией грозный крик, так что все нападки на Цезаря стихли. У лжесвидетеля Курия была отнята обещанная из государственной казны награда за открытие заговорщиков; Веттий, не явившийся в суд по обвинению в лжесвидетельстве, был арестован и посажен в тюрьму. Новий был также арестован за то, что принял жалобу на высшего чиновника.

В конце этого года в семье Цезаря произошло прискорбное событие. Когда римские матроны справляли в его доме праздник «Доброй Богине» (Bona Dea), на котором никто из мужчин не смел присутствовать, Клодий, которого мы уже знаем как человека развратного и испорченного, в женском платье пробрался в дом, чтобы встретиться с женой Цезаря, Помпеей. Он был узнан и привлечен к суду; но Цезарь не выступил против него ни в качестве обвинителя, ни в качестве свидетеля и таким образом расположил к себе этого даровитого и отважного

человека; жену же свою он отпустил, объявив, что хотя он и не подозревает ее в неверности, но все-таки не может с ней жить, потому что целомудренная женщина не должна подать повода к подозрению в дурном деле.

Вскоре затем Цезарь в качестве пропретора на 61 г. отправился в дальнюю Испанию. Так как кредиторы не хотели его отпускать, то Красс снабдил его 830 талантами, чтобы разделаться с докучливыми требованиями; но эта сумма вряд ли составляла и десятую часть того, что ему нужно было иметь, чтобы сказать, что у него нет долгов. Когда он, переезжая через Альпы, проезжал через маленькую бедную деревушку, и один из его спутников заметил, нет ли и здесь такой же борьбы партии, как в Риме, он, говорят, сказал, что он лучше бы желал быть первым здесь, чем вторым в Риме — признание, которого он, конечно, не делал, но которое согласно с его образом мыслей. В Испании он прибавил на свой счет к своим 20 когортам еще 10 и тотчас же начал воевать с разбойниками — горцами Лузитании; затем обещаниями добычи и славы привлек к себе племена, жившие между Того и Дуэро, и с моря напал на Галисию, где взял город Бриганциум. Здесь он впервые выступил в качестве самостоятельного полководца; войско поздравило его императором, а сенат почтил его благодарственным праздником, и он стал претендовать на триумф. В гражданской администрации он действовал произвольно, но на пользу провинции; он улучшил судопроизводство, дела о налогах и о долгах. В то же время он не упускал случая и в войне, и в управлении богатой провинцией собирать сокровища, в которых он так нуждался, и вместе с тем обогащать свое войско и государство.

Приобретая новую славу полководца, которой он до сих пор еще не имел, Цезарь летом 60 г. возвратился из Испании и, расположившись перед воротами Рима, стал хлопотать о триумфе и о должности консула. Так как его противники не позволяли ему хлопотать о консульстве до тех пор, пока он будет находиться вне города, то он, при приближении консульских выборов, отказался от пустого почета триумфа и явился в город, чтобы не потерять более важной цели. Аристократы делали все возможное, чтобы не допустить его до

консульства; но народ избрал его огромным большинством голосов. Денег Цезарь не жалел; но и другая партия употребила на подкупы огромные суммы и добилась того, что М. Бибул, закоренелый страстный аристократ, который уже был вместе с Цезарем эдилом и претором и смертельно его ненавидел, был избран ему в товарищи. Еще до своего вступления в должность Цезарь заключил с Помпеем и Крассом триумвират, «союз ума, славы и богатства, в котором первый хотел возвыситься, второй повелевать, а третий — приобретать» (Друмманн). Этот союз некоторое время держался в тайне, пока сильная власть, достигнутая Цезарем в должности консула, не обнаружила, что все трое были заодно. Но в этом союзе нельзя было найти ничего противозаконного, и потому противники их ограничились гневом, насмешками и криком. Варрон, намекая на грозного Цербера, назвал этот союз «трехговым» (τριχρανος); Цицерон в одном из писем к своему другу Аггию называет триумвиров «династами». Вскоре после заключения триумвирата Цезарь выдал за Помпея свою дочь Юлию.

Вслед за вступлением в должность консула Цезарь выказал такую деятельность, которая напугала его врагов. Прежде всего он сделал распоряжение, чтобы дела, рассматриваемые в сенате и в народных собраниях, записывались вполне и публиковались во всеобщее сведение. До тех пор записывались только постановления. Это распоряжение Цезаря имело целью подчинить сенат контролю народа, и оно было необходимо, так как он задумал выступить с приятным для народа аграрным законом, который, конечно, должен был встретить в сенате сопротивление. Этот закон, предлагавший разделить кампанскую и стеллатскую землю между наиболее бедными гражданами, имеющими троих или более детей, и рассчитанный особенно в пользу ветеранов Помпея, во всех своих постановлениях отличался большой умеренностью, но встретил в сенате, куда он был представлен, такой протест, особенно со стороны Катона, что Цезарь решил предложить свой проект непосредственно народу. Он созвал народ на форум, чтобы еще раз заставить предводителей народной партии высказать свое мнение. Консул Бибул

противился закону, говоря, что это нововведение, и, не поддавшись на уговоры Цезаря и народа, удалился с угрозой: «Не бывать этому, пока я консул!» Тогда Цезарь, минуя всех других чиновников, обратился к Помпею, прося его высказать свое мнение; на вопрос, одобряет ли он этот закон, Помпей громко отвечал «Да», а когда вслед затем Цезарь спросил, что он намерен делать, если этому закону воспротивятся силой, отвечал, что он поддержит его щитом и мечом. Когда и Красс заявил то же самое, тогда другие уже не осмеливались противоречить. При приближении комиций, в которых этот закон должен был подвергнуться голосованию, Бибул, желая помешать его утверждению, заявил, что он во все дни комиций будет наблюдать небо; а в такие дни, по законам, нельзя было обращаться к народу. Но Цезарь не обратил внимания на заявление Бибула и в назначенный день созвал народное собрание. Ночью накануне собрания вооруженные ветераны Помпея и часть народа со спрятанными кинжалами заняли форум. С рассветом, лишь только Цезарь, стоя на ступенях храма Диоскуров, обратился к народу, явился Бибул с несколькими трибунами и бывшими консулами, с другими людьми его партии и множеством клиентов, подошел к Цезарю и прервал его. Тотчас же произошла схватка; Бибул был сброшен со ступеней в грязь, два трибуна, бывших вместе с ним, ранены; но он не хотел уступить, обнажил свою шею, чтобы быть убитым за правое дело; друзья увели его силой. Катон, которого два раза приходилось стаскивать с ораторской трибуны, наконец оставил поле битвы. Когда все противники были прогнаны, обсуждение закона возобновилось, и он был принят. Насколько в этот день Бибул показал себя упорным, настолько же мало мужества выказал он в следующие дни. До конца года он уже не выходил из дома и ограничился тем, что наблюдал небо и противодействовал намерениям своего товарища эдиктами, которые были полны ругательств. С тех пор остряки стали говорить, что в Риме два консула - Юлий и Цезарь, так как теперь Цезарь вел один все консульские дела, не обращая внимания на гнев ари-

стократов, которые, будучи оставлены своим предводителем, вынуждены были подтвердить аграрный закон Юлия в сенате. Вследствие этого более 20 тыс. бедных граждан сделались землевладельцами; надел продолжался и в следующие годы.

Аграрным законом Цезарь привязал к себе беднейший класс населения; другим законом он приобрел расположение сословий всадников. Всадники, бывшие откупщиками податей в Азии, вследствие войны с Митридатом понесли значительные убытки и до сих пор тщетно просили сенат о снятии с них откупной суммы; Цезарь хлопотал для них народное постановление, по которому третья часть этой суммы была с них снята. Помпея Цезарь расположил к себе тем, что убедил народ одобрить его распоряжение в Азии; когда Лукулл хотел воспротивиться этому, Цезарь остановил его угрозой, что он обвинит его за дурное управление Азией, и так напугал его, что тот упал к его ногам, умоляя о пощаде. Кроме упомянутых законов, Цезарь, или сам, или через преданных ему трибунов, провел еще несколько других предложений, и всегда при помощи народа; к сенату он обращался редко, и когда однажды созвал его, то в собрание явились лишь немногие. Когда он по этому поводу выразил старому сенатору Конфидию Галлу свое удивление, тот сказал, что иные не идут в сенат потому, что не могут быть уверены в своей безопасности там, а сам он является, потому что уже слишком стар для того, чтобы бояться смерти.

Оптиматы предоставили Цезарю свободу, надеясь впоследствии все выместить на ненавистном им человеке. Сенат постановил, что оба консула 59 г. не должны получать никакой провинции; Цезарю вместо богатой провинции по истечении срока его деятельности должна была достаться незначительная должность — надзор за лесами и дорогами в Италии. Цезарь сделал вид, что он всем доволен; он говорил, что для себя лично он ни в чем не нуждается. Но для своих дальнейших целей он все-таки нуждался в провинции и потому попросил Ватиния доставить ему при помощи народа то, чего не дал ему сенат. По закону Ватиния (*Lex Vatinia*)

de imperio C. Caesaris), Цезарь получил от народа Цизальпинскую Галлию* и Иллирию с тремя легионами на 5 лет; а когда его друзья стали говорить еще и о третьей провинции, то испуганный сенат, чтобы избавиться от худшего, прибавил ему и Трансальпийскую Галлию** и четвертый легион. Цизальпинская Галлия, или Верхняя Италия, была, по выражению Катона, акрополем Италии; отсюда один человек, подобный Цезарю, мог наблюдать и господствовать над Римом; провинция же, лежащая по ту сторону Альп, давала ему случай к завоеваниям и военной славе, к образованию способного к бою, преданного ему войска, к приобретению сокровищ, в которых он так нуждался, отчасти для того, чтобы избавиться от долгов, сделанных им в бытность его консулом вследствие громадных издержек, а отчасти и для того, чтобы иметь средства для издержек во время своего отсутствия из Рима. Таким образом, Цезарь достиг того, чего желал; благодаря галльским провинциям он рассчитывал сделаться властелином римского государства.

Прежде чем отправиться в Галлию, Цезарь позаботился о том, чтобы сохранить неприкосновенными свои законы, которые провел во время своего консульства при помощи народа, вопреки астрономическим наблюдениям своего товарища. За этим должны были наблюдать, кроме Помпея и Красса, консулы следующего года (58 г.), Л. Пизон, отец третьей жены Цезаря, Кальпурний, и А. Габиний, клиент Помпея, Цицерона и Катона, которые, по видимому, всего более угрожали этим законам, Цезарь удалил их из Рима при содействии трибуна Клодия. Вместе с тем позаботились и о том, чтобы сделать разрыв между оптиматами и Помпеем по возможности более решительным, дабы Помпей в отсутствие Цезаря не соединился со своим естественным союзником, сенатом.

Простояв перед воротами Рима до конца марта (58 г.), чтобы своей близостью усилить нападки Клодия на Цицерона, Цезарь поспешно отправился в свою провинцию,

* Цизальпинская Галлия называлась Галлией, одетой в тогу, т. е. замиренной.

** Трансальпийская Галлия называлась дикой, носящей штаны. Она охватывала современную Францию, Бельгию, часть Голландии, большую часть Швейцарии и левый берег Рейна.

где его присутствие было в высшей степени необходимо, так как провинции Трансальпийской Галлии, простиравшейся по южному берегу до Женевского озера, угрожала опасность переселения гельветов. Цезарь запретил им проходить через свою провинцию и напал на них за то, что они по дороге опустошили область его союзников эдуев; он не хотел, чтобы такое сильное племя оставалось в Галлии, по соседству с римской провинцией. В двух битвах гельветы были почти уничтожены, а оставшиеся в живых принуждены возвратиться в оставленные ими горы. Но Цезарь не удовольствовался обеспечением своих границ; он пришел в Галлию с твердым намерением начать завоевательную войну и, по возможности, покорить всю Галлию. Эта война доставила ему славу и опытное войско; кроме того, она имела для Рима и национальный интерес: она велась против галлов — неприятеля, некогда разрушившего Рим и много раз приводившего римлян в ужас. Самое положение дел в Галлии того времени было таково, что она должна была сделаться добычей или римлян, или германцев, так как многочисленные галльские племена, враждовавшие между собой и находившиеся в состоянии политического разложения и упадка, были уже отчасти подвластны германскому вождю Ариовисту, и новые полчища германцев постоянно стремились от Рейна на юго-запад, к границам римских владений, и могли сделаться опасными соседями для римлян. После покорения гельветов ближайшей задачей Цезаря было уничтожение германского владычества в Галлии, чтобы затем вдаль от Италии поставить преграду их напору. В то же лето 58 г. он начал войну с Ариовистом, разбил его недалеко от Везонциона (Безансон) и оттеснил за Рейн. Приобретения Ариовиста достались победителю; народы, подчиненные его власти, почти вся Средняя Галлия, подчинились Цезарю; этим они только переменили господина, так как они были слишком слабы, чтобы добиться свободы. Несмотря на это, покорение и подчинение Галлии было все-таки трудной задачей; хотя отдельные племена и враждовали между собой и не могли соединить свои силы для борьбы с общим врагом, но все-таки они

были храбры и воинственны и высоко ценили свободу. Здесь нельзя было закончить дело несколькими битвами, как на Востоке; приходилось покорять племена, которые при первом удобном случае восставали. Но римское военное искусство, римские легионы были им не под силу, особенно под начальством такого вождя, как Цезарь, который в Галльской войне выказал себя весьма гениальным полководцем, достойным стать в ряд с величайшими полководцами всех времен. С непоколебимой уверенностью и быстрым натиском он шел от победы к победе, так что мир с изумлением смотрел на его победное шествие. Его искусство побеждать Наполеон I в своих записках кратко представил в следующих словах: «Принципы Цезаря были одинаковы с принципами Александра и Ганнибала: сосредоточивать свои силы, не обнаруживать своих слабых сторон, быстро двигаться к важнейшим пунктам, пользоваться нравственным влиянием, славой своего оружия, страхом, который оно внушало, и политическими средствами, чтобы удерживать своих союзников в верности и подчиненные народы в повиновении».

Покорив в первый год своего правления гельветов и Ариовиста, Цезарь утвердился в Средней Галлии и в следующие затем два года победил и покорил почти все галльские племена, храбрых белгов, арморийские владения к северу от Луары, аквитанов на Гаронне и в Пиренеях. Затем в 55 г., когда его власть была продолжена еще на пять лет, он уничтожил переправившиеся через Альпы германские племена узипетов и тенктеров, которые снова угрожали спокойствию Галлии, перешел через Рейн в Германию и переправился через океан в Британию, чтобы в обеих этих странах показать римское могущество и помешать жившим там племенам являться в римскую Галлию и поддерживать галлов против римлян. Переправляться через Рейн и через океан не отваживался еще ни один римлянин; этими предприятиями Цезарь имел в виду придать своим подвигам в глазах римлян еще больше блеска. Во второй раз он ходил в Британию в 54-м, в Германию - в 53 г. В эти и следующие годы ему пришлось, кроме того, иметь дело с новыми восстаниями галльских племен. В 52 г. талантливо-

му вождю Верцингеториксу, из племени арвернов, удалось объединить для войны против Рима почти все галльские племена; может быть, он обратил бы в нечто успехи всех предшествовавших войн, если бы, продолжая партизанскую войну, продержался до удаления Цезаря из провинции; но он сделал большую ошибку — собрал свои главные силы в укрепленном пункте Алезии (к западу от Дижона в Бургундии), в котором он и был принужден к сдаче. В этой борьбе с галльскими племенами часто нельзя было избежать суровой жестокости; но, подавив это восстание, с зимы 51/50 г., Цезарь принял по отношению к побежденным народам более мягкие меры: казни, притеснения и грабежи прекратились, чтобы дать стране возможность успокоиться, так как в Риме дела были уже в таком положении, что Цезарь предвидел надобность вести свои легионы в другое место. Война с Помпеем и с сенатом готова была начаться.

В ту же зиму 51/50 г. Цезарь собрал все свое войско, 10 легионов, на большой смотр в земле тревиров. Впервые после окончания Галльской войны все войско увидело его, любимого полководца, с которым оно достигло таких успехов. Много трудов и опасностей перенесли они в продолжение 8 лет под его начальством; но он сделал для них и много хорошего, и, конечно, от него, так заботливо хлопотавшего о ветеранах Помпея, они могли ожидать в будущем не простого вознаграждения. Их сердца и руки принадлежали ему, он был всемогущей душой войска, оторванного от родины долголетней разлукой и совершенно преданного ему и его делу. Только легат Лабиен, который до сих пор оказывал большие услуги и был отличаем Цезарем, теперь казался полководцу подозрительным. Цезарь сделал его командующим в Цизальпинской Галлии, чтобы дать ему возможность перейти на сторону Помпея и сената, так как он знал, что изменник может вредить, находясь только вместе с ним, а не в числе его противников. Лабиен так и сделал, и Цезарь был настолько великодушен, что переслал ему его деньги и вещи.

В 49 г. началась война с Помпеем. Выше, в биографии последнего, мы уже рассказали, как он, после смерти Крас-

са и Юлии, все более и более отдалялся от Цезаря и в союзе с правительственной партией старался вырвать у него из рук силу, пока, наконец, Цезарь, вынужденный защищаться, не перешел через Рубикон и не овладел за 60 дней всей Италией. Пока Помпей собирал свои боевые силы на Востоке, Цезарь быстро овладел Западом. Сам он оставил за собой Испанию; Сардинию занял его легат Кв. Валерий, Сицилию - Кутион, который в Африке, в борьбе с приверженцем Помпея Аттием Варом и нумидийским царем Юбой, потерял свое войско и жизнь. В то время когда Цезарь был в Испании, в Риме его избрали диктатором; вскоре он сложил с себя эту должность и был избран консулом на 48 г., вместе с П. Сервилием Исаврийским. Затем он переправился в Грецию, и, потерпев неудачу при Диррахиуме, разбил Помпея наголову при Фарсале 9 августа 48 г. «В начале войны римляне опасались, что Цезарь будет свирепо обращаться со своими врагами, как Цинна, грабить их и избивать, как Сулла»; но он во всем проявил величайшую снисходительность и мягкость и этим выиграл не менее, чем удачей своего оружия.

Цезарь весьма поспешно и с небольшим войском преследовал Помпея, бежавшего в Египет. С 35 кораблями, 3 700 человек пехоты и 800 конницы он высадился в Александрии, где убийцы Помпея принесли ему голову убитого. Слезы, выступившие у Цезаря при взгляде на эту голову, были непритворны. Царь Птолемей и его сестра Клеопатра вели друг с другом войну за власть. Цезарь, пленившись прелестями Клеопатры, уладил этот спор и помирил споривших; но Потин, евнух, опекун царя и соучастник в убийстве Помпея, видел, что мир опасен для его собственного существования, и, не доверяя Цезарю, поднял против Цезаря население Александрии, сделав попытку отравить его на пиру, устроенном в честь примирения. Один раб выдал его, и он был казнен. В это время египетское войско, 20 тыс. пехоты и 2 тыс. конницы, под начальством Ахилла, союзника Потина, вступило в Александрию и вместе с гражданами и их рабами напало на Цезаря, который укрепился в одной части города Брухиума и оказался в весьма опасном положении,

будучи окружен с моря и с суши. Наместник Азии Домиций Кальвин послал ему на помощь один легион; Цезарь удачно ввел этот легион в город, и затем начались сражения на море и на улицах. В одном сражении, происходившем между Брухиумом и островом Фаросом, Цезарю пришлось так плохо, что он вынужден был с частью своих людей отступить на стоявшие неподалеку суда, а так как его судно, переполненное людьми, могло потонуть, то он поплыл к другому судну, после чего первое потонуло. Между тем из Киликии, Сирии и других пограничных областей явились в Египет и в область Пелузиума значительные подкрепления под начальством Митридата. Птолемей, которого Цезарь взял в плен, но потом отпустил, вышел во главе войска навстречу римским войскам, но был разбит, так как Цезарь между тем соединился с Митридатом; он бежал и во время бегства утонул в Ниле. Этим кончилась Александрийская война. Цезарь возвратился в Александрию, которая теперь стала просить о пощаде и получила ее. Правление он передал Клеопатре и ее младшему брату Птолемею, который должен был жениться на ней. Пробыв в Египте 9 месяцев, с начала октября 48 до июля 47 г., он оставил эту страну и, оставив там все свое войско, за исключением одного легиона, отправился в Сирию, а оттуда в Малую Азию, чтобы наказать Фарнака, сына Митридата Великого.

Фарнак, как мы уже видели, овладел Боспорским царством своего отца; он воспользовался междуусобицей в Риме, чтобы снова покорить Понтийское царство. Разбив при Никополе легата Цезаря, Домиция Кальвина, он уже не встретил дальнейшего сопротивления. Обстоятельства требовали возвращения Цезаря в Италию, но он не хотел оставлять Азию, пока не усмирит Фарнака. Он перешел через Тавр и двинулся через Каппадокию в Понт, где с четырьмя легионами в четырехчасовом сражении при Целе одержал решительную победу над войском Фарнака. Это было 2 августа, в тот самый день, в который два года назад легаты Помпея сдались Цезарю в Испании. Фарнак с немногими всадниками бежал и затем был умерщвлен своим вельможей Азандером. Битва при Целе была оже-

сточенная; но вся война была закончена в пять дней. В порыве радости при столь быстром успехе Цезарь написал своему доверенному лицу в Рим известные слова: «Veni, vidi, vici» - пришел, увидел, победил.

Сделав в Азии необходимые распоряжения, Цезарь возвратился в Рим раньше, чем его там ожидали (в конце 47 г.). Его присутствие было в высшей степени необходимо. После битвы при Фарсале он поручил управление Римом и Италией М. Антонию; но последний предался чувственным удовольствиям и мало заботился о порядке и спокойствии. Народный трибун П. Долабелла, зять Цицерона, такой же неумеренный сластолюбец, как и Антоний, старался провести закон о сложении долгов, вследствие чего в Риме стали происходить кровопролитные уличные схватки; легионы Цезаря, стоявшие в Кампании, отказались идти в Сицилию и Африку, пока им не будут выданы обещанные деньги и земли. Антоний не мог усмирить ни этого мятежа, ни беспорядков в Риме. Когда Цезарь явился в Рим, Долабелла вынужден был покориться и взять назад свой законопроект; но мятеж легионов грозил сделаться опасным. Заставив бежать легатов Цезаря, они, совершая разные бесчинства, двинулись на Рим и расположились на Марсовом поле. Они объявили, что хотят вести переговоры только с самим Цезарем. Когда Цезарь в качестве императора безбоязненно явился среди них и спросил, чего они хотят, они стали требовать роспуска. Он ответил коротко: «Вы распущены, квириты». Называя их квиритами, он обращался к ним как к гражданам, уже не состоящим в войске. Этого они не ожидали; они не хотели получить отпуск и обрабатывать землю, они хотели выпросить себе большую награду. Пораженные, они стояли некоторое время без слов, затем с раскаянием стали просить диктатора, чтобы он не прогонял их. Он медлил, повернулся, желая уйти; один военный трибун стал просить о помиловании; но разгневанный и огорченный полководец не мог решиться на это, жалуясь на неблагодарность особенно десятого легиона, который он всегда ценил так высоко. Тогда к нему подошли ветераны этого легиона и униженно просили, чтобы он наказал каждого десятого

из них. Упрямство воинов было сломлено, и Цезарь простил их.

Многие влиятельные люди противной партии вышли навстречу Цезарю, ехавшему из Брундизиума в Рим, желая получить прощение победителя. Цезарь отнесся к ним великодушно и снисходительно и старался расположить их к себе благосклонностью и дружественным обращением. С особенным расположением отнесся он к Цицерону, высказав желание, чтобы он не удалялся от общественных дел и поддерживал его своими советами, так как для него было важно, чтобы такой влиятельный человек, как Цицерон, объявил себя приверженцем нового порядка. Цицерон снова переехал из деревни в Рим; но он все еще боялся диктатора и вместе со многими другими был озлоблен, как бы не повторились проскрипции времен Суллы. Они не умели оценить благородного, примирительного образа мыслей победителя.

Цезарь снова получил диктатуру на один год, стал консулом следующего года, пожизненным трибуном и в конце 47 г. отправился на войну в Африку, где предводители помпеевской партии - Метелл Сципион, Катон, Лабий и другие, бежавшие после битвы при Фарсале — снова собрали, при содействии нумидийского царя Юбы и пропретора Аттия Вара, значительное войско, главное начальство над которым принял Сципион. У них было 10 легионов римских и 4 нумидийских, много легковооруженных воинов, бесчисленное множество конницы, 120 слонов и, кроме того, значительный флот. В конце декабря 47 г. Цезарь отправился на судах в Сицилию с 6 легионами и 2 тыс. всадников, но зимние бури разбили его флот, так что он при высадке имел только 3 тыс. пехоты и 150 всадников. Сходя с корабля при Адрумете, он споткнулся и упал. Сделав вид, что поступил так намеренно, он в ту же минуту воскликнул: «Ты в моих руках, Африка!» Таким образом, он обратил дурное предзнаменование в хорошее и успокоил солдат. С небольшим войском ему долгое время пришлось бороться с гораздо более многочисленным неприятелем, а пополнять свои войска он мог только постепенно, с промежутками. Партизанская война грозила ему большой опасностью; наконец, когда

неприятель считал его отрезанным на полуострове, на котором находился укрепленный город Тапс, Цезарь 6 апреля 46 г. произвел стремительную атаку на неприятельские ряды и уничтожил все войско. Так как помпейцы позволяли себе прежде этого бесчеловечные жестокости и убивали всякого цезарианца, попадавшего в плен, то Цезарь ни просьбами, ни угрозами не мог усмирить ярости своих солдат: даже те, которые бросали оружие, были перебиты в дикой схватке. Республиканцы и нумидийцы потеряли до 50 тыс. человек, Цезарь - только 50 убитыми и несколько ранеными. Юба, М. Петрей и Сципион вскоре после битвы, отчаявшись спастись, покончили жизнь самоубийством; но Лабиев, Вар и другие бежали в Испанию.

Катон с самого начала войны занял Утику. Так как он был осажден Цезарем и считал оборону невозможной, то и решил умереть, чтобы не пережить падения республики, за которую он всегда сражался мужественно и ревностно. Он позаботился о том, чтобы оптиматы, находившиеся вместе с ним, могли сесть на суда и спастись, а сам приготовился к смерти. После ужина, во время которого он живо рассуждал с несколькими своими друзьями о философских предметах (защищал положение стойков, что только мудрец может считаться свободным), он удалился и, лежа на постели, стал читать сочинение Платона о бессмертии. Заметив, что сын унес у него меч, он с бранью стал требовать его назад и в гневе наказал раба, медлившего принести его. Сын и друзья вошли к нему в комнату, обняли его и со слезами просили, чтобы он пощадил себя. Он отвечал им упреками и настаивал на своем; тогда они удалились. Затем он продолжил чтение и спокойно заснул до полуночи. Получив от своего отпущенника Бута уведомление, что отосланные им оптиматы уже уплыли, он запер двери и пронзил себя мечом. Рана была не смертельна, друзья, услышав, что он упал, пришли к нему и перевязали рану; но когда они опять ушли, он сорвал повязку и истек кровью. Так умер, 49 лет от роду, этот почтенный, благородный человек, отличавшийся твердостью воли и силой патриотизма; но, несмотря на его основательное философское образование, нельзя не признать за ним некоторой близости

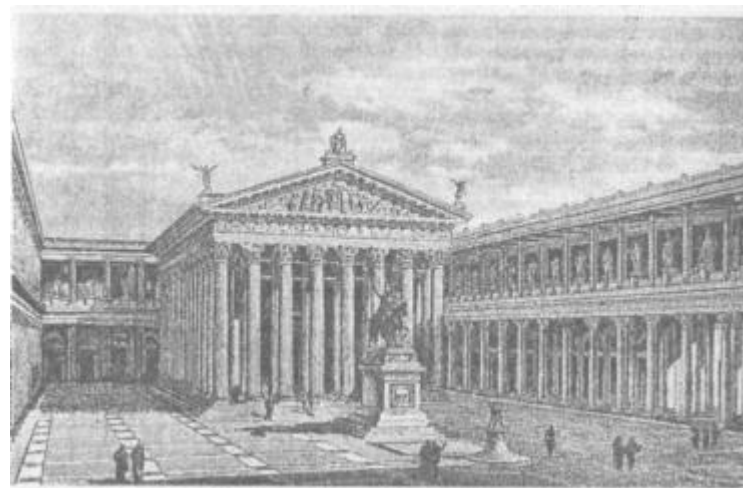
рукости и недалекости. Он принял для себя за образец своего предка, Катона Старшего, ревнивого сберегателя нравов доброго старого времени; но ему недоставало силы и здравого, практического ума его предка. Получив известие о смерти Катона, Цезарь пожалел, что не успел простить его при жизни. Друзья Катона похоронили его на берегу моря близ Утики, где впоследствии ему была поставлена статуя. Его обыкновенно называют, в отличие от его предка, Катонем Утическим.

В конце июля 46 г. Цезарь возвратился в Рим. Победа его казалась теперь полной, и сенат с услужливой преданностью поспешил встретить неограниченного властелина, все еще опасаясь, что Цезарь сбросит с себя маску и начнет мстить врагам своим. Сенат устроил в честь его сорокадневное празднество и дал ему четыре триумфа - над Галлией, Египтом, Фарнаком и Юбой, назначил его диктатором на 10 лет и блюстителем нравов (*praefectus morum*) на три года, причем ему даны были цензорские права исключать, по своему усмотрению, членов сената и всадников из их сословия и дополнять эти сословия. В августе Цезарь праздновал в разные дни свои четыре триумфа с большим великолепием; перед ним шли 72 ликтора. Солдаты, идя за его триумфальной колесницей, позволяли себе петь обычные юмористические куплеты даже в насмешку над диктатором; тут же раздавались возгласы: «Будь справедлив и ты расквасишься; будь несправедлив — и ты сделаешься царем». После триумфа народу было устроено роскошное угощение и розданы подарки; для его увеселения устроены были разнообразные игры в обширных размерах; солдаты получили большие награды и земельный надел. Еще во время этих праздников Цезарь издал различные законы для обеспечения спокойствия и восстановления порядка. Одной из наиболее значительных заслуг его было установление календаря, который, правда, из-за произвола и нерадения понтификсов, находился в весьма запутанном состоянии. Этим трудом установления календаря, названного по его имени юлианским, он занимался сам, так как он обладал довольно значительными познаниями в математике и астрономии; но больш-

шая часть дела исполнена александрийским математиком Созигеном и писцом М. Флавием.

В том же году Цезарю снова пришлось идти на войну. После битвы при Тапсе остатки помпеевской партии под начальством Лабиена, Вара и двух сыновей Помпея — Гнея и Секста - бросились в Испанию, где находились мятежные войска Цезаря, и снова заняли там угрожающее положение. Легаты Цезаря просили его явиться лично и ликвидировать опасность. Осенью 46 г. Цезарь в 27 дней прибыл в Испанию; неприятель укрепился в самой южной ее части (Бетика). Целые месяцы прошли в маленьких стычках, пока, наконец, 17 марта 45 г. (по новому календарю) оба войска не сошлись при Мунде, к северу от Гранады. У помпейцев было 13 легионов, у Цезаря - 80 когорт; его легковооруженные воины и конница были сильнее неприятельских; но неприятель имел более выгодную позицию, на крутом холме, перед сильно укрепленной Мундой, что давало ему возможность отступить безопасно. Цезарь, приближаясь к неприятельской боевой линии, остановился; помпейцы смело и отважно бросились вперед на равнину. Произошла весьма ожесточенная схватка. «Смерть! Нет пощады!» - слышалось с обеих сторон; взаимное ожесточение не знало границ. Цезарь печально смотрел на это кровопролитие, в котором дело должно было решиться не искусством, не высшими соображениями, а личной храбростью и стойкостью сражавшихся, и начинал сомневаться в счастливом исходе дела. Его ветераны уже колебались; тогда он оставил свою лошадь и с обнаженной головой, желая быть узанным, бросился в передние ряды, воскликнув: «Неужели вы отдадите меня мальчишкам?» Многие пали под его ударами; но смерть грозила ему со всех сторон, его щит был пробит более чем сотней дротиков. День уже склонялся к вечеру, а дикая схватка все еще продолжалась с одинаковым успехом. Тогда мавританский царь Богуд, сражавшийся в войске Цезаря, без приказа и несвоевременно повел своих всадников с правого крыла в тыл Гнея Помпея, в его лагерь. Лабиен, увидя это, отвел свои пять когорт назад. Цезарь воскликнул: «Они бегут!» Его победный клич быстро разнесся по всему войску и испугал помпей-

Форум Юлия Цезаря в Риме

цев. Они побежали; неприятельский меч производил в их рядах страшное опустошение. 33 тыс. помпейцев пали, в том числе и Лабиен, и Аттий Вар; Гней, старший сын Помпея, раненый оставил поле сражения и несколько недель спустя был убит. Секст Помпей не участвовал в битве. Цезарь, как говорят, потерял только 1 тыс. убитыми и 500 ранеными, из всех битв гражданской войны это сражение было самое упорное и самое опасное, так как помпейцы сражались отчаянно, не рассчитывая на милость. Цезарь говорил, что во всех других битвах он сражался из-за победы, а в этой битве — за свою жизнь. Но в этой битве при Мунде помпеевской партии нанесен был смертельный удар.

Еще несколько месяцев Цезарю пришлось действовать в Испании; в сентябре 45 г. он был снова в Риме, где низкая, подлая лесть осыпала его новыми, неслыханными почестями. Еще до его прибытия сенат решил устроить в честь его 50-дневное благодарственное празднество; затем было решено, что на будущее время на игры в цирке будет привозиться в великолепной колеснице статуя Цезаря, сделанная из слоновой кости, вместе со статуями богов; что другая статуя диктатора, с надписью: «Непобедимому богу», будет поставлена в храм Квирина (Ромула), чтобы таким образом

почтить Цезаря как второго основателя Рима. Неограниченная власть, которой он пользовался фактически, была законно утверждена за ним особыми титулами: он был назначен пожизненным диктатором и судьей нравственности (*praefectus morum*), консулом на 10 лет, получил право пользоваться титулом императора, как прозвищем, и передать его своим потомкам; вследствие этого он получил законное право распоряжаться всеми вооруженными силами и государственной казной Рима. Особа его была объявлена неприкосновенной, как особа трибуна; публично дано было обещание охранять его безопасность; толпа сенаторов и всадников служила ему прикрытием, всякий сенатор должен был поклясться, что будет защищать его своей жизнью. Все его распоряжения получили силу закона, и чиновники при вступлении в должность должны были давать клятву в том, что не будут действовать против какого бы то ни было из его постановлений. В знак своей высокой должности он носил, по распоряжению сената, при всех торжественных случаях одежду триумфатора; лавровый венок — украшение триумфатора — он носил постоянно, что должно было быть особенно приятно для него, так как он был плешив. Он восседал в сенате и в суде на высоком золотом кресле, одетый в царскую пурпурную одежду. Ему дано было прозвание «Освободитель» и титул «Отец отечества». Он мог выбивать свое изображение на монетах, что прежде не дозволялось ни одному смертному; в честь его было воздвигнуто множество статуй. День его рождения был общим праздником, месяц, в котором он родился, был назван июлем. Дом его был украшен фронтоном, как храмы. В честь потомка Венеры (род Юлиев производили от Юла, сына Энеева), в честь полубога, каждые пять лет должны были праздноваться игры, на которых жрецы и весталки молились за него. Он был назван *Juriter Julius*, а за его кроткое обращение построен был храм ему и богине Клеменции (Милости). Жрецом в этом храме сделан был М. Антоний.

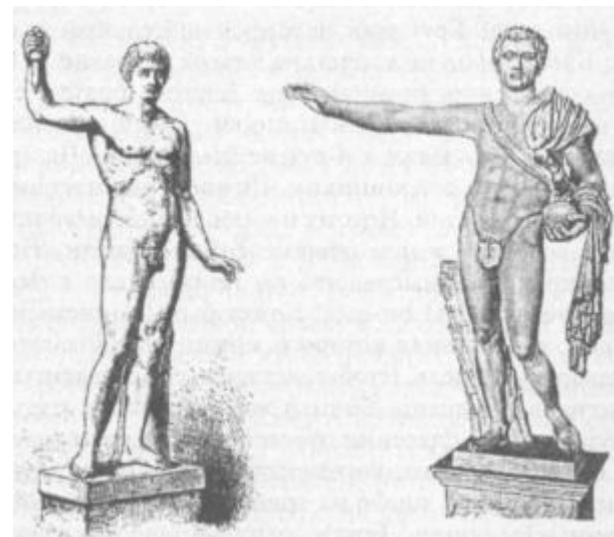
Цезарь стал единовластным правителем, республика обратилась в ничто, в пустое слово, хотя формы ее большей частью еще остались в прежнем виде. Республиканские должности сделались пустыми титулами; Цезарь увеличил чис-

ло этих должностей, чтобы, раздавая их своим друзьям и бывшим противникам, привязать к себе этих людей. На том же основании, а равно и для того, чтобы уничтожить значение сената, число членов этого учреждения постепенно было увеличено до 900; в том числе были и простые солдаты, и дети отпущенников, и даже иностранцы. Ветеранов и безземельный народ Цезарь привлек к себе раздачей земель и основанием колоний; между прочим он решил вновь построить Карфаген и Коринф. Многими другими распоряжениями и предприятиями монарх также старался увеличить блеск своего правления и дать миру возможность наслаждаться плодами установленного им спокойствия. Воздвигнуты были огромные здания, проведены дороги, высушены Понтинские болота; он приказал собрать и привести в порядок существующее законы, задумал основать большую латинскую и греческую библиотеку под руководством ученого М. Теренция Варрона. Кроме того, Цезарь занимался приготовлениями к войне с парфянами. Эта война должна была быть возмездием за поражение римского войска под начальством Красса, национальной войной, которая должна была соединить и примирить между собой все партии в государстве. После победы над парфянами он хотел завоевать страны, лежащие по берегам Каспийского и Черного морей до пределов Германии и Галлии. Но смерть поразила его среди этих грандиозных планов. Уже сделаны были все приготовления к его отъезду из Рима и Италии, уже отправлено было в Азию войско из 16 легионов и 10 тыс. человек конницы, сам император намеревался ехать вслед за ним через четыре дня, и в это время, в мартовские иды (15 марта) 44 г., напала на него в сенате толпа заговорщиков, и он был убит.

Цезарь навлек на себя подозрение в том, что он стремится к царской власти и задумывает основать наследственную монархию. Победив своих врагов, он позволил поставить свое изображение в ряду царских, позволил своим друзьям в интимном кругу называть себя царем и даже делать попытки доставить ему этот титул при содействии народа. Чтобы узнать настроение народа, они надели лавровый венок и диадему на статую Цезаря, стоявшую на

ораторской трибуне. Трибуны Марулл и Цезетий сняли эту диадему и арестовали виновных, «так как диктатор не желает таких беспорядков». Цезарь жалел только о том, что трибуны предупредили его. Когда 26 января 44 г., в день латинского праздника, он торжественно входил в Рим, возвращаясь с Албанской горы, многие приветствовали его как царя; но народ, вместо того чтобы поддержать эти возгласы, безмолвствовал и роптал. Его друзья не успокоились. В праздник Луперкалий, 15 февраля, когда Цезарь в триумфальной одежде сидел на ораторской трибуне, к нему подошел консул М. Антоний, наиболее ревностный из его приверженцев, и хотел возложить на него диадему; но народ не приветствовал его; слышны были только вздохи и жалобные стоны. Тогда Цезарь отклонил этот подарок - и раздался всеобщий крик одобрения. Консул, припав к ногам диктатора, стал просить его исполнить его желание, во имя отечества; но так как народ не заявлял своего согласия на это, то диктатор объявил, что только Юпитер может называться царем в Риме, и отослал диадему в Капитолий. Конечно, нет сомнения, что Цезарь сам давал повод к подобным попыткам; но он убедился, что царский титул был ненавистен народу. Поэтому он обратился к сенату, в котором заседало много его креатур, и хотел пустить в ход религиозные средства. В Сивиллиных книгах нашли предсказание, что римляне только тогда победят парфян, когда будут иметь царя; приверженцы Цезаря потребовали в сенате, чтобы ему дано было право носить царский титул вне Италии. Если бы эта цель была достигнута, то можно было надеяться, что счастливый победитель, возвратившись в Рим, не встретил бы уже отказа в царском титуле. Но на заседании сената 15 марта, на котором этот вопрос должен был решиться, Цезарь был убит.

Тем не менее не следует думать, что причиной смерти Цезаря было стремление к царской власти. Хотя убийцы и говорили, что действуют ради спасения свободы и республики, но в сущности к преступлению побуждали их более простые, своекорыстные мотивы. Недовольные находились и среди самых цезарианцев, и среди пощаженных врагов, считавших себя оскорбленными и униженными; несмотря

Брут с кинжалом

Статуя Помпея, у которой, как предполагают, был убит Цезарь. Рим, дворец Спада

на то, что Цезарь обошелся с ними благосклонно, они хотели удовлетвориться мстостью за то, что диктатор дал им менее того, на что они, по своему честолюбию, рассчитывали и заявляли претензии; они считали унижением для себя быть обязанными врагу. Главным виновником заговора следует считать Г. Кассия Лонгина. Это был худой, истощенный страстями человек, с бледным лицом и мрачным, решительным характером. Он принадлежал к партии Помпея, был прощен Цезарем, но думал, что Цезарь недостаточно внимательно отнесся к заслугам, оказанным им отечеству в войне с парфянами, после смерти Красса; он гневался на то, что другие посланы были наместниками в провинции, а он получил только должность младшего претора в Риме, между тем как старшим претором был сделан молодой человек М. Брут, которому Кассий завидовал. Он решил отомстить, свергнуть тирана и стал приискивать себе помощников. Кассий нашел много других недовольных людей и привлек их на свою сторону только с тем условием, чтобы М. Брут, товарищ его по претуре, принял учас-

тие в этом деле; Брут был человек влиятельный и слыл вторым Катонем; он был женат на дочери последнего, Порции. Кассий решил помириться с Брутом, братом своей жены, и привлечь его на свою сторону, хотя и завидовал ему, как любимцу Цезаря. Брут не был врагом Цезаря, и хотя прежде был сторонником Помпея, но получил от Цезаря много отличий. Потому на него нельзя было подействовать, возбудив в нем обыкновенные страсти. Нужно было внушить ему мысль, что он призван для спасения свободы отечества. И он был, может быть, единственным человеком, в действиях которого можно предполагать такую благородную цель. Чтобы заставить его согласиться на смерть тирана, пущены были в ход различные средства: ему внушали, что спасение отечества зависит от него; на статуе Брута Старшего, изгнавшего царей, написали: «О, если бы ты был еще жив!»; на трибунал его клали записки с словами: «Ты спишь, Брут!», окружающие его вздохами и тихими жалобами давали ему понять, что в нем одном видят они спасителя государства и что он не может не исполнить своей высокой миссии. Брут был человек слабый и мечтатель; он позволил себя одурачить и увлекся делом спасения отечества. Когда он дал заговору свое имя, тогда легко можно было привлечь и еще многих других к этому делу. Таких было более 60 человек; большинство из них были сенаторы, в том числе цезарианцы Децим Брут, Минуций Базил, Гай Требоний, прежние легаты Цезаря в Галлии, два брата Сервилии Каски, Тиллий Цимбер, помпеец Кв. Лигарий и др.

Заговорщики долго не решались относительно выбора времени и места и, наконец, назначили заседание сената на 15 марта для исполнения своего плана. Они должны были спешить, так как при столь большом числе их среди них легко мог найтись изменник, и так как через несколько дней Цезарь хотел ехать на войну с парфянами, заседание должно было происходить в курии Помпея. В назначенный день утром заговорщики собрались на Марсовом поле близ курии Помпея, чтобы ожидать Цезаря. Но Цезарь не являлся, и они стали уже боязливо переглядываться, думая, не выдал ли кто-нибудь их плана. Один

человек взял Каску за руку и сказал: «Хотя ты и скрыл от нас тайну, но Брут рассказал мне все». Каска испугался и едва собрался с духом; но вскоре заметил, что этот человек говорит о своих хлопотах о месте эдила. Один сенатор, Попиллий Лэна, обратился к Бруту и Кассию со словами: «Желаю успеха вашему предприятию; но спешите - не все молчат», — и тотчас же удалился. Затем Брута известили, что его жена умирает. В последнюю ночь Порция выпытала у мужа его тайну; чтобы доказать ему, что она обладает нравственной силой и что он может довериться ей, она подрезала себе жилы на ногах, так что стала истекать кровью. В ожидании исхода дела, сильно возбужденная, она выбежала из дома и на улице упала в обморок, так что думали, что она умирает. Известием об этом случае Брут был сильно потрясен, но остался на месте.

Так как Цезарь все еще не являлся, то Д. Брут, бывший до сих пор доверенным лицом диктатора, пошел к нему в дом, чтобы разузнать о причине его отсутствия, и, если будет нужно, уговорить его идти. Оказалось, что Цезарь остался дома только вследствие опасений своей жены Кальпурнии, которой снились ночью беспокойные сны; он уже поручил своему товарищу М. Антонию отложить заседание сената до другого дня. Если бы это случилось, то заговорщикам следовало ожидать всего худшего. Потому Брут стал его уговаривать, чтобы он не оскорблял сената, собравшегося по его приказанию, и не откладывал заседания из-за женских снов, и говорил, что если уж он верит предсказаниям и снам, то должен, по крайней мере, лично распустить сенат. Цезарь еще колебался; но Брут почти насильно увлек его с собой. Так как он был не совсем здоров, то приказал отнести себя в носилках, в сопровождении многочисленной свиты и большой толпы народа. Говорят, что на дороге ему представлено было письменное разоблачение заговора; но, при множестве просьб, которые ему подавались, он не обратил на это внимания. Когда он, прибыв в сенат, вышел из носилок, заговорщики в страхе увидели, что Попиллий Лэна подошел к нему и стал говорить с ним весьма настойчиво; они думали, что он выдает их, и уже решились самоубий-

ством избавиться от ареста; но затем, по выражению лица Попиллия, увидели, что он о чем-то просит, и успокоились. В то время как другие пошли вслед за диктатором в курию, Требоний остался, чтобы разговором удержать на улице М. Антония, которого заговорщики опасались вследствие его привязанности к Цезарю, его смелости и силы. Цезарь сел на золотое кресло, и заговорщики окружили его. Тиллий Цимбер выступил вперед и стал просить за своего изгнанного брата; все поддержали его просьбу, схватили Цезаря за руки, стали целовать его в голову и в грудь, чтобы убедиться, что на нем нет панциря или какого-нибудь спрятанного оружия. Когда он, недовольный их навязчивостью, сделал усилие, чтобы встать, Тиллий обеими руками сорвал у него с плеч тогу. Это был условный знак для нападения. Каска, стоявший позади Цезаря, первый обнажил кинжал и дрожащей рукой нанес ему легкую рану в шею. Цезарь обернулся к нему и, схватившись за рукоятку кинжала, воскликнул: «Несчастный Каска, что ты делаешь?» Каска дрожащим голосом позвал своего брата; тогда все заговорщики бросились на свою жертву и стали наносить ей удар за ударом так поспешно, что некоторые ранили друг друга. Цезарь некоторое время защищался; но увидя, что М. Брут также поднял на него кинжал, горестно воскликнул: «И ты, сын мой?» Обернул голову тогой и, пораженный 23 ударами, упал мертвым к подножию статуи Помпея. Еще накануне вечером, ужиная у М. Лепида, на вопрос о лучшем роде смерти он ответил, что самая лучшая смерть — неожиданная.

Заговорщики решили бросить труп тирана в Тибр, имущество его конфисковать, его законы и учреждения (*leges Juliae, acta Caesaris*) отменить, но когда они, совершив убийство, увидели, что сенаторы, вместо того чтобы одобрить их, в смущении побежали из курии, и что народ также отступился от них, тогда, испугавшись и не зная, что предпринять, они искали убежища в Капитолии. В это время трое слуг Цезаря вошли в опустевшую курию и отнесли к Кальпурнии окровавленный труп своего господина. Пораженная страхом, она побежала в дом консула М. Антония, верного друга ее мужа, и передала ему част-

ное имущество Цезаря, 25 млн. динариев, вместе с его бумагами. Антоний воспользовался впоследствии всем этим для того, чтобы усилить свое могущество. Он замышлял занять место Цезаря. Чтобы успокоить обе партии, сенат при содействии Антония дал 17 марта амнистию убийцам и вместе с тем утвердил законы и постановления Цезаря. Опасность, по-видимому, миновала; сенат и аристократия надеялись снова забрать в свои руки управление республикой; тогда Антоний начал действовать. Он приказал открыть и прочитать завешание Цезаря, в котором главным наследником назначался его приемный сын К. Октавий, внук его младшей сестры, но и народу делались также значительные подарки. Этим Антоний настроил толпу против убийц, защищаемых аристократией; при погребении Цезаря дело дошло до бурного восстания. По распоряжению Антония тело Цезаря должно было быть предано сожжению и погребено на Марсовом поле, где погребались только заслуженные и высокоуважаемые люди, рядом с могилой его дочери Юлии; но на форуме погребальная процессия остановилась, и консул начал говорить надгробную речь. Тело, принесенное чиновными особами, при воплях громадной толпы и цезаревских ветеранов, было опущено на помост, над которым возвышался позолоченный балдахин; Антоний начал говорить, и в возбуждающей речи изобразил заслуги и подвиги великого человека, отца отечества, благодетеля народа; указал на преступную неблагодарность убийц, потворство сената, поклявшегося защищать Цезаря жизнью; он показал окровавленную, разорванную одежду диктатора и, наконец, велел открыть восковое изображение умершего с 23 ранами и обезображенным лицом. При виде этой фигуры народ, еще прежде прерывавший оратора жалобными возгласами и грозными криками, пришел в буйную ярость; толпа стала искать убийц, чтобы растерзать их, но они спаслись бегством. Двое вооруженных людей зажгли факелами гроб, стоявший на форуме; толпа тотчас же стала бросать все, что можно было найти — хворост, столы и скамьи с трибуналов и из лавок, и устроила костер; мимы, участвовавшие в похоронных играх, стали бросать свои

нарядные одежды в пылающий огонь; ветераны побросали туда все свое оружие, женщины и дети — свои украшения. Дом одного ненавистного помпейца, Л. Беллиена, загорелся - и не случайно; народ, схватив пылающие головни, бросился к домам заговорщиков; но Антоний сумел удержать разыгравшиеся страсти, он достиг своей цели. Отпущенники Цезаря взяли его прах и похоронили его в заранее приготовленной могиле на Марсовом поле.

Таково было погребение Цезаря, послужившее сигналом для новых междоусобных войн, которые были вызваны преступным делом заговорщиков. Заговорщики убили Цезаря в ту минуту, когда, благодаря богатым талантам Цезаря, после продолжительных раздоров и страстной борьбы партий стали, наконец, появляться признаки мира и порядка, стремление к примирению враждующих. Они заявили, что хотят снова восстановить республику, и не подумали о том, что господство одного лица было для государства благом, так как республика не могла уже дольше удержаться. Тотчас же вслед за этим начались новые распри, которые должны были решить, какому государю достанется власть над Римом, распри, в которых прежде всего погибли сами заговорщики.

Цезарь был высок и строен, имел прекрасную, мужественную наружность, живые черные глаза с выражением доброты и веселости; губы его были несколько толсты. С течением времени он худел и становился бледнее; но падающая болезнь, от которой он страдал в молодости, не оказала никакого дальнейшего влияния на его здоровье. Тело его было крепко и сильно, он мог переносить всякое напряжение и все лишения и делил со своими войсками все труды. Он мог помериться с кем угодно в верховой езде, фехтовании и плавании и часто храбро сражался впереди своих войск. Жизнь он вел умеренную; невоздержанность и неутомимая деятельность не мирятся между собой. Самой сильной страстью его было честолюбие, он хотел и умел быть первым. Если его честолюбие встречало препятствие, то он мог быть суровым и беспощадным. Но жестокость и мстительность были ему чужды; это была мягкая, открытая, добрая натура, благородная и великодушная, охотно про-

щавшая и снисходительная там, где это было возможно. Его умственное превосходство побуждало его скорее прощать, чем наказывать. Это был человек с выдающейся, неистощимой силой ума, одаренный многосторонними талантами; труднейшие задачи были для него забавой. Не найдя себе соперников как государственный человек и полководец, он отличался как оратор, как исторический писатель, как человек, занимавшийся различными отраслями знания — грамматикой, математикой, астрономией. Дошедшие до нас семь книг о Галльской войне и три книги о гражданской войне представляют в простом, естественном изложении произведение ясного, пронизательного, образованного ума. Человек, одаренный такими способностями, должен был иметь сильную власть над умами людей; затмевать и отстранять всякого, кто бы ни осмелился соперничать с ним; он должен был чувствовать себя призванным для господства над миром, который был уже недостойн свободы. «Если бы Цезарь родился на троне или жил в то время, когда республика не находилась еще в состоянии полного разложения, как, например, во времена Сципионов, он достиг бы цели своей жизни с величайшей славой; если бы он жил в век республиканский, он никогда не подумал бы стать выше закона; но он жил в такой период, что ему уже не было возможности сделать выбор — он должен был сделаться молотом, чтобы не быть наковальней. Натура Цезаря была не похожа на натуру Цицерона: он не мог поворачиваться по направлению ветра; он чувствовал, что должен управлять событиями, и не мог оставаться на месте или идти назад: поток событий неудержимо увлекал его за собой. Катон мог еще мечтать о возможности оживить республику; но ее время уже прошло». К этим словам Нибура прибавим еще заключение Друманна: «Если бы Цезарь родился властелином, никто не мог бы сравниться с ним по величию и по доблестям».

35. ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ ОКТАВИАН АВГУСТ

Октавиан, родившийся 23 сентября 63 г. до Р. Х., назывался первоначально, как и отец его, Гай Октавий, но затем, сделавшись приемным сыном диктатора Цезаря, принял имя Г. Юлия Цезаря Октавиана. Его мать, Аттия, была дочерью младшей сестры диктатора, Юлии, и М. Аттия Бальба. Будучи 4-летним мальчиком, он лишился отца и воспитывался некоторое время в доме своей бабки Юлии, пока его мать снова не вышла замуж за Л. Марция Филиппа. Его бездетный дед, диктатор Цезарь, деятельно принялся за воспитание мальчика, который, будучи 12 лет, произнес надгробную речь своей матери Юлии. Четыре года спустя, после битвы при Фарсале, он надел мужскую тогу (*toga virilis*) и вскоре сделался понтифексом. Октавий был слаб здоровьем, что не позволяло ему принять участие ни в африканском, ни в испанском походе своего деда; но последний постарался расположить к нему народ ходатайством его за многих помпейцев и участием в постановке некоторых, устроенных им, сценических представлений. Когда диктатор 13 сентября 45 г. сделал свое завещание, он назначил своего внука наследником и усыновил его так, что последний об этом и не знал. Той же осенью Октавий со своими друзьями, М. Агриппой и Кв. Сальвидиеном Руфом, отправился в Иллирию, чтобы, по воле своего деда,

находясь в войсках, высланных вперед на войну с парфянами, получить сведения, необходимые для полководца, и в то же время продолжать свои занятия под руководством своих прежних учителей. Он жил большей частью в Аполлонии. На шестой месяц своего пребывания здесь он получил известие об убийстве своего деда.

Гай Юлий Цезарь

Эта неожиданная и горестная весть разрушила лучшие надежды Октавия; но он не желал отказываться от притязаний, которые мог иметь как ближайший родственник и наследник властелина. Он тотчас же поспешил отправиться в Италию. Иллирийские войска хотели сопровождать его, но он ограничился маленькой свитой, чтобы сначала в качестве частного лица узнать положение дел в Риме. В начале апреля он высадился в Лупиях, неподалеку от Брундизиума, а не в самом Брундизиуме, обычном месте высадки, где, может быть, его ожидал кинжал заговорщика; как только он услышал, что Цезарь усыновил его, он назвал себя Юлием Цезарем, отправился в Брундизиум и принял от войск Цезаря приветствие, как его сын. Благодаря великому имени этот юноша, еще не достигший и 19 лет, стал значительным человеком. Со всех сторон стали стекаться к нему сторонники, ветераны, отпущенники и рабы Цезаря, и многие предлагали ему выступить мстителем за своего названного отца и занять его место. Но он с хитрой осторожностью выступил сначала частным наследником отца, чтобы впоследствии, воспользовавшись обстоятельствами, сделаться преемником его власти. На другой день по прибытии в Рим он заявил городскому претору, что принимает усыновление и наследство Цезаря. Народ принял его с радостью; он обещал выплатить народу завещанное Цезарем и дать игры; но консул Антоний, взявший себе бумаги и деньги Цезаря, рассчитывая

при помощи их захватить власть в свои руки, видел в Октавиане своего соперника и старался устранить его. Когда Октавиан как наследник Цезаря явился к консулу и стал требовать от него денег своего отца, чтобы заплатить по его завещанию, Антоний стал уверять, что казна Цезаря была пуста, что вместо наличных денег после него остались только долги, и вообще обошелся с ним холодно и высокомерно, как с мальчиком, едва успевшим выйти из школы. Октавиан умел хорошо играть свою роль. Он не стал скрывать свое недовольство оскорбительным отношением к нему Антония; чтобы доказать свое уважение к Цезарю и свою любовь к согражданам, он расплатился по завещанию Цезаря своими собственными деньгами, продал свое имение. Так как Антоний и в этом чинил ему препятствие и везде становился ему поперек дороги, то Октавиан соединился с сенатской партией, хотя она и потворствовала убийцам Цезаря, вступил в особенно тесные отношения с Цицероном, который теперь снова стал играть значительную роль во главе сената, и начал борьбу со своевольным Антонием.

Убийцы Цезаря, боясь Антония, бежали из Рима и Италии, а предводители их отправились в назначенные им провинции. Децим Брут удалился в Цизальпийскую Галлию. Эту важную провинцию Антоний хотел взять себе, чтобы оттуда господствовать над Римом; он пошел на Брута и осадил его при Мутине. Сенат, стоявший на стороне Брута, послал против Антония обоих консулов, А. Гирция и К. Вибия Пансу, и, по предложению Цицерона, постановил, что Октавиан должен сопровождать их в качестве пропретора со своим собственным войском. В так называемой Мутинской войне 43 г. Антоний был разбит и Брут выручен, но оба консула были убиты. Таким образом, Октавиан остался единственным начальником над тремя войсками, так как Брут ничего не делал; но сенат рассчитывал воспользоваться той минутой, когда Антоний сделался безвредным, чтобы сокрушить опасного наследника Цезаря. На его заслуги не обратили внимания, и вместо него получил публичную похвалу ничего не сделавший Брут, и ему поручено было начальство над консульскими

войсками с предложением преследовать разбитого Антония. Это побудило Октавиана спокойно остаться при Мутине и дать возможность уйти Антонию, который направился в Трансальпийскую Галлию и там заключил союз с поставленными Цезарем наместниками Галлии и Испании, М. Лепидом, Мунацием Планком и Азинием Поллионом. При этой новой опасности сенат поручил Октавиану вместе с Д. Брутом главное начальство в походе против опального Антония. Но Октавиан уже втайне помирился с Антонием при посредстве Лепида. Но чтобы иметь возможность явиться перед Антонием с большим значением и большей самостоятельностью, он желал прежде получить консульское достоинство. Его войско, составленное из старых ветеранов Цезаря, казалось ему теперь лучшей поддержкой, чем ходатайство Цицерона; он отправил в Рим 400 человек и через них требовал консульства. Так как они были отосланы сенатом назад, то Октавиан сделал вид, что оскорбленное войско требует от него, чтобы он шел в Рим и силой принудил избрать себя. Он осадил город, завладел государственной казной и 19 августа 43 г., не достигши еще 20 лет, был избран консулом. Товарищем его сделался преданный ему Гай Педий. При помощи его он привлек к суду и обвинил убийц Цезаря, с тем чтобы впоследствии иметь возможность наказать их самому. Оставив Рим, по-видимому, для того, чтобы идти против Антония, он устроил так, что Педий предложил сенату снять опалу с Антония и Лепида, а сам пошел им навстречу, в Верхнюю Италию, и имел с ними свидание на речном острове недалеко от Бононии (Болонья). Между тем Д. Брут, от которого 6 легионов перешло к Октавиану, бежал из Верхней Италии, желая пробраться через Альпы в Македонию к М. Бруту; но на дороге в Аквилею был выдан одним трактирщиком и убит людьми Антония.

Во время встречи недалеко от Бононии три полководца вели себя недоверчиво и осторожно. Октавиан, равно как и Антоний, выставил на берегах реки пять легионов; 300 человек сопровождали каждого из них к мостам; затем Лепид вышел вперед и, убедившись, что ему нечего опасаться засады, дал знак другим следовать за ним.

Говорят, что они обыскали друг друга, не спрятали ли у кого-нибудь оружие. Их совещания, в которых главную роль играли Антоний и Октавиан, продолжались два дня; на третий день результаты совещаний были сообщены войскам. Они заключили союз на пять лет с целью восстановления спокойствия и порядка в государстве и объявили себя чрезвычайными чиновниками с консульской властью, как *triumviri reipublicae constituendae*, распоряжения которых должны были иметь силу закона без утверждения сената и народа. Должности и чины они распределили заранее на пять лет между людьми, пользовавшимися их доверием. Лепид должен был на следующий год остаться в Риме в качестве консула, а Антоний и Октавиан брались вести войну с М. Брутом и Кассием, которые собрали значительные военные силы на востоке, один в качестве наместника Македонии, другой - в качестве наместника Сирии. Лепид уступил для этой войны большую часть своих легионов. В награду за победу солдатам предоставлялось 18 наиболее цветущих городов Италии. Самым худшим в этих условиях были проскрипции. Для предстоящей войны триумвиры нуждались в большой сумме денег, а так как Октавиан уже опустошил государственную казну, то их политические враги в Риме должны были подвергнуться опале и их конфискованное имущество должно было быть употреблено на военные издержки. Эта мера имела в виду прежде всего наиболее влиятельных и опасных людей противной партии, от которых следовало избавиться, так как они во время войны могли поднять враждебное движение; кроме того, каждый из триумвиров находил в проскрипциях удобное средство удовлетворения своей ненависти и мстительности. Таким образом они торговались и менялись в продолжение целого дня, причем одни приносили в жертву ненависти других жизнь своих друзей и родственников, чтобы погубить врага, которого другой хотел спасти. Октавиан принес в жертву Антонию Цицерона, помогшего ему стать на ноги при первом появлении в Риме; Антоний пожертвовал своим дядей Л. Цезарем, Лепид — своим братом Л. Эмилием Павлом.

После того как они договорились, составили пись-

менный договор и утвердили его клятвой, Октавиан, консул, прочел этот документ перед соединенными войсками, пропустив, однако, статью, в которой говорилось о проскрипциях. Войско приняло это сообщение с громким криком радости и для того, чтобы союз был упрочен сильнее, стало требовать брака. Антоний отдал за Октавиана свою падчерицу Клодию, дочь своей жены Фульвии от брака ее с П. Клодием. Потом триумвиры стали готовиться к отъезду в Рим. Между тем они уже наперед послали консулу Педию приказ казнить 17 наиболее значительных лиц, в том числе и Цицерона. Педий велел напасть ночью на дома указанных ему лиц; некоторые из них были найдены и убиты, других искали. В городе распространилась паника, все бежало, везде слышались вопли, как в осажденном городе, так как никто не чувствовал себя в безопасности. Педий, пораженный этим смятением, стал бегать по улицам, уверяя, что бояться нечего, что следует только подождать до следующего дня. С наступлением дня граждане увидели на улицах объявления с именами 17 опальных осужденных как зачинщиков междоусобицы и с ручательством за безопасность остальных. Через несколько часов Педий умер от сильного напряжения и возбуждения.

Триумвиры, вступив со своими войсками в город, были утверждены в своем достоинстве трибутными комициями и 27 ноября вступили в должность. Тотчас же начались ужасы проскрипций. Триумвиры объявили, что они намерены выступить в поход против бесчестных убийц Цезаря, восставших против отечества, и наказать их; но приверженцев их, оставшихся в Риме, следовало обезвредить, чтобы им не вздумалось погубить отечество. Наказаны будут только наиболее виновные и имена их будут выставлены на всеобщее обозрение; никто не должен скрывать их или помогать им спастись бегством, под страхом самому подвергнуться опале. Головы убитых должны приносить к триумвирам, которые будут платить за каждую из них свободному гражданину 25 тыс. динариев, а рабу, кроме свободы и права гражданства, еще 10 тыс. динариев. Такая же награда назначена и доносчикам. Проскрипци-

онные списки были вывешены в разных местах города; на одной доске стояли имена сенаторов, на другой — имена всадников. Сначала выставлены были имена 130 сенаторов, а вслед затем еще 150 других; всадников было осуждено около 2 тыс.

После объявления проскрипционных списков ворота были заперты, выходы из города заняты, в порту и во всех уголках поставлена стража и во все стороны разосланы были центурионы с отрядами войск на розыски несчастных жертв. Началась ужасная резня, в которой обнаружались самые дикие страсти, беззаконие. Родители не были уверены в своих детях, муж в жене; брат выдавал брата, раб господина. К. Тораний просил отсрочки, чтобы сын его мог ходатайствовать за него перед Антонием, и узнал, что сын-то именно и требовал его смерти. Сын претора Л. Виллия Анналия привел солдат к месту, где скрывался его отец, и в награду получил его имения и должность эдила. Жена Септимия тайно хлопотала об осуждении своего мужа, спрятала его, когда он стал искать убежища, и затем выдала его убийцам, чтобы получить возможность выйти за другого. Рядом с таким вероломством было много прекрасных примеров привязанности и верности. Анция Рестиона спас раб, убивший другого, чтобы обмануть преследователей. Многие рабы выносили пытку, не выдавая своих господ, надевали их платье и были убиты вместо них или убивали убийц и затем сами себя. Братья жертвовали собой за братьев, сыновья за отцов, жены с опасностью для жизни спасали своих опальных мужей. Многие бежали и удалились за море, в лагерь Брута и Кассия, большинство бежало в Сицилию, к Сексту Помпею, сыну Помпея Великого, который после поражения помпейцев при Мунде собрал значительный флот и господствовал над большей частью Средиземного моря и островов его. Многие из опальных были помилованы триумвирами; так, например, М. Теренций Варрон, Т. Помпоний Атик, богатый, известный своей щедростью, любезностью и образованностью друг Цицерона, всеми любимый, Л. Цезарь и другие; Цицерон, брат его Квинт и сын его были убиты. С 1 января нового года объяв-

лением новых консулов проскрипции были прекращены и было приказано, под страхом опалы, праздновать новый год, как всегда, торжественно. Униженный сенат постановил дать триумвирам гражданский венок (*corona civilis*) за то, что они своими заботами спасли государство и обезопасили жизнь многих граждан.

Так как от продажи конфискованных имений выручена была далеко не такая сумма, на какую рассчитывали, то триумвиры самым бессовестным образом взяли недостававшие 200 млн. с жен и детей опальных, а равно и с остальных граждан и иностранцев и затем пошли на войну с М. Брутом и Кассием, которые при помощи усиленных наборов, грабежа и притеснений в Македонии, Греции и особенно в Азии собрали много денег и кораблей, и многочисленное войско и готовилось встретить неприятеля в Македонии. Между тем как Лепид оставался в Риме, Антоний направился прямо через Брундизиум в Грецию, а Октавиан двинулся в Сицилию, чтобы сначала отнять этот остров у Секста Помпея, которому он достался при дележе провинций. Так как его попытки высадиться на остров были неудачны, то он поспешил вслед за Антонием и присоединился к нему в Македонии. Здесь, при Филиппах, осенью 42 г. войска обеих партий встретились друг с другом для решительной битвы. Численность войск с обеих сторон была почти одинакова. И те и другие имели около 19 легионов, но легионы Брута и Кассия были не в полном составе; зато в их распоряжении было более 20 тыс. конницы, между тем как у неприятеля ее было только 13 тыс. Октавиан поставил свои войска против Брута, Антоний — против Кассия. Войска Брута сильно атаковали Октавиана, отбросили его легионы и, обойдя его левый фланг, оттеснили их в лагерь, из которого больной Октавиан мог спастись только с трудом. Но вследствие этого движения позиция Кассия осталась с одной стороны открытой. Октавиан воспользовался этим и напал на нее с частью своих войск; в это время Антоний оттеснил левый фланг Кассия в лагерь и взял этот лагерь. Кассий с немногими войсками удалился на холм, откуда была видна вся равнина. Туда прискакала толпа всадни-

ков, посланных М. Брутом, чтобы возвестить о победе. Кассий принял их за неприятелей, но выслал им навстречу одного из своих спутников, Титиния, чтобы рассмотреть их ближе. Всадники, заметив и узнав последнего, с радостными криками соскочили с лошадей, стали обнимать и целовать его и сообщили о победе. Но Кассий думал, что его друг попал в плен и что все пропало. Он отозвал в сторону своего отпущенника Пиндара и, обнажив шею, приказал ему обезглавить себя. Голову его нашли отдельно от туловища, но Пиндара никто уже более не видал. Когда Титиний возвратился и узнал о несчастной ошибке полководца, он проклял свою медленность и вонзил меч себе в грудь. Брут оплакал своего товарища, «последнего римлянина», как назвал он его, и приказал тайно похоронить его в Фазосе. Так поплатился главный виновник гибели Цезаря, своим преступлением вовлекший римское государство в новую междоусобицу, не имея возможности освободить его. Он умер в день своего рождения и, как говорят, от того же кинжала, которым он поразил Цезаря.

На стороне Брута и Кассия пало 8 тыс. человек, на стороне их неприятелей - в два раза больше. Но когда Антоний узнал о смерти Кассия, мужество его до такой степени усилилось, что на другой день с рассветом он снова повел свои войска в бой. Войска Брута колебались и были так ненадежны, что Брут не решился дать сражение. Он должен был сначала воодушевлять их денежными подарками и обещаниями, что после победы он отдаст им на разграбление города Фессалоники и Лакедемон. Двадцать дней спустя после первой битвы высокомерный неприятель и собственные его солдаты против воли принудили его к бою. В ночь перед битвой его расстроенному воображению представился, как некоторые рассказывают, тот же самый образ, который, говорят, являлся ему еще тогда, когда он переводил свои войска из Азии в Европу. В это время, среди глубокой ночи, когда он сидел и работал в своей палатке, страшный, нечеловеческий призрак молча подошел к нему. Он собрался с духом и спросил: «Кто ты - бог или человек?» Призрак глухим голосом ответил: «Я твой злой демон, Брут; при Филип-

пах ты снова увидишь меня». Брут бесстрашно отвечал: «Хорошо, мы увидимся», и призрак исчез. Теперь к нему явился тот же самый призрак и удалился, не сказав ни слова.

В битве Октавиан снова был побежден на левом крыле, но решительность и верный взгляд Антония совершенно победили на правом, вследствие чего все войско Брута пришло в страшное смятение. Часть его была перебита в отдельных стычках на поле сражения, другая часть, вместе с Брутом, обратилась в бегство к берегу. Но когда Брут увидел себя окруженным со всех сторон и лишенным всякой возможности спастись, он бросился на свой меч. После этого четыре легиона, еще остававшихся при нем, сложили оружие. Антоний почтил их вождя, покрыв его тело пурпуром, приказал торжественно предать его сожжению и отослал его прах к матери его Сервилии. Его голову хотели положить к подножию статуи Цезаря, в доказательство того, что он понес заслуженное наказание; но во время бури на Ионическом море она была выброшена за борт.

Двумя битвами при Филиппах судьба римской республики была решена; вопрос был только в том, который из двух победителей сделается впоследствии единовластным государем. С этих пор Антоний был признан первым римским полководцем; он своим талантом, мужеством и быстротой своих движений одержал над неприятелем победу, между тем как Октавиан, почти постоянно больной, играл только второстепенную роль и был побежден. Но впоследствии умная расчетливость и самообладание Октавиана все-таки взяли перевес над природными дарованиями Антония, которые, в конце концов, совершенно утратили свое значение вследствие его склонности к роскоши и чувственным удовольствиям.

После победы над врагами триумвиры разделились. Антоний хотел, отправившись на Восток, в области, отнятые им у заговорщиков, добыть там денег для расчета с войсками, Октавиан должен был ехать в Италию и наделить землей ветеранов. При новом разделе провинций на незначительную особу Лепида обращали мало внимания;

Октавиан взял себе Испанию и новую провинцию Африку (Нумидию), Антоний - обе Галлии и старую Африку (Карфаген). Октавиан выбрал себе лучшую часть: он господствовал над Римом, в то время как Антоний, вследствие своего долговременного пребывания на Восток, отвык от Запада, где все-таки находился центр тяжести государства. В Италии Октавиан с самого начала встретил большие затруднения в поземельном наделе; ветераны были недовольны тем, что им дали, а прежние землевладельцы требовали вознаграждения. Фульвия, жена Антония, воспользовалась этим для того, чтобы произвести беспорядки, желая, чтобы муж ее, попав в сети египетской царицы Клеопатры, возвратился в Италию. Началась так называемая Перузинская война. Л. Антоний, брат триумвира, подстрекаемый Фульвией, стал во главе недовольных; он бросился в Перузию, но Октавиан запер его там и принудил, после упорной обороны, к сдаче в начале 40 г. Там он был помилован, но перузинцы были большей частью истреблены. В мартовские иды Октавиан приказал казнить на алтаре Цезаря 300 знатнейших граждан как искупительную жертву за его умерщвление; сам город был разграблен и сожжен. Это было последнее жестокое дело в жизни Октавиана.

Эти события вызвали разногласия между Октавианом и Антонием, который во главе своего флота явился в Италию и вступил в союз с С. Помпеем против Октавиана. Последний, правда, владел Римом и всей Италией и в распоряжении его было более 40 легионов, но у него не было флота, при помощи которого он мог бы защитить Италию от объединившихся против него врагов. Поэтому смерть Фульвии, всего более поддерживавшей неприятности, была для него весьма выгодна. Оба триумвира снова примирились и заключили новый договор в Брундизиуме, где они в последний раз поделили между собой государство. Антоний получил все провинции к востоку от Скодры в Иллирии, Октавиан - все провинции западные, между тем как Италия осталась в общем владении; Лепид получил провинцию Африку. Для укрепления договора Антоний обручился с благородной сестрой Октавиа-

на, Октавией. С. Помпей не был принят в союз. Так как он, владея Сицилией и Сардинией, продолжал препятствовать, при помощи своего сильного флота, подвозу хлеба в Рим и в Италию и этим вызывал в Риме голод и сильное недовольство, то триумвиры вынуждены были примириться с ним. При свидании в Мизенуме в начале 39 г. с ним заключен был договор, по которому он получил Сицилию, Сардинию, Корсику и Пелопонес, и ему обещано было вознаграждение за растрату имущества его отца; за это он обязался снабжать Италию хлебом. Теперь мир между властителями казался упроченным, и Антоний снова отправился на Восток.

Мизенумский договор был заключен не искренно. Стороны расстались с недоверием и ненавистью; вскоре начались новые столкновения и жалобы на нарушение слова. Помпей взялся за оружие, вторгся в Италию и, заградив море, вызвал в Италии новый голод. Октавиан должен был постараться уничтожить врага; пока Помпей господствовал на море, о борьбе с Антонием на Востоке нечего было и думать. Так как его завистливые товарищи оставляли его без поддержки, то он при помощи своего друга М. Випсания Агриппы собственными силами построил флот, доставивший ему перевес. В 36 г. герой Агриппа дважды разбил Помпея у берегов Сицилии, при Милахе и при Навлохе, и вынудил его бежать в Малую Азию, где он в сражении с легатами Антония был взят в плен и убит в Милете. Лепид перешел из своей провинции Африки в Сицилию и вместе с Октавианом стал воевать против Помпея; но потом выступил против Октавиана и, став во главе 20 легионов, потребовал уступки ему Сицилии. Но Октавиан устроил так, что войска Лепида отказались от него, отнял у него его провинцию, исключил его из триумvirата и удалил в Цирцейи, где он прожил в качестве верховного жреца в полнейшей неизвестности до 12 г. до Р. Х. Октавиан имел теперь в своем распоряжении 45 легионов, 40 тыс. легковооруженных воинов, 25 тыс. конницы и 600 кораблей — силы, с которыми он мог смело отважиться на борьбу с последним соперником, который еще у него оставался, — с Антонием, на борьбу за

самовластие. Но он не решался на это в продолжение еще нескольких лет.

Возвратившись после Сицилианской войны в Рим и получив здесь триумф, Октавиан распустил часть своих слишком требовательных ветеранов и избавился от навязчивости остальных богатыми подарками; граждане, которых он освободил своей победой над С. Помпеем от нужды и голода, полюбили его за его умную умеренность и за заботы об их благе. Сенат за эту победу оказал ему большое предпочтение и много почестей; но он решительно отклонил большую часть из них, обещал сохранение мира и восстановление республики по возвращении Антония. Большую часть республиканских чиновников он оставил по-прежнему в их должностях; к своему товарищу Антонию он относился дружелюбно и внимательно; в его отсутствие он воздал ему много почестей; когда Антоний в войне с парфянами, вследствие своей неосторожной поспешности, понес значительные потери, Октавиан послал ему через Октавию денег и войско на помощь. На случай, если бы между ними снова начался раздор, народ должен был убедиться, что не Октавиан виноват в этом. Чтобы занять делом свои беспокойные легионы и пополнить свою военную казну, он начал войну с горными племенами, жившими по берегам Адриатического моря и в Иллирии, которые были еще не вполне покорены и отказывались платить дань; он покорил япидов к востоку от Истрии между Верхней Савой и Адриатическим морем, покорил их северных соседей, паннонцев и далматинцев, и превратил Паннонию в римскую провинцию.

По мере того как Октавиан приобретал благосклонность римлян, возрастало их недоверие и раздражение против Антония. Он предался в Александрии вместе с Клеопатрой всякого рода излишествам, в которых растратил всю свою нравственную силу и свободу и забыл достоинство государства и свое собственное. С большим неудовольствием узнали римские граждане о том, как он, в угоду своей любовнице, праздновал в Александрии блестящий триумф над побежденным хитростью армянским

царем Артаваздом, торжество, которое могло праздноваться только в Риме, этом властителе мира; он совершил государственное преступление, раздарив римские провинции варварам и детям Клеопатры и породнившись с варварами, чтобы вооружить их против отечества. Свою неприязнь к Октавиану он обнаружил особенно тем, что объявил сына Клеопатры, Цезариона, законным сыном Цезаря и тем нарушил права приемного сына диктатора, Октавиана.

С этих пор война между Антонием и Октавианом с обеих сторон была уже решена; их союз, продленный после истечения срока первого триумvirата еще на пять лет, должен был окончиться в 33 г., но в сущности кончился уже гораздо раньше. Антоний дал своим легатам приказание собрать морские и сухопутные силы, чтобы отправиться на Запад и поразить неприятеля. Клеопатра была руководительницей этого предприятия; она замышляла при помощи Антония, беззаветно ей преданного, явиться в Капитолий царицей Рима и римского царства. Поэтому она заставила Антония дать развод благородной Октавии и приказать ей оставить его дом в Риме. Последняя со слезами исполнила это приказание и взяла к себе детей Антония. В 32 г. Антоний вместе с Клеопатрой отправился в Эфес, где должны были собраться его морские и сухопутные силы; оттуда они отправились на Самос и в Афины, проводя время в роскошных празднествах и оргиях. Клеопатра пускала в ход все средства, чтобы не дать своему любовнику одуматься. Она одна распоряжалась в лагере с дерзостью, которая глубоко оскорбляла римлян, находившихся при Антонии, и заставила многих из них отвернуться от него и бежать. В это время Антоний при поддержке своих друзей предложил сенату утвердить те земельные подарки, которые он сделал Клеопатре и ее детям; тогда сенат и народ объявили войну египетской царице, которая задумала покорить Рим; Антония же объявили неспособным занимать какую бы то ни было государственную должность, так как он, упившись любовью, потерял умственные способности. Таким образом, он из полководца превратился в чужеземца, начавшего войну против отече-

ства, в то время как Октавиан явился защитником республики.

Чем более приближался Антоний к неприятелю, тем более терял он рассудок. Быстрым движением вперед он мог бы напасть на неподготовленного Октавиана в Италии; но он стал на зимние квартиры в Ахаии и по берегам Ионического моря и тем дал неприятелю время окончить приготовления к войне. Так наступил роковой 31 г. У Антония было гораздо больше войска, чем у Октавиана: его сухопутные силы состояли из 100 тыс. человек пехоты и 12 тыс. конницы; на его 500 кораблях находилось 20 тыс. легионеров и 2 тыс. человек легковооруженного войска; цари и народы от Евфрата до Иллирии, от Армении до Кирены находились в его распоряжении. Одна Клеопатра вооружила 200 кораблей и выплатила 2 тыс. талантов и доставила большое количество хлеба. Октавиану пришлось бороться с гораздо большими затруднениями, чтобы собрать средства, необходимые для вооружения; он должен был выжимать деньги из Италии, вследствие чего началось сильное неудовольствие. Его флот состоял только из 250 кораблей, сухопутное войско - из 80 тыс. пехоты и около 12 тыс. конницы. Но его войска были надежны и хорошо обучены; его корабли, маленькие и неказистые, превосходили блестящие, колоссальные, но плохо вооруженные корабли Антония своей подвижностью и быстротой; над ними начальствовал Агриппа, способнейший моряк своего времени.

Весной 31 г. Октавиан в сопровождении важнейших сенаторов и всадников отправился из Брундизиума в Эпир и вместе с флотом и сухопутными силами двинулся на юг, в Амбракийский залив, вход в который был занят флотом Антония, между тем как из сухопутных сил последнего здесь была только часть. Лето прошло в небольших стычках. Так как Антоний понес некоторые потери и его войско терпело от нехватки припасов и от болезней, то он и решился, наконец, дать неприятелю большое сражение. Клеопатра желала морского сражения, потому, как она сама говорила, что прекрасные качества ее флота могли служить залогом победы, но в действительности она рас-

считывала в случае неудачного исхода битвы оставить Антония и бежать на кораблях. Ее желание было законом. Антоний оставил из 200 египетских кораблей только 60, а остальные сжег, так как не имел возможности вооружить их; затем приказал своим войскам идти на корабли и выставил все корабли при входе в Амбракийский залив, перед бухтой, образующей порт Аксиума, в виде тесно сомкнутой линии, причем египетские корабли стояли сзади других, так как Антоний не хотел подвергать Клеопатру опасности. Штормовая погода не давала начать сражение в продолжение четырех дней; на пятый день, 2 сентября 31 г., произошла битва. Высокие, сильные корабли Антония, находясь в узком месте залива, не имели возможности начать атаку. Агриппа на обоих своих флангах вытянул свои суда в боевую линию таким образом, что неприятель вынужден был также выдвинуть против них свои корабли, чтобы не подвергнуться нападению с флангов, и вследствие этого разорвал свою центральную линию. Арунций, командовавший центром эскадры Октавиана, тотчас же бросился в образовавшийся таким образом промежуток — и началось сражение, в котором легкие суда Октавиана окружили громадные корабли Антония со всех сторон, осыпали их камнями и дротиками, перерезали у них канаты и стали брать один корабль за другим. Клеопатра, увидев, что линия, защищавшая ее, прорвана, повернула свой корабль и во главе своих 60 судов удалилась на всех парусах в открытое море. Видя это, Антоний, боясь потерять Клеопатру, последовал за ней на быстроходном корабле. Он догнал ее, был принят на ее корабль и отправился вместе с ней в Египет, стыдясь своего гибельного увлечения и неуправляемых страстей. Войска, покинутые своим полководцем, продолжали храбро сражаться в дикой схватке до тех пор, пока Агриппа не приказал поджечь их корабли. Они отчаянно боролись с неприятелем и с огнем; но все их усилия были тщетны. Многие погибли от меча или копья, сгорели на пожаре или утонули в море; наконец, поздно вечером бой прекратился, и сам победитель остановил огонь. «Среди трупов и развалин корабль римского государства снова возвратился в гавань монар-

хии, из которой он не вышел бы без преступного дела Брута и Кассия» (Друмманн).

Сухопутные войска той и другой стороны смотрели на битву с берега. Войско Антония, ожидая возвращения своего полководца, в продолжение семи дней отказывалось сложить оружие и сдалось только тогда, когда бежал его начальник Канидий. В честь своей победы Октавиан основал при Амбракийском заливе, против Акциума, на месте, где стоял его лагерь, город Никополь (город победы). На том месте, где стояла его палатка, он поставил небольшой храм Аполлона с медными статуями Счастья и Победы. Утром, перед битвой, Октавиан встретил погонщика с ослом: погонщика звали Эвтих (Счастливей), а осла Никон (Победитель) - счастливое предзнаменование, которое воодушевило войско и в память о котором поставлены были теперь две статуи. Храм Актийского Аполлона был расширен, и в память о победе открыты были актийские игры, повторявшиеся через каждые 5 лет. Знатные римляне, находившиеся в лагере Антония, были большей частью помилованы, так как здравый смысл требовал теперь снисходительности; впрочем, некоторые были наказаны штрафом или казнены. Два Аквиллия Флора, отец и сын, должны были бросить жребий, кому умирать; но отец добровольно пошел на смерть, чтобы спасти сына, а сын убил сам себя. Цари и народы, служившие Антонию, заплатились денежной контрибуцией.

Октавиан перезимовал на о. Самос и только в следующем году, подавив восстание в Италии, двинулся вслед за своим разбитым неприятелем через Азию в Египет. Антоний и Клеопатра сделали попытку войти с ним в переговоры; они соглашались отказаться от царства с тем только условием, чтобы Египет достался их детям. Антоний не получил ответа, а Клеопатре Октавиан послал открытое письмо, в котором предлагал ей сложить оружие и отказаться от власти; тайно же обещал помилование и сохранение власти, если только она выдаст Антония или умертвит его. Клеопатра вскоре решилась. Она никогда не любила Антония, а только хотела с помощью его получить господство над Римом; теперь, когда звезда Антония помер-

кла, Клеопатра стала надеяться на содействие Октавиана, думая заслужить его благодарность, уничтожив его противника. Когда Октавиан явился в Египет, Антоний стал сопротивляться; но его сухопутное войско и флот перешли на сторону неприятеля. Он увидел, что все ему изменили и что виновницей этой измены была Клеопатра; но он все-таки не мог освободиться от ее губительных чар. Когда он с проклятиями прибежал в Александрию, крича, что ему изменили, изменила та, за которую он сражается, Клеопатра, чтобы спастись от его гнева, спряталась в выстроенном ею склепе и оттуда велела сказать ему, что она убила себя. Антоний без нее не мог жить; он приказал своему верному рабу Эросу поразить его мечом; но Эрос убил сам себя; тогда Антоний также пронзил сам себя. Истекая кровью, он получил известие, что Клеопатра еще жива, и пожелал ее видеть. Так как двери пещеры будто бы нельзя было открыть, то Клеопатра и ее служанки медленно и с большим трудом втащили его на веревках в верхнюю часть здания. При последнем издыхании Антоний благословлял виновницу всех своих зол и умер у ее ног.

Клеопатра осталась со своими сокровищами в пещере, чтобы не быть захваченной Октавианом. Она имела право не доверять ему. Он намеревался ввести ее в Рим в своем триумфе и пополнить свою казну ее сокровищами. Так как он силой ничего не мог с ней сделать, то взял ее в пещере хитростью. Она была отведена во дворец и получила разрешение похоронить Антония. Октавиан избегал разговора с ней; но так как он опасался, что она может убить себя или умереть от скорби, то посетил ее. Изменница пустила в ход все средства и искусство,

Клеопатра

чтобы тронуть властелина и завлечь его в свои сети; но Октавиан был холоден; его утешительные слова «Не бойся ничего!» показывали ей, что ее ожидало, и она решилась умереть, чтобы ей не пришлось войти в Рим в качестве пленницы, в то время как она надеялась сделаться его властительницей. Клеопатра сделала все приготовления так, что окружающие не заметили ее замыслов. Когда Октавиан получил от нее письмо с просьбой похоронить ее рядом с Антонием, он побоялся хитрости и послал к ней своих людей. Они нашли Клеопатру уже бездыханной, в царской одежде, на ее постели. Ее верная служанка Ирада лежала мертвая у ног ее; другая, Хармиона, умирая, еще поправляла диадему на голове своей повелительницы. Царица умертвила себя с помощью яда, но каким именно способом - неизвестно. На одной руке ее нашли следы раны и поэтому думали, что она умертвила себя укушением ехидны, которую принесли к ней в корзинке с цветами и плодами; но так как этой змеи нигде не нашли, то решили, что она ранила себя отравленной шпилькой. Первое мнение нашло себе веру, и Октавиан в своем триумфе провез статую Клеопатры со змеей на руке. Клеопатра умерла на 40-м году от роду и по своему желанию была погребена с царскими почестями вместе с Антонием. Цезариона, которого она выдавала за сына Цезаря, Октавиан приказал казнить, вместе с некоторыми из приверженцев Антония, в числе которых был и Кассий Пармский, последний из оставшихся в живых убийц Цезаря. Египет был превращен в римскую провинцию.

Со смертью Антония кончились печальные времена гражданской междоусобицы, и единовластие Октавиана не было уже более препятствий. Началом римской монархии считают битву при Акциуме. 1 января 29 г. постановления Октавиана были клятвенно утверждены сенатом и народом, и сенат решил включить его имя, наряду с именами богов, в религиозные гимны, а день его возвращения в Рим сделать торжественным праздником на вечные времена. В это время он стоял еще на зимних квартирах в Малой Азии и там же 1 января 29 г. в пятый раз стался консулом. В месяц секстилии, названный впоследствии в

честь его августом, он возвратился в Рим и праздновал тройной триумф - над Далмацией, Акциумом и Египтом. Он порадовал солдат и народ богатыми денежными подарками: каждый солдат получил 1 тыс. сестерций, офицеры еще больше, все граждане мужского пола, до 11-летних мальчиков, получили по 400 сестерций. Он заплатил все свои долги и не стал требовать уплаты от своих должников: египетская добыча сделала его богачом. После блестящих игр и празднеств он затворил храм Януса в знак того, что мир восстановлен в государстве. Народ после долгих кровопролитных войн и тяжелой нужды радовался водворенному теперь спокойствию и переносил владычество Октавиана тем легче, что последний, наученный опытом Цезаря, избегал внешних знаков власти и довольствовался ее сущностью.

Октавиан не отличался ни гениальностью Цезаря, ни его страстной жадой славы и честолюбием; но он также стремился к власти. Это была натура холодная и расчетливая, стремившаяся к своей конечной цели — сделаться монархом в Римской империи. Как прежде, постепенно достигая единовластия, он постоянно заботился о сохранении внешних законных форм, стараясь действовать в согласии с сенатом и народом, хотя иногда и заставлял утверждать свои распоряжения, так и теперь, расширяя и упрочивая монархию, он не оставлял легальных путей не из уважения к закону, но потому, что такой образ действий казался ему более верным. Получив власть в свои руки, он имел титул императора, доставшийся ему по наследству от Цезаря; этот титул давал ему право на высшую военную власть, которой он в действительности давно уже пользовался. Впоследствии он позаботился и о том, чтобы и остальные функции государственной власти, по видимому добровольно, были переданы ему или возложены на него. Сначала он добился цензорской власти, вследствие чего получил возможность очистить сенат от враждебных ему элементов; затем, по предложению Агриппы, он получил в легальной форме пожизненное достоинство принцепса (первенствующего члена) в сенате и под этим скромным титулом стал править римским го-

сударством; титул диктатора он отклонил от себя с неудовольствием. В начале 27 г. он сделал вид, что хочет сделаться частным человеком, и объявил в сенате, что хочет сложить с себя *imperiū*, т. е. высшую военную власть. Но сенат, и особенно его друзья, с которыми эта комедия была заранее условлена, так усиленно стали упрашивать его, что он, как бы по принуждению, снова согласился взять на себя тяжкое бремя, однако только на 10 лет. В благодарность за это сенат дал ему титул Августа (Высочайшего). Впоследствии власть Октавиана была продолжена снова на 10 лет. Вместе с тем он сделался высшим начальником над провинциями, управление которыми он разделил между собой и сенатом, так что те провинции, которые для ограждения от неприятелей нуждались в военной силе, достались Октавиану. В 23 г. Август получил пожизненную трибунскую власть, которая дала ему право помилования и оправдания и сделала его высшим судьей во всем государстве; в качестве трибуна особа его сделалась неприкосновенной; оскорбление, нанесенное ему, было равносильно государственному преступлению. Эта власть имела такое важное значение, что сам Август считал начало своего владычества с того дня, в который он получил звание трибуна (27 июля 23 г.). Затем на него было возложено наблюдение за нравственностью, дано ему было право издавать законы по своему усмотрению и пожизненное консульство, т. е. высшая гражданская власть. После смерти Лепида в 12 г. до Р. Х. единовластие Октавиана получило окончательное утверждение, так как народ передал ему освободившуюся теперь должность верховного жреца, вследствие чего все религиозные дела и наблюдение за жреческими коллегиями перешли в его руки.

Таким образом, монархия уже установилась, хотя все еще с республиканской внешностью. Власть сената и народного собрания вообще осталась в прежнем виде, высшие государственные права разделились между монархом и нацией, представляемой сенатом и народным собранием; но в действительности власть принадлежала только одному императору; сенат, число членов которого Октавиан ограничил шестьюстами, был ему совершенно

предан и ничего не делал против его воли; народ требовал только раздачи хлеба да устройства игр (*panem et circenses*) и был доволен тем, что мог выбором чиновников доказать свою верховную власть и чего-нибудь добиться. Октавиан сохранил форму республиканских должностей, содержание которых перешло к нему, а блеском этих должностей доставлял удовольствие своим друзьям. В своем лице Цезарь Август старался обнаруживать как можно менее власти. Он ходил без ликторов, в простой senatorской одежде; он неохотно принимал название *dominus*. Сенату он дал полную свободу в прениях и не позволял вставать перед ним. В народном собрании он подавал свой голос как последний гражданин, а на выборах ходил среди народа и просил голосов за своих кандидатов. В частной жизни он был прост; дом его не отличался от домов других сановников. Люди, с которыми Август всего более советовался в делах правительственных, были самыми близкими его друзьями; таков был Агриппа, оказавший ему весьма важные услуги в качестве полководца, и умный государственный человек Меценат, из которых первый умер в 12-м, а второй - в 8 г. до Р. Х. Впрочем, наиболее трудные и важные дела Август исполнял сам, так как он имел редкую способность к управлению. Для своей поддержки он учредил впоследствии еще тайный совет (*consistorium principis*), состоявший из 20 избранных сенаторов.

В военном деле Август сделал нововведение, создав постоянное войско, в котором каждый солдат обязывался прослужить известное число лет. Это войско было расположено преимущественно в пограничных провинциях, чтобы защищать государство от внешних врагов. Для защиты Италии и Рима он сформировал 10 когорт преторианцев, по 1 тыс. человек в каждой; из этих когорт три стояли в самом Риме. Войны, происходившие в его правление, имели целью не столько внешнее расширение пределов государства, сколько обеспечение его границ или были довершением начатого раньше. Таким образом, для успокоения Испании Агриппа должен был покорить кантабров и астурийцев на северо-западе полуострова (25—19 гг.). На востоке пределы

государства защищались против парфян, царь которых, Фраатес, в 20 г. послал Августу знамена, отнятые у Красса. В 15 г. пасынки Августа, Тиберий и Друз, покорили живших к югу от Дуная и в Альпах винделийцев, рециев, нориков и другие альпийские племена, вследствие чего Галлия и северные границы Италии были обеспечены, а Дунай вместе с Рейном стал границей германских племен. Еще прежде покоренные паннонцы (на среднем Дунае) дважды восставали, но были покорены Тиберием. Завоевательные походы Друза (12-9 гг.) и Тиберия в Германии были отступлением от правил Августа и привели к решительному поражению П. Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу (9 г. по Р. Х.), вследствие чего Рейн остался по-прежнему границей Германии.

Превращение республики в монархию было для римского государства благодеянием. Свирепая борьба партий в Риме и кровопролитные гражданские войны прекратились. Тем не менее два миллиона распущенного и не привыкшего к труду римского населения не могли сделаться лучше и привыкнуть к работе; их количество уменьшилось вследствие ссылок, основания колоний и других мер, а оставшиеся были успокоены заботами об их пропитании и удовольствиях и при помощи образцово организованной полиции. Положение дел в провинциях было гораздо более благоприятно, так как чрезмерному притеснению и эксплуатации чиновников республиканского времени теперь положен был конец. Император в своих интересах не допускал, чтобы римские вельможи накапливали богатства и эксплуатировали своих подчиненных. Римляне и провинциалы стали теперь равными между собой, так как и те и другие были подданными одного государя; это содействовало уравниванию прав всех подданных государства и большей равномерности благосостояния, которое, вследствие общего спокойствия и мирных отношений между различными частями государства, значительно увеличилось. Благие последствия мира обнаружались во всех сферах человеческой деятельности. Науки и искусства нашли себе особенное покровительство; сам государь взял их под свою защиту, чтобы отвлечь общество от занятий полити-

кой. Он основывал публичные библиотеки и вместе со своим другом Меценатом покровительствовал литературе, особенно же поэзии, которая при нем достигла в Риме высшей степени процветания. Поэты Гораций и Вергилий находились с ним и с Меценатом в дружеских отношениях, как и историк Т. Ливий.

Октавиан имел прекрасную, благородную наружность, которая и в старости не утратила своей привлекательности; он был хорошо сложен, среднего роста. Бледное лицо, несколько загоревшее в походах, указывало на физические страдания; с молодых лет он часто хворал, что сделало его мнительным по отношению к здоровью. На лице его выражалась веселость и спокойствие, удержавшее однажды руку убийцы. В его ясных голубых глазах был виден пронизательный ум. Брови срастались над изогнутым и острым носом, что древние считали некрасивым; волосы его были белокурые и несколько вьющиеся. В своем доме и в кругу своих друзей он проводил время с веселым добродушием; своих нежно любимых внуков он сам учил. Впрочем, в семейной жизни ему пришлось пережить много неприятностей.

Две первые жены его, Клодия и Скрибония, упомянуты нами раньше. Со Скрибонией он развелся в тот же самый день, как она родила ему Юлию. Эта дочь — женщина прекрасная, любезная и умная, своим развратным образом жизни причинила отцу много горя. В 25 г. она вышла замуж за 18-летнего Марцелла, а затем, когда он через два года умер, вышла за Агриппу, от которого имела трех сыновей и двух дочерей. После смерти Агриппы в 11 г. Август выдал ее за Тиберия; но так как она не питала к нему ни малейшего расположения, то и предалась крайне распутной жизни. Август, строгий относительно внешних приличий, сослал ее, наконец, после одного скандала на остров Пандатарии и запретил ей показываться в Риме. Она умерла вскоре после смерти своего отца. На несчастную судьбу Юлии, вероятно, имела не малое влияние третья супруга Октавиана, Ливия. В 38 г. Октавиан увез от ее мужа, Тиб. Клавдия Нерона, впрочем, не без его согласия на это. Ливия сумела привязать к себе мужа своим приятным обра-

щением, верностью и послушанием и как женщина почти одинакового с ним характера, опытная в деле притворства, была для него верной и полезной помощницей в исполнении его властолюбивых планов. Тем не менее она сделалась злым демоном в его семействе. От Августа она не имела детей; но оба ее сына от первого брака, Тиберий и Друз, воспитывались в доме Августа, и честолюбивая женщина старалась доставить монархию, в виде наследства, своему старшему сыну Тиберию. Но непосредственными претендентами на престол были сыновья Юлии. Потому Ливия постаралась по возможности усилить разногласия между отцом и дочерью, и ссылка Юлии произошла, вероятно, не без содействия ее мачехи. Но на Ливий лежит и еще более тяжкое подозрение: ее обвиняют в том, что она погубила сыновей Юлии, чтобы доставить престол своему сыну. Два старших сына Юлии, Гай и Люций Цезарь, скоропостижно и очень подозрительным образом умерли один за другим, — Люций от загадочной болезни, по дороге в Испанию, в Марселе, в августе 2 г. по Р. Х., а старший его брат 18 месяцев спустя в Ликий, от раны, которая считалась несмертельной. В обоих случаях подозревали действие яда, подложенного Ливией из-за Тиберия. После того как дом Августа опустел, ему для упрочения династии не оставалось другого средства, как усыновить своего пасынка Тиберия, к которому он не чувствовал никакого расположения, но заслуг которого по отношению к империи нельзя было отрицать, — вместе с третьим сыном Юлии, Агриппой Постумом. Последний скоро был устранен коварством Ливии; она сумела выставить этого грубого, необразованного юношу в таком свете, что дед сослал его на остров Планазию. Когда умер Марцелл, первый муж Юлии, римляне уже и тогда подозревали, что Ливия погубила его; а когда в 14 г. после Р. Х. умер и сам Август, тогда снова заговорили, что Ливия ускорила смерть своего мужа, чтобы доставить власть своему сыну.

Летом 14 г. Август провожал до Беневента отправлявшегося в Идлирик Тиберия. На обратном пути, в Неаполе, он заболел и вынужден был лечь в постель в Ноле, где и умер 19 августа. Говорят, что на смертном одре он

спросил у окружающих, хорошо ли он сыграл свою роль, и, получив утвердительный ответ, сказал: «Ну так рукоплещите мне!» В самом деле, всю свою жизнь он был актером и хорошо знал свою роль; но этим вопросом он не имел в виду указывать на себя, как на искусного лицедея, а хотел только указать на трудность исполнения своих планов и на свою постоянную удачу. Он умер на 76-м году жизни, на 44-м году своего правления. Ливия сообщила народу о его смерти только тогда, когда прибыл уже поспешно призванный ею Тиберий, который и принял правление. Тело Августа было перенесено в Рим, где его похоронили с большим блеском. Сенат причислил умершего императора к числу богов и учредил в честь его особую жреческую коллегия; верховной жрицей сделалась Ливия. Сенатор Нумерий Аттик клятвенно подтвердил, что он видел, как дух государя возносился на небо.

Римляне искренно жалели о смерти государя. Жестокости триумвира давно уже были забыты, в памяти народа остались только благодеяния, которые он оказал государству в продолжение своего многолетнего мягкого и мудрого правления. В следующие века основанной им империи, видевшей столько жестокостей, столько бедствий, годы его правления считались золотым веком.

36. МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН

Мы заканчиваем ряд римских героев величайшим и последним оратором Римской республики - Цицероном, жизнь которого охватывает время от доблестных дней Г. Мария до второго триумvirата, оратора, который играл весьма важную роль в величественной драме падения Римской республики. Цицерон родился 3 января 106 г. до Р. Х. в поместье своего отца, недалеко от Арпинума — родины Мария, тетка которого была его бабушкой; он был старше Помпея на 9 месяцев, Цезаря - на 6 лет, Катона Утического - на 11 лет. Отец его, принадлежавший к сословию всадников и, вследствие слабости здоровья, предпочитавший сельское уединение жизни в Риме, был человек почтенный и зажиточный, любивший науки и очень старательно заботившийся о воспитании своих сыновей, Марка и родившегося несколько лет спустя Квинта. Уже детьми привез он их обоих для образования в Рим. Тут, под руководством знаменитого оратора Красса, обучались они у греческих учителей, в том числе у поэта Архии, которого впоследствии Цицерон защищал перед судом речью, сохранившейся до сих пор. Молодой Марк скоро привлек общее внимание и вне своей школы любознательностью и необыкновенными дарованиями. Уже в очень раннем возрасте начал он заниматься поэзией по указа-

ниям Архии, мальчиком 15-16 лет сочинил стихотворение «Главк Понтий», а немного позже — написал эпическую поэму в честь подвигов Мария и перевел Phaenomena и Prognostica Арата латинскими стихами. Но при этом не пренебрегал он и более серьезными занятиями. Особенности способности и склонность обнаруживал юноша к ораторскому искусству, и они поддерживались и развивались в нем посещениями площади и театра, знакомством с такими выдающимися ораторами, как Красс и Антоний, с актерами Эзоном и Росцием и другими образованными людьми. После получения Марком *toga virilis* (в 90 г.) отец отдал его на попечение авгура К. Муция Сцеволы первого правоведа того времени, для ознакомления юноши с римским правом. Цицерон постоянно находился при нем, а после смерти его вступил в такие же близкие отношения с другим знаменитым юристом из той же фамилии — верховным жрецом К. Муцием Сцеволой. Одновременно с правом Цицерон изучал очень усердно и философию. Короткий перерыв в этих научных занятиях был произведен только походом, который Марк совершил в 89 г. под начальством Помпея Страбона и вместе с сыном этого последнего, Гн. Помпеем, игравшим впоследствии такую значительную роль в его судьбе. Годы междоусобий, порожденных Марием и Суллой, Цицерон провел вдалеке от света, занимаясь только науками и ораторскими упражнениями; юношеский возраст его давал ему право держаться в стороне от всяких партий. С особенным рвением углублялся он в изучение философии под руководством Филона Ларисского и стоика Диодота; этот последний и жил у него в доме. С Диодотом Марк занимался преимущественно диалектикой; не проходило ни одного дня без ораторских упражнений на греческом или латинском языке. К этому времени относится также его знакомство с приезжавшим два раза в Рим знаменитым ритором Молоном Родосским.

Развив, таким образом, посредством неутомимых трудов свои природные дарования и усовершенствовавшись в риторском искусстве и знании права, он в эпоху диктатуры Суллы впервые выступил с ораторской трибуны как по об-

шественным, так и по частным делам, имея своей руководительницей идею права и законного порядка. Дошедшая до нас речь его за П. Квинкцию, произнесенная по одному частному делу, помещена первой в изданном им самим собрании его ораторских произведений, но это не первая речь, сказанная Цицероном. Славу оратора он упрочил за собой в 80 г., когда, будучи молодым человеком 26 лет, явился защитником С. Росция Америкского, обвиненного в отцеубийстве. Отец Росция, богатый землевладелец, был умерщвлен своими родственниками, действовавшими в этом случае сообща с вольноотпущенником и любимцем Суллы, Хризогоном, с целью разделить между собой состояние покойного. Чтобы придать своему поступку законный вид, они поместили убитого Росция в список осужденных на изгнание, и Хризогон купил его имение за бесценок; сына они обвинили в отцеубийстве. Цицерон принял на себя защиту невинного и своей превосходной речью, полной горячей любви к правде и справедливости, добился для юноши оправдательного приговора. Слава, приобретенная молодым оратором, была заслужена смелостью выступить открыто и свободно против могущественного любимца диктатора. Эта речь, как он сам говорит, поставила его так высоко в мнении сограждан, что с этих пор они считали возможным поручать ему самые трудные дела.

В следующем (79) году Цицерон ездил в Грецию не потому, что боялся Суллы, как утверждает Плутарх, но для дальнейшего совершенствования в ораторском искусстве и восстановления расстроенного здоровья. Он сам рассказывает, что усиленные занятия и сопряженное с произнесением речей умственное и нервное возбуждение до такой степени расшатало его организм, что друзья и даже врачи настоятельно советовали ему отправиться путешествовать. Он посетил Афины, Малую Азию, Родос и повсюду знакомился с знаменитейшими ораторами, философами и учеными. В Афинах он учился одновременно со своим братом Квинтом и Т. Помпонием Атикком, оставшимся до старости его вернейшим и душевнейшим другом; в Родосе он слушал лекции стоика Посидония и уже прежде знакомого ему ритора Молона, благодаря указаниям которого

его стиль освободился от юношеского многословия и излишних риторических украшений. Через два года он вернулся домой «не только усовершенствованным, но и почти преобразенным» и мог уже выступить достойным соперником ораторов К. Котты и К. Гортензия. Вероятно, вскоре после возвращения из Греции он женился на Теренции.

Цицерон в большинстве процессов выступал в качестве защитника, а не обвинителя. Благодаря этому он, по достижении определенного законом возраста, был единогласно избран квестором на 75 г. Год этот замечателен тем, что в нем значительнейшие государственные должности занимались тремя знаменитейшими ораторами Рима: консульская — К. Коттой, эдильская — Гортензией и квесторская — Цицероном. Квестором он служил на Сицилии под начальством претора С. Педуция, и его кротость, справедливость и бескорыстие приобрели ему уважение и доверие жителей в такой степени, что на прощание они удостоили его неслыханных почестей. Риму он также оказал большие услуги, когда, по случаю обнаружившейся там дороговизны съестных припасов, прислал туда за свой счет большое количество хлеба. Молодой честолюбивый человек, еще мало знакомый с жизнью, воображал, что благодаря этому поступку имя его на устах у всех римских граждан; но каково же было его разочарование, когда он встретился с несколькими римскими знакомыми, которые даже не знали, что он прослужил в Лилибеуме квестором. Это обстоятельство огорчило Цицерона, но, по его собственным словам, принесло ему такую пользу, какой не извлек бы он из благодарственных заявлений целого света. «Убедившись, — говорит он, — что римский народ имеет тупой слух, но острое зрение, я перестал заботиться о том, что будут люди слышать на мой счет, и решил постоянно жить на виду у города и впредь уже не расставаться с римским населением». Потому-то у него и не было желания ехать в провинцию в качестве претора и консула.

После сложения с себя квесторского звания Цицерон вступил в сенат; но нельзя утверждать, что он уже посвятил все свои силы служению сенатской партии. Ему было изве-

стно, что как выскочка, как homo novus он встретит со стороны знати, игравшей в сенате главную роль, не содействие, а скорее оппозицию и всяческие стеснения, и потому усилия его были направлены на то, чтобы, не примыкая прямо к демократической партии, найти себе опору в народе. Он выступал защитником во многих юридических вопросах, ежедневно являлся на форум и был доступен каждому и в любое время; делалось все это им для того, чтобы народ избрал его в эдилы, так как опасная должность народного трибуна не особенно улыбалась ему. Старания его не остались напрасными: он получил должность курульного эдила на 69 г. предпочтительно перед всеми остальными кандидатами. В 70 г., когда он искал эдильства, сицилийцы, уважением и доверием которых он не переставал пользоваться со времени своего квесторства, поручили ему судебное преследование Верреса, который в течение трех лет, начиная с 73 г., проведенных им в Сицилии в качестве пропретора, грабил и притеснял эту провинцию с неслыханной бессовестностью и жестокостью. Несмотря на то, что многие почетные и влиятельные оптиматы, преимущественно из фамилии Метеллов и Корнелиев, покровительствовали Верресу и старались спасти его и что жалобы на такого рода действия были ненавистны большинству сенаторов, так как и они эксплуатировали разные провинции или еще надеялись поживиться за счет этих последних, Цицерон, однако, принял на себя почетное поручение; он сделал это тем охотнее, что предстоявший процесс возбуждал общее внимание и что защитником Верреса намеревался выступить Гортензий, считавшийся до тех пор знаменитейшим юристом, и потому победить его значило приобрести себе славу величайшего адвоката и оратора. Преследование Верреса было нападением на всю испорченную знать, с завистью смотревшую на этого выскочку; Цицерон хотел обуздать и смирить ее, заставив в то же время бояться его, чтобы в будущем она не ставила ему никаких препятствий; при этом он имел в виду, что народ, на поддержку которого Цицерон рассчитывал в будущем, достойно оценит его мужество и ревностную заботливость о благе и чести государства и со временем наградит их. Но не только честолюбие и жажда славы руководили

им в этом случае; были тут и более благородные побудительные причины: сочувствие бедственному положению сицилийцев, которым он обещал свою помощь, глубокое негодование против гнусного бесстыдства чиновников, чистое и пламенное желание сохранять нерушимыми право, закон и добрую славу государства. Веррес и его покровители употребляли все усилия, чтобы замаять это дело, вырвать его из рук Цицерона или отложить на следующий год, когда при таких консулах, как Гортензий и Метелл, и таком преторе, как Метелл, шансы успеха должны были перейти на сторону Верреса; но Цицерон с презрением отверг их подкуп и уничтожил все их интриги. За пятьдесят дней он объехал всю Сицилию, собрал фактические доказательства и свидетелей и затем 7 августа повел дело возможно сокращенным способом для того, чтобы процесс не затянулся на следующий год. В речи своей он после краткого вступления начал приводить один обвинительный пункт за другим и каждое обвинение подтверждал показаниями свидетелей и чтением подлинных документов (*Actio I, in Verrem*). Процесс длился всего девять дней; обвинительных пунктов оказалось так много, улики и весь образ действий оратора производили такое подавляющее действие, что начиная с третьего дня Веррес перестал уже являться в суд и, наконец, покинутый своим патроном Гортензием добровольно оставил город. Суд приговорил его к изгнанию и уплате 40 млн. сестерций в виде возмещения причиненных им убытков. Цицерон же, чтобы оправдать перед другими самого себя и судебный приговор, а также для придания большей наглядности своим ораторским способностям обработал собранный им против Верреса материал в пяти книгах своей *Actio II, in Verrem*.

Победа над Верресом и Гортензием доставила Цицерону большое торжество. «Можно смело утверждать, — говорит Виланд, — что обвинение Верреса, по всем подробностям этого дела и по тому, как Цицерон начал его, повел и окончил, было величайшим и достойнейшим подвигом знаменитого оратора, не исключая даже и славнейшего события в истории его консульства — раскрытия заговора Каталины». С этих пор он считался уже первым оратором и адвокатом Рима и, благодаря доказанным на деле мужеству

и справедливости, дарованиям и неутомимой деятельности на пользу закона и общественного порядка, пользовался уважением и доверием народа. Исполняя должность эдила, он не имел надобности добиваться популярности обыкновенными средствами; по достижении им определенного законом возраста граждане единогласно и предпочтительно перед всеми остальными кандидатами избрали его на 66 г. претором. На этом посту он сделал много хорошего и теперь стал готовиться к борьбе ради получения высшего и благороднейшего отличия римского гражданина — звания консула, на которое он имел по закону право после трехлетнего исполнения должности претора. Римская знать смотрела на Цицерона как на политического противника и умышленно противодействовала его избранию, стараясь поставить во главе правления людей своего сословия и своей партии; прибегать же к подкупу — обыкновенному средству, в широких размерах применявшемуся его конкурентами, — не позволяло ему благородное сознание собственного достоинства. Один из этих соперников, Катилина, с особенным рвением и бесстыдно раздавая взятки, хлопотал попасть в консулы, но именно этим образом действий он усиливал шансы на стороне своего личного врага Цицерона. Знать, уже теперь прослышавшая кое-что о его преступных замыслах и имевшая основание ожидать с его стороны самого худшего, забыла свое сословное высокомерие и перешла на сторону Цицерона в надежде, что он мужественно и энергично сокрушит происки и козни своего противника. Вследствие всего этого Цицерон, в пользу которого и без того было большинство граждан, был провозглашен первым консулом без обычной подачи голосов по центуриям.

В новую должность Цицерон вступил 1 января 63 г. Теперь он достиг цели своего честолюбия, добился высшей почести, к какой только мог стремиться римлянин не блистательными военными подвигами, а мирной деятельностью на форуме и в курии, силой своего дарования и красноречия. С этих пор он решительно стал на сторону сенатской партии и, сообразно своей консервативной натуре, начал повсюду ратовать за сохранение существующего порядка. Демократическая партия, во главе которой стоял

Цезарь, имела в нем самого ревностного противника. Поэтому немедленно после вступления в консульскую должность он восстал против крайне пагубного закона о разделении полей, предложенного трибуном П. Сервилием Руллом, и благодаря трем речам своим (дошедшим до нас) воспрепятствовал принятию его, чем заслужил благодарность сената и сословия всадников. Некоторое время спустя он защищал старого сенатора К. Рабирия, которого Цезарь и народная партия обвинили с целью ограничить власть сената и возвысить значение должности народного трибуна. Товарища своего Антония, находившегося в опасной связи с Каталиной, Цицерон умел привлечь на свою сторону и в пользу сената тем, что предоставил в его распоряжение доставшуюся ему самому по жребию на следующий год провинцию Македонию и удовольствовался Цизальпинской Галлией, которую, однако, потом уступил К. Метеллу; Цицерона, впрочем, упрекали в том, что при обмене провинций с Антонием он выторговал в свою пользу часть барышей. Власть сената Цицерон упрочил еще тем, что устроил тесную связь между сословием всадников и сенаторским. Но величайшую славу доставило ему, как консулу, раскрытие и уничтожение заговора Катилины.

Л. Сергей Катилина, из древнего рода Сервиев, родившийся, вероятно, в 108 г., был человеком, обладавшим необыкновенной физической силой и замечательными умственными способностями, но дерзким, бесхарактерным и зараженным всевозможными пороками. Молодость свою он провел в кутежах и бесчинствах и расстроил свое состояние. В эпоху казней Суллы Катилина, из жадности деньгам и врожденных разбойничьих наклонностей, служил диктатору палачом; он умертвил даже своего брата и тестя, а впоследствии — и жену с сыном. Позорная репутация его не помешала ему, однако, сделаться квестором (77 г.), претором (69 г.) и управлять в качестве пропретора Африкой (68—66 гг.). Взяточничество привело его на скамью подсудимых; дело окончилось оправданием; но Цицерон говорил по этому случаю, что отрицать вину Катилины значило в двенадцать часов отрицать, что на дворе светло. Из-за этого дела он, по сенатскому решению, был исключен из списка кандидатов на

консульское звание. Поэтому он решил достигнуть своей цели путем насилия. Катилина тайне соединился с П. Автронием Петом и П. Корнелием Суллой, которые были избраны консулами, но затем осуждены до вступления в должности и приговорены к денежному штрафу, и с некоторыми другими недовольными, с целью убить на форуме 1 января 65 г. новоизбранных консулов и многих сенаторов, после чего Катилина и Антоний должны были стать консулами. Но заговор был открыт, и консулы приняли меры предосторожности. Из-за недостатка доказательств сенат отказался от следствия по этому делу. Но Катилина, вследствие долгов и отчаянной нужды, продолжал идти по однажды принятому пути преступления и заговора. Он задумал добиться высшей власти, консульства, на 64 г., чтобы затем, по примеру Суллы, совершить переворот и освободиться от нужды и позора. Для этой цели он соединился с шайкой разорившихся и отчаянных людей всякого состояния и возраста, которым за доставление ему консульства он обещал общее отпущение долгов, проскрипцию богачей, доходные государственные и жреческие должности. Такой переворот казался тогда делом нетрудным, так как главные военные силы государства стояли с Помпеем в Азии и Италия была почти беззащитна. Но планы заговорщиков не остались совершенной тайной; один из них, Курий, рассказал об этом одной женщине, по имени Фульвия, и таким образом кое-что проникло в общество. Поэтому когда Катилина стал добиваться консульства на 63 г., то здравомыслящие употребили все меры к тому, чтобы устранить его, и выбрали противника его Цицерона и К. Антония.

Побуждаемый жадной мести и гордостью, Катилина готовился теперь к тому, чтобы в случае надобности силой добиться консульства на следующий год (62). Он привлек к себе всех несчастных, бессердечных и безнравственных, всех жаждущих новизны и убийств в Риме, он вербовал себе приверженцев в разных местностях Италии и готовил восстания, особенно в Этрурии. В Риме он имел со своими товарищами ночные собрания, на которых обсуждались меры к всеобщему перевороту, на случай если обыкновенный путь к достижению высшей власти оста-

нется для него закрытым. Между тем виды на законное избрание все более и более исчезали. Всюду смотрели на него с недоверием, как на заговорщика. Катон выступил против него с упреками в сенате; на это он дерзко и без обиняков ответил, что если будут разводить огонь, чтобы погубить его, то он станет тушить его не водой, а развалинами. Из-за боязни переворота усилили законы против захвата власти, отсрочили консульские выборы с месяца квинтилия (июль) на октябрь.

Душой всех мер, направленных против Катилины, был консул Цицерон. Большими обещаниями он склонил на свою сторону Фульвию, а через ее посредство и Курия, который принял на себя роль изменника и извещал консула обо всех предприятиях и намерениях Катилины. Таким образом, Цицерон узнал, что на одном из собраний заговорщики приняли решение убить его в консульских комициях и доставить консульство Катилине. Вследствие этого известия он собрал сенат 20 октября и категорически потребовал от Катилины оправдания; но последний ответил ему встречным обвинением и заключил свою речь словами: «В чем же состоит мое преступление? Я вижу в государстве два тела, одно отжившее и со слабой головой, а другое полное жизни, но без головы. Клянусь жизнью, она будет ему доставлена!» Затем он с ликующим взглядом оставил испуганный сенат. Последний объявил, что республика в опасности, и возложил на консулов ответственность за спокойствие государства. После этого Цицерон явился в избирательное собрание с массой вооруженных молодых всадников для противодействия вооруженным заговорщикам, и нарочно раскрыл тогу, чтобы показать гражданам свой панцирь и обратить их внимание на грозящую их консулу опасность. Заговорщики не решились совершить нападение, и в консулы были избраны Силан и Мурена.

Теперь Катилине ничего более не оставалось, как открыто перейти к насилию. Он отправил Манлия, ветерана из школы Суллы, в Фезулы, в Этрурии, чтобы собрать в лагере на вербованных бунтовщиков; другие отправлены были с такой же целью в другие местности. Хотели поднять знамя открытого восстания и вызвать всеобщий пе-

реворот. Сам Катилина должен был отправиться к войску; но прежде чем оставить город, он хотел устранить со своего пути консула Цицерона. В ночь с 6 на 7 ноября он собрал важнейших заговорщиков на Серпной улице, в доме М. Порция Лекаса. В этом собрании он возвестил, что он отправится к Манлию, и назначил, кому остаться в Риме и что каждому следовало здесь сделать. Своим наместником в Риме он назначил Лентула, Цетег должен был умертвить враждебных сенаторов, Габиний — противников среди граждан, а Кассий — зажечь город. Двое всадников, Корнелий и Варгунтей, обещали отправиться на другое утро в дом Цицерона и умертвить его. Но Цицерон ночью же был предупрежден об этом Фульвией, и когда оба всадника явились утром, как они говорили, для приветствования консула, их не допустили. Кроме того, как говорят, в это утро многие знатные лица, М. Марцелл, Красс, Метелл Сципион, представили консулу анонимные письма, в которых их приглашали оставить Рим, потому что Катилина готовился совершить там всеобщее избиение.

Цицерон немедленно, 8 ноября, собрал сенат в храме Юпитера Статора, который он окружил вооруженными всадниками. Катилина также явился с обычной дерзостью; он кланялся, но ему не отвечали, он сел, и тотчас все места около него были оставлены сенаторами. Консул, извещенный обо всех планах Катилины, в возмущении напал на бесстыдника, явившегося и теперь в сенат с невинной миной, и громовым голосом произнес свою первую речь против Катилины. Он поставил ему на вид все, что он знал о его планах, и пригласил его исполнить свое решение, оставить город и отправиться к войску. Катилина выслушал его молча; когда Цицерон закончил, он скромно, с опущенным взором, просил сенат не верить Цицерону до следствия, клялся в своей невинности. Когда же сенаторы прервали его и назвали врагом и убийцей отечества, он поспешно и с гневом оставил собрание. Следующей же ночью он оставил Рим, говоря, что отправляется в изгнание в Массилию, в действительности же он отправился к своему войску в Этрурию, куда предварительно уже отправил консульские фасции. На следу-

ющий день Цицерон держал перед народом вторую речь против Катилины, в которой он сообщил об его удалении и оправдывал свои действия против него.

Цицерон желал удаления Катилины, чтобы легче разделиться с заговорщиками, которые останутся в городе без предводителя. На другой день после бегства Катилины сенат предоставил защиту города Цицерону, поручив товарищу его Антонию командование войском против опального Катилины. Цицерон зорко следил за заговорщиками в городе, которые долго оставались спокойными, и узнал, что медлительный Лентул, по настоянию нетерпеливого Цетега, назначил, наконец, избиение на ночь сатурналии (19—20 декабря). Однако он все еще не имел в руках достаточно убедительных доказательств, чтобы начать против них судебное преследование. Но тут случилось, что заговорщики сами доставили консулу нужные доказательства. Именно в это время в Риме были посланные от аллоброгов, которым заговорщики доверили свою тайну, чтобы склонить этот народ на сторону Катилины; но они передали дело своему патрону Кв. Фабию Санге, который известил об этом Цицерона. Устроено было так, что посланные потребовали от заговорщиков письма к своим высшим властям. Лентул, Цетег, Статилий и Габиний попались на эту удочку; посланные, по уговору, во время своего выезда в ночь со 2 на 3 декабря были арестованы у Мульвийского моста вооруженными людьми консула, и письма были у них отобраны. С этими письменными доказательствами в руках Цицерон 3 декабря обвинил упомянутых заговорщиков в сенате, по распоряжению которого они были арестованы. В тот же вечер консул отдал возбужденному народу отчет об этом происшествии в своей третьей речи против Катилины. Так как распространился слух, что хотят силой освободить арестованных, то Цицерон 5 декабря созвал сенат в храме Конкордии, чтобы утвердить решение относительно наказания. Упомянутый консул Силан подал голос за смертную казнь, а претор Цезарь — за пожизненное заключение; против последнего мнения восстали Катон и Цицерон в своей четвертой речи против Катилины, и они добились того, что четыре упо-

мянутых заговорщика и Цепарий были приговорены к смерти. Еще до наступления ночи Цицерон велел колесовать их в темнице, в Туллиануме. Он присутствовал при этом, и когда он затем объявил собравшемуся у тюрьмы народу «Они мертвы!», последний приветствовал его радостными криками и с триумфом проводил через иллюминированный город домой как спасителя города.

Восстания приверженцев Катилины в разных местах Италии были легко подавлены. Сам Катилина, во главе своих охотников, хотел спастись через Апеннины в Галлию, но нашел проходы занятыми Метеллом Цедером и 6 января 62 г. был разбит у Пистории Петреем, легатом консула Антония, устранившегося от борьбы против Катилины под предлогом болезни. После продолжительной и ожесточенной борьбы Катилина бросился в массу неприятеля и нашел смерть. Антоний отослал его голову в Рим. Многие из его приверженцев были приговорены к изгнанию и денежному штрафу, но никто не был казнен.

Цицерон стоял теперь на высоте счастья и славы; его бдительность и энергия спасли город и государство от гибели. Все благонамеренные признали это; сенат удостоил его похвалы и благодарности и предписал благодарственный праздник по случаю спасения им государства; Кв. Катул и другие назвали его отцом отечества. Цицерон сам гордился своей заслугой, и он имел на это право; но в нем порицают то, что он говорил о своих деяниях слишком восторженно и слишком часто. Он написал историю своего консульства на греческом и латинском языках, он воспел ее в латинском стихотворении, послал историю своего консульства к Посидонию Родосскому, чтобы тот описал ее с еще большим искусством. Во время своего консульства и в ближайшие затем годы Цицерон чувствовал себя первым лицом в государстве, наряду с Помпеем, который в это время, после покорения азиатских народов и царей, находился в высшем блеске своей славы; в союзе с ним он надеялся стать опорой расшатавшегося государства, и сам Помпей по возвращении из Азии признал его заслуги, говоря: «Я напрасно стремился бы к третьему триумфу, если бы ты не спас места, где этот триумф вынужден праздноваться». Но вскоре Цице-

рон должен был убедиться, что человек, которым он так восхищался и которому он был так предан, не мог стать опорой для спасенного им государства, что он, предавшись могущественному Цезарю, стремился превратить республиканский порядок в пустую форму и его самого оставил без помощи в критическую минуту. Помпей заключил с Цезарем и Крассом первый триумvirат и согласился на изгнание Цицерона из Рима, так как он мешал планам Цезаря.

Уже в тот самый день, когда Цицерон оставил свое консульство, он мог предвидеть, какие горькие разочарования ожидали его в будущем. Он, по старому обычаю, хотел сложить свою должность речью перед народом, но трибун Метелл Непот запретил ему это, говоря, что кто осуждал на смерть римских граждан без суда, тот не смеет говорить с народом. Тогда Цицерон, возвыся голос, поклялся, что он во время своего консульства спас государство от гибели. Но впоследствии неоднократно повторялись упреки трибунов и демократов, что Цицерон убивал римских граждан без суда, что он не имел права казнить гражданина без согласия народа. На состоявшемся процессе против Клодия за осквернение праздника Доброй Богини Цицерон рассердил Клодия своим неблагоприятным свидетельским показанием и впоследствии часто раздражал его своими остротами и насмешками, из-за этого Клодий перешел из патрицианского сословия к плебеям и добился трибунского звания, чтобы преследовать Цицерона за противозаконные казни римских граждан. За Клодием стоял Цезарь, который напрасно пытался склонить Цицерона на свою сторону и сделать его союзником триумvirата и теперь, отправляясь в свою провинцию (58 г.), хотел обеспечить себе тыл. В начале 58 г. Клодий, имея в виду действие Цицерона против товарищей Катилины, предложил закон, по которому казнь римского гражданина без суда и права наказывалась изгнанием. Цицерон легко мог видеть, что этот закон направлен против него; он надел траурное платье, и вместе с ним сделали то же самое сенат и многие граждане; он обращался с просьбами к народу, но везде, где он ни появлялся, шайка Клодия осмеивала и оскорбляла его. Он искал помощи у Помпея, но не нашел ее. Цезарь признал действия Цицero-

на противозаконными, но не одобрил такого строгого наказания. Цицерон видел себя беззащитным и оставил город. В тот же день закон Клодия был принят и Цицерон подвергнут опале, и такому же наказанию должны были подвергнуться те, которые дадут ему приют; однако закон был смягчен в том отношении, что изгнание было ограничено расстоянием в 400 миль от города. Клодий сжег дом Цицерона на Палатинском холме и посвятил это место богине Свободы, статую которой он поставил в выстроенной там галереи; виллы Цицерона в окрестности города также были им разрушены, а добыча выдана консулам.

Прежде чем Цицерон оставил свой любимый Рим, он понес в храм капитолийского Юпитера принадлежавшую ему статую Минервы и поставил ее там, как бы отдавая этим город и государство под защиту богини мудрости и умеренности. Затем он направился в Нижнюю Италию и после долгого колебания - куда бежать - отправился из Брундизиума в Диррахиум. Из боязни столкновения с изгнанными приверженцами Катилины он миновал Грецию и Эпир и поспешил в Македонию, где один из его друзей, Кн. Планций, был квестором. Последний выехал ему навстречу и приютил его в своем доме в Фессалониках, куда он прибыл 23 мая 58 г. Он остался в доме друга до весны; когда сообщено было о прибытии в Фессалоники войск его врага Пизона, который должен был вскоре вступить в управление Македонией, Цицерон отправился в Диррахиум, чтобы в этом расположенном к нему городе ожидать своего возвращения в Рим. Всегда столь храбро говоривший Цицерон не умел с должным достоинством и мужеством переносить несчастье в изгнании. Безутешный плач в его тогдашних письмах, его отчаяние и безнадежность, его нетерпение в ожидании лучшего оборота дел производят весьма неприятное впечатление и представляют нам его человеком слабым, колеблющимся и легко ниспровергаемым. После 16 месяцев, полных горя и печали, ему вновь дозволено было вступить на почву Италии. Друзья изгнанника еще в 58 г. хлопотали об его возвращении, но напрасно; Клодий противился этому, даже силой, а Помпей отстаивал его сла-

бо, так как Цезарь не хотел этого возвращения. Но в следующем году состав магистратуры был таков, что надежды Цицерона возросли. Уже 1 января новый консул П. Корнелий Дентул Спинтер внес предложение о восстановлении прав изгнанника, и большинство трибунов было за это предложение; Помпей теперь также желал возвращения Цицерона, чтобы использовать его против Клодия, сделавшегося опасным для него самого. Но насилие Клодия мешало решению сената и народа, пока, наконец, 4 августа предложение о возвращении Цицерона, поддерживаемое словами Помпея и вооруженной толпой трибуна Милона, было подтверждено в центуриатских комициях. На следующий же день Цицерон был в Брундизиуме и затем с триумфом проехал через Италию в Рим, куда он прибыл 4 сентября. Бесчисленная масса доброжелателей встретила его с восторгом и повела в Капитолий. На следующий день он в речи благодарил сенат, а затем и народ на форуме.

Теперь самые горячие желания Цицерона были исполнены, он с почетом возвращен в отечество; но положение дел таково, что он не может чувствовать себя счастливым. Сенат потерял значение; триумвиры господствуют в Риме; он сам не имеет власти, а Клодий угрожает даже его жизни. Из боязни перед этим предводителем шайки он тесно примыкает к Помпею и ищет дружбы Цезаря, который относится к нему предупредительно и отличает его. В 52 г. он, наконец, освободился от Клодия, которого убили слуги Милона. Цицерон защищает Милона перед судом, но не может спасти его от изгнания. В этот период, со времени его возвращения до 52 г., когда Цицерон не мог играть выдающейся политической роли, он посвятил свою деятельность главным образом ораторскому искусству в судах. В начале мая он оставил Рим и 31 июля вступил в управление своей провинцией в Лаодицее. Среди сопровождавших его четырех легатов находился и брат его Квинт, служивший несколько лет легатом при Цезаре в Галлии. С радостными ожиданиями встретила Цицерона провинция, немало натерпевшаяся при его предшественнике. И он не обманул ее ожиданий; он справлял свою должность с за-

ботливой внимательностью и старался залечить раны, причиненные его предшественником. Все превозносили его справедливость и снисходительность, его ласковость и бескорыстие. При этом он имел случай выступить и в качестве полководца. Первоначально он снарядил и подкрепил свое войско с целью стать против парфян, перешедших Евфрат и угрожавших Киликии и Сирии; но так как парфяне не продвинулись до Киликии, то он направил свои войска против хищнических племен в Амане. Он разрушил их укрепления, их самих истребил и был своим войском провозглашен императором. После того он покорил в так называемой свободной Киликии крепость Пинденис. Добыча от этих набегов, равно как и добровольные подарки со стороны общин и государственных откупщиков, доставила ему сумму в 2 200 тыс. сестерций, которая весьма пригодилась ему при его тогдашних денежных затруднениях. С окончанием своего служебного года он поспешил оставить провинцию, хотя проконсул в Киликию еще не был назначен, и отправился в Италию, куда не переставал стремиться душой. Но уже дорогой полученные им известия о положении дел в Риме исторгли у него восклицание: «О, как бы я желал быть теперь в своей провинции!»

Цицерон прибыл к стенам Рима 4 января 49 г. и попал «прямо в разгар гражданской усобицы»: борьба между Помпеем и приверженной к нему сенатской партией, с одной стороны, и Цезарем - с другой тогда именно грозила перейти в междоусобную войну. Из-за военных подвигов его в Киликии Цицерон питал надежду на триумф и поэтому остался за городом со своими ликторами, носившими пучки, перевитые лаврами; но среди бурь честолюбивые его надежды рушились, хотя он целый год водил с собой своих ликторов. Когда вспыхнула война, он после некоторого колебания примкнул к Помпею, так как он с этой стороны все же надеялся прежде всего на сохранение республики, которую Цезарь, видимо, намеревался сокрушить. Цицерон последовал за Помпеем в Грецию, хотя и не одобрял его бегства и его образа действия вообще и ждал мало добра для государства от победы оптиматской партии; но во время битвы при Ферсале он лежал больной в Диррахиуме.

После этого сражения он считал борьбу конченной. На совещании, которое вожаки побежденной партии имели между собой в Корцире, он отклонил от себя предложение Катона принять главное начальство над войском, и в то время как большинство помпейцев обратилось в Африку, он вернулся в Италию, где в самом угнетенном настроении ожидал в Брундизиуме возвращения Цезаря из Египта. Когда же последний в начале сентября 47 г. высадился, наконец, в Таренте, то Цицерон поспешил ему навстречу, чтобы установить с ним мир. Цезарь отнесся к 66-летнему мужу, все еще пользовавшемуся большим почетом, с дружеской предупредительностью. Когда Цицерон стал к нему подходить, то Цезарь оставил свои носилки и обнял его; затем он с одним Цицероном пошел впереди других и долго с ним совещался. И с тех пор он всегда относился к нему, говорит Плутарх, с уважением и любовью.

Но Цицерон не мог свыкнуться с новым порядком вещей. Сердце его было привязано к прошедшему, к республике, спасение которой было самым славным делом его жизни; владычество одного - хотя бы этот один и был наилучшим, хотя бы этот владыка и относился к нему с возможной мягкостью и внимательностью - было противно его внутреннему чувству, огорчало его, тем более что он после продолжительного блестящего поприща был осужден на бездействие, обречен на роль незначительную. К тому же и несчастные семейные обстоятельства, как развод с его супругой Теренцией, разлад с его братом и всего более смерть его любимой дочери Тулии причинили ему немало горя и печали. Поэтому он удалился от общественной жизни и проживал большей частью на своих виллах, где в тихом общении с природой и с науками искал развлечения, утехи и покоя. В особенности он много занимался философией, которой был предан смолоду. В эти годы он писал чрезвычайно много; так, к этому времени относятся книги «О крайних пределах добра и зла» (*de finibus bonorum et malorum*), «Академические исследования» (*Academica*), «Тускуданские рассуждения» (*Tusculanae disputationes*), «О природе богов» (*de natura deorum*), «О нравственных обязанностях» (*de officiis*), посвященные учившемуся в Афинах сыну и др., а также

сочинения риторического содержания. Лишь изредка являлся он в город, чтобы защищать перед Цезарем того или иного из своих друзей или прежних единомышленников, таких как Марцелл, Лигарий, Дейотар.

Когда 15 марта 44 г. диктатор Цезарь пал под кинжалами заговорщиков, престарелый бывший деятель возрадовался заре новой свободы. Его считали главнейшим представителем республики и сенатского правления, и потому убийцы после своего кровавого дела и обратились к нему в курии; но его несправедливо обвиняют в том, будто тайна заговорщиков была ему известна. Он, однако, тотчас же стал открыто на сторону «освободителей» и был в числе тех, которые в тот же день вечером прибыли к ним в Капитолий. 17 марта он особенно добивался в сенате, чтобы убийцам дарована была амнистия. Свои выпренные надежды на восстановление республики Цицерон возлагал на Брута и Кассия; но вскоре он начинает сетовать на неумелость и бестолковость тех, кто именовали себя спасителями отечества, и с тоской предвидит новую междоусобную войну. Когда Антоний захватил власть в свои руки и Цицерон не был уверен более в своей безопасности со стороны партии Цезаря, то он оставил Рим и в течение пяти месяцев в нерешительности и беспокойстве, с мыслью бежать в Грецию, странствовал по Италии и Сицилии, пока, наконец, тревожные известия о положении дел в Риме и о дурном впечатлении, вызванном там его бегством, не заставили его вернуться. Став теперь во главе сената, он с необычайной деятельностью и всей силой своей речи ратовал против Антония. Против него он с сентября 44 г. по апрель 43 г. произнес свои 14 филиппийских речей. Еще раз на короткое время Цицерон пользовался в Риме могущественным влиянием, не меньшим, чем во время своего консульства. Он настоял на том, чтобы Антоний, желавший отобрать у Д. Брута Цизальпинскую Галлию, был предан опале и чтобы республика выступила против Антония войной. Но он сделал промах, когда молодого Октавиана, сумевшего льстить ему и звавшего его отцом, выставил бойцом за сенат и отправил его в качестве пропретора с консулами в поход против Антония, предполагая иметь в нем опору сво-

боды и поборника республики. Он вскоре убедился в своей ошибке. Октавиан заключил с Антонием и Лепидом триумвират для истребления убийц Цезаря и уничтожения республики. Имя Цицерона было в числе первых попавших в проскрипционный список. Не один только Антоний в своей ненависти домогался его смерти — глава республиканской партии должен был погибнуть, дабы союзники могли достигнуть своей цели.

Цицерон находился в Риме, когда в конце ноября 43 г. консул Педий получил от приближавшихся триумвиров приказание умертвить семнадцать почетнейших мужей. В ночь убийства Цицерон бежал в Тускулум и здесь только узнал, что и он в числе приговоренных к смерти. Он решил вместе со своим братом Квинтом и его сыном спастись в Македонии, в лагере Брута, где находился и сын Цицерона, Марк. Беглецов перенесли на носилках в имение Цицерона близ Астуры, лежащей на западном берегу Лапиума. Так как они второпях не снабдили себя средствами для путешествия, то Квинт и сын его отправились в Рим, чтобы захватить необходимое, между тем как Марк Цицерон продолжал путь далее. Со слезами и тревожным предчувствием расстались они и более никогда друг друга не видели. В Риме Квинт был выдан одним из своих вольноотпущенников и убит со своим сыном. Некоторое время сын укрывал отца, и даже мучения пытки не смогли заставить его открыть отцовское убежище. Чтобы прекратить, наконец, терзание сына, отец выбежал из своего укрытия и подставил голову врагам своим. Оба, отец и сын, желали умереть один раньше другого; это тронуло палачей до того, что они отвели каждого в особую комнату и умертвили обоих одновременно. Тем временем Цицерон сел на корабль у Астуры, но опять пристал к Цирцее, не зная сам, что предпринять. Несколько часов шел он пешком, как бы в направлении к Риму, затем он повернул назад и провел ночь в Цирцее. Ему представлялось, что он должен отправиться в Рим в дом Октавиана и у домашнего жертвенника вонзить себе кинжал в грудь, чтобы заставить богов отомстить изменнику. На утро после этой плачевной ночи он, по увещанию своих рабов, снова сел на корабль. Но встречные ветры и

беспокойное море сделали его больным; он пожелал опять сойти на берег в гавани Гаэты и отправился в свое близлежащее имение Формианум. Так как здесь было небезопасно, то его слуги добром и насильно заставили его сесть в носилки, и дабы возможно скорее достигнуть моря, понесли его через парк между Формией и Гаэтой. Между тем в Формианум прибыла толпа сыщиков, и во главе их центурион Геренний и военный трибун Попилий Лэна, которого Цицерон когда-то защищал и спас по обвинению в отцеубийстве. Вольноотпущенник Филагон указал преследователям путь, которым Цицерон бежал. Тогда Попилий занял выход из леса на другой стороне, а Геренний искал Цицерона по дорожкам. Завидев приближавшегося Геренния, Цицерон велел своим носильщикам остановиться, запретил им защищать его, протянул голову с опущенных на землю носилок и обратился к Гереннию со словами: «Сюда, ветеран, и если ты хоть это хорошо умеешь, руби!» При виде изможденного тоской и заботами лица досточтимого престарелого мужа, при виде его спутанных волос, его взгляда, пристально устремленного на убийц, многие в толпе сыщиков закрыли лицо свое; но Геренний подошел, и от трех ударов голова упала.

Цицерон умер 7 декабря 43 г. почти 64 лет от роду. Убийцы принесли его голову и отрубленную руку Антонию в то время, когда он был на рынке в народном собрании. Он принял трофей с громкой радостью и заплатил убийцам 250 тыс. динариев, что составляло десятикратную цену за голову опального. После того как Фульвия, супруга Антония, с наглой насмешкой надругалась над ненавистной головой, а язык оратора проколола булавками, голова и рука, по приказу Антония, были выставлены напоказ на ораторской трибуне, с которой так часто раздавался против него голос убитого. От слез и горя люди едва могли поднять глаза, чтобы посмотреть на эти дорогие члены.

Так Цицерон, величайший оратор Рима, нашел трагический конец, после того как он незадолго перед тем, достигнув вновь вершины блеска и почета, с самоотверженным мужеством ратовал за свободу своего отечества, за

существование республики. За несколько месяцев до этого он в одной из своих филиппийских речей сказал: «Такова моя судьба, что я не могу ни победить без республики, ни быть побежденным без нее». Республика побеждена, и передовой боец ее лежит бездыханный. Конечно, нужна была бы сила свыше человеческой, чтобы спасти от гибели распадавшееся здание Римской республики, после того как республиканская доблесть исчезла из среды выродившегося поколения, а Цицерон, при всей доброй воле, не был сильным характером, не был великим государственным человеком. Благородной любви к отечеству никто в нем, разумеется, отрицать не станет; но ему недоставало политической прозорливости, твердой цели и непреклонной силы воли. Мгновенная опасность внушала ему, правда, мгновенное мужество, но только слишком скоро начинал он колебаться и тревожиться и думать о собственной безопасности. Поэтому его не без основания укоряют в изменчивости политической окраски. В начале своего поприща он примкнул к народу и к Помпею и старался выдвинуться этим путем; став консулом, он перешел на сторону аристократии, но вместе с тем поддерживал Помпея, ее тогдашнего противника. Затем он пристает к триумвирам Помпею и Цезарю, а когда последние рассорились, он сохраняет связи с обоими, обращается без достаточной решимости на сторону Помпея, входит в соглашение с Цезарем, победителем. После смерти Цезаря он ликует и делается передовым бойцом сената. Во всем этом, конечно, много непостоянства и неустойчивости; но нам не следует за это слишком строго судить его. Для того чтобы среди тогдашней смены обстоятельств, при беспорядочной борьбе партий и лиц неуклонно шествовать по одному пути, необходимы были пронизательный взгляд и сильная, могучая воля, которые даются немногим; и нет сомнения, что его благонамеренное стремление мириться и соглашаться, улаживать смуты, поддерживая существование государства, много способствовало тому, что он становился то на эту, то на другую сторону. Цицерон вообще был натура мягкая, раздражительная и подвижная, легко и скоро поддававшаяся напору противоположных настроений и ощущений; несамостоятельный и нетвердый в себе, он охотно

опирался на других, сообразуясь с их суждениями. Эти слабости мы ему прощаем, так как они не безусловно зависели от его воли; более однако, должны мы порицать его тщеславие и хвастливость. Но, помимо этого, характер Цицерона представляет много почтенных и привлекательных сторон. Нельзя не ценить высоко его нравственной безупречности в такое испорченное время, его умеренности в наслаждениях, его бескорыстия, нежной любви и заботливости к своему семейству, его склонности ко всему высокому и благородному; мы удивляемся его неустанной деятельности на пользу государства и друзей своих, неутомимому прилежанию, с которым он с молодых лет работал над своим образованием и в течение всей своей жизни разрабатывал науки, как из любви к умственной деятельности, так и ради службы своему народу и его славе. Как оратор, ученый и писатель он оказал своему народу величайшие услуги. Цезарь выразился о нем: «Его триумф и лавры великолепнее триумфов и лавров полководца, ибо он, расширив пределы римского духа, предпочтителен тому, кто расширил пределы римского господства». Смолоду он разнообразнейшими научными занятиями приобрел себе богатый запас познаний, и многостороннее умственное развитие обратил на пользу современников и потомства как путем ораторского искусства, в котором он достиг высшего совершенства, так и многочисленными сочинениями риторического и философского содержания. В то же время, соревнуясь с греками, научные сокровища которых перенесены им на почву Лациума, он редким мастерством в обращении с латинским языком оказал на разработку его такое влияние, что он во все времена почитался образцом классического изящества в латинской речи.

Цицерон был высокий, стройный, с длинной, тонкой шеей. Телосложения он был слабого, так что в молодости предполагали в нем расположение к чахотке; но умеренностью и тщательным уходом за собой он поддерживал и укреплял свое здоровье. Даже в старости он имел красивую и сановитую фигуру. Лицо обличало искусного, легко возбуждаемого оратора, умевшего каждую страсть выражать взглядом и видом, а на устах играла насмешливая улыбка. Он был занима-

Дом Цицерона в Тускуле

тельный и остроумный собеседник и любил веселое и приятное времяпровождение. От отца он наследовал небольшое состояние - поместье у Арпинума и дом в Риме в Каринах и денег столько, что он и брат его могли жить прилично. Впоследствии Цицерон стал богатым человеком; он приобрел большие суммы посредством женитьбы, посредством наследства и отказов, которые ему доставляла по большей части защита обвиняемых, — посредством обмена провинций с Антонием, посредством наместничества в Киликии и т. д. Это состояние он затрачивал на покупку поместий, на сооружение и отделку красиво расположенных вилл. В год после своего консульства он купил на Палатине за 31/2 млн. сестерций великолепный дворец, который сожжен был Клодием, но потом после изгнания был опять восстановлен Цицероном с пособием от государства в 2 млн. сестерций. Виллы приобрел Цицерон в Тускуле, у Анциума, Астуры, Формии, Кум, Путеоли, Помпеи. На все эти приобретения были им затрачены большие суммы, так как он не хотел отставать в этом отношении от аристократов. Вообще у него была страсть покупать и строиться, причем он часто упускал из виду положение своих средств, и потому нередко впадал в долги и в денежные затруднения. Этим неприятностям немало, по-видимому, способствовала его жена Теренция, тратившая деньги сверх меры. Цицерон долго жил с ней; в 46 г. он дал ей разводную и, чтобы поправить свои денежные дела, женился 62 лет от роду на молодой, красивой и богатой девушке по имени Публия, опекуном которой он был. Но брак этот не

был счастлив и был вскоре расторгнут. От первого брака Цицерон имел двоих детей, дочь Туллию и сына Марка. Он был привязан к ним самой искренней любовью, и в особенности к Туллии нежность его была необычайная. Она родилась в 76 г. и была сначала замужем за Л. Пизоном Фруги, честным человеком, после смерти которого (57 г.) она вышла за Фурия Крассипа, а затем в 51 г. — за 19-летнего П. Корнелия Долабеллу, распутного, расточительного человека, с которым она незадолго до своей смерти развелась. Она умерла в 45 г., и ее смерть повергла отца в беспредельную скорбь. «Конец мой пришел, — пишет он Аттику, — мой конец **пришел**, это я чувствовал давно, но теперь я признаюсь в этом, так как лишился единственного, что меня еще привязывало к жизни». Он искал утешения в тиши своей уединенной виллы на острове Астура и в занятии науками и на полгода удалился от света и от всякого общества. Сын его, М. Туллий, родившийся в 65 г., получил от отца самое тщательное воспитание. Он служил с отличием в войске Помпея во время Фарсальской битвы, учился затем с 45 г. в Афинах, где, к немалому огорчению отца, предался пьянству и распутству. Когда в 45 г. М. Брут явился в Афины, то он назначил молодого Цицерона начальником своей конницы, и в этой должности он оказал Бруту важные услуги. После смерти Брута он служил некоторое время под начальством С. Помпея и впоследствии примкнул к Октавиану, сделавшему его в 30 г. консулом. Когда во время его консульства в Рим пришла весть о смерти Антония, то он велел прибить об этом объявление к ораторской трибуне, где прежде Антоний выставил голову старика Цицерона. После своего консульства молодой Цицерон был проконсулом в Азии, затем легатом в Сирии. Его страсть к опьяняющим напиткам была, вероятно, причиной его преждевременной смерти. Он был последним представителем рода Цицерона.

СОДЕРЖАНИЕ

РИМ ВО ВРЕМЕНА ЦАРЕЙ	3
1. Люций Юний Брут	19
2. Публий Валерий Попликола	29
3. Менений Агриппа	38
4. Спурий Кассий Висцеллин	46
5. Кней Марций Кориолан	53
6. Публилий Валерон	61
7. Люций Квинкций Цинциннат	68
8. Аппий Клавдий и децемвиры	80
9. Марк Фурий Камилл	95
10. Марк Манлий Капитолийский	125
11. Марк Валерий Корв	131
12. Тит Манлий Торкват	145
13. Люций Папирий Курсор	158
14. Квинт Фабий Максим Руллиан	174
15. Маний Курий Дентат	192
16. Пирр, царь эфирский	198
17. Гай Фабриций Лусцин	215
ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА	221
18. Гай Марк Дуилий	229
19. Марк Аттилий Регул	233
20. Квинт Фабий Максим Кунктатор	242
21. Марк Клавдий Марцелл	253
22. Публий Корнелий Сципион Африканский Старший	269
23. Тит Квинкций Фламинин	292
24. Люций Эмилий Павл	302
25. Марк Порций Катон Старший	320
26. Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший	331
27. Тиберий Семпроний Гракх	352
28. Гай Семпроний Гракх	364
29. Гай Марий	376
30. Луций Корнелий Сулла	399
31. Квинт Серторий	417
32. Луций Лициний Лукулл	427
33. Гней Помпей Великий	449
34. Гай Юлий Цезарь	487
35. Гай Юлий Цезарь Октавиан Август	524
36. Марк Туллий Цицерон	550

Научно-популярное издание

Серия «Популярная историческая библиотека»

Штолль Г. В.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА В БИОГРАФИЯХ

Ответственный редактор *О. Ю. Иванова*

Дизайнер обложки *С. А. Сидоркин*

Технический редактор *Н. С. Малышева*

Корректор *Г. В. Петрова*

Издательство «Русич»:

«Книга-почтой»

214016, Смоленск, ул. Соболева, 7,

тел.: (08122) 9-15-96

Каталог высылается бесплатно

Подписано в печать с готовых диапозитивов 28.08.2003.

Формат 84 х Ю8'/з2- Гарнитура «Times ET».

Бумага типографская. Печать офсетная.

Объем 18 печ. листов.

Тираж 4000 экз. Зак. 1924.

«РУСИЧ». Лицензия ЛР № 040432 от 29.04.97.

214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

E-mail: rusic@keytown.com (редакция).

E-mail: salerus@keytown.com (отдел реализации).

При участии 000 «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.2002.

РБ, 220013, Минск, ул.- Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательство «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.